3 1761 06763880 9

J. 2

N1112

Ф. б. 10. г. N 120.
Мат. 1112 т. II

РУССКІЯ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/russkiiaiuridich02serg

Tv 6026.
4464

РУССКІЯ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ВЛАСТИ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ВѢЧЕ и КНЯЗЬ

590

В. Сергѣевича

заслуженаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28
1893

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 3 Л. 28
2079

K
S4845R8
1890
t.2

AUG
28
1984

Первый выпускъ второго тома Русскихъ юридическихъ древностей носитъ тоже заглавіе, какъ и наше изслѣдованіе, напечатанное въ 1867 году. Несмотря на это, мы не нашли возможнымъ назвать его вторымъ изданіемъ. Изъ десяти главъ, на которыя дѣлился нашъ старый трудъ, въ этотъ новый вошли только четыре главы первой книги: I, III, IV, VII-я и небольшая часть VI-ой. Такимъ образомъ, нынѣ издаваемый трудъ представляетъ лишь небольшую часть прежняго, и эта небольшая часть вся написана вновь, а нѣкоторые ея отдѣлы и по новому плану, и на новыя темы.

Издаваемая нынѣ книга, согласно составленному нами плану, должна была говорить еще о думѣ княжеской и объ отношеніи духовенства къ свѣт-

ской власти. Въ виду медленности, съ которой подвигается наша работа, мы рѣшили напечатать то, что уже сдѣлано.

12 апрѣля 1893 г.
С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Вѣче.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Гдѣ и когда было вѣче?

Общее свидѣтельство лѣтописи—1.

Свидѣтельства лѣтописи о вѣчевыхъ избраніяхъ во Владимірѣ-Волынскомъ—3, въ Кіевѣ—6, въ Полоцкѣ—8, въ Черниговѣ—13, въ городахъ Кіевской волости—14, въ Курскѣ—21, въ городахъ Ростовско-Суздальской волости—22, въ Рязанской волости—27, въ Смоленскѣ—31.

Время возникновенія вѣчевыхъ собраній—31.

Время ихъ прекращенія—34. Вѣчевыя собранія послѣ нашествія татаръ—35, борьба Москвы съ Новгородомъ—41, со Псковомъ—49.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣчевое устройство.

Вообще—51.

I. Составъ—52.

II. Время собраній и порядокъ созыва—55.

III. Мѣсто собраній—58.

IV. Порядокъ совѣщаній—60.

V. Порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній—63.

VI. Исполненіе вѣчевыхъ рѣшеній—72.

VII. Предметы вѣдомства—73.

1. Избраніе князя—73.
2. Рядъ съ княземъ—81.
3. Управленіе и судъ—93.

VIII. Мнѣніе о законныхъ и не законныхъ вѣчахъ и нѣкоторыя другія—97.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣчевая жизнь пригородовъ.

Участіе пригорожанъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ—104.

Вѣчевыя собранія въ пригородахъ—106.

Отношеніе пригородныхъ собраній къ собраніямъ главныхъ городовъ—107.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Владѣтельные князья.

I. Договорное право.

Время возникновенія договорныхъ отношеній—119.
Внѣшняя форма договоровъ—122. Ихъ содержаніе—129.

1. Неприкосновенность владѣній.

Термины—131. Невмѣшательство въ дѣла внутренняго управленія и суда—133. Опредѣленіе границъ владѣній—136.

2. Наслѣдственность владѣній.

Древнѣйшіе случаи признанія начала отчины—142. Признаніе этого начала въ договорахъ—146.

3. Братство князей.

Происхожденіе и значеніе братства князей—150. Преимущества старшаго брата—153. Старѣйшинство—155. Сыновство—163. Старѣйшины—165.

4. Условія союза единенія.

«Быти за одинъ»—169. «Не канчивати»—173. Зависимость однихъ князей отъ другихъ—176. Командованіе войскомъ—186.

II. Практическое значеніе договорнаго права.

Союзныя дѣйствія князей—190. Неисполненіе договоровъ и сложеніе клятвы—200. Война правомѣрная и война въ измѣну—205. Случаи установленія союзнаго суда—206.

III. Княжескіе съѣзды.

Ихъ составъ и дѣятельность—211.

IV. Конецъ договорнаго права.

Названные отцы—217. Подчиненіе удѣльныхъ князей великому, идущее изъ Орды—221. Низложеніе удѣльныхъ князей—225.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Распредѣленіе волостей между князьями.

Вообще—230.

I. Избраніе князей народомъ—231.

II. Начало отчины—233.

Образованіе линіи полоцкихъ князей—235, черниговскихъ—237, рязанскихъ—238, кіевскихъ—238, ихъ споръ съ черниговскими князьями—241, начало отчины въ Москвѣ—243.

III. Распоряженія владѣтельныхъ князей.

Ихъ сила—246. Отказы—сыновьямъ—249. Отказы другимъ родственникамъ—254.

IV. Начало старѣйшинства.

Мнѣніе Неволина—256.
Наслѣдственныя права старшаго брата—257.
Наслѣдственныя права дядей—262.

V. Заключеніе—291.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служебные князья.

Ихъ виды—302. Князья, не имѣвшіе никакихъ владѣній—303. Князья съ отчинами—307.

ГЛАВА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

Княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ съ точки зрѣнія теоріи родоваго быта.

Подчиненіе всѣхъ князей одному старшему въ родѣ—319. Лѣствичное восхожденіе—327.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Вѣче.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Гдѣ и когда было вѣче?

На поставленный въ названіи этой главы вопросъ лѣтописецъ конца XII вѣка, описавшій борьбу пригорода Владиміра со старшими городами, Ростовомъ и Суздалемъ, даетъ ясный и опредѣленный отвѣтъ:

«Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся; на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть». Лавр. и Сузд. 1176.

Вѣча собираются во всѣхъ волостяхъ. Они составляютъ думу волости. Рѣшенія, принятыя на вѣчѣ главными представителями волости, старшими городами, по общему правилу, принимаются къ исполненію и пригородами.

Таково свидѣтельство современника. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозрить его правдивость. Оно для насъ осо-

бенно важно по общности своего характера. Человѣкъ, описавшій борьбу новаго города со старыми, по всей вѣроятности, самъ принадлежалъ къ Ростовской волости; судя потому, что всѣ его симпатіи принадлежатъ Владиміру, можно думать, что онъ былъ жителемъ этого пригорода, а не старшихъ городовъ. Для этого жителя новаго города, обязаннаго своимъ возникновеніемъ и развитіемъ князьямъ, вѣчевой порядокъ не представляется особенностью Новгорода, Смоленска, Кіева, Полоцка, а является общимъ учрежденіемъ всѣхъ волостей; онъ есть достояніе и пригорода Владиміра. Но по отношенію къ этому послѣднему городу лѣтописецъ замѣчаетъ нѣкоторое извращеніе обычныхъ порядковъ. Вездѣ пригороды подчинялись рѣшеніямъ старшихъ городовъ; Владиміръ же не подчинился. Но такъ какъ, по мнѣнію лѣтописца, Владиміръ былъ правъ, то, при помощи Святой Богородицы, онъ и вышелъ побѣдителемъ изъ столкновенія со старшими городами.

Приведенное свидѣтельство свѣдущаго человѣка не остается одинокимъ въ нашихъ памятникахъ. Отъ XII вѣка и ближайшихъ къ нему годовъ смежныхъ столѣтій мы имѣемъ болѣе 50 частныхъ свидѣтельствъ о вѣчевой жизни древнихъ городовъ изъ всѣхъ концовъ тогдашней Россіи. По выразительности своей они далеко не одинаковы. Нѣкоторыя чрезвычайно кратки, состоятъ лишь изъ двухъ-трехъ словъ, сухо передающихъ результатъ вѣчевой думы, на дѣлѣ происходившей, можетъ быть, въ теченіе нѣсколькихъ дней и потребовавшей затраты многихъ силъ. Результатъ шумной, а можетъ быть и не безъ ссоры и драки закончившейся думы, кратко выражается словами: граждане отворили ворота князю,—затворились отъ князя,—послали за княземъ, цѣловали съ нимъ крестъ, — бились за него, предались князю, заключили съ нимъ миръ и т. д.

Приведемъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя извѣстія *).

*) Свидѣтельствъ о вѣчевой жизни въ городахъ Новогородской волости мы не приводимъ.

Въ 1097 году волынскій князь, Давыдъ Игоревичъ, сталъ подговаривать Святополка Михаила Кіевскаго къ нападенію на Василька Теребовльскаго. Онъ говорилъ ему, что Василько замышляетъ противъ него недоброе и хочетъ захватить принадлежащіе ему города, Туровъ и Пинскъ; въ предупрежденіе Давыдъ совѣтовалъ схватить Василька и выдать ему. Теребовльскій князь былъ дѣйствительно измѣннически лишенъ свободы и закованъ въ двойныя оковы. Но прежде чѣмъ рѣшиться на какія-либо дальнѣйшія дѣйствія, Святополкъ обратился съ вопросомъ къ народу:

«Наутрія же Святополкъ созва боляръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «брата ти убилъ (Василько), а на тя свѣчался съ Володимеромъ и хотять тя убити и грады твои заяти». И рѣша боляре и людье: «тобѣ, княже, доистоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да пріиметь Василко казнь; аще ли не право глагола Давыдъ, да пріиметь месть отъ Бога и отвѣчаеть предъ Богомъ». Лавр. 1097.

Ослѣпленіе Василька и послѣдовавшее затѣмъ нападеніе Давыда на его волость вызвало отпоръ со стороны обиженнаго и его родственниковъ. Василько и братъ его, Володарь Перемышльскій, сожгли городъ Всеволожь, перебили ни въ чемъ неповинныхъ жителей и приступили къ Владиміру, гдѣ затворился Давыдъ. Осаждающіе, до начала враждебныхъ дѣйствій, вступили въ чрезвычайно характерные переговоры съ владимірцами:

«И послаша къ володимерцемъ, разсказываетъ о нихъ лѣтописецъ, глаголя: вѣ не пріидоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, Туряка и на Лазаря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло. Да аще хощете за сихъ битися, да се мы готови; а любо дайте врагы наша». Гражане же, се слышавъ, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: «выдай мужи сія, не бьемъ ся за сихъ, а за тя битися можемъ; аще ли, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о себѣ». И неволя бысть выдати я. И рече Давыдъ: «нѣту ихъ здѣ, бѣ бо я послалъ Лучьску, онѣмъ же по-

шедшимъ Лучьску, Турякъ бѣжа Кыеву, а Лазарь и Василь воротистася Турійску». И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье на Давыда и рекоша: «выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемыся». Давыдъ же послався приведе Василя и Лазаря, и дасть я. И сотвориша миръ въ недѣлю. А заутра, по зори, повѣсиша Василя и Лазаря и растрѣляша стрѣлами Василковичи, и идоша отъ града». Лавр. 1097.

Здѣсь каждое слово знаменательно. Осаждающіе вступаютъ въ переговоры не съ княземъ, а съ народомъ, хотя князь въ городѣ. Народъ самъ собирается на вѣче и обращается къ своему князю съ требованіемъ выдать виновныхъ подъ угрозой, въ случаѣ отказа, перейти на сторону Василька. Давыдъ не говоритъ, что все это незаконныя дѣйствія, какъ утверждаютъ нѣкоторые современные намъ источники; а указываетъ только на невозможность исполнить волю народа потому, что требуемые люди не находятся въ городѣ. Князь называетъ и города, гдѣ скрылись виновники раздора. Двое изъ нихъ были въ Турійскѣ, городѣ подвластномъ Давыду. Народъ настоятельно повторяетъ требованіе выдачи и князь подчиняется.

Но и это извѣстіе чрезвычайно кратко. Оно передаетъ только результаты думы, а не самый ходъ совѣщанія. Читатель не видитъ, гдѣ собралось вѣче, кто присутствовалъ на немъ, кто и что говорилъ; происходило ли собраніе въ тишинѣ и спокойствіи, или былъ шумъ и гамъ, были побитые.

Подъ 1099 годомъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о вѣчѣ во Владимірѣ-Волынскомъ. Кіевскій князь Святополкъ-Михаилъ не обладалъ ни качествами правителя, ни добродѣтелями частнаго человѣка; у него не было ни твердости характера, ни вѣрности разъ данному слову. Онъ допустилъ Давыда схватить въ своемъ домѣ гостя своего, князя Василька, и ослѣпить его въ своемъ городѣ, въ 10 верстахъ отъ Кіева. Но когда другіе князья, переяславскіе и черниговскіе, возстали противъ этого измѣннического поступка и потребо-

вали, чтобы Святополкъ наказалъ Давыда. Святополкъ обратилъ оружіе противъ недавняго своего друга и совѣтника и осадилъ принадлежащій ему городъ, Владиміръ. Давыдъ не нашолъ возможнымъ бороться со Святополкомъ и сдалъ ему городъ, но только до перемѣны обстоятельствъ къ лучшему. Нѣсколько времени спустя, онъ заручился помощью половцевъ и осадилъ Владиміръ, гдѣ Святополкъ оставилъ сына своего, Мстислава. При первомъ приступѣ Мстиславъ былъ убитъ и возникъ трудный вопросъ, что дѣлать, сдаться прежнему князю, Давыду, или стоять за новаго, Святополка? Воины цѣлыхъ три дня скрывали отъ народа смерть своего предводителя.

«И въ четвертый день, говоритъ лѣтописецъ, повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: «се князь убіенъ; да аще ся вдамы, Святополкъ погубитъ ны вся». И послаша къ Святополку, глаголя: «се сынъ твой убіенъ, а мы изнемогаемъ гладомъ, да аще не придеши, хотятъ ся людье предати, не могуще глада терпѣти». Лавр. 1097, Воскр. 1099.

Положеніе города было чрезвычайно трудное. Князья ведутъ между собой борьбу, которая условливается исключительно своекорыстными разсчетами ихъ эгоистической политики. Интересы горожанъ тутъ ни причемъ. А между тѣмъ имъ непремѣнно придется отвѣчать передъ побѣдителемъ: дома ихъ будутъ пограблены и сожжены, женъ и дѣтей ихъ уведутъ въ плѣнъ. Въ виду такого исхода борьбы надо было стать на сторонѣ сильнѣйшаго; они это и дѣлаютъ. Святополкъ, который является исполнителемъ воли другихъ князей, сильнѣе Давыда. Но онъ можетъ запоздать помощью. Владимірцы предусматриваютъ и этотъ случай, а потому и говорятъ, что голодъ можетъ принудить ихъ къ сдачѣ. Такимъ образомъ, еслибы они сдались Давыду, а впослѣдствіи взялъ верхъ Святополкъ, у него отнимается основаніе къ преслѣдованію горожанъ: они сдались не изъ дружбы къ Давыду, а по крайней необходимости.

Записанное въ лѣтописи рѣшеніе думы, конечно, состоялось не сразу; на вѣчѣ, по всей вѣроятности, было не

мало споровъ. Но эта сторона дѣла, крайне для насъ интересная, вовсе не интересовала стараго лѣтописца и онъ опустилъ ее.

Ослѣпленіе Василька подало поводъ и еще къ одному народному собранію. Союзники Святополка пришли въ негодованіе при вѣсти объ ослѣпленіи и потребовали у него отвѣта. Объясненіе кіевскаго князя не удовлетворило ихъ, и они рѣшили напасть на него въ его стольномъ городѣ. Узнавъ объ этомъ, Святополкъ задумалъ бѣжать изъ Кіева. Тогда въ дѣло вмѣшались кіевскіе граждане. Положеніе ихъ было нисколько не лучше владимірцевъ въ только-что описанномъ случаѣ. Предметъ княжеской распри совершенно чуждъ ихъ интересамъ, а они, тѣмъ не менѣе, неизбѣжная жертва войны. Бѣгство Святополка ничему не помогло бы. Какъ и Давыдъ, онъ убѣжалъ бы только до перемѣны обстоятельствъ къ лучшему. Заручившись помощью друзей, своихъ и иноземцевъ, онъ пришелъ бы возвращать подъ свою власть Кіевъ. Дома кіевлянъ были бы сожжены, имущество разграблено. Кіевляне не хотѣли ждать этихъ обычныхъ послѣдствій княжескихъ распрей. Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ вмѣшательство ихъ въ ссору князей:

«Наутрія же хотящимъ (Владиміру Мономаху и Давыду и Олегу Святославичамъ) чрезъ Днѣпръ на Святополка; Святополкъ же хотѣ побѣгнути изъ Кіева. Не даша ему кыяне, но послаша Всеволожюю и митрополита Николу къ Володимеру, глаголюще: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ поборюще по Русьскѣй земли, ины земли пріискиваху; а вы хочете погубити землю Русьскую». Лавр. 1097.

Результатомъ этого посольства было заключеніе мира, по которому Святополкъ принялъ на себя наказаніе Давыда.

Это извѣстіе короче всѣхъ предшествующихъ. Лѣтопи-

сецъ приводитъ только рѣшеніе кіевлянъ, не упоминая даже, что они собрались на думу *).

Первое характерное извѣстіе о вѣчевой дѣятельности въ XII вѣкѣ относится къ 1112 году. Весною этого года, послѣ Пасхи, скончался кіевскій князь Святополкъ-Михаилъ и возникъ вопросъ о замѣщеніи его стола.

«Наутрія же, въ семы на десятый день, говоритъ лѣтописецъ, съвѣтъ створиша кіяне, послаша къ Володимеру, глаголюще: «пойди, княже, на столъ отенъ и дѣденъ». Се слышавъ Володимеръ плакася велми и не пойде, жаля си по братѣ. Кіяни же разграбиша дворъ Путятинъ, тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я. И послашася паки кіяне къ Володимеру, глаголюще: пойди, княже, Кіеву; аще ли не пойдеши, то вѣси, яко много зла уздвигнеться, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцьскихъ, но и жиды грабити, и паки ти пойдуть на ятровь твою, и на бояры, и на монастыри, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, оже ти монастырѣ разграбять». Се же слышавъ Володимеръ, пойде въ Кіевъ». Ипат. 1113.

Въ этомъ извѣстіи совершенно ясно призваніе кіевлянами Владиміра Мономаха, его отказъ, новое приглашеніе и принятіе княземъ кіевскаго стола. Но почему Владиміръ сперва отказался и причемъ тутъ грабежъ и угроза ограбить невѣстку князя, бояръ и даже монастыри?

Владиміръ отказался принять кіевскую волость по первому приглашенію, конечно, не изъ жалости къ умершему двоюродному брату, а потому, что на основаніи Любецкаго договора онъ не долженъ былъ занимать Кіева. Грабежъ по смерти князя его двора и дворовъ близкихъ ему людей составляетъ довольно обыкновенное явленіе въ томъ случаѣ, когда князь былъ не любимъ народомъ. Но здѣсь грабежъ выходитъ за предѣлы неудовольствія умершимъ княземъ и приводится въ связь съ отказомъ Владиміра сѣсть на кіев-

*) Еще имѣемъ краткія извѣстія о дѣятельности вѣча въ XI вѣкѣ для слѣдующихъ городовъ: Минска, 1067, Воскр., Луцка, 1085, Лавр., Переяславля южнаго, 1096, Лавр., Рязани и Мурома, 1096, Лавр., Смоленска, 1096, Лавр.

скомъ столѣ. Надо полагать, что отказъ Владиміра отъ Кіева былъ рѣшительный. Это и понятно: въ 1097 году онъ цѣловалъ крестъ предъ своими двоюродными братьями и племянниками не занимать Кіева. Чтобы заставить его нарушить это крестное цѣлованіе, кіевляне и рисуютъ ему картину анархіи, имѣющей послѣдовать въ случаѣ его отказа отъ народнаго избранія. Владиміръ Мономахъ занимаетъ Кіевъ по крайней необходимости. Въ этомъ оправданіе его въ нарушеніи добровольно принятаго на себя обязательства. Такимъ образомъ, въ силу народной воли, утвердилось въ Кіевѣ потомство третьяго сына Ярослава Владиміровича.

Слѣдующее затѣмъ крупное извѣстіе относится къ 1127 году и принадлежитъ полоцкой исторіи. Лѣтописецъ, описавъ нападеніе кіевскаго князя, Мстислава Владиміровича, съ союзниками на полоцкихъ кривичей, заключаетъ свой разсказъ слѣдующимъ извѣстіемъ о Полоцкѣ:

«И тако Полочане сътснувшиси выгнаша Давыда и съ сынъми и поемше Рогволода идоша къ Мстиславу, просяще ѝ собѣ княземъ. И створи волю ихъ Мстиславъ. И поимше Роговолода ведоша ѝ Полотьскy». Лавр.

Этимъ краткимъ извѣстіемъ и ограничивается сообщеніе лѣтописца о весьма крупномъ переворотѣ, о причинахъ котораго онъ не нашелъ нужнымъ сказать и одного слова. Полочане выгнали своего князя и замѣнили его другимъ. Этотъ, на нашъ взглядъ, беззаконный и революціонный поступокъ былъ одобренъ могущественнымъ княземъ Кіевской волости, Мстиславомъ Великимъ. Какъ это могло случиться? Скупой на слово лѣтописецъ не только не объясняетъ этого, онъ даже не находитъ нужнымъ сказать, что въ Полоцкѣ собралось вѣче и разсуждало о перемѣнѣ князя. Причина переворота заключается, надо думать, во враждѣ кіевскаго князя съ князьями кривичей; этой враждой, конечно, и былъ вызванъ походъ Мстислава въ землю кривичей. Чтобы устранить причину къ войнѣ, Полочане изгоняютъ прежняго князя и сажаютъ на его мѣсто новаго, на избраніе котораго со-

изволяетъ сильный сосѣдъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ волостяхъ, народъ старается приспособиться къ княжескимъ усобицамъ. Найти золотую середину ему, однако, не удалось ни въ Полоцкѣ, ни въ другихъ мѣстахъ.

Въ половинѣ XII вѣка княжилъ въ Полоцкѣ Рогволодъ Борисовичъ, племянникъ Рогволода, о которомъ только-что была рѣчь. Въ 1151 году онъ чѣмъ-то не угодилъ полочанамъ и былъ свергнутъ и замѣненъ другимъ княземъ. Вотъ краткій разсказъ лѣтописца объ этомъ новомъ переворотѣ, также одобренномъ однимъ изъ сосѣднихъ князей, Святославомъ Ольговичемъ черниговскимъ.

«Томь же лѣтѣ яша полочане Роговолода Борисовича, князя своего, и послаша Мѣньску и ту и держаша у величѣ нужи, а Глѣбовича (надо полагать Ростислава, двоюроднаго брата Рогволода) собѣ увѣдоша. И послашася полотьчане къ Святославу Ольговичю съ любовью, яко имѣти отцомъ собѣ и ходити въ послушаньи его; и на томъ цѣловаша хрестъ». Ипат.

Мы очень далеко ушли отъ XII вѣка и событія этого времени кажутся намъ мало понятными. Полочане такъ легко мѣняютъ своихъ князей, какъ будто бы дѣло шло о перемѣнѣ кого-нибудь изъ мелкихъ должностныхъ лицъ. Какое участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ Святославъ Ольговичъ,— еще менѣе ясно, чѣмъ участіе Мстислава Владиміровича въ событіяхъ 1127 года. Святославъ Ольговичъ не былъ во враждѣ съ Рогволодомъ. По освобожденіи изъ заключенія, Рогволодъ нашелъ даже пріютъ у Святослава; а въ 1159 году Святославъ оказалъ помощь Рогволоду въ пріисканіи новой волости. Ясно только то, что Святославъ въ революціонномъ, на нашъ взглядъ, поступкѣ полочанъ ничего не видитъ революціоннаго и принимаетъ ихъ, какъ почтительныхъ дѣтей, подъ свое покровительство, не смотря на опасный примѣръ неповиновенія. Нельзя же отрицать что практика полочанъ могла подѣйствовать заразительно и на собственныхъ подданныхъ Святослава. Были, конечно, доста-

точныя причины, которыя заставляли князей терпѣть такіе порядки и даже одобрять ихъ.

Что же касается полочанъ, то ихъ поведеніе легко объясняется непостоянствомъ народной любви и ненависти. Испыталъ на себѣ это непостоянство и Рогволодъ: въ сороковыхъ годахъ онъ посаженъ былъ на столъ полочанами, въ 1151 изгнанъ, а въ 1159 снова призванъ съ радостью. Мы приведемъ цѣликомъ все мѣсто лѣтописи, относящееся къ этому второму призванію. Въ немъ встрѣчается указаніе на вѣчевую жизнь и другого города полоцкой волости, Друцка. Оно во многихъ отношеніяхъ знаменательно.

«Томъ же лѣтъ иде Рогъволодъ Борисовичъ отъ Святослава отъ Ольговича искать собѣ волости, поемь полкъ Святославль, зане не сотвориша милости ему братья его, вземше подъ нимъ волость его и жизнь его всю. И пріѣхавъ къ Случьску, и нача слатися ко дрьючаномъ. Дрьючане же ради быша ему, и пріѣздяче къ нему вабяхуть и къ собѣ, рекуче: «поѣди, княже, не стряпай, ради есме тобе; аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради ся бьемъ за тя». И выѣхаша противу ему болѣе 300 лодій дрючанъ и полчанъ, и вниде въ городъ съ честью великою, и ради быша ему людіе; а Глѣба Ростиславича выгнаша и дворъ его разграбиша горожане и дружину его. И приде же Глѣбъ ко отцю (въ Полоцкъ). И мятежь бысть великъ въ городѣ, въ полчанѣхъ, мнози бо хотяху Рогъволода. Одва же установи людіе Ростиславъ, и одаривъ многими дармы и води я къ хресту, а самъ иде съ Всеволодомъ и съ Володаремъ и съ всею братьею на Рогъволода къ Дрьютьску. Рогъволодъ же затворися въ городѣ, и бьяхуться крѣпко и много отъ обоихъ падаху, дрьючане же укаривахуть много. И створи миръ Ростиславъ съ Рогъволодомъ и цѣловаша хрестъ межи собою, и прида волости Рогъволоду. И воротися Ростиславъ съ братіею въ свояси. Томъ же лѣтѣ съвѣтъ золъ свѣщаша на князя своего полочане, на Ростислава на Глѣбовича, и тако преступиша хрестное цѣлованіе. На то бо цѣловали бяше хрестъ къ нему, яко ты намъ князь еси и дай ны Богъ съ тобою пожити, извѣта никакого же до тебе доложити и до хрестного цѣлованія. И тако съ ступиша еже рекше, и послашася въ тайнѣ къ Рогъволоду Борисовичю Дрьютьску, рекуче ему: «княже

нашь съгрѣшили есть къ Богу и къ тобѣ, оже въстахомъ на тя безъ вины и жизнь твою всю разграбихомъ и твоея дружины, а самого емше выдахомъ тя Глѣбовичемъ на великую муку; да аще ны не помянеши всего того, иже створихомъ своимъ безумiемъ, и хрестъ къ намъ цѣлуеши, то мы людiе твоѣ, а ты еси нашь князъ; а Ростислава ти, емше, вдамы въ ручѣ, а еже хощеши, то створиши ему». Рогъволодъ же цѣлова къ нимъ хрестъ на томъ, яко не помянути ему всего того, и отпусти я въ свояси. И бяху пріятеле Ростиславу отъ полцанъ, оже хотять и яти. И начаша Ростислава звати льстью у братьщину къ святѣ Богородици къ Старѣй, на Петровъ день, да ту имуть и. Онъ же ѣха къ нимъ, изволочивъ ся въ бронѣ подъ порты, и не смѣша на нь дьрзнути. Наутрiи же день начаша и вабити къ собѣ, рекуче: «Княже! поѣди къ намъ, суть ны съ тобою рѣчи; поѣди же къ намъ въ городъ», бяшять бо князь въ то веремя на Бѣлциди. И рече Ростиславъ посломъ: «а вчера есмь у васъ былъ, а чему есте не молвили ко мнѣ, а что вы было рѣчи?» Обаче безъ всякого извѣта ѣха къ нимъ у городъ. И се погна изъ города дѣтьскiй его противу ему: «не ѣзди, княже, вѣче ти въ городѣ, а дружину ти избивають, а тебе хотять яти». И ту воротися опять и съвъкупися весь съ дружиною на Бѣлчици, и оттуда пойде полкомъ къ брату къ Володареви Мѣньску, и много зла створи волости Полотьской, воюя, и скоты, и челядью. И послашася полчане по Рогволода Дрьютьску, и вниде Рогволодъ Полотьску мѣсяца iюля, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего съ честью великою. И таки быша ради полочане.» Ипат.

Рогволодъ, изгнанный въ 1151 году изъ Полоцка и не получившiй ничего отъ родственниковъ, которые завладѣли всѣмъ его имуществомъ, рѣшается, въ 1159 году, самъ поискать себѣ волости. Онъ входитъ въ сношенiе съ дрючанами, несмотря на то, что у нихъ не было недостатка въ князѣ Друцкъ принадлежалъ къ Полоцкому княжеству и имѣлъ посадника въ лицѣ сына полоцкаго князя, Глѣба Ростиславича. Лѣтописецъ не объясняетъ мотивовъ, которыми руководились дрючане; онъ говоритъ только, что они рады были предложенiю Рогволода и стали звать его къ себѣ въ качествѣ самостоятельнаго князя. Рогволодъ вошелъ въ

городъ, а Глѣбъ бѣжалъ къ отцу въ Полоцкъ. Полоцкое княженіе распалось, такимъ образомъ, на двѣ части, которыя и вступили немедленно въ войну между собой. Рогволодъ не хотѣлъ терпѣть умаленія своихъ владѣній и пошелъ со всѣми братьями на Рогволода къ Друцку. Но дрючане оказали своему новому князю такую энергическую поддержку, что Ростиславъ вынужденъ былъ не только заключить съ противникомъ миръ, но и увеличить его владѣнія. Раздѣленіе Полоцкаго княженія было, такимъ образомъ, признано и полоцкимъ княземъ.

Что же происходило въ это время въ главномъ городѣ волости, въ Полоцкѣ? Рогволодъ имѣлъ приверженцевъ и среди полочанъ; они соединились съ дрючанами и помогли ему утвердиться у нихъ въ городѣ. Послѣ замиренія Ростислава съ Рогволодомъ, они собрали вѣче въ Полоцкѣ и склонили полочанъ передать власть Рогволоду, а своего князя выдать ему въ полное распоряженіе. Ростиславъ ушелъ изъ Полоцка, воюя волость, а Рогволодъ сѣлъ съ великою честью на столѣ дѣда и отца.

Мотивовъ низложенія одного князя и призванія другого лѣтописецъ не приводитъ. Съ нѣкоторою подробностью онъ останавливается лишь на раскаяніи полочанъ по поводу изгнанія Рогволода въ 1151 году и приводитъ любопытнѣйшую черту: полочане горюютъ о томъ, что возстали на Рогволода, ограбили его и выдали Глѣбовичамъ (вновь призванному тогда князю, Ростиславу, и его братьямъ) на великую муку безъ всякой вины съ его стороны. Отсюда слѣдуетъ, что, по мнѣнію полочанъ, князь можетъ быть виноватъ; изгнаніе его въ этомъ случаѣ есть уже не бунтъ, а актъ правосудія.

Описанныя тревожныя событія протекали не въ молчаніи, дѣйствующія лица постоянно обмѣнивались мыслями. Тутъ, конечно, высказывались и мотивы, почему одни были за Рогволода, другіе за Ростислава. Но все это мало занимало лѣтописца. Онъ сохранилъ только намекъ на этотъ живой

обмѣнъ мыслей: во время осады Друцка, дрючане много укоряли осаждавшихъ. Недовольство Ростиславомъ обнаружилось въ Полоцкѣ, какъ только Рогволодъ занялъ Друцкъ. Что же дѣлаетъ Ростиславъ? Беретъ подъ свою стражу недовольныхъ и предаетъ ихъ суду, какъ бы слѣдовало? Нѣтъ, онъ успокоиваетъ ихъ подарками и приводитъ ко кресту, т.-е., довольствуется клятвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности.

За полоцкими извѣстіями приведемъ слѣдующія по времени извѣстія о городахъ черниговскихъ и кіевскихъ. Сообщенія лѣтописца о рѣшеніяхъ народныхъ думъ вызываются и здѣсь повѣствованіями о княжескихъ усобицахъ.

Предпріимчивый черниговскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, еще при жизни кіевскаго князя, Ярополка, простиралъ свои замыслы на Кіевъ. Въ 1138 году онъ задумалъ походъ въ Кіевскую волость и заручился уже помощью половцевъ. Ярополкъ кіевскій, чтобы предупредить разореніе своей земли, поспѣшилъ двинуться во главѣ многочисленнаго войска къ Чернигову. Съ нимъ шли, кромѣ кіевлянъ, переяславцы, владимірцы, туровцы, ростовцы, полочане, смолняне, галичане, угры и берендѣи. Черниговцы не могли одолѣть такой силы и поспѣшили къ своему князю съ совѣтомъ въ слѣдующей формѣ:

«И людье, черниговци, возпиша ко Всеволоду: «Ты надѣешися бѣжати въ Половцѣ, а волость свою погубиши, то къ чему ся опять воротишь? Луче того, останися высокоумья своего и проси мира. Мы бо вѣмы милосердье Ярополче, яко не радуется кровопролитью, но Бога ради восхощеть мира, то бо соблюдаеть землю Русскую».

Въ этомъ совѣтѣ слышится наставленіе и упрекъ, слышится и раздраженіе. Что же дѣлаетъ князь?

«Всеволодъ же то слышавъ, продолжаетъ лѣтописецъ, яко смысленъ сый, вниде въ ся и рече: «луче есть смиритися, Бога ради». И посла съ покореньемъ къ Ярополку, испроси миръ, и цѣловаше честный крестъ, и сотвориша миръ, и разидошася славяще Бога». Лавр. 1138.

Въ 1139 году, по смерти Ярополка, Всеволоду удалось,

наконецъ, занять кіевскій столъ. Но онъ не довольствовался распространеніемъ своей личной власти, онъ хотѣлъ чтобы и послѣ его смерти кіевское княженіе оставалось подъ властью черниговскихъ князей. Достигнуть этого безъ согласія народа было невозможно, а потому онъ и вступилъ въ переговоры съ кіевлянами. Описаніе этихъ переговоровъ и послѣдовавшихъ затѣмъ событій даетъ чрезвычайно любопытную страничку изъ исторіи вѣчеваго быта первой половины XII вѣка. Подъ 1146 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ:

«Всеволодъ же пришедъ въ Кіевъ разболися; и посла по брата своего по Игоря и по Святослава; и бысть вельми боленъ, и ста подъ Вышегородомъ, въ островѣ. И Всеволодъ призва къ себѣ кіяне и нача молвити: «азъ есми велми боленъ, а се вы братъ мой, Игорь, имитесь по нь». Они же рекоша: «княже! ради, ся имемъ». И пояша Игоря въ Кіевъ; иде съ ними подъ Угорьскій и съзва кіяне вси. Они же вси цѣловаша къ нему крестъ, рекуче: «ты намъ князь» и яша ся по нь льстью. Заутріи же день ѣха Игорь Вышегороду, и цѣловаша къ нему хрестъ вышегородьцѣ. Въ утрій же день преставися Всеволодъ, мѣсяца августа въ 1 день, и спрятавше тѣло его, и положиша у церкви святого мученику».

«Игорь же ѣха Кіеву и созва кіяне вси на гору, на Ярославль дворъ, и цѣловаша къ нему хрестъ. И паки скопишася вси кіяне у Туровы божьницѣ и послаша по Игоря рекуче: «княже! поѣди къ намъ». Игорь же, поемъ брата своего, Святослава, и ѣха къ нимъ, и ста съ дружиною своею, а брата своего, Святослава, посла къ нимъ у вѣчѣ. И почаша кіяне складывати вину на тіуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другого тивуна на вышегородьскаго, на Тудора, рекуче: «Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ—Вышегородъ; а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будеть обида, то ты прави». Святославъ же рече имъ: «азъ цѣлую крестъ съ братомъ своимъ, яко не будеть вы насилья ни котораго же, а се вамъ и тіунъ, а по вашей воли». Святославъ же, съсѣдъ съ коня, и на томъ цѣлова хрестъ къ нимъ у вѣчи. Кіяне же вси, съсѣдше съ конь, начаша молвити: «братъ твой князь и ты», и на томъ цѣловаша вси кіяне хрестъ и съ дѣтьми, оже подъ Игоремъ не льстити и подъ Святославомъ. И Святославъ поима лутшѣи мужѣ, кіяне, и ѣха

съ ними къ брату своему, Игореви, и рече: «братє! на томъ азъ цѣловалъ къ нимъ хрестъ, оже ти я имѣти въ правду и любити. Игорь же, съсѣдъ съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли и на братьни, ѣха на обѣдъ». Ипат.

Въ приведенномъ извѣстіи различено собраніе всѣхъ кіянъ и не всѣхъ. Всѣ собираются въ Кіевѣ, подъ Угорскимъ, на Ярославовомъ дворѣ и у Туровой божницы. Подъ Вышегородомъ, конечно, не могли быть собраны всѣ кіяне; туда пріѣхали, по всей вѣроятности, только лучшіе люди. Но это были предварительные переговоры. Кіевляне, въ нихъ участвовавшіе, не считали ихъ окончательными. Они повели Игоря въ Кіевъ, гдѣ были уже собраны всѣ. Пока живъ былъ Всеволодъ, кіевляне могли только обѣщать Игорю, что признаютъ его княземъ по смерти Всеволода. Поэтому, когда Всеволодъ умеръ, потребовалось новое вѣче, на которомъ Игорь и былъ признанъ княземъ. За этимъ признаніемъ Игоря княземъ послѣдовало третье вѣче, созванное не княземъ, а народомъ, на которое былъ приглашенъ и князь. Князь не усмотрѣлъ въ этомъ самовольномъ собраніи незаконнаго вѣча, послалъ на него брата въ качествѣ своего представителя и принялъ тѣ условія, которыя были ему предложены этимъ собраніемъ.

Лица, принимавшія участіе въ этомъ послѣднемъ вѣчѣ, созванномъ у Туровой божницы, сидѣли на коняхъ во все время преній. Они сошли съ нихъ только тогда, когда дѣло дошло до скрѣпленія принятыхъ рѣшеній крестнымъ цѣлованіемъ.

Игорь не довольствуется вѣчемъ кіевлянъ, а находитъ еще нужнымъ собрать вѣче въ кіевскомъ пригородѣ, Вышгородѣ, чтобы получить признаніе и со стороны вышгородцевъ.

Наконецъ, еще любопытная черта. Кіевляне какъ-то плохо различаютъ Игоря и его уполномоченнаго, Святослава. Всеволодъ предложилъ имъ въ князья одного Игоря, а на послѣднемъ собраніи они признаютъ двухъ князей, Игоря

и Святослава. Съ нашей точки зрѣнія на князя, какъ на монарха, это непонятно. Но у кіевлянъ, очевидно, была какая-то другая точка зрѣнія. Они возлагаютъ на князя обязанность—судить ихъ обиды лично. Князь—должностное лицо; а должностныхъ лицъ можетъ быть и нѣсколько.

Въ безыскусственномъ разсказѣ лѣтописца, въ которомъ личность разсказчика не даетъ себя чувствовать, встрѣчается, однако, одно словечко, свидѣтельствующее о мысляхъ, волновавшихъ автора. Онъ говоритъ, что кіевляне лестью цѣловали крестъ Игорю. Это замѣчаніе вырвалось у него, конечно, подъ вліяніемъ извѣстныхъ уже ему позднѣйшихъ событій.

Нѣтъ основанія думать, что кіевляне были устойчивѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, чѣмъ полочане, или какая-либо иная народная масса. Въ настоящемъ же случаѣ привзошло еще особое обстоятельство, которое должно было очень способствовать къ измѣненію принятаго кіевлянами рѣшенія. У нихъ были среди князей свои любимцы. Это владимірово племя, потомки Владиміра Мономаха, которому въ началѣ столѣтія они предоставили Кіевское княженіе. Изяславъ, внукъ Мономаха и сынъ кіевскаго князя, Мстислава, много способствовавшаго развитію кіевской силы, былъ на лицо. При жизни Всеволода онъ состоялъ съ нимъ въ союзѣ и по договору отказался отъ Кіева въ пользу Всеволода и его брата, Игоря. Игорь положительно это утверждаетъ: «Изяславъ, говоритъ онъ, цѣловалъ къ нама крестъ, яко не подзрѣти Кіева». Ипат. 23—24. Поэтому, Всеволодъ, вознамѣрившись передать Кіевъ Игорю, обратился къ Изяславу съ вопросомъ,—стоитъ ли онъ на крестномъ цѣлованіи Игорю? Изяславъ отвѣчалъ, что стоитъ. Но когда, по смерти Всеволода, Игорь повторилъ этотъ вопросъ, Изяславъ не далъ отвѣта и задержалъ его посла. Весьма вѣроятно, что Изяславъ въ это время былъ уже въ сношеніяхъ съ своими сторонниками въ Кіевѣ. Этимъ и надо объяснять поворотъ въ мнѣніяхъ кіевлянъ, совершившійся послѣ клятвы ихъ Игорю. Думать же, что они согласились

на предложеніе Всеволода и цѣловали крестъ Игорю «льстиво», т. е. съ намѣреніемъ не исполнять цѣлованія,— нѣтъ основанія. Если бы у нихъ было такое намѣреніе, не было бы надобности имъ самимъ созывать вѣче у Туровой божницы и входить съ Игоремъ въ соглашеніе относительно порядка княженія.

Послѣ вступленія Игоря на кіевскій столъ, настроеніе кіевлянъ перемѣнилось, они нарушили данное Игорю и Святославу обѣщаніе и послали за Изяславомъ Мстиславичемъ. Разсказъ лѣтописца объ этомъ фактѣ чрезвычайно кратокъ. Онъ скрылъ отъ насъ всю внутреннюю сторону дѣла, всѣ предварительные переговоры и споры, безъ которыхъ, конечно, не могли обойтись, и ограничился передачей сухого результата:

«И не угоденъ бысть кіянамъ Игорь, говоритъ онъ, и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: «пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебе». Изяславъ же, се слышавъ, совъкупи воя своя, пойде на нь изъ Переяславля, вземъ молитву у святого Михаила, у епископа у Еѳимья.... И поиде Изяславъ къ Дерновому, и ту..... прислашась къ нему бѣлогородьчи и василевци такоже рекуче: «пойди, ты нашь князь, поѣди, Ольговичь не хочемъ». Томъ мѣстѣ пріѣхаша отъ кіянъ мужи, нарекуче: «ты нашь князь, поѣди. Ольговичь не хочемъ быти акы въ задничи, кдѣ узримъ стягъ твой, ту и мы съ тобою готови есмь». Ипат. 1146.

Но и въ этомъ краткомъ сообщеніи есть характерныя черты. Призваніе Изяслава не есть дѣло только главнаго города. Пригороды, Бѣлгородъ и Васильевъ, самостоятельно выступаютъ съ собственнымъ своимъ приглашеніемъ, а не исполняютъ только приговоръ старшаго города.

Приводится и мотивъ невѣрности Игорю: «не хочемъ быти акы въ задничи», т. е. кіевляне не хотятъ переходить отъ брата къ брату въ порядкѣ гражданскаго наслѣдства, какъ частная собственность.

Игорь и Святославъ не желали, однако, отказываться отъ Кіева и приготовились къ битвѣ. Но имъ измѣнили даже ближайшіе и довѣреннѣйшіе люди, тысяцкій Улѣбъ, Иванъ

Войтишичъ и Лазарь Саковскій, пользовавшіеся милостями и покойнаго князя Всеволода. Благодаря этому, Ольговичи были разбиты, Игорь взятъ въ плѣнъ; Святославу же удалось бѣжать. Побѣдители обратили свое оружіе противъ владѣній побѣжденныхъ. Въ томъ же году союзники Изяслава подступили къ городу Святослава Ольговича, Путивлю. Не смотря на то, что въ городѣ былъ посадникъ Святослава, граждане ведутъ дѣло обороны сами и осаждающіе вступаютъ въ переговоры съ ними непосредственно, а не съ посадникомъ. Вотъ разсказъ лѣтописца.

«Итако приступиша къ граду, говоритъ онъ о союзникахъ Изяслава, Изяславѣ и Владимірѣ Давыдовичахъ. И не вдашася имъ путивлечи, дондеже приде Изяславъ съ силою кіевскою. Онѣмъ же крѣпко бьющимъся съ града, поѣхаста Давыдовича и рѣкоста имъ: «не бейтеся, цѣлуемы на томъ святою Богородицею, оже не дати васъ на полонъ». Они же не вдашась имъ. И приде Изяславъ Мьстиславовичь съ полкы своими къ нимъ; они же выслашась къ Изяславу Мьстиславичю и поклонишась ему, и тако рекоша: «тебе есмы ждали, княже, а цѣлуй къ намъ хрестъ». Изяславъ же цѣлова къ нимъ хрестъ и посадника ихъ выведе, а своего у нихъ посади». Ипат. 1146.

Изгнанные Ольговичи нашли себѣ энергическаго союзника въ лицѣ дяди Изяслава Мстиславича, суздальскаго князя Юрія, который принялъ подъ свою защиту Игоря и соправителя его Святослава. Повѣствованіе о борьбѣ Изяслава съ Юріемъ даетъ лѣтописцу поводъ къ одному изъ самыхъ подробныхъ описаній вѣчевыхъ совѣщаній, какія только сохранила лѣтопись. Въ 1147 году союзники Изяслава, черниговскіе князья, Давыдовичи, прислали къ нему приглашеніе выступить противъ Юрія.

«Изяславъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, созва бояры своя и всю дружину свою и (Воскр.) кіяне, и рече имъ: «се есмъ съ братіею своею сгадалъ, съ Володимеромъ и съ Изяславомъ Давыдовичами и съ Всеволодичемъ Святославомъ, хочемъ пойти на Юрія, на стрыя своего, и на Святослава, къ Суздалю, зане же пріялъ ворога моего, Свято-

слава Олговича. А братъ Ростиславъ тамо ся съ нами соиметь, ать идеть ко мнѣ съ смолняны и съ новгородци». Кіяне же слышавше рекоша: «княже! не ходи съ Ростиславомъ на стрья своего, лѣплѣ ся съ нимъ улади; Олговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь». Изяславъ же рече имъ: «цѣловали ко мнѣ хрестъ, а думу еси съ ними думалъ, а всяко сего пути нехочю отложити; а вы доспѣвайте». Кіяне же рекоша: «княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя рукы възняти; олня же Олговичь хотя и съ дѣтми». Изяславъ же рече имъ: «а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ». И то рекъ, съ въкупи множество вой и пойде». Ипат. 1147.

На совѣщаніе были призваны княжескіе бояре, вся дружина и кіевляне, а участіе въ преніяхъ принимаютъ только князь и кіевляне. Надо полагать, что соглашеніе съ приближенными боярами и дружиной уже состоялось и въ настоящемъ случаѣ дѣло шло лишь объ убѣжденіи народа помочь князю. Цѣль эта не была достигнута. Кіевляне рѣшительно отказались идти противъ Владимірова племени и предостерегали князя отъ довѣрія къ черниговскимъ князьямъ. Изяславъ не послушалъ ихъ. Онъ обратился къ охотникамъ и съ ихъ помощью пошелъ противъ дяди, оставивъ брата своего, Владиміра, въ Кіевѣ.

Но недовѣріе кіевлянъ къ Давыдовичамъ оправдалось; они измѣнили Изяславу и положеніе его оказалось крайне опаснымъ. Помощь кіевлянъ была ему теперь болѣе необходима, чѣмъ когда-либо прежде. Изяславъ рѣшилъ снова обратиться къ нимъ и отправилъ съ этою цѣлью двухъ пословъ въ Кіевъ. По поводу пріѣзда этихъ пословъ лѣтописецъ и рисуетъ единственную въ своемъ родѣ картину вѣчеваго собранія.

«Изяславъ же, разсказываетъ онъ, передъ собою посла къ брату Кыеву, къ Владимеру, и къ Лазареви тысячскому два мужа, Добрынку и Радила, рекъ: брате! ѣди къ митрополиту, и съзови княны вся, ать молвита си мужа лесть черниговскыхъ князій». И ѣха Володимеръ къ митрополиту, повабя кыяны. И придоша кыянъ много множество народа, и сѣдоша у святое Софьи. И рече Володимеръ

къ митрополиту: «се прислалъ братъ мой два мужа кыянины, ато молвятъ братьѣ своей». И выступи Добрынка и Радила и рекоста: «цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся поклонялъ, и Лазаря цѣловалъ и кыяны всѣ». Рекоша кыяне: «молвита, съ чимъ васъ князь прислалъ». Онъ же рекоста: «Тако молвитъ князь. Цѣловала ко мнѣ крестъ Давыдовича и Святославъ Всеволодичъ, ему же азъ много добра створихъ, а нонѣ хотѣли мя убити лестью, но Богъ заступилъ меня и крестъ честный, его же суть ко мнѣ цѣловали. А нынѣ, братья. поидѣта по мнѣ къ Чернигову, кто имѣеть конь, ли не имѣеть кто, ино въ лодьѣ, ти бо суть не мене единого хотѣли убити, но и васъ искоренити». Кыяне же рекоша: «князь насъ вабить къ Чернигову, а здѣ ворогъ князя нашего и нашъ, а хочемъ и убити; поити же хочемъ битъся за своего князя и съ дѣтми». И рече имъ Володимеръ: «Того вы братъ мой не приказалъ; Игоря блюдутъ сторожеве, а мы пойдемъ къ брату, ако же ны велить». Рекоша же кыяне: «мы вѣдаемъ, оже не кончити добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ, ни намъ, коли любо». Митрополитъ же много взбраняше имъ, и Лазарь тысячский, и Рагуйло, Володимерь тысячьскый, яко не убити Игоря. Они же кликнувше поидоша убить Игоря». Лавр. 1147.

Но и это наиболѣе подробное изъ имѣющихся у насъ описаній все же передаетъ только общіе результаты народной думы, а не самыя пренія. Прежде чѣмъ сложилось общее убѣжденіе помочь князю и убить его противника, говорили же отдѣльныя лица и были, конечно, споры. Все это сглажено въ нашемъ разсказѣ. Маленькое дополненіе къ нему находимъ въ ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи. Отвѣтъ кіевлянъ на рѣчь пословъ онъ передаетъ въ такомъ видѣ:

«Кіяне же рекоша: «ради, оже ны Богъ тебѣ избавилъ отъ великія льсти, братью нашю; идемъ по тебѣ и съ дѣтми, ако же хощеши». И рече одинъ человѣкъ: «по князи своемъ, ради, идемъ; по первѣе о семъ промыслемы, акоже и преже створиша при Изяславѣ Ярославичѣ, высѣкше Всеслава отъ поруба зліи они, и поставиша князя собѣ, и многа зла бысть про то граду нашему. А се Игорь, ворогъ нашего князя и нашъ, не въ порубѣ, но въ Святомъ Ѳедорѣ, о убивше того къ Чернигову пойдемъ по своемъ князи. Кон-

чаемые же ся съ ними». То же слышавше народъ, оттолѣ пойдоша на Игоря». 1147.

Не смотря на историческую справку, приводимую неизвѣстнымъ намъ вѣчевымъ ораторомъ XII в. и восходящую ровно за восемьдесятъ лѣтъ до его времени, мы не видимъ основанія заподозрить лѣтописца въ сочинительствѣ. Упоминаемое возведеніе Всеслава на кіевскій столъ, должно быть очень памятно кіевлянамъ. Низложенный Изяславъ ушелъ въ Ляхи, но скоро вернулся съ значительной польскою помощью, и жестоко отомстилъ за свое изгнаніе: 70 человѣкъ казнилъ онъ смертью и многихъ ослѣпилъ; въ числѣ казненныхъ были и такіе, которыхъ князь, по выраженію лѣтописца, «безъ вины погуби, не испытавъ». Лавр.

Таковы были послѣдствія необдуманнаго увлеченія толпы. Но можно ли было поручиться, что и въ настоящее время не найдется охотниковъ замѣнить отсутствующаго и попавшаго въ западню Изяслава находившимся въ Кіевѣ Игоремъ, на сторонѣ котораго были и Юрій, и Давыдовичи? Возможность такой попытки тѣмъ легче допустить, что перемѣна князя нерѣдко соединялась съ грабежомъ его двора и, слѣдовательно, возбуждала хищническіе инстинкты. Выступленіе въ походъ преверженцевъ Изяслава могло дать сторонникамъ Игоря и надежду на успѣхъ. Таковы то были условія, при которыхъ рѣчь неизвѣстнаго витіи могла произвести потрясающее впечатлѣніе на народную массу и увлечь ее къ политическому убійству.

Борьба Изяслава съ черниговскими князьями и Юріемъ Суздальскимъ дала поводъ не разъ высказаться народнымъ думамъ южныхъ городовъ. Приведемъ въ заключеніе еще два извѣстія.

Послѣ занятія Кіева, Изяславъ овладѣлъ и черниговскимъ городомъ, Курскомъ, и посадилъ тамъ сына своего, Мстислава. Въ 1147 году Юрій послалъ противъ Курска сына Глѣба.

«Мьстиславъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, слышавъ, оже идеть Гюргевичь съ Святославомъ Олговичемъ на нь

къ Курску, и повѣда куряномъ. И куряне рекоша Мьстиславу: «оже се Олговичь, ради, ся за тя бьемъ и съ дѣтьми; а на Володимире племя, на Гюргевича, не можемъ руки подъяти». Мьстиславъ же, то слышавъ, поѣде къ отцю своему. Куряне же послаша къ Гюргевичю и пояша у него посадникъ къ собѣ». Ипат.

Отказъ курянъ биться противъ Юрія ведетъ къ перемѣщенію власти: отъ Изяслава она переходитъ къ Юрію.

Въ 1149 году Юрій одержалъ рѣшительную побѣду надъ Изяславомъ и осадилъ Кіевъ. Изяславъ, посовѣщавшись съ братомъ Ростиславомъ, обратился къ кіевлянамъ съ такою рѣчью:

«Се стрый наю пришелъ, а вѣ вамъ являевѣ: можете ли ся за наю бити?» Они же рекоша: «господина наю князя! не погубита насъ до конца! Се нынѣ отцы наши и братья наши и сынови наши, на полку, они изоймани, а друзіи избьени, и оружіе снято. А нынѣ ать не возмуть насъ на полонъ, поѣдита въ свои волости. А вы вѣдаета, оже намъ съ Гюргемъ не ужити! Аже по сихъ днѣхъ кдѣ узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы». Ипат.

Князья послушались совѣта кіевлянъ: Изяславъ уѣхалъ въ Володиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ.

Моментъ, который кіевляне предусматривали въ своемъ отвѣтѣ, наступилъ весьма скоро. Уже въ 1150 году, по выѣздѣ Юрія изъ Кіева, они говорили Изяславу:

«Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ; а мы его не хочемъ... Ты нашь князь! Поѣди къ святой Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего». Ипат. *).

Извѣстія о вѣчевой дѣятельности городовъ Ростовско Суздальской волости начинаются со второй половины XII в. и относятся не только къ старшимъ городамъ, Ростову и

*) Есть еще краткія извѣстія о народныхъ думахъ за тоже время въ слѣдующихъ городахъ: Выри—1147 и 1160, Переяславлѣ южномъ—1148, Корческѣ—1150, Туровѣ—1158, Стародубѣ—1167, Черниговѣ—1180, Римовѣ — 1185. Ипат.

Суздалю, но и къ младшимъ, Владиміру, Переяславлю, Москвѣ, Дмитрову.

Юрій Долгорукій, желая передать по смерти своей Ростовско-Суздальскую волость не старшему сыну, Андрею, а двумъ младшимъ, Михалкѣ и Всеволоду, обращается къ тому же средству для осуществленія своей воли, къ которому обратился нѣсколько лѣтъ раньше и кіевскій князь Всеволодъ, къ согласію народа. Фактъ этотъ относится къ 1157—8 году, но коротко разсказанъ лѣтописцемъ (Суздал. и Ипат.) подъ 1175; Юрій совѣщался не со старшими только городами, но и съ младшимъ, Владиміромъ.

Послѣдствія даннаго народомъ Юрію обѣщанія—признать князьями младшихъ сыновей его — были тѣ же, что и въ Кіевѣ: народъ нарушилъ крестное цѣлованіе, Михалку и Всеволода выгналъ, а на столѣ Юрія посадилъ старшаго его сына, Андрея. Послѣдній фактъ сообщается два раза: подъ 1175 годомъ и своевременно, подъ 1158, но въ послѣднемъ сдучаѣ безъ указанія на нарушеніе прежняго обѣщанія:

«Томъ же лѣтѣ, — говоритъ лѣтописецъ, — сдумавши ростовци и суздальци и володимирци вси, пояша Андрея. сына Дюргева старѣйшаго, и посадиша и на отни столѣ, Ростовѣ, и Суждали, и Володимири, зане былъ прелюбимъ всѣми за премногую его добродѣтель». Ипат.

Въ 1175 году, послѣ смерти Андрея, послѣдовалъ новый актъ избранія, на которомъ приняли участіе и жители Переяславля Сѣвернаго.

«Увѣдавше же смерть княжю, ростовци, и суздальци, и переяславци, и вся дружина, отъ мала и до велика, и съѣхашася къ Володимерю и рѣша: «се ся уже тако створило, князь нашь убіенъ, а дѣтей у него нѣтуть, сынокъ его малъ въ Новѣгородѣ, а братья его въ Руси; по кого хочемъ послати въ своихъ князѣхъ? Намъ суть князи муромьскыи и рязаньскыи въ сусѣдѣхъ, а боимся мьсти ихъ, егда пойдуть внезапу ратью на насъ, князю не сущю въ насъ. А послѣмъ къ Глѣбу (рязанскому) рекуще: князя нашего Богъ поялъ, а хочемъ Ростиславичю, Мьстислава и Ярополка, твоего... шюрину...» И утвердившеся святою Богородицею, послаша

къ Глѣбови: «тобѣ своя шюрина, а наша князя, да се, утвердившеся межи собою, послахомъ къ тобѣ послы своя; а ты приставишь къ нимъ послы своя, ать идуть по князя наша». Ипат. и Сузд.

Далѣе приводятся слова, которыя послы должны были сказать вновь избраннымъ:

«Ваю отецъ добръ былъ, коли у насъ былъ; а поѣдь та къ намъ княжить, а иныхъ не хочемъ».

Въ приведенномъ извѣстіи обращаетъ на себя вниманіе одна подробность, прежде не встрѣчавшаяся. Послѣ избранія, народъ утверждается между собой святой Богородицей. Надо полагать, это особая присяга не измѣнять принятому рѣшенію. Такая присяга, дѣйствительно, была не лишняя. Ростовцы и суздальцы разъ уже измѣнили своей клятвѣ; избранные Ростиславичи могли не повѣрить имъ теперь и не пріѣхать; волость, оставшаяся безъ князя, сдѣлалась бы жертвой нападенія сосѣднихъ князей, ростовскихъ и муромскихъ. Вотъ почему нужно было особое утвержденіе народа, о которомъ послы и сообщаютъ Глѣбу.

Кромѣ этихъ двухъ извѣстій, изъ которыхъ видно, что пригороды приглашаются въ общую думу съ главными городами, есть свѣдѣнія и о народныхъ думахъ въ отдѣльныхъ городахъ, какъ старшихъ, такъ и младшихъ.

Изъ двухъ призванныхъ Ростиславичей младшій, Ярополкъ, былъ посаженъ въ Володимерѣ. Между нимъ и владимірцами весьма скоро возникло несогласіе. Князь былъ молодъ и слушался бояръ, а бояре учили его «на многое иманіе». Онъ не только обременялъ продажами и вирами населеніе, но и церкви сталъ обирать. Вызванное этимъ неудовольствіе повело къ народнымъ собраніямъ, на которыхъ обсуждалось поведеніе Ростиславичей и рѣшено было довести о немъ до свѣдѣнія старшихъ городовъ; когда же старшіе города отказали владимірцамъ въ поддержкѣ, они рѣшили перейдти на сторону младшихъ сыновей Юрія, Михалки и Всеволода, и прогнать Ярополка.

Разсказъ лѣтописи объ этихъ событіяхъ, вызвавшихъ, конечно, не одно народное собраніе, чрезвычайно кратокъ.

«И почаша володимирци млъвити: мы есмы волная князя пріяли къ собѣ, и крестъ цѣловали на всемъ, а они, яко не свою волость творита, яко не творяче сѣдѣти у насъ, грабита не токмо волость всю, но и церкви,—промыщляйте, братія!» И послашася къ ростовцамъ и суздалцемъ, являюче имъ свою обиду. Они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ далече. А боляре князю тою дръжахуся крѣпко. Володимирци же, съ переяславци укрѣпившеся, послашася къ Чернигову по Михалка и по брата его, по Всеволода, рекуче: «ты старѣй еси въ братіи своей, поиди къ Володимирю; аже что замыслять на насъ ростовци и суждалци про тя, и како ны съ ними Богъ дасть». Сузд. 1176.

Изъ этого извѣстія можно вывести, что было, по крайней мѣрѣ, три вѣчевыхъ сходки: на первой рѣшено обратиться къ ростовцамъ и суздальцамъ; на второй выслушанъ отвѣтъ старшихъ городовъ и рѣшено обратиться къ помощи Переяславля; на третьей, въ которой участвовали и переяславцы, рѣшено призвать Михалку и Всеволода. Гдѣ находился въ это время князь Ярополкъ и какъ относился онъ къ народнымъ собраніямъ владимірцевъ, которыя, конечно, не могли оставаться для него тайной,—объ этомъ лѣтописецъ не сообщаетъ ни слова.

Къ этому же 1176 году относится и извѣстіе о вѣчевой дѣятельности Москвы. Она присоединилась къ молодымъ городамъ, Владиміру и Переяславлю. Михалка и Всеволодъ ѣхали уже изъ Чернигова во Владиміръ и на дорогѣ остановились въ Москвѣ. Во время обѣда пришла вѣсть, что Ярополкъ выступилъ уже противъ нихъ изъ Владиміра. Они поспѣшили къ нему на-встрѣчу; съ ними пошли и москвичи. Но дорогою оказалось, что оба войска шли разными путями и разошлись, и что Ярополкъ продолжаетъ движеніе на Москву.

«Москьвляни же,—говоритъ лѣтописецъ,—слышавше, оже идеть на нѣ Ярополкъ, и възвратишася въспять, блюдуче домовъ своихъ». Ипат.

Такимъ образомъ и москвичи въ XII вѣкѣ, къ которому относятся и первыя о нихъ извѣстія, сами рѣшали свою судьбу и сами распоряжались защитою домовъ своихъ.

По смерти Михалки, послѣдовавшей въ 1177 году, снова проявилась дѣятельность народной думы и во Владимірѣ, и въ Ростовѣ.

«Володимерци же, — говоритъ лѣтописецъ, — помянувше Бога и крестное цѣлованіе къ великому князю Гюргю, вышедше передъ золотая ворота, цѣловаша крестъ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтехъ его, посадиша и на отни и на дѣдни столѣ въ Володимери». Лавр. 1177.

«Въ то же лѣто приведоша ростовци и боляре Мстислава Ростиславича изъ Новагорода, рекуще: поиде, княже къ намъ, Михалка Богъ поялъ на Волзѣ на Городци, а мы хочемъ тебѣ, а иного не хочемъ». Лавр.

Переяславль и въ этомъ случаѣ продолжалъ стоять на сторонѣ младшаго города. Ростовцы потребовали отъ призваннаго ими Мстислава, чтобы онъ шелъ войной на Всеволода.

Всеволодъ передалъ переяславцамъ объ объявленной ему Мстиславомъ войнѣ и получилъ отъ нихъ такой отвѣтъ:

«Ты ему добра хотѣлъ, а онъ головы твоея ловить! Поѣди, княже, къ нему!..» Лавр.

Въ 1212 году умеръ Всеволодъ, назначивъ Переяславль сыну своему Ярославу. Этимъ распоряженіемъ отца Ярославъ, однако, не удовольствовался; онъ нашелъ нужнымъ вступить въ соглашеніе и съ самими переяславцами. Вотъ какъ передаетъ этотъ любопытный фактъ лѣтопись:

«Ярославъ же, приехавъ въ Переяславль, мѣсяца апрѣля въ 18 день, и съзвавъ вси переяславци къ святому Спасу, и рече имъ: «братія переяславци, се отецъ мой иде къ Богови, а васъ отдалъ мнѣ, а мене вдалъ вамъ на руцѣ. Дарците мнѣ, братия, аще хощете мя имѣти собѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы свои за мя сложити?» Они же вси тогда рекоша: «велми, господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ». И цѣловаша къ нему вси крестъ.

И тако сѣде Ярославъ въ Переславли на столѣ, идѣ же родися». Сузд.

Къ Переяславской волости Ярослава принадлежалъ и новый городъ, Дмитровъ. Не всѣ сыновья Всеволода были довольны удѣлами, назначенными имъ отцомъ. Старшій, Константинъ, получившій Ростовъ, началъ войну съ Юріемъ изъ за обладанія Владиміромъ. Сторону Юрія принялъ Ярославъ, а сторону Константина Владиміръ и подступилъ къ городу Ярослава, Дмитрову. Эта осада дала случай и населенію новаго города, Дмитрова, высказаться за князя Ярослава.

«Слышавше же дмитровци, оже идетъ на нихъ Владиміръ, и пожгоша сами все прѣдградие и затворишася. Владиміръ же, приѣхавъ, не доспѣ имъ ничто же, зане дмитровци крѣпко біяхутся зъ города. Тогда же хотѣша и Владиміра застрѣлити, и бѣжа отъ града съ полкомъ своимъ, убоявся брата своего Ярослава. Дмитровци же, вышедше изъ города, избиша задъ дружины его». Сузд. 1214.

Въ заключеніе приведемъ еще одно извѣстіе о владимірцахъ, весьма напоминающее приведенное выше (подъ 1149 годомъ) извѣстіе о кіевлянахъ. Въ 1216 году князь Юрій потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ Константина и бѣжалъ во Владиміръ.

«На утріи же, разсказываетъ лѣтописецъ, князь Юрьи созва люди и рече: «братіе володимерцы! затворимся въ градѣ, негли обіемся ихъ!» Людіе же молвяхуть ему: княже Юрьи! съ кимъ ся затворити? братіа наша избита, а иніи изоимани, а кои прибѣжали, а ти безъ оружія, то съ кимъ станемъ?» Князь же Юрьи рече: «азъ то все вѣдаю, толико не выдайте мя брату, Костянтину, ни Володимеру, ни Мстиславу, да быхъ вышелъ по своей воли изъ града». Они же тако обѣщашася ему». Воскр. *).

Извѣстія о вѣчевой дѣятельности городовъ Рязанской волости относятся къ концу XII и началу XIII вѣка. Всѣ

*) См. еще извѣстія о Суздалѣ подъ 1164 и 1176 Сузд.; о Владимірѣ подъ 1177, 1178 и 1214 Сузд.

онѣ вызваны враждебными отношеніями рязанскихъ князей ко Всеволоду Владимірскому. Изгнанный Всеволодомъ изъ Ростовской волости, Мстиславъ Ростиславичъ обратился къ помощи тестя своего, Глѣба Рязанскаго. Возгорѣвшаяся по этому поводу война съ рязанскими князьями кончилась въ пользу Всеволода. Онъ разбилъ противниковъ и взялъ въ плѣнъ Мстислава, Глѣба и сына его, Романа. Но другой сынъ Глѣба, Ярополкъ (Ярославъ), успѣлъ уйти въ Воронежъ. Всеволодъ хотѣлъ овладѣть и имъ. Съ этою цѣлью онъ обращается къ рязанцамъ и отправляетъ къ нимъ посольство. Послы его держатъ къ гражданамъ такую рѣчь:

«Вы имѣете нашего ворога (выдайте его), али иду къ вамъ». Рязанцы же, сдумаша, рекуще: «князь нашъ и братья наши погыбли въ чюжемъ князи»; ѣхавше въ Воронежь, яша его сами и приведоша его въ Володимерь». Лавр. 1177.

Всеволодъ разсматриваетъ рязанцевъ, какъ самостоятельную власть, и требуетъ выдачи своего врага. Они и не помышляютъ отвергнуть его требованіе по некомпетентности; совершенно наоборотъ, они находятъ, что могутъ принять это дѣло къ своему разсмотрѣнію и постановить соотвѣтствующее рѣшеніе; собираютъ думу и рѣшаютъ выдать Всеволоду сына ихъ законнаго князя.

Въ 1207 году Всеволодъ Юрьевичъ получилъ извѣстіе, что рязанскіе князья, Романъ и Святославъ Глѣбовичи, въ союзѣ съ племянниками, замыслили овладѣть имъ, заманивши къ себѣ обманомъ. Всеволодъ предупредилъ это измѣнническое нападеніе, захвативъ подозрѣваемыхъ имъ рязанскихъ князей, и направился къ Пронску, гдѣ сидѣлъ Киръ-Михаилъ, также заподозрѣнный въ измѣнѣ. Киръ-Михаилъ не рѣшился ожидать прихода Всеволода и бѣжалъ въ Черниговъ къ тестю. Что же дѣлаютъ проняне?

«Проняне же,—разсказываетъ лѣтописецъ,—пояша къ собѣ Изяслава Володимерича (одинъ изъ внуковъ Глѣба) и затворишася съ нимъ въ градѣ. Князь же великій, пришедъ, ста у города Проньска; и не хотя видѣти кровопролитья и посла къ нимъ мужа своего, Михаила Борисовича, оми-

ритъ ихъ. Они же не внушиша глаголъ его, надѣющеся на градную твердость. Слышавъ же князь великый рѣчь ихъ буюю, и повелѣ приступити ко граду со всѣ страны»... Лавр. 1207.

Проняне рѣшаются на то, на что не рѣшился ихъ князь на сопротивленіе. Чрезвычайно жаль, что лѣтописецъ не приводитъ рѣчь ихъ буюю. Тогда мы знали бы мотивы сопротивленія, теперь же оно представляется очень неяснымъ. Пронску не угрожало ни малѣйшей опасности. Всеволодъ шелъ не противъ города, а противъ князя, князь же бѣжалъ изъ города добровольно. Оставалось встрѣтить Всеволода съ честью, и столкновеніе разрѣшилось бы совершенно мирно. Не слѣдуетъ ли объяснять сопротивленіе пронянъ антагонизмомъ съ владимірцами, которые, конечно, составляли главную силу Всеволода?

Совершенно иначе поступили рязанцы. Узнавъ о движеніи къ Рязани Всеволода, они послали къ нему съ поклономъ, молящеся, дабы не приходилъ къ городу. Князь внялъ моленію рязанцевъ и повернулъ во Владиміръ. Надо думать, что онъ поставилъ условіемъ прекращенія враждебныхъ дѣйствій выдачу рязанцами остальныхъ своихъ князей. На такое предположеніе наводитъ то обстоятельство, что лѣтописецъ, описавъ возвращеніе Всеволода во Владиміръ, продолжаетъ такъ:

«И потомъ рязанцы вси, сдумавше, послаша остатокъ князій и со княгынями къ великому князю Всеволоду въ Володимеръ» Лавр.

Но настроеніе рязанцевъ то же было измѣнчиво Они разошлись со Всеволодомъ, какъ только онъ прислалъ къ нимъ на столъ сына своего, Ярослава.

«Рязанцы же,—говоритъ лѣтописецъ,—лесть имуще къ нему, цѣловаше крестъ ко Всеволоду и не управиша, и изимаши люди его и сковаша, а инѣхъ въ погребѣхъ, засыпавше, измориша. Всеволодъ же, слышавъ се, иде на Рязань съ сынми своими, и, пришедъ, ста у града Рязани. И Ярославъ изыде противу отца своего, и цѣлова и съ ра-

достью. И прислаша рязанцы буюю рѣчь, по своему обычаю и непокорьству. И повелѣ великый князь всѣмъ людемъ изыти изъ града и съ товаромъ, и яко изыдоша вси. повелѣ зажещи градъ». Лавр. 1208.

Чрезвычайно интересное извѣстіе, но къ сожалѣнію слишкомъ краткое. Оно, надо думать, принадлежитъ перу не рязанца, а владимірца. Авторъ не сочувствуетъ рязанцамъ, осуждаетъ ихъ и не находитъ умѣстнымъ приводить ихъ буйную рѣчь. А рѣчь эта многое бы объяснила въ столкновеніи Всеволода съ рязанцами. Теперь же мы знаемъ только, что рязанцы, переловивъ и выдавъ своихъ князей Всеволоду, цѣловали къ нему крестъ, по всей вѣроятности, въ знакъ признанія его или кого-либо изъ сыновей его своимъ княземъ. Судя потому, что Ярославъ былъ присланъ въ Рязань «на столъ», надо полагать, что слитія Рязани съ Владимірской волостью не произошло; Рязань осталась самостоятельнымъ княженіемъ подъ властью сына Всеволода. Новый князь назначилъ на всѣ должности своихъ людей, владимірцевъ, которыхъ надо было наградить за службу. Вотъ достаточная уже причина къ неудовольствію. Рязанцы хватаютъ «людей Ярослава», надо думать, людей, которымъ розданы доходныя должности.

Всеволодъ жестоко отомстилъ измѣнившимъ ему рязанцамъ. Онъ сжегъ ихъ городъ. Но утвердить своей власти въ Рязани ему все-таки не удалось.

Насколько кратки и не полны дошедшія до насъ извѣстія лѣтописей, это всего лучше видно изъ того, что мы находимъ въ нихъ о вѣчевой дѣятельности Смоленской волости. Владимірскій лѣтописецъ въ своемъ разсказѣ о борьбѣ Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ называетъ Смоленскъ въ числѣ волостей, которыя имѣютъ обычай сходиться на вѣчѣ, какъ на думу; а между тѣмъ мы не нашли въ лѣтописи ни одного разсказа о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Единственное извѣстіе, въ которомъ встрѣчается слово «вѣче», относится къ собранію смольнянъ во время похода, состоявшемуся у города Треполя. Въ 1185 году смольняне отправились съ кня-

земъ своимъ, Давыдомъ, къ Кіеву помогать русскимъ князьямъ, Рюрику и Святославу, противъ половцевъ. Достигнувъ Треполя, они отказались отъ дальнѣйшаго движенія.

«Смолняне же, — говоритъ лѣтописецъ, — почаша вѣче дѣяти, рекуще: «мы пошли до Кіева, да аже бы была рать, билися быхомъ; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемъ, уже ся есмы изнемоглѣ». Ипат.

Изъ этого извѣстія слѣдуетъ, что передъ походомъ въ Смоленскѣ было собрано вѣче, на которомъ и рѣшенъ вопросъ о походѣ. Но на походъ смольняне согласились не безусловно, а съ ограниченіемъ: они обѣщали воевать половцевъ только на пространствѣ до Кіева. Достигнувъ Треполя (верстъ на 40 южнѣе Кіева) и не найдя половцевъ, они нашли, что обязательство ихъ исполнено, собрали вѣче во время похода и рѣшили возвратиться домой. Князь ничего не могъ сдѣлать и возвратился вмѣстѣ съ своими гражданами-воинами. Онъ присоединился, слѣдовательно, къ вѣчевому рѣшенію, хотя оно было собрано не имъ, а самимъ народомъ.

Хотя лѣтопись и не упоминаетъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ, но не разъ говоритъ о результатахъ вѣчевыхъ собраній. Такъ въ 1096 г. смольняне не приняли Олега (Лавр.); въ 1175 г. они изгнали Ярополка, котораго у нихъ оставилъ князь ихъ, Романъ Ростиславичъ, уходя въ Кіевъ, и призвали дядю его, Мстислава Ростиславича *).

Мы могли бы еще продолжить эти выписки изъ лѣтописей, но полагаемъ, что для нашей цѣли довольно и приведенныхъ мѣстъ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, когда возникли вѣчевыя думы, дѣйствовавшія повсемѣстно въ XII вѣкѣ? Въ періоды исторіи, когда право развивается путемъ законодательства, для отвѣта на поставленный вопросъ надо было бы указать князя, который ввелъ этотъ порядокъ вещей.

*) Ипат. См. еще для Звенигорода Ипат. 1146, Червеня Ипат. 1157, Галича Ипат. 1189, Берестья Ипат. 1204 и Владиміра Волынскаго Ипат. 1202.

У насъ не только въ XII, но и гораздо позднѣе, въ XIV и даже XV вѣкѣ, право развивалось не путемъ законодательства, а обычаемъ и практикой судебной и административной *). Вѣче, поэтому, не есть продуктъ указа какого-либо князя, а явленіе обычной народной жизни, вызванное условіями тогдашняго быта древнихъ волостей. Въ I томѣ нашихъ юридическихъ древностей мы указали эти условія. Свободное населеніе древнихъ княжествъ не было привязано къ разъ избранному мѣсту жительства. Оно могло безпрепятственно переходить изъ княжества въ княжество и такимъ образомъ мѣнять свое подданство. Небольшіе размѣры княженій облегчали эти переходы. Даже служилые люди могли оставлять своего князя и переходить на службу къ другому, который имъ больше приходился по вкусу, или и вовсе не служить. На свободномъ населеніи по отношенію къ мѣстной власти лежали только такія обязанности, которыя оно само соглашалось исполнять. Въ противномъ случаѣ, оно разсыпалось въ разныя стороны и ускользало отъ власти, которая ей не нравилась. Связь князя съ подданными была весьма слабая и легко прерывалась. На такомъ зыбкомъ основаніи не могла возникнуть твердая центральная власть. Собственныя же силы князя были еще недостаточно развиты, чтобы господствовать надъ свободнымъ населеніемъ. Въ случаѣ соединенія, свободное населеніе являлось довольно внушительной силой, которая могла оказать князю или дѣятельное сопротивленіе, или существенную поддержку. Вотъ этими-то условіями быта и объясняется тотъ фактъ, что князья ведутъ переговоры съ народомъ и входятъ съ нимъ въ соглашеніе, одерживаютъ при его помощи побѣды и оставляютъ столы свои, если свободное населеніе отказывается поддерживать ихъ, или не имѣетъ достаточныхъ для того силъ. Въ началѣ исторіи, когда военное ремесло не

*) Эта мысль съ нѣкоторою подробностью развита въ нашей статьѣ «Опыты изслѣдованія обычнаго права», напечатанной въ Наблюдателѣ а 1882 годъ въ № 1 и 2, и перепечатанной въ «Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ» за 1883 годъ.

обособилось еще отъ другихъ занятій и весь народъ входилъ въ составъ войска, весьма натурально, что ему должно было принадлежать совсѣмъ иное значеніе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, чѣмъ это сдѣлалось возможно позднѣе, когда образовалась отдѣльная отъ народа военная сила. Гдѣ сила, тамъ и власть; а въ началѣ исторіи народныя массы составляли силу.

Вѣче, какъ явленіе обычнаго права, существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Такъ смотрѣли на это и люди XII вѣка. Владимірскій лѣтописецъ говоритъ, что вѣче было «изначала». Начальный лѣтописецъ, описывая общественныя событія IX и X вѣка, дѣйствующими лицами выводитъ народъ и народную думу. Требованіе съ кіевлянъ козарами дани было, по его свидѣтельству, предметомъ обсужденія народной думы:

«Съдумавше поляне и вдаша отъ дыма мечь». Лавр.

Переговоры съ Ольгой древлянскіе послы ведутъ отъ имени древлянъ, а не князя, хотя у нихъ былъ и князь.

«И послаша деревляне лучьшіе мужи... И рече имъ Ольга: «да глаголете, что ради придосте сѣмо»? Рѣша же древляне: «посла ны Дерьвьска земля». Лавр.

Наконецъ, описывая осаду Бѣлгорода печенѣгами въ 997 году, лѣтописецъ говоритъ:

«И удолжися, остоя въ городѣ, и бѣ гладъ великъ, и створиша вѣче въ городѣ».

Итакъ, по мнѣнію начальнаго лѣтописца и позднѣйшаго, жившаго въ концѣ XII в., вѣче было всегда.

Но мы можемъ привести и оффиціальные документы X вѣка, свидѣтельствующіе объ участіи народа въ общественныхъ дѣлахъ того времени. Это договоры Олега и Игоря съ греками. Первый договоръ заключенъ былъ не только отъ имени князей, но «и ото всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси» (911 г.). Для заключенія второго договора послы были отправлены «и отъ всѣхъ людій Руския земли». Послы эти говорятъ о себѣ:

«И великій князь нашь Игорь, и боляре его, и людье вси рустіи послаша ны къ Роману и Костянтину» и т. д. (945).

Договоръ 945 года, составленный въ Константинополѣ, былъ посланъ въ Кіевъ. Доставленіе его было поручено особому греческому послу, который былъ отправленъ «къ великому князю рускому, Игореви, и къ людемъ его». Игорь и люди его должны были скрѣпить договоръ присягой. Лѣтописецъ говоритъ, что присягали всѣ крещеные и всѣ не крещеные; это значитъ, что «подъ людьми Игоря» надо разумѣть все наличное населеніе Кіева, а не какую-либо тѣсную группу зависимыхъ отъ Игоря людей.

Наконецъ, послѣдній вопросъ, какъ долго продолжалось дѣйствіе вѣча въ Русской землѣ?

Бытовое явленіе, вызванное къ жизни условіями мѣстной почвы, и умереть должно было вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ условій.

Событіемъ первостепенной важности, проложившимъ путь къ новому порядку вещей, является татарское завоеваніе. Разъединенное населеніе небольшихъ русскихъ княженій не могло бороться съ централизованной татарской силой.

Нашествіе татаръ впервые познакомило русскія княженія съ властью, съ которой нельзя входить въ соглашеніе, которой надо подчиняться безусловно. Почва для развитія вѣчевой дѣятельности была сразу уничтожена. Ханы татарскіе не имѣютъ надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они достаточно сильны, чтобы приказывать ему.

Хотя татары не остались въ русской землѣ и властвовали издалека, тѣмъ не менѣе господство ихъ произвело глубокій переворотъ въ нашей жизни. Благодаря разъединенности волостей и отсутствію организованной военной силы, отъ чего проистекала указанная уже выше слабость князей, завоеваніе Россіи совершилось чрезвычайно быстро. Разбитые татарами князья не думали о сопротивленіи во что бы то ни стало. Они признали себя данниками хановъ и спѣшили въ Орду поклониться своимъ новымъ властели-

намъ и получить изъ ихъ рукъ утвержденіе своихъ правъ. То же дѣлало и духовенство. Расплачиваться за эту покорность приходилось народу. Онъ былъ сосчитанъ и обложенъ ордынскою данью. Въ городахъ и пригородахъ водворились татарскіе чиновники для сбора этой дани. Угодные татарамъ князья получили возможность опираться на ихъ силу въ борьбѣ какъ съ другими князьями, такъ и съ городами. Первыя попытки политическаго объединенія Россіи были сдѣланы ханами, которые, въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, подчиняли отдѣльныхъ князей власти излюбленнаго ими великаго князя.

При наличности этихъ новыхъ условій вѣчевыя собранія становятся анахронизмомъ. Но народные обычаи не умираютъ въ одинъ день. Съ дѣятельностью вѣча встрѣчаемся и послѣ татарскаго нашествія и даже въ XIV вѣкѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ запоздалыхъ проявленій вѣчевой жизни ни словомъ не напоминаютъ татарскаго погрома и переносятъ насъ въ XII вѣкъ.

Въ 1289 году скончался волынскій князь, Владиміръ Васильевичъ. Передъ смертью онъ отказалъ всѣ свои владѣнія одному изъ двоюродныхъ братьевъ, Мстиславу Даниловичу. Къ составу этого отказа принадлежало и Берестье. Но берестьяне не захотѣли подчиниться волѣ князя. Вотъ что разсказываетъ о нихъ лѣтописецъ:

«Берестьяне... учинили бяхутъ коромолу: еще Володимеру князю болну сущю, они же ѣхавше къ Юрьеви князю (племяннику Владиміра) цѣловаше крестъ на томъ, рекуче: како не достанеть стрыя твоего, ино мы твои и городъ твой, а ты нашь князь». Ипт.

Судя по тому, что лѣтописецъ называетъ поступокъ берестьянъ коромолой, т.-е. измѣной, надо полагать, что Владиміръ, назначая Мстислава своимъ преемникомъ, получилъ на то согласіе горожанъ и скрѣпилъ его крестнымъ цѣлованіемъ; въ противномъ случаѣ не было бы измѣны.

Въ 1303 году скончался московскій князь, Данило Александровичъ. Въ Переяславлѣ посадничалъ сынъ его, Юрій.

«По животѣ же его (Данилы), говоритъ лѣтописецъ, переяславци яшася за сына его, за князя за Юрія, и не пустиша его и на погребеніе отче.» Воскр.

Граждане такъ дорожатъ избраннымъ ими княземъ, что даже ограничиваютъ его личную свободу, изъ боязни, конечно, какъ бы онъ не перешелъ въ Москву *).

Но есть и извѣстія, изъ которыхъ видно, что господствуютъ въ русской землѣ уже не русскіе люди, а татары. По поводу нашествія татаръ происходило, конечно, не мало народныхъ совѣщаній. Но время было слишкомъ тревожное, чтобы замѣчать ихъ и записывать. Лишь въ видѣ исключенія попадаются такія подробныя извѣстія, какое мы имѣемъ о Козельскѣ. Разрушивъ Владиміръ и суздальскіе города, Батый подступилъ къ Козельску.

«Козляне же, говоритъ лѣтописецъ, съвѣтъ створше не вдатися Батыю, рекше: «яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животъ свой за нь»... Татаромъ же, бьющимся о градъ, пріяти хотящимъ градъ, разбившимъ граду стѣну и возъидоша на валъ татаре. Козляне же ножи рѣзахуся съ ними. Съвѣтъ же створиша изъити на полкы татарскые и исшедше изъ града и сѣкоша праща ихъ... Батый же взя городъ, изби вси . . . . . бишася по семь недѣль». Ипат. 1237.

Отъ второй половины XIII вѣка сохранилось нѣсколько извѣстій о борьбѣ горожанъ съ татарскими данниками.

«Избави Богъ, говоритъ лѣтописецъ, отъ лютого томленья бесурменьскаго люди ростовскія земля: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь и выгнаша изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суздаля, изъ Ярославля, окупахуть бо ти окаяньніи бесурмени дани»... Лавр. 1262.

А вотъ еще отъ 1289 года:

«Князь Дмитрій Борисовичъ сѣде въ Ростовѣ. Умножи

*) См. еще для Возвягля Ипат. 1257, для Галича южн. Ипат. 1231 и 1235, Чернигова Ипат. 1234, Переяславля сѣв. Воскр. 1296.

же ся тогда татаръ въ Ростовѣ, и гражане створше вѣче и изгнаша ихъ, а имѣніе ихъ разграбиша». Воскр.

Къ сожалѣнію, не видно, какое было отношеніе между занятіемъ ростовскаго стола княземъ Дмитріемъ и умноженіемъ татаръ въ Ростовѣ. Въ 1286 году происходитъ раздѣлъ отчины между этимъ Дмитріемъ и братомъ его, Константиномъ: Дмитрію достался Угличъ, Константину Ростовъ. Въ 1289 году въ Ростовѣ садится Дмитрій, а Константинъ идетъ въ Орду. Эта перемѣна можетъ быть разсматриваема, какъ захватъ Ростова Дмитріемъ, совершонный при помощи татаръ. Раздоръ между братьями тѣмъ легче допустить, что еще въ 1281 году «воздвиже дьяволъ вражду и крамолу межи братомъ Дмитріемъ и Константиномъ Борисовичи». Можно думать, что татары приведены были Дмитріемъ противъ брата.

Князья въ своихъ спорахъ изъ-за владѣній обращались обыкновенно къ содѣйствію татаръ и весьма нерѣдко жестоко опустошали русскіе города при ихъ помощи. Въ 1293 году была великая ссора между сыновьями Александра Невскаго, Димитріемъ и Андреемъ. Князь Андрей отправился съ жалобой въ Орду и испросилъ у хана сильную рать на Димитрія. Эта рать, во главѣ которой стояли русскіе князья, взяла на щитъ и опустошила 14 городовъ, въ томъ числѣ были: Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Юрьевъ, Переяславль, Коломна, Москва и Можайскъ. Еще недовольные награбленной добычей, татары вознамѣрились идти на Тверь.

«Бысть же печаль велика тверичамъ, говоритъ лѣтописецъ, не бяше бе у нихъ князя, тогда бо князь Михаилъ въ Ордѣ бысть. Они же цѣловаша межи себе крестъ и сѣдоша въ осадѣ, укрѣпившися на томъ, яко битися съ татары, а не предатися» *).

Положеніе городовъ среди княжескихъ усобицъ и прежде было тяжелое, теперь оно еще ухудшилось, ибо бывшая

*) Воскр. Ср. еще для Костромы Воскр. и Львовъ 1304, Нижняго Воскр. 1305 и Брянска Воскр. 1310 и Соф. I. 1307.

въ распоряженіи князей сила увеличилась татарами, которые пользовались княжескими раздорами для грабежа. Повторяющіяся нашествія татаръ должны были въ конецъ уничтожить нѣкоторые успѣхи общественнной жизни, достигнутые въ до-татарское время; а успѣхи эти необходимо предполагать въ виду значительнаго числа городовъ, о которыхъ упоминаютъ до-татарскіе лѣтописцы, какъ о пунктахъ насиженныхъ, населеніе которыхъ принимало дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Татарскій погромъ долженъ былъ на долго пріостановить у насъ развитіе городской жизни.

Что именно татарское завоеваніе, перенеся центръ тяжести политической жизни въ Орду и обезсиливъ населеніе поборами и грабежомъ, подорвало въ корнѣ участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ, видно еще изъ того, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ нашествіе не коснулось, вѣчевые порядки сохраняются въ XIV и XV вѣкахъ; таковы Новогородская и Полоцкая волости.

Существованіе народной думы въ Новгородѣ до 1478, а во Псковѣ до 1510 года не нуждается въ доказательствахъ. Мы приведемъ лишь нѣсколько извѣстій относительно новогородскихъ волостей, чтобы показать, что вѣче не было особенностью только города Новгорода, а составляло порядокъ жизни всей Новогородской волости.

Въ 1343 году «нагадавшеся псковичи съ изборяны подъяша всю область Псковскую и поѣхаша воевати земли нѣмецкія»... Псков. I.

Въ 1317 году великій князь московскій, Василій Дмитріевичъ, задумалъ отобрать у Новгорода Двинскую землю. Вотъ какъ, по разсказу лѣтописца, привелъ онъ въ исполненіе свое намѣреніе:

«Насла князь великій, Василій Дмитріевичъ, за Волокъ на Двину бояръ своихъ, Андрея Албердова съ другы, ко всей Двиньской слободѣ, а повѣствуя имъ тако: «что бы есте задалѣся за князь великій, а отъ Новгорода бы

есте отнялѣся; а князь великый отъ Новгорода хощетъ васъ боронити, а за васъ хощеть стояти». И двинянѣ, Иванъ Микитинъ и бояре двиньскыи и вси двинянѣ, за великый князь задалѣся, а ко князю великому цѣловаша крестъ. И князь великій на крестъномъ цѣлованьи у Новагорода отнялъ Волокъ Ламскій и съ волостьми»... Новог. I.

Эти переговоры великаго князя московскаго съ двинянами относятся къ одному роду съ вышеприведенными переговорами въ XII вѣкѣ Всеволода съ кіевлянами, Юрія съ ростовцами, суздальцами и владимірцами и пр. И тутъ, и тамъ рѣчь идетъ о признаніи князя.

Крестное цѣлованіе народа и князя въ домосковской Руси всегда предполагаетъ соглашеніе народа и князя. Въ этомъ смыслѣ надо понимать и слѣдующее извѣстіе подъ 1399 годомъ:

«Яковъ Прокофьевъ гоняшеся за Анфаломъ ратью въ 700 человѣкъ и пригнася къ городу Устьюгу, а ту бѣ владыка, Григорей ростовьскій, и князь Юрьи Андрѣевичь, и рече Яковъ князю и гражаномъ: «стоите ли за бѣглеца новгородцкаго, за Анфала?» И князь съ устьюжаны рече: «мы за него не стоимъ, ни пособляемъ по немъ, по великого князя цѣлованію», Новгор. IV.

Вѣчевые порядки въ полномъ разгарѣ находимъ и въ Вяткѣ въ эпоху войны великаго князя, Ивана Васильевича, съ Казанью. Въ 1469 г. воевода великаго князя, подойдя къ Вяткѣ, вступилъ въ переговоры съ вятчанами и «именемъ великаго князя» требовалъ, чтобы они шли съ ними на казанскаго царя.

«Они же рекоша: «изневолилъ насъ царь (казанскій) и право свое дали есмя ему, что намъ не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя.» Воскр.

Такимъ образомъ, вятчане самостоятельно вели войну съ казанскими царями и вступали съ ними въ договоры. Въ томъ же году большой воевода великаго князя, К. А. Беззубцевъ, послалъ «именемъ великаго князя» новое требованіе вятчанамъ воевать Казань и получилъ такой отвѣтъ:

«Вятчане же отказали: «коли пойдутъ подъ Казань братья великаго князя, говорили они, тогды пойдемъ и мы». Воскр.

Вѣчевые порядки XII вѣка продолжаютъ дѣйствовать въ Полоцкой волости еще въ XV в. Полочане приглашаются великими князьями литовскими на совѣщанія и вступаютъ въ самостоятельные договоры съ своими сосѣдями. Литовскій князь Александръ въ 1403 году назначилъ нѣмцамъ день для совѣщанія въ Вильнѣ; на это совѣщаніе должны были прибыть и полочане. Отъ начала XV вѣка сохранилось нѣсколько договоровъ полочанъ съ Ригою. Договоры эти пишутся то отъ имени намѣстника и отъ всѣхъ мужъ полочанъ, то отъ однихъ только полочанъ *).

Вторая причина устраненія изъ практики вѣчевыхъ порядковъ заключалась въ измѣненіи всего строя древней общественной жизни. Эти измѣненія касаются состава территоріи вновь возникшаго Московскаго государства и правъ населенія и съ нѣкоторою подробностью очерчены нами въ I т. юридическихъ древностей. Соединеніе многихъ отдѣльныхъ волостей въ одномъ Московскомъ государствѣ уничтожило ту почву, на которой могли дѣйствовать вѣчевыя собранія. Вѣче—учрежденіе по преимуществу городовое, оно предполагаетъ независимость города-волости и его право рѣшать самостоятельно свои дѣла. Москва поглотила эти города волости; значительные же размѣры новаго государства не допускали возможности обще народныхъ сходокъ.

Вмѣстѣ съ измѣненіями въ составѣ территоріи происходятъ важныя перемѣны въ распредѣленіи поземельной собственнности и въ правахъ населенія. До московскіе князья не были обладателями большихъ недвижимыхъ имѣній. Раздробленность Россіи и постоянное соперничество князей не допускали образованія въ рукахъ ихъ крупной поземельной собственности. Возможность къ накопленію такой собствен-

*) Рус. лив. акты: № CXL, CLII, CLIII, CLIV. CLXXII, CCXLIX и CCLIX, 1403—1470.

ности открылась лишь съ эпохи объединенія. Въ рукахъ московскихъ государей впервые сосредоточиваются недвижимости, размѣры которыхъ превосходятъ ихъ личныя потребности и потребности ихъ семей. Появляется возможность употреблять этотъ излишекъ для организаціи военной силы. Возникаетъ помѣстное войско, обязанное службой. Рядомъ съ этимъ идутъ измѣненія и въ положеніи старинныхъ вольныхъ слугъ. Они дѣлаются тоже обязанными службой. Свободное сельское населеніе прикрѣпляется и поступаетъ въ зависимость къ этимъ обязаннымъ слугамъ. Кто еще сохранилъ остатки старой воли, прикрѣпляется къ мѣсту и государеву тяглу. Въ рукахъ московскихъ государей образовалась, такимъ образомъ, зависимая только отъ нихъ военная и денежная сила. Обладая такой силой, они не имѣютъ уже надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они могутъ приказывать. А если бы и появилась потребность совѣщанія съ народомъ, она не могла быть осуществлена въ старой формѣ вѣчеваго собранія, непримѣнимой къ государствамъ съ значительнымъ сбъемомъ. Для этого нужны были новыя формы, которыя, дѣйствительно, и начали вырабатываться съ XVI вѣка въ видѣ земскихъ соборовъ. Но это уже новости московскаго права.

Въ концѣ XV вѣка у насъ встрѣтились лицомъ къ лицу два совершенно разныхъ порядка: старый вѣчевой, дѣйствовавшій въ Новгородѣ и прежнихъ новогородскихъ пригородахъ и волостяхъ, и новый монархическій, представителями котораго явились московскіе князья. Эти два порядка не могли ужиться рядомъ. Они вступили въ борьбу, которая была непродолжительна; она скоро окончилась совершенной побѣдой московскихъ государей.

Чрезвычайно характерное повѣствованіе дастъ лѣтописецъ о столкновеніи новаго порядка со старымъ. Москва одержала побѣду, но торжество это облеклось въ старыя еще формы. Не указомъ великаго государя отмѣнено было въ Новгородѣ вѣче и посадникъ, это было сдѣлано по соглашенію съ Новгородомъ; новогородцы цѣловали великому

государю крестъ не безусловно, а по грамотѣ, въ которой были опредѣлены ихъ права и обязанности. Дѣло происходитъ такъ (Воскр. 1478).

Въ 1477 году весь великій Новгородъ прислалъ къ великому князю и сыну его

«Пословъ своихъ, Назара, подвойскаго, да Захарія, дьяка вѣчнаго, бити челомъ и называти себѣ ихъ государи; а напередъ,—прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ,—того не бывало, ни которого великаго князя государемъ не зывали, но господиномъ».

Это случилось въ мартѣ, а въ апрѣлѣ того же года великій князь послалъ въ Новгородъ своихъ пословъ «покрѣпити того, какого хотятъ государьства» въ Новгородѣ. Выслушавъ великокняжескихъ пословъ, новгородцы сказали, что они съ такими рѣчами въ Москву не посылали, и назвали всю эту исторію «ложью».

Такой отвѣтъ разгнѣвалъ государя и въ сентябрѣ того же года онъ формально объявилъ войну Новгороду, послав «складную» грамоту. Въ октябрѣ великій князь выѣхалъ изъ Москвы «казнить новогородцевъ войною за ихъ преступленіе». Его сопровождало громадное войско. Новогородцы не могли разсчитывать на побѣду и рѣшили вступить съ московскимъ государемъ въ переговоры. Городъ, однако, они привели въ осадное положеніе и отъ государя затворились.

Иванъ Васильевичъ принялъ новгородскихъ пословъ и дозволилъ имъ вести переговоры съ своими боярами. Новогородскіе послы били челомъ: 1) что бы государь отчину свою пожаловалъ, нелюбье отдалъ и унялъ мечъ; 2) что бы отпустилъ новгородскихъ бояръ, которые были задержаны въ Москвѣ; 3) что бы государь ѣздилъ въ Новгородъ (для суда) на четвертый годъ; 4) что бы онъ получалъ съ Новгорода по 1000 р. въ годъ; 5) что бы судъ намѣстника и посадника производился въ городѣ (а не на городищѣ); 6) что бы намѣстникъ государевъ не судилъ владычныхъ и посадничьихъ судовъ; 7) что бы самъ государь судилъ

только тѣ суды, которыхъ не управитъ его намѣстникъ и посадникъ; 8) что бы новгородцы не вызывались на судъ въ Москву. Эти частныя челобитья оканчивались слѣдующимъ общимъ и не совсѣмъ яснымъ:

«что бы государь пожаловалъ, указалъ отчинѣ своей, какъ ему Богъ положитъ на сердцѣ отчина своя жаловати. и отчина его своему государю челомъ бьютъ, въ чемъ имъ будетъ мочно быть».

Въ самый день переговоровъ новогородскихъ пословъ съ боярами государь отрядилъ войска для занятія лежащихъ около Новгорода городищъ и монастырей. Это было 24 ноября, а на слѣдующій день государь далъ отвѣтъ на челобитье пословъ. Въ отвѣтѣ своемъ великій князь приказалъ сказать, что такъ какъ новогородцы возвели на него ложь, то онъ, положивъ упованіе на Господа Бога, и пошелъ на нихъ за ихъ неисправленіе; если же они захотятъ ему бить челомъ, то они должны знать, какъ надо ему бить челомъ.

Изъ этого начала переговоровъ видно, что новогородцы не понимали или не хотѣли понять, чего хочетъ великій князь; а великій князь не хотѣлъ своихъ требованій высказать, и ждалъ, когда новогородцы сами догадаются, что ему нужно.

Послы, выслушавъ загадочный отвѣтъ великаго князя, отпросились въ Новгородъ для доклада вѣчу; 4-го декабря они возвратились съ тѣми же предложеніями, получили тотъ же отвѣтъ и снова отпросились въ Новгородъ. На этотъ разъ они оставались тамъ не долго, они возвратились на слѣдующій же день и повинились въ томъ, что посылали Назара и Захара, а послѣ стали отъ этого посольства отказываться.

Этимъ сознаніемъ великій князь былъ удовольствованъ и объявилъ, наконецъ, свою волю, но въ видѣ отвѣта на вопросъ новогородцевъ:

«А въспрашиваете, какову нашему государьству быти на нашей отчинѣ, на Новгородѣ, ино мы великіе князи

хотимъ государьства своего, какъ есмы на Москвѣ, такъ хотимъ быти на отчинѣ своей, Великомъ Новѣгородѣ».

Загадка, наконецъ, разъяснена. Но это все еще не приказъ, а только желаніе. Великій князь хочетъ, что бы новогородцы, назвавъ его государемъ, сами просили его государствовать по-московски. По этому, когда послы стали проситься снова въ городъ «о томъ помыслити», великій князь охотно на это соизволилъ и назначилъ имъ трехъ дневный срокъ.

Возвратившись, послы просили о дозволеніи вступить въ переговоры съ боярами. Иванъ Васильевичъ соизволилъ и на это. Послы били челомъ: 1) чтобы намѣстникъ государя судилъ съ посадникомъ; 2) что бы государь бралъ дань по полугривнѣ съ сохи разъ въ годъ; 3) что бы въ новогородскихъ пригородахъ сидѣли намѣстники государя, но что бы судъ былъ по старинѣ (т. е. по новогородскимъ обычаямъ и законамъ); 4) что бы государь въ новогородскія вотчины и земли не вступался; 5) что бы новогородцевъ не вызывали (позвы и выводъ) на судъ въ Москву; 6) что бы новогородцевъ не вызывали на службу изъ предѣловъ Новогородской волости.

Эти предложенія не соотвѣтствовали московскимъ порядкамъ, тѣмъ не менѣе, бояре доложили о нихъ государю. Онъ остался недоволенъ и далъ такой отвѣтъ:

«Били есте челомъ мнѣ, великому князю, зовучи насъ себѣ государи, да что бы есмы пожаловали указали своей отчинѣ, какову нашему государьству быти въ нашей отчинѣ: и язъ, князь великій, то вамъ сказалъ, что хотимъ государьства на своей отчинѣ, Великомъ Новѣгородѣ, такова, какъ наше государьство въ Низовской земли, на Москвѣ. И вы нынѣче сами указываете мнѣ, а чините урокъ нашему государьству быти; ино то которое мое государьство?»

На это послы отвѣчали, что они урока великому князю не чинятъ, но просятъ пожаловать ихъ, сказать имъ, какъ будетъ великій князь государствовать въ Новѣгородѣ, такъ какъ они обычаевъ Низовской земли не знаютъ.

Этимъ объясненіемъ государь остался доволенъ и отвѣчалъ:

«Наше государьство великихъ князей таково: вѣчному колоколу въ отчинѣ нашей, въ Новѣгородѣ, не быти, а государьство свое намъ дръжати, ино на чемъ великимъ княземъ быти въ своей отчинѣ, волостемъ быти, селомъ быти, какъ у насъ въ Низовской землѣ, а которыя земли наши великихъ князей за вами, а то бы было наше. А что есте били челомъ мнѣ, великому князю, что бы вывода изъ Новогородской земли не было, да у бояръ у новогородскихъ въ отчины, въ ихъ земли, намъ, великимъ князямъ, не вступатися, и мы тѣмъ свою отчину жалуемъ, вывода бы не паслися, а въ вотчины ихъ не вступаемся. А суду быти въ нашей отчинѣ, въ Новѣгородѣ, по старинѣ, какъ въ земли судъ стоитъ».

Итакъ, великій князь принялъ три предложенія новогородскихъ уполномоченныхъ, изъ коихъ два вовсе не соотвѣтствуютъ московскимъ порядкамъ. Это, конечно, должно было ободряющимъ образомъ подѣйствовать на новогородскихъ пословъ. Черезъ недѣлю (14 декабря) по выслушаніи воли великаго князя, они снова обратились съ челобитьемъ о совѣщаніи съ боярами. И это совѣщаніе было разрѣшено. На немъ послы объявили, что вѣчевой колоколъ и посадника они отложили. Но этимъ дѣло не кончилось; послы возобновили свое прежнее челобитье, что бы государь пожаловалъ, московскіе позвы отложилъ, да службы не наряжалъ въ Низовскую землю.

Великій князь всѣмъ этимъ ихъ пожаловалъ.

По установленіи этихъ главнѣйшихъ пунктовъ соглашенія послы были приняты великимъ княземъ; на этой аудіенціи Иванъ Васильевичъ подтвердилъ имъ лично свое жалованье. Послѣ пріема, бояре напомнили посламъ, что бы Великій Новгородъ далъ великому князю волости и села. Послы отвѣчали: «скажемъ то Новгороду». И вотъ опять начались переговоры. По первомъ совѣщаніи съ Новгородомъ, послы предложили двѣ волости: Луки Великія да Ржеву Пустую. Князь великій не взялъ. Новогородцы пред-

ложили 10 волостей. Князь великій и 10 волостей не взялъ. Тогда новогородцы стали бить челомъ, что бы государь сказалъ, сколько же ему нужно волостей. Государь объявилъ чрезъ бояръ, что онъ хотѣлъ бы взять: половину всѣхъ владычныхъ и монастырскихъ да всѣ новоторжскія, чьи бы они ни были. Новогородцы, узнавъ волю государя, отступились всѣхъ новоторжскихъ волостей и половины владычныхъ; что же касается монастырскихъ, то они били челомъ, что бы государь взялъ половину волостей только у шести монастырей, болѣе богатыхъ, а у остальныхъ, по бѣдности ихъ, ничего бы не бралъ. На это государь соизволилъ; а владыку пожаловалъ, взялъ у него только 10 волостей.

По улаженіи этого вопроса, возникъ вопросъ о дани. Великій князь не хотѣлъ довольствоваться полъ гривной съ сохи, что ему предложили новогородцы, и требовалъ ровно втрое, по полторы гривны съ сохи. Новогородцы продолжали быть челомъ о полугривнѣ. Великій князь согласился и на это. Но и это еще не все. Новогородцы просили, что бы великій князь не посылалъ къ нимъ своихъ писцовъ и даньщиковъ, а положился бы на новогородскую душу; сколько скажутъ сохъ, столько бы и принималъ полугривенъ. Великій князь и этимъ пожаловалъ свою отчину, предоставивъ ей имѣть своихъ сборщиковъ.

Такъ по обоюдному согласію были установлены условія новаго соглашенія между великимъ княземъ и Новгородомъ. Новгородъ отложилъ вѣче и посадника, но не отказался отъ всей своей старины. Главнѣйшимъ условіемъ въ этомъ отношеніи является судъ по старинѣ, т. е., по новогородскимъ обычаямъ и законамъ. Великій князь назначаетъ судей, но они примѣняютъ новогородское право, а не московское. Далѣе, великій князь не вызываетъ новогородцевъ въ Москву, не наряжаетъ ихъ на службу внѣ новогородской волости, не вступается въ ихъ земли и воды и, наконецъ, не можетъ увеличивать поземельной дани выше установленной соглашеніемъ нормы. Великій князь согласился на зна-

чительныя ограниченія своей власти. Договоръ съ государемъ и съ московской точки зрѣнія не представлялся, слѣдовательно, дѣломъ невозможнымъ.

Это соглашеніе новогородцы хотѣли обставить и формами старыми. Они били челомъ, что бы государь далъ крѣпость своей отчинѣ и крестъ бы цѣловалъ. Великій князь отказалъ въ этомъ. Они просили, что бы бояре его цѣловали къ нимъ крестъ. И на это великій князь не согласился. Наконецъ, новогородцы стали просить, что бы государь приказалъ намѣстнику, котораго назначитъ въ Новгородъ, цѣловать къ нимъ крестъ. Иванъ Васильевичъ и въ этомъ отказалъ.

Здѣсь обнаружилась глубокая разница новаго соглащенія со старыми. Новогородскіе послы, которые знали и хотѣли только старины, въ отказѣ великаго князя усмотрѣли такое существенное отступленіе отъ этой старины, что не рѣшались покончить дѣло безъ доклада Новгороду, и стали просить объ опасной грамотѣ для проѣзда въ городъ. Государь и въ этомъ отказалъ. Посламъ пришлось уступить. Но они сдѣлали это не безъ попытки облечь новое соглашеніе въ нѣкоторую торжественную форму, представляющую болѣе гарантій, чѣмъ переговоры, которые они вели до сего времени съ боярами великаго князя. Они стали просить, что бы государь самъ лично сказалъ имъ свое жалованье. На это государь согласился и допустилъ ихъ къ аудіенціи, о которой было сказано выше.

Новгородъ же долженъ былъ по старинѣ цѣловать великому князю крестъ на грамотѣ, въ которую были внесены всѣ вышеозначенныя условія. Списокъ такой грамоты былъ явленъ Великому Новгороду и онъ согласился «на всемъ на томъ» къ государямъ своимъ цѣловать крестъ. Для большей крѣпости великій князь приказалъ грамоты подписать и приложить печать свою владыкѣ новогородскому, который былъ въ числѣ уполномоченныхъ отъ Новгорода и участвовалъ во всѣхъ переговорахъ, да по печати отъ всѣхъ пяти концовъ.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на первоначальный поводъ ко всей этой исторіи. Дѣло объ отмѣнѣ вѣча, по разсказу лѣтописца, возбуждено самими новгородцами. Они послали пословъ, которые назвали Иванъ Васильевича государемъ, а потомъ отказались и даже обвинили великаго князя во лжи. Отсюда походъ для наказанія, и въ результатѣ—Иванъ Васильевичъ становится государемъ Новагорода по желанію самихъ новогородцевъ.

Что новогородцы вовсе не желали, чтобы великій князь сдѣлался у нихъ государемъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ государствовалъ въ Москвѣ, это совершенно ясно изъ приведенныхъ переговоровъ. Даже самъ Иванъ Васильевичъ не настаивалъ на отмѣнѣ всѣхъ особенностей новогородскаго быта. Отсюда слѣдуетъ, что Новгородъ не посылалъ пословъ съ просьбой объ отмѣнѣ своей старины. Важности такой просьбы не соотвѣтствуетъ ни число, ни званіе пословъ. Ихъ всего двое, и эти двое люди мелкіе, одинъ подвойскій, другой дьякъ. Въ Москвѣ, конечно, никто не былъ введенъ въ заблужденіе и никто не вѣрилъ, что Новгородъ проситъ объ отмѣнѣ своей старины. Но Москвѣ нуженъ былъ предлогъ, чтобы возбудить дѣло объ измѣненіи неудобной теперь новогородской пошлины. Назаръ и Захаръ дали этотъ предлогъ, хотя, по краткости лѣтописнаго извѣстія, намъ и не совсѣмъ ясно, что такое они сказали Ивану Васильевичу. Изъ словъ лѣтописи видно только то, что они назвали его новымъ титуломъ. Титулъ не заключаетъ еще въ себѣ опредѣленія власти. А потому, если новгородцы и дѣйствительно хотѣли съ этого времени именовать Ивана Васильевича государемъ, то отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что замѣнивъ старый титулъ новымъ, они отказывались отъ всей своей старины. Вся эта исторія даетъ великолѣпный образчикъ изворотливой политики Ивана Васильевича. Онъ достигъ того, чего хотѣлъ; но по видимости не онъ этого хотѣлъ, а новогородцы.

Развитіе княжеской власти въ Москвѣ въ концѣ XV вѣка шло чрезвычайно быстро. Въ 1478 году Иванъ Васильевичъ

не рѣшается самъ взять у новогородцевъ столько волостей и селъ, сколько ему нужно; мало этого, онъ не рѣшается отобрать у нихъ своею властью Ярославовъ дворъ, а приказываетъ боярамъ своимъ говорити владыкѣ, и посадникамъ, и житьимъ, и чернымъ о Ярославлѣ дворѣ, чтобы тотъ дворъ ему очистили. Владыка же, бояре и житьи, отвѣчаютъ, что объ этомъ надо говорить съ новогородцами. И великій князь ждетъ. Но не прошло и пяти лѣтъ съ этого времени, какъ великій князь сталъ распоряжаться въ Новгородѣ совершенно самовластно, не стѣсняясь условіями соглашенія 1478 года. Въ 1484 году онъ приказываетъ схватить въ Новгородѣ большихъ бояръ, села ихъ и движимости отписать на себя, а ихъ самихъ перевести въ Московскій уѣздъ, гдѣ дать помѣстья.

Разселеніе, какъ самое дѣйствительное средство для искорененія старыхъ вѣчевыхъ порядковъ, Иванъ Васильевичъ примѣняетъ и къ Вяткѣ. Въ 1489 году онъ послалъ воеводъ своихъ наказать вятчанъ «за ихъ неисправленіе». Лучшіе люди вышли на встрѣчу съ покорностью. Они говорили воеводамъ великаго князя:

«А мы великому князю челомъ бьемъ, покоряемся на всей его волѣ, дань даемъ и службу служимъ».

Воеводы потребовали выдачи измѣнниковъ: Ивана Аникіева, Пахомья Лазарева и Палку Богодайщикова. Вятчане просили срока на одинъ день, послы ихъ говорили:

«Дайте намъ, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажемъ всей землѣ Вятской».

Воеводы согласились.

Вяткѣ были поставлены болѣе тяжелыя условія, чѣмъ Новгороду. Правительство не довольствовалось покорностью вятчанъ, оно требовало выдачи виновныхъ. На это вятчане не согласились. Вятка была взята, лучшіе люди выведены и испомѣщены по московскимъ городамъ (Соловьевъ V, 46).

Псковъ оказалъ московскимъ князьямъ еще менѣе со-

противленія, чѣмъ Новгородъ. Несмотря на то, что великій князь, Василій Ивановичъ, приказалъ схватить и заключить въ тюрьму псковскихъ посадниковъ, бояръ и «жалобныхъ людей» (челобитчиковъ), пріѣхавшихъ къ нему по своимъ дѣламъ изъ Пскова въ Новгородъ, псковичи не затворились отъ великаго князя и приняли его посла. Посолъ этотъ объявилъ имъ волю государя, «чтобы у нихъ вѣчья не было бы да и колоколъ бы вѣчной сняли», если хотятъ пожить въ старинѣ. Воля эта была объявлена на вѣчѣ. Псковичи просили только дать имъ подумать до другого дня. На другой день они безпрекословно согласились на требованіе великаго князя.

Здѣсь не было никакихъ переговоровъ, и никакихъ условій псковичи не предлагали. Но, конечно, потому, что лучшіе люди ихъ поѣхали къ великому князю въ Новгородъ и тамъ, предусмотрительно, были посажены за пристава.

Обѣщаніе сохранить старину нѣсколько напоминаетъ порядокъ отмѣны вѣча въ Новгородѣ; но во Псковѣ старина эта не была опредѣлена, и псковичи цѣловали великому князю крестъ безусловно, а не по грамотѣ. Послѣ цѣлованія великій князь обѣщалъ дать «жалованную грамоту», какъ имъ впередъ жить. Но была ли дана такая грамота, этого мы не знаемъ. Если Иванъ Васильевичъ съ 1484 года сталъ нарушать льготы, данныя новогородцамъ въ 1478 году, то трудно думать, чтобы сынъ его имѣлъ дѣйствительное намѣреніе сохранить псковскую старину. Въ самый годъ, когда было дано обѣщаніе сохранить эту старину, Василій Ивановичъ приказалъ взять за пристава посадниковъ и лучшихъ бояръ и купцовъ псковскихъ, всего 300 семей, и перевезти ихъ въ Москву (Псков. I, 1510).

Несмотря на полную побѣду Москвы, отголоски вѣчеваго быта явственно слышатся и въ смутную эпоху начала XVI вѣка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вѣчевое устройство.

Чѣловѣкъ предшествуетъ государству. Онъ существовалъ за долго до его появленія, какъ членъ семьи, рода, племени. Никто не наблюдалъ первоначальнаго возникновенія государствъ. Но они, конечно, возникли не во всеоружіи, не съ тѣмъ опредѣленнымъ сознаніемъ своихъ особыхъ цѣлей, потребностей и средствъ существованія, какимъ обладаютъ въ эпоху своей зрѣлости. Первоначально, надо думать, это новое и, сравнительно съ болѣе древними союзами, въ которыхъ жилъ человѣкъ, болѣе искусственное цѣлое не сознавало себя, какъ нѣчто особое отъ составныхъ своихъ элементовъ; составные же его элементы не противопоставляли своимъ личнымъ цѣлямъ и интересамъ—цѣли и интересы государства, а наоборотъ, въ цѣляхъ государства видѣли только свои личные. Вотъ этому то моменту въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ и принадлежитъ возникновеніе вѣчевой формы быта. Государство находится въ періодѣ зарожденія, оно не настолько еще окрѣпло, что бы идея государства могла обособиться отъ составляющихъ его элементовъ и мыслиться отдѣльно отъ нихъ. Составные элементы этого новаго цѣлаго принимаютъ участіе въ его дѣлахъ потому, что считаютъ ихъ своими. Общее не успѣло еще обособиться отъ частнаго и является только суммою этихъ частныхъ; оно не успѣло еще выработать и своихъ особыхъ органовъ. Такова почва, на которой воз-

никло вѣче. А такъ какъ моментъ безразличія частнаго и общаго должны были пережить всѣ государства, то форма вѣчеваго быта должна быть наблюдаема у всѣхъ народовъ. Сравнительная исторія права даетъ достаточно фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль. Но въ настоящемъ сочиненіи мы имѣемъ дѣло не съ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, а съ изученіемъ нашихъ отечественныхъ древностей, которое должно дать богатый матеріалъ для сравнительнаго знанія и составляетъ единственно твердое научное его основаніе.

Указанными свойствами вѣчеваго быта объясняются и всѣ подробности вѣчевой организаціи.

I. Составъ.

Участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древности, какъ право, принадлежащее свободному человѣку.

Принимающіе участіе на вѣчѣ, обыкновенно, обозначаются въ источникахъ самыми общими терминами, обнимающими все свободное населеніе: это людіе безъ всякихъ ограниченій *). На тѣхъ же людей въ широкомъ смыслѣ указываетъ обозначеніе участниковъ по имени города: новгородцы, владимірцы, рязанцы, кіяне и пр., что значитъ тоже, что «люди въ Кіевѣ,» «люди ростовскіе» и пр. Иногда названію по городу предшествуетъ опредѣленіе количества словомъ «всѣ», напримѣръ, «всѣ переяславцы,» «вся Галицкая земля» и пр.

Кромѣ этихъ общихъ терминовъ, указывающихъ на право участія всѣхъ свободныхъ, мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и указанія на участіе отдѣльныхъ слоевъ населенія, начиная съ высшихъ и до послѣднихъ. Въ Кіевѣ участвуютъ князья и митрополитъ; въ Новгородѣ не только лучшіе люди (бояре, купцы), но и меньшіе, черные, смерды, даже

*) Для Кіева Лавр. 968, 1067; Ипат. 1154; для Владиміра на Клязьмѣ Воскр. 1216; для Ростовской вол. встрѣчаемъ «людей земли нашей», какъ выражается Всеволодъ Юрьевичъ, Ипат. 1183; въ Галичѣ южномъ упоминается «вся Галицкая земля» Ипат. 1187; въ Суздалѣ «всѣ люди» Суздал. 1164; для Новгорода Новгор. I 1259, 1273.

худые мужики; тоже и въ Торжкѣ *). Во Владимірѣ сѣверномъ на вѣчѣ 1177 года, кромѣ бояръ, упоминаются еще купцы; но въ томъ же разсказѣ эти два термина оказались тѣсными, а потому, въ дальнѣйшемъ изложеніи, вмѣсто купцовъ поставлено «и всѣ люди» **).

Подъ свободными людьми, имѣющими право участія въ народныхъ думахъ, надо разумѣть, однако, не все населеніе поголовно, а свободныхъ людей, которые не состоятъ подъ отеческою властью и не находятся въ иной какой либо частной зависимости.

Что касается перваго ограниченія, то оно выражено въ памятникахъ. Въ 1147 году кіевляне на приглашеніе своего князя Изяслава Мстиславича идти къ Суздалю на Юрія и Святослава Ольговича отвѣчаютъ отказомъ:

«Княже! ты ся на насъ не гнѣвай не можемъ на володимире племя рукы възняти; олня же Олговичь хотя и съ дѣтми». Ипат.

Тоже говорятъ и дрючане князю Всеволоду Борисовичу:

«Аче ны ся и съ дѣтьми бити за тя, а ради, ся бьемъ за тя». Ипат.

Отцы, слѣдовательно, рѣшаютъ за дѣтей, которыя тѣмъ самымъ устраняются отъ участія въ народныхъ собраніяхъ. Ограниченіе это условливается семейнымъ правомъ. Участіе въ вѣчевомъ собраніи предполагаетъ возможность говорить и дѣйствовать по личному усмотрѣнію; дѣти состоятъ подъ отеческою властью и воли своей не имѣютъ, а потому для нихъ и не возможна самостоятельная дѣятельность на вѣчѣ.

Но распространяется ли это ограниченіе на выдѣленныхъ дѣтей, или инымъ способомъ вышедшихъ изъ подъ отеческой власти и живущихъ самостоятельно?—думаемъ, что нѣтъ.

Что касается людей, находящихся въ частной зависи-

---

*) Ипат. 1146, 1147; Новгор. 1259, 1340; Воскр. 1471.

**) Лавр. Для Галича, Суздаля и Смоленска см. Ипат. 1189, 1235; Суздл. 1176; Воскр. 1401.

мости по найму (закупы), то наши источники не даютъ по отношенію къ нимъ прямыхъ указаній. Заключенія надо выводить изъ общаго положенія закуповъ. Древній обычай стремился къ ограниченію правъ закуповъ (на это указано въ I т. Рус. Юр. Древ.), а потому трудно допустить участіе ихъ на вѣчевыхъ собраніяхъ.

Каждый, имѣющій право, участвуетъ непосредственно, а не чрезъ представителя. На начало представительства наши памятники не содержатъ никакихъ указаній. Всѣ же вышеприведенныя мѣста объ участіи «всѣхъ кіянъ» и пр. свидѣтельствуютъ о личномъ участіи.

Въ составъ волости входятъ не только города, но и пригороды, а потому возникаетъ вопросъ, кто же имѣетъ право участвовать въ вѣчевой жизни волости, жители главныхъ городовъ только, или и жители пригородовъ? И тѣ и другіе. Кіевскій князь Изяславъ былъ призванъ не одними кіевлянами но и жителями пригородовъ, Бѣлграда и Василя (см. выше стр. 17). Въ призваніи Андрея и Ростиславичей съ главными городами участвуютъ такъ же и пригороды. Тоже наблюдаемъ въ Полоцкой волости (стр. 10), Новгородской и Псковской. Подъ 1132 годомъ, лѣтописецъ, описавъ отъѣздъ Всеволода Мстиславича изъ Новгорода на столъ въ Переяславль южный и возвращеніе его въ Новгородъ, послѣ изгнанія изъ Переяславля дядею Юріемъ, продолжаетъ:

«И бысть въстань велика въ людѣхъ. И придоша пльсковици и ладожане Новугороду и выгониша князя Всѣволода изъ города. И паки съдумавъше въспятиша и; а Мирославу даше посадьницяти въ Пльскове, а Рагуилови въ городѣ.» Новогор. I.

Непостоянство князя возбудило противъ него неудовольствіе не въ однихъ новогородцахъ, но и въ псковичахъ и ладожанахъ. Они пріѣхали въ Новгородъ, подкрѣпили партію, которая была противъ Всеволода, и прогнали его. А потомъ передумали и вернули князя, конечно, вмѣстѣ

съ новогородцами, которые были того же мнѣнія. Пригороды участвовали и въ избраніи посадниковъ.

Въ 1136 году Новогородцы, желая подвергнуть новому обсужденію управленіе князя Всеволода, сами призываютъ для этой цѣли въ Новгородъ псковичей и ладожанъ.

И такъ, волость, съ точки зрѣнія вѣчевой жизни, составляетъ одно цѣлое. На вѣчевыхъ собраніяхъ имѣетъ право участвовать все свободное населеніе волости. Поэтому - то лѣтописецъ и говоритъ: «и вся власти на вѣче, какъ на думу сходятся».

Подробному разсмотрѣнію вопроса объ участіи пригородовъ въ вѣчевой жизни волости мы посвятимъ слѣдующую главу.

II. Время собраній и порядокъ созыва.

Мы не находимъ никакихъ указаній на періодичность вѣчевыхъ собраній *). Они составлялись по мѣрѣ потреб-

*) Профессоръ Владимірскій-Будановъ высказываетъ предположеніе о періодичности вѣчевыхъ собраній. „Лишь предположительно, говоритъ онъ, можно сказать, что были періодическія собранія во время братчинъ, во дни церковныхъ мѣстныхъ торжествъ“ (Обзоръ I. 32). Въ подтвержденіе своей мысли авторъ ссылается на приведенное нами выше (стр. 10) мѣсто Ипатьевской лѣтописи о событіяхъ 1159 года въ Друцкѣ и Полоцкѣ. Изъ этого мѣста авторъ выводитъ, что братчина, на которую полочане звали Рогволода, оказалась вѣчемъ. Это не совсѣмъ такъ. Въ данномъ случаѣ братчина и вѣче—два разныхъ собранія, слѣдовавшихъ одно за другимъ. Князь былъ на братчинѣ въ Петровъ день, да тамъ его не посмѣли взять; поэтому ему сдѣлали на другой день новое приглашеніе, но уже не на братчину, а просто въ городъ. Въ то же время князь узналъ, что въ городѣ собралось враждебное ему вѣче и не поѣхалъ. И такъ братчина едва ли могла оказаться вѣчемъ. Но не была ли братчина, собиравшаяся въ Петровъ день, и на которой князь присутствовалъ, вѣчемъ? Нѣтъ основанія думать это. Мы не можемъ присоединиться и къ самой мысли о періодичности вѣчевыхъ собраній по той причинѣ, что для періодическихъ собраній не было повода, такъ какъ вѣче не занималось никакими текущими вопросами законодательства, суда и управленія.

ности и всякій разъ по особому приглашенію. При отсутствіи необходимаго повода, вѣче могло не собираться не только въ теченіе мѣсяца, но даже цѣлаго года; и на оборотъ, въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній. Въ 1384 году въ Новгородѣ, по дѣлу князя Патрикѣя, вѣче созывалось ежедневно въ теченіе двухъ недѣль (Новогр. IV).

Порядокъ созванія вѣча опредѣляется сущностью этого учрежденія. Это форма участія народа въ общественныхъ дѣлахъ въ силу присущаго народу права, а потому вѣче можетъ быть созвано, какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ, или инымъ какимъ либо органомъ власти. Мы имѣемъ не мало извѣстій о созваніи вѣча народомъ, не смотря на присутствіе въ городѣ князя, или его посадника. Подъ народомъ не должно разумѣть ни всего народа, ни значительной его части; для созванія вѣча довольно было ясно выраженной воли и весьма небольшаго числа людей. Новогородская исторія представляетъ примѣры, когда вѣче собиралось по требованію, заявленному только двумя заинтересованными въ дѣлѣ лицами *).

Народъ сходится потому, что имѣетъ право, но онъ не обязанъ сходиться, а потому, чтобы вѣче состоялось, мало одного призыва, а надо еще, чтобы народъ желалъ совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Безъ желанія народа вѣче не состоится, хотя бы призывъ исходилъ и отъ самого князя. Во время похода Мстислава Мстиславича съ новогородцами къ Кіеву на Всеволода Чермнаго, новогородцы, дойдя до Смоленска, поссорились со смольнянами и не захотѣли идти далѣе.

«Князь же Мьстиславъ, разсказываетъ лѣтописецъ, въ вѣче поча звати, они же не поидоша; князь же чѣловавъ всѣхъ, поклонивъся, пойдѣ. Новогородьци же створивъше вѣче особе, почаша гадати». Новог. I. 1214.

*) Новгр. I. 1342. Примѣры созванія народомъ и княземъ можно найдти въ мѣстахъ лѣтописи, приведенныхъ въ первой главѣ.

Новогородцы не пошли на княжеское вѣче, но устроили свое, безъ князя.

Изъ того начала, что народъ собирается только въ томъ случаѣ, если захочетъ, а не по обязанности, надо вывести и дальнѣйшія послѣдствія. Часть народа можетъ желать пойдти на вѣче, созванное княземъ или кѣмъ инымъ, а другая часть можетъ пожелать устроить свое особое. Такимъ образомъ, одновременно могутъ состояться два вѣча. Кто не желаетъ участвовать ни въ томъ, ни въ другомъ, остается дома. Изъ послѣдующаго увидимъ, что это такъ и бывало въ дѣйствительности.

Вѣче созывалось двумя способами: колокольнымъ звономъ и посредствомъ приглашенія чрезъ особыхъ разсыльныхъ. Колоколъ былъ обыкновеннымъ способомъ созыва въ Новгородѣ и Псковѣ. Къ нему обращались и князья:

«На утрій же день, говоритъ лѣтописецъ,ославъ Изяславъ на Ярославовъ дворъ, и повелѣ звонити вѣче, и тако новьгородци и плесковичи снидошася на вѣче». Ипат. 1148.

Въ Новгородѣ и Псковѣ колоколъ сдѣлался символомъ вѣчевой жизни, а потому требованіе объ отмѣнѣ вѣча было выражено въ формѣ: «не быть вѣчному колоколу, снять вѣчный колоколъ». Надо полагать, что вслѣдствіе вѣковой практики установился обычай звонить въ одинъ опредѣленный колоколъ.

Для другихъ городовъ не встрѣчаемъ извѣстій о колокольномъ звонѣ. Только разъ созвонили вѣче въ Москвѣ, но во всѣ колокола. Это случилось въ 1382 году, въ нашествіе Тохтамыша. Великій князь, Дмитрій Ивановичъ, не нашелъ поддержки въ другихъ князьяхъ для встрѣчи татаръ на границѣ и вынужденъ былъ отступить къ Костромѣ. Въ Москвѣ, оставшейся безъ князя,

«Бысть замятня велика. Овіи, говоритъ лѣтописецъ, хотяху сѣсти въ градѣ и затворитися, а друзіи бѣжати помышляху, и бывши распрѣ межи ими велицѣ, овіи съ рухлядію вметающеся въ градъ, а друзіи изъ града бѣжаху

ограблени суще; и сътвориша вѣче, позвониша во всѣ колоколы». Воскр.

Можно думать, что это поздній отзвукъ первоначально общей практики.

Но и новогородцы не всегда созывались колоколомъ. Во время похода, ихъ, по всей вѣроятности, скликали биричи и подвойскіе, которые въ мирное время собирали народъ на княжескіе обѣды (Ипат. 1148).

О кіевскомъ вѣчѣ 1147 года говорится, что князь Владиміръ «вабитъ» на вѣче, т. е. приглашаетъ, зоветъ, можетъ быть, чрезъ посредство биричей.

Особенно важныхъ лицъ князья приглашали сами прибыть на вѣче. Такъ князь Владиміръ въ томъ же 1147 году, передъ вѣчемъ, поѣхалъ къ митрополиту, и лично звалъ его.

III. Мѣсто собраній.

Извѣстія, которыя мы имѣемъ о мѣстѣ собраній, весьма характерны для разсматриваемой формы быта.

Вѣчевыя думы, на которыя сходится «многое множество народа», собираются на свободныхъ мѣстахъ подъ открытымъ небомъ. Самое мѣсто всякій разъ опредѣляется созывающимъ. Въ 1147 году Игорь созываетъ кіевлянъ на вѣче подъ Угорское; сами же кіевляне въ томъ же году и потому же предмету собираются у Туровой божницы. И это не смотря на то, что въ Кіевѣ у святой Софіи было мѣсто, болѣе приспособленное для вѣчевыхъ собраній. Тамъ, можно думать, были устроены скамьи, на которыхъ народъ могъ сидѣть; у Туровой же божницы сидѣній не было и народъ держалъ вѣче на коняхъ (Ипат. 1146, 1147). Кромѣ этихъ трехъ мѣстъ въ Кіевѣ упоминается еще Торговище (Лавр. 1067) и Ярославовъ дворъ (Ипат. 1146), какъ мѣста вѣчевыхъ собраній.

Въ Новгородѣ чаще всего собирались у святой Софіи и на Ярославовомъ дворѣ, но были и другія мѣста собраній: въ 1015 году Ярославъ созвалъ вѣче «на поли» (Воск.). Въ случаѣ же раздѣленія мнѣній единовременно составлялись два вѣча въ разныхъ мѣстахъ. По дѣлу князя Патрикѣя Славянскій конецъ созвонилъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, а три другихъ конца у святой Софіи (Новг. IV. 1384).

Въ разныхъ мѣстахъ собирались иногда и сторонники одного мнѣнія. Такъ случилось въ дѣлѣ посадника Твердислова. Противники его собрались одни у Святого Николы, другіе у Святыхъ 40 мучениковъ (Новг. I. 1218).

У Святыхъ мучениковъ собрался Неревскій конецъ, въ предѣлахъ котораго находилась эта церковь. Это наводитъ на мысль, что у концовъ были свои вѣчевыя собранія, по общимъ вопросамъ подготовительныя, а по своимъ мѣстнымъ окончательныя.

Вѣчевыя собранія внѣ города также не представляютъ рѣдкости. Они весьма обыкновенны во время походовъ и встрѣчаются у новогородцевъ, псковичей и смольнянъ; но бываютъ и по причинѣ слишкомъ большаго числа участниковъ, которое не можетъ удобно размѣститься на какой либо изъ городскихъ площадей. Этимъ надо объяснять, что ростовцы, суздальцы и переяславцы, съѣхавшись для выбора князя во Владиміръ, держатъ вѣче не въ городѣ, а у города.

Въ исключительныхъ случаяхъ вѣче собиралось въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, но не въ особенно устроенныхъ залахъ, а по «дворамъ» частныхъ лицъ. Это дѣлалось тогда, когда требовалась тайна, когда, напримѣръ, народъ напередъ хотѣлъ выяснить, много ли будетъ сторонниковъ извѣстнаго предложенія. Такое вѣче было въ Новгородѣ въ 1169 году.

«Томъ же лѣтѣ, разсказываетъ лѣтописецъ, начаша новгородцы вѣче дѣяти, въ тайнѣ, по дворамъ, на князя своего, на Святослава на Ростиславича. И пріѣхавше на городище пріятели его, начаша повѣдати: «княже! дѣють людье вѣче ночь, а хотятъ тя яти. А промышляй о собѣ!»

Князь же испытавъ извѣстно о собѣ и о нихъ, яви дружинѣ своей. И рѣша ему дружина: «а то перво суть къ тобѣ крестъ цѣловати вси по отни смерти, но обаче невѣрни суть всегда ко всимъ княземъ; а промышляемы о собѣ, али начнуть о насъ людіе промышляти». Ипат. 1169; Новгор. I. 1167—9.

Ни князь, ни пріятели его, ни дружина не разсматриваютъ тайнаго вѣча, какъ не законнаго, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые историки нашего времени. Князь озабоченъ только тѣмъ, что бы точно узнать, какъ относится къ нему народъ и много ли у него противниковъ. Судя по отвѣту дружины, положеніе его въ Новгородѣ было безнадежно. Онъ уѣхалъ въ Луки, откуда прислалъ сказать новогородцамъ: «не хочю у васъ княжити, не любо ми есть». Новогородцы снарядили войско прогнать Святослава изъ Лукъ, а къ себѣ на столъ пригласили Романа Мстиславича.

IV. Порядокъ совѣщаній.

По краткости лѣтописныхъ извѣстій мы знаемъ очень мало о ходѣ вѣчевыхъ совѣщаній. Можетъ показаться даже невѣроятнымъ, что извѣстія нашихъ памятниковъ о вѣчевой практикѣ Новгорода и Пскова скуднѣе, чѣмъ извѣстія о кіевской практикѣ. А между тѣмъ это такъ. Кіевскій лѣтописецъ оставилъ намъ довольно полную картину вѣча 1147 года (см. 19 стр.), сѣверные жъ не дали ничего подобнаго.

Судя по имѣющимся даннымъ, наша древность не выработала нормы наименьшаго числа членовъ, при наличности которыхъ вѣче считалось состоявшимся. Надо думать, что оно считалось состоявшимся при всякомъ наличномъ числѣ, достаточно многочисленномъ, чтобы настоять на осуществленіи своего рѣшенія.

Нѣтъ никакихъ указаній на существованіе особаго предсѣдателя вѣчевыхъ собраній. Какъ скоро народъ собирался

и занималъ мѣсто, первое слово говорилъ тотъ, кто собралъ вѣче. Такъ поступаетъ въ Кіевѣ князь Владиміръ, созвавшій вѣче (1147) по порученію брата, Изяслава. Онъ объясняетъ причины созванія.

За отсутствіемъ предсѣдателя, первая роль и, до нѣкоторой степени, руководство преніями принадлежало «лучшимъ людямъ», присутствовавшимъ на вѣчѣ, боярамъ и старцамъ. Такое преобладающее значеніе боярамъ и старцамъ придано лѣтописцемъ въ разсказѣ о совѣщаніи, которое имѣлъ Владиміръ Святой по поводу выбора вѣры. Ссылаясь на это мѣсто лѣтописи, мы вовсе не утверждаемъ, что выборъ вѣры происходилъ въ дѣйствительности такъ, какъ описанъ; мы думаемъ только, что лѣтописецъ, что бы онъ ни описывалъ, непремѣнно будетъ писать красками своего времени. На этомъ совѣщаніи присутствуютъ бояре, старцы и всѣ люди. Но на вопросъ Владиміра отвѣчаютъ одни бояре и старцы; остальные же люди выражаютъ только одобреніе отвѣту бояръ и старцевъ (Лавр. 987).

По выслушаніи привѣтствія отъ пословъ Изяслава, слѣдующій шагъ на кіевскомъ вѣчѣ 1147 года дѣлаютъ «кіяне». Они, а не предсѣдатель, обращаются къ посламъ съ вопросомъ, зачѣмъ князь прислалъ ихъ? Лѣтописецъ не опредѣляетъ ближе, кто эти «кіяне». Но, конечно, не всѣ же кіяне въ одинъ голосъ предложили вопросъ. Ихъ было такъ много на этомъ вѣчѣ, что, по всей вѣроятности, не всѣ и слышали хорошо, о чемъ шла рѣчь. Надо думать, что присутствующіе и размѣстились въ нѣкоторомъ порядкѣ. Въ серединѣ, ближе къ князю и митрополиту, находились лучшіе люди, бояре и старцы. Эти лучшіе люди, по всей вѣроятности, и предложили посламъ вопросъ.

Очень понятно, что боярамъ, людямъ состоятельнымъ, и умудреннымъ опытомъ старцамъ принадлежало на всякихъ сходкахъ первое мѣсто. Но это не значитъ, что они имѣли на вѣчѣ лучшее право, чѣмъ остальные люди. Право у всѣхъ было равное, и каждый говорилъ или молчалъ по своему усмотрѣнію. Преобладающая роль лучшихъ людей условли-

валась единственно тактомъ присутствующихъ. Если присутствующіе имѣли интересъ заглушать чьи либо рѣчи, они легко могли достигнуть этого, подкупивъ крикуновъ изъ мелкихъ людей. Примѣръ такого безпорядочнаго вѣча даетъ Новгородъ въ 1471 году, когда партія Борецкихъ возбуждала вопросъ о переходѣ Новгорода отъ московскихъ государей къ литовскимъ.

«То же слышавше, говоритъ лѣтописецъ, новгородстіи людіе, бояре ихъ, и посадници, и тысячскіе, и житіи людіе, которіи не хотяще перваго своего обычаа и крестнаго цѣлованіа преступити, ради быша вси тому и правитися хотяще вси къ великому князю по старинѣ. А предиреченніи они, Исаковы дѣти, съ прочими съ ихъ поборники и съ наймиты своими, яко взбѣснѣша, или яко звѣри дикіи, безчеловѣченъ разумъ имуще, князя великого пословъ рѣчей, такоже и митрополита Филиппа, слышати не хотяху, но и еще наймоваху злыхъ тѣхъ смердовъ, убійць, шилниковъ и прочихъ безъ именитыхъ мужиковъ, иже скотомъ подобни суть, ничтоже разума имущихъ, но точію едино кричаніе, иже безсловеснаа животнаа не тако рычаху, якоже они новгоростіи людіе, невѣгласи, государемъ зовяху себѣ Великій Новгородъ, и ти приходяху на вѣче, біаху въ колоколы, и кричаху, и лаяху, яко пси, нелѣпаа глаголюще: «за короля хотимъ». Воскр.

Въ этомъ описаніи краски наложены весьма густо, но не это насъ интересуетъ, а то, что самые послѣдніе люди, безъименитые мужики не только могли говорить, что и когда хотѣли, но даже могли звонить въ колокола и такимъ образомъ увеличивать число собравшихся на вѣчѣ, ни у кого не испрашивая разрѣшенія.

Понятно, что при такихъ условіяхъ вѣчевыя думы должны были представлять иногда весьма шумныя и безпорядочныя сборища. И это не въ одномъ Новгородѣ. Въ описаніи владимірскаго вѣча 1097 года (стр. 3) также не видно предсѣдателя. Все дѣлаютъ «людье». Они непосредственно обращаются къ своему князю съ требованіемъ выдать виновниковъ ослѣпленія Василька; а когда князь началъ укло-

няться отъ исполненія этого требованія, они «кликнули» на него, т.-е. поднялся шумъ и гамъ.

Еще болѣе шумное собраніе имѣло мѣсто во Владимірѣ на Клязьмѣ въ 1177 году. Взявъ въ плѣнъ противниковъ своихъ, Ярополка Ростиславича и тестя его, Глѣба Рязанскаго, Всеволодъ держалъ ихъ, однако, на свободѣ. Это не понравилось владимірцамъ.

«И на третій день (по возвращеніи съ побѣды), разсказываетъ лѣтописецъ, бысть мятежь великъ въ градѣ Володимери: вставша бояре и купцы, рекуще: «княже! мы тобѣ добра хочемъ и за тя головы своѣ складывасмъ, а ты держишь ворогы своѣ просты! А се ворози твои и наши, суждалци и ростовци, любо и казни, любо слѣпи, али дай намъ!» Лавр.

V. Порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній.

Порядокъ вѣчевыхъ рѣшеній представляетъ чрезвычайно характерную особенность. Счета голосовъ у насъ вовсе не дѣлалось по той причинѣ, что большинство голосовъ (абсолютное и тѣмъ болѣе относительное) не считалось достаточнымъ для рѣшенія дѣла. У насъ требовалось или единогласное рѣшеніе, или такое большинство, которое ясно видно безъ всякаго счета голосовъ. Это должно быть подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ.

Такой порядокъ совершенно понятенъ. Рѣшеніе по большинству не заключаетъ въ себѣ никакой разумной идеи. Если сто человѣкъ думаютъ такъ, а пятьдесятъ иначе, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что сто думаютъ правильно, а пятьдесятъ ложно, и что пятьдесятъ должны подчиниться мнѣнію ста. Если теперь вездѣ принимается большинство, то какъ единственно возможный мирный выходъ изъ затрудненія, представляемаго раздѣленіемъ голосовъ, и только. Древній человѣкъ не былъ способенъ къ такому искусственному рѣшенію вопроса. Онъ предпочиталъ биться за свои

убѣжденія и силою принуждать противника принять мнѣніе, въ истинности котораго былъ увѣренъ.

А съ другой стороны, рѣшеніе по большинству предполагаетъ наличность самостоятельной исполнительной власти, достаточно сильной, чтобы привести въ дѣйствіе народное рѣшеніе, не смотря на противорѣчіе многочисленнаго большинства. Въ періодъ господства вѣчеваго быта исполнительная сила не успѣла еще обособиться отъ силы народа вообще; а потому значительное меньшинство народа всегда могло противопоставить большинству дѣятельное сопротивленіе. Такъ оно, въ дѣйствительности, и было.

Что голосовъ не собирали и не считали, а принимали за рѣшеніе подавляющую силу ихъ, это мы видимъ: во первыхъ, изъ обычныхъ для того времени выраженій, въ которыхъ говорится о состоявшихся народныхъ рѣшеніяхъ, и во-вторыхъ, изъ послѣдствій, которыя наступали въ случаѣ такого раздѣленія мнѣній, при которомъ не было ни на одной изъ сторонъ подавляющаго большинства.

Всѣ вѣчевыя рѣшенія имѣютъ въ своемъ основаніи соглашеніе всѣхъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями употребительны двѣ формы, краткая:

«Благословеніе отъ владыцѣ, Моисѣя, поклонъ отъ посадника, Данила, отъ тысяцкого, Аврама, и отъ всего Новагорода къ господину великому князю, Олександру». 1327.

и пространная:

«Благословеніе отъ владыки, покланяние отъ посадника, Михаила, и отъ тысяцькаго, Кондрата, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ къ князю Ярославу». 1265.

Въ пространной редакціи прямо упомянуто, что договоръ заключенъ отъ имени всѣхъ старшихъ и младшихъ людей. Тотъ же смыслъ, конечно, имѣетъ и краткая редакція.

Такую же форму рѣшеній отъ имени всѣхъ находимъ и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Въ 1212 году, на вопросъ князя своего, Ярослава Всеволодовича,—переяславцы даютъ

всѣ одинъ отвѣтъ (стр. 26). Въ 1215 году, тотъ же князь, Ярославъ, послалъ изъ Торжка въ Новгородъ сто новогородцевъ, чтобы составить тамъ партію противъ князя Мстислава и выпроводить его изъ Новгорода:

«И не яшася по то, говоритъ лѣтописецъ о новогородцахъ, нъ вси быша единодушно и тѣ сто мужъ». Новог. I.

Во время борьбы Даніила Московскаго и Михаила Тверскаго съ Андреемъ Александровичемъ на сторонѣ первыхъ стоятъ переяславцы съ единого, т. е. всѣ, какъ одинъ человѣкъ (Воскр. 1296).

Въ 1372 году новогородцы, пріѣхавшіе въ Торжокъ для защиты этого города отъ Михаила Тверскаго, совокупились и соединились съ новоторжцами и укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ, еже быти и стати за единъ (Новог. I). Въ 1391 году новогородцы отвѣтили отказомъ на просьбу митрополита о судѣ. Лѣтописецъ передаетъ ихъ отвѣтъ въ такихъ выраженіяхъ:

«И ноугородци отвѣщаша единѣми усты: цѣловали есмя крестъ съ одного, а грамоты пописали и попечатали, и душу запечатили *).

Но поводовъ къ разногласію въ древнее время было не меньше, чѣмъ въ наше. А потому господствовавшій тогда порядокъ заключалъ въ себѣ возможность междоусобной брани. При нерѣшительномъ раздѣленіи голосовъ, стороны стояли другъ противъ друга безъ всякихъ средствъ къ мирному выходу изъ разногласія. Имъ ничего не оставалось, какъ обратиться къ суду Божію. Они это и дѣлали. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ борьбы разномыслящихъ вѣчевыхъ партій, которые представятъ съ тѣмъ вмѣстѣ и новое доказательство, какъ необходимости «одиночества», такъ и полнаго отсутствія мысли о лучшемъ правѣ большинства.

*) Соф. I. См. еще подобныя же крестныя цѣлованія: Новог. IV. 1397 и Новог. II. 1422.

Въ 1218 году посадникъ Твердиславъ возбудилъ противъ себя значительное число новогородцевъ. Противъ него были Славянскій, Плотницкій и значительная часть Неревскаго конца; за него Людинъ конецъ и Прусская улица Неревскаго конца. Противники Твердислава собрали два вѣча, одно у святаго Никиты, другое у Сорока Святыхъ. Гдѣ собирались сторонники посадника, лѣтопись не говоритъ. Она сообщаетъ только, что Твердиславъ съ Людинымъ концомъ и Прусской улицей пошелъ противъ своихъ противниковъ. Загородскій же конецъ, прибавляетъ лѣтописецъ, не присоединился ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Здѣсь мы имѣемъ передъ глазами богатый содержаніемъ случай вѣчевой практики. Три конца безъ одной улицы составляютъ два вѣча противъ посадника; одинъ конецъ плюсъ чужая улица составляютъ вѣче въ пользу посадника; наконецъ, еще одинъ конецъ совершенно остается въ сторонѣ и не участвуетъ ни на одномъ изъ трехъ единовременно дѣйствующихъ вѣчевыхъ собраній. Дѣло дошло до войны: на той и другой сторонѣ были убитые и много раненыхъ. Но битва не была рѣшительна. Вѣчевыя собранія продолжались цѣлую недѣлю, пока спорящіе не пришли къ единенію:

«Но Богомъ, говоритъ лѣтописецъ, дияволъ попранъ бысть и святою Софіею, крестъ возвеличянъ бысть: и съидошася братья въ купѣ о д н о д у ш н о, и крестъ цѣловаша». Новог. I.

Посадникъ Твердиславъ удержалъ за собой свое мѣсто. Въ данномъ случаѣ перевѣсъ получило мнѣніе, которое первоначально поддерживалось однимъ концомъ противъ трехъ, т. е. мнѣніе меньшинства. Надо полагать, что меньшинство это проявило болѣе энергіи и настойчивости, чѣмъ большинсто, а потому и одержало побѣду.

Въ 1384 году орѣховцы и корельцы пріѣхали въ Новгородъ съ жалобой на своего посадника, князя Патрикѣя. Патрикѣй также пріѣхалъ въ Новгородъ и «посуломъ» склонилъ на свою сторону Славянскій конецъ. Весь осталь-

ной Новгородъ былъ противъ князя Патрикѣя. И этого громаднаго большинства было недостаточно, чтобы заставить Славянскій конецъ уступить. Онъ продолжалъ собираться на Ярославовомъ дворѣ и стоять на своемъ. Онъ даже обратился къ силѣ и сдѣлалъ нападеніе на дворъ тысяцкаго, который съ лѣвой стороны Волхова ходилъ на Софійское вѣче, гдѣ собирались противники Патрикѣя. Остальному Новгороду пришлось вооружиться, какъ на рать. Только тогда Славянскій конецъ уступилъ:

«И по усобной той рати, говоритъ лѣтописецъ, поидоша вся пять концовъ въ одиночество: отняша тыи городы у князя, а даша ему Русу да Ладогу и Наровьскій берегъ; и грамоту списаша съ княземъ, и запечаташа на вѣчи, на Ярославлѣ дворѣ». Новог. IV.

Такимъ образомъ, какъ необходимость соглашенія всѣхъ, такъ и возможность междоусобной брани, въ случаѣ раздѣленія, суть двѣ стороны одного и того же явленія. При господствѣ такихъ порядковъ, волость постоянно переходитъ изъ состоянія мира въ состояніе размирья и обратно. Приведемъ два примѣра.

Въ 1342 году, новогородецъ, Лука Варѳоломеевъ, отправился противъ воли Новгорода, воевать по Двинѣ. Этотъ своевольный походъ кончился для него неудачно, онъ былъ убитъ въ Заволочьи. Надо думать, что его поддерживали чорные люди, потому что, получивъ извѣстіе о смерти Луки, они возстали на посадника, обвиняя его въ подговорѣ къ убійству. Сынъ убитаго формально обратился къ Новгороду съ жалобою на посадника, утверждая, что онъ подослалъ убійцъ.

«И Онцифоръ (сынъ Луки), продолжаетъ лѣтописецъ, съ Матфѣемъ созвони вѣче у Святѣй Софіи, а Федоръ (посадникъ) и Ондрѣшко другое созвониша на Ярославлѣ дворѣ. И посла Онцифоръ съ Матфѣемъ владыку на вѣче, и не дождавше владыцѣ съ того вѣча, и удариша на Ярославль дворъ, и яша ту Матфѣя Козку и сына его, Игната, и всадиша въ церковь, а Онцифоръ убѣжа съ своими по-

собникы. Тоже бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь городъ: сиа страна собѣ, а сіа собѣ. И владыка Василій съ намѣстникомъ, Борисомъ, докончаша миръ межи ими. И възвеличанъ бысть крестъ, а діаволъ посрамленъ бысть». Новог. I.

Въ 1388 году возстали три конца Софійской стороны на посадника Есипа Захарьича, созвонили вѣче у св. Софіи, а съ вѣча пошли на его дворъ, какъ рать сильная въ оружіи, взяли домъ его и хоромы разнесли. Посадникъ бѣжалъ на Торговую сторону, которая вся стала за него:

«И тако, говоритъ лѣтописецъ, быша безъ мира по двѣ недѣли, и потомъ снидошася въ любовь и даша посадничство Василію Ивановичу». Новог. I.

Единеніе всѣхъ было обыкновенной формой вѣчеваго рѣшенія. Но необходимость такого единенія не шла у насъ до того, чтобы вѣче вовсе не сознавало за собой права постановить обязательное для всѣхъ рѣшеніе, едва былъ хотя одинъ несогласный. Подъ единеніемъ всѣхъ надо разумѣть не соглашеніе всѣхъ безъ исключеній, а соглашеніе такого подавляющаго большинства, которое заставляетъ молчать разномыслящихъ.

Въ 1016 году новогородцы, поддерживавшіе своего князя, Ярослава Владиміровича, въ войнѣ съ Святополкомъ, рѣшили во время похода напасть на войско противника, переправившись черезъ Днѣпръ. Вотъ въ какой формѣ доводятъ они до свѣдѣнія князя о своемъ рѣшеніи:

«Яко заутра перевеземъся на не. Аще кто не пойдеть съ нами, сами потнемъ». Лавр.

Подобное этому рѣшеніе находимъ и подъ 1148 годомъ. Новогородцы, призвавъ къ себѣ князя Изяслава для защиты отъ Юрія, рѣшаютъ объявить послѣднему войну. Они говорятъ Изяславу:

«Княже! ать же пойдемъ! И всяка душа, аче и дьякъ, а гуменцо ему пострижено, а не поставленъ будеть, и тъи пойдеть. А кто поставленъ, ать Бога молить». Ипат.

Кіевляне, рѣшившись въ 1151 году воевать съ тѣмъ же княземъ Юріемъ, въ такой формѣ извѣщаютъ объ этомъ дружественныхъ имъ князей, Вячеслава, Изяслава и Ростислава:

«Ать же пойдуть вси, како можеть и хлудъ въ руци взяти; пакы ли хто не пойдеть, намъ же и дай, ать мы сами побьемы». Ипат.

О вѣчевыхъ совѣщаніяхъ никакихъ протоколовъ не велось. Но когда дѣло того требовало, вѣчевое рѣшеніе заносилось на грамоту. Записывались, напримѣръ, условія, на основаніи которыхъ извѣстному князю предоставлялся извѣстный столъ. Мы не можемъ сказать, за неполнотой извѣстій, съ какого именно времени вошло въ обычай излагать на письмѣ договоры городовъ съ князьями. Древнѣйшій писаный договоръ, о которомъ упоминаютъ наши памятники, относится къ 1175 году. Въ этомъ году володимірцы (сѣверные) признали своимъ княземъ Ярополка Ростиславича и съ радостію посадили его на столѣ, «въ Святѣй Богородицѣ весь порядъ положьше». Сузд. Основанія соглашенія съ княземъ, принятыя городомъ, были записаны и положены для храненія въ соборную церковь Св. Богородицы. Нѣтъ, однако, основанія думать, что изложеніе на бумагѣ вѣчевыхъ рѣшеній сдѣлалось общей практикой въ XII вѣкѣ. Кіевскій лѣтописецъ разсказываетъ съ нѣкоторою подробностью о соглашеніи кіевлянъ съ княземъ Игоремъ (стр. 14), но не говоритъ, чтобы оно было записано. Онъ упоминаетъ только о скрѣпленіи его крестнымъ цѣлованіемъ.

Цѣликомъ дошедшія до насъ вѣчевыя грамоты всѣ принадлежатъ одному Новгороду; древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1265 году. Но уже отъ самаго начала XIII вѣка имѣемъ извѣстіе, изъ котораго надо заключить, что не только въ это время, но и ранѣе договоры князей съ Новгородомъ сохранялись на письмѣ. Въ 1209 году новгородцы оказали помощь князю Всеволоду въ войнѣ его съ черниговцами. Отпуская ихъ домой, онъ одарилъ ихъ безъ числа и

«Вда имъ волю всю и уставы старыхъ князь, его же хотяху новогородьцы, и рече имъ: кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните». Новог. I.

«Уставы старыхъ князь» это, конечно, договоры князей XII вѣка съ Новгородомъ. Всеволодъ въ 1209 году переписалъ ихъ на свое имя и далъ Новгороду.

Описанные порядки давали полную свободу образованію политическихъ партій и полный просторъ ихъ взаимной борьбѣ. Наши древнія политическія партіи группировались, обыкновенно, около князей и имѣли цѣлью доставить столъ тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго онѣ стояли. Торжество князя вело и къ торжеству членовъ партіи, такъ какъ князь раздавалъ доходныя должности и прежде всего, конечно, одѣлялъ своихъ пріятелей. Именно этимъ словомъ обозначаются въ лѣтописяхъ лица дружественной князю партіи *). Лѣтописи постоянно даютъ примѣры раздѣленія городовъ на партіи. Но эти указанія слишкомъ кратки, чтобы можно было написать исторію древнихъ партій. Мы приведемъ два-три примѣра единственно съ цѣлью указать на существованіе партій и на то, что онѣ играли важную роль.

Въ 1136 году новогородцы въ соединеніи съ псковичами и ладожанами осудили и изгнали князя Всеволода Мстиславича. Но въ слѣдующемъ же году пріятелямъ его удалось доставить ему столъ во Псковѣ. Сторонники его въ Новгородѣ были слишкомъ слабы, чтобы доставить ему торжество и въ главномъ городѣ, а потому имъ пришлось также уйти во Псковъ. Это удаленіе вмѣстѣ съ княземъ и пріятелей его, потерпѣвшихъ пораженіе, довольно обыкновенное явленіе. При той безпощадности, съ которой велась въ древности борьба партій, удаленіе побѣжденныхъ представлялось

---

*) Всеволода Мстиславича зовутъ новгородскіе и псковскіе мужи, пріятели его, Новог. I, 1137; «князь Романъ, узнавъ объ отчей смерти, яви дружинѣ своей и пріятелямъ своимъ, новогородцамъ», Ипат. 1173; «бяху пріятели Ростиславу отъ полочанъ», Ипат. 1159; см. еще для Кіева Ипат. 1169, для Владиміра на Клязьмѣ Ипат. 1188.

единственнымъ средствомъ спасенія отъ преслѣдованій раздраженныхъ противниковъ.

Выше (стр. 10) мы разсказали исторію занятія Рогволодомъ Борисовичемъ Друцка, гдѣ сидѣлъ сынъ полоцкаго князя, Ростислава. Но Рогволодъ имѣлъ пріятелей и въ Полоцкѣ. Они дали знать о себѣ, какъ только онъ утвердился въ Друцкѣ. Ростиславу едва удалось остановить возбужденное ими движеніе, одаривъ ихъ многими дарами. Но и это не надолго. По замиреніи его съ Рогволодомъ, они снова подняли голову, склонили на свою сторону всѣхъ полочанъ и доставили, наконецъ, полоцкій столъ своему любимцу.

Въ Псковѣ мы встрѣчаемъ даже нѣмецкую партію, и это въ 1240 году, во время войны Пскова съ нѣмцами. Партія эта держитъ перевѣтъ къ нѣмцамъ и подводитъ ихъ къ Пскову. Псковичи были разбиты нѣмцами, а Твердила Иванковичъ, глава нѣмецкой партіи, «самъ нача владѣти Псковомъ съ нѣмцы, воюя села новогородскія». Побѣжденная русская партія должна была укрыться въ Новгородѣ съ женами и дѣтьми (Псков. I).

Въ Смоленскѣ была литовская партія. Въ 1401 году подступилъ къ этому городу, гдѣ сидѣлъ тогда намѣстникъ Витовта, князь Юрій Святославичъ. Въ городѣ произошло возмущеніе, говоритъ лѣсописецъ: «овіи хотяху Витофта, а друзіи отчича своего». Сторонники Юрія получили перевѣсъ, убили намѣстника Витовтова, князя Романа, перебили смоленскихъ бояръ, которые князя Юрія не хотѣли, и доставили Юрію обладаніе смоленскимъ столомъ (Воскр.). Но литовская партія продолжала существовать въ Смоленскѣ. Въ 1404 году, когда Юрій ѣздилъ въ Москву, она снова передала городъ Витовту *).

*) Новог. I. См. еще любопытныя мѣста для исторіи древнихъ цартій: для Галича: Ипат. 1159, 1187, 1189, Густ. 1211, 1212; Ипат. 1235, 1241; для Берестья: Ипат. 1289; для Кіева и Вышгорода: Лавр. 1015, Ипат. 1146, 1169; для Чернигова: Ипат. 1160; для Переяславля южнаго: Ипат. 1148, 1149; для Новгорода: Новог. I 1136—1142, 1230, 1232, 1340; Воскр 1471, 1476; Псков. I 1478; для Торжка: Соф. I 1386; для Рязани: Суздал. 1209. См. И. Д Бѣляева, Разсказы кн. II.

VI. Исполненіе вѣчевыхъ рѣшеній.

Исполненіе вѣчевыхъ постановленій было дѣломъ того лица, на долю котораго оно выпадало по смыслу рѣшенія. Вѣче непосредственно являлось исполнительнымъ органомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно оставляло за собой исполненіе рѣшенія; постановленія вѣча исполнялись и княземъ, если онъ принималъ на себя соотвѣтствующія дѣйствія. Владимірское на Волыни вѣче 1097 (стр. 3) даетъ примѣръ того и другого. Владимірцы возлагаютъ на князя обязанность выдать виновниковъ ослѣпленія Василька; если же князь этого не сдѣлаетъ, они угрожаютъ ему отворить врата града и перейти на сторону его противниковъ. По смыслу этого рѣшенія, или князь долженъ выдать, или граждане—отворятъ ворота и впустятъ въ городъ противниковъ своего князя, Володаря и Василько. Новогородское вѣче 1016 (стр. 68), рѣшивъ дать на слѣдующее утро битву войскамъ Святополка, говоритъ, кто не пойдетъ, того мы сами «потнемъ». Наоборотъ, кіевское вѣче 1151 года (стр. 69), рѣшивъ войну съ Юріемъ, наблюденіе за выступленіемъ всѣхъ на войну предоставляетъ князю, а за собой удерживаетъ право суда надъ ослушниками.

Все это указываетъ на недостаточное еще развитіе органовъ управленія. За исключеніемъ князя, они еще не успѣли обособиться отъ народа: народъ самъ и ворота отворяетъ, и посылаетъ на войну, и наказываетъ ослушниковъ.

Очень понятно, что при впечатлительности народныхъ массъ и легкой возбудимости ихъ, исполненіе рѣшенія является нерѣдко актомъ страсти. Таково было убійство князя Игоря кіевлянами въ 1146 году (стр. 20); новогородская вѣчевая практика представляетъ множество примѣровъ такой же страстной расправы вѣчниковъ съ людьми, навлекшими на себя ихъ неудовольствіе.

VII. Предметы вѣдомства.

Такъ какъ народъ собирается на вѣче въ силу принадлежащаго ему права рѣшать общественныя дѣла, которыя еще не обособились отъ его частныхъ и которыя онъ разсматриваетъ, какъ непосредственно до него относящіяся, то понятно, что народъ можетъ привлечь къ своему разсмотрѣнію всевозможные вопросы общественной жизни. Говоря языкомъ нашего времени, вѣчу принадлежала власть законодательная, правительственная и судебная Но взаимное отношеніе этихъ различныхъ предметовъ вѣдомства вѣча въ древности было совсѣмъ иное, чѣмъ въ наше время. Законодательству вовсе не принадлежало первенствующаго значенія. Наши предки жили не по закону, а по обычаю, одинаково обязательному и для народа, и для князей. Все законодательство до-московскаго времени не наполнитъ и половины одного изъ тѣхъ ста томовъ полнаго собранія законовъ, въ которыхъ выразилась законодательная дѣятельность двухъ послѣднихъ вѣковъ нашей исторіи. Первую заботу древняго времени составляло не законодательство, а управленіе. Первый же вопросъ управленія — избраніе князя, съ котораго мы и начинаемъ обзоръ вѣчевой дѣятельности.

1. Избраніе князя.

Порядокъ замѣщенія столовъ въ до-московской Россіи составляетъ одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и едвали не наиболѣе спорныхъ вопросовъ нашихъ юридическихъ древностей. Причина—въ неполнотѣ источниковъ. Лѣтописцы лишь случайно и какъ бы мимоходомъ касаются юридическихъ основъ распредѣленія столовъ. Подробному разсмотрѣнію этого вопроса мы посвятимъ одну изъ слѣдующихъ главъ. Теперь же остановимся на одномъ только основаніи размѣщенія князей по столамъ—на народной волѣ Относя избраніе князей къ предметамъ вѣдомства вѣчевыхъ собра-

ній, мы не хотимъ сказать, что столы замѣщались только по избранію. Въ нашей исторіи весьма нерѣдки случаи занятія столовъ и противъ воли народа, въ силу военной удачи. Право избранія уступало здѣсь болѣе сильному праву побѣдителя. Но побѣда превозмогающей силы не уничтожала народнаго обычая. Какъ только обстоятельства мѣнялись къ лучшему, онъ снова вступалъ въ дѣйствіе. Именно такой взглядъ на отношеніе народной воли къ праву сильнаго существовалъ въ древности. Избранный кіевлянами князь, Изяславъ, потерпѣвъ въ 1149 году пораженіе отъ дяди Юрія, обратился къ избирателямъ своимъ съ вопросомъ: могутъ ли они поддержать его въ дальнѣйшей борьбѣ? Изнуренные войной, кіевляне посовѣтовали Изяславу уступить и уѣхать, но съ оговоркой: намъ, говорили они, съ Юріемъ не ужиться, а потому, какъ только обстоятельства измѣнятся, мы снова будемъ на твоей сторонѣ (стр. 22).

Въ первой главѣ было приведено немало случаевъ какъ призванія князей народомъ, такъ и изгнанія ихъ. Мы не считаемъ необходимымъ исчерпывать здѣсь весь относящійся до избранія князей лѣтописный матеріалъ. При изложеніи вопроса о преемствѣ столовъ намъ придется еще имѣть дѣло со случаями избранія; здѣсь же мы сгруппируемъ только наиболѣе характерные изъ нихъ.

Въ 1097 году состоялся съѣздъ князей въ Любечѣ, на которомъ, для прекращенія княжескихъ усобицъ, было принято въ руководство на будущее время начало «отчины». По этому началу внуки Ярослава Владиміровича должны были владѣть тѣми волостями, которыя даны были Ярославомъ ихъ отцамъ. Въ Кіевѣ должны были княжить сыновья Изяслава, въ Черниговѣ сыновья Святослава, въ Переяславѣ сыновья Всеволода и т. д. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезвычайно важнымъ рѣшеніемъ, которое, дѣйствительно, могло бы до нѣкоторой степени ограничить княжескіе споры изъ за владѣній. Въ 1112 году скончался кіевскій князь Святополкъ Изяславичъ. У него осталось три сына и, слѣдовательно, преемство Кіевской волости было достаточно обез-

печено. Такъ какъ всѣ потомки Ярослава были связаны Любецкимъ соглашеніемъ, то со стороны князей и не возникло никакого вопроса о преемствѣ въ Кіевѣ. Но вопросъ подняли кіевляне. Они хотѣли имѣть своимъ княземъ не кого либо изъ сыновей Святополка, а Владиміра Мономаха, и послали къ нему приглашеніе. Когда Владиміръ отказался, они повторили приглашеніе, предупреждая его, что, если онъ будетъ настаивать на отказѣ, въ Кіевѣ возникнутъ безпорядки, за которые отвѣтственность падетъ на него. Владиміръ, вмѣсто того, что бы помочь своимъ племянникамъ, сыновьямъ Святополка, занять Кіевъ и наказать непокорныхъ, принимаетъ избраніе и дѣлается родоначальникомъ новой линіи кіевскихъ князей (Владиміровичей). Воля народная устранила, такимъ образомъ, отъ обладанія кіевскимъ столомъ князей, которые должны были занимать этотъ столъ и по завѣщанію Ярослава и по единогласному рѣшенію Любецкаго съѣзда, и предоставила его младшей линіи.

Избраніе народное является въ данномъ случаѣ рѣшающимъ и не только для Владиміра, въ пользу котораго оно состоялось, но и для другихъ князей, двоюродныхъ братьевъ его и племянниковъ. Всѣ участники Любецкаго съѣзда цѣловали крестъ на томъ, что бы каждому держать свою отчину, а въ случаѣ нарушенія, всѣмъ выступить войной противъ нарушителя, и никто не выступилъ.

Въ 1146 году Всеволодъ Кіевскій предложилъ кіевлянамъ признать своимъ княземъ по смерти своей брата своего, Игоря; въ 1157 году тоже дѣлаетъ въ Ростовской волости князь Юрій, а въ 1187 Ярославъ Осмомыслъ въ Галичѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ народъ при жизни помянутыхъ князей соглашается съ ихъ предложеніями, а по смерти ихъ нарушаетъ свое обѣщаніе и возводитъ на престолъ другихъ лицъ.

По смерти князя Изяслава, избраннаго кіевлянами въ 1146 году, они передаютъ кіевскій столъ брату его, Ростиславу. Вотъ какъ описано это событіе лѣтописцемъ:

«И посадиша въ Кіевѣ Ростислава кіяне, рекуче ему:

«яко же братъ твой, Изяславъ, честилъ Вячеслава, такоже и ты чести. А до твоего живота Кіевъ твой». Ипат. 1154.

Чрезвычайно характерное извѣстіе. Изъ него слѣдуетъ, что кіевляне совершенно ясно сознавали, что имъ принадлежитъ право избирать князей. Они говорятъ Ростиславу: Кіевъ твой до смерти твоей, то-есть, они избираютъ его пожизненно. Ростиславъ не можетъ назначить себѣ наслѣдника, кромѣ, конечно, случая соглашенія съ кіевлянами. Если такого соглашенія не послѣдуетъ, они изберутъ по смерти его, кого захотятъ.

Подобно этому новогородцы признаютъ сына этого Ростислава, Святослава, своимъ пожизненнымъ княземъ. Они цѣлуютъ Ростиславу креслъ на томъ,

«Яко же имъ имѣти сына его собѣ княземъ, а иного князя не искати, оли ся съ нимъ смертію разлучити».

Кіевляне очень ревниво охраняли свое право призванія. Измѣну Игорю (стр. 17) они мотивировали такими словами: «не хочемъ быти акы въ задничи», т.-е. они не желаютъ переходить отъ одного князя къ другому въ томъ порядкѣ, въ какомъ переходитъ наслѣдство въ частномъ быту.

Не менѣе ясное сознаніе о правѣ избранія князя встрѣчаемъ и въ городахъ Ростовской волости. Владимірцы, недовольные Ярополкомъ Ростиславичемъ, говорятъ: «мы есмы волная князя пріяли къ собѣ». По смерти Михалки ростовцы призываютъ къ себѣ Мстислава Ростиславича и говорятъ ему:

«Поиди, княже, къ намъ, Михалка Богъ поялъ, на Волзѣ, на Городци, а мы хочемъ тебе, а иного нехощемъ». Суздал.

Въ это же время (1176) владимірцы цѣлуютъ крестъ къ брату умершаго «и на дѣтехъ его». Суздал. Это чрезвычайно знаменательная прибавка. Владимірцы не первый разъ принимаютъ участіе въ избраніи князя. При жизни Юрія они

призываются имъ къ соглашенію о преемникѣ; по смерти Юрія, они участвуютъ въ избраніи Андрея; по смерти Андрея, участвуютъ въ избраніи Ростиславичей; по изгнаніи Ярополка Ростиславича, они призываютъ Михалку. Но ни въ одномъ изъ этихъ призваній не говорится, что князь призывается съ потомствомъ. Призванія эти были, слѣдовательно, пожизненныя, какъ и выше приведенное призваніе Ростислава въ Кіевъ; всѣ они предполагаютъ право народа, по смерти призваннаго князя, произвести новое избраніе. Въ 1176 владимірцы впервые призываютъ князя «съ дѣтьми», т. е. съ потомствомъ. Эту мѣру надо поставить рядомъ съ рѣшеніемъ князей на Любецкомъ съѣздѣ. Она имѣетъ совершенно тоже значеніе, но на этотъ разъ исходитъ не отъ князей, а отъ народа: владимірцы ограничиваютъ число законныхъ претендентовъ на владимірскій столъ потомствомъ Всеволода.

Но какъ это понимать? Установляется приведеннымъ цѣлованіемъ наслѣдственность княжеской власти во Владимірѣ, или народъ только ограничиваетъ на будущее время свое право избранія средою потомства Всеволода? Цѣлованіе 1176 года надо, думаемъ, понимать во второмъ смыслѣ; для перваго—условія того времени не были еще достаточно зрѣлы: не было еще выработано никакого опредѣленнаго порядка наслѣдственности, а съ другой стороны Всеволодъ и сыновья его имѣли еще слишкомъ мало независимыхъ отъ народа средствъ дѣйствія, чтобы обходиться безъ его согласія въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ замѣщеніе столовъ.

Такое толкованіе находитъ себѣ подтвержденіе и въ лѣтописи. Вотъ какъ описываетъ она назначеніе Всеволодомъ себѣ преемника:

«Того же лѣта посла князь великій, Всеволодъ, по сына своего, Костянтина, въ Ростовъ, дая ему по своемъ животѣ Володимерь, а Ростовъ Юрью дая; онъ же не ѣха ко отцю въ Володимерь, хотя взяти Володимерь къ Ростову. Онъ же посла по него, вторицею, зва къ себѣ, и тако пакы не иде ко отцю своему, но хотяше Володимеря къ Ростову.

Князь же великій Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ, съ городовъ и съ волостей, и епископа Іоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяне и вси люди, и да сыну своему, Юрью, Володимерь по себѣ и водя всѣхъ ко кресту; и цѣловаша вси людіе на Юріи; приказа же ему и братью свою». Воскр. 1211.

Люди цѣлуютъ крестъ на томъ, что по смерти Всеволода владимірскимъ княземъ будетъ второй его сынъ. Юрій. Это есть обѣщаніе признать Юрія владимірскимъ княземъ и посадить его на столѣ. Оно напоминаетъ извѣстное уже намъ соглашеніе, состоявшееся между отцомъ Всеволода, Юріемъ, и ростовцами, суздальцами и владимірцами въ 1156—57 г. И тамъ и здѣсь обойденъ старшій сынъ; и тамъ и здѣсь созываются люди со всѣхъ городовъ и волостей. Это понятно. Предстояло рѣшить очень важный для Всеволода вопросъ. Старшій сынъ его, Константинъ, пошелъ противъ воли отца, захотѣлъ взять Владиміръ къ Ростову, т. е. захотѣлъ возстановить первенствующее значеніе Ростова и подчинить ему Владиміръ. Это не могло нравиться Всеволоду, который всѣмъ былъ обязанъ новому городу, Владиміру. Не желая умалять значенія этого города, онъ даетъ ему особаго князя въ лицѣ второго сына, Юрія. Владимірцы, конечно, охотно къ этому присоединяются; для нихъ ничто такъ не желательно, какъ сохраненіе, если не главенства надъ Ростовомъ, то, по крайней мѣрѣ, своей особности. Но для обезпеченія самостоятельности Владиміра, крестнаго цѣлованія его гражданъ, конечно, недостаточно. Желательно, чтобы къ нему присоединились и люди другихъ городовъ. Вотъ почему Всеволодъ и призываетъ къ соглашенію людей всѣхъ городовъ и волостей, владимірцевъ, ростовцевъ, суздальцевъ и пр. Присоединеніе къ такому соглашенію ростовцевъ совершенно понятно. Съ осуществленіемъ этого соглашенія они все же выигрываютъ, такъ какъ получаютъ особаго отъ Владиміра князя.

Нельзя не указать еще на одно обстоятельство въ распоряженіи Всеволодомъ своими владѣніями. Послѣ него

осталось шесть сыновей, а участки онъ назначаетъ только четыремъ и очень не равные: Константину даетъ Ростовъ, Юрію — Владиміръ, Ярославу — Переяславль, Владиміру — Юрьевъ, а Святославу и Ивану ничего. Надо, кажется, вывести отсюда, что у Всеволода не вотчинная точка зрѣнія. Еслибы онъ смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на свою частную собственность, у него достало бы чѣмъ надѣлить всѣхъ сыновей. Тутъ видится что-то другое.

На продолжающуюся необходимость признанія князя народомъ въ городахъ древней Ростовской волости и послѣ 1176 г. указываетъ и приведенное выше (стр. 26) обращеніе третьяго сына Всеволода, Ярослава, къ переяславцамъ.

Въ заключеніе приведемъ слова Всеволода Юрьевича, основателя, въ силу народнаго избранія, линіи владимірскихъ князей, обращенныя имъ къ противнику своему, Мстиславу Ростиславичу.

По смерти князя Михалки, ростовцы снова призвали Мстислава Ростиславича, а владимірцы цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу «и съ дѣтьми». Ростовцы не хотѣли примириться съ этимъ раздѣленіемъ нѣкогда единой Ростовской волости и требовали отъ своего князя, чтобы онъ прогналъ Всеволода. Всеволодъ же, узнавъ о выступленіи противъ него Мстислава, послалъ къ нему посла съ слѣдующими характерными для того времени словами:

«Брате! оже тя привели старѣйшая дружина, и ты поеди къ Ростовоу, а оттолѣ миръ възмѣвѣ: тебе ростовци привели и боляре, а мене съ братомъ Богъ былъ привелъ и володимирци и переяславци; Суздаль боуди намъ обечь, да кого въсхотятъ, то той боудеть имъ князь». Суздал. 1177.

Всеволодъ не только признаетъ состоявшееся избраніе, но и предоставляетъ еще Суздалю высказаться въ пользу того или другого изъ имѣющихся въ волости князей. Не лишнее обратить вниманіе и на то, что Михалко и Всеволодъ не только ни кого не наказываютъ, но и ни кому не

мстятъ за то, что народъ не устоялъ на крестномъ цѣлованіи въ ихъ пользу, состоявшемся при отцѣ ихъ, Юріи.

Сознаніе о правѣ призванія хорошо высказалось въ похвалѣ лѣтописца князю Мстиславу Ростиславичу:

«Не бѣ бо тоѣ землю въ Руси, которая же его не хотяшеть». Ипат. 1179.

Мы привели нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ, изъ которыхъ видно, что народъ не только осуществлялъ свое право призванія, но что ему было присуще и совершенно отчетливое сознаніе о принадлежности ему этого права. Право это признаютъ и князья.

Но такія характерныя извѣстія встрѣчаются не часто. Въ большинствѣ случаевъ лѣтописецъ говоритъ коротко: по смерти такого-то князя столъ его занялъ такой-то, или: такой-то князь далъ такой-то городъ такому-то князю. Какъ надо понимать эти краткія извѣстія? надо-ли и въ такихъ случаяхъ предполагать народное согласіе? Полагаемъ, что надо. Князь въ мирное время всегда вступалъ на столъ съ согласія народа, которое выражалось въ крестномъ цѣлованіи и въ торжественномъ посаженіи его народомъ на столъ. Никто не будетъ отрицать, что крестное цѣлованіе, въ которомъ и выражалось признаніе князя народомъ, всегда имѣло мѣсто при вступленіи на столъ новаго князя; а между тѣмъ и о немъ лѣтопись очень часто забываетъ упомянуть. Вотъ какъ коротко передаетъ она о вокняженіи въ Кіевѣ, по смерти Владиміра Мономаха, сына его, Мстислава:

Лаврентьевскій списокъ: «И сѣде Кыевѣ Мстиславъ, сынъ его старѣйшій, княжа съ кротостью; а Ярополкъ, братъ его, иде Переяславлю».

Ипатьевскій: «Мстиславъ, старѣйшій сынъ его, сѣде на столѣ въ Кіевѣ, отца мѣсто своего, маія въ 20».

Записанъ только голый фактъ, съ опущеніемъ всѣхъ сопровождавшихъ его обстоятельствъ. Въ Лаврентьевскомъ же спискѣ прибавка о кроткомъ княженіи Мстислава свидѣтельствуетъ, что фактъ записанъ гораздо позднѣе собы-

тія, или что первоначальная редакція его была потомъ дополнена.

На основаніи такихъ краткихъ замѣтокъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о томъ, на какомъ основаніи вступилъ тотъ или другой князь на престолъ. Заключенія наши должны основываться на крестномъ цѣлованіи, которое надо всегда предполагать. Крестное цѣлованіе, въ которомъ выражается признаніе князя народомъ, и есть юридическое основаніе его власти. Это признаніе нѣтъ надобности представлять себѣ всегда совершенно свободнымъ и возникавшимъ по иниціативѣ народа. Предержащая власть имѣетъ много способовъ вліять на народъ и склонять его къ угоднымъ для нея рѣшеніямъ. Князь полоцкій, Ростиславъ, напримѣръ, замѣтивъ колебаніе въ своихъ подданныхъ и склонность перейти на сторону Рогволода (стр. 10), одаряетъ ихъ многими подарками и затѣмъ уже приводитъ ко кресту. Сущность дѣла этимъ, однако, нисколько не измѣняется. Розданные подарки служатъ только новымъ доказательствомъ того, что согласіе народа нужно.

2. *Рядъ съ княземъ.*

Самымъ обыкновеннымъ выраженіемъ законодательной дѣятельности вѣча служилъ «рядъ» съ княземъ. Рядъ, въ данномъ случаѣ, есть договоръ, заключаемый народомъ съ избираемымъ имъ княземъ. Фактъ избранія князя уже предполагаетъ заключеніе съ нимъ договора, въ которомъ установляются условія княженія. Самый характерный разсказъ лѣтописи о рядѣ относится ко вступленію на Кіевской столъ Ростислава Мстиславича. Въ 1154 г. умеръ Изяславъ, княжившій въ Кіевѣ совмѣстно съ дядею своимъ, Вячеславомъ. На мѣсто умершаго избранъ былъ братъ его, Ростиславъ. Немедленно по избраніи онъ долженъ былъ выступить въ походъ противъ суздальскаго князя Юрія, который также имѣлъ притязанія на Кіевъ. Во время этого похода Ростиславъ, получивъ вѣсть о смерти соправителя своего,

Вячеслава, вернулся въ Кіевъ, похоронилъ дядю, роздалъ имѣніе монастырямъ и нищимъ и поспѣшилъ снова на войну. Прибывъ къ войску, онъ собралъ мужей своихъ и началъ думать о походѣ противъ черниговскихъ князей, союзниковъ Юрія.

«Мужи же, продолжаетъ лѣтописецъ, бороняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: «се Богъ поялъ стрыя твоего, Вячеслава, а ты ся еси еще съ людми Кіевѣ неутвердилъ; а поѣди лепле въ Кіевъ, то же съ людми утвердися. Да аче стрый придетъ на тя, Дюрги, поне тѣ ся съ людми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися, паки ли, а ратъ зачнеши съ нимъ». Ипат.

Мужи Ростислава говорятъ новоизбранному князю: «ты еще съ людьми не утвердился». Изъ этихъ словъ надо заключить, что «утвержденіе» князя съ народомъ есть обыкновенный актъ, который необходимо совершить всякому князю. Почему Ростиславъ не совершилъ его прежде, потому-ли, что былъ отвлеченъ войной, или по какимъ инымъ соображеніямъ, это, конечно, все равно. Ростиславъ могъ не спѣшить съ утвержденіемъ по какому-нибудь неосновательному и даже легкомысленному разсчету; существо дѣла этимъ нисколько не измѣняется.

Весьма важно, что утвержденіе Ростислава съ народомъ приводится въ связь съ предстоящей ему войной съ Юріемъ. Положеніе кіевлянъ и Ростислава было очень затруднительное. Хотя Юрія въ Кіевѣ не любили и даже не могли съ нимъ ужиться, но онъ, тѣмъ не менѣе, не хотѣлъ отказаться отъ притязаній на «Русь» и имѣлъ достаточно силъ для борьбы, такъ какъ пользовался поддержкой черниговскихъ князей. Въ виду этого можно было опасаться, что въ Кіевѣ образуется партія Юрія и доставитъ ему столъ. Вотъ почему для Ростислава «утвержденіе» съ людьми было особенно нужно. Сговорившись съ кіевлянами, онъ могъ дѣйствовать съ большей увѣренностью: еслибы народъ высказалъ полную рѣшимость сопротивляться Юрію, онъ могъ бы начать войну при содѣйствіи всѣхъ кіевскихъ силъ; въ

противномъ случаѣ онъ могъ бы своевременно вступить въ мирные переговоры съ дядей. Такова точка зрѣнія мужей Ростислава. Но Ростиславъ не послушался мудраго совѣта; онъ поспѣшилъ къ Чернигову, потерпѣлъ пораженіе и потерялъ Кіевъ.

Совѣтъ, данный Ростиславу его мужами, наводитъ и на нѣкоторыя дальнѣйшіе выводы. Утвержденіе съ людьми есть актъ повторяющійся. Предержащей власти необходимо было прибѣгать къ нему при всякой перемѣнѣ обстоятельствъ; а обстоятельства, окружавшія князя, мѣнялись чрезвычайно быстро, такъ какъ друзья князей легко переходили въ лагерь ихъ враговъ. При всякой перемѣнѣ въ настроеніи партій, князю нужно было новое утвержденіе съ народомъ и новое крестное цѣлованіе съ нимъ. Примѣръ такого повторительнаго утвержденія съ людьми даетъ полоцкій князь, Ростиславъ, когда въ полоцкую волость вторгся Рогволодъ Борисовичъ (стр. 10). Постоянная рознь князей изъ-за владѣній была одной изъ причинъ, приводившихъ къ этимъ повторяющимся соглашеніямъ народа и князя.

Описаніе вступленія на кіевскій столъ Игоря Черниговскаго (стр. 14) содержитъ наиболѣе подробный разсказъ о томъ, какъ заключался рядъ князя съ народомъ. Рядъ заключался на вѣчѣ, гдѣ присутствовалъ и вновь избранный князь (лично или чрезъ уполномоченнаго). Въ приведенномъ примѣрѣ условія были предложены народомъ и приняты княземъ. Послѣ установленія условій послѣдовало крестное цѣлованіе народа къ князю и князя къ народу. Князь Игорь цѣловалъ крестъ къ кіевлянамъ «на всей ихъ воли», говоритъ лѣтописецъ; это значитъ, что Игорь принялъ безъ измѣненій условія, предложенныя народомъ.

Но такія, сравнительно подробныя извѣстія о договорахъ князей съ народомъ очень рѣдки. Въ большинствѣ случаевъ лѣтописецъ ограничивается указаніемъ на то, что народъ и новый князь цѣлуетъ другъ другу крестъ. Такое взаимное цѣлованіе непремѣнно предполагаетъ предшествовавшее ему

соглашеніе, выразившееся въ рядѣ, на которомъ стороны и цѣловали крестъ.

Мы имѣемъ случаи ряда и взаимнаго цѣлованія креста даже съ князьями, которые заняли тотъ или другой столъ, благодаря военной удачѣ, а не по призванію. Это очень понятно. Княжескія войны изъ-за обладанія волостями велись не столько противъ населенія, сколько противъ князя. Устранивъ своего личнаго противника, побѣдитель встрѣчался съ народомъ, который, въ большинствѣ случаевъ, ничего не имѣлъ противъ него и принималъ побѣдителя, если и не непремѣнно съ радостью, какъ нерѣдко говорятъ лѣтописцы, то и безъ прямого сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ представлялось необходимымъ, что-бы утвердиться на столѣ. Безъ такого утвержденія, народъ имѣлъ бы однимъ, поводомъ къ неудовольствію больше, и весьма важнымъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ ряда князя съ народомъ.

Въ 1167 г. Володарь Глѣбовичъ Городенскій двинулся ратью къ Полоцку. На встрѣчу ему вышелъ полоцкій князь, Всеславъ, съ полочанами, но былъ разбитъ. Всеславъ бѣжалъ, а Володарь «вниде въ Полтескъ и цѣлова хрестъ съ полтьцаны». Извѣстіе это чрезвычайно коротко, но оно не можетъ быть понято иначе, какъ въ смыслѣ заключенія ряда съ побѣдителемъ, на которомъ обѣ стороны цѣловали крестъ.

Въ 1169 г., по смерти Ростислава, кіевляне позвали къ себѣ на столъ Мстислава Изяславича.

«Мстиславъ же заутра... иде Кіеву... Василевьскимъ путемъ... ту выидоша кіяне вси; възма рядъ съ братьею, и съ дружиною и съ кіяны, въ тъ день, и поиде Вышегороду...». Ипат.

Княженіе Мстислава было очень тревожное; онъ скоро потерялъ почти всѣхъ своихъ союзниковъ и долженъ былъ оставить Кіевъ. Въ 1172 г. обстоятельства измѣнились къ лучшему, и ему удалось возвратиться на прежній столъ, причемъ опять былъ заключенъ рядъ:

«И вшедъ въ Кіевъ вземъ ряды съ братьею. съ Ярославомъ и Володимеромъ Мьстиславичемъ, съ галичаны, и съ Всеволодовичемъ и Святополкомъ Гюрчевичемъ, и съ кіяны». Ипат.

Въ обоихъ случаяхъ договоръ съ горожанами поставленъ рядомъ съ княжескими договорами.

Въ 1175 г. владимірцы (на Клязьмѣ) находились въ войнѣ съ ростовцами и суздальцами; они хотѣли посадить у себя Михалку, тогда какъ старшіе города стояли на сторонѣ Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Владимірцы потерпѣли пораженіе и должны были признать власть Ярополка. Это, однако, не помѣшало имъ заключить съ нимъ рядъ. Осада Владиміра, гдѣ затворился Михалка, продолжалась 7 недѣль.

«Володимирци же, говоритъ лѣтописецъ, нетрѣпяще глада, рѣша Михалкоу: «мирися, любо промышляй о себѣ». Онъ же отвѣщавъ рече: «прави есте, ци хошете мене дѣля погинути». И поеха въ Русь. И проводиша и володимирци съ плачемъ. И потомъ володимирци оутвръдившеся съ Ростиславичами крестнымъ цѣлованіемъ, яко не сотворити има въ городѣ никакого зла. И выидоша противу Мьстиславу и Ярополку съ кресты изъ города. И въшедша въ городъ, оутѣшиста володимирцы и раздѣлиша волость Ростовскоую, сѣдоста княжить. Ярополка князя посадиша володимирци съ радостію въ городѣ Володимири на столъ, въ святей Богородици весь порядъ положьше». Суздал. и Лавр.

Но въ слѣдующемъ году владимірцы возстали противъ Ярополка, управленіемъ котораго не были дозольны, снова призвали Михалку и доставили ему обладаніе Ростовомъ и Суздалемъ. Михалка на этотъ разъ явился въ Ростовъ побѣдителемъ, но это также не помѣшало ему утвердиться съ людьми:

«Михалко же ѣха въ Суздаль и изъ Суздаля Ростову, и створи людемъ весь порядъ, утвердивъся крестнымъ цѣлованіемъ съ ними, и честь возма у нихъ, и дары многы у ростовець». Лавр. и Суздал.

Въ 1199 г. Романъ Мстиславичъ Володимірскій (на Волыни), поддерживаемый поляками, подступилъ къ Галичу, который, по смерти Володиміра, остался безъ князя. Галичане не хотѣли Романа и бились противъ него, но были побѣждены.

«Романъ же, говоритъ лѣтописецъ, сѣдъ на княжествѣ, цѣлова крестъ Лешку королю, яко послушенъ ему быти, а галичанамъ цѣлова крестъ, еже любити ихъ и никого же обидѣти». Густ.

Такимъ образомъ, даже рядъ съ княземъ побѣдителемъ не представляется дѣломъ необычнымъ въ нашей древности.

Есть указаніе, что уже во второй половинѣ XII вѣка ряды князей съ народомъ записывались (стр. 69). Ни одинъ изъ договоровъ XII вѣка, однако, до насъ не дошелъ, а потому мы можемъ составить себѣ лишь очень поверхностное понятіе о ихъ содержаніи.

Соглашеніе народа и князя касалось: во 1) общихъ вопросовъ управленія и во 2) нѣкоторыхъ частныхъ, вызываемыхъ особенной обстановкой даннаго случая.

Вышеприведенныя мѣста лѣтописи, въ которыхъ говорится о рядѣ Ярополка съ владимірцами и Михалки съ ростовцами и суздальцами, наводятъ какъ бы на мысль, что соглашенія этого рода установляютъ полный порядокъ управленія и суда. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ лѣтопись говоритъ о «всемъ нарядѣ» или «порядѣ» земскомъ. Думаемъ, что приведенныхъ выраженій нельзя понимать въ такомъ широкомъ смыслѣ. Даже позднѣйшіе новогородскіе договоры съ князьями далеко не исчерпывали всего земскаго наряда; тѣмъ труднѣе допустить это для договоровъ XII в. Матеріальное право и даже порядокъ процесса въ цѣломъ никогда не опредѣлялись этими договорами. Право и процессъ опредѣлялись стародавними обычаями и считались одинаково обязательными для князя и народа. Самое бо́льшое, что́ можно допустить, это то, что князь обязывался держать волость по старинѣ. Отступленіе отъ старины

всегда вызываетъ неудовольствіе и ведетъ даже къ возстанію. Въ 1176 г. владимірцы (на Клязьмѣ) возмутились высокими пошлинами, которыя взимали судьи, назначенные княземъ Ярополкомъ, и прогнали князя и судей его. Ярополкъ, конечно, дѣйствовалъ, въ данномъ случаѣ, не по старинѣ, а произвольно увеличилъ поборы. Лѣтописецъ даже указываетъ, кто побуждалъ князя «на многое иманіе»; его побуждали къ тому ростовскіе бояре. То-же надо сказать и объ отобраніи Ярополкомъ церковнаго имущества, что также было поставлено ему въ вину. Это тоже нарушеніе существующихъ правъ. Въ жалобахъ владимірцевъ нельзя не видѣть указанія на то, что для новаго князя было обязательно охраненіе существующаго порядка.

Изъ соглашенія Игоря съ кіевлянами 1146 г. видно, что народъ опредѣлялъ иногда, кто долженъ производить судъ. Кіевляне тоже осуждаютъ тивуновъ Всеволода за чрезмѣрные поборы и требуютъ, что-бы новый князь судилъ самъ. Можно допустить, что въ договорахъ опредѣлялись доходы князя.

Выше мы привели уже свидѣтельства лѣтописи о соглашеніи народа съ княземъ относительно срока продолжительности княженія и избранія князя съ дѣтьми. Оба пункта великой важности. Они указываютъ на то, что народъ сознавалъ весь вредъ неустойчивости княжеской власти и боролся съ ней. Пріуроченіе нѣкоторыхъ княжескихъ линій къ извѣстнымъ территоріямъ совершилось, такимъ образомъ, не наперекоръ народной волѣ, а при ея содѣйствіи. Лѣтопись приводитъ и основанія, почему народу лучше было имѣть свою собственную линію князей. Владимірцы (на Клязьмѣ) свои жалобы на Ярополка заключаютъ такими словами:

«Сии яко не свою волость творита, яко не творяче сѣдѣти оу насъ, грабита не токмо волость всю, но и церкви». Суздал.

Въ XII вѣкѣ, стало быть, уже было замѣчено, что князья, которые завладѣваютъ волостью, благодаря счастливому слу-

чаю, и не надѣются пустить тамъ корни и передать ее дѣтямъ, управляютъ ею единственно съ цѣлью нажиться, безмѣрно увеличиваютъ повинности и даже отбираютъ частное имущество. Вотъ откуда у владимірцевъ желаніе имѣть свою линію князей, обнаружившееся въ 1177 г. при избраніи Всеволода.

Но избраніе пожизненное и съ дѣтьми не всегда оговаривалось, а потому, надо думать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда такой оговорки не было сдѣлано, предполагалось избраніе безсрочное, пока князь нравится.

Къ частнымъ пунктамъ соглашенія относятся, напримѣръ, такіе, какъ условіе не мстить гражданамъ, если они приняли князя не по доброй волѣ, а были принуждены къ тому силою оружія.

Къ началу XIII вѣка окончательно уже выработались всѣ особенности новогородскаго устройства. Но въ договорныхъ грамотахъ съ князьями онѣ далеко не всѣ выражены; нѣкоторыя изъ нихъ и притомъ самыя существенныя предполагаются извѣстными и должны мыслиться въ довольно неопредѣленномъ по своему содержанію условіи держать Новгородъ по старинѣ, по пошлинѣ, какъ держали дѣды и отцы теперешнихъ князей.

Въ началѣ XII вѣка еще встрѣчаемъ случаи назначенія княземъ новогородскаго посадника, но съ 1130 года установляется постоянная практика назначенія посадника новогородскимъ вѣчемъ *), а въ 1218 году посадникъ Тверди-

*) Въ первой половинѣ XII вѣка еще встрѣчаемъ оба способа назначенія посадника, то княземъ, то вѣчемъ. Новогр. I. 1120: «приде Борисъ посадницать въ Новгородъ», по Никон.—изъ Кіева; 1126: «въдаша (т. е. Новогородцы) посидницьство Мирославу Гюрятиницю»; 1129: «Вьниде ис Кыева Данилъ посадницитъ Новугороду». Но уже въ слѣдующемъ году новогородцы дали посадничество Петрилу и съ того времени идетъ непрерывный рядъ назначенія посадниковъ вѣчемъ. За всѣ послѣднія 70 лѣтъ XII столѣтія встрѣчаемъ только одинъ случай назначенія посадника княземъ. Въ 1171 году князь Андрей прислалъ Новгороду посадника Жирослава.

славъ высказываетъ на вѣчѣ и общее правило: «А вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ волны». Новог. I. Тысяцкіе, первоначально назначавшіеся князьями, съ начала XIII вѣка также назначаются вѣчемъ *). А между тѣмъ, ни одинъ договоръ не говоритъ о правѣ Новгорода назначать посадника и тысяцкаго. Право же это самое существенное въ виду тѣхъ ограниченій княжеской власти, которыя возникали изъ него. Ограниченія эти перечисляются въ договорахъ. Понятно почему. Право назначать посадника возникало путемъ практики: новогородцы не просятъ посадника у князя и не ждутъ присылки, а назначаютъ сами. Для ограниченія же власти князя, нужно, чтобы онъ самъ на это согласился. Возникновеніе выборнаго посадника еще не ограничиваетъ власть князя. Для этого нужно особое установленіе, оно и возникаетъ путемъ договора. Когда появились эти ограниченія впервые, на это нѣтъ прямыхъ указаній. Надо думать, что позднѣе выборнаго посадника. Есть указаніе, что нѣкоторыя ограниченія заносились уже въ договоры первой четверти XIII вѣка. Надо думать, что ограниченія эти никакъ не древнѣе конца XII вѣка. Они вовсе не извѣстны другимъ волостямъ.

Въ новогородскихъ договорахъ конца XIII вѣка встрѣчаемъ слѣдующія ограниченія княжеской власти.

1) Князь не даетъ «грамотъ» безъ посадника. Родъ грамотъ не опредѣленъ, а потому выраженіе это надо понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Князь не можетъ своею властью давать ни льготныхъ грамотъ, ни уставныхъ, ни какихъ иныхъ. Говоря языкомъ нашего времени, у князя въ Новгородѣ нѣтъ ни законодательной, ни правительственной власти.

2) Князь не раздаетъ волостей безъ посадника. Подъ волостями здѣсь разумѣются административныя единицы Новогородскаго княжества и, слѣдовательно, князь безъ

*) См. Новог. I. 1219, 1228, 1230, 1257.

посадника не можетъ въ Новгородѣ назначить мѣстныхъ правительственныхъ органовъ *).

3) Правительственные органы назначаются только изъ мужей новогородскихъ.

4) Князь не можетъ лишать мужа волости безъ вины, т. е. органы новогородскаго суда и управленія могутъ быть отрѣшены отъ должности только за вину и, слѣдовательно, по суду, а не по усмотрѣнію князя.

5) Князь не можетъ судить безъ посадника.

6) Въ связи съ 1-мъ, 2-мъ и 5-мъ пунктомъ стоитъ условіе, чтобы князь не предпринималъ никакихъ правительственныхъ и судебныхъ дѣйствій, касающихся новогородцевъ, внѣ Новогородской волости. Посадникъ, какъ органъ текущаго управленія и суда, находится въ предѣлахъ новогородскихъ, а потому и князь, дѣйствующій только съ посадникомъ, дѣйствуетъ въ предѣлахъ новогородскихъ. Въ связи съ этимъ стоитъ условіе о невыводѣ людей изъ Новогородской волости.

7) Князь, его княгиня и служилые люди не пріобрѣтаютъ въ предѣлахъ новогородскихъ недвижимой собственности.

Всѣ эти ограниченія считаемъ новогородскими особенностями и сравнительно позднѣйшаго происхожденія. Относительно 4-го пункта имѣемъ опредѣленное указаніе, что онъ былъ уже занесенъ въ договоръ Новгорода съ княземъ Святославомъ Мстиславичемъ. Въ 1218 году этотъ князь требовалъ удаленія неугоднаго ему посадника Твердислава. Новогородцы спросили, есть ли какая вина на немъ? Князь отвѣчалъ: «безъ вины». Тогда новогородцы сказали Святославу:

«Княже! оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа (волости) не лишити. А тобе ся

*) Исключеніе представляетъ Торжокъ и Волокъ, гдѣ князь могъ держать на своей половинѣ своего тивуна.

кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ». И бысть миръ». Новогор. I.

Кромѣ приведенныхъ ограниченій княжеской власти, договоры содержатъ въ себѣ еще опредѣленіе княжескихъ доходовъ и доходовъ княжескихъ чиновниковъ, но не всѣхъ, а, по всей вѣроятности, только такихъ, по поводу которыхъ были споры и недоразумѣнія; затѣмъ немногія статьи, касающіяся суда, какъ, напримѣръ, опредѣленіе времени посылки общихъ судей, и наконецъ, пункты частнаго характера, какъ, напримѣръ, обязательство князя возвратить луга, отобранные его предшественникомъ, и проч. Что же касается матеріальнаго права, общаго порядка управленія и суда и порядка законодательства, то обо всемъ этомъ договоры умалчиваютъ. Надо думать, что по всѣмъ этимъ пунктамъ князь долженъ былъ руководствоваться стариной, что и выражалось въ его обязательствѣ «держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлинѣ».

Если мы исключимъ изъ новогородскихъ договоровъ статьи, ограничивающія власть князя, которыя, конечно, не принадлежали къ первоначальному ихъ содержанію, то, думаемъ, въ остаткѣ получится «рядъ», довольно близкій по содержанію къ первоначальнымъ рядамъ, которые заключались князьями съ народомъ во всѣхъ волостяхъ.

Новогородскія грамоты имѣютъ свою исторію, хотя новогородцы и любили возводить ко временамъ Ярослава порядки XIII вѣка, для приданія имъ большаго авторитета. Въ 1228 году они отправляютъ пословъ къ князю Ярославу Всеволодовичу, предлагая ему княжить въ Новгородѣ на всей ихъ волѣ и «на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ». Въ слѣдующемъ году Михаилъ Черниговскій, по сказанію лѣтописца, дѣйствительно «цѣловалъ крестъ на всей воли новогородьстѣй и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ». Новогр. I. Ярославъ, который здѣсь упоминается, есть, конечно, Ярославъ Мудрый. Ярославъ Мудрый могъ состоять въ рядѣ съ новогородцами, но содержаніе этого ряда, конечно, было иное. При посадникѣ, назначаемомъ княземъ, какъ это было

при Ярославѣ и позднѣе, не могли существовать тѣ ограниченія княжеской власти, о которыхъ идетъ рѣчь въ договорахъ XIII вѣка. По всей вѣроятности грамоты Ярослава не существовали уже въ первой половинѣ XIII вѣка.

Содержаніе новогородскихъ договоровъ XIII вѣка съ теченіемъ времени нѣсколько развивается, въ XIV и XV вѣкахъ въ нихъ появляются новыя статьи. Къ сожалѣнію, не всегда бываетъ можно сказать, содержится въ этихъ новыхъ статьяхъ дѣйствительно новое право, или это только подтвержденіе стараго обычая. Въ договорахъ Новгорода съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ находимъ примѣръ новой статьи, только подтверждающей старый обычай:

«А вязчего не пошло по Новгородьской волости, то судиямъ твоимъ отложити». Рум. собр. I. № 10.

Изъ текста статьи ясно, что княжескіе судьи установляютъ новый судебный сборъ въ нарушеніе обычая. Договоръ только возстановляетъ старину. Можно думать, что развитіе содержанія договоровъ въ XIV и XV вѣкахъ именно вызывалось стремленіемъ князей и ихъ чиновниковъ къ нарушенію старины. Такъ, кажется, надо понимать слѣдующую статью того же договора:

«А коли, княже, поедешь въ Новгородъ, тогда тобѣ даръ емати по постояниямъ; а коли поедешь изъ Новагорода, тогда даръ не надобѣ».

Даръ есть добровольное приношеніе. Возникновеніе такихъ приношеній—дѣло народной практики. Въ статьѣ же рѣчь идетъ о дарѣ, который вынуждается княземъ. Это опять нарушеніе старины. Такого же происхожденія статья, запрещающая замышлять войну безъ новогородскаго слова и та, по которой князь обязывается не прекращать торга на Нѣмецкомъ дворѣ (Рум. собр. I. № 8, 1305).

Наибольшее число такихъ статей, отстаивающихъ старину, находимъ въ послѣднемъ новогородскомъ договорѣ 1478 года, текстъ котораго до насъ не дошелъ (содержаніе его приведено на стр. 45 и сл.).

Законодательная власть вѣча выражалась, такимъ образомъ, въ формѣ «ряда» или соглашенія съ княземъ. Это двусторонній актъ, для дѣйствительности котораго нужно согласіе двухъ факторовъ: вѣча и князя. Собраніе же народа на вѣчѣ спеціально съ цѣлью законодательства не было извѣстно древнему времени, которому была чужда и самая мысль о томъ, что право можетъ быть творимо человѣческимъ усмотрѣніемъ. Сравнительно позднему времени принадлежатъ такіе памятники вѣчеваго законодательства, какъ Новогородская и Псковская судныя грамоты.

3. Управленіе и судъ.

Древнему времени была совершенно чужда мысль о какомъ-либо раздѣленіи властей. Задачи управленія были въ зародышѣ и не имѣли своихъ особыхъ органовъ. Органы суда и управленія сливались. Вѣче является, однако, съ преобладающимъ характеромъ народной думы, а не обыкновеннаго органа для отправленія текущаго суда и управленія. Для этой послѣдней цѣли призывается князь. Но такое разграниченіе есть дѣло удобства, а не принципа. Нельзя же вѣчу находиться въ постоянномъ сборѣ для рѣшенія текущихъ вопросовъ суда и наряда. Но какъ скоро народъ находилъ нужнымъ, онъ вмѣшивался въ княжескій судъ и управленіе и даже управлялъ и судилъ самъ непосредственно. Мы видѣли уже, что вѣче принимало на себя всякія распорядительныя дѣйствія по исполненію своихъ рѣшеній. Даже и сами князья находили иногда нужнымъ въ вопросахъ правительственныхъ обращаться къ народу. Это очень понятно. Пока народъ составлялъ силу, нельзя было игнорировать эту силу и при рѣшеніи текущихъ вопросовъ управленія и суда. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1097 г. кіевскій князь, Святополкъ, получивъ извѣстіе о злоумышленіи противъ него князя Василько, собираетъ вѣче и предоставляетъ дѣло на его судъ.

Въ томъ же году, ослѣпленный Василько и братъ его, Володарь, желая наказать людей, оклеветавшихъ ихъ предъ Давыдомъ и Святополкомъ, обращаются съ требованіемъ о выдачѣ ихъ къ владимірскому вѣчу.

Въ 1147 г. кіевское вѣче признаетъ Игоря врагомъ своего князя, Изяслава, рѣшаетъ убить его и само же приводитъ это рѣшеніе въ исполненіе.

Въ 1151 г. кіевляне, рѣшивъ вести войну съ Юріемъ, просятъ своего князя выдать ему всѣхъ, кто будетъ противиться этому рѣшенію и не пойдетъ на войну, для суда и наказанія.

Въ 1177 г. владимірцы на Клязьмѣ обращаются къ князю Всеволоду съ требованіемъ, что-бы онъ либо казнилъ плѣнныхъ рязанскихъ князей, либо выдалъ имъ.

Въ томъ же году владимірскій князь, Всеволодъ, самъ обращается къ рязанцамъ съ требованіемъ выдать ему остатокъ своихъ князей.

Въ 1208 г. рязанцы хватаютъ оставленныхъ у нихъ княземъ Всеволодомъ правительственныхъ лицъ, заковываютъ въ желѣзо, а нѣкоторыхъ казнятъ смертью.

Подобные же примѣры правительственной и судебной дѣятельности новогородскаго вѣча слишкомъ извѣстны, чтобы нужно было ихъ приводить.

Приведенные случаи доказываютъ, что вѣче, какъ высшая власть, беретъ на себя иногда рѣшеніе правительственныхъ и судебныхъ вопросовъ, а не то, что вѣче есть обыкновенный органъ для текущаго управленія и суда.

Къ наиболѣе важнымъ вопросамъ древняго управленія относятся вопросы объ объявленіи войны и заключеніи мира. Для правильнаго пониманія того, какую роль въ этихъ вопросахъ играло вѣче, надо имѣть въ виду, что князь могъ вести войну: во 1) собственными средствами, при помощи дружинниковъ и охотниковъ, и во 2) средствами волости, при содѣйствіи всего ея населенія. Для войны собственными средствами князь не нуждался въ согласіи вѣча; онъ велъ ее по собственному усмотрѣнію и на свой страхъ. Для

войны втораго рода нужно было согласіе вѣча. Ясный образчикъ этихъ двухъ способовъ войны даютъ кіевскія событія 1147 года. Кіевскій князь, Изяславъ, задумавъ, въ союзѣ съ черниговскими князьями, войну противъ дяди Юрія, просилъ кіевлянъ помочь ему. Не довѣряя черниговцамъ, кіевляне отказали въ помощи. Это не помѣшало, однако, князю выступить въ походъ. Онъ кликнулъ кличъ къ охотникамъ, собралъ «множество вой и пойде». Но предводитель кіевскаго полка, кіевскій тысяцкій, остался въ Кіевѣ. Союзъ съ черниговскими князьями оказался, однако, непрочнымъ, они измѣнили Изяславу и положеніе его сдѣлалось крайне затруднительнымъ. Онъ снова проситъ кіевлянъ о помощи. На этотъ разъ они рѣшаютъ выступить въ походъ и съ дѣтьми. Съ этого момента кіевляне участвуютъ въ войнѣ по опредѣленію вѣча.

Война, начатая съ согласія вѣча, прекращается, если народъ потребуетъ заключенія мира, а князь не имѣетъ силъ вести ее своими средствами. Такъ, по желанію народа, Изяславъ прекратилъ въ 1169 году войну съ Юріемъ и уступилъ ему Кіевъ. Въ 1175 году владимірцы на Клязьмѣ, не имѣя болѣе возможности отстаивать призваннаго ими князя Михалку, говорятъ ему: «мирися, или промышляй о себѣ».

Но народъ не только участвуетъ въ рѣшеніи вопроса о войнѣ, задуманной княземъ; когда находитъ нужнымъ, онъ принимаетъ на себя иниціативу объявленія войны. Такъ поступили кіевляне въ 1067 году. Князь ихъ Изяславъ, потерпѣвъ пораженіе отъ половцевъ, укрылся въ Кіевѣ и не хотѣлъ продолжать борьбы. Кіевляне собрали вѣче на торговищѣ и потребовали выступленія противъ половцевъ. Изяславъ не послушалъ ихъ и былъ замѣненъ Всеславомъ, который до того времени сидѣлъ въ Кіевѣ въ тюрьмѣ. Лавр. Въ 1177 г. ростовцы, требуя отъ своего князя, Мстислава Ростиславича, объявленія войны Всеволоду Владимірскому, говорятъ: «аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы». Лавр.

Народъ принимаетъ на себя и иниціативу заключенія

мира. Въ 1186 году смоленскій князь, Давыдъ Ростиславичъ, въ союзѣ съ новогородцами предпринялъ походъ на Полоцкъ.

«Слышавше же, продолжаетъ лѣтописецъ, полочане, и сдумаша ркуще: «не можемъ стати противу новогородцемъ и смолнянамъ, и аще пустимъ ихъ во свою землю, то и миръ хотя съ ними будеть, а зла много сотворятъ намъ и землю нашу пусту сотворятъ; но поидемъ къ нимъ на рубежъ». И собравшеся вси, поидоша противу ихъ, и срѣтоша ихъ на рубежи съ поклономъ, и съ честію, и съ дармы многыми, и, умирившеся, разидошася кійждо во свояси». Воскр.

Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи подъ 1178 годомъ находимъ любопытный образцикъ переговоровъ князя съ народомъ о войнѣ:

«Сѣдящу же Мьстиславу въ Новѣгородѣ Велицѣмъ, и вложи Богъ въ сердче Мьстиславу мысль благу пойти на чюдь и созва мужи новгородскыѣ и рече имъ: «братье! се обидятъ ны погаиіи; а быхомъ узрѣвше на Богъ и на святой Богородицы помочь, помьстили себѣ и свободили быхомъ новгородьскую землю отъ поганыхъ». И бы люба речь его всимъ мужемъ новгородьскымъ, и рекоша ему: «княже! аще се Богови любо и тобѣ, а сѣ мы готовы есмы *)».

Народъ не только рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, но, вслѣдствіе не-обособленности народа и войска, народъ-войско, собравшись на войну, беретъ на себя даже распоряженіе самымъ ходомъ военныхъ дѣйствій. Такъ во время похода Ярослава на Святополка, новогородцы, возбуждаемые укоризнами воеводы своихъ противниковъ, говорятъ Ярославу: «заутра перевеземся на не...». Ярославъ такъ и сдѣлалъ. Въ 1093 году во время похода Святополка, Владиміра и Ростислава на половцевъ, Владиміръ, воспользовавшись удобною позиціею на берегу Стугны, хотѣлъ заключить съ половцами миръ, не вступая въ битву. На его сторонѣ было много мудрыхъ мужей, между ними и воевода Янъ. Но

*) Другіе случаи участія вѣча въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ можно найти въ I главѣ.

кіевляне не захотѣли, они были въ пользу сраженія: «хочемъ ся бити, говорили они, поступимъ на ону сторону рѣки». Князья послушались и были разбиты. Лавр. Въ 1150 году, во время битвы Изяслава съ союзниками Юрія у Ольшаницы, кіевляне «начаша стужати ему, рекуче: «поѣди, княже, прочь, и то рекше кіяне побѣгоша отъ него прочь». Видя это, побѣжалъ и Изяславъ. Ипат.

Въ 1178 году во время войны Всеволода Юрьевича съ Ростиславичами, Всеволодъ не хотѣлъ брать на щитъ Торжка, гдѣ новогородцы посадили соперника его, Ярополка Ростиславича. Это возбудило неудовольствіе войска, оно стало жаловаться князю: «мы не цѣловати ихъ пріехали, они, княже, лжють Богови и тобѣ». Сказавъ это, войны-народъ устремились на городскія стѣны, взяли городъ приступомъ и сожгли, а мужей повязали «за новогородскую неправду». Суздал.

Любопытно свидѣтельство лѣтописца о сборѣ рязанцевъ на войну съ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ:

«Рязанцы же, сурови суще человѣци, свирѣпи и высокоумны, палаумные людища, възгордѣвшеся величаніемъ и по мыслища высокоуміемъ своимъ, и рѣша другъ ко другу: не емлемь себѣ ни щитъ, ни копій, ни инаго которого оружіа, но токмо емлемъ съ собою едина ужища, да когождо изымавше москвичь было бы чимъ вязати...». Воскр. 1371.

VIII. Мнѣніе о законныхъ и незаконныхъ вѣчахъ и нѣкоторыя другія.

Наши ученые давно уже обратили вниманіе на вѣчевое устройство древней Россіи и литература предмета представляетъ такія мнѣнія и взгляды, которые мы считаемъ полезнымъ привести.

Первое мѣсто, конечно, принадлежитъ мнѣнію, съ точки зрѣнія котораго древнія народныя собранія дѣлятся на законныя, или правильныя и на незаконныя, или самовольныя. Это мнѣніе встрѣчаемъ у Неволина (Полн. собр. соч. VI, 112). Законнымъ вѣчемъ признаетъ онъ только такое, которое

созвано княземъ и посадникомъ и непремѣнно на дворѣ Ярослава. Мнѣніе это особенно развито Н. Бѣляевымъ (Разсказы, II, 158). Къ вѣчамъ «неправильнымъ или чрезвычайнымъ», какъ онъ выражается, относятся, по его мнѣнію, тѣ, которыя созывались во время борьбы партій; онѣ не имѣли опредѣленнаго мѣста и созывались колокольнымъ звономъ; правильныя же—созывались биричами и подвойскими.

Мнѣніе это пустило глубокіе корни въ нашу литературу и высказывается и въ наши дни. Изъ ученыхъ послѣдняго времени къ нему примыкаетъ профес. Владимірскій-Будановъ (Обзоръ Истор. Рус. Пр., I. 28, 32). Онъ различаетъ вѣча «въ тѣсномъ историко-юридическомъ смыслѣ». Подъ вѣчемъ въ этомъ тѣсномъ смыслѣ онъ разумѣетъ «собраніе полноправныхъ гражданъ старшаго города земли». Тайныхъ вѣчевыхъ собраній онъ не считаетъ вѣчами въ «историко-юридическомъ смыслѣ» слова. Явныя же имѣли, по его мнѣнію, «нормальное» мѣсто собраній. Это нормальное мѣсто онъ называетъ «законнымъ» и думаетъ, что «мѣсто собраній не мало значило для законности ихъ». Собраніе кіевлянъ у Туровой божницы онъ не считаетъ возможнымъ признать «нормальнымъ».

Приведенное дѣленіе вѣчевыхъ собраній на законныя и незаконныя есть продуктъ нашего времени. Оно совершенно чуждо сознанію древней эпохи и несогласно съ существомъ дѣла. Разсмотримъ нѣсколько ближе признаки законныхъ и незаконныхъ собраній.

1) «Законное вѣче созывается княземъ и посадникомъ».

Но, во-первыхъ, князь и посадникъ могутъ быть внѣ города; во-вторыхъ, вѣче можетъ собраться противъ князя и посадника; въ-третьихъ, въ волости можетъ вовсе не быть ни князя, ни посадника, а вѣчу надо собраться для избранія князя. Въ древности никто не смотрѣлъ на такія собранія, какъ на незаконныя. Во Владимірѣ Волынскомъ, въ 1097 году, вѣче собралось не по призыву своего князя, Давыда, а по призыву его противниковъ, Володаря и Ва-

силько. Тѣмъ не менѣе, оно вступило въ переговоры съ своимъ княземъ и онъ исполнилъ его требованіе. Кіевское вѣче 1112 года, избравшее Владиміра Мономаха, было созвано не княземъ, потому что князя уже не было въ живыхъ, и не его посадникомъ, ибо въ Кіевѣ при князѣ не было посадника. Тѣмъ не менѣе Владиміръ Мономахъ и другіе князья подчинились его рѣшенію. Никому изъ нихъ и въ голову не пришло возразить противъ законности избранія по причинѣ неправильнаго созванія вѣча.

2) «Законное вѣче должно собираться на законномъ мѣстѣ. Собраніе кіевлянъ у Туровой божницы не должно быть признано нормальнымъ».

Кіевляне, собравшіеся у Туровой божницы, пригласили къ себѣ на вѣче вновь избраннаго князя, Игоря. Игорь не возразилъ имъ указаніемъ на неправильность собранія, а послалъ вмѣсто себя брата, Святослава. Святославъ вошелъ съ собравшимися у Туровой божницы въ переговоры, пришелъ къ соглашенію и цѣловалъ къ нимъ крестъ; потомъ съ депутатами отъ собравшихся поѣхалъ къ брату и передалъ ему о своемъ соглашеніи съ народомъ; Игорь присоединился къ этому соглашенію и цѣловалъ кіевлянамъ крестъ «на всей ихъ волѣ». И все это мы должны считать «не нормальнымъ» по той одной причинѣ, что мѣстомъ собранія была Турова божница, а не Ярославовъ дворъ и не св. Софія? А если бы у св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ, почему либо, нельзя было собраться? Вся государственная жизнь должна была бы остановиться, и Кіевъ остаться безъ князя? Думаемъ, что не мѣсто рѣшало вопросъ о законности собранія.

3) «Во время борьбы партій созываются неправильныя вѣча и при томъ колокольнымъ звономъ а не чрезъ биричей».

Но борьба партій могла обнаружиться и на правильно созванномъ вѣчѣ. А съ другой стороны, неправильное вѣче, созванное во время борьбы партій, могло окончиться примиреніемъ партій и прекращеніемъ ихъ борьбы. Какой же результатъ? Правильное вѣче переходитъ въ неправильное

и наоборотъ, т. е. нѣтъ грани между правильнымъ и неправильнымъ. Созваніе колоколомъ не составляетъ отличительнаго признака неправильныхъ собраній. Колоколомъ собираютъ вѣче и сами князья (см. выше стр. 57).

Въ 1209 году въ Новгородѣ состоялось вѣче въ отсутствіе посадника и князя. Оно было направлено противъ отсутствующаго посадника, который и былъ осужденъ этимъ вѣчемъ. Въ томъ же году состоялось избраніе новаго посадника. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ это будетъ вѣче незаконное. А между тѣмъ, когда въ Новгородъ пріѣхалъ князь и узналъ о рѣшеніи собиравшагося безъ него вѣча, онъ присоединился къ нему и взялъ на себя исполненіе той части рѣшенія, которая не была еще исполнена. Новогор. I.

4) «Тайныя вѣчевыя собранія не суть вѣча въ тѣсномъ историко-юридическомъ смыслѣ слова».

Предержащая власть, отправляющая свои функціи тайно, перестаетъ ли быть властью, а то, что она дѣлаетъ тайно, перестаетъ ли быть актомъ власти? Полагаемъ, что нѣтъ, если только ей не предписано дѣйствовать явно и публично. Бываютъ обстоятельства, при которыхъ предержащая власть считаетъ нужнымъ обставлять свои дѣйствія тайной. О великомъ князѣ московскомъ, Василіѣ Ивановичѣ, мы знаемъ, что онъ самъ третей у постели своей всѣ дѣла дѣлалъ. Мы не видимъ существенной разницы между этимъ тайнымъ рѣшеніемъ государственныхъ дѣлъ въ спальнѣ, въ присутствіи двухъ любимцевъ и собраніемъ народа по дворамъ также для тайнаго обсужденія государственныхъ дѣлъ. Во многихъ государствахъ западной Европы при особѣ государя были даже особые тайные совѣты, въ обязанность которыхъ входило дѣйствовать тайно. Петръ Великій, по образцу запада, ввелъ у насъ канцелярскую тайну, а Екатерина I учредила Верховный Тайный Совѣтъ. Заключеніе международныхъ договоровъ и теперь облекается тайной. Тайна сама по себѣ не дѣлаетъ еще учрежденія, дѣйствующаго тайно, незаконнымъ или неправильнымъ. Возвращаясь къ нашимъ вѣчамъ, необходимо обратить вниманіе на то,

кто собирался тайно, тѣ же самыя лица, которыя имѣли право рѣшать вопросъ явно, на какой-либо площади, или совсѣмъ иныя? Вотъ въ этомъ и заключается рѣшающій вопросъ, а не въ тайнѣ. На площадь приходилъ, кто хотѣлъ изъ имѣющихъ право, и если число собравшихся было достаточно, чтобы настоять на исполненіи своего рѣшенія, собравшіеся не заботились объ отсутствующихъ и дѣйствовали именемъ цѣлаго народа. При соблюденіи этихъ условій, мы не видимъ причины, почему бы и тайное вѣче не считать за вѣче. На явномъ вѣчѣ присутствуютъ не всѣ и на тайномъ также не всѣ; но въ интересахъ созывающихъ тайное вѣче—собрать возможно болѣе участниковъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ большаго числа людей и тѣмъ обезпечить силу рѣшенія. Тайныя вѣча составляли тайну для князя, противъ котораго были созваны, а не для народа. Если на явное собраніе приходило мало народу, оно расходилось ничего не сдѣлавъ; то же, конечно, бывало и съ тайными собраніями.

5) «Вѣче, какъ органъ государственной власти, есть собраніе полноправныхъ гражданъ старшаго города земли».

Отсюда слѣдовало бы вывести, что граждане пригородовъ не имѣютъ права присутствовать на вѣчѣ старшаго города. Но это до такой степени противорѣчитъ нашимъ источникамъ, что и самъ авторъ приведеннаго мнѣнія не рѣшается сдѣлать такое заключеніе. Совершенно наоборотъ, онъ допускаетъ участіе пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города, но смягчаетъ это допущеніе такой оговоркой: «участіе пригорожанъ случайно и не необходимо». Изъ этой оговорки слѣдовало бы заключить, что участіе полноправныхъ жителей старшаго города не случайно и необходимо. Но такъ ли это? Оно только менѣе случайно, чѣмъ участіе жителей пригородовъ, но то же случайно, такъ какъ собираются наличные граждане, которые узнаютъ о вѣчѣ лишь въ моментъ собранія. Собраніе всѣхъ наличныхъ гражданъ главнаго города то же не необходимо. Сходятся вовсе не всѣ, а желающіе и переклички не дѣлаютъ. Никто не уча-

ствуетъ по необходимости, въ смыслѣ обязанности; всѣ участвуютъ лишь по доброй волѣ, и въ этомъ смыслѣ не необходимо. Никакого «историко-юридическаго» различія между вѣчевыми правами жителей старшихъ и младшихъ городовъ, кажется намъ, не было.

Относительно судебной компетенціи вѣча встрѣчаемъ также разнорѣчіе въ нашей литературѣ.

Неволинъ признаетъ вѣче верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ (Полн. собр. соч. VI, 113). И. Д. Бѣляевъ судебную компетенцію вѣча допускаетъ еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. По его мнѣнію (Разск. II, 157), вѣчу «приносились жалобы на неправый судъ», т. е. вѣче было апеляціоннымъ судомъ не только въ уголовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ. Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой авторъ не приводятъ источниковъ, на которыхъ они основываютъ свои мнѣнія; мы же не замѣтили ни одного мѣста, на основаніи котораго можно было бы утверждать, что вѣче было обыкновеннымъ апеляціоннымъ судомъ. Принявъ же во вниманіе, что князь призывался именно для суда, что впослѣдствіи (въ Новгородѣ) судъ его ограничивался только участіемъ посадника; что новогородскія договорныя грамоты ничего не знаютъ о судѣ вѣча, какъ высшемъ апеляціонномъ по отношенію къ суду князя и посадника, о чемъ имъ не возможно было бы не знать, и зная — молчать, мы думаетъ, что не имѣемъ основанія отступать отъ высказаннаго уже по сему предмету мнѣнія.

Самую широкую компетенцію вѣча признаетъ С. М. Соловьевъ. По его мнѣнію предметы вѣдомства вѣча не отличались отъ предметовъ вѣдомства князя; но въ подтвержденіе своей мысли, что вѣче также судило, какъ и князь, онъ приводитъ примѣры лишь чрезвычайнаго суда, а не обыкновеннаго (Изслѣдов. объ отнош. Новгор. къ вел. князьямъ, стр. 8 и сл.).

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на то, что наличность вѣча въ старыхъ городахъ есть фактъ общепризнанный, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ еще оцѣненный. Но под-

вергаютъ сомнѣнію распространеніе этой формы быта на новыя города, воздвигаемые на глазахъ исторіи князьями. Предполагаютъ, что въ новыхъ городахъ Ростовской волости никогда не было вѣча и этимъ объясняютъ возникновеніе тамъ новаго порядка вещей, подготовившаго образованіе Московскаго государства. У С. М. Соловьева читаемъ: «Андрей Боголюбскій переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый, Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ» (Исторія XIII, 21, ср., Истор. отнош. Новг. къ вел. князю стр. 17). Новый порядокъ вещей дѣйствительно развился въ новыхъ городахъ Ростовской волости, но это было произведено совокупностью очень многихъ причинъ, среди которыхъ не было, однако, мѣста предполагаемому, но въ дѣйствительности не существовавшему различію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣчевая жизнь пригородовъ.

Во второй главѣ мы указали на то, что въ вѣчевой жизни волости принимаютъ участіе и жители пригородовъ. Участіе это выражается въ двухъ формахъ:

1) въ участіи пригорожанъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ, составляемыхъ жителями старшихъ городовъ, и

2) въ особыхъ вѣчевыхъ собраніяхъ по пригородамъ.

Есть указаніе, что жители главныхъ городовъ приглашаютъ иногда пригорожанъ на свои вѣчевыя собранія. Въ новгородской I лѣтописи читаемъ:

«Новогородци призваша пльсковиче и ладожаны и сдумавше, яко изгонити князя своего Всѣволода»... 1136.

Въ виду важности случая (предстоялъ судъ надъ княземъ) псковичи и ладожане получили особое приглашеніе пріѣхать въ Новгородъ для общей думы. Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и съѣздъ ростовцевъ, суздальцевъ и переяславцевъ во Владимірѣ въ 1175 году, по смерти Андрея Боголюбскаго, для избранія князя. Иниціативу съѣзда, по всей вѣроятности, взяли на себя старшіе города, Ростовъ и Суздаль, но они устроили съѣздъ во Владимірѣ и пригла-

сили къ нему не только владимірцевъ, иначе не зачѣмъ было бы и съѣзжаться у Владиміра, но и переяславцевъ.

Но жители пригородовъ принимаютъ участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ старшаго города и безъ особаго приглашенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они (т. е. нѣкоторые изъ нихъ) находятся въ главномъ городѣ во время вѣчевого собранія. Такъ князь Мстиславъ, приглашенный новогородцами, въ 1147 году, въ помощь противъ Юрія, приказываетъ звонить вѣче, а на вѣче сходятся новогородцы и псковичи, т. е. тѣ псковичи, которые находились въ это время въ Новгородѣ.

Точно также, когда вѣче созывается во время похода, то сходятся не только жители главнаго города, но и пригородовъ, если они принимаютъ участіе въ походѣ. Въ 1217 году новогородцы выступили въ походъ на чюдь; чюдь выслала къ нимъ пословъ. Для обсужденія предложеній чюдскихъ пословъ новгородцы собираются на думу вмѣстѣ съ псковичами, т. е. тѣми изъ псковичей, которые были съ ними въ походѣ. Новогор. I.

Къ вѣчевымъ собраніямъ, составленнымъ при сооучастіи пригорожанъ примѣнялись, конечно, тѣ же порядки рѣшенія дѣлъ, какіе дѣйствовали на вѣчевыхъ собраніяхъ жителей главныхъ городовъ.

Но это участіе жителей пригородовъ въ вѣчевой жизни волости не могло быть ни столь же постояннымъ, ни столь полнымъ, какъ участіе въ ней жителей главныхъ городовъ. Особыя приглашенія разсылались только въ особенно важныхъ случаяхъ и когда было время ждать пріѣзда пригорожанъ. Но и въ этихъ случаяхъ приглашались жители не всѣхъ пригородовъ, а только важнѣйшихъ. Въ случаяхъ же внезапнаго созванія вѣча на собраніяхъ могли присутствовать только тѣ изъ жителей пригорода, которые случайно находились въ это время въ городѣ. Надо думать, однако, что и въ случаѣ особаго приглашенія жители пригородовъ являлись обыкновенно въ меньшемъ числѣ, чѣмъ жители главнаго города. Эта разница легко объясняется удален-

ностью пригорода отъ мѣста собранія, трудностями переѣзда, необходимостью большихъ жертвъ временемъ, деньгами и т. д.

Вторую форму участія пригородовъ въ вѣчевой жизни волости составляютъ особыя пригородныя вѣча. Въ 1140 году кіевляне нарушили крестное цѣлованіе Игорю и призвали къ себѣ на столъ князя Изяслава Мстиславича. Въ томъ же году Изяславъ принималъ пословъ отъ бѣлгородцевъ и васильевцевъ, которые также приглашали его занять княжескій столъ. «Пойди, говорили послы Изяславу, ты нашъ князь, а Ольговичь не хочемъ». Бѣлгородъ и Васильевъ—кіевскіе пригороды, но это зависимое положеніе не помѣшало имъ самостоятельно высказаться въ вопросѣ о князѣ. Въ Друцкѣ, полоцкомъ пригородѣ, собирается въ 1159 году свое особое вѣче; тоже наблюдаемъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, Переяславлѣ сѣверномъ и въ новогородскихъ пригородахъ, Псковѣ, Торжкѣ и другихъ. Какъ въ городскихъ вѣчахъ участвуютъ жители пригородовъ, такъ и на оборотъ, на пригородныхъ вѣчахъ встрѣчаемъ жителей главныхъ городовъ. Въ призваніи дрючанами князя Всеволода въ 1159 году участвуютъ полочане. Примѣры участія жителей главнаго города въ вѣчевыхъ собраніяхъ пригородовъ представляетъ и новогородская исторія.

«Новогородци Великого Новагорода, разсказываетъ лѣтописецъ, бояре, пріѣхаша въ Торжекъ ставити городъ, съвокупишася и единишася съ новоторжьци, и укрѣпишася крестнымъ цѣлованіемъ, и сдумаша думу, еже быти и стати за одинъ; и заратишася съ княземъ Михаиломъ тферьскымъ, и съслаша намѣстники его съ города, съ Торжку». Воскр. 1372.

Въ 1393 году новогородцы, находившіеся въ Торжкѣ, оставили съ новоторжцами вѣче и убили «нѣкоего христолюбца, Максима именемъ, добра хотяще великому князю» *).

*) Воскр. Въ I вып. Обзора проф. Владимірскаго-Буданова читаемъ: «Предположеніе объ участіи (рѣчь идетъ объ участіи въ вѣчевыхъ со-

Но на пригородномъ вѣче не всегда же присутствовали жители главнаго города; какъ вѣче главнаго города могло состоять только изъ жителей этого города, такъ и пригородное могло состоять единственно изъ жителей пригорода. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда на пригородномъ вѣчѣ принимали участіе жители главнаго города, оно не всегда можетъ быть разсматриваемо, какъ вѣче цѣлой волости, такъ какъ жители главнаго города могли находиться въ пригородѣ случайно. Поэтому возникаетъ вопросъ объ отношеніи пригородныхъ вѣчевыхъ собраній къ собраніямъ главнаго города.

Вопросъ этотъ долженъ рѣшаться на основаніи тѣхъ общихъ началъ, которыми управлялась вѣчевая жизнь волости. А вѣчевая жизнь волости, какъ мы видѣли, управлялась началомъ единенія. Въ случаѣ единенія составныхъ элементовъ волости, въ волости господствовалъ миръ, въ случаѣ розни, — война, которая въ концѣ концовъ снова приводила къ единенію. Тоже, конечно, было и во взаимныхъ отношеніяхъ пригородовъ и главныхъ городовъ. Каждый пригородъ могъ составить особое пригородное вѣче и постановить на немъ какое угодно рѣшеніе. Но въ дѣйствительности на такой самостоятельный образъ дѣйствія рѣшался не всякій пригородъ, а только достаточно сильный для того, чтобы настоять на исполненіи своей воли въ томъ случаѣ, если воля эта не понравится вѣчу главнаго города.

браніяхъ) всѣхъ жителей земли противорѣчитъ обширности земель и отдаленности пригородовъ». Надо думать, что авторъ разумѣетъ здѣсь не право участія, а фактическое участіе, такъ какъ обширность и отдаленность могутъ препятствовать фактическому участію, а не праву участія. Въ этомъ смыслѣ замѣчаніе автора совершенно вѣрно; мы не знаемъ только, кто высказалъ противоположное «предположеніе, что фактически собираются всѣ». Можно настаивать только на правѣ участія всѣхъ свободныхъ и самостоятельныхъ лицъ волости. Но права не отрицаетъ и авторъ. Онъ самъ говоритъ на той же страницѣ объ участіи пригорожанъ на вѣчѣ главнаго города и объ особыхъ пригородныхъ вѣчахъ. Почему это возможно? Потому что у пригорожанъ право. А собираются, конечно, не всѣ, а кто хочетъ и можетъ.

Отсюда слѣдуетъ, что отношенія пригородовъ къ городамъ были различны, смотря по силѣ пригорода. Въ то время какъ сильные пригороды могли принимать рѣшенія завѣдомо несогласныя съ предполагаемой волею главнаго города, пригороды слабые и не помышляли о самостоятельныхъ вѣчевыхъ собраніяхъ.

Тоже надо сказать и объ отношеніи пригородовъ къ вѣчевымъ рѣшеніямъ главныхъ городовъ. Только сильные пригороды могли взять на себя смѣлость противорѣчить рѣшеніямъ главнаго города, слабые же должны были присоединяться къ нимъ. Этимъ объясняется, почему новогородцы въ 1136 году призываютъ на вѣче псковичей и ладожанъ, а не корельцевъ и орѣховцевъ, а ростовцы, въ 1175 году, владимірцевъ и переяславцевъ, а не москвичей. Большинство пригородовъ каждой волости составляли, конечно, слабо населенные пункты, которые не имѣли достаточно силъ, чтобы бороться съ рѣшеніемъ главнаго города, а потому, обыкновенно, они присоединялись къ нему. Это общее начало и выражено въ извѣстномъ мѣстѣ лѣтописи: «на что же старѣйшіе сдумають, на томъ же пригороды стануть».

Такимъ образомъ, взаимныя отношенія вѣчевыхъ собраній главныхъ городовъ и пригородовъ сводятся къ тѣмъ же началамъ, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія вѣчевыхъ партій въ предѣлахъ главнаго города. Какъ между вѣчевыми партіями главнаго города существуетъ либо миръ, либо война, такъ и между вѣчами главнаго города и пригородовъ. Пригородъ имѣетъ не менѣе правъ, чѣмъ члены любой вѣчевой партіи.

Необходимость единенія нельзя, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что всякое рѣшеніе пригорода нуждалось въ формально выраженномъ согласіи главнаго города и обратно. Молчаніе, въ случаѣ согласія, было совершенно достаточно для одобренія пригороднаго рѣшенія. Въ случаѣ же несогласія главнаго города съ рѣшеніемъ пригорода, главный городъ, если хотѣлъ заставить пригородъ отступить

отъ принятаго имъ рѣшенія, долженъ былъ объявить ему войну. Но надо думать, что, въ виду всегда сомнительнаго исхода войны, главный городъ рѣшался на это средство только въ крайнихъ случаяхъ. Въ случаяхъ же не важныхъ, или хотя и важныхъ, но сомнительныхъ по исходу вооруженной борьбы,—онъ терпѣлъ непріятное для него рѣшеніе пригорода.

Перейдемъ къ памятникамъ и посмотримъ, встрѣчаются ли тамъ случаи столкновенія пригородныхъ вѣчевыхъ собраній съ вѣчевыми собраніями главнаго города и какъ они разрѣшаются.

Въ 1136 году новогородцы, составившіе общее вѣче съ псковичами и ладожанами, осудили и изгнали князя своего, Всеволода. Въ слѣдующемъ году приверженцы изгнаннаго князя задумали снова доставить ему столъ Новогородской волости. Но партія ихъ оказалась слишкомъ слабой въ Новгородѣ и они потерпѣли тамъ пораженіе; за то во Псковѣ имъ удалось склонить въ пользу Всеволода громадное большинство гражданъ. Псковичи снова призвали Всеволода и рѣшили защищать его противъ новогородцевъ и приглашеннаго ими князя, Святослава Ольговича. Такимъ образомъ, единеніе новогородцевъ со псковичами, которое мы наблюдаемъ въ 1136 году, въ моментъ суда надъ Всеволодомъ, смѣнилось рознью въ 1137: псковичи, въ нарушеніе ясно высказанной воли новогородцевъ, снова призвали Всеволода. Для возстановленія единенія города съ пригородомъ необходимо было обратиться къ тѣмъ же средствамъ, къ какимъ обращались и въ стѣнахъ Новгорода въ случаѣ раздѣленія мнѣній на вѣче: къ миру, на основаніи уступокъ той или другой стороны, или къ войнѣ. Новгородъ подъ первымъ впечатлѣніемъ обратился къ войнѣ. Святославъ Ольговичъ совокупилъ всю землю Новогородскую, призвалъ брата своего, Глѣба, съ курянами и половцами и отправился къ Пскову прогонять Всеволода. «И не покоришася псковичи имъ, говоритъ лѣтописецъ, ни выгнаша князя отъ себя, но бяхуть ся устерегли, засѣкли осѣки всѣ». Эта твердая рѣшимость

защищать свое мнѣніе силою остановила новогородцевъ; они возвратились съ дороги, не желая проливать крови своей братіи, какъ объясняетъ лѣтописецъ. Ясно, что рѣшительнаго намѣренія принудить псковичей къ подчиненію у новогородцевъ не было. Они хотѣли только испытать псковичей: убѣдившись же въ ихъ рѣшимости стоять на своемъ, они отступили. Вскорѣ послѣ этого Всеволодъ умеръ; на мѣсто его псковичи призвали брата умершаго, Святополка, «и не бѣ мира съ новогородци», поясняетъ лѣтописецъ это новое избраніе, несогласное съ волею старшаго города. Въ 1138 году новогородцы показали путь своему князю, Святославу, и призвали Ростислава Юрьевича изъ Суздаля. Ростиславу удалось «заключить миръ» съ псковичами, но условія этого примиренія города съ пригородомъ не дошли до насъ. Новогор. I.

Съ явленіями такого же рода встрѣчаемся и въ другихъ волостяхъ.

Въ 1151 году полочане схватили своего князя, Рогволода Борисовича, и сослали въ Минскъ, гдѣ онъ подвергся тяжкому заключенію, а къ себѣ пригласили Ростислава Глѣбовича. Ростиславъ сѣлъ въ Полоцкѣ, а сына своего, Глѣба, назначилъ посадникомъ въ младшій городъ, Дрюцкъ. Изъ этого надо заключить, что дрючане находились въ единеніи съ полочанами. Но единеніе это продолжалось только до 1159 года. Въ этомъ году изгнанный Рогволодъ вступилъ въ сношеніе съ дрючанами и получилъ отъ нихъ приглашеніе сѣсть въ Дрюцкѣ. Пригородъ и главный городъ разошлись. Ростиславъ полоцкій узналъ объ этомъ отъ сына своего, Глѣба, который принужденъ былъ бѣжать изъ Дрюцка, потерявъ тамъ все свое имѣніе, разграбленное гражданами. Вѣсть о возвращеніи Рогволода вызвала въ Полоцкѣ волненіе, такъ какъ и тамъ были сторонники Рогволода. Но князю удалось усмирить людей подарками и привести ихъ къ новому цѣлованію на вѣрность къ себѣ. Что же предпринимаетъ Ростиславъ и утвердившіеся съ нимъ полочане по отношенію къ дрючанамъ, которые цѣловали крестъ Рог-

володу биться за него и съ дѣтьми и такимъ образомъ отложились отъ главнаго города? Они выступаютъ войной противъ Дрюцка, желая прогнать Рогволода. Но результатъ похода далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Ростиславъ встрѣтилъ такое сопротивленіе со стороны дрючанъ, что вынужденъ былъ заключить выгодный для Рогволода миръ, придавъ ему волости. По заключеніи этого невыгоднаго для Полоцка мира, сторонники Рогволода снова подняли голову, получили перевѣсъ и прогнали Ростислава. Городъ въ этомъ случаѣ присоединялся къ мнѣнію пригорода.

Въ 1175 году ростовцы, суздальцы, владимірцы и переяславцы избрали въ Ростовскую волость Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Избраніе состоялось, хотя и не всѣ избиратели были на сторонѣ Ростиславичей. Переяславцы хотѣли имѣть князьями Михалку и Всеволода Юрьевичей, а не Ростиславичей. Они, слѣдовательно, присоединились къ избранію потому, что не считали себя достаточно сильными для проведенія своихъ кандидатовъ. Они представляли, такимъ образомъ, то скрытое меньшинство, которое надо предполагать при всякомъ вѣчевомъ рѣшеніи. Ростиславичи были кандидатами ростовцевъ, которые и заправляли всѣмъ дѣломъ избранія. Какъ только окончились выборы, ростовцы отрядили полторы тысячи владимірцевъ для встрѣчи вновь избранныхъ князей. Но Ростиславичи пріѣхали въ Ростовскую волость не одни, они захватили съ собой двухъ дядей, Михалку и Всеволода, съ которыми вошли въ соглашеніе о совмѣстномъ княженіи въ избравшей ихъ волости. Соглашеніе это нарушало актъ призванія и вызвало неудовольствіе въ ростовцахъ, которые, по выраженію лѣтописца, «негодовали». Иначе отнеслись къ этому факту владимірцы; они приняли Михалку въ свой городъ. Такимъ образомъ, съ пріѣздомъ Михалки пригородъ Владиміръ отпалъ отъ старшихъ городовъ. Ростовцы не хотѣли примириться съ этимъ и подступили къ Владиміру. Осада продолжалась 7 недѣль, и пригородъ вынужденъ былъ, наконецъ, подчиниться волѣ старшихъ городовъ: онъ отказался отъ Михалки

и призналъ Ярополка. Въ слѣдующемъ году послѣдовало новое разногласіе между пригородомъ, Владиміромъ, къ которому на этотъ разъ присоединился Переяславль, и старшими городами, окончившееся торжествомъ младшихъ городовъ. Разсказывая о побѣдѣ Владиміра, лѣтописецъ прославляетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Михалко же пріѣхавъ къ Володимирю съ братомъ своимъ, Всеволодомъ, вороти городы святыя Богородицы, яже бѣ отъялъ Ярополкъ. И бысть радость велика въ градѣ Володимири, видяще оу себе великаго князя Всеволода всея Ростовскыя земля. Мы же подивимся чюдоу новомоу Божія Матере, великомоу и преславному, како застоупи градъ свой отъ великыхъ бѣдъ, и гражаны своя оукрѣпи. Не вложи бо имъ Богъ страха и не уобояшася, князя два имоуще въ власти сей и боляръ ихъ прещенія нивъчтоже положиша, за седмь недѣль безъ князя боудуче въ Володимири градѣ, толико възложиша надежду и оупованіе къ святѣй Богородици и на свою правду. Новогородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане и вся власти на доумоу на вѣчя сходятся, на чтожь старѣйшіи сдоумають, на томъ же пригороди станоуть. А сдѣ городъ старый, Ростовъ и Соуждалъ, и вси боляре, хотяще свою правду поставити, како намъ любо, и тако же створимъ, Володимиръ есть пригородъ нашь! Противящеся Богоу и святѣй Богородици, правдѣ Божіи, слоушающе злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ добра граду семоу и живущимъ въ немъ». Суздал.

Это мѣсто дало поводъ многимъ нашимъ ученымъ утверждать, что пригороды не имѣютъ своей воли, а по общему правилу должны подчиняться рѣшенію старшихъ городовъ. Но если это такъ, почему же лѣтописецъ волю старшихъ городовъ считаетъ внушеніемъ злыхъ людей, развратниковъ, и противополагаетъ ее правдѣ Божіей? Почему святая Богородица была на сторонѣ владимірцевъ, преступившихъ правду? Точка зрѣнія лѣтописца не сходится съ точкой зрѣнія новѣйшихъ ученыхъ. По ихъ мнѣнію, правы ростовцы, а владимірцы представляются имъ нарушителями старыхъ обычаевъ; по мнѣнію лѣтописца, наоборотъ, правы владимірцы. Для ихъ восхваленія онъ и представляетъ борьбу

Владиміра со старшими городами, какъ что то небывалое, какъ «чудо новое», которому надо дивиться. Этимъ онъ и ввелъ въ заблужденіе ученыхъ XIX в. Владимірскій патріотъ, восхваляя своихъ согражданъ, совсѣмъ упустилъ изъ виду, что онъ имѣетъ дѣло не съ первымъ случаемъ сопротивленія младшихъ городовъ волѣ старшаго. Въ 1136 году Псковъ отражалъ нападеніе Новгорода; въ 1159 Дрюцкъ одержалъ верхъ въ борьбѣ съ Полоцкомъ; даже Владиміръ не впервые воюетъ со старшими городами въ 1176 году; онъ воевалъ уже съ ними въ 1175. И это, конечно, не единственные случаи. Но понятно, что лѣтописцу, для восхваленія владимірцевъ, надо было умолчать о прецедентахъ; только при этомъ условіи ихъ сопротивленіе корыстной волѣ старшихъ городовъ могло быть возведено до значенія «чуда новаго».

Описанное лѣтописцемъ «чудо» повторилось въ Ростовской волости не далѣе какъ черезъ годъ. Въ 1177 году, по смерти Михалки, Владимірцы посадили у себя на столѣ его брата, Всеволода, а ростовцы снова призвали Ростислава Мстиславича и объявили войну владимірцамъ. Побѣда и на этотъ разъ была на сторонѣ пригорода.

Если пригородъ Владиміръ въ три года имѣлъ три столкновенія со старшимъ городомъ Ростовомъ, то можно думать, что споры младшихъ городовъ со старшими не составляли у насъ рѣдкости въ XII вѣкѣ.

Съ такого же рода явленіями встрѣчаемся и позднѣе. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1225 году новогородцы, по удаленіи отъ нихъ князя Михаила Черниговскаго, призвали къ себѣ Ярослава Всеволодовича Переяславскаго. Судя по тому, что Ярославъ княжилъ и въ Псковѣ, пригородъ этотъ находился въ единеніи съ главнымъ городомъ. Такъ продолжалось до 1228 года, когда Ярославъ предпринялъ поѣздку въ Псковъ. Между псковичами разнеслась вѣсть, будто Ярославъ «везетъ съ собой оковы, хотя ковати вячшихъ мужей»; они затворились въ городѣ и не пустили къ себѣ князя. Опасаясь, что

и новогородцы раздѣляютъ замыслы Ярослава, псковичи заключили оборонительный союзъ съ нѣмцами.

«То же слышавъше пльсковици, говоритъ лѣтописецъ, яко приведе Ярославъ пълкы, убоявшеся того, възяша миръ съ рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: то вы, а то новгородьци, а намъ не надобе; но оже пойдуть на насъ, тъ вы намъ помозите». И они рекоша: «тако буди!» и пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу». Новогор. I.

Такимъ образомъ, единеніе пригорода съ городомъ нарушилось, и псковичи готовились дать отпоръ новогородцамъ и князю ихъ. Но опасенія ихъ были напрасны. Новогородцы не только ничего не замышляли противъ нихъ, но даже безъ согласія «своихъ братьевъ пльсковичей» не пошли на Ригу, къ войнѣ съ которой побуждалъ ихъ князь Ярославъ.

Въ 1228 году новогородцы дали посадничество въ Торжкѣ своему бывшему посаднику, Ивану Дмитріевичу, «и не прияша его новоторжьци», говоритъ лѣтописецъ. Пригородъ не подчинился рѣшенію главнаго города. Что же дѣлаетъ Новгородъ? Терпитъ и тѣмъ допускаетъ отмѣну своего рѣшенія.

Въ 1232 году, въ княженіе Ярослава, прибыли въ Новгородскую волость сторонники черниговскихъ князей съ княземъ Святославомъ Трубецкимъ, которому они намѣревались доставить столъ. Святославъ скоро убѣдился, что пріятели его преувеличили значеніе своей партіи и возвратился съ дороги, не достигнувъ Новгорода. Но приверженцы его направились во Псковъ, гдѣ нашли сильную поддержку. Псковичи отложились отъ Новгорода и князя Ярослава и заключили въ оковы сидѣвшаго у нихъ мужа его, Вячеслава. Ярославъ велѣлъ схватить находившихся въ Новгородѣ псковичей, а во Псковъ послалъ требованіе освободить «мужа его», и показать путь приверженцамъ черниговскихъ князей. Но псковичи стояли за нихъ крѣпко; освободить Вячеслава обѣщали только подъ условіемъ, чтобы Ярославъ освободилъ лицъ противной ему партіи, или «вы собѣ, а мы собѣ» говорили они послу его. «И тако быша

безъ мира все лѣто», заключаетъ свой разсказъ лѣтописецъ. Ярославъ остановилъ подвозъ соли къ Пскову и тѣмъ принудилъ псковичей къ уступчивости: они освободили Вячеслава, а князь, съ своей стороны, освободилъ приверженцевъ Святослава, но мира еще не заключилъ. Единеніе пригорода со старшимъ городомъ возстановилось только зимою, когда псковичи снова признали Ярослава своимъ княземъ и показали путь сторонникамъ Святослава.

Но новогородцы не всегда оказывали поддержку своимъ князьямъ въ борьбѣ съ самостоятельными рѣшеніями пригородныхъ вѣчъ. Въ 1266 году, въ княженіе у нихъ Ярослава Ярославича, псковичи посадили у себя на столѣ князя Довмонта литовскаго. Новгородскій князь хотѣлъ-было идти войной на Довмонта, но новгородцы воспротивились и сказали ему: «оли, княже, тобѣ съ нами увѣдавъшеся, тоже ѣхати въ Пльсковъ». Новогор. I.

Князь Александръ Михайловичъ тверской, возставшій противъ татарскаго насилія и изгнанный за это великимъ княземъ, Иваномъ Даниловичемъ, нашелъ убѣжище во Псковѣ. Въ 1328 году ѣздили на поклонъ въ Орду великій князь Иванъ Даниловичъ и новогородскіе послы и получили приказаніе искать князя Александра. Въ слѣдующемъ году Иванъ Даниловичъ и новогородцы послали пословъ своихъ во Псковъ ко князю Александру съ предложеніемъ ѣхать въ Орду и не губить христіанъ. Александръ рѣшился ѣхать, но псковичи удержали его: «не ходи въ Орду, говорили они, и аже что будеть на тобѣ, изомремъ съ тобою во одиномъ мѣстѣ». Пригородъ сопротивляется въ данномъ случаѣ не только волѣ старшаго города, но и волѣ великаго князя и хана ордынскаго. Твердость псковичей была столь велика, что князь великій не находилъ средствъ овладѣть княземъ Александромъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ обратился къ помощи митрополита и намолвилъ его послать проклятіе князю Александру и вѣрнымъ русскому дѣлу псковичамъ. Князь Александръ, узнавъ объ этомъ, отъѣхалъ въ Литву. Псков. I.

Но противъ воли старшихъ городовъ могли идти только пригороды, которые считали себя достаточно сильными. Слабые обращались къ нимъ съ жалобами и челобитьями. Орѣховцы и корельцы, недовольные посадникомъ своимъ, княземъ Патрикѣемъ, не прогоняютъ его, а являются съ жалобой въ Новгородъ. Новогор. IV. 1384.

Въ заключеніе приведемъ еще одно свидѣтельство XV в. Въ 1428 г. приходилъ князь Витовтъ къ Порхову, новогородскому пригороду, ратью. Порховичи заключили съ нимъ миръ «за себя». Послѣ этого замиренія пріѣхали новогородскіе послы и дополнили заключенный порховичами миръ нѣсколькими статьями отъ себя. Новогор. I. Такимъ образомъ, порховичи, жители весьма не важнаго пригорода, считаютъ себя въ правѣ вступить отъ своего имени въ переговоры съ иностранной державой и заключить съ нею миръ; новогородцы не говорятъ, что порховичи не имѣли права этого сдѣлать, а присоединяются къ миру и дополняютъ его новыми статьями.

Таковы факты. Они совершенно подтверждаютъ сдѣланный выше выводъ о томъ, что пригородамъ принадлежитъ участіе въ вѣчевой жизни волости. Но иначе и быть не могло. Подъ жителями пригородовъ мы разумѣемъ свободныхъ людей. Почему бы они могли быть лишены тѣхъ правъ, которыя принадлежали свободнымъ людямъ вообще? Говорятъ, что жители главнаго города дѣлаютъ «обязательныя для пригорожанъ постановленія». Допустимъ. Но если пригорожане не исполняютъ этихъ обязательныхъ для нихъ постановленій, какъ заставить ихъ подчиниться? Для этого надо объявить пригороду войну, какъ это дѣлаютъ новогородцы въ 1176 г., полочане въ 1159, ростовцы въ 1175 и пр. Но такъ какъ исходъ войны неизвѣстенъ, то старшій городъ не всегда на нее рѣшается, а иногда терпитъ отступленіе пригорода отъ своей воли и, такимъ образомъ, допускаетъ отмѣну своего постановленія пригородомъ. Такъ поступаетъ Новгородъ съ Торжкомъ въ 1228 г. и со Псковомъ въ 1266. Мы не отрицаемъ, что старшіе города про-

никнуты сознаніемъ своего главенства надъ пригородами, что они смотрятъ на нихъ, какъ на пункты поселенія, отъ нихъ зависимые и имъ подчиненные. Мы не отрицаемъ, что слабые пригороды, дѣйствительно, всегда подчиняются. Но жители пригородовъ, чувствующихъ свою силу, проявляютъ свою волю совершенно также, какъ и жители главныхъ городовъ. Если они подчиняются рѣшенію старшаго города, то по тому, что сами этого хотятъ; въ противномъ случаѣ они проводятъ свою волю, и старшему городу приходится иногда соглашаться съ ней. Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что съ точки зрѣнія вѣчевой жизни города и пригороды составляютъ единство. Мысль о такомъ единствѣ не чужда и древности. Въ 1397 г. Новгородъ заключилъ вѣчный миръ со Псковомъ, который былъ тогда не пригородомъ новогородскимъ, а составлялъ уже самостоятельную волость. Вотъ какъ говоритъ лѣтописецъ о скрѣпленіи этого мира крестнымъ цѣлованіемъ:

«И цѣловалъ крестъ посадникъ новогородцкой, Тимоѳей Юрьевичъ, и Микита, тысяцкій, Ѳедоровичъ, за весь Великій Новгородъ, и за пригороды, и за всѣ свои волости; а отъ Пскова цѣловалъ крестъ князь Григорей, и Сысой посадникъ, и Романъ посадникъ, и дружина ихъ къ Новгороду за Псковъ, за пригороды, и за всѣ свои волости, мѣсяца іюня въ 18, на память св. мученика Леонтія и дружины его». Псков. I.

Крестъ цѣлуется и за пригороды, они, значитъ, тоже участники мира. Но это единство само въ себѣ носило начатки разложенія. Войны городовъ съ пригородами суть явленія совершенно однородныя съ войнами вѣчевыхъ партій, происходившихъ на улицахъ Новгорода. Но городъ представлялъ все же болѣе крѣпкое единство, чѣмъ волость, разбросанная по большому пространству. Войны въ городѣ всегда оканчивались новымъ миромъ и возстановленіемъ нарушеннаго распрей единства. Нельзя того же сказать о цѣлой волости. Пригороды, въ случаѣ распри, могли совершенно обособиться отъ главнаго города. Друцкъ обособ-

ляется отъ Полоцка въ 1159 г. подъ властью особаго князя, Рогволода; Псковъ отъ Новгорода въ 1136 г. подъ властью особаго князя, Всеволода, и т. д. Примѣры такихъ обособленій не всѣ намъ извѣстны, но можно думать, что ихъ было весьма много. Пригороды тяготились зависимостью отъ главнаго города и стремились къ самостоятельности. Они легко могли получить особаго князя и порвать связь со старшимъ городомъ. Стремленіе князей многочисленнаго рода Рюрика стать во главѣ самостоятельныхъ княженій не есть единственная причина постояннаго возникновенія новыхъ княженій въ предѣлахъ старыхъ; стремленіе пригородовъ къ обособленію играло въ этомъ дѣлѣ также весьма видную роль.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Князь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Владѣтельные князья.

1. Договорное право.

Нашимъ древнимъ князьямъ приходилось вращаться въ очень сложной средѣ. Они находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ народу, къ другимъ владѣтельнымъ князьямъ и, наконецъ, къ своимъ вольнымъ слугамъ. Объ отношеніяхъ князей къ народу,—который призывалъ ихъ, заключалъ съ ними рядъ, а если былъ ими недоволенъ, то и показывалъ имъ путь чистъ на всѣ четыре стороны, рѣчь шла въ предшествующей книгѣ. Первую главу настоящей мы посвятимъ разбору взаимныхъ отношеній владѣтельныхъ князей.

Взаимныя отношенія князей, какъ правителей независимыхъ одна отъ другой волостей, опредѣлялись либо миромъ, либо войной. Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо столкновеній, князья говорили другъ другу: «уладимся либо

миромъ, либо войной», или: «рать стоитъ до мира, а миръ до рати». Если ни одному изъ противниковъ неудавалось совершенно истребить другого на ратномъ полѣ, война приводила къ заключенію мирнаго договора; мирный договоръ заключали князья и въ томъ случаѣ, если находили возможнымъ покончить свои распри и «которы», вовсе не прибѣгая къ оружію. Княжескіе договоры представляютъ, такимъ образомъ, источникъ первостепенной важности для изученія взаимныхъ правъ и обязанностей владѣтельныхъ князей.

Договорное начало въ княжескихъ отношеніяхъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію. Первое обращеніе къ войнѣ и миру встрѣчаемъ въ тотъ самый моментъ, какъ только появилось единовременно на русской землѣ нѣсколько князей правителей. На памяти исторіи это случилось при сыновьяхъ Святослава: Ярополкѣ, кіевскомъ князѣ, Олегѣ—древлянскомъ и Владимірѣ—новогородскомъ. Князья эти не уладились миромъ. Война началась между ближайшими сосѣдями. Ярополкомъ и Олегомъ. Олегъ палъ въ битвѣ, а Ярополкъ «прія власть его». Третій сынъ Святослава, новогородскій князь Владиміръ, получивъ извѣстіе объ участи Олега, «убоявся, бѣжа за море». Ярополкъ воспользовался этимъ случаемъ, «посадники своя посади въ Новгородѣ и бѣ володѣя одинъ въ Руси». Лавр. 977.

Но Владиміръ бѣжалъ за море только для того, чтобы собраться съ силами. Онъ привелъ варяговъ и объявилъ войну Ярополку. Въ этой второй братоубійственной войнѣ счастіе было на сторонѣ новогородскаго князя. Ярополкъ бѣжалъ изъ Кіева въ Родню, гдѣ и осадилъ его Владиміръ. Въ городѣ не было достаточно припасовъ, осажденные сильно страдали отъ голода. «Есть притча и до сего днѣ, говоритъ лѣтописецъ: бѣда, аки въ Роднѣ». При такомъ положеніи дѣла воевода Ярополка далъ своему князю слѣдующій совѣтъ:

«Видиши, колько вой у брата твоего? Нама ихъ не перебороти! Твори миръ съ братомъ своимъ». Лавр. 980.

Ярополкъ послушался, пошолъ просить мира у князя Владиміра, но былъ измѣннически убитъ въ самыхъ дверяхъ княжескаго терема.

Такимъ образомъ, древнѣйшіе владѣтельные князья, извѣстные нашей исторіи, родные братья Святославичи, улаживаютъ свои отношенія либо ратью, либо миромъ. Это было во второй половинѣ X вѣка. Совершенно то же наблюдаемъ и во все послѣдующее время до полнаго исчезновенія удѣльныхъ князей. Одинъ изъ послѣднихъ московскихъ удѣльныхъ князей, Юрій Ивановичъ Дмитровскій, состоялъ въ мирномъ договорѣ съ братомъ своимъ, вел. кн. московскимъ, Василіемъ Ивановичемъ. Договоръ этотъ былъ заключенъ еще при жизни отца ихъ, вел. кн. Ивана Васильевича, и по его личному желанію. Фактъ чрезвычайной важности. Онъ указываетъ на то, что и съ точки зрѣнія этого ловкаго и энергическаго преобразователя старыхъ порядковъ, отношенія владѣтельныхъ князей не могли быть опредѣлены иначе, какъ съ ихъ согласія, выраженнаго въ договорѣ. Договоръ этотъ былъ заключенъ въ 1504 году, а затѣмъ, по смерти Ивана Васильевича, еще разъ повторенъ въ 1531 году (Рум. собр. №№ 133 и 134, 160 и 161).

Война и миръ опредѣляютъ взаимныя отношенія князей-родственниковъ боковыхъ линій во всѣхъ возможныхъ степеняхъ родства *). Наоборотъ, князья-родственники въ нисходящей линіи никогда не заключаютъ между собою договоровъ. Это объясняется тѣмъ, что отношенія дѣтей къ родителямъ опредѣляются семейнымъ правомъ, въ силу котораго дѣти состоятъ въ подчиненіи волѣ родителей. Подчиненіе дѣтей родителямъ выражалось въ томъ, что при жизни отца сыновья никогда не были самостоятельными владѣтельными князьями. Еслибы имъ и была дана въ управленіе само-

*) Въ нашемъ изслѣдованіи Вѣче и князь, стр. 127—130, приведены примѣры договоровъ между дядьями и племянниками и братьями разныхъ степеней. Не находимъ нужнымъ повторять здѣсь эти факты. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется говорить о войнѣ и мирѣ Рюриковичей при самыхъ разныхъ отношеніяхъ родства.

стоятельная волость, они управляли ею въ качествѣ посадниковъ князя-отца, а не самостоятельныхъ владѣльцевъ. Въ моментъ пріѣзда князя-отца въ управляемую сыномъ волость, правительственныя полномочія послѣдняго прекращались, и власть переходила въ руки отца. Это есть натуральное послѣдствіе семейной зависимости сына отъ отца.

Не можемъ, однако, не указать, что въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, исключительныхъ случаяхъ начало особности волостей шло такъ далеко, что разрывало только-что указанную совершенно натуральную связь отца съ сыномъ. Примѣръ такого любопытнаго явленія представляютъ послѣдніе дни княженія Владиміра Святославича. Еще задолго до смерти своей Владиміръ разсажалъ сыновей по разнымъ волостямъ, которыя онъ успѣлъ соединить подъ своею властью. Ярославъ былъ посаженъ въ Новгородѣ. До 1015 года онъ посылалъ изъ новогородскихъ доходовъ отцу въ Кіевъ по двѣ тысячи гривенъ въ годъ, какъ это дѣлали и прежніе посадники. Въ 1015 Ярославъ прекратилъ эту выдачу. Лѣтописецъ очень кратокъ. Онъ не говоритъ, что между отцомъ и сыномъ происходили поэтому поводу объясненія. Но они, конечно, происходили, и вел. князь Владиміръ, только убѣдившись, что неприсылка 2.000 гривенъ не есть недоимка, а актъ отложенія отъ его власти, приказалъ готовить путь и мосты мостить, чтобы идти ратью на сына Ярослава. Этотъ походъ, однако, не состоялся, потому что Владиміръ заболѣлъ и вскорѣ затѣмъ умеръ. Лавр. 1015. Такимъ образомъ, былъ возможенъ случай войны, а, слѣдовательно, мира и договора даже между отцомъ и сыномъ.

Остановимся на внѣшней формѣ договоровъ.

Не утверждаемъ, что они всегда были писаные. Но можно думать, что къ посредству письма стали у насъ прибѣгать весьма рано. Въ договорахъ Олега, Игоря и Святослава съ греками наши князья имѣли примѣръ писаной формы договора, который едва ли могъ долго оставаться безъ подражанія. Лѣтописныя извѣстія первой половины XII вѣка говорятъ уже о «крестныхъ грамотахъ», какъ о дѣлѣ совер-

шенно обыкновенномъ. Ипат. 1144, 1147. Наименованіе крестной грамоты возникло, конечно, изъ того, что князья, заключавшіе миръ, цѣловали крестъ на грамотѣ, въ которой были записаны условія мира. Въ первой половинѣ XII вѣка это, надо полагать, общераспространенный порядокъ. Свой первый намъ извѣстный прецедентъ клятва на грамотѣ имѣетъ въ утвержденіи кіевлянами договора съ греками, заключеннаго въ 945 году. Христіане клялись тогда въ церкви св. Иліи «честнымъ крестомъ и харатьею сею», а не крещеная русь полагала щиты свои и мечи наги и прочее оружіе и клялась обо всемъ, «яже суть написана на харатьи сей». Письменная форма есть необходимое условіе опредѣленности клятвы, и трудно думать, чтобы наши князья уже на первыхъ порахъ не почувствовали въ ней потребности.

Ни одна изъ крестныхъ грамотъ XII вѣка не сохранилась и не дошла до насъ. Свѣдѣнія о ихъ содержаніи мы имѣемъ только въ краткихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Цѣликомъ сохранившіяся грамоты не старѣе первой половины XIV вѣка. Наиболѣе древняя изъ нихъ написана послѣ смерти Ивана Даниловича Калиты († 1340 г.) его сыновьями, собравшимися у гроба отца для улаженія своихъ отношеній.

Почти всѣ дошедшіе до насъ договоры принадлежатъ московскому дому. Они заключены великими князьями московскими съ ихъ сосѣдями, удѣльными князьями московскими, великими князьями литовскими, рязанскими, тверскими и пр. Число грамотъ, въ которыхъ не участвуютъ московскіе великіе князья, очень не велико. Мы имѣемъ двѣ грамоты князей рязанскаго дома съ Витовтомъ, одну—рязанскихъ князей, родныхъ братьевъ, по поводу заключеннаго ими въ 1496 году союза, двѣ грамоты Юрія Галицкаго, двѣ—сына его, Димитрія, и одну—сына серпуховскаго князя съ бывшимъ можайскимъ княземъ, Иваномъ Андреевичемъ *). Вотъ и весь небольшой запасъ договорныхъ гра-

*) Рум. собр. I. № 47, 48, 62, 67, 127 и 128. А. А. Э. I. № 25, 26 и 70.

мотъ, составленныхъ безъ участія великихъ князей московскихъ. На 8 такихъ грамотъ мы имѣемъ 89, заключенныхъ великими князьями московскими *).

Статьи договоровъ излагались или въ одной грамотѣ, или въ двухъ, по числу договаривающихся сторонъ. Если договоръ писался въ одной грамотѣ, то въ ней прописывались права и обязанности обѣихъ сторонъ и крестное цѣлованіе происходило совмѣстно на общей грамотѣ. Общія обязательства въ такихъ грамотахъ выражались въ слѣдующей формѣ; беремъ мѣсто изъ грамоты вел. князя Семена съ братьями:

«Быти ны за одинъ до живота. А брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто; а брату нашему насъ имѣти въ братствѣ и во чти безъ обиды... А тобѣ господине, князь великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ; а братьѣ твоей молодшей безъ тобѣ не доканчивати ни съ кимъ»...

Въ концѣ о крестномъ цѣлованіи говорится:

«На семь на всемь цѣловали есмы крестъ межи собе у отня гроба по любви въ правду» **).

При написаніи договоровъ въ двухъ отдѣльныхъ грамотахъ, каждая изъ этихъ грамотъ писалась на имя одной только стороны. Въ 1454 году великій князь московскій цѣловалъ крестъ къ тверскому князю на слѣдующей грамотѣ:

«На семъ на всемъ, брате, князь великій, Василей Васильевичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ, къ своему брату, къ великому князю, Борису Александровичу, и со своимъ сыномъ... и къ моему сыну...: добра вы намъ хотѣти во всемъ, въ Ордѣ и на Руси, безъ хитрости; а што вамъ слышевъ о

*) Цифра 89 соотвѣтствуетъ числу дошедшихъ до насъ грамотъ, а не договоровъ. Число договоровъ — гораздо меньше. Въ I т. Рум. собр. одинъ и тотъ же договоръ весьма нерѣдко отпечатанъ два, а иногда и четыре раза и подъ разными номерами.

**) Примѣры такихъ общихъ для обѣихъ сторонъ грамотъ см. Рум. собр. I. № 23, 27, 31, 33, 37, 38 и др.

нашемъ лихе, что намъ на пакость, или о добрѣ, то вы намъ повѣдати въ правду безъ примышленія. А ци имутъ насъ сваживати татарове, а учнутъ вамъ давати домъ святаго Спаса, а нашю отчину, великое княженье, Тфѣрь и Кашинъ, и вамъ ся, брате, не имати» и т. д. Рум. собр. I. № 76.

Съ своей стороны, московскій великій князь обязывалъ тверского по другой грамотѣ, которая начиналась такъ:

«На семъ на всемъ, брате, князь великій Борисъ Ѳедоровичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату къ великому князю, Василію Васильевичу, и къ моему сыну... и съ своимъ сыномъ: добра вы намъ хотѣти во всемъ, въ Ордѣ и на Руси, безъ хитрости; а что ти слышевъ о нашемъ добрѣ, или о лисѣ, что намъ на пакость, то вы намъ повѣдати въ правду, безъ примышленья. А ци имутъ насъ сваживати татаровѣ, а учнутъ вамъ давати нашу вотчину, великое княженье, Москву и Новгородъ Великій, и вамъ ся, брате, не имати» и т. д. *).

Но рядомъ съ такими грамотами, въ которыхъ видно стремленіе обособить и отдѣльно изложить обязательства каждой стороны, встрѣчаемъ двойныя грамоты, въ каждой изъ которыхъ одинаково прописаны обязательства обѣихъ сторонъ, какъ въ вышеуказанныхъ общихъ. Существенная особенность такихъ двойныхъ грамотъ въ томъ, что каждая сторона цѣлуетъ крестъ не на одной общей грамотѣ, а на своей особой. Вел. князь московскій, Василій Васильевичъ, заключилъ въ 1428 году договоръ съ своимъ дядею, съ удѣльнымъ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ. Этотъ договоръ изложенъ въ двухъ грамотахъ. Въ одной Василій Васильевичъ обязываетъ дядю, Юрія, быть съ нимъ за одинъ, хотѣть ему добра, не канчивать безъ него и т. д., и самъ обязывается къ тому же по отношенію къ Юрію; въ другой, Юрій Дмитріевичъ обязываетъ племянника своего быть съ нимъ за одинъ, хотѣть ему добра, не канчивать безъ него и т. д., и самъ обязывается къ тому же по отношенію къ

*) Рум. собр. I. № 77. См. еще № 28, 32, 35, 36 и др.

племяннику. Каждая сторона цѣловала крестъ на той грамотѣ, въ которой противная формулировала ея обязательства *).

Изъ этого сходства содержанія двойныхъ грамотъ надо заключить, что обычай писать договоръ въ двухъ, а не въ одной грамотѣ, возникъ не изъ необходимости обособить обязательства каждой стороны и изложить ихъ въ отдѣльномъ документѣ. Причина двойныхъ грамотъ, надо полагать, была иная. Каждая сторона хотѣла имѣть въ своихъ рукахъ не копію съ общей грамоты, а подлинный документъ, на которомъ противная сторона цѣловала къ ней крестъ.

Древнѣйшій образецъ такихъ двойныхъ грамотъ опять восходитъ ко временамъ договоровъ съ греками. Договоръ Игоря 945 года былъ написанъ на двухъ хартіяхъ, изъ которыхъ одна назначалась для грековъ, другая—для руси. Княжескіе договоры XII вѣка также писались въ двухъ грамотахъ. Послѣ цѣлованія креста происходилъ обмѣнъ грамотъ и каждая сторона сохраняла обязательство противной. Такой обмѣнъ грамотъ, надо думать, произошелъ между кіевскимъ княземъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, и союзниками его черниговскими князьями, Давыдовичами. Въ 1147 году Изяславъ пришелъ къ мысли, что союзники его «хрестъ переступили» и хотѣли его убить; онъ высказалъ имъ это черезъ посла и «поверже имъ, грамоты хрестныя», конечно, тѣ, которыя у него хранились и въ которыхъ были формулированы обязательства его союзниковъ. Послѣдствіемъ этого была война. Ипат. Но иногда случалось, что отсылка крестной грамоты съ укоромъ невѣрному союзнику возвращала его на путь долга и онъ новымъ цѣлованіемъ подтверждалъ свое прежнее обязательство. Въ 1190 году возникъ споръ о границахъ владѣній у кіевскаго князя, Святослава, со смоленскими Ростиславичами. Въ притязаніяхъ Святослава Ростиславичи усмотрѣли нарушеніе заключеннаго ими съ нимъ договора.

*) Рум. собр. I. № 43 и 44, 45, 46, 49 и 50 и многіе другіе.

«Ты, брате, приказали они сказать ему, къ намъ крестъ цѣловалъ на Романовѣ ряду, такоже нашъ братъ, Романъ, сѣдѣлъ въ Кыевѣ. Дажь стоиши въ томъ ряду, то ты намъ братъ, пакы ли поминаешь давныя тяжи, которыя были при Ростиславѣ, то ступилъ еси ряду, мы ся въ то не дамы. А се ти крестныя грамоты». Святославъ же пріемъ грамоты, не хотѣвъ креста цѣловати. И много прѣвся и молвилъ съ мужи, и отпустивъ ихъ, и опять возворотивъ ихъ, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ». Ипат.

Изъ приведеннаго мѣста надо заключить, что Ростиславичи возвратили Святославу тѣ грамоты, на которыхъ онъ цѣловалъ къ нимъ крестъ, чтобы напомнить ему его обязательства и побудить его къ подтвержденію ихъ. Святославъ сперва спорилъ, но потомъ согласился и снова цѣловалъ крестъ.

Нарушителю договора грамоты его посылаются для обличенія его неправды и возложенія на него отвѣтственности за нарушеніе мира. Такъ поступилъ кіевскій князь, Рюрикъ, съ зятемъ своимъ, Романомъ, который нарушилъ мирный трактатъ съ тестемъ и вступилъ въ союзъ съ его врагами, князьями черниговскими. Рюрикъ «посла къ зятю своему мужи своя, говоритъ лѣтописецъ, обличи и и поверже ему крестныя грамоты». Ипат. 1195.

Но почему здѣсь сказано «граматы», во множественномъ числѣ? Для объясненія можно сдѣлать два предположенія. Это могли быть грамоты прежнихъ договоровъ. Случалось, что князья, заключая миръ, цѣловали крестъ не только на новомъ договорѣ, но и на старомъ и тѣмъ вновь его скрѣпляли *). Но возможно и другое объясненіе. Каждая сторона, вступавшая въ договоръ, имѣла въ своихъ рукахъ не только подлинное обязательство противной стороны, на которой та цѣловала крестъ, но еще и копію съ своего собственнаго обязательства. Эти два обязательства сшивались вмѣстѣ и

*) Такъ, напримѣръ, Иванъ Андреевичъ Можайскій цѣловалъ Василію Ивановичу крестъ на «сей грамотѣ» и «по нашимъ доканчальнымъ грамотамъ», т. е. прежнимъ. Рум. собр. I. № 68. 1448.

къ нимъ прикладывались висячія печати обѣихъ договаривающихся сторонъ. Отъ московскаго времени сохранились экземпляры такихъ вмѣстѣ сшитыхъ грамотъ съ подвѣшенными къ нимъ печатями *). Каждый такой договоръ, слѣдовательно, существовалъ въ четырехъ спискахъ, въ числѣ которыхъ было два подлинника и двѣ копіи. Подлинниками мы называемъ грамоты, на которыхъ произошло крестное цѣлованіе. Можно думать, что такія сшивныя грамоты были уже въ употребленіи въ Кіевской Руси. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что лѣтописецъ, говоря о возвращеніи грамотъ, никогда не опредѣляетъ, чьи это грамоты. Это, конечно, потому, что возвращались обязательства обѣихъ сторонъ, одно въ подлинникѣ, другое въ копіи, и князю, возвращавшему грамоты, нельзя было сказать, ни то, что онъ возвращаетъ свои грамоты, ни то, что онъ возвращаетъ грамоты противной стороны, а потому и говорилось просто: «грамоты».

Порядокъ написанія, обмѣна, храненія и возвращенія двойныхъ грамотъ представляется довольно яснымъ. Нельзя того же сказать объ общихъ грамотахъ, на которыхъ цѣловали крестъ обѣ договаривающіяся стороны. По отношенію къ нимъ нѣтъ указаній относительно того, кто хранилъ подлинную грамоту и кто получалъ копію. Число дошедшихъ до насъ общихъ грамотъ, сравнительно съ двойными

---

*) См. для примѣра Рум. собр. I. № 52 и 53, 58 и 59, 99, 100, 101 и 102. Но подлинникъ и копія не всегда сшивались вмѣстѣ. Въ I т. Рум. собр. подъ № 92 напечатана грамота, на которой цѣловалъ крестъ можайскій князь, Михаилъ Андреевичъ, къ московскому вел. князю Ивану Васильевичу. Изъ надписи на оборотѣ этой грамоты видно, что она хранилась у Михаила Андреевича, у котораго и была взята при составленіи новаго договора. Это, конечно, копія съ грамоты, на которой цѣловалъ крестъ Михаилъ Андреевичъ, но при ней нѣтъ ея «противня», т.-е. грамоты, на которой цѣловалъ крестъ Иванъ Васильевичъ. Этотъ «противень», конечно, тоже находился въ рукахъ Михаила Андреевича, но хранился отдѣльно отъ копіи съ его грамоты и не былъ съ ней сшитъ. Такихъ разрозненныхъ двойныхъ грамотъ на-

не очень велико. Писались ли такія грамоты въ до-московское время, также остается не яснымъ.

Переходимъ къ содержанію договоровъ.

Договоры опредѣляютъ взаимныя права и обязанности владѣтельныхъ князей. Возникаетъ вопросъ, какого происхожденія эти права и обязанности, представляетъ ли договоръ способъ первоначальнаго ихъ возникновенія, или эти права и обязанности существовали и до договора, въ силу обычая, но были нарушены, стали предметомъ спора и получили въ договорѣ лишь новое подтвержденіе? Надо думать, что значительная часть содержанія договоровъ имѣетъ бытовую основу; не все въ нихъ возникло благодаря одному голому соглашенію. Князья жили и дѣйствовали въ готовой уже средѣ; опредѣляя свои отношенія договорами, они должны были вносить въ нихъ и то, что въ этой средѣ считалось уже правдой. Рядомъ съ такимъ подтвержденіемъ существующаго, въ содержаніи договоровъ должны встрѣчаться измѣненія установившагося порядка и даже совершенно новыя опредѣленія, вызываемыя особенностями каждаго новаго случая. Содержаніе договоровъ съ точки зрѣнія первоначальнаго ихъ источника представляется, такимъ образомъ, весьма разнообразнымъ. Разобраться въ этомъ разнообразіи дѣло не легкое и не всегда бываетъ возможно опредѣлить, что возникло изъ голаго соглашенія и что имѣетъ въ своемъ основаніи бытовую подкладку. Встрѣчается, однако, не мало опредѣленій, въ происхожденіи которыхъ едва ли есть основаніе сомнѣваться. Правила о невмѣшательствѣ одного князя въ дѣла управленія и суда другаго, о неприкосновенности владѣній, о братствѣ князей, о ихъ старѣйшинствѣ имѣютъ, конечно, бытовую основу; наоборотъ, союзъ мира и любви между князьями и самыя его условія, подчиненіе одного князя волѣ другаго, опредѣленіе

печатано довольно много въ I. т. Рум. собр. См. для прим. № 28, 32, 35, 36 и др.

границъ княжескихъ владѣній—предстявляютъ результатъ чистаго соглашенія.

Мы уже сказали, что полные тексты договоровъ, дошедшіе до насъ, не восходятъ далѣе половины XIV вѣка. Всѣ наши знанія о содержаніи договоровъ до-московскаго времени ограничиваются краткими лѣтописными извѣстіями. Къ счастію, эти краткія и случайно занесенныя въ лѣтопись извѣстія даютъ намъ возможность возстановить существенныя черты содержанія древнѣйшихъ договоровъ. Ходъ исторіи княжескихъ отношеній не отличается быстрымъ поступательнымъ движеніемъ. Разъ сложившіяся нормы государственнаго быта удерживаются у насъ чрезвычайно долго. Взаимныя отношенія князей въ періодъ вымиранія удѣльной системы покоятся на тѣхъ самыхъ началахъ, какія сложились въ періодъ господства этой системы. Ограниченія политической самостоятельности московскихъ удѣльныхъ князей не составляютъ новости XV или XVI вѣка, они были уже извѣстны въ XII вѣкѣ и раньше. На почвѣ договоровъ не могло возникнуть единодержавія. Новый московскій порядокъ сложился не путемъ соотвѣтствующаго измѣненія содержанія договоровъ, а замѣной договорныхъ отношеній отношеніемъ подчиненія. Договоры московскихъ князей являются остаткомъ глубокой старины, а не произведеніемъ новаго времени. Тѣ краткія извѣстія лѣтописи о содержаніи древнихъ договоровъ, на которыя мы только что указали, совершенно совпадаютъ съ содержаніемъ московскихъ договоровъ и представляются какъ бы разрозненными изъ нихъ вырѣзками. Поэтому, при изложеніи содержанія договоровъ по отдѣльнымъ пунктамъ мы одинаково будемъ пользоваться какъ лѣтописными отрывками древнихъ договоровъ, такъ и полными ихъ текстами московскаго времени: одно дополняетъ другое.

Княжескіе договоры заключаются съ цѣлью установленія между участниками союза мира, любви и взаимопомощи. По поводу этой основной мысли договоры высказываютъ массу положеній, относящихся какъ къ публичному, такъ и

къ частному праву. Въ настоящемъ томѣ мы будемъ имѣть въ виду только положенія публичнаго права.

1. Неприкосновенность владѣній.

Въ договорахъ признается неприкосновенность владѣній союзниковъ. Они обязываются не только сами не нарушать владѣтельныхъ правъ другой стороны, но и оберегать ее отъ враждебныхъ посягательствъ третьихъ лицъ. Это существенное условіе всякаго мирнаго союза возникло, конечно, не изъ договора; оно есть необходимое слѣдствіе той исконной политической особности древнихъ волостей, на которую было уже указано (I т. Рус. юр. древ., глава I).

Признаніе неприкосновенности союзныхъ владеній выражалось въ различной формѣ. Изяславъ Мстиславичъ, по словамъ черниговскихъ князей, Игоря и Святослава, цѣловалъ въ 1146 году къ нимъ крестъ на томъ, «яко не подозрѣти» ему подъ ними Кіева. Ипат. Въ 1159 году Изяславъ Давыдовичъ Кіевскій цѣловалъ крестъ къ Святославу Черниговскому, «яко не подозрѣти подъ нимъ Чернигова никимъ же образомъ». Ипат.

Въ томъ же смыслѣ употребляется выраженіе не искать. Въ 1151 году Юрій Владиміровичъ, принужденный уступить Кіевъ брату, Вячеславу, и племяннику, Изяславу, цѣлуетъ къ нимъ крестъ «Кіева подъ ними не искати». Ипат. Подъ 1195 годомъ находимъ извѣстіе о томъ, что Ольговичи обязались не искать Кіева подъ Рюрикомъ и Всеволодомъ Юрьевичемъ; въ слѣдующемъ году тѣ же князья обязались не искать Смоленска подъ братомъ Рюрика, Давыдомъ. Ипат. Сами Ольговичи такъ выражаются о принятомъ ими на себя обязательствѣ:

«Ажъ ны еси вмѣнилъ, говорятъ они Всеволоду Юрьевичу, Кыевъ тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ, Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ». Ипат. 1195.

Употребленный здѣсь терминъ блюсти сильнѣе вышеприведеннаго не искать; онъ обязываетъ противную сторону не только не вступаться во владѣнія союзника, но и охранять неприкосновенность ихъ отъ третьихъ лицъ.

Эти обязательства князей XII вѣка цѣликомъ переходятъ въ московскіе договоры XIV и XV. Серпуховскій князь, Владиміръ Андреевичъ, цѣлуетъ крестъ къ двоюродному брату своему, Дмитрію Ивановичу, на томъ, что не будетъ искать подъ нимъ удѣла дяди Семена, чѣмъ благословилъ его отецъ. Подобно этому тверской князь, Михаилъ, въ договорѣ съ тѣмъ же Дмитріемъ обязывается не искать подъ нимъ Москвы, а правнукъ Михаила, Борисъ, обязывается не искать Москвы и всего, что къ ней потянуло, подъ вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ, и въ свою очередь обязываетъ московскаго князя не искать подъ нимъ Твери и всего, что къ ней потянуло *).

Кромѣ термина не искать въ московскихъ договорахъ встрѣчаемъ еще однозначущія выраженія: не подыскивать, не вступаться, не хотѣть, блюсти и не обидѣть **). То же значеніе имѣетъ и обязательство держать подъ великимъ княземъ княженіе его честно и грозно. Обязательство это встрѣчается въ сравнительно немногихъ договорахъ московскихъ великихъ князей съ удѣльными и возлагается всегда на удѣльныхъ, а не обратно, тогда какъ обязательства: не искать, не хотѣть, блюсти и пр. всегда обоюдны ***). Въ этомъ надо усматривать признакъ фактическаго преобладанія московскаго великаго князя надъ удѣльными. По суще-

---

*) Рум. Собр. I. №№ 27, 28, 76, 77, 88, 1362—1462. Число дошедшихъ до насъ договоровъ совершенно случайное, а потому мы и не видимъ надобности дѣлать ссылки на всѣ договоры, которые оправдываютъ приводимое въ текстѣ положеніе. Для нашей цѣли достаточно и одного примѣра.

**) Рум. Собр. I. №№ 32, 36, 43, 44, 49, 52, 65, 90, 97, 115, 133 134, 160, 161, 1381—1531.

***) Рум. Собр. I. №№ 27, 33, 45, 52, 54, 90—94, 133, 160, 1362—1531.

ству владѣнія удѣльнаго князя столь же неприкосновенны, какъ и великаго, ибо послѣдній обязывается не вступаться въ нихъ, блюсти и не обидѣть. Но удѣльный обязывается не только не вступаться, блюсти и не обидѣть, но дѣлать это еще «честно и грозно». Честность, конечно, подразумѣвается и въ великомъ князѣ, но по отношенію къ удѣльному у великаго князя есть сомнѣніе, а потому онъ и ставитъ честность, какъ особое условіе. Подъ «грозно» надо разумѣть дѣйствительное оказаніе поддержки великому князю въ случаѣ нападенія третьихъ лицъ на его владѣнія, и притомъ такое, которое приводило бы ихъ въ страхъ и трепетъ. Но такая дѣйствительная поддержка мыслится и въ обязательствѣ «блюсти», обязательство же «держать грозно» есть только усиленіе, какъ и обязательство «держать честно». Удѣльный князь, какъ слабѣйшій, допускаетъ сомнѣніе въ своей добросовѣстности и соглашается на это формальное усиленіе своихъ обязательствъ; въ добросовѣстности же великаго князя онъ не смѣетъ сомнѣваться, а потому и довольствуется простымъ его обѣщаніемъ не вступаться, блюсти и не обидѣть.

Невмѣшательство одного князя въ дѣла внутренняго управленія и суда другого есть необходимое слѣдствіе обоюднаго признанія неприкосновенности владѣній. Это само собой разумѣется. Московскіе договоры отправляются отъ предположенія, что всякому князю, въ предѣлахъ его владѣній, принадлежитъ право суда и управленія. Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А хто живеть твоихъ бояръ, говоритъ великій князь, въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ, въ великомъ княженіи, а тыхъ ны блюсти, какъ и своихъ, а дань взяти, какъ и на своихъ; а кто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и вудѣлѣ, а тыхъ тебѣ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ». Рум. собр. I. № 27, 35.

Право каждаго князя взимать дань съ населенія своей отчины предполагается; вопросъ идетъ только о томъ, можно

ли облагать данью слугъ чужаго князя, и разрѣшается утвердительно.

Право каждаго князя производить судъ также предполагается статьями объ общемъ судѣ, который составляется изъ судей обѣихъ сторонъ *). Но въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаемъ и прямыя постановленія, воспрещающія договаривающимся сторонамъ всылать даньщиковъ и приставовъ въ чужіе удѣлы, раздавать тамъ жалованыя грамоты и пр. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ:

«А въ твой ми удѣлъ данщиковъ своихъ и приставовъ не всылати; тако же и тобѣ въ мой удѣлъ данщиковъ своихъ ни приставовъ не всылати, ни во все мое великое княженье. ...А въ твой ми удѣлъ грамотъ жаловальныхъ не давати; такоже и тобѣ въ мой удѣлъ и во все мое великое княженье не давати своихъ грамотъ. А которыи грамоты буду подавалъ, а тѣ мои грамоты отоимати; а тобѣ такоже, брату моему молодшему, грамоты отоимати, кому будешь подавалъ въ моемъ княженіи». Рум. собр. I. № 27, 35, 71.

Изъ послѣднихъ словъ видно, что начало неприкосновенности чужихъ владѣній не всегда соблюдалось. Это и дѣлало необходимымъ особыя разъяснительныя постановленія въ договорахъ.

Иванъ Даниловичъ Калита предоставилъ Москву съ уѣздомъ въ общее владѣніе своихъ сыновей. Распоряженіе это имѣло послѣдствіемъ своимъ то, что управленіе и судъ въ Москвѣ принадлежали всѣмъ тремъ сыновьямъ Ивана, а послѣ ихъ смерти права ихъ перешли, подъ наименованіемъ третей, къ ихъ наслѣдникамъ. Этимъ правомъ общаго суда и объясняются такія статьи въ договорахъ московскихъ князей, какъ, напримѣръ, слѣдующая:

«А судовъ ти московскихъ, читаемъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ, Андреевичемъ, безъ моихъ намѣстниковъ не судити, а язъ иму московьскыи суды судити, тѣмъ ми ся съ тобою

*) Рум. Собр. I. №№ 27, 54, 55, 64, 65, 69, 70, 76, 88.

дѣлити. А буду опроче Москвы, а ударитъ ми челомъ москвитинъ на москвитина, пристава ми дати, а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, ини исправу учинятъ, а твои намѣстники съ ними. А ударитъ ми челомъ хто изъ великого княженья на москвитина, на твоего боярина, и мнѣ пристава послати по него, а тебѣ послати за своимъ своего боярина». Рум. Собр. I. № 33.

Эта общность суда продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ трети не соединились въ рукахъ великаго князя московскаго.

Можно думать, что общее управленіе примѣнялось даже къ командованію московскою ратью, и она выступала въ походъ подъ начальствомъ воеводъ, назначаемыхъ всѣми третчиками.

Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ дядею, Владиміромъ Андреевичемъ, читаемъ:

«А московьская рать ходить съ моимь воеводою (князя великого, какъ было) переже сего». Рум. собр. I. № 35.

Если это надо было оговорить въ договорѣ, то, думаемъ, потому что было время, когда московская рать ходила съ воеводами всѣхъ третчиковъ. Подтвержденіе этому находимъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ тѣмъ же Владиміромъ Андреевичемъ, въ которомъ упоминается не одинъ воевода московской рати, а нѣсколько:

«А московьская рать, хто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не приимати». Рум. собр. I. № 33.

Случаи сокняженія нѣсколькихъ князей въ одной волости встрѣчаемъ и въ до-московское время. Сыновья Мстислава Владиміровича, сперва Изяславъ, а по его смерти († 1154) и Ростиславъ († 1167) сидѣли въ Кіевѣ вмѣстѣ съ дядею своимъ, Вячеславомъ († 1154). И въ этомъ древнѣйшемъ случаѣ двуцарствія князья управляли совмѣстно. Это само собой разумѣется и можетъ быть подтверждено словами Вячеслава, обращенными имъ къ племяннику, Изяславу:

«Сыну! Богъ ти помози, оже на мене еси честь возложилъ, акы на своемъ отци. А язъ пакы, сыну, тобѣ молвлю: язъ есмь уже старъ, а всихъ рядовъ не могу уже рядити, но будевѣ обы Кіевѣ, а чи намъ будеть который рядъ, или хрестьяныхъ или поганыхъ, а идевѣ оба по мѣсту; а дружина моя и полкъ мой, а то буди обою нама, ты же ряди, а чи кдѣ намъ будеть мочно обѣима ѣхати, а оба ѣдевѣ, пакы ли, а ты ѣзди съ моимъ полкомъ и съ своимъ». Ипат. 1151.

Опредѣленіе границъ владѣній есть необходимое условіе неприкосновенности и раздѣльности ихъ, а потому и относится обыкновенно къ содержанію договоровъ. Объ этомъ слѣдовало бы только упомянуть. Но существуетъ мнѣніе о томъ, что въ древности (до XIII вѣка) вся Русь составляла нераздѣльную собственность княжескаго рода Рюриковичей. Это мнѣніе, высказанное человѣкомъ много и съ великою пользою потрудившимся для русской исторіи, заставляетъ насъ остановиться на этомъ вопросѣ долѣе, чѣмъ онъ заслуживаетъ самъ по себѣ.

Съ глубокой древности каждый князь владѣетъ лично на себя и стремится расширить свои владѣнія. Обладаніе волостями составляетъ главную причину княжескихъ войнъ. «Волости ради» убиваетъ Святополкъ Бориса и Глѣба. «Желая большей власти» Святославъ Ярославичъ черниговскій подговариваетъ младшаго брата, Всеволода, отнять Кіевскую волость у старшаго Изяслава. Очень характеренъ мотивъ, которымъ удалось Святославу склонить на свою сторону Всеволода: «Изяславъ сносится со Всеславомъ, замышляя на насъ, говорилъ онъ Всеволоду, если мы его не прогонимъ, онъ насъ прогонитъ». Лавр. Двумъ князьямъ трудно было ужиться рядомъ, даже если это были родные братья. Изъза обладанія волостями возгорѣлась въ 1186 году война въ Рязани между родными братьями Глѣбовичами. Всѣ такія столкновенія, если оканчивались миромъ, должны были вести къ опредѣленію границъ владѣній. Такія опредѣленія встрѣчаемъ мы съ самыхъ древнихъ временъ.

Древнѣйшее столкновеніе князей родныхъ братьевъ отно-

сится къ X вѣку; оно произошло между Святославичами. Первою его жертвой былъ древлянскій князь, Олегъ; побѣдитель, Ярополкъ, завладѣлъ волостью убитаго.

Возгорѣвшая затѣмъ война между Владиміромъ и Ярополкомъ кончилась въ пользу Владиміра. Воевода Ярополка, Блудъ, даетъ такой совѣтъ своему князю, осажденному въ Роднѣ:

«Поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ пріиму. Поиде же Ярополкъ къ Володимеру»... Лавр. 980.

Здѣсь мы имѣемъ древнѣйшее указаніе на мирныя предложенія, которыя долженъ былъ сдѣлать побѣжденный князь побѣдителю. Онъ вынужденъ отказаться отъ всѣхъ своихъ владѣній и сдаться на волю побѣдителя. Еслибы предложенія Ярополка были приняты и миръ былъ заключенъ, въ немъ, было бы указано, что даетъ Владиміръ своему старшему брату. Но дѣло до мира не дошло, Ярополкъ былъ измѣннически убитъ при входѣ въ теремъ Владиміра.

Итакъ, еще въ X вѣкѣ, между сыновьями Святослава Игоревича возникъ вопросъ о границахъ владѣній; но такъ какъ Владиміръ Святославичъ не хотѣлъ никакого раздѣла, то Ярополкъ и поплатился жизнью за свое желаніе получить часть во владѣніяхъ отца и дѣда. Нежеланіе Владиміра дѣлиться съ братомъ находитъ себѣ нѣкоторое объясненіе въ алчной политикѣ Ярополка: онъ незадумался же захватить владѣнія Олега и Владиміра.

Въ 1024 году Мстиславъ, братъ Ярослава Мудраго, оставилъ Тмутаракань и отправился на сѣверъ искать для себя новой волости. Кіевляне его не приняли; ему удалось, однако, утвердиться въ Черниговѣ, входившемъ въ составъ владѣній кіевскаго князя, Ярослава. Все это произошло въ отсутствіе Ярослава, бывшаго въ Новгородѣ. Кіевскій князь не хотѣлъ примириться съ такимъ умаленіемъ своихъ владѣній. Подкрѣпивъ силы свои новымъ призваніемъ варяговъ, онъ вы-

ступилъ противъ Мстислава, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ.

«И посла Мьстиславъ по Ярославѣ, глаголя: сяди въ своемъ Кыевѣ, ты еси старѣйшій братъ, а мнѣ буди си сторона. И не смѣяше Ярославъ ити въ Кыевъ, дондеже смиристася». Лавр.

Мстиславъ показалъ умѣренность, какой не обладали Святославичи. Онъ не захотѣлъ преслѣдовать побѣжденнаго Ярослава, а самъ предложилъ ему миръ на весьма выгодныхъ для старшаго брата условіяхъ: Ярославъ удерживалъ Кіевъ, а Мстиславъ пріобрѣталъ лѣвый берегъ Днѣпра. На этихъ условіяхъ столкновеніе и было покончено.

Въ томъ же XI вѣкѣ встрѣчаемся и со случаемъ общаго распредѣленія владѣній между потомками Ярослава.

Вскорѣ послѣ смерти Всеволода, внуки Ярослава съѣхались на съѣздъ въ Любечѣ (1097) для рѣшенія жгучаго вопроса о томъ, кому чѣмъ владѣть. Вотъ краткое извѣстіе лѣтописца объ этомъ съѣздѣ:

«Въ лѣто 6605 (1097) придоша Святополкъ (сынъ Изяслава), Володимеръ (сынъ Всеволода), Давыдъ Игоревичь, и Василько Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и братъ его, Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира. И глаголаша къ собѣ, рекуще: «почто губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще, а половци землю нашу несуть розно и ради суть, оже межи нами рати. Да нонѣ, отселѣ имемъся въ едино сердце и блюдемъ Рускыѣ земли, кождо до держитъ отчину свою: Святополкъ Кыевъ—Изяславлю, Володимерь — Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ—Святославлю; а имъ же роздаялъ Всеволодъ городы: Давыду—Володимерь, Ростиславичема: Перемышль—Володареви, Теребовль—Василькови». И на томъ цѣловаша крестъ, да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси и крестъ честный. Рекоша вси: да будеть на нь крестъ честный и вся земля Русьская. И цѣловавшеся, поидоша всвояси». Лавр.

Пять внуковъ и одинъ правнукъ Ярослава, съѣхавшіеся въ Любечѣ, осуждаютъ хищническую политику своихъ от-

цовъ, въ которой и имъ приходилось принимать не малое участіе, и заключаютъ между собою мирный трактатъ, въ которомъ опредѣляются предѣлы владѣній каждаго изъ участниковъ. Чрезвычайно важно начало, положенное въ основу этого распредѣленія. Князья принимаютъ начало отчины: внуки Ярослава должны сидѣть на столахъ, которые даны были дѣдомъ ихъ отцамъ.

Принципъ раздѣльности владѣній не есть, такимъ образомъ, новость, появившаяся только въ XIII вѣкѣ. Это исконное явленіе нашей исторіи; начало свое оно имѣетъ въ особности первоначальныхъ волостей, существовавшихъ еще до Рюрика. Рюриковичи этого принципа не измѣнили. Сыновья Святослава владѣютъ каждый на себя и воюютъ между собой изъ-за владѣній. То-же продолжается и во все послѣдующее время до объединенія Руси.

Для доказательства пришлось бы приводить всѣ старыя лѣтописи постранично. Ограничимся немногими примѣрами изъ первой половины XII вѣка.

«Въ лѣто 6643 (1135) Юрьи (сынъ Владиміра Мономаха, суздальскій князь) испроси у брата своего, Ярополка (кіевскаго князя), Переяславль (отчина Владиміровичей), а Ярополку дасть Суздаль, и Ростовъ, и прочюю волость свою, но не всю. И про то заратишася Олговичи (черниговскіе князья). Иде Ярополкъ съ братьею своею, и Юрьи, и Андрей, на Всеволода на Олговича... И паки Олговичи начаша просити у Ярополка: «что ны отецъ держалъ при ватемъ отци, того же и мы хочемъ; аже не вдасть, то не жалуйте, что ся удѣеть, то вы виновати, то на васъ буди кровь». То же все ся створи; оже выгна Гюрги Всеволода (сына Мстислава, старшаго брата Ярополка) изъ Переяслава, а потомъ Изяслава (брата Всеволода) выгна Вячьславъ (братъ Ярополка), а потомъ Изяслава выгна тотъ же Вячьславъ изъ Турова (городъ Вячеслава). А они (Всеволодъ и Изяславъ, которымъ покровительствалъ Ярополкъ; но которыхъ преслѣдовали младшіе дяди, Юрій и Вячеславъ, изъ-за обладанія Переяславомъ) приступиша къ Олговичемъ, и бысть въ томъ межи ими пря велика, злоба. Идяху слово рекуче Олговичи: «яко вы (Мономаховичи) начали есте перво насъ губити» Ипат.

Въ чемъ здѣсь дѣло? Въ 1133 году кіевскій князь, Мстиславъ Владиміровичъ, чувствуя приближеніе смерти, передалъ Кіевъ брату своему, Ярополку. За эту услугу Ярополкъ обязался устроить сыновей Мстислава и между прочимъ, дать имъ отчину Владиміровичей, Переславль, что и исполнилъ. Это, конечно, не могло понравиться младшимъ сыновьямъ Владиміра Мономаха, которые тоже были не прочь расширить свои владѣнія и, конечно, на счетъ племянниковъ, какъ это и раньше ихъ дѣлали Святославъ, Всеволодъ, а потомъ и Изяславъ Ярославичи. Отсюда и возникла коротко указанная лѣтописцемъ смѣна князей въ Переяславѣ. Ярополкъ продолжалъ покровительствовать племянникамъ, не смотря на то, что встрѣтилъ противниковъ въ братьяхъ. Когда Юрій выгналъ Всеволода, Ярополкъ прогналъ Юрія и отдалъ Переяславъ второму сыну Мстислава, Изяславу. Изяслава прогналъ Вячеславъ. Ярополкъ вошелъ въ переговоры съ Вячеславомъ и, съ его согласія, вознаградилъ Изяслава Туровымъ; но не прошло и года послѣ этого, какъ Вячеславъ возвратился въ Туровъ и прогналъ племянника. Вотъ послѣ этого то, надо думать, Ярополкъ потерялъ надежду устроить Мстиславичей согласно обѣщанію, данному ихъ отцу, и вступилъ въ выгодное для себя соглашеніе съ Юріемъ, который уступилъ ему за Переяславль значительную часть своихъ владѣній. Мстиславичи, предоставленные сами себѣ, вступили въ союзъ съ Ольговичами и вмѣстѣ съ ними начали войну съ Владиміровичами, своими ближайшими родственниками. У Ольговичей была и своя причина войны. Владиміровичи отняли у нихъ какія-то владѣнія, принадлежавшія имъ при Владимірѣ Мономахѣ.

Приведемъ и еще одинъ весьма любопытный примѣръ, близкій по времени. Въ 1140 году Всеволодъ Черниговскій занялъ Кіевскій столъ. Чѣмъ важнѣе было новое пріобрѣтеніе князя, тѣмъ бо́льшія уступки долженъ былъ онъ дѣлать другимъ князьямъ, своимъ союзникамъ, а иногда и врагамъ, чтобы примирить ихъ со своими успѣхами. Всеволодъ много роздалъ и друзьямъ и недавнимъ врагамъ, но

все-таки не удовлетворилъ всѣхъ и прежде всего не удовлетворилъ своихъ родныхъ братьевъ и до того вѣрныхъ союзниковъ, которые и возстали противъ него опять таки изъза владѣній. Вотъ разсказъ лѣтописца:

«Въ се же лѣто (1142) посла Всеволодъ изъ Кіева на Вячьслава (Владиміровича), река: «сѣдѣши въ Кіевской волости, а мнѣ достоитъ; а ты пойди въ Переяславль, отчину свою». А сыновцю его да, Изяславу (Мстиславичу),—Володимерь, а Святославу, сынови своему, да—Туровъ. И бысть братьи его тяжко сердце, Игореви и Святославу: волости бо дасть сынови, а братьи не надѣли ничимъ же. И позва Всеволодъ братью къ собѣ, и пришедше сташа въ Ольжичихъ: Святославъ, Володимиръ, Изяславъ, а Игорь стояша у Городьча. И ѣха Святославъ къ Игореви и рече: «что ти даеть братъ старишей?» И рече Игорь: «даеть ны по городу: Берестій и Дорогычинъ, Черторыескъ и Кльчьскъ, а отчинѣ своеѣ не дасть, Вятичь». И чѣлова Святославъ крестъ съ братомъ своимъ, Игоремъ; а наутрѣй день чѣловаста Володемеръ, Изяславъ съ Игоремъ, и тако яшася вси, рекуще: «кто съступить крестьецѣлованье, да сь кресть взомьстить». И посла ихъ Всеволодъ звать на обѣдъ, и не ѣхаша. И послашась братья къ Всеволоду, рекуче: «се въ Кіевѣ сѣдѣши, а мы просимъ у тебе Черниговской и Новгороцкой волости, а Кіевское не хочемъ». Онъ же Вятичь не съступяшеть, но даяшеть имъ четыре городы, яже и преди нарекохомъ. Они же рѣша: «ты намъ братъ старишій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати» Ипат.

Изъ этого мѣста слѣдуетъ:

1) Всеволодъ, занявъ Кіевскій столъ, не бросилъ свою отчину. Онъ уступилъ только часть отчины, со стольнымъ городомъ Черниговомъ, одному изъ своихъ союзниковъ, двоюродному брату, Владиміру Давыдовичу, но все остальное удержалъ за собой. Переходъ на Кіевскій столъ не есть непремѣнно переходъ изъ волости въ волость, какъ иногда думаютъ. Весьма нерѣдко это есть образованіе новаго политическаго тѣла, въ новыхъ границахъ, въ составъ котораго входятъ и значительныя части прежнихъ владѣній.

2) Сосѣднюю волость, Переяславскую, Всеволодъ отдаетъ своему недавнему врагу, Вячеславу, и, конечно, не въ томъ

намѣреніи, чтобы Переяславъ послужилъ ему ступенью для вступленія на Кіевскій столъ, какъ смотрятъ нѣкоторые ученые на занятіе Переяславскаго стола.

3) Братья Всеволода вовсе не желаютъ расширенія своихъ владѣній на счетъ сосѣдней Кіевской волости. Они просятъ надѣла изъ отчины своей, Черниговской и Новгородской волости. Это опять не совсѣмъ согласно съ весьма распространеннымъ мнѣніемъ о какомъ-то кочеваніи древнихъ князей. Древніе князья тоже были не прочь сидѣть на своихъ отчинахъ; но это имъ также не всегда удавалось, какъ не удалось и многимъ князьямъ московскаго времени сохранить за собой свои отчины.

Итакъ, распри князей и въ XII вѣкѣ, какъ и въ XI и X, идутъ изъ-за владѣній; мирные трактаты, которыми они оканчиваются, содержатъ опредѣленія о границахъ владѣній. Такими же опредѣленіями наполняются и договоры московскаго времени. Этотъ фактъ такъ общеизвѣстенъ, что не представляется надобности приводить въ подтвержденіе его какія-либо выписки.

2. *Наслѣдственность владѣній.*

Наслѣдственность княжескихъ владѣній не есть исконное начало нашей государственной жизни. При существованіи вѣча и права народа призывать князей, оно могло имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ призывалъ князя съ дѣтьми и то до нѣкоторой только степени (см. выше стр. 76 и сл.). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда князь призывался лишь до своего живота, оно отрицалось. Не смотря на это, начало наслѣдственности начинаетъ у насъ примѣняться съ очень глубокой древности. Это весьма понятно. Мы уже знаемъ, что каждый князь разсматривалъ свои владѣнія, какъ особыя, и заботился о неприкосновенности ихъ. На этой почвѣ легко могла родиться мысль о передачѣ владѣній дѣтямъ. Она, дѣйствительно, и родилась очень рано.

Первый случай примѣненія ея относится къ X вѣку. Но начало наслѣдственности должно было выдержать долгую борьбу. Оно враждебно сталкивалось: во 1-хъ, съ правомъ народа выбирать себѣ князя по усмотрѣнію; во 2-хъ, еще болѣе упорнаго врага нашло оно въ самихъ князьяхъ, которые считали себя въ правѣ доискиваться любого стола, не взирая ни на какія наслѣдственныя притязанія.

Древнѣйшій случай перехода волости по началу отчины лѣтопись приписываетъ распоряженію Владиміра Святого. Подъ 1128 годомъ мы находимъ такое объясненіе происхожденія особой вѣтви полоцкихъ князей. Владиміръ, по разсказу лѣтописца ,созвалъ бояръ своихъ и сообщилъ имъ о покушеніи на его жизнь, совершенномъ женою его, Рогнѣдою, дочерью полоцкаго князя, и о намѣреніи своемъ казнить ее смертью. Бояре отвѣчали ему:

«Уже не убій ея дѣтяти дѣля сего (Изяслава, сына Владиміра отъ Рогнѣды); но въздвигни отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ. Володиміръ же устрои городъ и да има»... Лавр.

Такимъ образомъ, уже боярамъ Владиміра приписывается мысль объ отчинѣ, какъ основаніи княжескаго преемства. Владиміръ слѣдуетъ совѣту бояръ, и образуетъ особую линію князей, полоцкихъ вотчинниковъ.

Тотъ же лѣтописецъ, передавая содержаніе Ярославова завѣщанія, въ заключеніе говоритъ:

«И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити». 1054.

Ярославъ, бывшій не разъ свидѣтелемъ войны родныхъ братьевъ изъ за владѣній, запрещаетъ сыновьямъ своимъ переступать предѣлъ братнина удѣла. Мы думаемъ, что въ этомъ распоряженіи Ярослава можно видѣть вторую попытку, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, установить наслѣдованіе по отчинѣ. Переходъ одного изъ сѣновей Ярослава на столъ другого, по его смерти, но при наличности

дѣтей умершаго, является такимъ же нарушеніемъ завѣщанія, какъ и захватъ братнина стола при его жизни. Сыновья Ярослава, по отношенію къ своимъ дѣтямъ, находились совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился Ярославъ по отношенію къ своимъ. Онъ роздалъ имъ свои владѣнія съ совершеннымъ устраненіемъ брата своего, Судислава, котораго держалъ въ тюрьмѣ. Почему сыновья его должны были поступить иначе и оставить свои владѣнія не дѣтямъ, а братьямъ? Нѣтъ ни малѣйшаго основанія допустить это. Правда, по смерти младшаго изъ сыновей Ярослава, Вячеслава (1057), три старшихъ брата перевели слѣдующаго за тѣмъ Игоря изъ Володиміра, назначеннаго ему отцомъ, на столъ умершаго, не смотря на то, что послѣ Вячеслава остался сынъ, Борисъ. Это перемѣщеніе есть самовольное распоряженіе старшихъ братьевъ и ничего болѣе. Оно также нарушаетъ завѣщаніе Ярослава, какъ и случившееся позднѣе изгнаніе Изяслава изъ Кіева. Такъ смотрѣли на Ярославово завѣщаніе и современники. Начальный лѣтописецъ, описавъ изгнаніе Изяслава и занятіе Кіева его младшими братьями, говоритъ, что они сдѣлали это, «преступивше заповѣдь отню». 1073.

Что Ярославъ имѣлъ въ виду установленіе наслѣдственнаго преемства въ нисходящей линіи своихъ сыновей, это подтверждается и дошедшимъ до насъ толкованіемъ его завѣщанія князьями конца XII вѣка. Черниговскіе Ольговичи состояли въ договорѣ со Всеволодомъ Владимірскимъ и Рюрикомъ Кіевскимъ, по которому обязались «блюсти Кіевъ подъ Всеволодомъ и сватомъ его, Рюрикомъ». Въ 1195 году Рюрикъ вознамѣрился измѣнить содержаніе этого договора и по соглашенію со Всеволодомъ и братомъ, Давыдомъ, послалъ къ Ольговичамъ новое предложеніе, въ которомъ эти три князя и высказываютъ свой взглядъ на суть Ярославова завѣщанія.

«Тое же осени (1195), говоритъ лѣтописецъ, сослався Рюрикъ со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и съ братомъ своимъ, Давыдомъ, послаша мужи своя къ Ярославу и ко

всимъ Олговичамъ, рекше ему: «цѣлуй къ намъ крестъ со всею своею братьею, како вы не искати отцины нашея, Кыева и Смоленьска, подъ нами, и подъ нашими дѣтми, и подъ всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ, како насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ, Ярославъ, по Днѣпръ, а Кыевъ вы не надобѣ». Ипат. 7.

Итакъ, по мнѣнію Владиміровичей, Ярославъ раздѣлилъ по Днѣпръ не сыновей только своихъ, Святослава и Всеволода, но и потомство ихъ. Значитъ, по мысли Ярослава, дѣти, а не братья, должны были наслѣдовать его сыновьямъ.

Хотя это толкованіе воли Ярослава и невыгодно Ольговичамъ, но они не отрицаютъ его вѣрности. Въ своемъ отвѣтѣ они вовсе не касаются неудобнаго для нихъ Ярославова завѣщанія, а указываютъ на ближайшую причину княженія Рюрика въ Кіевѣ и говорятъ, что и они могутъ занять Кіевъ въ случаѣ соединенія въ ихъ пользу тѣхъ же благопріятныхъ условій, какія доставили этотъ столъ ихъ противникамъ.

«И Олговичи же, продолжаетъ лѣтописецъ, сдумавше и пожалиша себе, рекше ко Всеволоду: «ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ то же ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ, Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ; ажь ны лишитися его велишь отъинудь, то мы есмы не угре, ни ляхове, но единого дѣда есмы внуци: при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажь по васъ, кому Богъ дасть».

Ссылка Владиміровичей на Ярославово завѣщаніе вѣрна только отчасти, по отношенію къ одной Переяславской волости, которую Ярославъ назначилъ прапрадѣду ихъ, Всеволоду; Кіевъ же и Смоленскъ были назначены другимъ наслѣдникамъ и отчиной Владиміровичей сдѣлались гораздо позднѣе, и при томъ Владиміровичи сидѣли въ Кіевѣ не безъ согласія на то черниговскихъ князей, съ которыми у нихъ были заключаемы дружественные союзы. На одинъ изъ такихъ союзныхъ договоровъ и указываютъ Ольговичи въ своемъ отвѣтѣ. По договору этому Ольговичи отказа-

лись отъ Кіева въ пользу Всеволода и шурина его Рюрика, и только *).

Признаніе отчины за основаніе преемства, сказавшееся впервые въ княжескихъ распоряженіяхъ, входитъ и въ содержаніе договоровъ. Древнѣйшій примѣръ представляетъ мирный трактатъ, заключенный между внуками и правнуками Ярослава на Любецкомъ съѣздѣ (см. выше, стр. 138). Этимъ договоромъ установлено общее правило, чтобы дѣти владѣли столами своихъ отцовъ. Признаніе того же начала встрѣчается и въ договорахъ XII вѣка.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Война Изяслава Кіевскаго съ Юріемъ Ростовскимъ раздѣлила на два враждебныхъ лагеря и черниговскихъ князей: Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича. Когда война окончилась, Святославъ обратился къ Изяславу съ такимъ предложеніемъ:

«Брате! миръ стоить до рати, а рать до мира! А нынѣ, брате, братья есмы собѣ, а прими насъ къ собѣ. А се отцинѣ межи нами двѣ: одина моего отца, Олга, а другая твоего отца, Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а язъ Олговичь. Ты же, брате, прими отца своего, Давыдово; а што Олгово, а то нама дай, ать вѣ ся тѣмъ подѣливѣ». Изяславъ же крестьяньски учини, прія брата своя и отцину има узвороти, а свою къ собѣ прія». Ипат. 1151.

Святославъ хлопочетъ не о себѣ одномъ, но еще и о другомъ князѣ. Этотъ другой князь есть сынъ роднаго брата Святослава, Святославъ Всеволодовичъ, состоявшій въ союзѣ со Святославомъ Ольговичемъ. Дяди, значитъ, далеко не

*) Приведенное изъ Ипат. лѣт. мѣсто совершенно иначе передано въ Никоновской. Тамъ читаемъ:

«Небуди мнѣ отлучитися великого стола и главы и славы всеа Русіи, Киева, но якоже и отъ прадѣдъ нашихъ лествицею каждо восхожаше на великое княженіе Киевское, аще же и намъ и вамъ, возлюбленная и драгая братія, лествичнымъ восхожениемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыти на великое княжение великого Киева. Сего, братие, не разоряйте, ни присецайте, да не Божій гнѣвъ на себѣ привлецете, хотяще едины во всей Росіи господствовати. Богъ убо мститель есть неправду творящимъ». 1196.

всегда исключали племянниковъ изъ владѣнія отчинами. Родовая теорія говоритъ объ исключеніи, въ періодъ отъ Ярослава Владиміровича до смерти Мстислава,—племянниковъ дядями «изъ общаго родоваго владѣнія». Владѣнія же отчинами она совсѣмъ не замѣтила.

Мы уже знаемъ, что сынъ Мономаха, Андрей, княжилъ во Владимірѣ. Князь этотъ заключилъ договоръ съ братомъ, Юріемъ, по которому Юрій обязался «по животѣ его волость удержати сынови его». По смерти Андрея, Юрій цѣловалъ крестъ этому сыну Андрея, «яко искати ему Володимиря». Ипат. 1157.

Въ 1170 году владимірскій князь, Мстиславъ Изяславовичъ, заключилъ договоръ съ братомъ своимъ, Ярославомъ, «якоже не подозрѣти волости подъ дѣтми его». Ипат. 1172.

Въ 1195 году Владиміровичи предлагаютъ Ольговичамъ цѣловать крестъ на томъ, что они не будутъ искать Кіева и Смоленска подъ ними, подъ ихъ дѣтьми и подъ всемъ Владиміровымъ племенемъ.

Когда это предпріятіе не удалось, Всеволодъ заключилъ съ Ольговичами миръ:

«И умолви съ нимъ (Ярославомъ Черниговскимъ) про волость свою и про дѣти своя, а Кыева подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленска не искати, и води Ярослава ко честному кресту и всихъ Олговичь». Ипат.

И такъ, Всеволодъ отказался отъ новыхъ требованій, внушенныхъ Рюрикомъ, и ограничился прежними, но вмѣстѣ съ тѣмъ договорился о дѣтяхъ своихъ. Лѣтописецъ не приводитъ, въ чемъ состоялъ этотъ договоръ, но въ виду многихъ случаевъ передачи родителями дѣтямъ своихъ владѣній, есть полное основаніе думать, что Ольговичи обѣщали неподозрѣти Владимірской волости не только подъ Всеволодомъ, но и подъ дѣтьми его. Всеволоду надо было, конечно, достигнуть этого прежде всего; а могли быть и иные пункты соглашенія, о которыхъ гадать безполезно.

Насколько начало наслѣдственности пустило глубокіе корни въ XII вѣкѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе случаи.

Въ 1140 году Всеволодъ Черниговскій, завладѣвъ Кіевомъ, захотѣлъ перевести князя Андрея изъ Переяславля въ Курскъ. Андрей отвѣчалъ ему:

«Лѣпьши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженье. Отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли. Хочю на своей отчинѣ смерть пріяти». Ипат. 1140.

Желаніе Андрея сбылось, онъ умеръ въ Переяславлѣ. По смерти его тотъ же Всеволодъ предлагаетъ брату Андрея, Вячеславу, перейти изъ Турова въ Переяславль на томъ основаніи, что это отчина его. Ипат. 1142.

Въ 1146 году Изяславъ Мстиславичъ, рѣшивъ начать войну съ Игоремъ Ольговичемъ изъ-за обладанія Кіевомъ, собираетъ войско и говоритъ ему такую рѣчь:

«Да любо си голову положю передъ вами, любо си налѣзу столъ дѣда своего и отца своего». Ипат.

Въ 1155 году черниговскому князю, Изяславу Давыдовичу, удалось занять Кіевъ. Юрій Владиміровичъ, начиная съ нимъ войну изъ-за Кіева, говоритъ ему: «мнѣ отчина Кіевъ, а не тобѣ». Ипат.

Въ 1159 году полоцкій князь Рогволодъ отбираетъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и передаетъ его Брячиславу Давыдовичу на томъ основаніи, что это его отчина. Ипат.

На томъ же основаніи и Новогородцы въ 1200 году просятъ Всеволода Юрьевича посадить у нихъ сына своего. Послы ихъ говорятъ князю:

«Ты господинъ князь великый, Всеволодъ Гюргевичь, просимъ у тобе сына княжитъ Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новъгородъ». Лавр.

Начало наслѣдованія въ нисходящей линіи, по отчинѣ, возникшее въ глубокой древности *) и признаваемое не

*) Приведенныя мѣста источниковъ, свидѣтельствующія о древ-

только князьями, но даже и вольнолюбивымъ народомъ Новгорода Великаго, переходитъ, какъ готовое уже, въ московскую эпоху. Въ договорахъ московскихъ князей постоянно встрѣчаемся съ условіемъ не вступаться во владѣнія союзника не только при жизни его, но и по смерти, подъ его дѣтьми. Ограничимся двумя примѣрами, древнѣйшимъ и самымъ новымъ изъ дошедшихъ до насъ договоровъ. Въ 1341 году сыновья Ивана Даниловича Калиты сходятся у отня гроба и заключаютъ между собой договоръ, въ которомъ обязываются «не обидѣть и не имати ничего (отъ княгини и) отъ дѣтий, чѣмъ ихъ кого благословилъ отецъ по роздѣлу». Подобное же обязательство находимъ и въ договорѣ, заключенномъ сыновьями вел. князя Ивана Васильевича, при жизни отца и по его приказу, въ 1504 году; обязательство это было повторено и по смерти отца въ 1531 году. Князья взаимно обязывались блюсти, не обидѣть и не вступаться другъ подъ другомъ и подъ дѣтьми. Знаменательно то, что Иванъ Васильевичъ не указомъ опредѣляетъ отношенія младшаго сына къ старшему, а договоромъ. Мысль о томъ, что владѣтельные князья подчиняются только такому закону, на который сами соизволили, живетъ и дѣйствуетъ еще и при Иванѣ Васильевичѣ. Вотъ почему онъ и обратился къ старому средству договора. Рум. собр. I. №№ 23, 133, 134, 140, 161. Такимъ образомъ, братъ великаго князя московскаго былъ такой же наслѣдственный владѣтель въ своемъ удѣлѣ, какъ и самъ великій князь. Тоже надо сказать и о всѣхъ удѣльныхъ князьяхъ московскаго времени.

ности начала наслѣдованія отъ отца къ сыну, нисколько не препятствуютъ сторонникамъ родовой теоріи считать этотъ порядокъ новымъ московскимъ обычаемъ. На стр. 443 Исторіи отнош. между русск. князьями Рюрикова дома читаемъ: «По смерти Юрія престолъ московскій занялъ старшій сынъ его, Василій Косой, мимо всѣхъ родовыхъ правъ, по новому обычаю престолонаслѣдія отъ отца къ сыну».

3. Братство князей.

Всѣ князья, происходя отъ одного общаго родоначальника, считаютъ себя прирожденными правителями. Они никогда не подданные другого князя, а равные ему. Они всѣ одной плоти и крови. Это бытовое явленіе; оно есть слѣдствіе рожденія, а не соглашенія. Но это начало прирожденныхъ княжескихъ правъ не всегда соблюдалось. Сильные князья не очень то уважали княжеское происхожденіе слабыхъ. Если они находили ихъ лишними, они не затруднялись устранять ихъ съ своей дороги. Вотъ это то обстоятельство и повело къ тому, что въ княжескіе договоры всегда включается статья о «братствѣ» союзниковъ. Всѣ состояшіе въ договорѣ князья именуютъ другъ друга братьями и обязываются относиться другъ къ другу соотвѣтственно этому началу братства.

Московскіе великіе князья постоянно обязываются держать своихъ союзниковъ «въ братствѣ, во чти. безъ обиды». Къ тому же обязывались и князья до-московскаго времени. Превосходный коментарій къ условію о братствѣ князей даютъ переговоры, происходившіе въ XII вѣкѣ между Андреемъ, владимірскимъ княземъ, и Ростиславичами. Князья эти состояли въ союзѣ. Въ 1154 году между ними возникло разногласіе; Ростиславичи не выдали Андрею Григорья Хотовича, котораго онъ подозрѣвалъ въ убійствѣ брата своего, Глѣба.

«Андрей же, говоритъ лѣтописецъ, исполнився высокоумья, разгордѣвъся велми, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився, разжегся гнѣвомъ и посла Михна, мечьника: «ѣдь къ Ростиславичемъ, рци ти имъ: не ходите въ моей воли! ты же, Рюриче, пойди въ Смольнскъ къ брату, во свою отцину; а Давыдови рцы: а ты пойди въ Берладъ, а въ Руськой земли не велю ти быти; а Мьстиславу молви: въ тобе стоитъ все, а не велю ти въ Руской землѣ быти».

Ростиславичи оскорбились высокомѣріемъ тона и дали такой отвѣтъ:

«Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви, аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ». Ипат.

Князь не простой человѣкъ, ему нельзя приказывать, говорить съ нимъ надо почтительно. Это и значитъ держать во чти.

Принципъ братства вноситъ въ среду князей начало равенства, онъ уравниваетъ дядю съ племянникомъ, названнаго отца съ сыномъ. Андрей не братъ Ростиславичамъ, а дядя, котораго Ростиславичи чтили, какъ отца. Тѣмъ не менѣе, какъ только Андрей позволилъ себѣ обратиться къ нимъ съ нарушеніемъ ихъ княжескаго достоинства, они разорвали свой союзъ съ нимъ.

Въ 1146 году кіевскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, приказываетъ спросить у своихъ двоюродныхъ братьевъ, Давыдовичей, и у Изяслава Мстиславича:

«Стоите ли въ хрестномъ цѣлованьи у брата своего, у Игоря». Ипат.

Изяславъ Мстиславичъ приходится Игорю не братомъ, а племянникомъ. Если же здѣсь онъ названъ братомъ, то, конечно, потому, что въ договорѣ установлено начало братства.

Въ томъ же году, но уже по смерти Всеволода, Изяславъ Мстилавичъ обращается къ своему войску съ такими словами:

«Братье! Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старишаго». Ипат.

Но Всеволодъ не братъ, а дядя Изяславу, братомъ же старшимъ онъ имѣлъ его въ силу договора. Совершенно такія же обязательства найдемъ и въ московскихъ договорахъ.

Въ томъ же году, сынъ Изяслава, Мстиславъ, обращается

къ союзникамъ своего отца, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ, съ такою рѣчью:

«Братъ ваю, а мой отецъ, тако реклъ: къ городу же не приступайте, доколѣ же приду азъ, а какоже угадаемъ, тако створимъ. Она же рекоста тако: аже тако братъ велѣлъ, а тако и учинимъ». Ипат.

Это опять договорное братство, въ дѣйствительности же Изяславъ племянникъ Давыдовичей.

Въ 1150 году тотъ же Изяславъ посылаетъ посла къ дядямъ своимъ, Вячеславу и Юрію, и приказываетъ сказать имъ:

«Брата еста моя! Хрестъ еста цѣловала на томъ, ако моего что есть, то исправити; се же, брата, первое есми слалъ къ вамъ, и нынѣ, любо на чемъ хрестъ еста цѣловали, то управита; не хочета ли того всего исправити, то язъ въ обидѣ не могу быти». Ипат.

Согласно съ этимъ, дяди, Вячеславъ и Юрій, обращаются къ племяннику, Изяславу, называя его «братъ и сынъ». Ипат 1149 и сл.

Если въ предшествовавшихъ примѣрахъ уравнивались дяди и племянники весьма отдаленныхъ степеней, то здѣсь мы имѣемъ случай уравненія племянника съ родными дядями.

Точно также и въ московскихъ договорахъ не только братья договариваются о братствѣ, но и племянники съ дядями и дѣды со внуками. Великій князь московскій, Василій Дмитріевичъ, въ договорѣ, заключенномъ съ двоюродрымъ дядею, Владиміромъ Андреевичемъ, обязываетъ его считать себя братомъ старѣйшимъ и самъ обязывается держать его въ братствѣ и въ чести безъ обиды. Дмитрій Ивановичъ заключилъ договоръ съ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ, который приходится ему внукомъ; но въ договорѣ обязывается имѣть его себѣ братомъ молодшимъ.

Итакъ, по договорамъ всѣ князья признаются братьями. Но братья въ семьѣ не равны; между ними есть старшіе и младшіе. Это бытовое явленіе то же переходитъ въ дого-

воры и проявляется двояко: во-первыхъ, князья называютъ другъ друга то старшими, то младшими братьями, сообразуясь съ дѣйствительнымъ старшинствомъ, и, во-вторыхъ, они обязываются признавать кого-либо старшимъ братомъ, и, въ свою очередь, обязываютъ этого старшаго считать ихъ младшими братьями.

Остановимся прежде на вопросѣ о томъ, что такое въ семьѣ старшій братъ, имѣлъ онъ какія-либо преимущества передъ младшими, или нѣтъ? Есть основаніе думать, что въ княжескихъ семьяхъ старшему сыну принадлежало нѣкоторое преимущество въ наслѣдованіи княжескихъ владѣній. Наслѣдованіе въ княжескихъ владѣніяхъ отличалось отъ наслѣдованія въ частной собственности. Собственность дѣлилась на равныя части, а при дѣлежѣ владѣній сообразовались съ естественнымъ дѣленіемъ ихъ на волости, а волостей на города и пригороды. При этомъ доли получались не равныя и не одинаковаго достоинства; однѣ волости были лучше, другія хуже; города же, по общему правилу, всегда были лучше пригородовъ. Такимъ образомъ, при раздѣлѣ княжескихъ отчинъ всегда возникалъ вопросъ, кому дать лучшую волость, кому слѣдующую за ней по достоинству и т. д. При этомъ и обнаруживалось преимущество старшинства братьевъ. Старшій братъ, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, получалъ отъ отца лучшій столъ, остальные распредѣлялись между младшими. Такой порядокъ наблюдаемъ съ древнѣйшихъ временъ. Святославъ передаетъ лучшій свой столъ, кіевскій, старшему сыну, Ярополку; по смерти Владиміра этотъ столъ занимаетъ старшій его сынъ, Святополкъ. Въ 1031 году Мстиславъ Владиміровичъ, одержавъ побѣду надъ братомъ Ярославомъ, уступаетъ ему Кіевъ на томъ основаніи, что онъ старшій братъ. Ярославъ, въ свою очередь, назначаетъ Кіевъ старшему сыну, Изяславу. Это право старшаго сына на лучшій или, что тоже, старшій столъ, хорошо выражено владимірскимъ княземъ, Всеволодомъ Юрьевичемъ. Посадивъ старшаго сына своего въ Новгородѣ, онъ такъ объяснилъ это назначеніе:

«Сыну мой, Костянтине, на тобѣ Богъ положилъ переже старѣйшинство во всей братьи твоей, а Новъгородъ Великій старѣйшиньство имать княженью во всей Русьской земли, по имени твоемъ тако и хвала твоя, не токмо Богъ положилъ переже старѣйшиньство во всей братьи твоей, но и въ всей Русской земли; и язъ ти даю старѣйшиньство. Поѣди въ свой городъ». Лавр. 1206.

Константинъ старѣйшина въ семьѣ Всеволода; этому положенію его соотвѣтствуетъ и назначеніе его въ старѣйшій городъ Новгородъ, такова воля Божія. Чувствуя приближеніе смерти, Всеволодъ назначаетъ Константину лучшую свою волость, Владиміръ. Только послѣ того, какъ между сыномъ и отцомъ обнаружилось разногласіе по вопросу объ отношеніи Ростова къ Владиміру, Всеволодъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе и назначилъ Владиміръ второму сыну, Юрію, а Константину далъ Ростовъ. Это преимущество старшаго сына сознаютъ и московскіе князья. Сознаніе это съ совершенной ясностью высказано великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ. Назначая своимъ наслѣдникомъ въ великомъ княженіи, по смерти старшаго сына, Ивана, внука Димитрія, великій князь сказалъ:

«Отче митрополить! Божіемъ изволеніемъ отъ нашихъ прародитель, великихъ князей, старина наша оттолѣ и до сѣхъ мѣстъ, отци, великіе князи, сыновомъ своимъ прьвымъ дивали великое княженіе; и язъ былъ своего сына перваго, Ивана, при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ...». Воскр.

Иванъ Даниловичъ Калита великое княженіе никому ни приказалъ; въ своемъ завѣщаніи онъ распоряжается только Московскимъ удѣломъ. Стремясь къ равному надѣленію своихъ наслѣдниковъ, лучшій свой городъ, Москву, онъ предоставилъ въ общее владѣніе всѣхъ трехъ сыновей; въ отдѣльное же владѣніе онъ предоставилъ имъ остальные города и волости. Незная размѣровъ и доходности этихъ участковъ, мы не можемъ сказать, получилъ что нибудь старшій сынъ Ивана на старѣйшинство, или

нѣтъ. Если удѣлъ его былъ и больше, что можно допустить, все-таки младшіе братья нашли нужнымъ сдѣлать ему прибавку. По смерти отца они заключили съ нимъ договоръ, въ которомъ сдѣлали ему уступки «на старѣйшинство». Въ этомъ договорѣ читаемъ:

«А что есмы съ ступилися тобѣ на старѣйшинство: тобѣ полтамги, (а намъ двумъ полтамги), да тобѣ соколничий путь, и кони ставити.....хъ, и ловчий путь тоже; и потомъ на старѣйший путь, кто будеть старѣйший, тому полтамги, а молодшимъ двумъ полтамги. А опрочь того все на трое».

Отецъ все раздѣлилъ на три части; а младшіе братья уступаютъ старшему нѣкоторыя угодья цѣликомъ да половину таможенныхъ доходовъ: все это ему на старѣйшинство. Эта прибавка показываетъ, что право старѣйшинства пустило довольно глубокіе корни въ общественномъ сознаніи.

Помимо указанннаго преимущества первороднаго сына въ наслѣдованіи, ему принадлежало еще право на особый почотъ и уваженіе со стороны младшихъ, по общему правилу древности: «старыя чти, яко отца». Это особое почтеніе выражалось, напримѣръ, въ томъ, что первое слово предоставлялось старшему, младшій первый долженъ былъ поклониться старшему и пр. Вотъ въ какой почтительной фомѣ младшій братъ, Роситславъ Мстиславичъ, отвѣчаетъ старшему, Изяславу, на его впросъ о томъ, надо ли продолжать войну съ черниговскими князьми, или заключить съ ними миръ.

«Брате! кланяютися, ты еси меня старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь! Аже, брате, на мнѣ честь покладываш, то язъ быхъ, брате, тако реклъ: рускыхъ дѣля земль и хрестьянъ дѣля, то язъ люблю, брате, миръ лѣпле». Ипат. 1148.

Въ 1289 году племянникъ владимірскаго князя, Мстислава Даниловича, и сынъ его старшаго брата, Юрій,

захватилъ городъ дяди, Берестій, и вошолъ въ соглашеніе съ жителями. Мстиславъ не хотѣлъ отказаться отъ Берестья, но прежде начала войны отправилъ посольство къ отцу Юрія и своему старшему брату, Льву, съ такимъ рѣшительнымъ по существу и почтительнымъ по формѣ обращеніемъ:

«Жалуюсь Богу и тобѣ, зане ми есь по Бозѣ братъ старѣйшій! Повѣжь ми, брате мой, право, своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Берестьи, ци ли твоимъ повелѣніемъ? Оже будетъ твоимъ повелѣніемъ се учинилъ, се же ти повѣдаю брате мой, не тая: послалъ есмь возводитъ татаръ, а самъ пристраиваюся, а како мя Богъ разсудить съ вами! А не на мнѣ та кровь будеть, но на виноватомъ ,но на томъ, кто будетъ криво учинилъ». Ипат.

Таковы преимущества старшаго брата, старѣйшины, или говоря отвлеченно, преимущества старѣйшинства. Поэтому, слово «старѣйшинство» употреблялось у насъ иногда для обозначенія однихъ только преимуществъ старѣйшины. Мы уже знаемъ, что старшій братъ получалъ лучшій столъ, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, т.-е., если отецъ любилъ его не менѣе младшихъ и пр. Всеволодъ разошелся съ своимъ старшимъ сыномъ, Константиномъ, и вмѣсто Владиміра назначилъ ему Ростовъ. По смерти отца между Константиномъ и Юріемъ, получившимъ лучшій столъ, возгорѣлась война. Сторону Костантина принялъ новгородскій князь, Мстиславъ Мстиславичъ. Вотъ какъ онъ объясняетъ свое вмѣшательство въ семейное дѣло сыновей Всеволодова:

«Мы, говоритъ онъ, пришли были есми, брате, не на пролитіе крови, но управитися межи себѣ, едино бо есмя племя, и дати старѣйшинство большему брату, Костянтину, да посадити и въ Володимери, а вамъ Суздальская земля вся». Воскр. 1216.

Старѣйшинство—это обладаніе старшимъ городомъ, на которое Костантинъ имѣлъ право по первородству, но катотораго лишился, поссорившись съ отцомъ. Старшинство

и молодость городовъ—понятія относительныя и постоянно мѣняющіяся. Въ концѣ XII вѣка Владиміръ—младшій городъ, въ началѣ XIII—онъ уже старшій.

Младшіе сыновья Ярослава, Святославъ и Всеволодъ, прогнали старшаго брата, Изяслава, изъ Кіева. По смерти Святослава, Изяславъ возвратился изъ Польши добывать свою отчину. Всеволодъ выступилъ было противъ него, но до войны дѣло не дошло, и братья заключили между собой миръ. Текстъ этого мирнаго договора намъ не извѣстенъ, но вотъ что говоритъ о его содержаніи Изяславъ, когда Всеволодъ, разбитый половцами, обратился къ его помощи:

«Елма же ты, брате мой, показа ко мнѣ любовь, введя мя на столъ мой и нарекъ мя старѣйшину собѣ, се азъ не помяну злобы первыя, ты ми еси братъ, а я тобѣ, и положю главу свою за тя». Лавр. 1078.

Употребленное здѣсь выраженіе «нарекъ мя старѣйшину собѣ» легко объясняется изъ сказаннаго. Изяславъ—старшій братъ и согласно этому получилъ отъ отца старшій столъ. Младшіе братья нарушили его старѣйшинство и прогнали его изъ Кіева. По смерти Святослава, всему дѣлу заводчика, Всеволодъ помирился съ братомъ, уступилъ ему Кіевъ и, такимъ образомъ, призналъ его права первородства, которыя, не задолго передъ тѣмъ, отрицалъ; — это и значитъ «нарекъ его старѣйшиной». Такія признанія старѣйшиной, или братомъ старѣйшимъ постоянно находимъ и въ московскихъ договорахъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди, а теперь мы получили возможность объяснить переносное значеніе слова «старѣйшина». Изяславъ былъ лишенъ старѣйшинства; по его изгнаніи, правами его пользовался слѣдующій за нимъ братъ и похититель его правъ, Святославъ. Святославъ и былъ старѣйшиной, но не по рожденію, а въ силу захвата правъ старѣйшины. Права же старѣйшины заключались тогда въ обладаніи Кіевомъ. Святославъ былъ старѣйшина въ силу факта обладанія Кіевомъ, онъ старѣй-

шина по городу. Такимъ старѣйшиной, въ случаѣ удачи, могъ сдѣлаться любой князь.

Въ 1174 году, во время существованія большаго союза, составленнаго противъ кіевскихъ и смоленскихъ князей, Ростиславичей, усиліями Андрея Юрьевича Владимірскаго и черниговскихъ князей, къ послѣднимъ присоединился двоюродный братъ Ростиславичей, Ярославъ Изяславичъ Луцкій, «ища собѣ старѣйшинства въ Олговичахъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, и не ступишася ему Кіева». Ипат. 1174.

Какого это старѣйшинства искалъ Ярославъ Изяславичъ передъ Ольговичами и при ихъ помощи? Старѣйшинства по первородству онъ не могъ искать, ибо происходилъ отъ третьяго сына Ярослава, а Ольговичи отъ втораго, и приходился племянникомъ своему союзнику, черниговскому князю, Святославу Всеволодовичу. Ярославъ искалъ старѣйшинства по Кіеву, т. е. желалъ, чтобы черниговскіе князья предоставили ему обладаніе Кіевомъ, который считался старше Чернигова. Это подтверждается и словами текста. Отказъ Ольговичей выраженъ въ такой формѣ: «и не ступишася ему Кіева», что и значитъ не дали старѣйшинства. Тогда Ярославъ перешелъ на сторону Ростиславичей съ тѣмъ же требованіемъ.

«Ростиславичи же, продолжаетъ лѣтописецъ, положиша на Ярославѣ старѣйшиньство и даша ему Кыевъ». Ипат. 1174.

Ярославъ, сынъ Изяслава, старшаго брата Ростислава, и, слѣдовательно, старшій двоюродный братъ Ростиславичей, имѣлъ передъ ними старшинство первородства. Что же значитъ, что они «положили на него старѣйшинство»? Это значитъ, что они по договору обязались считать его старѣйшиной и доставить ему Кіевъ, чего до сего времени не дѣлали, ибо въ Кіевѣ сидѣлъ Романъ Ростиславичъ. Здѣсь опять договоромъ подтверждаются права первородства, до того отрицавшіяся.

Итакъ, старѣйшинство означаетъ, во-первыхъ, право пер-

вородства, а такъ какъ право первородства состоитъ въ обладаніи лучшимъ столомъ, то, во-вторыхъ, старѣйшинство означаетъ лучшій столъ; наконецъ, въ-третьихъ, старѣйшинство—можетъ означать единственно почетъ, несоединяемый ни съ какими матеріальными выгодами. Примѣръ такого словоупотребленія даетъ договоръ Ростиславичей со Всеволодомъ Юрьевичемъ. По этому договору Всеволодъ былъ нареченъ Ростиславичами «старѣйшиной», но кіевскій столъ, по смерти Святослава Всеволодовича (1194), занялъ не Всеволодъ, а Рюрикъ Ростиславичъ.

Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ отправляетъ къ Рюрику и брату его, Давыду, такое посольство:

«Вы есте, приказываетъ онъ сказать имъ, нарекли мя въ своемъ племени, во Володимерѣ, старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ еси въ Кыевѣ, а мнѣ еси части не учинилъ въ Руской землѣ, но роздалъ еси инѣмъ моложьшимъ, братьи своей. Да же мнѣ въ ней части нѣтъ, да то ты, а то Кіевъ и Руская область; а кому еси въ ней часть далъ, съ тѣмъ ей и блюди и стрежи. Да какъ ю съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ не надобѣ». Ипат. 1195.

Отъ сюда ясно, что хотя Всеволодъ и признанъ старѣйшиной, но Ростиславичи не обязались ни къ какимъ матеріальнымъ уступкамъ въ его пользу—на старѣйшинство; они не обѣщали ему ни Кіева, ни какой либо части въ Русской землѣ. Еслибы такія обѣщанія были сдѣланы, Всеволодъ указалъ бы на это и упрекнулъ бы въ несоблюденіи договора. Но онъ этого не дѣлаетъ, онъ только жалуется, что его не вспомнили въ счастливую минуту и не дали части, тогда какъ всѣ другіе союзники получили и при томъ младшіе. Младшіе надѣлены, а старѣйшій нѣтъ; это очевидное неуваженіе старѣйшинства. Всеволодъ не хочетъ этого терпѣть, ибо старѣйшинству подобаетъ особый почетъ, а ему не оказано и той чести, какая сдѣлана младшимъ. Онъ выступаетъ изъ союза. Въ этомъ и заключается его месть за недостатокъ почтенія. Ясно, что старѣйшинство, въ данномъ случаѣ, ничего не означало, кромѣ по-

четнаго титула, которому должно было соотвѣтствовать особое вниманіе младшихъ по отношенію къ старѣйшинѣ. О томъ, что старѣйшинство означало какія-либо права верховенства старшаго князя по отношенію къ младшимъ—и рѣчи быть не можетъ. Въ этомъ смыслѣ особаго почета выраженіе «старѣйшій братъ» употребляется и въ московскихъ договорахъ.

Но переходъ отъ состоянія мира къ состоянію войны такого сильнаго князя, какъ Всеволодъ, испугалъ Ростиславичей, и они рѣшили удовлетворить его. Оказалось, что Всеволодъ желалъ получить именно ту волость, которую Рюрикъ отдалъ уже зятю своему, Роману Мстиславичу. Какъ ни трудно было удовлетворить Всеволода, Рюрикъ сдѣлалъ таки ему угодное; но онъ возстановилъ этимъ противъ себя зятя. Романъ Мстиславичъ вышелъ изъ союза съ Рюрикомъ и вступилъ въ крестное цѣлованіе съ Ярославомъ Вселодовичемъ Черниговскимъ,

«Поводя и на Кіевъ, на тестя своего. Се же слышавъ Рюрикъ, ажь Романъ отступился ко Ольговичемъ и поводитъ Ярослава на старѣйшинство, и поча Рюрикъ думати съ братьею своею и мужи своими...» Ипат. 1195.

Здѣсь опять слово «старѣйшинство» употреблено въ смыслѣ старшаго стола, въ данномъ случаѣ Кіева.

Въ московскихъ договорахъ встрѣчаемся съ тѣмъ же раздѣленіемъ князей-братьевъ на старшихъ и младшихъ. Титулъ старѣйшаго усвояется всегда старшему брату и владѣльцу старшаго на сѣверо-востокѣ стола владимірскаго и московскаго; но по отношенію къ его младшимъ братьямъ рязанскіе и тверскіе князья тоже старшіе. Имена князей и столовъ новыя, но понятія старыя. Старѣйшинство старшаго брата такъ натурально, что въ договорахъ сыновей Ивана Даниловича Калиты и Дмитрія Ивановича Донского оно встрѣчается только какъ ходячее обращеніе младшихъ братьевъ къ старшему, а не въ смыслѣ особой обязанности, возлагаемой на младшихъ,—считать старшаго старшимъ. Ве-

ликій князь, Иванъ Васильевичъ, этимъ уже не довольствуется, онъ возлагаетъ на младшихъ своихъ братьевъ обязанность «имѣть его братомъ старѣйшимъ» и самъ по отношенію къ нимъ обязывается держать ихъ братьею молодшею. Существо дѣла отъ этого, однако, нисколько не мѣняется. Онъ только прямо высказалъ въ договорѣ то, что предполагалось и прежде. Сыновья Калиты и Дмитрія Донского не обязываются имѣть старшаго брата старшимъ, но такъ его называютъ, а слѣдовательно и имѣютъ. Иванъ Васильевичъ не сдѣлалъ своихъ братьевъ подданными великаго князя; какъ и древніе князья, онъ обязывается держать ихъ въ братствѣ и во чти безъ обиды; онъ только сильнѣе оттѣняетъ ихъ обязанность почитать его, какъ старѣйшаго, чѣмъ это дѣлалось при его дѣдѣ.

Въ договорахъ же московскихъ князей съ болѣе отдаленными родственниками уже съ Дмитрія Ивановича встрѣчаемся съ опредѣленіемъ относительнаго старшинства князей и съ установленіемъ обязанности считать того или другаго князя то старшимъ, то младшимъ, то просто братомъ. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича и двоюроднаго брата его, Владиміра Андреевича, съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Александровичемъ, послѣдній принимаетъ на себя обязательство имѣть Дмитрія Ивановича себѣ братомъ старѣйшимъ, а князя Владиміра—братомъ. Такъ какъ въ этомъ же договорѣ есть особыя статьи о неприкосновенности владѣній, то подъ припризнаніемъ старѣйшинства великаго князя московскаго надо видѣть только обязанность къ особому почтенію, подобающему старшему. Мы думаемъ, что и во всѣхъ договорахъ московскаго времени обязанность признавать извѣстнаго князя старѣйшиной сводится къ особому почету по отношенію къ этому князю и только. Съ точки зрѣнія почета можно понять и встрѣчающуюся въ московскихъ договорахъ градацію старшинства. Великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ, возлагаетъ на рязанскаго князя такое обязательство:

«Имѣти ти меня, великого князя, себѣ братомъ старѣйшимъ и моего сына, великого князя, имѣти ти его себѣ братомъ старѣйшимъ; а брата нашего молодшего, князя Андрѣя, имѣти ти его собѣ братомъ; а брата нашего молодшево, князя Бориса, и меншево нашего брата, князя Михайла, и сына его князя, Василья, имѣти ти себѣ братьею молодшего» *).

Это есть градація чести и ничего больше. Видѣть здѣсь какую-либо форму верховенства великаго князя московскаго надъ рязанскимъ не представляется возможности. Рязанскій князь, младшій по отношенію къ Ивану Васильевичу, является самъ старѣйшиной брата московскаго великаго князя, Бориса, дяди его, Михаила Верейскаго, и племенника, Василія, сына верейскаго князя. Это, конечно, не подчиненіе братьевъ московскаго князя—рязанскому, а только форма почести, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить двоякое подчиненіе трехъ послѣднихъ князей—рязанскому великому князю и московскому, по отношенію къ которому они тоже молодшіе братья. Условіе, только что выписанное изъ договора Ивана Васильевича, великаго князя московскаго, есть буквальное повтореніе выше приведеннаго условія изъ договора кіевскихъ и московскихъ Ростиславичей со Всеволодомъ Владимірскимъ. XV вѣкъ повторяетъ зады XII-го. Такъ медленно шла наша исторія!

Условіе объ особомъ почетѣ, выражаемомъ въ нареченіи кого-либо старѣйшиной, включается въ договоръ въ томъ только случаѣ, когда на это послѣдовало согласіе обязывающейся стороны. Такого условія нѣтъ въ договорѣ Василія Васильевича съ Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ и даже въ первомъ договорѣ Ивана Васильевича съ сыномъ Бориса, Михаиломъ Тверскимъ (Рум. собр. I. № 76, 88). А между тѣмъ оно было въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ. За время Василія Тем-

*) Рум. собр. I, № 115. Въ договорѣ Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякой встрѣчаемъ и выраженіе «старишыньство» вмѣсто старѣйшій братъ. Тамъ же, № 52.

наго, значитъ, значеніе великихъ князей московскихъ по отношенію къ тверскимъ весьма упало. Московскій и тверскій князь въ указанныхъ договорахъ одинаково называются братьями, они, значитъ, стали равны.

Любопытную особенность представляютъ тѣ московскіе договоры, въ которыхъ князья обязываются имѣть старѣйшихъ братьевъ своихъ въ отца мѣсто. Такое обязательство находимъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Анреевичемъ. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи статей договора Дмитрій Ивановичъ называетъ Владиміра Андреевича то просто «братомъ», то «братомъ и сыномъ». Рум. собр. I. №№ 27, 29, 37. Подобно этому Василій Васильевичъ обязывается имѣть серпуховскаго князя своимъ «братомъ молодшимъ и сыномъ». Но такъ только въ одномъ договорѣ, древнѣйшемъ; во всѣхъ остальныхъ — князья состоятъ только въ братствѣ. Тамъ же, № 45, 71, 78, 84. Гораздо послѣдовательнѣе начало это проводится въ договорахъ соперника Василія Васильевича, дяди его, Юрія Дмитріевича, и племянника, Дмитрія Шемяки. Условіе о братствѣ совершенно замѣнено въ нихъ условіемъ о сыновствѣ. Завладѣвъ Москвой и великимъ княженіемъ, Юрій Дмитріевичъ поспѣшилъ укрѣпить за собой новыя пріобрѣтенія союзными договорами. Въ дошедшемъ до насъ договорѣ его съ можайскими князьями эти послѣдніе обязываются имѣть Юрія себѣ отцомъ, а онъ обязывается держать ихъ въ сыновствѣ и во чти безъ обиды. Примѣру отца слѣдуетъ и сынъ, Дмитрій Шемяка. Договоръ его съ суздальскими князьями сохранился только въ томъ экземплярѣ, на которомъ цѣловалъ крестъ самъ Шемяка. Суздальскіе князья, Василій и Ѳедоръ Юрьевичи, обязываютъ его:

«Держати ти насъ собѣ, меня, князя Василья Юріевича, собѣ сыномъ, а брата моего молодшаго, князя Федора Юрьевича, держати его собѣ братаничемъ; а сыну ти, господине, своему, князю Ивану Дмитріевичу, держати меня, князя Василья Юріевича, братомъ ровнымъ, а меня ти, господине, князя Федора Юріевича, держати сыну своему,

князю Ивану, братомъ молодшимъ. А намъ тебя, своего господина, держати мнѣ, князю Василью Юріевичу, господиномъ и отцомъ, а сына твоего, князя Ивана Дмитріевича, держати ми его собѣ братомъ равнымъ; а мнѣ, князю Федору Юріевичу, держати ми тебя собѣ господиномъ и дядею, а сына ми твоего, господине, князя Ивана Дмитріевича, держати ми его собѣ братомъ старешимъ». Рум. собр. I. № 62.

Въ замѣнѣ братства сыновствомъ надо видѣть стремленіе честолюбивыхъ галицкихъ князей возвысить свое значеніе передъ союзниками. Союзники не братья имъ, а сыновья или племянники. Только сынъ Шемяки, Иванъ, состоитъ въ братствѣ съ другими князьями, а не отецъ его. Но это условное сыновство не означаетъ дѣйствительнаго переноса отеческихъ правъ на названнаго отца, такъ какъ за сыномъ признаются всѣ права владѣтельнаго князя и даже въ правѣ заключать союзы съ другими князьями онъ уравнивается съ названнымъ отцомъ. Здѣсь опять дѣло только въ почетѣ, но въ высшей его степени.

Замѣна братства сыновствомъ такъ же не новость московскаго времени. Условія подобнаго рода заключали и князья XII вѣка. Въ 1150 году Вячеславъ цѣловалъ крестъ съ племянникомъ Изяславомъ на томъ, что «Изяславу имѣть отцомъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава». Но и въ Кіевѣ, какъ въ Москвѣ, эти отцы называются старшими братьями. Вячеславъ приводитъ слова Изяслава, въ которыхъ тотъ одинаково называетъ его отцомъ и братомъ старѣйшимъ; самъ Вячеславъ, обращаясь къ Изяславу, говоритъ: «ты же мой сынъ, ты же мой братъ». Ипат. 1150—1. Это тоже только высшая степень почета и ничего больше. Что признаніе кого-либо въ отца мѣсто и въ до-московское время не означало признанія за названнымъ отцомъ высшей власти, это хорошо видно изъ столкновенія кіевскихъ Ростиславичей съ Андреемъ Боголюбскимъ. Андрей говоритъ, что Ростиславичи «нарекли его собѣ отцомъ», т.-е. по договору обязались имѣть его въ отца мѣсто. Но когда Андрей потребовалъ у нихъ выдачи лицъ, подозрѣваемыхъ

имъ въ убійствѣ брата его, Ростиславичи отказали въ выдачѣ, дальнѣйшія же его требованія нашли несогласными съ ихъ княжескимъ достоинствомъ; Андрей не хотѣлъ уступить, и Ростиславичи разорвали заключенный съ нимъ союзъ и объявили ему войну. Они продолжаютъ разсматривать себя самостоятельными князьями, а не подручниками Андрея, не смотря на то, что нарекли его отцомъ *).

Таково значеніе старѣйшинства въ договорномъ правѣ князей. Но какъ мы уже замѣтили, понятіе старѣйшинства не выдумано князьми, оно есть бытовое явленіе. Жизнь постоянно имѣетъ дѣло со старшими и младшими, это выраженія ежедневной разговорной рѣчи. Въ заключеніе остановимся на этой живой рѣчи и посмотримъ, какой смыслъ придается въ ней слову старѣйшина. Въ живой рѣчи старѣйшина означаетъ старшаго лѣтами.

Въ 1151 году Вячеславъ Туровскій обращается къ младшему своему брату, Юрію, съ такими словами:

«Моложьшему ся не поклоню, да се язъ тебе старѣй есмь не маломъ, но многомъ; азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ! Пакы ли хощеши на мое старишиньство поѣхати, яко то еси поѣхалъ, да Богъ за всимъ!» Ипат.

Старѣйшинство, на которое ссылается Вячеславъ, есть старшинство лѣтъ. Здѣсь же указаны и преимущества его: младшій обязанъ почитать старшаго и выражать ему свое почтеніе—первымъ поклономъ; воевать со старшимъ значитъ нарушать его старѣйшинство.

Въ 1195 году Рюрикъ Ростиславичъ, занявъ Кіевъ, по-

---

*) Совершенно иначе объясняетъ эти термины родовая теорія. «Еслибы рязанскій князь назвался сыномъ московскаго, читаемъ у Соловьева, то этимъ самымъ, по новому порядку вещей, поступилъ бы къ нему въ подручническое отношеніе». Истор. отн. между русскими князьями Рюр. дома, 443. Чтобы составить себѣ правильное понятіе объ отношеніяхъ названнаго отца къ названному сыну, надо прочитать указанные нами выше договоры. Сынъ вовсе не подчиненъ отцу, а потому не можетъ быть рѣчи и о подручническихъ отношеніяхъ.

желалъ условиться съ братомъ, Давыдомъ, о Русской землѣ. Послы его держатъ такую рѣчь къ Давыду:

«Брате! се остался старѣйши всѣхъ въ Русьской землѣ, а поѣди ко мнѣ Кыеву, что будеть о Руской землѣ думы и о братьи своей, о Володимерѣ племени, и то все окончаевѣ, а сами ся у здоровьи видѣвѣ». Ипат.

Старѣйшими Рюрикъ называетъ себя и брата своего, Давыда, потому что въ это время они были старшіе лѣтами изъ приднѣпровскихъ князей Владимірова племени. Въ это же время былъ живъ дядя ихъ, Всеволодъ Юрьевичъ, владимірскій князь; онъ былъ ихъ старшій родственникъ, можетъ быть даже онъ былъ и лѣтами ихъ старѣе, но это нисколько не мѣшаетъ имъ считать себя старѣйшими, такъ какъ въ приднѣпровьи не было среди Владиміровичей князей старѣе ихъ. Это относительное старшинство. Въ одно и то-же время можетъ быть много старшихъ лѣтами, много старѣйшинъ.

Подъ 1224 годомъ находимъ описаніе совѣта князей, собравшихся въ Кіевѣ; однихъ князей лѣтописецъ называетъ старѣйшинами въ Русской землѣ, а другихъ молодыми князьями. Къ старѣйшинамъ онъ относитъ четырехъ: Мстислава Романовича Кіевскаго, внука Ростислава Мстиславича, Мстислава Святославича Черниговскаго, внука Всеволода Ольговича, Мстислава Мстиславича Галицкаго, другого внука Ростислава Мстиславича, и Юрія Всеволодовича Суздальскаго; младшихъ онъ не перечисляетъ всѣхъ, по множеству ихъ; отмѣтимъ изъ ихъ числа Всеволода Мстиславича, сына кіевскаго князя, Мстислава Романовича, и Михаила Всеволодовича, внука Святослава Ольговича, черниговскихъ князей.

Въ какомъ смыслѣ одни старѣйшины, другіе молодшіе? Достаточный свѣтъ на этотъ вопросъ бросаетъ помѣщеніе въ спискѣ молодшихъ сына кіевскаго князя, Всеволода. Что такое этотъ Всеволодъ? Онъ даже не владѣтельный князь, онъ просто молодой человѣкъ. Среди же старѣйшинъ мы оди-

наково встрѣчаемъ какъ дядей, такъ и племянниковъ. Старѣйшинами, значитъ, дѣлаетъ ихъ не степень родства, а старшинство лѣтъ. Старшинство же лѣтъ—явленіе относительное.

Такихъ старѣйшинъ всегда было неопредѣленное число.

Право старѣйшинъ на особый почетъ, по существу своему, было такъ же довольно неопредѣленное. Оно было ясно, пока дѣло шло о такихъ внѣшнихъ проявленіяхъ почета, какъ первый поклонъ младшаго старшему, предоставленіе перваго слова старшему и подоб. Но весьма натурально, что старшіе не ограничивались такимъ внѣшнимъ выраженіемъ почета и простирали, иногда, свои требованія до полной уступчивости ихъ волѣ со стороны младшихъ. Здѣсь и открывалось широкое поле для всяческихъ столкновеній младшихъ со старшими. Любопытный примѣръ такихъ столкновеній представляютъ отношенія стараго Вячеслава къ племяннику своему Изяславу. Во время княженія въ Кіевѣ черниговскаго князя, Всеволода Ольговича, Вячеславъ Туровскій долженъ былъ согласиться на значительное умаленіе своихъ владѣній. По смерти Всеволода, кіевляне призвали къ себѣ на столъ Изяслава Мстиславича. Вячеславъ нашолъ этотъ моментъ удобнымъ для возвращенія своихъ утраченныхъ городовъ и волостей.

«Вячеславъ же, говоритъ лѣтописецъ, надѣяся на старишьство и послушавъ бояръ своихъ, не приложи чести ко Изяславу, отъя городы опять, иже бяшеть отъ него Всеволодъ отъялъ; не томко же то, но и Володимерь зая и посади въ немъ Андреевича». Ипат. 1146.

Такимъ образомъ, Вячеславъ, надѣясь на свое старшинство передъ племянникомъ, началъ распоряжаться въ его владѣніяхъ, какъ въ своихъ собственныхъ. Лѣтописецъ осуждаетъ такой поступокъ; онъ говоритъ, что Вячеславъ не оказалъ должнаго почтенія племяннику. Вячеславу, для возвращенія своихъ владѣній,—надо было, конечно, войдти съ нимъ въ соглашеніе, а не распоряжаться самому. Изяславъ тоже не одобрилъ дѣйствій дяди. Онъ послалъ противъ

него своихъ союзниковъ и отнялъ у дяди даже его городъ, Туровъ.

Но на какое старшинство надѣялся Вячеславъ? Здѣсь было не одно только старшинство лѣтъ, но и старшинство степени; Вячеславъ дядя Изяславу. Всѣ князья родственники, а потому старшинство лѣтъ весьма нерѣдко совпадаетъ со старшинствомъ степени родства, что, конечно, должно было еще усиливать притязанія князей старшихъ родственниковъ. Нѣтъ, однако, основанія думать, что старшинство степени родства само по себѣ, внѣ преимущества лѣтъ, было основаніемъ старѣйшинства. Князья указываютъ на старшинство лѣтъ тамъ, гдѣ могли бы сослаться на старшинство степени. Такъ Рюрикъ Ростиславичъ уступаетъ Кіевъ Святославу Всеволодовичу по тому, что Святославъ «старѣй его лѣты». Святославъ приходился ему еще дядей, но это преимущество не имѣло никакого вліянія на рѣшеніе Рюрика; о немъ и рѣчи не было въ думѣ князя съ его мужами. Ипат. 1180.

Хотя старшинство степени не дѣлаетъ молодаго человѣка старѣйшиной, но весьма понятно, что наша древность знала и особое уваженіе, подобающее родственникамъ старшихъ степеней. Въ 1064 году Святославъ Ярославичъ ополчился на племянника своего, Ростислава Владиміровича, утвердившагося въ Тмуторокани.

«Ростиславъ же, говоритъ лѣтописецъ, отступи кромѣ изъ града, не убоявъся его, но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти». Лавр.

По удаленіи Святослава на сѣверъ, Ростиславъ снова сѣлъ въ Тмуторокани, прогнавъ оставленнаго тамъ дядею сына, Глѣба. Въ этомъ столкновеніи дяди съ племянникомъ прекрасно отразились двѣ характерныя черты древности: уваженіе къ дядѣ, какъ родственнику, и полное непризнаніе его воли, какъ государя. Всѣ князья братья и никто изъ нихъ не обязанъ подчиняться волѣ другого, кромѣ того

случая, когда онъ самъ согласился подчиняться, о чемъ рѣчь впереди.

4. Условія союза единенія.

Договоры имѣютъ цѣлью установленіе мира между участниками. Миръ этотъ представляется договаривающимся сторонамъ въ формѣ полнаго ихъ единенія по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики. Термины, въ которыхъ выражается это единеніе, совершенно одинаковы въ до-московское и въ московское время.

Древнѣйшее свидѣтельство лѣтописи о мирномъ союзѣ князей относится къ началу XI вѣка. Въ 1021 году Брячиславъ Полоцкій напалъ на Новгородъ, бывшій подъ властью дяди его, Ярослава Владиміровича. Послѣднему удалось, однако, обратить Брячислава въ бѣгство и отбить богатый полонъ, захваченный имъ въ Новгородѣ. Несмотря на этотъ успѣхъ, Ярославъ нашелъ нужнымъ сдѣлать племяннику уступки и заключить съ нимъ союзный договоръ.

«И оттолѣ (изъ Полоцка, куда бѣжалъ разбитый Брячиславъ), говоритъ лѣтописецъ, призва (Ярославъ) къ себѣ Брячислава и давъ ему два города, Восвячь и Видбескъ, и рече ему: «буди же со мною за одинъ». Воск.

На Любецкомъ съѣздѣ князья приняли такое рѣшеніе: «да нонѣ отселѣ имемъся во едино сердце».

Въ 1148 году Изяславъ Мстиславичъ, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ цѣлуютъ между собою крестъ на условіи: «быти всѣмъ за одинъ братъ». Ипат.

Въ 1153 году Святославъ Ольговичъ цѣлуетъ крестъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ: «якоже за одинъ мужъ быти». Ипат.

Этимъ терминамъ XI и XII вѣка совершенно соотвѣтствуютъ выраженія московскихъ договоровъ XIV и XV вѣка.

Въ договорѣ сыновей Калиты читаемъ: «Быти ны за одинъ до живота». Такіе же договоры на обоюдномъ условіи «быти за одинъ» заключаютъ Дмитрій Ивановичъ, Василій Дмитріевичъ, Василій Васильевичъ и даже Иванъ Васильевичъ *).

Такое состояніе единенія представлялось древнимъ князьямъ состояніемъ «любви». Ростиславъ Мстиславичъ и Юрій Всеволодовичъ въ 1154 году цѣлуютъ между собою крестъ «на всей любви». Ипат. Та же точка зрѣнія и у князей московскаго времени. Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ рязанскимъ княземъ читаемъ:

«А со княземъ Семеномъ съ Романовичемъ съ Новосильскимъ и съ Торускыми князи взяти ти (рязанскому князю) любовь по давнымъ грамотамъ». Рум. собр. I. № 36.

Какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Москвѣ договоръ единенія называютъ любовью.

Естественнымъ послѣдствіемъ единенія и любви является условіе о томъ, что союзники должны имѣть общихъ враговъ и друзей и дѣлить какъ радости, такъ и горе.

Въ 1128 году Всеволодъ Ольговичъ напалъ на своего дядю, Ярослава, и прогналъ его изъ Чернигова. Ярославъ былъ въ договорѣ единенія съ кіевскимъ княземъ, Мстиславомъ, а потому и обратился къ нему съ такой просьбой:

«Хрестъ еси цѣловалъ ко мнѣ, пойди на Всеволода». Ипат.

Крестное цѣлованіе значитъ, возлагало на Мстислава обязанность помогать Ярославу противъ его враговъ. Въ 1148 году кіевскій князь, Изяславъ Мстиславичъ, говоритъ своимъ союзникамъ, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ:

«Вы есте вси хрестъ цѣловали на томъ, аже кто будетъ

---

*) Рум. собр. I. №№ 23, 27, 33, 37, 43, 52, 56, 61, 65, 75, 90, 92, 95, 113, 115, 118, 1341—1483, и договоръ, заключенный рязанскими князьями въ 1496, № 127.

мнѣ золъ, то вамъ на того быти со мною. Се же, брата, азъ съ вами думаю, се стрый мой Гюргій изъ Ростова обидить мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималъ, и на путѣхъ имъ пакости дѣетъ, а хочю пойти на нь и то хочю управить любо миромъ, любо ратью. А вы есте на томъ хрестъ цѣловали, аки со мною быти».

Давыдовичи на это отвѣчаютъ:

«А мы вси хрестъ цѣловали на томъ, ако гдѣ твоя обида будеть, а намъ быти съ тобою». Ипат.

Въ 1150 году тотъ же Изяславъ цѣловалъ крестъ съ дядею, Вячеславомъ:

«Яко не разлучитися има ни въ добрѣ, ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти». Ипат.

По настоянію венгерскаго короля на томъ же условіи цѣловалъ Изяславу Кіевскому крестъ и галицкій князь, Владиміръ:

«Его ся не отлучити ни въ добрѣ, ни въ злѣ, но всегда съ нимъ быти». Ипат, 1152.

А вотъ и болѣе пространный коментарій къ этому условію дѣлить радости и горе. Въ 1174 году Ярославъ Луцкій при помощи Ростиславичей занялъ кіевскій столъ. Онъ находился въ союзѣ и со Святославомъ Всеволодовичемъ черниговскимъ. Хотя этотъ князь и не желалъ уступать Ярославу Кіевъ, но какъ скоро Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, Святославъ нашелъ своевременнымъ напомнить ему содержаніе, заключеннаго съ нимъ союза:

«Святославъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, поча слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: «на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ? А помяни первый рядъ! Реклъ бо еси: оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебѣ надѣлю, пакы ты сядеши въ Кіевѣ, то ты мене недѣли». Нынѣ же ты сѣлъ еси, право ли, криво ли, надѣли же мене». Ипат.

Въ 1174 году Андрей Боголюбскій разсорился съ Ростиславичами. Союзники его, черниговскіе князья, узнавъ объ этомъ, обрадовались и послали сказать ему:

«Кто тобѣ ворогъ, то ти и намъ, а се мы съ тобою готови». Ипат.

Въ извѣстномъ уже намъ союзномъ договорѣ Всеволода Юрьевича съ Ростиславичами также было условіе: «кто мнѣ (Рюрику) ворогъ, то и тобѣ (Всеволоду) ворогъ». Ипат. 1195—6.

Старина эта цѣликомъ переходитъ въ договоры московскаго времени. Въ договорѣ сыновей Калиты читаемъ:

«А кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ; а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ».

Въ договорѣ Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою это условіе выражено двусторонне:

«А кто будетъ вамъ другъ, говоритъ великій князь московскій, обращаясь къ Дмитрію Шемякѣ и брату его, Дмитрію Красному, то и мнѣ другъ; а кто будетъ вамъ недругъ, то и мнѣ недругъ. А кто будетъ мнѣ другъ, то и вамъ другъ; а кто будетъ мнѣ недругъ, то и вамъ не другъ». Рум. собр. I. № 60.

Таже мысль о единствѣ выражается въ московскихъ договорахъ еще въ обязательствѣ хотѣть добра и сообщать о слухахъ—какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ.

Въ договорѣ можайскаго князя съ Василіемъ Васильевичемъ читаемъ:

«А хотѣти ми, господине, тобѣ, великому князю, добра вездѣ и во всемъ и до живота;—а тобѣ, господине, великому князю, хотѣти добра мнѣ, своему брату молодшему, вездѣ и во всемъ и до живота». Рум. собр. I. № 64.

Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ:

«А что ти слышавъ о мнѣ отъ крестьянина ли, отъ поганина ли о моемъ добрѣ, или о лисѣ, или о нашей отчинѣ и о всѣхъ крестьянехъ, то ти мнѣ повѣдати въ

правду, безъ примышленія, по цѣлованью; а мнѣ токоже тобѣ повѣдати. Руск. собр. I. № 27.

Установляемое договорами единеніе приводитъ къ вопросу о томъ, какъ союзники должны были относиться къ третьимъ киязьямъ, не принадлежащимъ къ союзу? Если союзники находятся въ единеніи, то, понятно, они не могутъ входить въ переговоры съ третьими князьями иначе, какъ по обоюдному согласію. Въ договоры, значитъ, должно было включаться условіе, обязывающее стороны не вступать ни съ кѣмъ въ новые союзы безъ согласія противной стороны. Есть основаніе думать, что такія условія включались въ договоры еще въ до московское время.

Съ 1177 года по 1194-й кіевскій столъ занималъ черниговскій князь, Святославъ Всеволодовичъ. Такому продолжительному сидѣнью въ Кіевѣ онъ обязанъ былъ многимъ союзамъ, которые умѣлъ заключить съ князьями черниговскими, кіевскими, смоленскими и владимірскимъ княземъ, Всеволодомъ. Продолжая стремиться къ упроченію своей власти, онъ вступилъ въ переговоры съ венгерскимъ королемъ, къ которому и отправилъ съ этою цѣлью въ 1189 сына своего, Глѣба. Союзникъ Святослава, Рюрикъ Ростиславичъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ кіевскому князю съ такимъ упрекомъ:

«Како еси послалъ сына своего ко королеви, а со мною не спрашався, соступился еси ряду». Ипат.

Ясно, Святославъ обязался ни съ кѣмъ не вести переговоровъ безъ согласія Рюрика и нарушилъ это условіе.

Приведу еще одно свидѣтельство. Всеволодъ Юрьевичъ, воевавшій въ союзѣ съ Рюрикомъ Кіевскимъ противъ черниговскихъ князей, задумалъ заключить съ ними односторонній миръ. Братъ Рюрика, Давыдъ, узнавъ объ этомъ, обратился съ упрекомъ ко Всеволоду:

«Како еси былъ умолвилъ съ братомъ своимъ, Рюрикомъ, и со мною, аже совокупитися у Чернигова всимъ, да любо

быхомъ умирилися вси, на всей воли своей. Ты же нынѣ ни мужа своего еси послалъ къ брату своему, Рюрикови, и ни своего прихода повѣдаеши ему, ни моего... А нынѣ безъ его думы хочемъ миритися! А, брате, повѣдаю ти, сего мира здѣ не улюбитъ братъ мой, Рюрикъ». Ипат. 1196.

Давыдъ отправляется отъ той же точки зрѣнія: союзники не могутъ односторонне вступать въ мирные переговоры съ третьими лицами. Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ заключенный Всеволодомъ миръ, онъ усмотрѣлъ въ немъ нарушеніе принятыхъ имъ на себя обязательствъ и наказалъ дядю и брата старѣйшаго отнятіемъ данныхъ ему передъ тѣмъ волостей.

Въ договорахъ московскаго времени постоянно встрѣчаемся съ условіемъ ни съ кѣмъ «не канчивать» одному союзнику безъ согласія другаго. Въ трактатѣ сыновей Калиты читаемъ:

«А тобѣ, господине князь великій, безъ насъ не доканчивати ни съ кимъ; а братьѣ твоей молодшей безъ тобе не доканчивати ни съ кимъ».

Обѣ стороны могутъ входить въ договоры съ третьими лицами, но не иначе, какъ по обоюдному соглашенію. Такія же взаимныя ограниченія права иностранныхъ сношеній встрѣчаются въ договорахъ Дмитрія Ивановича, Василія Дмитріевича, Василія Васильевича и даже великаго князя Ивана Васильевича *).

Мы приводили до сихъ поръ только договоры, въ которыхъ обязательства сторонъ опредѣлялись совершенно одинаково, т. е. къ чему обязывалась одна сторона, къ тому же обязывалась и другая. Обѣ стороны на основаніи разсмотрѣнныхъ договоровъ пользуются совершенно одинакими правами и несутъ одна по отношенію къ другой одинакія обязанности. Но это полное равенство правъ и обязанностей не

*) Рум. собр. I. №№ 23, 27, 33, 35, 37, 45, 52, 56, 61, 75, 84, 90, 92, 95, 97, 106, 113, 118, 125; 1341—1486. Тоже и въ договорѣ рязанскихъ князей отъ 1496 года № 127.

ведетъ за собой непремѣнно и равенства услугъ, оказываемыхъ одной стороной въ пользу другой. Мѣра дѣйствительно оказываемыхъ услугъ могла быть очень различна, ибо зависѣла отъ предпріимчивости участниковъ и широты ихъ политическихъ плановъ. Въ то время, какъ предпріимчивый, сильный и честолюбивый князь создастъ себѣ массу враговъ и будетъ имѣть много случаевъ требовать помощи отъ своего союзника,—этотъ послѣдній, при скромности средствъ и требованій, можетъ ни разу не имѣть случая просить о помощи и содѣйствіи. Это разница фактическая.

Этой фактической разницей надо, кажется намъ, объяснять и встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ московскихъ договорахъ разницу формулировки обоюдныхъ правъ и обязанностей сторонъ. Отъ московскаго времени дошли до насъ договоры, въ которыхъ только одна сторона принимаетъ на себя обязательство быть за одно съ другой, имѣть съ ней общихъ враговъ, сообщать о слухахъ и пр.; другая же въ замѣнъ того обязывается «блюсти подъ своимъ союзникомъ его владѣнія и печаловаться о немъ». Несмотря на разную формулировку обязательствъ, суть дѣла та же. Сторона, обязывающаяся только блюсти владѣнія противной, обязывается этимъ самымъ къ единенію съ нею противъ ея враговъ, къ сообщенію вредныхъ слуховъ и пр. Такіе односторонніе по формѣ договоры заключены были великимъ княземъ московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, съ Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскихъ, и великимъ княземъ, Иваномъ Васильевичемъ, съ родными его братьями. Въ этой же формѣ написанъ и договоръ, заключенный по волѣ Ивана Васильевича, между его сыновьями. Для образца приведемъ соотвѣтствующія мѣста изъ договора Ивана Васильевича съ братомъ Андреемъ Можайскимъ. Великій князь обязываетъ брата цѣловать крестъ на слѣдующихъ условіяхъ:

«А хотѣти ти мнѣ, великому князю, и моему сыну, великому князю, добра вездѣ и во всемъ и до живота и быти ти со мною, съ великимъ княземъ, и съ моимъ сыномъ, великимъ княземъ, вездѣ за одинъ и до живота на всякого

нашего недруга, и твоимъ дѣтемъ и съ моими дѣтми. А кто будетъ мнѣ, великому князю, и моему сыну, великому князю, другъ, тотъ и тобѣ другъ; а кто будетъ намъ, великимъ княземъ, не другъ, тотъ и тобѣ не другъ... А что ти слышевъ о нашемъ добрѣ или о лисѣ, отъ христіанина, или отъ иновѣрца, а то ти намъ повѣдати въ правду безъ примышленіа. А намъ, великимъ княземъ, тобя жаловати ...и печаловатися тобою и твоею отчиною... А чѣмъ, брате, тебя благословилъ отецъ нашъ... и того всего мнѣ, великому князю, и моему сыну, великому князю, подъ тобою и подъ твоими дѣтми блюсти и не обѣдѣти, ни вступатися».

Подробное опредѣленіе обязанностей можайскаго князя свидѣтельствуетъ о томъ, что иниціатива политики находится не въ его рукахъ, а въ рукахъ его брата. Тѣмъ не менѣе приведенныя статьи не заключаютъ въ себѣ никакого ограниченія правъ удѣльнаго князя. Онъ помогаетъ великому—и только. Но и великій не только обезпечилъ удѣльному неприкосновенность его владѣній, но еще обѣщалъ ему печаловаться о немъ и жаловать его, т. е. пріумножать его владѣнія. Это обмѣнъ услугъ двухъ независимыхъ государей, но въ формѣ, въ каждомъ словѣ которой видно могущество одной стороны и слабость другой.

Но наша древность знаетъ и случаи установленія договорами нѣкоторой зависимости одного князя отъ другаго.

Съ весьма глубокой древности встрѣчаемся съ попытками сильныхъ князей ограничить самостоятельность слабыхъ и подчинить ихъ своей волѣ. Это стремленіе выражается въ очень разныхъ формахъ. Слабые князья соглашаются «ходить въ волѣ» князей болѣе сильныхъ, «быть у нихъ въ послушаніи» и пр.

Прежде чѣмъ устанавливать смыслъ этихъ выраженій, приведемъ мѣста источниковъ.

Древнѣйшее извѣстіе лѣтописи, сюда относящееся, восходитъ къ первой четверти XII вѣка. Въ 1116 году полоцкій князь, Глѣбъ Всеславичъ, напалъ на владѣнія дяди своего, Владиміра Мономаха. Владиміръ въ союзѣ съ черниговскими князьями осадилъ Глѣба въ Минскѣ.

«Володимеръ же, продолжаетъ лѣтописецъ, нача ставити истьбу у товара своего, противу граду. Глѣбови же узрившю, ужасеся сердцемъ, и начася молити Глѣбъ Володимеру, шля отъ себе послы. Володимеръ же съжалиси тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постъныя великого поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же вышедъ изъ города съ дѣтьми и съ дружиною поклонися Володимеру; и молвиша рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему слушати Володимера; Володимеръ же, омиривъ Глѣба и наказавъ его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ возвратися Кіеву». Ипат.

Въ слѣдующемъ году Владиміръ Мономахъ въ союзѣ съ Давыдомъ Ольговичемъ и Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами предпринялъ походъ на племянника своего, Ярослава Михайловича. Ярославъ выдерживалъ осаду нападавшихъ въ теченіе шестидесяти дней, но подъ конецъ долженъ былъ принять предложенныя ему условія.

«И сотвориша (т. е. Владиміръ и союзники) миръ съ Ярославомъ, Ярославу покорившюся и вдарившю челомъ передъ стрымъ своимъ Володимеромъ. И наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ себѣ приходити, «когда тя позову», и тако въ мирѣ разидошася кождо въ свояси». Ипат.

Въ 1160 году Святославъ Владиміровичъ, черниговскихъ князей, цѣлуетъ крестъ къ дядѣ своему, Святославу Ольговичу:

»Яко имѣти ему его въ отца мѣсто и во всей воли его ему ходити». Ипат.

О самихъ Ольговичахъ лѣтописецъ подъ 1170 годомъ говоритъ:

«Бяху бо тогда Олговичи въ Мстиславли воли». Ипат.

Подъ 1174 годомъ находимъ извѣстіе, что кіевскіе Ростиславичи обязались «ходить въ воли» Андрея Юрьевича Владимірскаго. Ипат.

Зять Рюрика, Романъ, цѣловалъ крестъ къ тестю: «въ его воли быти и зрѣти на нь». Ипат. 1196. Въ 1199 году

тотъ же Романъ цѣлуетъ крестъ польскому королю, «яко послушенъ ему быти». Густ.

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что обязательства быть въ чьей-либо волѣ и ходить у кого-либо въ послушаніи принимаютъ на себя владѣтельные князья на основаніи мирныхъ договоровъ. Что же значатъ эти обязательства? Превосходный коментарій приведенныхъ выраженій даетъ сама лѣтопись подъ 1140 годомъ. Лѣтописецъ разсказываетъ о возвращеніи въ этомъ году изъ Царяграда двухъ полоцкихъ князей, находившихся тамъ въ заточеніи по волѣ кіевскаго князя, Мстислава Владиміровича. По этому поводу онъ припоминаетъ причину заточенія полоцкихъ князей, совершившагося десять лѣтъ тому назадъ. Вотъ его разсказъ:

«Въ то же время взидоста княжича два изъ Царя города, заточени были Мстиславомъ, великимъ княземъ кіевскимъ, зане не бяхуть въ его воли и не слушахуть его, коли ѣ завяшеть въ Русскую землю въ помощь; но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье, и про се ся Мьстиславъ разъгнѣвася на нѣ»... Ипат.

Отсюда слѣдуетъ, что быть въ воли и послушаніи значитъ подчиняться рѣшенію своего союзника въ вопросахъ мира и войны. Полоцкіе князья этого не дѣлали, они не шли помогать великому князю кіевскому, когда онъ того требовалъ, и позволяли себѣ самостоятельныя сужденія о половецкомъ ханѣ, несогласныя со взглядами Мстислава. Этимъ они нарушили ранѣе принятое на себя обязательство быть въ воли и послушаніи Мстислава и тѣмъ навлекли на себя его гнѣвъ. Быть въ воли и послушаніи, значитъ, относится не къ вопросамъ внутренняго управленія, а къ международной политикѣ. Сохраняя всѣ права владѣтельныхъ князей въ предѣлахъ территоріи своей волости, князья, обязавшіеся къ послушанію, отказываются отъ права принимать какое-либо участіе въ вопросахъ внѣшнихъ сношеній съ третьими лицами и подчиняются въ этомъ отношеніи волѣ своего союзника. Они, слѣдовательно, не имѣютъ своихъ друзей и

враговъ; ихъ друзья и враги—суть друзья и враги ихъ союзника.

Это весьма существенное ограниченіе князей, состоящихъ въ чужой волѣ. Они не могутъ составить союза въ своихъ цѣляхъ; они всегда исполнители чужихъ намѣреній.

Самостоятельность внутренняго управленія такихъ князей видна изъ приведенныхъ мѣстъ. Лѣтописецъ говоритъ, что полоцкіе князья не ходили въ Русскую землю на помощь, когда ихъ звалъ Мстиславъ. Военное управленіе, значитъ, оставалось въ ихъ рукахъ, они начальники войскъ, а слѣдовательно въ ихъ рукахъ финансы, а тѣмъ болѣе судъ.

Очень понятно, что ограниченія политической самостоятельности князей начались въ области внѣшней политики. Князья дѣйствуютъ всегда въ союзѣ съ другими; въ этомъ ихъ сила. Очень важно было имѣть союзниковъ, которые обѣщали бы безусловную помощь и отказывались сами судить о вопросахъ войны и мира. Найдти такихъ союзниковъ было возможно на условіи нѣкоторыхъ матеріальныхъ въ ихъ пользу уступокъ. Ограниченіе же самостоятельности въ дѣлахъ внутренняго управленія—дѣло гораздо болѣе трудное, ибо оно не возможно безъ лишенія князя его владѣтельныхъ правъ. Этого можно было достигнуть только низложеніемъ владѣтельнаго князя, что, конечно, сопряжено съ большими опасностями.

Отъ цѣлованія креста на условіи «быть въ чьей-либо волѣ» надо различать цѣлованіе креста «на всей чужой волѣ». Послѣднее выраженіе означаетъ только принятіе тѣхъ условій, которыя предложены противной стороной. Въ 1190 году возникъ споръ между кіевскимъ княземъ, Святославомъ Всеволодовичемъ, и союзниками его, Рюрикомъ и Давыдомъ Ростиславичами, о границахъ владѣній.

«Рюрикъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, сослався со Всеволодомъ, сватомъ своимъ, и съ Давыдомъ, братомъ своимъ, послаша ко Святославу мужи своя, рекуще ему: «ты, брате, къ намъ крестъ цѣловалъ на Романовѣ ряду, тако же нашъ братъ Романъ сѣдѣлъ въ Кыевѣ; дажь стоиши въ

томъ ряду, то ты намъ братъ, пакы ли поминаешь давныя тяжи, которыи былѣ при Ростиславѣ, то ступилъ еси ряду, мы ся въ то не дамы. А се ти крестныя грамоты. Святославъ же пріемъ грамоты, не хотѣвъ креста цѣловати. И много прѣвся и молвивъ съ мужи, и отпустивъ ихъ, и опять возворотивъ ихъ, поцѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ». Ипат.

Т. е., Святославъ цѣловалъ крестъ на прежнихъ условіяхъ, предложенныхъ Рюрикомъ. Въ этихъ условіяхъ, конечно, и рѣчи не было о томъ, что Святославу быть въ волѣ Рюрика.

Договорное подчиненіе однихъ князей волѣ другихъ, выработавшееся у насъ въ глубокой древности, переходитъ и въ московское время, но облекается въ иныя формы и, надо признать, болѣе точныя. Старый терминъ встрѣчаемъ въ одномъ только договорѣ Василія Ивановича съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ. Передъ заключеніемъ этого договора Владиміръ Андреевичъ разошелся съ великимъ княземъ московскимъ и отступилъ отъ него. Но онъ скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ и снова просилъ великаго князя принять его къ себѣ въ любовь. Великій князь принялъ его въ любовь и сдѣлалъ прибавку къ его владѣніямъ. Изъ-за этой прибавки, конечно, и возникъ разладъ. При такихъ-то условіяхъ и былъ заключенъ новый договоръ, по которому серпуховской князь обязался служить брату своему «безъ ослушанья». Это нововведеніе. Въ предшествовавшемъ договорѣ онъ обязывался служить ему «безъ ослушанья по згадцѣ», а теперь просто «безъ ослушанья». Два разсматриваемые договора (Рум. собр., I, № 27 и 33) свидѣтельствуютъ о крайней нерѣшительности, съ которою Дмитрій Ивановичъ проводитъ хорошо извѣстное древней Россіи начало послушанія. О послушаніи говоритъ уже и первый договоръ, но тамъ начало послушанія парализовано условіемъ «по згадцѣ», т. е., по имѣющему состояться соглашенію. Съ такой службой по соглашенію гармонируютъ и другія статьи договора. Мы встрѣчаемъ въ

немъ два обоюдныя условія: о единеніи и не канчивати. Если Дмитрій Ивановичъ находился въ единеніи съ братомъ и не могъ безъ него заключать договоровъ, то конечно, Владиміръ Андреевичъ служилъ ему только въ тѣхъ случаяхъ, когда находилъ это нужнымъ. Въ болѣе позднемъ договорѣ условія «по згадцѣ» нѣтъ, но повторены обоюдныя условія единенія и не канчивать. Такимъ образомъ, начало безусловнаго подчиненія и здѣсь парализовано.

Надо думать, что неудачная редакція договоровъ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ была замѣчена нашими государственными людьми XIV вѣка. Этимъ, кажется, и надо объяснять то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ договорахъ выраженіе «служить безъ ослушанія» не употребляется. Для ограниченія политической самостоятельности во внѣшнихъ дѣлахъ, московскіе договоры пользуются условіемъ о вступленіи въ доворы съ третьими лицами и выражаютъ его односторонне въ пользу господствующей стороны. Сила такого ограниченія очень различна. Разсмотримъ отдѣльные случаи.

Въ договорѣ Дмитрія Ивановича и союзника его, Владиміра Андреевича, съ рязанскимъ княземъ, Олегомъ Ивановичемъ, читаемъ:

«А къ Литвѣ князю великому, Олгу, целованье сложити. А будетъ князь великий, Дмитрій Ивановичь, и братъ, князь Володимеръ, съ Литвою въ любви, ино и князь великій Олегъ съ Литвою въ любви; а будетъ князь великий Дмитрій и князь Володимеръ съ Литвою не въ любви, и князю великому Олгу быти со княземъ великимъ съ Дмитріемъ и со княземъ съ Володимеромъ на нихъ съ одиного». Далѣе слѣдуетъ такое же условіе о татарахъ *).

*) Рум. собр. I. № 32. Такія же условія о выступленіи изъ существующихъ уже договоровъ встрѣчаемъ и въ XII вѣкѣ. Въ 1151 году окончилась война кіевскихъ князей, Изяслава и дяди его, Вячеслава, съ Юріемъ Суздальскимъ. По миру, заключенному въ этомъ году, Юрій отказался отъ союза со Святославомъ Ольговичемъ, который все время войны былъ на его сторонѣ. Это условіе лѣтопись передаетъ въ

Выраженныя въ этомъ договорѣ условія не общія, а спеціальныя; они касаются только Литвы и татаръ. По отношенію къ нимъ рязанскій князь ставится въ полную зависимость отъ воли своихъ союзниковъ. Онъ находится съ Литвой и татарами въ мирѣ или войнѣ, смотря по тому, чего желаютъ они. При Василіѣ Дмитріевичѣ зависимость Рязани нѣсколько ослабляется; Василій Васильевичъ возвращается къ практикѣ дѣда, а сынъ его идетъ еще далѣе: онъ обязываетъ Ивана Васильевича Рязанскаго не канчивать съ Литвой, съ дѣтьми князя можайскаго и Шемяки и «ни съ инымъ ни съ кѣмъ». (Рум. собр. I. № 36, 65, 115). Такимъ образомъ, рязанскій князь совершенно лишается права иностранныхъ сношеній; ихъ ведетъ великій князь московскій, который съ своей стороны, принимаетъ на себя обязательство, по замиреніи съ великимъ княземъ литовскимъ, написать въ доканчаніи, что онъ съ рязанскимъ княземъ одинъ человѣкъ.

Нѣсколько медленнѣе развиваются ограниченія тверскихъ князей. Дмитрій Ивановичъ обязываетъ Михаила Тверскаго сложить цѣлованіе къ Литвѣ, но будущую международную дѣятельность Твери онъ не подчиняетъ безусловно своей волѣ: миръ и война съ татарами происходятъ по взаимному соглашенію обоихъ великихъ князей. Тоже начало обоюдности удерживается и въ договорахъ его сына и внука. Шагъ впередъ дѣлаетъ Иванъ Васильевичъ: онъ обязываетъ Михаила Борисовича не заключать союзовъ съ Литвой безъ думы съ собою, но себѣ выговариваетъ право заключать союзы съ Литвой односторонне, обязываясь только пріобщать тверскаго князя къ своимъ докончаніямъ (Рум. собр. I, № 28, 76, 88, 119; А. Э. I. № 14, 33).

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что московскіе князья, какъ и ихъ отдаленные предки, хорошо понимали важность стѣсненія свободы своихъ союзниковъ въ вопросахъ иностранной политики. Но любопытно то, что они проводятъ

такой формѣ: «Святославъ же ти Ольговичь не надоби», т.-е., ты слагаешь обязательства, принятыя по отношенію къ Святославу. Ипат.

эти ограниченія прежде всего въ примѣненіи къ князьямъ рязанскимъ, суздальскимъ, тверскимъ, а потомъ уже переходятъ къ ближайшимъ своимъ родственникамъ, удѣльнымъ князьямъ московскимъ. Въ договорахъ Дмитрія Ивановича съ серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ, условіе «не канчивати» обоюдное *); такъ же точно и въ договорѣ Василія Дмитріевича съ дядею, Владиміромъ Андреевичемъ, и братьями. Даже Василій Васильевичъ продолжаетъ заключать договоры съ удѣльными московскими князьями на обоюдномъ условіи «не канчивати» **) Но въ нѣкоторыхъ его договорахъ есть къ этому условію прибавка. Въ договорѣ съ дядею Юріемъ читаемъ:

«А не канчивати ти (Юрію) безъ насъ ни съ кѣмъ, а хотя будешъ съ кѣмъ въ цѣлованіи и тобѣ къ нему цѣлованіе сложити; а намъ также безъ твоего вѣдома не канчивати ни съ кѣмъ». Рум. собр. I. № 43.

Въ договорѣ съ можайскимъ княземъ, Михаиломъ Андреевичемъ, прибавка эта изложена полнѣе:

«А не канчивати ти, господине князь велики, ни съ кѣмъ, ни ссылатися безъ моего вѣданія; а мнѣ также безъ

---

*) Исключеніе составляетъ только татарская дань. Она вносится въ Орду однимъ великимъ княземъ. Серпуховской князь собираетъ ее въ своемъ удѣлѣ и передаетъ великому, а тотъ уже сносится по этому поводу съ ханомъ. Рум. собр. I. №№ 27, 33. Такъ же и въ Рязани, Орду вѣдаетъ великій князь, а не удѣльные, тамъ же № 127. — Любопытная черта: Дмитрій Ивановичъ, объединяя въ своихъ рукахъ сношенія съ ордой въ московскихъ удѣлахъ, понималъ выгоду разъединенія въ сосѣднихъ княженіяхъ, а потому и обезпечилъ кашинскому князю, Василію, находившемуся подъ его покровительствомъ, сношенія съ Ордой, независимыя отъ Твери. Тамъ же № 28. Насколько князья дорожили правомъ иностранныхъ сношеній, какъ исконнымъ ихъ правомъ, видно изъ того, что они выговариваютъ себѣ это право, какъ только къ тому представляется возможность. Суздальскіе князья, Василій и Ѳедоръ Юрьевичи, въ договорѣ съ Дмитріемъ Шемякой выговорили въ свою пользу право непосредственнаго сношенія съ Ордой. Тамъ же, № 62.

**) Рум. собр. I. №№ 45, 60, 61, 69, 71, 73, 78, 84.

тобе, безъ великаго князя, не канчивати, ни съсылатися ни съ кѣмъ. А съ кѣмъ господине, князь великій, будешь въ доканчаньи, и тобѣ, господине, и мене съ тѣмъ учинити въ докончаньи: а съ кѣмъ, господине, азъ буду въ целованьи и мнѣ къ тому целованье сложити *).

Сопоставленіе этихъ двухъ разнородныхъ условій надо, кажется, понимать такъ. На будущее время стороны обязываются не вступать въ договоры иначе, какъ по обоюдному согласію. Но они могутъ уже находиться съ кѣмъ либо въ союзѣ; относительно этихъ наличныхъ договоровъ постановляются разныя условія: удѣльный князь обязанъ сложить съ себя прежнія цѣлованія; наоборотъ, великій князь остается въ прежнихъ цѣлованіяхъ, но съ обязательствомъ присоединить къ нимъ и удѣльнаго.

Хотя на сторонѣ великаго князя оказывается нѣкоторое преимущество, но разсматриваемая прибавка нисколько не мѣняетъ отношенія сторонъ въ будущемъ. Они вступаютъ въ новые договоры по взаимному согласію и, слѣдовательно, удерживаютъ свою равноправность, какъ и по договорамъ безъ приведенной прибавки.

На этихъ же условіяхъ заключаетъ договоры съ удѣльными князьями и Иванъ Васильевичъ и его соименникъ рязанскій великій князь **).

Очень понятно, почему первыя ограниченія выпали на долю великаго князя рязанскаго, а не московскихъ удѣльныхъ. Рязанскій князь былъ болѣе опасный сосѣдъ, чѣмъ удѣльные московскіе, а потому объ ограниченіи его и надо было думать прежде всего. Обезопасивъ себя, при помощи братьевъ, со стороны Рязани и Твери, Иванъ Васильевичъ начинаетъ подчинять волѣ своей и московскихъ удѣльныхъ князей. Въ договорѣ его съ братомъ, Борисомъ Васильевичемъ, читаемъ:

«А не канчивати ти, обязываетъ великій князь брата, ни

*) Рум. собр. I. № 64; см. еще №№ 52, 54, 56, 58, 66, 70, 75.

**) Рум. собр. I. №№ 90, 95, 97, 106, 113, 125, 127.

съсылатися ни съ кѣмъ безъ нашего вѣданья. А съ кѣмъ мы, великіе князи, будемъ въ доканьчаньи, и намъ и тебя съ тѣмъ учинити въ доканчанье; а съ кѣмъ будешъ ты въ целованье, и тобѣ тому целованье сложити». Рум. собр. I. № 123, 1486.

По этому условію удѣльный князь слагаетъ съ себя прежнія цѣлованія, а въ новыя вступаетъ только съ согласія великаго князя; великій же князь вступаетъ въ новые договоры безъ вѣдома удѣльнаго и только обязывается присоединять его имя къ своимъ докончаніямъ. Менѣе сговорчивымъ оказался другой братъ великаго князя, Андрей Углицкій. До насъ дошелъ договоръ его, заключенный съ великимъ княземъ въ томъ же году. Условіе «не канчивати» здѣсь обоюдное. Несговорчивость Андрея и была, конечно, причиной заключенія его въ тюрьму.

Идеалъ Ивана Васильевича шелъ, однако, далѣе. Мы узнаемъ его изъ договора, заключеннаго по его приказу между его сыновьями, Василіемъ и Юріемъ. По интересующему насъ вопросу въ этомъ договорѣ находимъ такую статью:

«А съ кѣмъ будешъ ты (Юрій) въ целованіе, а тобе тому целованіе сложити».

И только. Условія объ обоюдномъ единеніи тоже нѣтъ; только Юрій обязывается быть за одинъ съ великимъ княземъ на всѣхъ его недруговъ. Итакъ, международная политика вся въ рукахъ великаго князя; удѣльный не имѣетъ къ ней никакого отношенія. Онъ состоитъ въ крестномъ цѣлованіи только съ великимъ и болѣе ни съ кѣмъ.

Эта мысль еще сильнѣе выражена въ договорѣ тѣхъ же князей, но состоявшемся въ 1531 году, много лѣтъ спустя по смерти отца.

«А съ кѣмъ будешь ты (Юрій), читаемъ въ этомъ договорѣ, въ целованье, и тобѣ тому целованье сложити. А и впредъ тобѣ, опричь меня, великаго князя, и моего сына, князя Ивана, въ целованье ни съ кѣмъ не быти».

Московскіе великіе князья замѣняютъ старинную и не вполнѣ ясную формулу «быти въ волѣ и ходити въ послушаніи» новой и гораздо болѣе опредѣленной: «а тебѣ опричь меня ни съ кѣмъ въ цѣлованіи не быти». Существо же дѣла остается тоже. Какъ полоцкіе князья должны были выступать на войну по требованію своего союзника, такъ и братъ великаго князя московскаго, Юрій, ибо и полоцкіе князья и Юрій, на основаніи договора, отказались отъ права разсуждать о мирѣ и войнѣ.

Послѣдствіемъ союза единенія является военная помощь одного союзника другому. Размѣръ помощи не опредѣляется въ договорахъ; но въ нихъ есть статьи, опредѣляющія, кто долженъ начальствовать вспомогательнымъ войскомъ, самъ князь союзникъ, или его воеводы. Эти статьи имѣютъ въ томъ отношеніи значеніе, что до нѣкоторой степени предопредѣляютъ и самый размѣръ помощи. Если князь-союзникъ самъ долженъ командовать, то, понятно, что для обезпеченія своей безопасности онъ выступитъ съ возможно значительными силами; воеводу же онъ могъ бы послать и съ незначительнымъ отрядомъ.

Въ московскихъ договорахъ вопросъ о командованіи рѣшается весьма различно. Въ нѣкоторыхъ договорахъ встрѣчаемъ совершенно равное распредѣленіе личной обязанности командовать. Такъ, напримѣръ, тверской князь. Михаилъ Александровичъ, обязывается «сѣсть на коня», если на войну выступаетъ лично Дмитрій Ивановичъ, или его союзникъ, Владиміръ Андреевичъ; если же они посылаютъ воеводъ, то и тверской князь посылаетъ воеводъ. Въ договорѣ съ тверскимъ княземъ, Михаиломъ Борисовичемъ, великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ, принимаетъ на себя обязанность лично выступить противъ Литвы, если она нападетъ на Тверь; если же нападутъ— татары, то послать воеводъ. Къ тому же обязывается и тверской князь. Такое же равенство обязательствъ встрѣчаемъ и въ договорѣ Ивана Васильевича съ Рязанью *).

*) Рум. собр. I. №№ 28, 88, 115.

Но есть договоры, въ которыхъ великіе князья московскіе принимали на себя большія обязательства, чѣмъ тверскіе. Василій Дмитріевичъ по договору съ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ обязывается самъ предводительствовать вспомогательнымъ войскомъ, если на Тверь нападутъ татары, литва, или нѣмцы; а тверской князь высылаетъ на помощь московскому только дѣтей своихъ и племянниковъ. А. Э. I. № 14. 1398.

Въ договорахъ съ удѣльными князьями великіе князья московскіе, обыкновенно, выговариваютъ себѣ право посылать ихъ на войну и въ тѣхъ случаяхъ, когда они сами лично не предводительствуютъ войскомъ. Такая формула встрѣчается уже въ древнѣйшемъ договорѣ сыновей Калиты:

«А гдѣ ми будеть всѣсти на конь, говоритъ великій князь Семенъ, всѣсти вы со мною; а гдѣ ми будеть самому не всѣсти, а будеть ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья».

Но иногда московскіе великіе князья допускали и отступленіе отъ такого порядка. Юрій Дмитріевичъ въ договорѣ съ племянникомъ своимъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, вовсе не обязывается садиться на коня, когда въ походъ выступаетъ великій князь; онъ обязывается только посылать съ нимъ своихъ сыновей съ боярами и слугами. Рум. собр. I. № 43.

Условіе о выступленіи въ походъ лично по требованію великаго князя московскаго встрѣчаемъ, какъ въ договорахъ, устанавливающихъ ограниченіе одной изъ сторонъ въ междукняжескихъ сношеніяхъ, такъ и въ такихъ, въ которыхъ условіе «не канчивати» и условіе единенія взаимны *). Изъ соединенія обоюднаго условія о единеніи и о правѣ союзовъ съ правомъ одной стороны требовать отъ другой, чтобы она лично шла на войну, слѣдуетъ, что это требованіе обусло-

*) Таковы договоры, отпечатанные въ I т. Рум. собр. за №№ 33, 37, 52, 56, 61, 75, 90, 92, 113, 118; 1388—1483.

вливается предварительнымъ общимъ рѣшеніемъ вопроса о войнѣ. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы о мирѣ и войнѣ предоставлены усмотрѣнію одной стороны, требованіе о личномъ выступленіи въ походъ—является безусловнымъ. Рѣшающее значеніе для опредѣленія взаимныхъ отношеній князей имѣетъ, значитъ, не это требованіе, а характеръ условія о правѣ войны и мира.

Статьи о томъ, кому и когда садиться на коня и предводительствовать войскомъ, не новость московскаго времени, а составляютъ также нашу старину. Въ до-московское время также были причины, приводившія къ требованію, чтобы князья-союзники сами командовали войскомъ. Наши лѣтописцы замѣчаютъ, что воины бьются дурно, если съ ними нѣтъ князя. Такимъ образомъ, дѣятельная военная помощь всегда обусловливалась личнымъ присутствіемъ князя въ войскѣ. Этого и должны были домогаться союзники. Для обозначенія обязанности самому выступать съ войскомъ, если союзникъ тоже лично выступалъ, въ древности было употребительно выраженіе «подлѣ ѣздить», что и значитъ, быть вмѣстѣ на войнѣ.

Въ 1147 году Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій въ союзѣ съ черниговскими Давыдовичами началъ войну съ дядею, Юріемъ, и его союзникомъ, Святославомъ Ольговичемъ, тоже линіи черниговскихъ князей. Во время похода Изяславъ получилъ извѣстіе, что Давыдовичи вошли въ соглашеніе съ противникомъ его, Святославомъ, и послалъ къ нимъ съ вопросомъ, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи? Давыдсвичи отвѣчали:

«Брате, цѣловали есме крестъ къ Святославу Олговичю, жаль бо ны есть, брата нашего держиши, Игоря, а онъ уже чернецъ и схимникъ, а пусти брата нашего, а мы подлѣ тебѣ ѣздимъ». Ипат.

Давыдовичи не выступили въ походъ съ Изяславомъ, какъ должны были по договору, они поступили такъ, потому что хотѣли добиться освобожденія бывшаго кіевскаго князя,

Игоря. Если Игорь будетъ освобожденъ, они обѣщаютъ ѣздить подлѣ Изяслава, т. е. находиться вмѣстѣ съ нимъ при войскѣ.

Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ и выраженіе московскихъ договоровъ «сѣсть на коня». Въ 1196 году Рюрикъ, кіевскій князь, послалъ къ союзнику своему, Всеволоду Суздальскому, такое напоминаніе:

«Како еси былъ умолвилъ со мною и съ братомъ моимъ, Давыдомъ, возсѣсти на конѣ съ Рожества Христова и снятися всѣмъ въ Черниговѣ. Азъ же совокупився съ братьею своею, и съ дружиною своею, и съ дикими половци, и сѣдѣлъ ѣсмь доспѣвъ, жда отъ тебе вѣсти; ты же тое зимы не всѣлъ, има имъ (Ольговичамъ, противъ которыхъ и былъ задуманъ этотъ походъ) вѣры, аже имъ стати на всей воли нашей. Язъ же то слышавъ, ажь еси не всѣлъ на конь и роспустилъ есмь братью свою и дикіи половци». Ипат.

Изъ этого мѣста надо заключить, что между Рюрикомъ и Всеволодомъ было особое условіе — «сѣсть обоимъ на коня» въ концѣ декабря и двинуться къ Чернигову, т. е., лично предводительствовать войскомъ въ этомъ походѣ.

Миромъ, обыкновенно, прекращается война, а потому въ мирныхъ трактахъ встрѣчаемся со статьями, опредѣляющими порядокъ улаженія случившихся во время войны нарушеній частныхъ правъ. Статьи этого рода встрѣчаются уже въ договорахъ XII вѣка. Изяславъ въ 1149 году цѣловалъ крестъ съ своими дядьями, Вячеславомъ и Юріемъ, на томъ,

«Что будеть пограблено, или стада, или челядь, что ли кому будетъ свое познавши, поимати же по лицю». Ипат.

Такое возвращеніе пограбленнаго во время войны дѣлалось, конечно, по суду. Разобрать судомъ предъявленныя претензіи — значило учинить «управу», или просто «управити». Это должны были сдѣлать князья, или ихъ чиновники, по мѣсту нахожденія пограбленнаго.

Статьи о пограбленномъ, о нятцахъ и пр. и объ исправѣ находимъ и въ московскихъ договорахъ *).

*) Рум. собр. I. №№ 28, 44, 52, 66 и друг.

II. Практическое значеніе договорнаго права.

Договорное право закрѣпляетъ существованіе отдѣльныхъ и независимыхъ одно отъ другихъ государствъ; оно обезпечиваетъ на вѣчныя времена каждому такому государству неприкосновенность границъ и наслѣдственность въ нисходящей линіи царствующаго князя. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ установляется договоромъ зависимость одного князя отъ другого, но и то только въ междукняжескихъ сношеніяхъ, а не въ вопросахъ внутренняго управленія. За этимъ единственнымъ исключеніемъ владѣтельные князья, до XVI вѣка включительно, сохраняютъ права самостоятельныхъ государей. Договорное право представляетъ, такимъ образомъ, величайшую помѣху для образованія единаго государства съ единымъ государемъ во главѣ. Вся наша исторія съ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ удѣльныхъ князей, сыновей Ивана Васильевича и родныхъ братьевъ послѣдняго великаго князя московскаго, Василія Ивановича,—представляется безконечнымъ рядомъ союзныхъ договоровъ и обусловленныхъ ими союзныхъ дѣйствій князей. Что бы убѣдиться въ этомъ надо читать не общіе курсы нашей исторіи, въ которыхъ событія древней жизни пріурочиваются къ именамъ болѣе крупныхъ князей, а лѣтописи, которыя передаютъ эти событія съ тѣмъ характеромъ союзнаго единенія князей, какой они дѣйствительно имѣли.

Время отъ 1054 года, когда умеръ Ярославъ Владиміровичъ, и по 1093 годъ, когда умеръ послѣдній его сынъ Всеволодъ, Исторія Государства Россійскаго раздѣляетъ какъ бы на два царствованія: Изяслава отъ 1054 до 1077 и Всеволода отъ 1078 до 1093. Соловьевъ отрѣшается отъ изложенія событій по отдѣльнымъ царствованіямъ кіевскихъ князей, но пріурочиваетъ ихъ ко времени то сыновей Ярослава, то его внуковъ и правнуковъ, какъ будто съ сыновьями Ярослава не дѣйствовали его внуки, а съ внуками правнуки.

Д. И. Иловайскій снова возвращается къ царствованіямъ отдѣльныхъ кіевскихъ князей; мы находимъ у него Святополка I и II, Мстислава I и II, Всеволода I и II, Изяслава I и II и т. д. и это не въ исторіи отдѣльныхъ княженій, а въ кіевскомъ періодѣ исторіи Россіи, т. е. эти Святополки, Мстиславы и пр.—суть всероссійскіе князья.

Въ дѣйствительности же каждый отдѣльный князь управлялъ только въ своемъ собственномъ княженіи, общія же дѣйствія совершались союзами князей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Лавр. 1059. Изяславъ, Святославъ, и Всеволодъ высыдиша стрыя своего изъ поруба, сидѣ бо лѣтъ 20 и 4, заводивъше кресту, и бысть чернцемъ».

1060. «Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ и Всеславъ совокупивше вои безчислены, поидоши на конихъ и въ лодьяхъ, безчислено множьство, на торкы».

1066. «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новгородъ; Ярославичи же тріе, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совкупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша къ Мѣньску... и бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ; Вячеславъ же бѣжа. По семъ же... Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ цѣловаше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: приди къ намъ, яко не створимъ ти зла».

Это дѣйствія внѣшней политики. Но единеніе оказывавалось нужнымъ и по вопросамъ внутренняго управленія, по вопросамъ суда. Владѣнія Ярославичей не только соприкасались, но, что весьма вѣроятно, границы одного владѣнія врѣзывались въ предѣлы другого. При такихъ условіяхъ единство суда представлялось дѣйствительной потребностью населенія, а достигнуто оно могло быть только путемъ соглашенія. Вотъ почему въ пространной редакціи Русской Правды читаемъ:

«По Ярославѣ же паки съвъкупившеся сынове его, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и моужи ихъ, Къснячько, Перенѣгъ, Никифоръ, и отложиша убіеніе за голову, нъ

кунами ся выкъупати; а иное все, якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его оуставиша».

По принятому способу изложенія нашей исторіи съ 1023 по 1112 годъ въ Россіи княжитъ Святополкъ Михаилъ, а съ 1112 по 1125 Владиміръ Мономахъ. Въ лѣтописяхъ же разсказъ ведется о союзныхъ дѣйствіяхъ князей. Вотъ какъ описываетъ начальный лѣтописецъ первую войну Святополка Михаила съ половцами:

«И не всхотѣша половци мира, и вступиша половци воюючи. Святополкъ же поча сбирати воѣ, хотя на нѣ. И рѣша ему мужи смысленіи: «не кушайся противу имъ, яко мало имаши вои». Онъ же рече: «имѣю отрокъ своихъ 800, иже могутъ противу имъ стати». Начаша же другіи несмысленіи глаголати: «поиде, княже!» Смысленіи же глаголаху: «аще бы пристроилъ и 8 тысячь, не лихо то есть! Наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажь; но послися къ брату своему, Володимеру, дабы ти помоглъ». Святополкъ же, послушавъ ихъ, посла къ Володимеру, дабы помоглъ ему. Володимеръ же собра вои свои, и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помогати Святополку. Володимеру же пришедшю Кіеву, совокупистася у святаго Михаила, и взяста межи собою распря и которы. И уладившася цѣловаста крестъ межи собою». 1093.

Святополкъ долженъ просить Владиміра о помощи. Владиміръ соглашается, но не даромъ; по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ предъявляетъ какія-то требованія. Возникаетъ споръ, который, наконецъ, оканчивается мирнымъ договоромъ, и тогда только князья выступаютъ противъ половцевъ.

Послѣ этого докончанія Святополка и Владиміра встрѣчаемъ рядъ ихъ совокупныхъ дѣйствій.

Лавр. 1195. «Святополкъ же и Володимеръ посласта къ Олгови, веляста ему поити на половци съ собою. Олегъ же обѣщався съ нима, и пошедъ, не иде съ нима въ путь единъ».

Хотя Олегъ и выступилъ въ походъ по требованію Святополка и Владиміра, но показалъ мало охоты къ единенію съ ними. Это и понятно. Ему только что удалось (въ 1194 году)

занять отчину свою, Черниговъ, гдѣ до того времени сидѣлъ Владиміръ и, конечно, по соглашенію со Святополкомъ. Отношенія Олега къ Владиміру и Святополку были, поэтому, весьма натянуты. Чтобы перевести ихъ «въ любовь», Святополкъ и Владиміръ рѣшили устроить съѣздъ съ Олегомъ въ Кіевѣ.

1096. «Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови, глаголюща сице: «поиде Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ».

Въ 1097 году состоялся съѣздъ внуковъ и правнуковъ Ярослава, на которомъ дѣйствительно было достигнуто общее ихъ соглашеніе по важнѣйшему вопросу о распредѣленіи между ними наслѣдства Ярослава.

1101. Томъ же лѣтѣ совокупишася вся братья, Святополкъ, Володимеръ, и Давыдъ и Олегъ, Ярославъ, братъ ею, на Золотьчи, и прислаша половци слы отъ всѣхъ князій ко всей братьи, просяще мира. И рѣша имъ русскыи князи: «да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова».

1103. «Богъ вложи въ сердце княземъ рускымъ мысль благу, Святополку и Володимеру, и снястася думати на Долобскѣ».

1104. «Сего же лѣта исходяща, посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ иде на Глѣба» (минскаго князя).

Подобныя же извѣстія можно найти въ Лавр. спискѣ лѣтописи подъ 1107, 1110, 1112, и въ Ипатьевскомъ подъ 1115 и 1116. Приведемъ лишь одно изъ нихъ.

Ипат. 1115. «Съвъкупишася братья русціи князи, Володимеръ, зовомый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давыдъ Святославичь, и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну, на похвалу и честь тѣлесома ею и на положеніе.... Распри же бывши (по перенесеніи мощей) межи Володимеромъ, и Давыдомъ, и Олгомъ. Володимеру бо хотящу я̀ (мощи) поставити средѣ церкви и теремъ серебренъ поставити надъ нима;

а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я въ комару, «идѣже отецъ, рече, мой назнаменовалъ, на правой сторонѣ, идѣже бяста устроенѣ комарѣ има». И рече митрополитъ и епископи: «верзите жребіи, да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ. И вгодно се бысть».

Всякій разъ, какъ согласіе князей распадалось, приходилось обращаться къ суду Божію. Это потому, что всѣ князья самодержавны и ни одинъ изъ нихъ не могъ приказывать другому.

Желающій слѣдить далѣе за проявленіемъ договорнаго начала въ XI и слѣдующихъ вѣкахъ нашей исторіи да обратится къ лѣтописямъ. Мы же въ напутствіе ему сдѣлаемъ одно разъясненіе. Лѣтописцы, передавая обращеніе одного князя къ другому, весьма нерѣдко облекаютъ это обращеніе въ повелительную форму. Владиміръ, напримѣръ, посылаетъ за братомъ Ростиславомъ, веля ему помогати Святополку и пр. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей дѣлаютъ отсюда заключеніе о правѣ, по началу родоваго старшинства, того князя, который «велитъ», приказывать и объ обязанности того, кому приказываютъ,—подчиняться приказу. Это большое заблужденіе. Повелительная форма есть только способъ выраженія, свойственный тому времени, и ничего болѣе. Изъ нея нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ праву повелѣвать. Извѣстно, что кіевскій князь, Изяславъ Мстиславичъ, никогда не былъ подчиненъ черниговскимъ князьямъ, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ; какъ кіевскій князь онъ былъ даже лучше ихъ, а между тѣмъ въ лѣтописи читаемъ:

«И сгадавше князи черниговьскіи, послаша къ Изяславу, веляче ему пойти (на Юрія Владимірскаго и Святослава Ольговича), рекуче: «земя наша погибаеть, а ты не хощеши пойти». Ипат. 1147.

Изяславъ былъ въ единеніи съ черниговскими Давыдовичами. Земли ихъ терпѣли отъ общаго врага и вотъ они приглашаютъ своего союзника оказать имъ помощь. Форма приглашенія, на нашъ взглядъ, нѣсколько грубая, но она въ

духѣ времени. Такъ всѣ тогда говорили. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи мѣсто Ипат. списка лѣтописи подъ 1159 годомъ. Изяславъ Давыдовичъ посылаетъ къ двоюродному брату своему и союзнику, Святославу Ольговичу, «веля ему поити съ собою на Галичъ». Святославъ не соглашается воевать Галичъ и въ свою очередь отправляетъ посла къ Изяславу, который держитъ къ нему такую рѣчь: «не велить ти братъ начинати рати, а всяко велить ти ся воротити». Такимъ образомъ, оба князя приказываютъ другъ другу!

Семилѣтнее княженіе Мстислава въ Кіевѣ разсказано нашими лѣтописцами очень коротко, они посвящаютъ ему не болѣе двухъ страницъ. Мы конечно не все знаемъ о его отношеніяхъ къ современнымъ ему князьямъ. Разсказывая о походѣ Мстислава на полоцкихъ князей, лѣтописецъ коротко выражается: «посла князь Мстиславъ братью свою на кривичѣ», и далѣе: «а Всеволоду Олговичю повелѣ ити съ своею братьею на Стрѣжевъ къ Борисову». Лавр. 1127. Изъ выраженій «посла» и «повелѣ» рѣшительно ничего нельзя вывести объ отношеніяхъ Мстислава ни къ его многочисленнымъ братьямъ, ни къ черниговскимъ князьямъ.

Повелительная форма соотвѣтствуетъ дѣйствительному отношенію только въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ союзниковъ обязался быть въ волѣ другого, какъ полоцкіе князья, напримѣръ, обязались быть въ волѣ Мстислава.

Таже практика и въ московское время.

Великій князь, Дмитрій Ивановичъ, состоя въ союзѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, на обоюдномъ условіи «не канчивати», договоры съ Тверью Рязанью и Литвой заключаетъ не отъ одного только своего имени, но и отъ имени союзника своего, серпуховскаго князя. А такъ какъ серпуховскій князь имѣлъ свою долю въ управленіи стольнымъ городомъ Москвой, то и мѣры по управленію Москвой принимались великимъ княземъ по совѣщанію съ нимъ. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1367 годомъ читаемъ:

«Тое же зимы князь великій, Дмитрій, съ братомъ, княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, замыслиша ставити городъ Москву каменъ, и еже умыслиша, то и сътвориша, тое бо зимы и камень повезоша ко граду»,

Общія военныя предпріятія и при Дмитрѣ Ивановичѣ являются результатомъ соглашенія князей участниковъ. Въ той же лѣтописи подъ 1377 годомъ:

«Тое же зимы посыла князь (суздальскій), Дмитрій Костантиновичь, брата своего, князя Бориса, и сына своего, князя Семена, ратью, воевати поганую мордву; а князь великій, Дмитрей Ивановичь, посла же свою рать съ ними».

А вотъ примѣръ въ обратномъ смыслѣ:

«Великій же князь, Дмитрій Ивановичь, слыша таковую вѣсть, оже идетъ на него самъ царь (Тохтамышъ) въ множествѣ силы своея, и нача съвъкупляти свои плъцы ратныхъ, и выѣха изъ города, съ Москвы, хотя ити противу ратныхъ. И начаша думу таковую думати великій князь, Дмитрей Ивановичъ, съ всѣми князи рускими, и обрѣтеся разность въ нихъ, не хотяху помогати... Бывшу же промежи ими неодиночеству и неимоверству. и то познавъ и разумѣвъ великій князь, Дмитрей Ивановичь, бысть въ недоумѣніи и размышленіи, не хотя стати противу самого царя, но поѣха въ свой градъ Переаславль, и оттуду мимо Ростовъ, и паки реку вборзѣ и на Кострому». Воскр. 1382.

Дмитрій Ивановичъ рѣшилъ уже идти противъ Тохтамыша, но когда другіе князья отказали ему въ своей помощи, онъ долженъ былъ измѣнить свое рѣшеніе и уйти за Волгу. Нельзя не сблизить положеніе великаго князя московскаго въ концѣ XIV вѣка съ положеніемъ великаго князя Кіевскаго въ концѣ XI (см. выше стр. 192). Ни тотъ ни другой не могутъ приказывать сосѣднимъ князьямъ, а должны просить ихъ о помощи. Кіевскій князь получаетъ помощь черниговскаго и переяславскаго, но потому, что дѣлаетъ имъ уступки; московскій—не получаетъ и, конечно, потому что не удовлетворилъ притязаній своихъ союзни-

ковъ. Факты безконечно разнообразятся въ частностяхъ, но суть явленій таже.

Явленія того же рода наблюдаемъ не только при Василіѣ Дмитріевичѣ и Василіѣ Васильевичѣ, но и при Иванѣ Васильевичѣ. Могущество этого князя превосходитъ все, что русскіе люди могли себѣ представить по образцамъ прежняго времени; рядомъ съ его обширными владѣніями не осталось ни одного великаго княженія, за исключеніемъ Литовскаго; число удѣльныхъ князей, его современниковъ, было очень не велико; и тѣмъ не менѣе этотъ все сильный государь находился въ такихъ же отношеніяхъ къ небольшой горсти владѣтельныхъ князей его братьевъ, въ какихъ находились сравнительно слабые его предшественники. Какъ и они, договоры съ Тверью и Рязанью онъ пишетъ не отъ своего только имени, но и отъ имени своихъ союзниковъ, которые состоятъ съ нимъ въ единеніи на обоюдномъ условіи не канчивати. Онъ совѣщается съ ними нетолько по вопросамъ войны и мира, но и по церковнымъ. Въ 1464 году оставилъ митрополію митрополитъ Феодосій; вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ объ избраніи ему преемника:

«Князь же великій посла по братію свою и по вся епископы земли своеа, такожде по архимандриты и игумены честныа, и якоже снидошася князи, братіа великого князя, и вси епископы земли Рускыя и весь освященный соборъ, архимандрити и игумени и протопопы и прочіи священници, изволеніемъ же великаго князя и его братіи и всѣхъ епископъ, бывшихъ тогда на избраніи томъ, и всего освященнаго събора избраша епископа Филипа суздальскаго быти митрополитомъ всей Русіи». Воскр.

Братья великаго князя участвуютъ въ избраніи митрополита не какъ совѣтники его и члены великокняжеской думы, а какъ самостоятельные государи, находящіеся съ нимъ въ единеніи.

Но единеніе это, какъ и во времена древнія, длилось до тѣхъ только поръ, пока князь великій удовлетворялъ притязаніямъ своихъ союзниковъ; въ противномъ случаѣ

они обращали свое оружіе противъ него. Въ 1472 году великій князь присоединилъ къ своимъ владѣніямъ удѣлъ умершаго брата, Юрія, и ничего не далъ изъ него другимъ братьямъ.

«Того же лѣта, разсказываетъ лѣтописецъ, разгнѣвахуся братіа на великаго князя, что имъ не далъ въ удѣлѣ жеребіа, въ братнѣ, во князь Юрьевѣ. И помири мати ихъ. Князь же великій далъ князю Борису Вышегородъ, а князю Андрею Меншему—Тарусу, а Болыпему князю Андрею мать дала Романовъ». Воскр.

Гнѣвъ братьевъ надо было смягчать уступками земель. Сдѣланными уступками они удовлетворились и заключили съ великимъ княземъ новый миръ на обоюдномъ условіи «не канчивати». Рум. собр. I. №№ 97, 99. Силы каждаго изъ братьевъ великаго князя были ничтожны въ сравненіи съ его силами, но это не мѣшаетъ имъ возбуждать «распри и которы» изъ за владѣній; тоже дѣлаетъ Владиміръ Мономахъ на съѣздѣ со Святополкомъ кіевскимъ. Кіевскій князь сдѣлалъ уступки своему союзнику; тоже дѣлаетъ и московскій.

Заключенный въ 1473 году миръ продолжался до 1480, а въ этомъ году разсказываетъ лѣтописецъ:

«Отступили братіа отъ великаго князя, князь Андрей да князь Борисъ. Въ тоже время пріиде вѣсть къ великому князю въ Новгородъ отъ сына его, что братіа его хотятъ отступити. Онъ же вборзѣ ѣха изъ Новгорода къ Москвѣ и пріиде на Москву передъ великимъ заговѣйномъ, и ради быша вси людіе, быша бо въ страсѣ велицѣ отъ братьи его. Всѣ грады быша въ осадахъ и по лѣсомъ бѣгаючи мнози мерли отъ студени безъ великаго князя». Воскр.

Это новое размирье произошло по винѣ самого великаго князя. Состоя въ мирномъ докончаніи съ братомъ Борисомъ, онъ захватилъ его села. Андрей соединился съ Борисомъ для возстановленія его нарушенныхъ правъ. Несмотря на двукратное посольство отъ великаго князя съ мирными предложеніями, Андрей и Борисъ удалились къ литовскому

рубежу и отправили пословъ къ польскому королю съ просьбою управить ихъ въ ихъ обидахъ съ великимъ княземъ и помогать имъ. Великій князь снарядилъ къ нимъ третье посольство съ такими предложеніями:

«Поидите опять на свою отчину, а язъ во всемъ хочу васъ жаловати. А князю Андрѣю даю къ его отчинѣ и къ материну данію Колугу да Олексинъ, два города на Окѣ». Воскр.

Недовольные князья не приняли и этихъ условій. Между тѣмъ пришла вѣсть о движеніи на Москву царя Ахмата. Андрей и Борисъ, до сихъ поръ упорствовавшіе въ нежеланіи мириться, въ виду общей опасности укротили гнѣвъ свой и сами послали къ брату предложеніе о мирѣ. Посредничеству великой княгини, Маѳы, митрополита Геронтія, архіепископа Вассіана и игумена Паисія удалось на этотъ разъ свести князей въ любовь. Иванъ Васильевичъ далъ князю Андрею Можайскъ и отступился отъ захваченныхъ селъ Бориса. Князья братья заключили новый мирный договоръ на обоюдномъ условіи «не канчивати». Рум. собр. I. №№ 106 и 110.

У Ивана Васильевича и мысли не было объ иныхъ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великому помимо договорныхъ. Поэтому то онъ и сыновей своихъ заставилъ заключить договоръ. Всѣ князья были опутаны сѣтью договоровъ. При такихъ условіяхъ, князю, стремившемуся къ единовластію, ничего не оставалось, какъ прибѣгать къ насилію и нарушать собственныя обязательства. Такъ и поступилъ Иванъ Васильевичъ съ своимъ братомъ Андреемъ, заключивъ его въ тюрьму. Это тоже не новость. Еще въ началѣ XI вѣка Ярославъ Мудрый посадилъ въ тюрьму брата своего Судислава. Однѣ и тѣже причины всегда приводятъ и къ одинакимъ слѣдствіямъ.

Жизнь полна противорѣчій. Не мало ихъ было и въ древности. Несмотря на нарушенія договорнаго права, громадное его практическое значеніе на протяженіи всей нашей

древней исторіи до XVI вѣка включительно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Но твердость договорнаго права, какъ и всякаго права, обезпечивается правомъ иска и судомъ. Было ли у насъ такое обезпеченіе? Постояннаго суда не было, какъ его нигдѣ нѣтъ и теперь въ международныхъ отношеніяхъ, къ которымъ по существу и относятся наши междукняжескія отношенія.

За отсутствіемъ постояннаго суда, предки наши прибѣгали къ нѣкоторымъ другимъ средствамъ для обезпеченія силы договорнаго права.

Самымъ обыкновеннымъ и общераспространеннымъ средствомъ обезпеченія служила клятва. Всѣ договоры скрѣплялись присягой. Быть въ договорѣ значило, поэтому, быть въ крестномъ цѣлованіи. Нарушеніе договора являлось, такимъ образомъ, не только нарушеніемъ принятыхъ на себя обязательствъ, но и грѣхомъ. Это было клятвопреступленіе.

Но тутъ опять мы встрѣчаемся съ поразительнымъ противорѣчіемъ. Духовенство приводило къ присягѣ князей-союзниковъ, но оно же и снимало съ нихъ клятву, когда находило это нужнымъ. Побужденія, которыми руководствовалось при этомъ духовенство, были очень различны. Иногда оно освобождало отъ клятвы въ интересахъ мира. Древнѣйшій такой случай, намъ извѣстный, относится къ XI вѣку. Въ 1128 году предпріимчивый Всеволодъ Ольговичъ напалъ на дядю своего, черниговскаго князя, Ярослава Святославича, захватилъ его въ плѣнъ и овладѣлъ его княженіемъ. Ярославъ былъ въ союзѣ съ кіевскимъ княземъ, Мстиславомъ, къ которому и обратился за помощью. Всеволодъ же, уступивъ Ярославу Муромъ, съ своей стороны обратился къ Мстиславу съ предложеніями мира и сталъ расточать дары его боярамъ. Мстиславъ медлилъ. Такъ прошло все лѣто и осень.

«Бяшеть бо въ ты дни, разсказываетъ далѣе лѣтописецъ, игуменъ святаго Андрея, Григорій, любимъ бо бѣ преже Володимеромъ, чтенъ же ото Мьстислава и ото всихъ лю-

дей. Тотъ бо не вдадяше Мьстиславу въстати ратью по Ярославѣ, река: «то ти менше есть, онже, переступивъ хрестьное цѣлованіе, на рать не въстанешь, неже кровь пролити хрестьяньскую». И съвъкупивъше соборъ іерейскый, митрополита же въ то время не бяше, и рекоша Мьстиславу: «на ны будеть тотъ грѣхъ». Ипат.

Цѣлый соборъ іереевъ принималъ на себя грѣхъ клятвопреступленія. Что было дѣлать князю? Въ вопросахъ о томъ, гдѣ грѣхъ и гдѣ спасеніе, судъ, конечно, принадлежалъ духовенству, и князь подчинился ему:

«И створи волю ихъ, говоритъ лѣтописецъ, и съступи хреста Мьстиславъ къ Ярославу, и плакася того вся дни живота своего».

Духовенство, принявъ на себя грѣхъ Мстислава, не могло, однако, освободить его отъ чувства раскаянія по случаю неисполненнаго долга.

Въ 1195 году, по такимъ же соображеніямъ, кіевскій митрополитъ, Никифоръ, снялъ крестное цѣлованіе съ князя Рюрика къ зятю его, Роману. Всеволодъ Юрьевичъ Владимірскій, союзникъ Рюрика, потребовалъ отъ него уступки городовъ, переданныхъ уже по крестному цѣлованію Рюрикомъ Роману. По поводу этого требованія между союзниками возникъ разладъ и дѣло было близко къ войнѣ. Рюрикъ обратился тогда къ помощи митрополита и получилъ отъ него такой совѣтъ:

«Княже! мы есмы приставлены къ Руской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитія. Ажь ся прольяти крови крестьянской въ Руской землѣ, ажь еси далъ волость моложьшему въ облазнѣ предъ старѣйшимъ, и крестъ еси къ нему цѣловалъ, а нынѣ азъ снимаю съ тебѣ крестное цѣлованіе и взимаю на ся. А ты послушай менс, возми волость у зятя у своего дай же старѣйшому, а Романови даси иную въ тое мѣсто». Ипат.

И въ томъ и другомъ случаѣ духовенство руководилось хорошими побужденіями. Но развѣ цѣль оправдываетъ сред-

ства? и не разрушаютъ ли вѣру въ крестъ эти разрѣшенія отъ добровольно принятаго на себя креста?

Разрѣшаетъ отъ клятвы и московское духовенство. Оно руководится при этомъ желаніемъ угодить сильнѣйшей сторонѣ, обыкновенно, великимъ князьямъ. Мы уже знаемъ, что въ договоры великихъ князей съ удѣльными нерѣдко вносится условіе, въ силу котораго удѣльные обязываются сложить съ себя всѣ прежнія цѣлованія. На такое нарушеніе всѣхъ прежнихъ клятвъ удѣльные князья впередъ получаютъ пастырское благословеніе. Первое такое благословеніе, по имѣющимся даннымъ, далъ митрополитъ Алексѣй. Онъ разрѣшилъ Владиміру Андреевичу Серпуховскому сложить цѣлованіе къ Ольгерду, и братьи его, и дѣтямъ, и братаничамъ. Его примѣру слѣдуютъ митрополиты: Кипріянъ, Фотій, Іона, Ѳеодосій, Филиппъ, Геронтій, Симонъ и Даніилъ; въ Рязани такія же разрѣшенія даетъ рязанскій и муромскій владыка Симеонъ *).

Едва вошли въ практику обязательства о сложеніи цѣлованія, то, понятно, должны были появиться и противоположныя имъ: «сего цѣлованія не сложить», или «а се намъ докончаніе правити и до живота» **). Эти послѣднія, однако, ничего новаго къ существу дѣла не прибавляютъ, такъ какъ вѣрность договору разумѣется и безъ этой прибавки.

Если само духовенство не считало клятву безусловно обязательной и различало крестныя цѣлованія, которыя надо исполнять, отъ такихъ, которыя должно сложить, то тѣмъ менѣе можно ожидать отъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, что они всегда будутъ исполнять принятыя на себя обязательства. Князья легко снимали съ себя крестъ и безъ разрѣшенія духовенства. Старая практика въ этомъ отношеніи была весьма печальна. Исторія наша полна примѣ-

*) Рум. собр. I. №№ 28, 32, 43, 75, 90, 92, 99, 127, 133, 160; А. А. Э. I. № 33; съ 1368 по 1531.

**) Рум. собр. I. №№ 28, 47, 52, 56. Въ № 123 вмѣсто «цѣлованія не сложить» употреблено выраженіе: «быти не отступну».

рами невѣрности слову и клятвѣ. Приведемъ нѣсколько случаевъ.

Черниговскіе князья, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, въ 1146 году состояли въ союзѣ со Святославомъ Ольговичемъ противъ Изяслава кіевскаго; въ томъ же году они измѣнили Святославу и перешли на сторону Изяслава. Въ 1147 они измѣнили Изяславу, а въ 1148 опять вступили въ цѣлованіе съ нимъ. Въ 1149 Давыдовичи переходятъ на сторону врага Изяслава, дяди его Юрія; въ 1151 снова соединяются съ Изяславомъ противъ Юрія.

Святославъ Ольговичъ, двоюродный братъ Давыдовичей, въ 1148 году былъ въ союзѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ; въ 1149 онъ перешолъ на сторону Юрія, врага Изяслава; въ 1150 снова соединился съ Изяславомъ; въ 1152 измѣнилъ Изяславу и опять заключилъ союзъ съ Юріемъ.

И это еще не самые мрачные случаи. Гораздо хуже тѣ, когда князья пользуются крестнымъ цѣлованіемъ, чтобы «на любви» заманить къ себѣ союзника и измѣннически лишить его свободы и владѣній. Такъ Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи захватили пріѣхавшаго къ нимъ Всеслава Полоцкаго, несмотря на то, что сами пригласили его къ себѣ и цѣловали къ нему крестъ «не сотворить ему зла»; такъ же обманомъ, на крестномъ цѣлованіи, Святополкъ кіевскій и Давыдъ, владимірскій князь, схватили князя Василько и ослѣпили его; на крестномъ же цѣлованіи овладѣлъ полоцкими князьями и Мстиславъ Великій.

Московское время въ этомъ отношеніи нисколько не лучше.

Лѣтописецъ разсказываетъ, что Дмитрій Ивановичъ при содѣйствіи митрополита Алексѣя, зазвалъ къ себѣ «любовію» тверскаго князя Михаила, а на третій день лишилъ его свободы и сталъ судить. Воскр. 1368.

Великій князь, Василій Васильевичъ, былъ схваченъ и ослѣпленъ на крестномъ цѣлованіи союзниками своими, Дмитріемъ Шемякою и Иваномъ Можайскимъ, и самъ, въ свою очередь, на крестномъ же цѣлованіи, схватилъ и заклю-

чилъ въ темницу Василія Ярославича Серпуховскаго. Такъ же поступалъ съ своими союзниками и Иванъ Васильевичъ.

Каждый князь является, такимъ образомъ, собственнымъ судьею въ вопросахъ договорнаго права. Онъ самъ рѣшаетъ, виноватъ передъ нимъ союзникъ, или нѣтъ; и если находитъ, что виноватъ, то выступаетъ изъ крестнаго къ нему цѣлованія.

Въ 1158 году Изяславъ Давыдовичъ замыслилъ войну противъ кіевскаго князя, Юрія, и началъ собирать союзниковъ. Ему удалось склонить на свою сторону роднаго племянника Юрія, Ростислава Мстиславовича, и внука его, Мстислава Изяславича. Но Святославъ Ольговичъ, котораго онъ также хотѣлъ подговорить къ союзу противъ Юрія, отвѣчалъ такъ:

«Хрестъ есмь цѣловалъ къ нему, а не могу безъ вины на нь встати». Ипат.

Указать союзнику его вину и тогда уже сложить съ себя крестное къ нему цѣлованіе на языкѣ XII вѣка значило «оправиться въ хрестномъ цѣлованіи». Въ 1151 году Изяславъ обратился къ дядямъ, Вячеславу и Юрію, съ упрекомъ въ томъ, что они не исполняютъ того, къ чему обязались по докончанію: «не хочета ли того всего исправити, говоритъ онъ, то азъ въ обидѣ не могу быти». И далѣе:

«Изяславъ же, якоже бяше реклъ переже: «въ обидѣ не могу быти», и тако оправася въ хрестьномъ цѣлованіѣ»... Ипат.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о его войнѣ съ дядями. И такъ, нужна вина союзника, эта вина должна быть указана ему. Если онъ не исправится, можно начать съ нимъ войну. Но виноватъ ли союзникъ или нѣтъ, объ этомъ каждый судитъ самъ. При этомъ условіи выступленіе изъ крестнаго цѣлованія представляется дѣломъ весьма не труднымъ.

Но для самого выступленія существовало одно общее

правило, несоблюденіе котораго почиталось измѣной. Правило это заключалось въ заявленіи союзнику о сложеніи крестнаго цѣлованія. Послѣ такого заявленія прежній другъ воленъ былъ начать войну, и это не считалось измѣной. Нападеніе же, сдѣланное безъ такого заявленія, было нападеніемъ въ измѣну.

«Онъ же, говоритъ лѣтописецъ о тверскомъ князѣ, Михаилѣ Александровичѣ, схваченномъ на крестномъ цѣлованіи Дмитріемъ Ивановичемъ, съжалися о томъ велми и положи въ измѣну, и имѣаше ненависть къ великому князю, Дмитрію, паче же и на митрополита жаловашеся». Воскр.

Такое заявленіе дѣлалось, обыкновенно, чрезъ возвращеніе крестныхъ грамотъ. Съ этого момента и начиналось состояніе размирья. Въ договорѣ Василія Ивановича съ Дмитріемъ Шемякою читаемъ:

«А што, брате, еще до складные грамоты поиманы мои городы, и волости, и мои села, и моее матери села, великіе княгини, и моихъ бояръ села, войною и грабежомъ, а на то ти мнѣ дати судъ и исправу... А што, брате, въ наше розмирье въ нашихъ отчинахъ войны или грабежы чинилися, а тому всему дерть по се наше докончание на обѣ стороны». Рум. собр. I, № 52.

Здѣсь установлены даже разныя послѣдствія войны «въ розмирье», т.-е. правомѣрной, и войны «до складные грамоты», т.-е. въ измѣну. Военная добыча пріобрѣтается только въ войнѣ правомѣрной. Все же, что пріобрѣтено въ войнѣ, начатой до сложенія цѣлованья, подлежитъ возвращенію.

Недостаточность клятвы и самосудъ каждаго князя въ вопросахъ договорнаго права должны были побуждать князей къ изысканію иныхъ средствъ для обезпеченія силы договоровъ. Съ такими попытками мы и дѣйствительно встрѣчаемся. Онѣ не многочисленны, но чрезвычайно важны, ибо служатъ дополненіемъ и подтвержденіемъ всего сказаннаго о княжескихъ отношеніяхъ. Попытки эти состоятъ въ установленіи особаго суда, который и долженъ рѣшать

всѣ пререканія сторонъ, возникающія изъ договора; этому же суду предоставляется и забота объ исполненіи постановляемыхъ имъ рѣшеній.

Древнѣйшее указаніе на учрежденіе такого суда представляетъ Любецкій трактатъ. Рѣшивъ крайне запутавшійся вопросъ о Ярославовомъ наслѣдствѣ, князья опредѣлили:

«Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси». Лавр. 1097.

По этому опредѣленію право рѣшать пререканія князей, участниковъ Любецкаго союза, признано за самымъ союзомъ. Князья—участники союза и составляютъ верховный княжескій судъ.

Случай съ Василько представляетъ превосходный комментарій къ этому опредѣленію. Едва успѣли князья-союзники разъѣхаться изъ Любеча, какъ нѣкоторые мужи, къ которымъ «вниде сотона въ сердце», начали говорить Давыду Игоревичу, что Владиміръ и Василько Ростиславичи замышляютъ напасть на него и на Святополка Кіевскаго. Давыдъ повѣрилъ имъ и убѣдилъ Святополка въ измѣнѣ Ростиславичей. Послѣдствіемъ этого былъ захватъ Василька на любви и ослѣпленіе его. Остальные князья-союзники нашли эти дѣйствія Святополка и Давыда неправильными, потребовали ихъ къ своему суду и приговорили къ лишенію данныхъ имъ на Любецкомъ съѣздѣ волостей. Вотъ разсказъ лѣтописца.

«Володимеръ же, и Давыдъ, и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще къ Святополку: «что се зло створилъ еси въ Русьстѣй земли, вверглъ еси ножь въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ и предъ нами и упрѣвъ бы и, створилъ ему. А нонѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». Лавр. 1097.

И такъ, великій князь кіевскій не могъ судить теребовльскаго князя. Онъ долженъ былъ явиться обвинителемъ его передъ союзомъ князей. Такъ какъ онъ этого не сдѣлалъ, онъ самъ былъ вызванъ къ суду князей и долженъ былъ

отвѣчать передъ нимъ. Оправданіе его было признано не достаточнымъ, и союзники рѣшили прогнать Святополка изъ Кіева *). Только благодаря вмѣшательству кіевлянъ (см. стр. 6), князья-союзники перемѣнили гнѣвъ на милость, признали единственнымъ виновникомъ измѣны Давыда и поручили Святополку прогнать его изъ Владиміра. Святополкъ былъ плохимъ исполнителемъ союзнаго рѣшенія; онъ не только прогналъ Давыда, но и напалъ на Володаря и Василько, «надѣяся на множьство вой».

Въ 1100 году состоялся новый съѣздъ Святополка, Владиміра, Давыда и Олега Святославичей въ Увѣтичахъ, гдѣ они снова пришли къ единенію, но на какихъ условіяхъ, лѣтописецъ не говоритъ. Въ томъ же году была окончательно рѣшена и судьба Давыда Игоревича. Лѣтописецъ даетъ по этому поводу довольно подробную картину союзнаго суда.

«Того же мѣсяца (августа) въ 30, томъ же мѣстѣ (въ Увѣтичахъ) братья вся сняшася: Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ (Святославичи). И приде къ нимъ Игоревичъ Давыдъ, и рече къ нимъ: «на что мя есте привабили? О се есмь. Кому до меня обида?» И отвѣща ему Володимеръ: «ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья, прити къ вамъ и пожаловатися своея обиды. Да се еси пришелъ и сѣдишь съ братьею своею на единомъ коврѣ, то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба?» И не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конихъ. И ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, разно, кроме собе; а Давыдъ Игоревичъ сѣдяше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше, послаша къ Давыду мужи своѣ: Святополкъ—Путяту, Володимеръ—Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ—Торчина. Посланіи же придоша къ Давыдови и рекоша ему: «се ти молвять братья: не хочемъ ти дати стола володимерьскаго, за не вверглъ еси ножь въ ны, его же не было

*) Приведенное свидѣтельство лѣтописи нисколько не мѣшаетъ сторонникамъ родовой теоріи утверждать, что старшій князь имѣлъ право судить младшихъ. См. Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, II т., стр. 3.

въ Русьскѣй земли. Да се мы тебе не имемъ, ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемь, шедъ сяди въ Бужьскѣмъ, въ Острозѣ; а Дубенъ и Черторыескъ то ти даеть Святополкъ, а се ти даеть Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ». И тогда послаша слы свои къ Володареви и къ Василкови: «поими брата своего Василка къ собѣ, и буди ваю едина власть, Перемышль; да аще любо, да сѣдита; аще же ни, да пусти Василка сѣмо, да его кормимъ здѣ». Лавр.

Описанный здѣсь союзный судъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ соглашенію, состоявшемуся въ Любечѣ. Ростиславичи, по этому соглашенію, тоже члены суда, а ихъ здѣсь не было. Надо думать, что миръ въ Увѣтичахъ измѣнилъ Любецкое соглашеніе, и Ростиславичи были выключены.

Другая черта союзнаго суда въ Увѣтичахъ, обращающая на себя вниманіе, состоитъ въ томъ, что потерпѣвшій Василько лишонъ волости и получилъ только право на кормленіе. На какомъ же это основаніи? Въ разсматриваемое время князь кормится отъ волости, но это не синекура. Князь — лицо дѣятельное, онъ самъ управляетъ, судитъ и предводительствуетъ на войнѣ. Слѣпой Василько не можетъ управлять лично, ему нуженъ только кормъ. Эта точка зрѣнія на князя, какъ на фактическаго правителя, и была, можетъ быть, причиной указаннаго рѣшенія. Ослѣпленіе князя является, такимъ образомъ, фактомъ, лишающимъ его владѣтельныхъ правъ. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе и въ желаніи владимірцевъ ослѣпить враговъ ихъ, рязанскихъ князей. Лавр. 1177. Великій князь, Василій Васильевичъ, не только былъ плѣненъ, но и ослѣпленъ.

Другихъ случаевъ союзнаго суда мы не замѣтили въ древнихъ памятникахъ. Но есть основаніе думать, что постановленіе Любецкаго съѣзда не стоитъ совершенно одиноко. Въ 1177 году русскіе князья потерпѣли пораженіе отъ половцевъ и, между прочимъ, потому что одинъ изъ союзниковъ, Давыдъ Ростиславичъ, не пришелъ къ нимъ на помощь. Въ виду этого неисполненія условій договора Свято-

славъ Всеволодовичъ Черниговскій обратился съ такими словами къ Роману Кіевскому, брату Давыда:

«Брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашь такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь— у голову, а Давыдъ виноватъ». Онъ же того не створи». Ипат.

По упоминаемому здѣсь договору черниговскихъ князей съ кіевскими и смоленскими, князь, виновный въ неисполненіи условій мирнаго соглашенія, подвергался лишенію волости. Отсюда слѣдуетъ, что рѣшеніе союзнаго суда внуковъ Ярослава не осталось безъ послѣдствій, а вошло въ княжескую практику и стало включаться въ договоры. Но спрашивается, кто же былъ судьею вины? Надо полагать, что вопросъ о винѣ, какъ и при внукахъ Ярослава, рѣшался судомъ союзниковъ. Потому-то Святославъ и обращается къ Роману. Романъ же «того не створи», т.-е., не внялъ словамъ Святослава или, что то-же, взялъ подъ свою защиту Давыда. Тогда Святославъ обратился къ другимъ союзникамъ и объявилъ войну самому Роману. Столкновеніе это кончилось уступкой Кіева Святославу.

Итакъ, наши князья XI и XII вѣка додумались уже до союзнаго суда. Въ договоры XII вѣка вносились даже статьи, въ которыхъ опредѣлялись наказанія князьямъ, неисполнявшимъ условій мирныхъ союзовъ.

Эта старина переходитъ и въ московское время. Но въ періодъ развитія единодержавія союзная юрисдикція не могла получить большого значенія. Слѣдъ до-московской старины мы находимъ только въ трехъ договорахъ Василія Васильевича. Иванъ Можайскій былъ очень виноватъ передъ великимъ княземъ московскимъ. Онъ напалъ на него въ крестномъ цѣлованіи, взялъ въ плѣнъ и отвезъ въ Москву, гдѣ великаго князя ослѣпили. Это не помѣшало, однако, великому князю заключить потомъ съ Иваномъ Можайскимъ миръ, по которому онъ обязался жить съ нимъ по старымъ грамотамъ, а того, какъ Михаилъ поступилъ съ нимъ въ 1446 году, не помнить, не поминать, не мстить, ни на

сердцѣ не держать. Въ старыхъ же грамотахъ Василій Васильевичъ обязывался быть съ Можайскимъ княземъ за одинъ, держать его въ братствѣ, въ любви и во чти безъ обиды, не канчивать ни съ кѣмъ безъ его вѣданья, ни ссылаться; жаловать его и печаловаться его отчиной, блюсти ее, не обидѣть и не вступаться подъ нимъ и дѣтьми его. Иванъ Можайскій, на любви напавшій на московскаго великаго князя, имѣлъ основаніе сомнѣваться въ искренности обѣщаній Василія Васильевича, а потому и не могъ ограничиться обыкновенной санкціей договоровъ, присягой. Для обезпеченія его правъ нуженъ былъ не зависимый отъ великаго князя судъ. Вотъ почему въ концѣ договора перечисляется рядъ князей посредниковъ, которымъ предоставляется право рѣшать вопросъ о томъ, кто нарушилъ договоръ, и помогать правому на виноватаго:

« А къ тому ввели есмя на обѣ стороны брата нашего, великаго князя Бориса Александровича тферского, и свою сестру, а его великую княгиню, Настасью, и свою братью молодшою, князя Михаила Ондрѣевича (можайскаго) и князя Василья Ярославича (серпуховскаго). А кто насъ нарушитъ се наше докончанье, и сію нашю утвержденную грамоту, и крестное цѣлованье по докончалнымъ грамотамъ и по сей грамотѣ не исправитъ..., а братъ нашъ князь велики, Борисъ Александровичь, и наша братья молодшая, князь Михайло Андрѣевичь и князь Василій Ярославичь будутъ съ правымъ на виноватаго». Рум. собр. I №№ 63, 68.

Всѣ князья, блюстители точнаго исполненія договора, были вмѣстѣ съ тѣмъ друзьями и союзниками договаривающихся сторонъ. Это тоже судъ союзниковъ, но по отношенію къ одному только случаю, а не вообще.

Предосторожность, принятая можайскимъ княземъ, не спасла его. Не смотря на крестное цѣлованіе, великій князь отобралъ у него его отчину безъ всякаго суда союзныхъ князей. А одного изъ поручителей, Василія Ярославича, онъ даже пожаловалъ частью отнятыхъ у Ивана Можайскаго владѣній.

III. Княжескіе съѣзды.

Изъ предшествовавшаго изложенія слѣдуетъ, что древнія княженія суть суверенныя государства и что ограниченія ихъ суверенныхъ правъ возникаютъ лишь изъ договоровъ. Ограниченія эти касаются только права междукняжескихъ сношеній и являются въ двоякомъ видѣ. Они или одностороннія или взаимныя. Въ первомъ случаѣ получаются зависимыя государства; во второмъ, при обоюдномъ условіи «не канчивати», зависимость взаимная, а потому здѣсь и не можетъ быть рѣчи о какомъ либо преимуществѣ одного князя передъ другимъ; съ точки зрѣнія права—они равны: въ случаѣ заключенія союза съ третьими лицами необходимо совѣщаніе прежнихъ союзниковъ и новое ихъ по этому предмету соглашеніе. Совѣщанія союзниковъ вызывались еще и всякаго рода общими предпріятіями, о порядкѣ веденія которыхъ надо было условиться.

Эти разнообразныя причины и вызвали у насъ къ жизни княжескіе съѣзды или снемы. Организація ихъ во многихъ чертахъ напоминаетъ порядки вѣчевыхъ собраній.

И съѣзды и вѣча одинаково называются «думой». Но существенная разница княжеской думы отъ народной состоитъ въ томъ, что княжеская дума не имѣетъ никакого опредѣленнаго района дѣйствія. Вѣче дѣйствуетъ въ предѣлахъ своей волости; княжескіе же съѣзды не привязаны ни къ какой опредѣленной территоріи.

Всѣ независимые князья могутъ созывать съѣзды и присутствовать на нихъ, но никто изъ нихъ къ тому не обязанъ. Отъ иниціатора съѣзда зависитъ рѣшеніе вопроса о томъ, кого позвать. Ротниковъ своихъ иниціаторъ конечно всегда приглашалъ; но онъ могъ пригласить и не ротниковъ съ цѣлью присоединить ихъ къ имѣющему состояться соглашенію. Въ виду разрозненности княжескихъ интересовъ, мы не встрѣчаемся ни съ однимъ случаемъ пригла-

шенія на съѣздъ всѣхъ князей-современниковъ. Но и приглашенные не были обязаны пріѣхать. Они пріѣзжали, если хотѣли. На непріѣздъ приглашенныхъ надо смотрѣть, какъ на нежеланіе ихъ присоединиться къ постановленіямъ съѣзда, которыя всегда можно было до нѣкоторой степени предугадывать.

Наши источники знаютъ только частные съѣзды князей, въ большинствѣ случаевъ, съѣзды князей-союзниковъ. Такіе съѣзды происходили очень часто. Родственныя отношенія не играли при этомъ никакой рѣшающей роли. Дальные родственники нисколько не затруднялись съѣзжаться для уговоровъ о совокупномъ дѣйствіи во вредъ ближайшимъ. На съѣздѣ 1146 года Давыдовичи (линіи Святослава Ярославича) сошлись съ Изяславомъ Мстиславичемъ (линіи Всеволода Ярославича) и уговорились дѣйствовать противъ двоюроднаго брата своего, Святослава Ольговича (тоже линіи Святослава); а въ слѣдующемъ году съѣхались въ Москвѣ Юрій со Святославомъ Ольговичемъ (братья въ 6-й степени) и условились дѣйствовать противъ Изяслава Мстиславича, родного племянника Юрія, и противъ Давыдовичей, двоюродныхъ братьевъ Святослава.

Порядки совѣщаній отличаются тою же не оформленностью, какъ и вѣчевыя. Предсѣдателя не избирали; открывалъ пренія тотъ князь, который созвалъ съѣздъ. Рѣшенія не голосовались и съѣздъ ничего не могъ постановить большинствомъ голосовъ. Желающіе присоединялись къ предложенію иниціатора; всякій несогласный сохранялъ свободу дѣйствія. Да иначе и не могло быть въ собраніи независимыхъ государей.

Принятые на съѣздѣ рѣшенія отличаются такой же неустойчивостью, какъ и вѣчевыя. Князь, присоединившійся къ опредѣленію съѣзда, оставался вѣренъ ему, пока это ему нравилось, въ противномъ случаѣ онъ выступалъ изъ соглашенія.

Приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ.

Въ 1169 году, по смерти Ростислава, на кіевскій столъ

вступилъ племянникъ его, Мстиславъ Изяславичъ, находившійся въ дружественномъ союзѣ почти со всѣми князьями праваго и лѣваго берега Днѣпра. Въ слѣдующемъ году онъ задумалъ походъ на половцевъ; такъ какъ онъ желалъ привлечь къ участію въ немъ и своихъ союзниковъ, то потребовалось совѣщаніе съ ними. Вотъ какъ лѣтописецъ описываетъ состоявшійся по этому поводу съѣздъ князей:

«Вложи Богъ въ сердце Мьстиславу Изяславичю мысль благу о Руской земли, занеже ей хотяше добра всимъ сердцемъ. И съзва братью *) свою и нача думати съ ними, река имъ тако: «братье! пожальтеси о Руской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несуть хрестьяны на всяко лѣто у вѣжи свои, а съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче. А уже у насъ и гречьскій путь изъотимають, и соляный, и залозный. А лѣпо ны было, братье возряче на божію помочь и на молитву святоѣ Богородици, по искати отець своихъ и дѣтъ своихъ пути и своей чести». И угодна бысть рѣчь его преже Богу, и всеѣ братьѣ, и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: «Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за хрестьяны и за Рускую землю головы своѣ сложити». Ипат.

Предложеніе Мстислава было единодушно принято всѣми съѣхавшимися въ Кіевѣ князьями; союзники дружно напали на половцевъ и нанесли имъ чувствительный уронъ. Съ этимъ разсказомъ лѣтописца любопытно сравнить выше приведенное (стр. 196) описаніе съѣзда, устроеннаго великимъ княземъ московскимъ, для рѣшенія вопроса о сопротивленіи нашествію Тохтамыша. Среди созванныхъ Дмитріемъ Ивановичемъ князей оказалась «разность». Лѣтописецъ очень кратокъ и не говоритъ, почему нѣкоторые князья не хотѣли помогать; онъ не говоритъ и о томъ, какъ велико было число противниковъ великаго князя. Это, впрочемъ, довольно безразлично. Для энергическаго

*) Въ другихъ подобныхъ случаяхъ лѣтописецъ говоритъ, что князь созываетъ «ротниковъ своихъ». Ипат. 1147.

отпора татарамъ нужно было «одиначество» князей; едва его не было, Дмитрію Ивановичу ничего не оставалось, какъ отказаться отъ своего рѣшенія и поспѣшить укрыться за Волгой, что онъ и сдѣлалъ.

Въ 1183 году

«Князь же (кіевскій) Святославъ Всеволодовичъ, сгадавъ со сватомъ своимъ, Рюрикомъ, поидоша на половцѣ и сташа у Олжичь, ожидающе Ярослава изъ Чернигова. И усрѣте и Ярославъ и рече имъ: «нынѣ, братья, не ходите, но срекше веремя, оже дасть Богъ на лѣто пойдемъ». Святославъ же и Рюрикъ, послушавша его, возвратишася». Ипат.

Старшій братъ и князь кіевскій, Святославъ, по совѣщаніи съ своимъ союзникомъ, рѣшается предпринять походъ на половцевъ и дѣйствительно выступаетъ противъ нихъ. Оставалось только соединиться съ младшимъ братомъ, Ярославомъ Черниговскимъ, чтобы вступить въ зелю Половецкую. Но едва пріѣхалъ этотъ младшій другъ, какъ рѣшенный уже вопросъ о войнѣ подвергся новому обсужденію и разрѣшенъ былъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ.

Не менѣе характерно для нашихъ древнихъ порядковъ и извѣстіе лѣтописи подъ 1187 годомъ, въ которомъ рѣшающая роль опять выпала на долю того же младшаго брата и союзника кіевскаго князя, Ярослава.

«Тое же зимы, говоритъ лѣтописецъ, Святославъ (кіевскій князь) сослався съ Рюрикомъ, сватомъ своимъ, и сдумаста ити на половцѣ. Рюрикъ же улюби Святославлю рѣчь, и рече ему: «ты, брате, ѣди въ Черниговъ, совокупися же со братьею своею, а азъ сдѣсе со своею». И тако совокупившеся вси князи рускіѣ поидоша по Днѣпру, нелзѣ бо бяшеть индѣ ити, бѣ бо снѣгъ великъ. И доидоша до Снепорода и ту изъимаша сторожи половецкыѣ, и повѣдаша вѣжи и стада половецкая у Голубого лѣса. Ярославу же не любо бысть далѣ пойти, и поча молвити брату, Святославу: «не могу ити далѣ отъ Днѣпра, земля моя далече, а дружина моя изнемоглася». Рюрикъ же поча слати

ко Святославу, понуживая его, река ему: «брате и свату! намъ было сего у Бога просити, а вѣсть ны есть, а половцы восе лежать за полъдне!»... Святославу же любо бысть, и рече ему: «азъ есмь, брате, готовъ есмь всегда и нынѣ; но посли ко брату, Ярославу, и понуди его, а быхомъ поѣхали вси». Рюрикъ же посла ко Ярославу, и рече ему: «брате! тобѣ было не лѣпо измясти нами! А вѣсть ны правая есть, ажь вѣжи половецкія восе за полъдне, а великого ѣзду нѣтуть. А, брате, кланяютися, ты мене деля пойди до полуднья, а язъ тебе дѣля ѣду 10 дневъ». Ярославъ же, не хотя ѣхати, рѣче: «не могу поѣхати одинъ, а полкъ мой пѣшь. Вы бы есте мнѣ повѣдалѣ дома, же до толѣ ити». И бысть межи ими распря. Рюрикъ же много понуживая ихъ и не може ихъ повести. Святославъ же хотѣ ити съ Рюрикомъ, но не оста брата Ярослава. И возвратишася во свояси». Ипат.

Въ данномъ случаѣ было два съѣзда князей: на правомъ берегу Днѣпра совѣщались Ростиславичи, на лѣвомъ—Ольговичи. Несмотря на то, что всѣ князья сошлись въ одну думу, каждый изъ нихъ сохранилъ командованіе своими войсками и свободу дѣйствія. Въ разстояніи полудня отъ стоянки половцевъ, Ярославъ не захотѣлъ идти далѣе. Возникло новое совѣщаніе, на которомъ выяснилось, что Святославъ не желаетъ идти безъ брата. И на этотъ разъ, и опять благодаря несговорчивости младшаго князя, Ярослава, все предпріятіе рушилось.

Въ 1189 году тотъ же самый Святославъ въ союзѣ съ Рюрикомъ и другими князьями праваго и лѣваго берега Днѣпра предпринялъ походъ на Галичъ. Достигнувъ Галича, но еще не начиная военныхъ дѣйствій, князья стали рядиться «о волость Галицкую», т. е. совѣщаться о раздѣлѣ еще непріобрѣтенной добычи. На этомъ совѣщаніи соглашенія между союзниками не состоялось и они возвратились, ничего не достигнувъ.

Эти извѣстія существенно пополняютъ сказанное выше о союзахъ единенія. Всякое новое предпріятіе вызываетъ совѣщаніе и нуждается въ новомъ соглашеніи. Если къ соглашенію не приходятъ, предпріятіе рушится.

Подъ 1301 годомъ находимъ извѣстіе о съѣздѣ не союзниковъ, а враговъ, собравшихся для заключенія мира:

«Того же лѣта учиниша снемъ у Дмитрова: Андрѣй, князь великый, Михайло, князь тферскый, Данило, князь московьскый, Іоаннъ князь Дмитріевичь изъ Переяславля и взяша миръ межю собою. А Михайло съ Иваномъ не докончалъ межи собою». Лавр.

Кто хотѣлъ, тотъ помирился, кто не хотѣлъ, остался въ прежней розни.

Но князья не всегда лично являлись на съѣзды, иногда они дѣйствовали чрезъ уполномоченныхъ пословъ. Въ 1148 году

«Володимеръ же и Изяславъ Давыдовича, и Святославъ Олговичь, и Всеволодичь Святославъ послаша послы свои къ Изяславу Мьстиславичю, ищуще мира и тако рекуще...» Ипат.

Къ посламъ прибѣгаютъ иногда, какъ къ дополненію съѣзда: договорившіеся о чемъ либо на съѣздѣ, приглашаютъ черезъ пословъ присоединиться къ ихъ рѣшенію такихъ князей, которые на съѣздѣ не были. Эта замѣна князей послами ничего не измѣняла въ существѣ дѣла.

Въ 1183 году Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ сговорились идти на половцевъ и отправили пословъ къ своимъ союзникамъ, приглашая ихъ участвовать въ походѣ. На это приглашеніе отозвались согласіемъ: Мстиславъ и Глѣбъ Святославичи, Владиміръ, переяславскій князь, Всеволодъ Луцкій съ братомъ, Мстиславомъ, Мстиславъ Романовичъ, Изяславъ Давыдовичъ, Мстиславъ Городенскій, Ярославъ Пинскій съ братомъ, Глѣбомъ, и Ярославъ Галицкій.

«А своя братія, говоритъ лѣтописецъ, не идоша, рекуще: «далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своеѣ земли пусты оставити; но же пойдеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ». Ипат.

IV. Конецъ договорнаго права.

Предметъ нашего изслѣдованія—древности русскаго права. Но оно не будетъ закончено, если мы не укажемъ, когда же перестали существовать эти древности. Новый, до петровскій порядокъ вещей сложился въ Москвѣ. Но Москва долгое время жила старыми порядками. Московскіе князья XV вѣка также были опутаны сѣтью договоровъ, какъ и ихъ отдаленные предки XII-го. Даже въ первой половинѣ XVI вѣка великій князь Василій Ивановичъ былъ связанъ договорными отношеніями къ своимъ братьямъ. Когда же и какъ кончились договорныя отношенія?

Въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича находимъ такое распоряженіе:

«А приказываю свою душу и дѣтей своихъ меньшихъ, Юрья, Дмитреа, Семена, Андрѣя, сыну своему, Василью. А вы, дѣти мои меньшие, Юрій съ братьею, дръжыте сына моего Василья, а своего брата старѣйшаго, въ мое мѣсто своего отца и слушайте его во всемъ».

Нельзя ли въ этомъ приказѣ «имѣть старшаго брата въ отца мѣсто» видѣть попытку перехода отъ договорныхъ отношеній къ отношеніямъ подданничества? Это возможно было бы въ томъ случаѣ, еслибы Иванъ Васильевичъ дѣйствительно перенесъ на своего старшаго сына всѣ тѣ права по отношенію къ младшимъ, которыя принадлежали ему, какъ отцу. Но Иванъ Васильевичъ этого не сдѣлалъ. При его жизни сыновья его состояли въ полной его власти и владѣтельными князьями не были. Онъ могъ посылать ихъ, куда хотѣлъ, давать такой кормъ, какой желалъ, и отбирать назадъ то, что разъ было дано. Все это мѣнялось со смертью его. Младшіе сыновья дѣлались наслѣдственными владѣтельными князьями; старшій братъ долженъ былъ держать ихъ, по словамъ той же духовной грамоты, «въ братствѣ и

во чти безъ обиды». Права судить младшихъ братьевъ и наказывать ихъ Василій Ивановичъ не получилъ. Случай ослушанія ихъ волѣ старшаго брата великій князь Иванъ предусматриваетъ, но предаетъ его суду Божію, а не суду своего наслѣдника. Въ духовной читаемъ:

«А которой мой сынъ не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ, или учнетъ подъ нимъ подъискивати великихъ княжествъ, или подъ его детми, или учнетъ отъ него отступати, или учнетъ съсылатися съ кѣмъ ни буди тайно или явно на его лихо, или учнетъ кого на него подъимати, или съ кѣмъ учнетъ на него одиначитися,—ино не буди на немъ милости Божія и пречистые Богоматери и святыхъ чудотворецъ молитвы и родитель нашихъ и нашего благословенія въ сій вѣкъ и въ будущій».

Итакъ, младшіе братья, не подданные Василія Ивановича, а такіе же владѣтельные князья, какъ и онъ самъ. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается и тѣмъ фактомъ, что за годъ съ небольшимъ до смерти своей Иванъ Васильевичъ приказалъ Василію и Юрію заключить формальный договоръ съ обоюднымъ крестнымъ цѣлованіемъ, въ которомъ и были опредѣлены будущія отношенія великаго князя къ его брату. Что эти договорныя отношенія не отмѣнены завѣщаніемъ (время написанія котораго не обозначено) видно изъ того, что Василій и Юрій подтвердили этотъ договоръ въ 1531 году.

До насъ дошелъ только одинъ договоръ будущаго великаго князя Василія съ братомъ его Юріемъ. Но значитъ ли это, что съ другими братьями договора при жизни отца не было заключено? Конечно, нѣтъ. Гораздо болѣе есть основаній думать, что Иванъ Васильевичъ привелъ въ крестное цѣлованіе съ будущимъ великимъ княземъ и остальныхъ своихъ сыновей. Предусматриваетъ же онъ въ своемъ завѣщаніи случай подыскиванія ихъ подъ великое княженіе.

Какъ же надо понимать это распоряженіе—имѣть старшаго брата въ отца мѣсто?

Власть отца была единственной недоговорной властью,

какую только знали князья; она установлялась не въ силу свободной воли сторонъ и была выше человѣческаго произвола Состояніе членовъ семьи подъ властью отца представляется замиреннымъ, въ семьѣ нѣтъ войны. Это завидное состояніе въ эпоху столь богатую войнами, какъ княжеская. Отсюда понятно, что князья ничего лучшаго не могли завѣщать своимъ дѣтямъ, будущимъ владѣтельнымъ князьямъ, какъ продолженіе мирной семейной жизни подъ руководствомъ названнаго отца. А такъ какъ названному отцу не сообщалась настоящая отеческая власть, то завѣщательное распоряженіе имѣло значеніе добраго совѣта, и только.

Стремленіе сохранить добрыя семейныя отношенія между сыновьями свойственно и другимъ московскимъ князьямъ. Василій Васильевичъ съ этою цѣлью поручаетъ дѣтей княгинѣ своей и приказываетъ имъ «жить за одинъ и во всемъ слушаться матери своей въ свое мѣсто отца». Великій князь Дмитрій Ивановичъ такъ же приказываетъ своимъ сыновьямъ слушаться во всемъ матери и изъ воли ея не выступать ни въ чемъ; рядомъ съ этимъ онъ приказываетъ младшимъ сыновьямъ чтить и слушать старшаго брата «въ свое мѣсто отца», а старшему держать младшихъ въ братствѣ безъ обиды. Это предписаніе нисколько не мѣшало сыновьямъ Дмитрія Ивановича заключать между собой договоры на обоюдныхъ условіяхъ единенія и «не канчивати».

Указанныя попытки поддержать среди дѣтей семейный миръ также не составляютъ нововведенія Москвы. Это опять старина. Древнѣйшій случай восходитъ къ XI вѣку. Ярославъ Мудрый завѣщалъ уже младшимъ сыновьямъ «слушать старшаго въ себѣ мѣсто». Это распоряженіе совершенно совпадаетъ съ распоряженіемъ московскаго великаго князя, Ивана Васильевича. Приказывая младшимъ слушаться старшаго, Ярославъ дѣлитъ между ними города и завѣщаетъ дѣтямъ «не преступати предѣла братня, ни сгонити». По смерти его, слѣдовательно, такъ же нарушалось единство власти, какъ и по смерти Ивана Васильевича, и Яро-

славичи дѣлались владѣтельными князьями, какъ и дѣти московскаго князя. Если у перваго брата свой особый удѣлъ, то, понятно, между ними возможны враждебныя столкновенія. Ярославъ, не разъ поднимавшій оружіе противъ родныхъ братьевъ, предвидѣлъ это. Но и онъ, какъ и московскій великій князь, не подчинилъ младшихъ сыновей суду старшаго, а установилъ неприкосновенность владѣній всѣхъ своихъ сыновей. Ни одинъ изъ нихъ, слѣдовательно, не подданный другаго. Они и вели себя, какъ независимые государи, на что было указано выше. Въ началѣ лѣтописной передачи Ярославова завѣщанія находимъ такой совѣтъ дѣтямъ: «пребывайте мирно, послушающе братъ брата». Еслибы у насъ не было подъ руками подлинныхъ завѣщаній московскихъ князей, мы могли бы упрекнуть лѣтописца въ неточной передачѣ воли Ярослава, который приказываетъ то слушать брату брата, то всѣмъ слушаться старшаго въ отца мѣсто. Но совершенно такое же распоряженіе находимъ и въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича, который приказываетъ сыновьямъ «жить за одинъ», т.-е. слушать другъ друга, и вмѣстѣ съ тѣмъ слушать старшаго въ отца мѣсто. Эти кажущіяся намъ противорѣчія объясняются тѣмъ, что древніе князья имѣли въ виду установить между своими сыновьями не отношенія дѣйствительнаго подчиненія младшихъ старшему, а семейнаго согласія и единенія между ними. Это таже цѣль, для достиженія которой заключались и мирные союзы, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ говорится о единеніи. Если условіе имѣть кого-либо «въ отца мѣсто» и возлагало на названнаго сына нравственную обязанность быть въ послушаніи названнаго отца, то, съ другой стороны, оно возлагало и на названнаго отца обязанность любить названнаго сына, заботиться о немъ, оказывать ему всякую поддержку и даже сложить свою голову за его обиду. Это ясно изъ ниже приводимыхъ словъ мазовецкаго князя Конрада Самовитовича (стр. 221). Это семейно-нравственныя обязанности. О подчиненіи въ государственномъ смыслѣ слова здѣсь и рѣчи быть не можетъ.

Сѣверо-восточныя княженія получили первое, но чисто внѣшнее объединеніе въ 1238 году, по покореніи ихъ татарами. Съ этого момента возникло общее подчиненіе ихъ ордынскимъ ханамъ. Въ лицѣ хановъ впервые создалась высшая власть надъ всѣми князьями Русской земли. Ханы не только распредѣляли столы между князьями по своему усмотрѣнію, но призывали ихъ къ своему суду и были вольны въ ихъ жизни и смерти.

Но здѣсь мы опять встрѣчаемся съ поразительнымъ противорѣчіемъ. Въ противность собственнымъ своимъ интересамъ, татары явились проводниками начала объединенія Русской земли подъ главенствомъ великаго князя владимірскаго. Подъ 1341 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что по смерти Ивана Даниловича Калиты «вси князи рустіи», поѣхали въ Орду, и за тѣмъ продолжаетъ:

«Тое же осени выиде изъ Орды на великое княженіе князь Семенъ Ивановичь, а съ нимъ братіа его, Іоаннъ и Андрѣй, и вси князи рускіи подъ руцѣ его даны, и сѣде на столѣ въ Володимери». Воскр.

Такимъ образомъ, въ 1341 году татарскій ханъ Узбекъ отдалъ подъ руку великаго князя владимірскаго всѣхъ князей русскихъ. Выраженіе «быть подъ рукой» употребляется и русскими князьями, но въ ихъ устахъ оно имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, который должны были придавать ему татары. Въ 1287 году мазовецкій князь Конрадъ Самовитовичъ обратился къ Владиміру Галицкому съ такими рѣчами:

«Господине братъ мой! ты же ми былъ въ отца мѣсто, како мя еси держалъ подъ своею рукою, своею милостью! Тобою есмь, господине, княжилъ и городы свои держалъ, и братьи своей отъялъся есмь, и грозенъ былъ! А нынѣ, господине, слышалъ есмь, оже еси далъ землю свою всю и городы брату своему Мьстиславу, а надѣюся на Богъ и на тя, абы ты, господинъ мой, послалъ свой посолъ съ моимъ посломъ къ брату своему Мьстиславу, абы мя, господине, со твоею милостью пріялъ братъ твой

подъ свою руку и стоялъ бы за меня въ мою обиду, како ты, господинъ мой, стоялъ за мною во мою обиду». Володимеръ же послалъ брату своему Мьстиславу, тако река: «братъ мой, самъ вѣдаешъ, како есмь имѣлъ брата своего Кондрата, и честилъ и дарилъ, а въ обиду его стоялъ есмь за нимъ, како и за собою. Абы ты тако же, мене дѣля, пріялъ и съ любовью подъ свою руку и стоялъ за нимъ въ его зло». Мьстиславъ же обѣчася Володимиру, тако река: «братъ мой! радъ, тебѣ дѣля, пріимаю съ любовью подъ свою руку, а въ обиду его дай Богъ голову свою сложити за нь». Ипат.

Имѣть подъ рукою это тоже, что имѣть сыномъ и быть въ отца мѣсто, т.-е., любить, заботиться и даже голову свою сложить въ интересахъ покровительствуемаго. Трудно думать, чтобы татары имѣли въ виду установить такое попечительное и любовное покровительство великаго князя владимірскаго надъ остальными сѣверо-восточными князьями. Отдавая русскихъ князей подъ руку Семена Ивановича, они, надо полагать, имѣли въ виду нѣчто иное. Ханскіе ярлыки, въ которыхъ, вѣроятно, были опредѣлены права великихъ князей владимірскихъ и обязанности остальныхъ, до насъ не дошли. За отсутствіемъ этого главнаго источника, намъ остается только гадать о смыслѣ и значеніи татарской отдачи подъ руку. Татары смотрѣли на себя, какъ на верховныхъ владыкъ русскаго народа. Хотя они и не управляли непосредственно въ предѣлахъ русской земли, но имѣли здѣсь свои постоянные интересы и нуждались въ особомъ органѣ власти, который наблюдалъ бы за исполненіемъ ихъ велѣній. Такимъ органомъ они и назначили великаго князя владимірскаго. Остальные князья были отданы подъ его руку, но, надо думать, не въ старо-русскомъ смыслѣ любви, покровительства и заботы, а въ смыслѣ подчиненія по всѣмъ вопросамъ, имѣвшимъ отношеніе къ татарскимъ интересамъ. По роду дѣлъ это было подчиненіе спеціальное, ограничивавшееся сферою татарской политики; по характеру—безусловное; въ случаѣ непослушанія, русскіе князья, конечно, подлежали отвѣтственности передъ ордынскимъ царемъ. Но

великій князь владимірскій приказывалъ имъ не какъ самостоятельный государь, а какъ посаженникъ ханскій и прикащикъ Орды. По всей вѣроятности, Семенъ Ивановичъ былъ не первымъ такимъ прикащикомъ. Уже отецъ Семена, Иванъ Даниловичъ Калита, безпрекословно исполнялъ ханскія приказанія и присоединялъ свои силы къ татарскимъ полчищамъ для войны противъ русскихъ городовъ. Князья, которые ходили съ нимъ на Тверь, Псковъ, Смоленскъ, подчинялись не ему, а ордынскому царю, по приказу котораго дѣйствовалъ и самъ Калита. Ограничимся однимъ примѣромъ:

«А Товлубій (татарскій воевода, посланный царемъ воевать Смоленскъ), говоритъ лѣтописецъ, поиде ратью съ Переяславля къ Смоленьску; съ нимъ же посла рать свою и князь Иванъ великій Даниловичъ, по цареву повелѣнію, князя Константина Васильевича Суздальскаго, князя Константина Борисовича Ростовскаго, князя Іоанна Ярославича Юрьевскаго, князя Іоанна Дрютскаго, князя Ѳедора Ѳоминьскаго, а съ ними великаго князя воеводы, Александръ Ивановичь и Ѳедоръ Акинѳовичь, и стояше у города немного дній, и поидоша прочь, граду не успѣвшу ничтоже». Воскр. 1340.

Хотя большаго усердія въ исполненіи царева повелѣнія въ данномъ случаѣ и не видно, но едва ли можно сомнѣваться въ нѣкоторомъ объеденіи русскихъ княженій подъ властію великаго князя владимірскаго, происшедшемъ въ татарскихъ интересахъ.

Возникаетъ вопросъ, какія послѣдствія имѣло это внѣшнее объединеніе на отношенія князей внѣ дѣйствія татарской силы? Этотъ вопросъ можетъ и долженъ быть поставленъ, такъ какъ русскіе князья, состоя подъ татарскимъ владычествомъ, не все же дѣйствовали по татарскимъ велѣніямъ. Орда была далеко и князья продолжали жить своею жизнью, наслѣдованною отъ предковъ. Вотъ на эту-то жизнь какое оказало вліяніе возникшее по инціативѣ татаръ начало подчиненія всѣхъ князей великому князю владимір-

скому? Отвѣтъ на этотъ вопросъ надо искать въ извѣстныхъ уже намъ договорахъ XIV и XV вѣка. Въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда внесеннаго татарами начала подчиненія. Даже Семенъ Ивановичъ, которому царь Узбекъ отдалъ родныхъ его братьевъ подъ руку, заключилъ съ ними договоръ на обоюдномъ условіи единенія и «не канчивати». Насколько русская и татарская практика были различны и не похожи одна на другую показываетъ слѣдующій случай. Передъ татарскимъ судомъ происходила тяжба великаго князя, Василія Васильевича, съ дядею Юріемъ изъ-за обладанія великимъ княженіемъ Владимірскимъ.

«И тогда, разсказываетъ лѣтописецъ, царь дасть великое княженіе князю Василію Васильевичу, и повелѣ князю Юрію конь повести подъ нимъ. Князь же велики не въ схотѣ того дяди своего безчестити». Воскр. 1432.

По татарскимъ понятіямъ подчиненный ведетъ коня своего принципала и въ этомъ нѣтъ безчестья, а выражается только подчиненіе. По русскимъ понятіямъ племяннику заставить своего дядю и владѣтельнаго князя вести подъ собою коня, значитъ обезчестить его. Василій Васильевичъ отказался отъ такого выраженія своего верховенства. Въ княжеской средѣ такого обычая не было. Зависимые князья ѣздятъ рядомъ съ своимъ старшимъ братомъ, но не водятъ его коня; коня водятъ слуги. Татарское завоеваніе оставило глубокій слѣдъ въ нашей исторіи; но идея подчиненія князей власти великаго князя, проводимая татарами въ XIV вѣкѣ, вовсе не привилась въ нашей практикѣ; она держалась единственно страхомъ татарскаго насилія и безслѣдно исчезла вмѣстѣ съ татарскимъ владычествомъ *).

*) Иное рѣшеніе постановленнаго вопроса даетъ родовая теорія. Въ исторіи Соловьева (Ш, 312) читаемъ, что уже при Семенѣ Гордомъ русскіе князья «перестали быть родичами равноправными и стали подручниками великаго князя»; а доказательство такое: «вси князи русскіе даны были подъ руки Симеона, говорятъ лѣтописи». Но вѣдь

Ни великіе князья московскіе, ни татары не положили конца договорнымъ отношеніямъ и не низвели владѣтельныхъ князей до положенія подданныхъ великаго князя. Сдѣлали это бояре московскіе въ малолѣтство Ивана Васильевича, перваго русскаго царя.

Въ самую полночь съ 3-го на 4-е декабря 1534 года скончался великій князь Василій Ивановичъ. Немедленно, въ тотъ самый часъ, какъ онъ умеръ, бояре его цѣловали между собою крестъ на томъ, что имъ великой княгинѣ и сыну ея, великому князю Ивану, прямо служить и великаго княженія подъ нимъ беречь въ правду, безъ хитрости, за одинъ. Тогда же бояре привели къ крестному цѣлованію и братьевъ умершаго государя, Юрія и Андрея, на томъ, что имъ племяннику своему добра хотѣть и великаго княженія подъ нимъ блюсти и стеречи и самимъ не хотѣть. Но присяга братьевъ Василія Ивановича произошла не въ обычномъ порядкѣ. Бояре, требуя отъ нихъ клятвы великому князю, сами отказались цѣловать имъ крестъ именемъ малолѣтнаго государя. Это было вопіющее нарушеніе освященныхъ временемъ порядковъ. Покойный князь два раза цѣловалъ крестъ къ Юрію и второй разъ не далѣе, какъ за три года до своей кончины, а бояре его не хотятъ ему дать «правды» за малолѣтнаго племянника! Юрій не желалъ, да и не долженъ былъ переносить такое поруганіе своихъ княжескихъ правъ. Онъ долго противился и спорилъ. Но бояре не выпустили его съ государева двора и насильно заставили цѣловать крестъ. Юрій не считалъ себя связаннымъ этимъ «невольнымъ цѣлованіемъ» и на другой же день сталъ набирать дружину, перезывая отъ великаго князя его служилыхъ людей. Дѣйствія эти не укрылись отъ

лѣтописи говорятъ это не отъ себя, а приводятъ татарскую мѣру, и надо было разобрать, измѣнился этимъ татарскимъ распоряженіемъ русскій порядокъ или нѣтъ. Что князья московскіе при Семенѣ и послѣ не перестали быть родичами равноправными и не сдѣлались подручниками великаго это доказывается княжескими договорами и лѣтописями.

бояръ, они усмотрѣли въ нихъ нарушеніе только что принесенной присяги, и заключили Юрія въ тюрьму. Онъ оставался въ неволѣ до своей смерти (+1536).

Поиманіе Юрія должно было до крайности обострить отношенія къ другому дядѣ великаго князя, Андрею. Онъ имѣлъ основаніе опасаться, что и его «поимаютъ», и потому не ѣхалъ въ Москву, куда его усиленно приглашали; а въ Москвѣ боялись, что онъ первый начнетъ дѣйствовать противъ великаго князя. Въ 1537 году дѣло дошло до враждебнаго столкновенія. Но Андрей не рѣшился вступить въ бой съ полками великаго князя, а «учалъ у воеводы великаго князя правды просить, что его великому князю не поимати и опалы на него великія не положити». Воевода поручился за московское правительство, и тогда дядя великаго князя поѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ, однако, не одобрили уступчивость воеводы; князя Андрея «велѣли поимати и въ полату посадити, и тягость на него положити». Вотъ въ этомъ тягостномъ положеніи бояре взяли съ него запись, въ которой онъ обязался хотѣть великому князю добра, извѣщать его о всякой опасности, не подыскивать подъ нимъ его государствъ, не принимать къ себѣ его служилыхъ людей и ни съ кѣмъ на него не ссылаться. Эту запись князь Андрей долженъ былъ скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ; бояре же великаго князя и на этотъ разъ правды ему не дали и никакихъ правъ за нимъ не признали. Только въ концѣ записи они именемъ великаго князя написали:

«А мнѣ, великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи, и моей матери, великой княгине Еленѣ, жаловати тебя и беречи по государя своего наказу, великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи». Рум. собр. I. № 103.

Это простое обѣщаніе, а не договорное обязательство, скрѣпленное клятвой, и при томъ обѣщаніе очень неопредѣленное. Великій князь обѣщаетъ жаловать и беречь князя Андрея лично, но о владѣніяхъ его и владѣльческихъ правахъ не говоритъ ни слова.

Вотъ это и есть конецъ договорныхъ отношеній. Два послѣднихъ удѣльныхъ князя рѣшеніемъ бояръ изъ владѣтельныхъ государей превращены въ подданныхъ великаго князя. Они болѣе не въ договорѣ съ нимъ, а въ одностороннемъ цѣлованіи, какъ и служилые люди. Это актъ низложенія владѣтельныхъ князей.

Этой перемѣной своего положенія князь Андрей такъ же не удовлетворился, какъ и братъ его. Невольную присягу онъ не считалъ обязательной, а потому, улучивъ время, бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ, надѣясь найти тамъ приверженцевъ. Его постигла участь брата; онъ былъ пойманъ и заключенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ. Ни Юрій, ни Андрей не захотѣли быть подданными; они сопротивлялись до конца новымъ порядкамъ, въ которыхъ не могли признать «правды». Правдою для нихъ оставались договорныя отношенія и обязанность великаго князя держать ихъ въ братствѣ и во чти безъ обиды. Послѣдніе владѣтельные князья подданными великаго князя не сдѣлались, ихъ пришлось извести изморомъ въ неволѣ и цѣпяхъ.

Низложенный Юрій и Андрей умерли, но не могли ли народиться новые владѣтельные князья? Московскіе бояре указали путь, которымъ можно было достигнуть политическаго объединенія Россіи. Путь этотъ—низложеніе удѣльныхъ. Въ этомъ великая ихъ заслуга. Но мысль о политическомъ единствѣ Россіи слышится и съ другой стороны. Въ 1498 году великій князь, Иванъ Васильевичъ, положилъ опалу на сына своего, Василія, и назначилъ преемникомъ своимъ внука, Дмитрія. Опала эта, однако, длилась не долго. Въ слѣдующемъ уже году Иванъ Васильевичъ возвратилъ милость сыну и назначилъ его великимъ княземъ Новгорода и Пскова. Такимъ образомъ въ 1499 году имѣлось на лицо какъ бы два будущихъ великихъ князя: одинъ владимірскій и московскій, другой новогородскій и псковскій. Это отдѣленіе Пскова отъ Москвы не понравилось псковичамъ, они усмотрѣли въ немъ новую попытку раздробленія Руси и отправили къ великому князю торжественное посольство,

составленное изъ посадниковъ и бояръ, по три отъ каждаго конца; послы эти должны были просить Ивана Васильевича о томъ, чтобы въ Псковѣ и Москвѣ былъ одинъ государь. Самовластіе московскаго государя было въ это время уже такъ велико, что онъ опалися на псковскихъ пословъ за это патріотическое челобитье, а однаго изъ нихъ велѣлъ посадить въ тюрьму, хотя и не надолго.

Государственное единство Росси сдѣлало уже большіе успѣхи. Оно становилось потребностью народа. Но развѣ московскіе государи не вольны были создать изъ своихъ сыновей новыхъ владѣтельныхъ князей? Они могли это сдѣлать, и по чувствамъ родительской любви къ дѣтямъ они не далеки были отъ того, чтобы и дѣйствительно это сдѣлать. Они болѣе любили сыновей своихъ, чѣмъ государственное единство Россіи. Каждый изъ нихъ испыталъ неудобства многокняжія, воевалъ съ дядьями и братьями и на крестномъ цѣлованіи захватывалъ ихъ владѣнія; но какъ только возникалъ вопросъ о наслѣдникѣ государства, царствующій государь выдѣлялъ каждому своему сыну особый удѣлъ и оставлялъ своему преемнику бремя новыхъ владѣтельныхъ князей. Такъ поступилъ и великій князь Иванъ Васильевичъ, такъ много сдѣлавшій для объединенія Московскаго государства. Владѣтельные князья, которыхъ пришлось низлагать боярамъ его сына, получили свою власть изъ его рукъ. Василій Ивановичъ также оставилъ особый удѣлъ своему второму сыну, Юрію. Тоже сдѣлалъ и Иванъ Грозный. Отказавъ государство свое старшему сыну, Ивану, онъ назначилъ весьма большой удѣлъ и слѣдующему, Ѳедору. Все это явленія неблагопріятныя для государственнаго единства Россіи. Можно было и во второй половинѣ XVI-го в. опасаться, что эти назначенія поведутъ къ образованію новыхъ линій владѣтельныхъ князей. Но и здѣсь на помощь Московскому государству пришелъ счастливый случай. Юрій Васильевичъ умеръ, не оставивъ потомства; старшій сынъ Грознаго умеръ при жизни отца и наслѣдникомъ оказался слѣдующій, Ѳедоръ, въ царствованіе кото-

раго умеръ малолѣтнымъ и послѣдній сынъ Ивана, царевичъ Димитрій. Ѳеодоръ же Ивановичъ сыновей вовсе не имѣлъ. Такимъ образомъ во второй половинѣ XVI вѣка не оказалось ни одного кандидата во владѣтельные князья. По прекращеніи же линіи Даниловичей сознаніе о государственномъ единствѣ русскаго народа широкою волной прошло по Русской землѣ и выразилось въ избраніи одного государя на все Московское государство.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Распредѣленіе волостей между князьями.

Вопросъ о распредѣленіи или преемствѣ столовъ возникаетъ для каждой волости или княженія въ отдѣльности. Каждая волость, представляя особое государство, должна была имѣть, или, по крайней мѣрѣ, должна была стремиться выработать для себя и свой порядокъ преемства.

Но волости не вели изолированной жизни; онѣ находились въ постоянныхъ столкновеніяхъ между собою, результатомъ которыхъ было то, что князья нерѣдко занимали волости и въ силу военной удачи. Вслѣдствіе этого, тотъ порядокъ преемства, который могъ бы сложиться въ извѣстной волости, благодаря вліянію собственныхъ ея потребностей и силъ, постоянно нарушался и путался этими вторженіями изъ внѣ. Такимъ образомъ, условія нашей древней жизни очень мало благопріятствовали тому, чтобы возникъ и упрочился одинъ опредѣленный порядокъ преемства. И дѣйсвительно, одного, сколько нибудь опредѣленнаго порядка наша древность и не представляетъ. Распредѣленіе столовъ происходило подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ и интересовъ, изъ которыхъ ни одинъ не пользо-

вался безспорнымъ признаніемъ и относительное значеніе и историческая важность которыхъ были очень различны и весьма не постоянны.

Не беря на себя задачи раскрыть и изслѣдовать всѣ условія, вліявшія въ отдѣльныхъ случаяхъ на преемство, мы укажемъ на тѣ, которыя имѣютъ болѣе общее значеніе. На распредѣленіе столовъ вліяли: интересы народа, выражавшіеся въ его правѣ избранія князей; начало отчины; интересы царствующаго князя и его семьи, проявлявшіеся въ договорахъ и завѣщаніяхъ; начало старшинства князей. Но ни одинъ изъ этихъ интересовъ не имѣлъ силы самъ по себѣ. Въ виду преобладающаго значенія договорнаго и союзнаго начала въ нашей исторіи, интересы эти получали практическое осуществленіе только въ томъ случаѣ, если для поддержки ихъ удавалось составить достаточно внушительные союзы и заключить соотвѣтствующіе договоры. А такъ какъ для организаціи такихъ союзовъ нужно было умѣнье, настойчивость, энергія, а при всемъ томъ и достаточный запасъ военныхъ силъ, то личныя качества князя и его фактическое положеніе въ средѣ другихъ князей являются такъ же весьма важными условіями въ рѣшеніи разсматриваемаго вопроса.

I. Избраніе князей народомъ.

Объ избраніи князей народомъ рѣчь была выше. Мы видѣли, что народъ осуществлялъ свое право, не смотря ни на какія соглашенія князей о порядкѣ преемства. По смерти Святополка Михаила кіевляне призвали къ себѣ на столъ Владиміра Мономаха, хотя по Любецкому трактату онъ клятвенно обязался въ Кіевѣ не садиться.

Въ дополненіе къ сказанному надо указать на то, что и народное избраніе нуждалось въ признаніи или, по крайней мѣрѣ, въ молчаливомъ согласіи со стороны другихъ князей, иначе они начинали войну противъ избранника и избрав-

шей его волости. Въ 1146 году, по смерти Всеволода Черниговскаго, кіевляне пригласили къ себѣ на столъ владимірскаго князя Изяслава Мстиславича. До этого приглашенія онъ былъ въ союзѣ съ черниговскими Ольговичами и Давыдовичами. Но союзъ этотъ приглашеніемъ Изяслава въ Кіевъ нарушился, ибо однимъ изъ условій его было вступленіе на кіевскій столъ Игоря Ольговича. Изяславъ, занявъ Кіевъ подъ Игоремъ, вызвалъ противъ себя войну своихъ прежнихъ союзниковъ. Святославъ Ольговичъ, братъ обманутаго Игоря, не надѣясь собственными силами одолѣть Изяслава, обратился къ дядѣ его, Юрію, и предложилъ ему свою помощь для овладѣнія Кіевской волостью. Въ 1147 году къ Святославу и Юрію присоединились и Давыдовичи. Такъ началась эта достопамятная борьба Изяслава съ Юріемъ, въ которой черниговскіе князья были то на сторонѣ Изяслава, то на сторонѣ Юрія. Въ первый годъ войны Юрій не помогъ своимъ союзникамъ и они вынуждены были заключить съ Изяславомъ миръ, по которому признали его кіевскимъ княземъ. Въ самый годъ этого замиренія Изяславу пришлось просить помощи своихъ новыхъ союзниковъ противъ дяди Юрія. Возобновившаяся война велась съ перемѣнными союзниками и перемѣннымъ счастьемъ, и Изяславу приходилось даже отказываться отъ Кіева въ пользу счастливаго соперника, а кіевлянамъ разставаться съ излюбленнымъ Изяславомъ и принимать въ свои стѣны не угоднаго имъ Юрія.

Все это обыкновенныя послѣдствія непостоянства военнаго счастья.

Практика избранія князей народомъ несовершенно, однако, исключала начало наслѣдственности, или, говоря языкомъ того времени, начало отчины. Иногда народъ избиралъ князя не лично только, но и съ его дѣтьми. Въ этомъ надо видѣть не отказъ на будущее время отъ права избранія, а ограниченіе этого права, при его осуществленіи, нисходящимъ потомствомъ извѣстнаго князя.

Та же идея наслѣдственности несомнѣнно слышится и

въ отказахъ населенія нѣкоторыхъ волостей биться противъ князей той или другой линіи. Такъ кіевляне не желаютъ поднимать руки на князей Владимірова племени. Въ 1149 году, узнавъ о походѣ Юрія противъ избраннаго ими Изяслава, они отказываются идти противъ Юрія и требуютъ отъ Изяслава, чтобы онъ мирился съ дядею. Это имѣетъ тотъ смыслъ, что потомковъ избранника своего, Владиміра Мономаха, кіевляне считаютъ какъ бы прирожденными кіевскими князьями. Изяславъ имъ нравится болѣе Юрія, а потому они и избрали его; но при столкновеніи Юрія съ Изяславомъ, они предпочитаютъ обоюдныя уступки и примиреніе этихъ «своихъ князей», а потому и совѣтуютъ Изяславу миръ. Въ случаѣ крайности, они готовы даже принять Юрія, хотя и знаютъ, что не уживутся съ нимъ.

Въ этомъ смыслѣ переяславцы говорятъ о томъ же Юріи:

«Гюрги намъ князь свой, того было намъ искати и далече». Ипат. 1149.

Переяславль—отчина Владиміра Мономаха, Юрій—сынъ его, вотъ почему переяславцы и говорятъ, что онъ имъ свой князь, и становятся на его сторону. Владимірово племя было любимо не въ одномъ только Кіевѣ, не меньшею привязанностью пользовалось оно и въ своей первоначальной отчинѣ, Переяславлѣ.

Отсюда прямой переходъ къ началу наслѣдственности въ распредѣленіи волостей.

II. Начало отчины.

Мы уже знаемъ (стр. 142 и сл.), что начало отчины стало примѣняться къ распредѣленію столовъ въ самой глубокой древности, что въ XII вѣкѣ оно получило широкое распространеніе и затѣмъ перешло въ московскую Русь. Но начало это ни въ древности, ни въ московское время не получило

точнаго опредѣленія и разработки своихъ частностей. На всемъ пространствѣ нашей древней исторіи права племянника на наслѣдованіе отчиной сталкивались съ такими же правами дяди. И дядя и племянникъ могли быть одинаково отчичами извѣстнаго стола. Отсюда ведутъ начало нерѣдкіе случаи борьбы изъ-за владѣній этихъ близкихъ между собой родственниковъ. Но борьба дядей съ племянниками изъ-за отчинъ не отрицаетъ отчиннаго начала; обѣ стороны признаютъ его, но только разно понимаютъ: дяди думаютъ, что они должны наслѣдовать отчину съ устраненіемъ племянниковъ отъ старшаго брата; племянники, наоборотъ, думаютъ, что они должны наслѣдовать отцамъ своимъ, устраняя ихъ младшихъ братьевъ, а своихъ дядей. Вотъ поэтому то отчинное начало проводилось въ нашей исторіи не тихо и спокойно, а въ постоянной борьбѣ. Князья съ оружіемъ въ рукахъ доискивались своихъ отчинъ и закрѣпляли ихъ за собой союзами и крестнымъ цѣлованіемъ.

Не смотря на эту неопредѣленность порядка наслѣдованія по отчинѣ и на частыя нарушенія отчиннаго начала путемъ захвата волостей князьями не отчичами, порядокъ этотъ является въ нашей исторіи весьма живучимъ и прочнымъ. Практическое дѣйствіе его проявляется съ древнѣйшихъ временъ въ обособленіи княжескихъ линій, пріурочиваемыхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Мы имѣемъ полоцкихъ князей, черниговскихъ, рязанскихъ, кіевскихъ, смоленскихъ и пр. Эта работа обособленія продолжается и на сѣверовостокѣ. Нисходящіе Всеволода Большое Гнѣздо выдѣляютъ изъ себя князей суздальскихъ, тверскихъ, нижегородскихъ, московскихъ и проч. Московская линія, въ свою очередь, выдѣляетъ серпуховскую, можайскую и т. д. Все это князья-отчичи *).

---

*) Мысль о преемствѣ по началу отчины и съ самыхъ древнихъ временъ встрѣчаемъ у Погодина. Изслѣдованія, IV, 368. Но эта совершенно вѣрная мысль представлялась ему въ довольно смутныхъ

Приведемъ самые крупные факты изъ исторіи образованія этихъ наслѣдственныхъ линій.

Древнѣйшая линія князей-отчичей получила свое начало при Владимірѣ святомъ, который назначилъ сыну своему, Изяславу, Полоцкое княженіе. Отъ Изяслава Владиміровича и пошли полоцкіе князья. Но сынъ Изяслава, Брячиславъ, не хотѣлъ уже довольствоваться одной отчиной и сталъ стремиться къ ея расширенію. Онъ напалъ на Новгородъ, состоявшій подъ властью дяди его, Ярослава. Хотя Ярославъ и одержалъ побѣду надъ племянникомъ, но долженъ былъ увеличить его владѣнія, прибавивъ къ нимъ свои два города. Единственный сынъ Брячислава, Всеславъ, наслѣдовавъ свою отчину, въ началѣ жилъ въ мирѣ съ сосѣдями, сыновьями Ярослава, и въ 1060 году вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ походѣ на торковъ. Но въ 1064 г. Всеславъ послѣдовалъ примѣру отца и нападеніемъ на Новгородъ открылъ враждебныя дѣйствія противъ Ярославичей. Ярославичи разбили его и принудили къ миру. Не надѣясь, однако, что онъ откажется отъ враждебной по отношенію къ нимъ политики, они рѣшились навсегда освободиться отъ безпокойнаго сосѣда. Подъ предлогомъ переговоровъ

очертаніяхъ. «Древнее наше престолонаслѣдіе,—говоритъ онъ, основывалось на правѣ старшинства, ограниченнаго правомъ отчиннымъ». Стр. 383. Этого, конечно, нельзя понять, несмотря на многочисленныя выписки изъ лѣтописей, приводимыя на 12 предшествующихъ страницахъ. На стр. 386 онъ рѣшительно утверждаетъ: «пять сыновей Ярослава *должны были* наслѣдовать Кіевъ одинъ за другимъ, по старшинству: это знаемъ мы положительно». Авторъ только не знаетъ, кто долженъ былъ наслѣдовать Кіевъ послѣ смерти младшаго сына Изяслава: всѣ ли по очереди сыновья старшаго, за тѣмъ всѣ сыновья второго и т. д., или только одинъ старшій изъ всѣхъ, а потомъ старшій сынъ второго сына и т. д. Такимъ вопросомъ и задаваться бы не слѣдовало, ибо на него не отвѣтилъ бы ни кто и изъ современниковъ Ярослава. Но на какомъ основаніи авторъ утверждаетъ, что всѣ сыновья Ярослава наслѣдуютъ Кіевъ одинъ за другимъ? Отчинному началу одинаково соотвѣтствуетъ, какъ наслѣдованіе брата брату, такъ и наслѣдованіе сына отцу, помимо его брата.

Ярославичи пригласили къ себѣ Всеслава и когда онъ, полагаясь на ихъ крестное цѣлованіе, пріѣхалъ, схватили его и заключили въ погребъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Послѣдствіемъ этого было завладѣніе его отчиной. Но Всеславъ не долго оставался въ заключеніи, а полоцкая отчина безъ отчича. Въ 1067 г. кіевскій князь, Изяславъ, и переяславскій, Всеволодъ, прибѣжали въ Кіевъ разбитые половцами, которые разсыпались по землѣ и начали грабить. Кіевляне, устроивши вѣче на торговой площади, рѣшили потребовать отъ князя, чтобы онъ далъ имъ коней и оружіе и снова выступилъ противъ половцевъ. Изяславъ не согласился. Тогда возмутившійся народъ бросился къ порубу, гдѣ былъ заключенъ Всеславъ, освободилъ его и провозгласилъ своимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ изъ Кіева. Такимъ образомъ, полоцкій отчичъ, потерявшій свою отчину, сдѣлался княземъ въ отчинѣ Ярославичей. Онъ прокняжилъ въ Кіевѣ 7 мѣсяцевъ и возвратился въ Полоцкъ, не желая воевать съ Изяславомъ, пришедшимъ съ польскою силою отыскивать свои владѣнія. Послѣ Всеслава осталось семь сыновей. Надо полагать, что имъ тѣсно было въ отчинѣ. Одинъ изъ Всеславичей, Давыдъ, принужденъ былъ даже оставить родину и искать покровительства у внуковъ Ярослава, въ рядахъ которыхъ мы и встрѣчаемъ его въ 1103 г. въ войнѣ противъ половцевъ. Подъ 1104 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о походѣ Святополка Кіевскаго, Владиміра Мономаха и Олега Черниговскаго къ Минску на Глѣба Всеславича. Судя по тому, что въ походѣ участвовалъ и обдѣленный братьями Давыдъ, можно думать, что походъ былъ предпринятъ для завоеванія ему волости. Князья союзники не имѣли успѣха и воротились ни съ чѣмъ

При Мстиславѣ Владиміровичѣ Кіевскомъ изъ семи сыновей Всеслава въ живыхъ оставалось только четверо; всѣ они были въ союзѣ съ нимъ. Но Мстиславъ нашелъ, что они не исполняютъ принятыхъ на себя обязательствъ, пригласилъ ихъ къ себѣ, лишилъ свободы и сослалъ въ заточеніе въ Грецію; Полоцкую же волость онъ присоединилъ

къ своимъ владѣніямъ. Судя по тому, что въ числѣ сосланныхъ былъ и Давыдъ, надо думать, что ему удалось, наконецъ, получить часть въ своей отчинѣ. Съ тридцатыхъ годовъ мы опять встрѣчаемъ въ Полоцкой волости отчичей, внуковъ Всеслава.

Не смотря на то, что полоцкіе отчичи не всѣ получали части въ своей отчинѣ, и что сосѣдніе князья завладѣвали по-временамъ ихъ городами, потомство Изяслава Владиміровича продержалось въ Полоцкой волости болѣе 200 лѣтъ, съ 1001 года вплоть до завоеванія полоцкаго княженія Литвой.

Слѣдующую по времени возникновенія линію отчичей представляютъ черниговскіе князья. Начало этой линіи положилъ Ярославъ Владиміровичъ, назначивъ второму своему сыну, Святославу, черниговскій столъ. Отъ этого Святослава и пошла линія черниговскихъ князей, удержавшаяся на лѣвомъ берегу Днѣпра до XIV в. Намѣреніе Ярослава именно и заключалось въ образованіи изъ своихъ приднѣпровскихъ владѣній пяти наслѣдственныхъ княжествъ по числу своихъ сыновей (см. выше стр. 143). Но намѣренію этому не суждено было осуществиться и, между прочимъ, по винѣ черниговскаго князя, Святослава, который отнялъ Кіевъ у старшаго брата, Изяслава, а свой столъ передалъ сопернику своему, Всеволоду. Это нарушеніе воли отца повело къ безчисленнымъ столкновеніямъ сперва родныхъ братьевъ, а потомъ племянниковъ съ дядьями, послѣдствія которыхъ окончились лишь въ 1097 году на Любецкомъ съѣздѣ, возвратившемся къ началамъ Ярославова завѣщанія, вслѣдствіе чего потомство Святослава и утвердилось окончательно въ Черниговѣ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что преемство потомковъ Святослава въ Черниговѣ никогда не прерывалось вступленіемъ на черниговскій столъ князей другихъ линій. Такой непрерывности не было и въ Черниговѣ, какъ не было ея въ Полоцкѣ. Въ 1210 году Святославичи заключили миръ съ кіевскими Ростиславичами и Всеволодомъ Владимірскимъ, а непосредственно затѣмъ лѣтописи сообщаютъ

извѣстіе о переходѣ на черниговскій столъ кіевскаго князя, Рюрика Ростиславича, а на кіевскій—черниговскаго, Всеволода Святославича. Рюрикъ умеръ въ 1215 году, «княжа въ Черниговѣ». Надо думать, что эта перемѣна князей состоялась по миру 1210 года. Подъ 1218 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Черниговѣ умеръ и сынъ Рюрика, Ростиславъ. Очень можетъ быть, что онъ княжилъ тамъ по смерти отца. Такимъ образомъ, и въ Черниговѣ сиживали князья другихъ линій, но это не мѣшало образоваться линіи черниговскихъ отчичей, ведущихъ свое начало отъ 1054 года.

Отъ черниговскихъ отчичей отдѣлилась вѣтвь рязанскихъ князей. Отдѣленіе это совершилось еще при сыновьяхъ Святослава, родоначальника линіи черниговскихъ князей. По смерти Давыда Святославича Черниговскаго столъ этотъ занялъ братъ его, Ярославъ. Но у него былъ предпріимчивый племянникъ, Всеволодъ Ольговичъ; онъ не желалъ дѣлать уступокъ дядѣ, внезапно напалъ на него и овладѣлъ Черниговомъ. Чтобы успокоить дядю, Всеволодъ рѣшилъ дать ему Муромъ, принадлежавшій къ Черниговской волости. Это случилось въ 1128 году. Ярославъ Святославичъ, принужденный отказаться отъ Чернигова, сдѣлался родоначальникомъ линіи муромскихъ, впослѣдствіи рязанскихъ князей.

Образованію особой линіи кіевскихъ князей пришлось встрѣтиться съ гораздо большими препятствіями, чѣмъ тѣ, съ какими имѣла дѣло линія полоцкихъ князей. Начало ей положено тоже ярославовымъ завѣщаніемъ, по которому Кіевъ былъ назначенъ старшему его сыну, Изяславу. Но линіи Изяслава не удалось утвердиться въ Кіевѣ. По смерти старшаго его сына, Святополка, кіевляне избрали переяславскаго князя, Владиміра Мономаха. Это избраніе навсегда устранило отъ кіевскаго стола прежнихъ отчичей, Изяславичей, и положило основаніе новой кіевской линіи—Владиміровичей. Князья этой линіи тоже не непрерывно сидѣли въ Кіевѣ. Мы наблюдали перерывы и въ Полоцкѣ и въ Черниговѣ, но въ Кіевѣ они были и чаще и продолжительнѣе. Объясняется это не особымъ значеніемъ Кіева,

на который наши историки смотрятъ, какъ на столицу государства россійскаго, съ обладаніемъ которой связывалось верховенство надъ всѣми князьями и городами, а тѣмъ обстоятельствомъ, что Кіевская волость избраніемъ Владиміра Мономаха была лишена своихъ первыхъ князей отчичей. Отъ Ярославова завѣщанія берутъ начало первыя линіи князей-отчичей; Любецкій договоръ подтвердилъ распоряженіе Ярослава и возстановилъ сдѣланное имъ распредѣленіе князей по волостямъ. Эти два акта, установившіе наслѣдованіе въ нисходящей линіи, нарушались; тѣмъ не менѣе, они все же должны были пользоваться нѣкоторымъ авторитетомъ въ глазахъ князей, потомковъ Ярослава. Кіевляне, избравъ Владиміра Мономаха, нарушили и завѣщаніе Ярослава и постановленіе Любецкаго съѣзда; но могли ли они этимъ избраніемъ положить начало новой линіи отчичей? Конечно, могли, но подъ условіемъ, что будутъ постоянно избирать князей изъ потомковъ Мономаха. Но избраніе есть результатъ довѣрія избирателей къ избираемому, а довѣріе можетъ пріобрѣсти и не Мономаховичъ. Вотъ почему Кіевъ, утративши своихъ первоначальныхъ отчичей, и сдѣлался въ гораздо большей мѣрѣ предметомъ исканія сосѣднихъ князей, чѣмъ волости, въ которыхъ удержались первые отчичи, имѣвшіе нѣкоторую окраску законности въ глазахъ современниковъ. Не смотря на это и въ Кіевѣ образовалась своя линія отчичей. Это были потомки Владиміра Мономаха. Имъ удавалось по преимуществу занимать кіевскій столъ. Укажемъ на главнѣйшіе перерывы въ ихъ княженіи и причины, ихъ вызвавшія. Съ избранія Владиміра Мономаха въ 1112 году и по годъ смерти второго его сына, Ярополка († 1139), въ Кіевѣ княжатъ непрерывно, въ теченіе 27 лѣтъ, Владиміровичи. Въ 1140 году Ярополку наслѣдовалъ третій сынъ Мономаха. Вячеславъ, но долженъ былъ уступить предпріимчивому черниговскому князю. Всеволоду Ольговичу; слабый Вячеславъ передалъ ему Кіевъ безъ боя.

Среди другихъ Владиміровичей Всеволодъ встрѣтилъ было сопротивленіе, но рядомъ энергическихъ дѣйствій

сумѣлъ склонить ихъ къ миру, по которому и они отказались въ его пользу отъ Кіева. Всеволодъ не только удержался въ Кіевѣ до смерти своей, но и умѣлъ получить согласіе кіевлянъ на переходъ Кіевской волости къ брату своему, Игорю. На этотъ переходъ дали согласіе и нѣкоторые изъ Владиміровичей. Такимъ образомъ, новой линіи кіевскихъ отчичей угрожала весьма серьезная опасность совсѣмъ потерять Кіевъ, какъ потеряли его Изяславичи. На помощь имъ снова явилась народная любовь. Кіевляне измѣнили Игорю и призвали внука Владиміра Мономаха, Изяслава Мстиславича. Съ этого времени (1146) Кіевъ остается за Владиміровичами въ теченіе 31 года лишь съ небольшими перерывами. Въ 1154 году кіевляне, оставшись безъ князя, призвали Изяслава Давыдовича Черниговскаго; но онъ долженъ былъ въ томъ же году уступить Кіевъ отчичу, Юрію Владиміровичу. По смерти Юрія († 1158) кіевляне снова призвали Изяслава Давыдовича, который на этотъ разъ продержался въ Кіевѣ около двухъ лѣтъ и долженъ былъ въ 1160 году уступить его опять Владиміровичу, Ростиславу Мстиславичу. Съ этого года въ теченіе 27 лѣтъ на кіевскомъ столѣ опять смѣняются все Мономаховичи. Въ 1177 году въ Кіевѣ княжилъ сынъ Ростислава, Романъ. Этотъ Романъ принужденъ былъ уступить Кіевъ не Мономаховичу, а черниговскому князю, Святославу Всеволодовичу. Причина этой передачи заключалась не въ томъ, чтобы Святославъ во чтобы то ни стало добивался Кіева. Романъ находился въ дружественныхъ союзахъ не только съ Владиміровичами, но и съ черниговскими князьями и въ томъ числѣ и съ этимъ Святославомъ. Въ договоръ съ черниговскими князьями было внесено условіе, по которому князья-союзники обязались наказать лишеніемъ волости того изъ своей среды, кто нарушитъ условія союзнаго договора. Нарушилъ договоръ братъ Романа, Давыдъ, не выступившій противъ половцевъ, съ которыми начали войну союзники. Святославъ Черниговскій потребовалъ примѣненія къ нему статьи договора о лишеніи волости. Романъ не обратилъ на это

требованіе никакого вниманія. Святославъ объявилъ ему войну, которая и привела его въ Кіевъ. Война эта велась, слѣдовательно, не изъ-за Кіева.

По смерти Святослава Кіевъ снова перешолъ къ Владиміровичамъ въ лицѣ брата Романова, Рюрика Ростиславича. Переходъ этотъ совершился совершенно мирно. Чувствуя приближеніе смерти, Святославъ самъ послалъ за Рюрикомъ и передалъ ему свой столъ. Эта передача была, надо полагать, результатомъ предварительнаго соглашенія Святослава съ Рюрикомъ.

При этомъ Рюрикѣ встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытной попыткой Владиміровичей оградить Кіевскую волость отъ притязаній черниговскихъ князей. Рюрикъ, какъ и предшественникъ его, находился въ дружественныхъ договорахъ съ суздальскимъ княземъ и съ князьями праваго и лѣваго берега Днѣпра. Черниговскіе князья цѣловали крестъ Рюрику и Всеволоду Юрьевичу, между прочимъ, на томъ, что они отказываются отъ Кіева въ пользу Рюрика и Всеволода. Весьма вѣроятно, что такое соглашеніе состоялось еще при жизни Святослава Всеволодовича. Занявъ въ 1194 году кіевскій столъ, Рюрикъ не хотѣлъ уже довольствоваться такою статьею, а сговорившись со Всеволодомъ, предложилъ черниговскимъ князьямъ отказаться отъ Кіева и Смоленска въ пользу Владимірова племени вообще, никогда и ни въ какомъ случаѣ не садиться ни въ Кіевѣ, ни въ Смоленскѣ, а предоставить эти столы князьямъ линіи Владиміра Мономаха, т.-е., признать эти столы ихъ отчиной. Святославичи отказались *).

Остановимся нѣсколько ближе на этомъ требованіи.

Въ желаніи Владиміровичей удержать исключительно за собой волости праваго берега Днѣпра выражается сознаніе о принадлежности имъ наслѣдственныхъ правъ на эти волости. Но почему же Святославичи не желаютъ признать наслѣдственныхъ правъ Владиміровичей?

*) Мѣста источниковъ приведены выше, стр. 145 и 146.

Святославичи—отчичи въ Черниговѣ и по Ярославову завѣщанію, и по рѣшенію Любецкаго съѣзда. Владиміровичи же и по той, и по другой причинѣ не отчичи въ Кіевѣ, а только въ Переяславлѣ. Отчичами въ Кіевѣ они сдѣлались въ нарушеніе Ярославова завѣщанія и постановленія князей въ Любечѣ. Наслѣдственныя права ихъ на Кіевъ не лучше правъ Святославичей, а хуже, ибо Святославичи происходятъ отъ второго сына Ярослава, а Владиміровичи отъ третьяго. Если настоящіе кіевскіе отчичи, потомки Изяслава Ярославича, сошли уже съ политической арены, то первыя наслѣдственныя права у Святославичей, а не у Владиміровичей.

Владиміровичи сдѣлались кіевскими отчичами по народному избранію. Но это такое основаніе, которое не нынче, такъ завтра можетъ быть и на сторонѣ Святославичей. Согласились же кіевляне имѣть своимъ княземъ Игоря Ольговича, а его двоюроднаго брата Изяслава Давыдовича они два раза призывали на кіевскій столъ. То же можетъ случиться и съ племянниками этихъ князей, отъ которыхъ Владиміровичи требуютъ, чтобы они никогда не садились въ Кіевѣ.

Отвѣтъ Святославичей вовсе не отрицаетъ отчиннаго начала. Они не хотятъ только признать за Владиміровичами лучшихъ отчинныхъ правъ на Кіевъ и въ этомъ они совершенно правы. Въ этомъ смыслѣ они и говорятъ: «мы не угры и не ляхи, а единаго дѣда внуки». Въ выраженіи «мы не угры и не ляхи» слышится чувство оскорбленнаго достоинства членовъ старшей линіи.

События оправдали осторожность Святославичей. Не прошло и 15 лѣтъ со времени этихъ переговоровъ, въ теченіи которыхъ Кіевъ занимали непрерывно Владиміровичи, какъ между этими Владиміровичами, во главѣ которыхъ продолжали находиться Рюрикъ и Всеволодъ, и черниговскими князьями произошло соглашеніе, въ силу котораго кіевскій столъ занялъ черниговскій князь, Всеволодъ, а черниговскій—кіевскій князь, Рюрикъ.

Послѣ Всеволода Чермнаго кіевскій столъ снова занимаютъ Владиміровичи. Сынъ Романа Ростиславича, Мстиславъ, сидѣлъ въ Кіевѣ съ 1212 по 1224 годъ. При немъ происходилъ «совѣтъ всѣхъ князей», на которомъ рѣшено было встрѣтить татаръ на чужой землѣ. Въ битвѣ на Калкѣ Мстиславъ Романовичъ былъ убитъ. Послѣ его смерти Кіевъ достался опять Мономаховичу, Владиміру Рюриковичу.

Отъ линіи кіевскихъ князей отдѣляется линія князей галицкихъ, смоленскихъ, владимірскихъ на Клязьмѣ, которая въ свою очередь распадается на линіи князей суздальскихъ, тверскихъ, московскихъ и пр.

Итакъ, важное практическое значеніе отчиннаго начала съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Но это начало само по себѣ представляетъ лишь голую идею, которая служитъ основаніемъ притязаній извѣстнаго князя на извѣстный столъ и только. Чтобы отчичу утвердиться на отчинѣ, для этого нужно было согласіе народа и другихъ князей, а въ томъ числѣ приходилось имѣть дѣло и съ отчичами — соперниками. Личные интересы нерѣдко побивали отчинныя права. Для ихъ защиты нужна была внушительная сила, а такую силу представляютъ только союзы князей. Ярославъ Святославичъ Черниговскій, для обезпеченія за собой своей отчины, былъ въ договорѣ съ Мстиславомъ Кіевскимъ; Мстиславъ Кіевскій — съ Ярославомъ Черниговскимъ и роднымъ братомъ, Ярополкомъ; Изяславъ Кіевскій — съ черниговскими князьями, братомъ Ростиславомъ и дядею Вячеславомъ, и т. д. Во всѣхъ договорахъ князей московскаго времени находимъ статьи объ утвержденіи за ними ихъ отчинныхъ правъ.

Москва не представляетъ въ этомъ отношеніи чего либо новаго, неизвѣстнаго древности. Въ Москвѣ продолжаетъ жить старина, только фактическія отношенія сложились тамъ лучше, чѣмъ это было въ Кіевѣ. Потомство основателя московской линіи, князя Даніила, было менѣе плодовито, чѣмъ потомство Владиміра Мономаха. Благодаря этому,

въ Москвѣ въ каждый данный моментъ было менѣе претендентовъ— отчичей на московскій столъ, чѣмъ въ Кіевѣ на кіевскій. Съ 303 года и по 1425, въ теченіе цѣлыхъ 122 лѣтъ, московская отчина спокойно переходила къ сыновьямъ московскаго государя и только тогда къ братьямъ, когда сыновей не оставалось по смерти отца: 122 года подъ рядъ безспорнаго преемства по отчинѣ, въ нисходящей линіи, но только потому, что не было отчичей соперниковъ. Въ 1425 году появились отчичи соперники и начался споръ. Совсѣмъ другое явленіе представляетъ кіевская Русь. Благодаря относительной плодовитости Мономаховичей, постоянно имѣется налицо нѣсколько претендентовъ—отчичей. Они спорятъ изъза Кіева, такъ какъ онъ одинаково отчина имъ всѣмъ. Благодаря этому послѣдовательность наслѣдственной линіи постоянно прерывается. Но преемство идетъ, хотя и съ перерывами, а все же по отчинѣ. И въ Москвѣ, и въ Кіевѣ— идея одна, различіе же въ рядѣ благопріятныхъ въ пользу Москвы случайностей, которыя дали возможность преемству по отчинѣ проявиться чище и яснѣе *).

---

*) Насколько фактическое положеніе дѣла въ Москвѣ было просто и способствовало упроченію идеи о преемствѣ московскаго стола въ нисходящей линіи, по отчинѣ, настолько въ кіевской Руси оно было запутано. Возьмемъ для примѣра годъ смерти кіевскаго князя Мстислава Изяславича († 1170) и посмотримъ, кто въ это время былъ отчичемъ Кіева и могъ притязать на занятіе кіевскаго стола. Отчичами Кіева были: 1) сыновья умершаго князя; 2) сынъ Мстислава Владиміровича, Владиміръ; 3) сыновья Юрія Владиміровича; 4) сыновья Изяслава Мстиславича; 5) сыновья Ростислава Мстиславича, и, наконецъ, 6) даже сыновья Всеволода Олеговича Черниговскаго. Въ 1171 году кіевскій столъ удалось занять Глѣбу Юрьевичу, бывшему въ союзѣ съ Ростиславичами. Въ 1173 году, по смерти Глѣба, Кіевъ занялъ Владиміръ Мстиславичъ, въ томъ же году умершій. Въ это время Ростиславичи находились въ союзѣ съ Андреемъ Юрьевичемъ Владимірскимъ, который и помогъ старшему изъ нихъ, Роману, занять Кіевъ по смерти Владиміра. Но союзъ этотъ рушился въ томъ же году; Андрей соединился съ черниговскими князьями противъ Ростиславичей и началъ войну противъ нихъ. Этимъ воспользовался новый претендентъ, Ярославъ Изяславичъ, и предложилъ свою помощь черниговскимъ князьямъ,

Наблюдаемое въ нашей исторіи постоянное образованіе новыхъ мѣстныхъ линій князей указываетъ на значительное

но съ тѣмъ, чтобы они уступили ему Кіевъ. Святославъ Всеволодовичъ былъ самъ отчичъ Кіеву, а потому и не принялъ услугъ Ярослава. Тогда Ярославъ перешолъ на сторону Ростиславичей, которые согласились помогать ему въ пріобрѣтеніи Кіева. Въ 1174 году Ярославу удалось занять Кіевъ. Но уже въ слѣдующемъ году Ростиславичи входятъ въ новое соглашеніе съ Андреемъ съ цѣлью прогнать Ярослава изъ Кіева и опять посадить тамъ Романа. Романъ дѣйствительно занялъ Кіевъ подъ Ярославомъ въ 1175 году, но просидѣлъ тамъ не долго. Въ 1177 году Кіевъ перешолъ въ руки новаго отчича, Святослава Всеволодовича Черниговскаго, который при помощи хорошо составленныхъ союзовъ съ князьями черниговскими, кіевскими, смоленскими и владимірскими умѣлъ удержаться тамъ до самой своей смерти въ 1194 году. Умирая, онъ передалъ кіевскій столъ союзнику своему, Рюрику Ростиславичу, брату уже умершаго Романа. Въ виду такихъ опытныхъ въ войнѣ и мирѣ претендентовъ на Кіевскій столъ, сыновья Мстислава Изяславича, ближайшіе отчичи, и не думали предъявлять своихъ правъ на Кіевъ. Всѣ помянутые претенденты были отчичи Кіева и считали себя въ правѣ на этомъ основаніи доискиваться обладанія Кіевомъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находилась Москва. Послѣ смерти основателя линіи московскихъ князей, Даніила Александровича, Москву наслѣдуетъ безъ всякихъ споровъ его старшій сынъ, Юрій. Юрій дѣтей не оставилъ; изъ братьевъ же его пережилъ только одинъ, Иванъ, который и является безспорнымъ преемникомъ его правъ на отчину. За Иваномъ, пережившимъ всѣхъ своихъ братьевъ, безъ всякаго спора слѣдуетъ его старшій сынъ, Семенъ. Четверо сыновей Семена умираютъ ранѣе отца, двое послѣднихъ и младшій братъ Андрей въ одинъ годъ съ нимъ. Единственнымъ отчичемъ и преемникомъ остается слѣдующій за нимъ братъ, Иванъ. По смерти Ивана Ивановича были на лицо два его сына и родной племянникъ, Владиміръ Андреевичъ, владѣвшій своей особой отчиной. Ивану Ивановичу наслѣдуютъ поэтому оба сына, изъ которыхъ второй вскорѣ умираетъ, и Дмитрій Ивановичъ является, такимъ образомъ, единственнымъ отчичемъ и преемникомъ отца. Послѣ Дмитрія Ивановича единственными преемниками опять являются только его сыновья. Въ 1425 году умираетъ Василій Дмитріевичъ, котораго переживаютъ четыре брата и сынъ Василій. Здѣсь мы встрѣчаемся съ первымъ случаемъ, когда по смерти князя являются претендентами два отчича: сынъ и братъ умершаго князя. Что они дѣлаютъ? Вступаютъ въ борьбу, какъ и ихъ отдаленные предки кіевскіе князья. Василій

тяготѣніе нашей древности къ отчинному порядку, за который высказываются и вѣчевыя собранія. Даже свободолюбивый Новгородъ Великій признавалъ своихъ отчичей.

Это начало отчины проводилось и княжескими распоряженіями на случай смерти, къ которымъ теперь и переходимъ.

III. Распоряженія владѣтельныхъ князей.

Весьма естественно, что владѣтельные князья не были равнодушны къ тому, кто займетъ ихъ столъ по ихъ смерти. Волю свою по этому предмету они выражали въ завѣщаніяхъ и договорахъ.

Однихъ завѣщательныхъ распоряженій было недостаточно. При отсутствіи верховнаго суда, который охранялъ бы силу такихъ распоряженій, исполненіе ихъ зависѣло отъ доброй воли князей, пережившихъ завѣщателя. Мы уже знаемъ, что и князья — сыновья, въ пользу которыхъ писались завѣщанія, измѣняли послѣднюю волю родителей во вредъ другимъ наслѣдникамъ. Такъ поступили три старшіе Ярославича, такъ же поступилъ и великій князь тверской, Иванъ Михайловичъ. Отецъ его, чувствуя приближеніе смерти, раздѣлилъ свою отчину между сыновьями: старшему, Ивану, далъ Тверь, Зубцевъ, Радиловъ и друг. города; слѣдующему, Василію, и внуку, Ивану Борисовичу, далъ части въ Кашинѣ; послѣднему сыну, Ѳедору, городки Микулины съ волостями. Восемь лѣтъ спустя великій князь Иванъ нарушилъ это распоряженіе, изгналъ племянника изъ отказанной ему части Кашина и присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Если такія близкія къ завѣщателямъ лица,

---

Васильевичъ, такъ много потерпѣвшій въ этомъ спорѣ изъ за отчины, скончался при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: онъ пережилъ всѣхъ своихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, сыновей соперника своего дяди Юрія. Отчина его опять безъ спора перешла къ сыновьямъ.

какъ ихъ сыновья, не затруднялись нарушать послѣднюю волю своихъ родителей, то родственники болѣе отдаленныхъ степеней стѣснялись еще менѣе духовными завѣщаніями умершихъ князей.

Такая необезпеченность послѣдней воли отъ нарушеній дѣлала необходимымъ попытки укрѣпить ее еще при жизни. Средствами такого укрѣпленія являются опять договоры; ихъ надо было заключать не только съ другими князьями, но и съ народомъ.

Въ 1141 году скончался волынскій князь Андрей Володиміровичъ. Желая передать свой столъ сыну, Владиміру, онъ заключилъ договоръ съ братомъ, Юріемъ, объ огражденіи наслѣдственныхъ правъ своего сына. Вотъ какъ самъ Юрій говоритъ объ этомъ договорѣ Владиміру Андреевичу:

«Сыну! язъ есмь съ твоимъ отцомъ, а съ своимъ братомъ Андреемъ, хрестъ цѣловалъ на томъ, яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоимъ дѣтемъ отець и волость удержати. А потомъ къ тобѣ хрестъ цѣловалъ есмь имѣти тя сыномъ собѣ и Володимира ти искати. Нынѣ же, сыну, аче ти есмь Володимира недобылъ, а се ти волость» — и далъ ему Дорогобужь, и Пересопницю, и всѣ Погориньскія городы». Ипат. 1157.

Это своего рода взаимное страхованіе съ цѣлью обезпеченія участи дѣтей.

Около того же времени кіевскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, замыслилъ передать свой кіевскій столъ брату, Игорю. Для осуществленія этого намѣренія ему надо было заручиться согласіемъ своихъ ближайшихъ союзниковъ. Съ этою цѣлью онъ приглашаетъ въ 1145 году въ Кіевъ родного своего брата, Святослава, двоюроднаго, Владиміра Давыдовича, и князя Владиміровой линіи, Изяслава Мстиславича. Когда князья собрались, Всеволодъ обратился къ нимъ съ рѣчью, изъ которой, къ сожалѣнію, уцѣлѣло только заключеніе:

«...Володимиръ, говорилъ Всеволодъ, посадилъ Мьстислава, сына своего, по собѣ въ Кіевѣ, а Мьстиславъ Яро-

полка, брата своего; а се я мольвлю: «оже мя Богъ поиметь, то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Кіевъ». И много замышлявшу Изяславу Мьстиславичю, нужа бысть цѣловати хрестъ. И сѣдшимъ всей братьи у Всеволода на сѣнехъ, и рече имъ Всеволодъ: «Игорю! цѣлуй крестъ, яко имѣти братью въ любовь; а Володимиръ, и Святославъ, и Изяславъ цѣлуйте крестъ ко Игореви, что вы начнеть даяти, но по воли, а не по нужи». И цѣловаша на всей любви крестъ». Ипат.

Изъ этого уцѣлѣвшаго мѣста лѣтописа видно, что Всеволодъ оправдываетъ волю свою ссылками на прецеденты. Онъ назначаетъ преемникомъ своимъ брата, потому что и предшественники его тоже назначали себѣ преемника, кто сына, кто брата. Изяславу Мстиславичу это не понравилось, онъ много спорилъ и, конечно, потому что былъ отчичемъ Кіеву, а Ольговичи этого преимущества на своей сторонѣ не имѣли. Несмотря, однако, на свои отчинныя притязанія, Изяславу пришлось уступить и цѣловать крестъ Игорю на всей любви, т. е., отказаться въ его пользу отъ Кіева, обѣщать единство противъ враговъ и т. д. Изяславъ не выговорилъ въ свою пользу даже никакихъ территоріальныхъ уступокъ, а обѣщалъ довольствоваться тѣмъ, что Игорь дастъ ему добровольно.

Соглашенія съ этими тремя князьями, однако, было еще недостаточно; надо было, чтобы и народъ призналъ Игоря своимъ княземъ. Съ этою цѣлью Игорь созвалъ кіевлянъ на вѣче въ слѣдующемъ году и предложилъ имъ признать брата своего княземъ. Они согласились и цѣловали крестъ (выше стр. 14).

Подобно этому ростовскій князь, Юрій, желая передать свою волость меньшимъ сыновьямъ, скрѣпляетъ свою волю предварительнымъ соглашеніемъ съ ростовцами, суздальцами и владимірцами, которые цѣлуютъ ему крестъ «на меньшихъ сыновьяхъ».

О предсмертномъ распоряженіи Мстислава Изяславича лѣтопись сохранила такое извѣстіе:

«Того же лѣта исходячи, разболѣся князь Мьстиславъ Изяславичь въ Володимери, бѣ же ему болѣзнь крѣпка. И начася слати къ брату, Ярославу, рядовы дѣля о дѣтехъ своихъ. Урядився добрѣ съ братомъ и крестъ цѣловалъ, яко же ему не подозрѣти волости подъ дѣтми его, преставися князь Мьстиставъ мѣсяца августа въ 19». Ипат.

Ярославъ Галицкій, назначивъ свое княженіе младшему сыну, Владиміру, скрѣпилъ свое распоряженіе «клятвами мужей галицкихъ» и старшаго сына, Олега, которые обѣщались не нарушать его воли. Ипат. 1187.

Въ договорахъ московскаго времени условія о переходѣ владѣній отъ отца къ дѣтямъ составляютъ обыкновенное явленіе.

Теперь посмотримъ, кому же князья отказывали свои владѣнія.

Родителей и дѣтей соединяютъ самыя тѣсныя узы любви; поэтому, первая забота родителей состоитъ въ передачѣ своихъ владѣній дѣтямъ. Отсюда возникаетъ и извѣстное уже намъ начало отчины. Тѣмъ не менѣе, передача владѣній дѣтямъ есть дѣло любви, а не право дѣтей. Родители, если не желали, могли и не назначать сыновей своими наслѣдниками. Волость могла быть назначена боковому родственнику помимо сына. Право отца назначить себѣ преемника по мимо сына ясно выражено галицкимъ княземъ, Львомъ Даниловичемъ. Въ 1289 году сынъ Льва, Юрій, занялъ Берестій, городъ, отказанный волынскимъ княземъ, Владиміромъ, своему двоюродному брату, Мстиславу. Когда Мстиславъ, не желавшій потерять Берестье, сталъ угрожать Льву войной и пригласилъ уже къ себѣ татаръ на помощь, послѣдній отправилъ къ сыну посла съ такими рѣчами:

«Поѣдь вонъ изъ города, не погуби землѣ: братъ мой послалъ взводить татаръ. Не поѣдешь ли вонъ, яже ти буду помочникъ брату своему на тя. Аже ми будеть смерть, по своемъ животѣ даю землю свою всю брату своему, Мьстиславу, а тобѣ не дамъ, аже мене не слушаешь, отца своего». Ипат.

Тоже начало проявилось и въ духовной грамотѣ верейскаго князя Михаила Андреевича, отказавшаго свою отчину великому князю, Ивану Васильевичу, помимо сына, Василія. Рум. собр. I. №№ 118, 121.

Если съ точки зрѣнія князей сыновья ихъ не имѣли права на участіе въ наслѣдствѣ, а наслѣдовали по ихъ доброй волѣ, то, понятно, что князья надѣляли не всѣхъ сыновей и далеко не по ровну. Князь Юрій Владиміровичъ отказалъ свою Суздальскую волость меньшимъ сыновьямъ, а старшаго, Андрея, исключилъ. Сынъ Юрія, Всеволодъ Большое Гнѣздо, надѣлилъ только четырехъ старшихъ сыновей; двумъ младшимъ удѣла не назначилъ, а поручилъ ихъ попеченію втораго сына, Юрія, великаго князя владимірскаго. Удѣлы старшихъ были далеко не равны, особенно мало досталось четвертому, Владиміру. Сузд. 1213.

Въ виду приведенныхъ фактовъ мнѣніе нашихъ историковъ о томъ, что каждый Рюриковичъ имѣлъ право на участіе во владѣніи русской землей, представляется весьма сомнительнымъ. Можно допустить только то, что каждый Рюриковичъ самъ считалъ себя призваннымъ владѣть русской землей, но чтобы это субъективное сознаніе о своемъ княжескомъ призваніи было общепризнаннымъ правомъ, этого никакъ нельзя утверждать. Даже отцы не признавали за своими дѣтьми такого права.

Хотя сыновья и не имѣли права на наслѣдіе отцовъ, тѣмъ не менѣе, въ силу родительской любви, они, обыкновенно, назначались наслѣдниками во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда могли быть устранены, путемъ договоровъ или иными средствами, всѣ другіе претенденты. Ближайшими же конкуррентами ихъ являются, въ силу неопредѣленности отчиннаго преемства, дяди-отчичи. Чѣмъ болѣе такихъ претендентовъ, тѣмъ труднѣе передать отчину сыну; чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ легче. Въ этомъ вся разница между кіевской и московской Русью. Назначеніе наслѣдниками сыновей имѣетъ мѣсто и въ до-московской Руси. Такъ поступаетъ Ярославъ Мудрый; но чтобы обезпечить наслѣдство за своими дѣтьми,

ему пришлось заключить родного своего брата въ тюрьму, продержать его въ неволѣ 18 лѣтъ и закованнаго въ цѣпи передать съ наслѣдствомъ своимъ сыновьямъ. Сыновья Ярослава такъ запутали установленный отцомъ ихъ порядокъ, что о спокойной передачѣ ими владѣній своимъ дѣтямъ не могло быть и рѣчи. Но внукъ Ярослава, Владиміръ Мономахъ, передаетъ Кіевское княженіе своему старшему сыну, Мстиславу, а Переяславскую отчину—второму, Ярополку. Младшіе сыновья Владиміра Мономаха, Андрей и Юрій, заключаютъ между собой договоръ объ обезпеченіи ихъ владѣній за ихъ дѣтьми и въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, они имѣли намѣреніе сдѣлать распоряженіе на случай смерти и, по всей вѣроятности, сдѣлали.

Хотя у Ярополка сыновей и не было, тѣмъ не менѣе въ моментъ его смерти число кіевскихъ отчичей, а слѣдовательно и конкуррентовъ на кіевскій столъ, было такъ велико, интересы ихъ такъ мало примиримы между собой, что Кіевское княженіе во все продолженіе XII и въ XIII вѣкѣ переходило не по духовнымъ завѣщаніямъ, а бралось съ боя счастливѣйшимъ и искуснѣйшемъ изъ соискателей. Въ гораздо лучшемъ положеніи были московскіе отчичи, на что было уже указано (стр. 244). Въ теченіе двухъ столѣтій (1303—1505) Москва переходитъ отъ отца къ дѣтямъ въ силу завѣщательныхъ распоряженій ея князей. Въ сознаніи народа, при видѣ этого длиннаго ряда князей-отчичей, послѣдовательно занимавшихъ московскій столъ, утверждается мысль о наслѣдственности власти московскихъ государей. Но всякій опредѣленный порядокъ ограничиваетъ предержащую власть; московскіе же государи никакихъ ограниченій не любили. Поэтому-то великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ, и отвѣчалъ псковичамъ на ихъ просьбу, чтобы въ Москвѣ и Псковѣ былъ одинъ государь: «развѣ я не воленъ въ сынѣ, или внукѣ? кому хочу, тому и даю царство».

Такимъ образомъ, и въ сознаніи московскихъ государей XV и XVI вѣка не выработалось еще идеи наслѣдственности

Московскаго государства въ строгомъ смыслѣ этого слова. Они наслѣдуютъ своимъ отцамъ въ силу послѣдней ихъ воли, а не закона; воля же эта никакому порядку не подчинена, она руководствуется усмотрѣніемъ. Она можетъ призвать второго сына, помимо внука отъ перваго; а можетъ призвать и этого внука помимо сына. Это, какъ и въ старину, дѣло любви, а не права. А если ни одинъ сынъ любви не заслуживалъ? Въ Москвѣ такой вопросъ не былъ поставленъ; но его поставилъ Петръ и отвѣтилъ: «лучше чужой хорошій, чѣмъ свой непотребный». Это тоже въ духѣ старины.

Возникаетъ вопросъ, какъ поступали князья, когда у нихъ было по нѣсколько сыновей и они хотѣли надѣлить ихъ всѣхъ или нѣсколькихъ изъ нихъ? Выше (стр. 153) мы указали уже на то, что въ этихъ случаяхъ старая практика состояла въ томъ, что лучшій столъ назначался старшему. Это преимущество старѣйшинства. Въ дополненіе скажемъ, что и это преимущество не выработалось въ непререкаемый обычай, а держалось по доброй волѣ князей и по ихъ усмотрѣнію могло быть отмѣнено. Галицкій князь Ярославъ имѣлъ двухъ сыновей: старшаго и законнаго Владиміра и младшаго не законнаго, Олега. Старшій «не ходилъ въ его воли», и потому онъ не далъ ему Галича, а назначилъ небольшой удѣлъ въ Перемышлѣ; Галичъ же отказалъ Олегу Настасьичу, который «былъ ему милъ». Съ этимъ распоряженіемъ согласились и «мужи галицкіе» и обѣщали поддерживать его. Подобно этому и Всеволодъ Юрьевичъ свой владимірскій столъ отказалъ второму сыну, Юрію, а не старшему, Константину, оказавшему сопротивленіе волѣ отца. Константинъ увидалъ въ этомъ нарушеніе своихъ правъ старѣйшинства и началъ съ братомъ войну. Кто же былъ правъ: отецъ, не признавшій за непокорнымъ сыномъ права на лучшій столъ, или сынъ, не признавшій за отцомъ права распорядиться своими владѣніями? Хотя Константинъ и нашолъ сторонниковъ среди современныхъ ему князей, но мы думаемъ, что правъ былъ отецъ. Право старѣйшинства большихъ сыновей возникло изъ того, что отцы давали имъ

лучшій столъ; а давали они лучшій столъ потому, что старшіе сыновья были имъ особенно милы, а не въ силу ихъ права. Самое право отцовъ—оставить удѣлы сыновьямъ—основывалось то на народномъ признаніи, то на соглашеніи съ другими князьями. Самъ Всеволодъ получилъ Владимірское княженіе въ силу избранія. Откуда же могло возникнуть безусловное право на Владиміръ у старшаго его сына? Насколько наслѣдственныя права сыновей зависѣли отъ доброй воли ихъ отцовъ, показалъ великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ. Въ 1498 году онъ положилъ опалу на сына своего, Василія, а внука отъ старшаго сына, Ивана, объявилъ наслѣдникомъ и вѣнчалъ на царство. Въ 1502 году, наоборотъ, сынъ Василій посаженъ былъ «на великое княженіе Володимірское и всеа Руси самодержцемъ», а вѣнчанный на царство внукъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ.

Нѣкоторые изъ старыхъ князей, еще при жизни своей и за долго до смерти, имѣли обыкновеніе назначать своихъ дѣтей правителями отдѣльныхъ княженій, состоявшихъ подъ ихъ властью. Такъ поступилъ Святославъ Игоревичъ, такъ поступилъ и сынъ его, Владиміръ. Въ такихъ назначеніяхъ надо видѣть распоряженіе на случай смерти.

Оставляли ли до-московскіе князья свои столы въ общее владѣніе сыновей, какъ это сдѣлалъ Иванъ Даниловичъ Калита съ Москвой? Наши свѣдѣнія о завѣщательныхъ распоряженіяхъ князей кіевскаго времени чрезвычайно скудны и мы замѣтили только одинъ такой случай. Владиміръ Мономахъ отказалъ Переяславль двумъ старшимъ сыновьямъ, Мстиславу и Ярополку *). Случаи отдѣльнаго надѣленія сыновей встрѣ-

*) Въ Ростовѣ, по смерти Глѣба Васильковича († 1278), сидятъ два князя, Дмитрій и Константинъ Борисовичи, родные племянники умершаго; но мы незнаемъ, какъ это случилось, по завѣщанію или захватомъ. Но братья не долго насидѣли вмѣстѣ. Въ 1281 году они поссорились, и Константинъ уѣхалъ къ Дмитрію Александровичу Владимірскому, который свелъ ихъ опять въ любовь. Въ 1286 году, по увеличеніи Ростовской волости присоединеніемъ Углича, Борисовичи садятся

чаются чаще. Святославъ Игоревичъ, Владиміръ Святославичъ, Ярославъ Владиміровичъ надѣляютъ своихъ сыновей каждаго особо. Ярополкъ Кіевскій передалъ свой переяславскій столъ, по договору съ братомъ Мстиславомъ, старшему его сыну, а не всѣмъ пяти. Юрій, обязавшійся блюсти отчину брата Андрея подъ его сыновьями, по смерти Андрея цѣловалъ крестъ о доставленіи Владимірской волости опять только старшему его сыну, а не обоимъ. Можно думать, что въ древности преобладало такое начало: единству волости соотвѣтствуетъ одинъ князь.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какъ поступали князья, когда у нихъ сыновей не было? Въ этихъ случаяхъ они назначали свои владѣнія тому изъ родственниковъ, кто былъ ближе къ нимъ по чувствамъ любви, внѣ всякой зависимости отъ степени родства и старшинства; дальнѣйшій родственникъ могъ быть назначенъ помимо ближайшаго. Если можно было обходить сыновей, то тѣмъ болѣе братьевъ, племянниковъ и т. д. Волынскій князь, Владиміръ Васильевичъ, отказалъ свою волость младшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Мстиславу, помимо старшаго, Льва. Левъ, конечно, не былъ этимъ доволенъ и подсылалъ къ Владиміру сына своего и епископа, чтобы получить хотя одинъ городъ изъ богатаго наслѣдства; но все было напрасно. Переговоры, происходившіе по этому поводу, такъ живо рисуютъ эпоху, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ. Переговоры началъ сынъ Льва, Юрій.

«Присла Юрьй Львовичь посолъ свой ко строеви своему, князю Володимеру, река ему: «господине, строю мой! Богъ вѣдаетъ и ты, како ти есмь служилъ со всею правдою своею, имѣлъ тя есмь, аки отца собѣ, абы тобѣ сжалилося моее службы. А нынѣ, господине, отець мой прислалъ ко мнѣ, отнимаеть у мене городы, что ми былъ далъ, Бѣлзъ, и Червенъ, и Холмъ; а велитъ ми быти въ Дорогычинѣ и Мѣлницѣ. А бью челомъ Богу и тобѣ, строеви своему, дай ми,

---

въ разныхъ городахъ: Костантинъ остается въ Ростовѣ, а Дмитрій переходитъ въ Угличъ.

господине, Берестій, то бы ми сполу было». Володимеръ же рче послу: «сыновче, рци, не дамъ. Вѣдаешь самъ, оже я не двоюрѣчю, ни я пакъ ложь былъ, а Богъ вѣдаеть и вся подънебесная, не могу порушити ряду, что есмь докончалъ съ братомъ своимъ, Мьстиславомъ: далъ есмь ему землю свою всю и городы и грамоты есмь пописалъ», съ тѣми словы отряди посла сыновца своего..... Присла же потомъ ко Володимеру Левъ епископа своего перемышлескаго, именемъ Мемнона. Слуги же его повѣдаша ему: «владыка, господине, пріѣхалъ». Онъ же рече: «который владыка?» Они же повѣдаша: перемышлескій, ѣздить отъ брата, ото Лва». Володимеръ же, бѣ разумѣа древняя и задняя, на што пріѣхалъ, посла по него. Онъ же войде къ нему и поклонився ему до землѣ, река: «братъ ти ся кланяеть». И велѣ ему сѣсти. И нача посолъство правити. «Братъ ти, господине, молвить: «стрый твой, Данило король, а мой отецъ, лежить въ Холмѣ, у святѣй Богородици, и сынове его, братьа моа и твоя, Романъ и Шварно, и всихъ кости тутo лежать. А нынѣ, брате, слышимъ твою немочь великую, абы ты, братъ мой, не изгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ стрыя своего и братьи своей, абы далъ городъ Берестій: то бы твоя свѣща была!» Володимеръ же разумѣя притчѣ и темно слово и повѣстивъ со епископомъ много отъ книгъ, зане бысть книжникъ великъ и филосъфъ, акого же не бысть во всей земли и по немъ не будеть, и рче епископу: «брате, рцы, Лве княже! ци безъ ума мя творишь, оже быхъ не разумѣлъ сей хитрости! ци мала ти, рци, своя земля, оже Берестья хочешь, а самъ держа княженія три: Галичкое, Перемышльское, Бѣльзское, да нѣту ти сыти! А се пакъ мой, рци, отець, а твой стрый лежить во епископьи у святой Богородици въ Володимерѣ, а много ли есь надъ нимъ свѣчь поставилъ? Что есь далъ, который городъ, абы то свѣча была? Оже, рци, просилъ еси живымъ, а аже пакъ мертвымъ просиши! Не дамъ, не реку города, но ни села не возмешь у мене. Разумѣю я твою хытрость, не дамъ». Володимеръ же, одаривъ владыку, отпусти й, зане бысть не бывалъ у него ни колиже». Ипат. 1288.

По смерти Владиміра, Юрій занялъ-было Берестій; но въ виду рѣшительнаго намѣренія Мстислава отстаивать неприкосновенность отказанной ему волости, вынужденъ былъ уступить его дядѣ.

Подобно Владиміру и переяславскій князь, Иванъ Дмитріевичъ, отказалъ свою волость младшему дядѣ, Даніилу Московскому, помимо старшаго, Андрея Володимірскаго: «того бо паче всѣхъ любляше», какъ объясняетъ лѣтописецъ это предпочтеніе. Очень вѣроятно, что этотъ отказъ былъ такъ же результатомъ предварительнаго соглашенія, такъ какъ Даніилъ Московскій и Иванъ Переяславскій находились въ союзѣ единенія и въ войнахъ помогали другъ другу. Андрей не менѣе Льва желалъ увеличить свои владѣнія открывшимся наслѣдствомъ и поспѣшилъ было, по смерти Ивана, занять Переяславль своими намѣстниками; но они «сбѣжали» при приближеніи намѣстниковъ Даніила, за которымъ и остался этотъ городъ.

Изъ этихъ случаевъ слѣдуетъ, что начало старѣйшинства не было общепризнаннымъ правиломъ и для боковой линіи.

IV. Начало старѣйшинства.

Въ нашей литературѣ давно уже обращено вниманіе на роль старшинства князей въ вопросѣ о преемствѣ столовъ. Писатели очень различныхъ направленій одинаково признаютъ, что преемство столовъ опредѣлялось родовымъ старшинствомъ претендентовъ. Такое мнѣніе встрѣчаемъ и у Неволина. Въ самомъ лучшемъ изслѣдованіи по занимающему насъ вопросу, принадлежащемъ перу названнаго ученаго, читаемъ: «до послѣдней четверти XII столѣтія родовое старѣйшинство принималось главнымъ основаніемъ къ замѣщенію кіевскаго престола. П. с. с. VI, О преемствѣ великокняжескаго кіевскаго престола, 617. Но Неволинъ—образецъ строгаго ученаго, не легко поддающагося увлеченіямъ; выводы его отличаются чрезвычайной осторожностью. Родовое старѣйшинство признаетъ онъ главнымъ, но не единственнымъ основаніемъ и то только до послѣдней четверти XII вѣка. На слѣдующей страницѣ Неволинъ подробнѣе разви-

ваетъ свою мысль. «Родовое старѣйшинство, говоритъ онъ, не дѣйствовало исключительно и безусловно. Преемство престола, основанное на родовомъ старѣйшинствѣ, было наслѣдіемъ по закону. Но этотъ порядокъ преемства власти ни мало не исключалъ другихъ видовъ преемства, которые основаны были на иныхъ началахъ и въ тѣ времена имѣли преимущество предъ законнымъ порядкомъ наслѣдія».

Итакъ, вопросъ о роли старшинства не такъ простъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Рядомъ со старшинствомъ дѣйствуютъ и другія начала, которыя имѣютъ передъ нимъ даже преимущество. Въ виду этого можно думать, что выводъ Неволина, выписанный нами со стр. 617, выраженъ имъ сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

Мы имѣли уже случай говорить о старѣйшинствѣ (стр. 153 и сл.). Что князья выставляютъ свое старшинство, какъ основаніе для всяческихъ притязаній и въ томъ числѣ для притязаній на тотъ или другой столъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но вопросъ въ томъ, было ли это основаніе общепризнано и какое имѣло оно практическое значеніе?

Къ занимающему насъ вопросу прежде всего относятся права старѣйшинства, принадлежавшія старшему брату передъ младшими. Мы уже показали, что за старшимъ братомъ признавались нѣкоторыя преимущества въ порядкѣ наслѣдованія, но преимущества эти принадлежали ему не въ силу закона, а въ зависимости отъ доброй воли родителей (стр. 252). Теперь посмотримъ, насколько преимущества эти признавались народомъ и младшими братьями, и могли ли они имѣть для нихъ непререкаемое значеніе.

Начинаемъ съ самаго древняго времени.

Святославъ Игоревичъ отдалъ старшій свой столъ старшему сыну, Ярополку; слѣдующаго, Олега, посадилъ въ Древлянской землѣ; а младшаго, Владиміра, взяли у него къ себѣ Новогородцы. Но Ярополкъ не ограничился тѣмъ, что ему далъ отецъ; онъ напалъ на владѣнія Олега и присоединилъ ихъ къ своимъ. Что надо было, при этихъ об-

стоятельствахъ, дѣлать Владиміру Новогородскому? Весьма натурально, что онъ усомнился въ своей безопасности и бѣжалъ за море. Опасенія его подтвердились, такъ какъ Ярополкъ воспользовался его отсутствіемъ и захватилъ Новгородъ. Вотъ почему Владиміръ, возвратившись изъ за моря съ варягами, объявилъ войну старшему брату, убилъ его и сдѣлался княземъ кіевскимъ и новогородскимъ. Это первое столкновеніе старшаго брата съ младшимъ кончилось уничтоженіемъ представителя старшей линіи потомства Святослава и переходомъ Кіева въ руки младшей. Причина же этого не въ родствѣ князей, не въ спорахъ ихъ о родовомъ старшинствѣ, а единственно въ хищнической политикѣ старшаго и въ необходимости самообороны со стороны младшаго.

Въ 1015 году скончался этотъ Владиміръ, родоначальникъ младшей линіи Святославичей. Вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ о замѣщеніи кіевскаго стола по его смерти:

Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемъ, и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье. Они же пріимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ. Борису же възъвратившюся съ вои, не обрѣтшю печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: «отець ти умерлъ». И плакася по отци велми, любимъ бо бѣ отцемъ своимъ паче всѣхъ... Рѣша же ему дружина отня: «се дружина у тобе отня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни». Онъ же рече: «не буди мнѣ възняти рукы на брата старѣйшаго! Аще и отець ми умре, то сей ми буди въ отца мѣсто». Лавр.

Итакъ, по смерти Владиміра Кіевъ занимаетъ его старшій сынъ, но своею волею, а не по завѣщанію отца, который не оставилъ никакого на этотъ случай распоряженія. Владиміръ не любилъ Святополка и наши историки не безъ основанія думаютъ, что онъ имѣлъ намѣреніе отдать Кіевъ младшему сыну, Борису, а не старшему *). Что же касается

*) Соловьевъ, Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома, стр. 58.

дружины Владиміра, то она прямо высказалась въ пользу младшаго брата. Ее поддержали и тѣ изъ кіевлянъ, которые находились въ войскѣ, высланномъ противъ печенѣговъ. И такъ, дружина и народъ ни во что ставятъ права старѣйшинства Святополка и желаютъ возвести на кіевскій столъ младшаго князя. Но этотъ младшій самъ не желаетъ идти противъ старшаго; Борисъ одинъ признаетъ права старѣйшинства. Святополкъ и самъ чувствовалъ, что его права первородства не много значатъ, а потому и поспѣшилъ привлечь къ себѣ расположеніе народа подарками *).

Борисъ не рѣшился поднять руку на старшаго брата, но Святополкъ не затруднился убить Бориса и Глѣба для увеличенія своихъ владѣній. Послѣдствія были тѣ же, что и по убійствѣ Ярополкомъ Олега: Ярославъ въ цѣляхъ самозащиты началъ войну со старшимъ братомъ, убилъ его и сдѣлался кіевскимъ княземъ. Опять въ Кіевѣ утверждается младшая линія и опять по винѣ старшей.

Въ этомъ занятіи кіевскаго стола Ярославомъ, по устраненіи Святополка, наши историки видятъ случай преемства по порядку старшинства рожденія. Такъ даже Неволинъ. Но Ярославъ занялъ Кіевъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ и еще при его жизни. Это, конечно, не есть случай законнаго наслѣдованія по порядку старшинства, это— отрицаніе старшинства, и притомъ отрицаніе необходимое, ибо оно вызвано правомъ самообороны.

Ярославъ, съ которымъ во второй разъ кіевскій столъ

---

*) Такъ же смотритъ на этотъ случай и Неволинъ. «Это предложеніе дружины, говоритъ онъ, показываетъ, что одного права старѣйшинства Святополку было недостаточно для того, чтобы онъ могъ возсѣсть и утвердиться на кіевскомъ престолѣ. Тоже показываютъ и другія обстоятельства. Лица, окружавшія Владиміра во время его кончины, считали возможнымъ устранить Святополка отъ кіевскаго престола, утаивши на нѣкоторое время смерть великаго князя. Занявши престолъ, для утвержденія на немъ, Святополкъ почиталъ необходимымъ пріобрѣсть расположеніе кіевлянъ раздачею сокровищъ и даже прибѣгнулъ къ братоубійству». 590.

переходитъ въ младшую линію Святославичей, завѣщалъ Кіевъ старшему сыну, Изяславу. Это случилось въ 1054 г., а въ 1067 кіевляне изгоняютъ Изяслава и сажаютъ на его мѣсто полоцкаго князя, Всеслава. Преемство по старшинству, даже и въ томъ случаѣ, когда въ пользу его есть завѣщательное распоряженіе князя, народъ считаетъ для себя обязательнымъ только до тѣхъ поръ, пока этотъ старшій князь ему нравится. Въ противномъ случаѣ онъ замѣняетъ его первымъ попавшимся подъ руку, и безъ всякаго соображенія съ правами старшинства.

Княженіе въ Кіевѣ младшихъ братьевъ Изяслава, сперва Святослава, а потомъ Всеволода, Неволинъ опять приводитъ, какъ случаи наслѣдованія по старшинству рожденія (618). Это, конечно, обмолвка, такъ какъ Святославъ занялъ Кіевъ еще при жизни Изяслава и продержался тамъ до своей смерти, а по его смерти въ Кіевѣ сѣлъ Всеволодъ опять при жизни Изяслава. Это все случаи отрицанія правъ старѣйшинства, вызванныя опасеніемъ за неприкосновенность собственныхъ владѣній; но на этотъ разъ опасеніе было, можетъ быть, только предлогомъ, а настоящая причина заключалась въ стремленіи предпріимчиваго Святослава Черниговскаго къ расширенію своихъ владѣній на счетъ сосѣдей.

По смерти старшаго сына Изяслава Ярославича, Святополка, княжившаго въ Кіевѣ съ 1093 года по 1112, кіевляне, нисколько не стѣсняясь ни завѣщаніемъ Ярослава, ни родовымъ старшинствомъ князей, ни постановленіями княжескихъ съѣздовъ, избираютъ себѣ княземъ Владиміра Мономаха, представителя младшей линіи Ярославичей. По смерти своей Владиміръ Мономахъ оставляетъ Кіевъ сыну своему, Мстиславу, а не старшимъ въ родѣ Ярослава, которыми были сыновья Святополка Изяславича и сынъ, и внуки Святослава Ярославича Черниговскаго.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что наслѣдственныя права старшихъ братьевъ не только не пользовались общимъ признаніемъ, но, по условіямъ нашей древней жизни, они

и не могли ими пользоваться. Не могли они ими пользоваться, во-первыхъ, потому что у народа было право избранія и изгнанія князя, которое по существу своему отрицало право законнаго наслѣдованія; во-вторыхъ, потому что князья-братья относились другъ къ другу, какъ независимые правители, вели между собой войны и заключали договоры, причемъ руководящими мотивами служили соображенія о выгодахъ и безопасности владѣній, а не забота о поддержаніи какого-либо законнаго порядка наслѣдованія.

Такія же столкновенія младшихъ братьевъ со старшими, разрѣшаемыя судомъ Божіимъ, находимъ и въ исторіи сѣверо-восточныхъ княженій. Вскорѣ послѣ смерти великаго князя владимірскаго, Ярослава Всеволодовича, великимъ княженіемъ удалось завладѣть не старшему его сыну, Александру, а младшему, Андрею. Только четыре года спустя старшій сынъ добылъ себѣ въ Ордѣ великое княженіе подъ младшимъ братомъ и прогналъ его при помощи татаръ. Войны родныхъ братьевъ повторились и при сыновьяхъ Александра Ярославича. Въ 1276 году владимірскій столъ занялъ старшій сынъ его, Димитрій. Пять лѣтъ спустя младшій братъ Димитрія, Андрей, отправился въ Орду добывать великое княженіе владимірское подъ старшимъ братомъ. Орда удовлетворила его желаніе и также, какъ отцу его, дала помощь для изгнанія старшаго брата. Борьба сыновей Александра Невскаго возобновилась въ 1282 году и съ перерывами продолжалась въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.

Князья XIII вѣка употребляютъ новыя средства для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей, въ ихъ рукахъ татарская сила, но суть дѣла таже: права старшаго брата не имѣютъ въ глазахъ младшихъ безусловнаго значенія. Права старѣйшинства—это практика, имѣющая мѣсто при наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій, а не общепризнанный обычай. Неволинъ преемство престола, основанное на родовомъ старшинствѣ, приравниваетъ къ порядку наслѣдованія по закону. Это не совсѣмъ точно. Законное наслѣдованіе, кромѣ опредѣленнаго закономъ или обычаемъ

порядка наслѣдованія, предполагаетъ еще и наличность судовъ, которые обезпечиваютъ примѣненіе законнаго порядка. Такихъ судовъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ не было; а при ихъ отсутствіи весьма рискованно говорить о законномъ порядкѣ наслѣдованія. Но это еще не все. Нѣсколько примѣровъ, которые Неволинъ приводитъ въ доказательство наслѣдованія по закону въ порядкѣ родового старшинства, въ дѣйствительности являются примѣрами наслѣдованія по распоряженію князя. Такъ Изяславъ наслѣдовалъ Ярославу не по закону, а по завѣщанію; также Мстиславъ — Владиміру Мономаху; Ярополкъ передалъ свой столъ по соглашенію съ кіевлянами брату Мстиславу и пр. Это все отказы, а не случаи законнаго наслѣдованія.

Еще меньше общаго признанія выпадало на долю старшинства дядей передъ племянниками. Выше мы уже говорили о томъ, что дяди и племянники могутъ считать себя одинаково призванными занять извѣстный столъ въ силу начала отчины. Это общая дядямъ и племянникамъ отчина и есть та среда, въ которой права дядей и племянниковъ сталкиваются. Не подлежитъ сомнѣнію, что начало отчины даетъ право и дядѣ и племяннику искать обладанія отчиной. Но у кого больше правъ? Это всегда было спорно и осталось спорнымъ даже въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Спорный вопросъ этотъ разрѣшался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ либо ратью, либо міромъ. Такое рѣшеніе вопроса открывало широкое поле энергіи и искусству князей, ихъ умѣнью пользоваться обстоятельствами и привлекать на свою сторону союзниковъ и народъ. Исторія съ древнѣйшихъ временъ одинаково представляетъ примѣры какъ торжества дядей надъ племянниками, такъ и обратно. Счетъ случаевъ, когда побѣдили дяди, а когда племянники, не возможенъ, такъ какъ лѣтописи записали очень немногіе изъ нихъ и преимущественно для Кіева; но еслибы ихъ и можно было сосчитать, это ни къ чему бы не повело, потому что перевѣсъ случаевъ свидѣтельствовалъ бы не о преимуществѣ права дядей или племянниковъ, а только о большей силѣ

и большемъ искусствѣ тѣхъ или другихъ въ борьбѣ съ противниками. О лучшихъ правахъ дядей могли бы свидѣтельствовать выраженія, подобныя тѣмъ, какія у насъ сложились въ древности въ пользу лучшихъ правъ старшаго брата и которыя мы привели выше (стр. 155). Но въ пользу лучшихъ правъ дядей древность не выработала никакихъ ходячихъ выраженій; ясный знакъ, что эти права не пользовались даже и такимъ признаніемъ, какое выпало на долю правъ старшаго брата.

Размотримъ древнѣйшіе случаи столкновенія правъ дядей и племянниковъ.

Первый такой случай относится къ первому появленію въ нашей исторіи дяди и племянника. Ярославъ Владиміровичъ роздалъ свои владѣнія сыновьямъ и ничего не оставилъ брату, котораго за долго еще до своей смерти лишилъ свободы и заключилъ въ тюрьму. Черезъ 5 лѣтъ по смерти отца сыновья Ярослава освободили дядю изъ заключенія, но только за тѣмъ, чтобы онъ перемѣнилъ тюрьму на монастырь. Заключеніе Судислава въ тюрьму и постриженіе его въ чернецы несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что его считали опаснымъ претендентомъ. У него, значитъ, были права; но едва ли этотъ случай можно приводить въ доказательство того, что права Судислава были больше правъ его племянниковъ и что кіевскій престолъ переходитъ по началу родаваго старѣйшинства. Исторія отношеній дядей къ племенникамъ начинается, такимъ образомъ, торжествомъ племянниковъ. Но кіевскіе племянники были въ тоже время дядями, у нихъ тоже былъ племянникъ, полоцкій князь Всеславъ. Этотъ племянникъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы постричь въ чернецы своихъ кіевскихъ родственниковъ и лишить ихъ владѣтельныхъ правъ; но напасть на далекій отъ Кіева Новгородъ онъ считалъ дѣломъ хорошей политики. Что дѣлаютъ дяди? Они воюютъ съ племянникомъ, заключаютъ съ нимъ миръ, гарантируютъ ему неприкосновенность его владѣній и личную безопасность, а потомъ обманомъ заманиваютъ къ себѣ,

хватаютъ и сажаютъ въ тюрьму, владѣнія же его присоединяютъ къ своимъ. На этотъ разъ восторжествовали дяди. Въ лицѣ кіевскихъ князей одновременно торжествуютъ и племенники, и дяди.

Два приведенные случая весьма различны; но сопоставленіе ихъ и сравненіе мы считаемъ возможнымъ и полезнымъ для разъясненія вопроса объ отношеніяхъ князей родственниковъ Рюрикова дома.

Судиславъ, какъ сынъ Владиміра, имѣлъ, конечно, отчинное право на часть его владѣній. По сказанію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ Владиміръ еще при жизни своей далъ ему Псковъ. Онъ, стало быть, такой же владѣтельный князь, какъ и старшій братъ его, Ярославъ; владѣнія отца для него такая же отчина, какъ и для Ярослава. Если Ярославъ, побѣдивъ Святополка, завладѣлъ Кіевомъ, то могъ тоже сдѣлать и Судиславъ по отношенію къ Ярославу. Отсюда недовѣріе Ярослава къ Судиславу и поимка его; отсюда же и желаніе сыновей Ярослава, чтобы Судиславъ отказался отъ благъ мира сего и постригся. Это столкновеніе на почвѣ отчинныхъ правъ. Иначе былъ поставленъ вопросъ между Ярославичами и полоцкимъ княземъ. Полоцкій князь не имѣлъ отчинныхъ притязаній на владѣнія Ярославичей, а Ярославичи не имѣли отчинныхъ притязаній на Полоцкъ. Но притязанія князей не опредѣлялись однимъ только отчиннымъ началомъ. Въ видахъ округленія и безопасности своихъ владѣній они постоянно выступаютъ изъ предѣловъ отчинныхъ правъ. Въ этой внѣ отчинной средѣ и произошло столкновеніе Всеволода съ Ярославичами. Почва, на которой дѣйствуютъ князья, различная; но суть столкновенія — одна и та же. И тутъ, и тамъ опредѣляющій мотивъ дѣятельности — опасеніе за безопасность своихъ владѣній; послѣдствія—то же совершенно одинакія: и псковскій, и полоцкій князь одинаково попали въ тюрьму. Играютъ тутъ какую-либо роль родственныя отношенія? Съ Судиславомъ — да, ибо у него отчинныя права; съ Всеславомъ—никакой, ибо у него нѣтъ отчинныхъ правъ на Кіевъ. А послѣдствія одинакія.

Это потому, конечно, что родственныя отношенія, съ перваго уже появленія въ нашей исторіи нѣсколькихъ князей родственниковъ, не исчерпываютъ и не опредѣляютъ отношеній владѣтельныхъ князей. Князья имѣютъ другъ съ другомъ дѣла не столько въ качествѣ родственниковъ, сколько въ качествѣ независимыхъ правителей самостоятельныхъ волостей. Отсюда, братья убиваютъ братьевъ, дяди лишаютъ свободы племянниковъ, племянники—дядей и т. д. Это все дѣлается не въ силу родственныхъ или семейныхъ отношеній, а въ силу потребностей междукняжеской политики. Ляди и племянники въ этихъ столкновеніяхъ ни при чемъ; торжествующимъ является не племянникъ или дядя, а князь побѣдитель, который въ одно и тоже время можетъ торжествовать и надъ дядей, и надъ племянникомъ.

Чѣмъ болѣе возрастало число владѣтельныхъ князей, тѣмъ болѣе возрастало и число поводовъ къ взаимнымъ столкновеніямъ. Побѣдителемъ изъ этихъ столкновеній долженъ былъ выходить тотъ, кто болѣе былъ къ нимъ подготовленъ, кто былъ лучше вооруженъ. При всѣхъ другихъ равныхъ, весьма натурально, что дяди, какъ старшіе возрастомъ, могли быть лучше приготовлены къ борьбѣ, чѣмъ племянники, сравнительно младшіе. Старый князь (дядя) могъ уже пользоваться доброй славой у народа, тогда какъ молодому (племяннику) надо было ее еще заслуживать; старый князь могъ уже стоять въ центрѣ цѣлой сѣти договоровъ съ другими князьями и направлять силы своихъ союзниковъ согласно съ своими видами, тогда какъ молодой только что приступалъ къ примиренію своихъ личныхъ интересовъ, вновь выдвигаемыхъ имъ въ княжескую среду, съ интересами другихъ князей и къ пріисканію себѣ союзниковъ. Этою относительно лучшею подготовкою старшихъ князей къ борьбѣ и надо объяснять встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ случаи занятіе столовъ дядями передъ племянниками, а не голымъ фактомъ ихъ старшинства, которому не усвоялось лучшихъ правъ.

Наши лѣтописи слишкомъ скупы на извѣстія, а потому

мы и не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ перехода стола отъ одного князя къ другому объяснить настоящую причину такого перехода. Многіе писатели довольствуются голымъ фактомъ перехода стола отъ брата къ брату, чтобы заключить къ преимущественному праву дяди передъ племянникомъ. Такъ поступаетъ даже Неволинъ. Выше (стр. 259 и сл.) мы указали нѣсколько случаевъ перехода столовъ отъ брата къ брату, въ которыхъ онъ видитъ торжество начала родоваго старшинства, тогда какъ въ дѣйствительности они являются его отрицаніемъ. Трудность вопроса въ томъ и заключается, что не всегда видны настоящіе причины перехода. Оставимъ сторонникамъ преемства по родовому старѣйшинству тѣ факты, о причинахъ которыхъ ничего нельзя сказать положительнаго, и разсмотримъ тѣ, которые допускаютъ объясненіе.

Въ 1076 году умеръ кіевскій князь, Святославъ Ярославичъ, и столъ его занялъ слѣдующій за нимъ братъ, Всеволодъ, а не сыновья умершаго. Старшимъ въ поколѣніи Ярослава былъ не Всеволодъ, а братъ его, Изяславъ, находившійся еще въ живыхъ. Занятіе Всеволодомъ Кіева есть единовременное отрицаніе и правъ старшаго брата, и правъ племянниковъ, сыновей послѣдняго кіевскаго князя. По какому же праву занялъ онъ Кіевъ? Онъ занялъ его не по праву, а съ нарушеніемъ всякихъ правъ, путемъ захвата. Кіевъ въ рукахъ Всеволода является счастливой добычей и только. Очень понятно, что мысль о захватѣ Кіева осѣнила голову Всеволода. Онъ былъ дѣятельнымъ соучастникомъ Святослава въ изгнаніи Изяслава изъ Кіева. Святославъ добылъ Кіевъ подъ старшимъ братомъ и оставался спокойнымъ его обладателемъ до самой смерти своей. Почему было не попытать счастья и Всеволоду? И онъ попыталъ.

Но Изяславъ, узнавъ о смерти своего главнаго врага, Святослава, рѣшилъ возвратиться въ Русскую землю и отыскивать отцовское наслѣдіе. Всеволодъ выступилъ было противъ него съ войскомъ, но предпочелъ миръ невѣрному исходу брани и уступилъ Кіевъ старшему брату.

Миръ съ Изяславомъ былъ очень выгоденъ для Всеволода. Онъ состоялся на условіи полнаго единенія братьевъ; они подѣлили между собой Русскую землю съ исключеніемъ племянниковъ. Всеволоду досталась при этомъ Черниговская волость. На какомъ основаніи? Это опять захватъ. Но сынъ умершаго черниговскаго князя, Олегъ, не захотѣлъ отказаться отъ отчины. Онъ соединился съ другимъ обдѣленнымъ племянникомъ, Борисомъ Вячеславичемъ, и при помощи половцевъ разбилъ Всеволода.

Потерпѣвшій пораженіе черниговскій князь бѣжалъ въ Кіевъ, гдѣ былъ обласканъ Изяславомъ, который обратился къ нему съ такими словами утѣшенія:

«Брате! не тужи... Аще будеть нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма, аще лишена будевѣ, то оба; азъ сложю главу свою за тя». Лавр. 1078.

Эти слова даютъ превосходный комментарій условію договоровъ «быти за одинъ».

Изяславъ какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ: онъ немедленно выступилъ на помощь Всеволоду и былъ убитъ въ началѣ сраженія. Битва кончилась, однако, пораженіемъ Олега, который бѣжалъ въ Тмутаракань. По смерти Изяслава, Всеволодъ занялъ Кіевъ; сыну своему, Владиміру, онъ далъ Черниговъ, а племяннику, Ярополку Изяславичу, Володиміръ и Туровъ. На какомъ основаніи произошло такое распредѣленіе Русскихъ волостей? Сторонники законнаго преемства по началу родового старѣйшинства видятъ въ занятіи Всеволодомъ Кіева осуществленіе ихъ взглядовъ. Это мнѣніе можно было бы принять, еслибы Всеволодъ, во 1-хъ, не соединился въ 1073 году со Святополкомъ и не прогналъ старшаго брата изъ Кіева, во 2-хъ, если бы онъ, по смерти Святополка, предложилъ Кіевъ Изяславу, а не занялъ его самъ и не уступилъ старшему брату только тогда, когда тотъ пришолъ на него съ оружіемъ въ рукахъ. При наличности же указанныхъ фактовъ во Всеволодѣ очень трудно видѣть провозвѣстника началъ преемства по родовому стар-

шинству. Онъ служитъ не родовымъ началамъ, а своимъ личнымъ интересамъ. Съ точки зрѣнія этихъ личныхъ интересовъ онъ помогаетъ младшему брату противъ старшаго, захватываетъ Кіевъ по смерти Святослава, уступаетъ его Изяславу, когда тотъ приходитъ на него съ войскомъ, а по его смерти занимаетъ снова. Это опять захватъ сильнаго, а не торжество законнаго порядка. Такъ смотрѣли и современники. Лѣтописецъ говоритъ:

«Всеволодъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отца своего и брата своего, переима власть Русьскую всю». Лавр. 1078.

Перенять — значитъ перехватить волость. Этотъ перехватъ чужой власти не могъ не возбудить неудовольствія и протеста. По завѣщанію Ярослава Кіевъ долженъ былъ оставаться въ потомствѣ старшаго его сына, Изяслава, у котораго были сыновья. Всеволодъ, обобравшій всѣхъ своихъ племянниковъ, сдѣлалъ исключеніе только для старшаго сына своего вѣрнаго союзника, Изяслава, которому далъ Владиміръ и Туровъ. Несмотря на это значительное надѣленіе, Ярополкъ Изяславичъ въ 1085 году задумалъ походъ на Всеволода. Лѣтописецъ, по обыкновенію, чрезвычайно кратокъ и не объясняетъ причинъ, побудившихъ владимірскаго князя возстать на сильнаго дядю. Онъ говоритъ только, что Ярополкъ послушалъ злыхъ совѣтниковъ. Можно думать, что злые совѣтники объяснили своему князю, что онъ имѣетъ болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ его дядя; вотъ почему онъ и собрался войной на него.

Всеволодъ до смерти своей княжилъ въ Кіевѣ, но долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки обобраннымъ имъ племянникамъ и внукамъ. Внукамъ Ростиславичамъ онъ далъ Перемышль и Теребовль, а племяннику Давыду Игоревичу, по смерти Ярополка,—Владиміръ; Туровъ же достался брату Ярополка, Святополку.

По смерти Всеволода († 1093), захватившаго въ свои руки къ отцовскому наслѣдію, Переяславлю,—Кіевъ, Черниговъ и Смоленскъ, и лишившаго всякаго участія въ отчинѣ

сыновей своего прежняго союзника и друга, Святослава,— снова возникъ вопросъ, кому сидѣть въ Кіевѣ? На этотъ разъ начальный лѣтописецъ позволилъ себѣ рѣдкую роскошь; онъ записалъ раздумье старшаго сына Всеволода, Владиміра, сидѣвшаго въ Черниговѣ:

«Володимеръ же, говоритъ онъ, нача размышляти, река: «аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко то есть столъ преже отца его былъ». И размысливъ посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ Переяславлю». 1093.

Чрезвычайно характерное разсужденіе, свидѣтельствующее о томъ, до какой степени хищническая политика сыновей Ярослава спутала всякія понятія о какомъ-либо опредѣленномъ порядкѣ занятія столовъ. Владиміръ оказался въ положеніи сказочнаго путника, очутившагося на перекресткѣ трехъ дорогъ. Можно пойдти и на-право, и на-лѣво, только вездѣ будетъ плохо. Можно занять и Кіевъ, занимали же этотъ городъ безъ всякаго права и дядя его, и отецъ. Но въ этомъ случаѣ придется выдержать войну со Святополкомъ, въ силу начала отчины. Владиміръ не хочетъ этой войны; онъ уступаетъ Кіевъ Святополку, а самъ идетъ въ Черниговъ. Но развѣ на Черниговъ его права были лучше? Нисколько. Черниговъ былъ отказанъ Святославу и, слѣдовательно, дѣти Святослава имѣли болѣе правъ на Черниговъ, чѣмъ дѣти Всеволода. Занявъ Черниговъ, Владиміръ продолжалъ неправду своего отца. Но почему же онъ не уступилъ Черниговъ сыновьямъ Святослава, какъ уступилъ Кіевъ сыну Изяслава? Разное отношеніе Владиміра къ Кіеву и Чернигову объясняется различіемъ фактическаго положенія дѣла. Святополкъ былъ не далеко отъ Кіева, въ Туровѣ, и до Владиміра могли дойти слухи о его желаніи искать своей отчины; Олегъ*) же Святославичъ былъ далеко, въ Тмутаракани, и Владиміръ могъ быть въ полной

*) Гдѣ находился въ это время Давыдъ, старшій сынъ Святослава, по лѣтописямъ не видно.

неизвѣстности относительно его намѣреній. Онъ захватилъ Черниговъ, въ надеждѣ на безнаказанность. Только черезъ годъ пришолъ Олегъ изъ Тмутаракани искать своей отчины и обложилъ Черниговъ при помощи половцовъ. Владиміръ, признавшій уже отчинныя права Святополка, не могъ отказать въ такомъ же признаніи и Олегу. Онъ уступилъ ему Черниговъ, а самъ отправился въ свою отчину, Переяславль.

Такимъ образомъ, послѣ двадцатилѣтнихъ (1073—94) хищеній, возстановлено было, благодаря уступчивости Владиміра Мономаха, распредѣленіе владѣній, сдѣланное въ завѣщаніи Ярослава. Князья внуки, наученные тяжелымъ опытомъ, хотѣли увѣковѣчить этотъ порядокъ и съ этою цѣлью съѣхались въ Любечѣ и заключили договоръ, въ которомъ за основаніе распредѣленія волостей было принято начало отчины.

По смерти Святополка послѣдовало новое нарушеніе и Ярославова завѣщанія, и договора въ Любечѣ, но на этотъ разъ по волѣ кіевлянъ. Они избрали на Кіевское княженіе не сына Святополка, какъ бы слѣдовало и по завѣщанію Ярослава, и по соглашенію князей въ Любечѣ, а Владиміра Мономаха. По смерти Владиміра Мономаха кіевскій столъ занимаетъ старшій сынъ его, Мстиславъ, который далеко не былъ старѣйшиной въ родѣ Ярослава. Старѣйшинами были сыновья Святополка Изяславича, Брячиславъ и Изяславъ, и дядя ихъ, сынъ Святослава Ярославича, Ярославъ Черниговскій. Но Мстиславъ занялъ Кіевъ и не въ силу торжества своихъ отчинныхъ правъ; еще лучшія отчинныя права были у его троюродныхъ братьевъ, сыновей Святополка, и у двоюроднаго дяди, Ярослава Черниговскаго. Онъ занялъ кіевскій столъ потому, что отецъ его былъ достаточно силенъ, чтобы передать ему этотъ столъ, да и самъ Мстиславъ былъ довольно умудренъ опытомъ, чтобы удержать за собой Кіевъ; въ годъ смерти отца ему было 49 лѣтъ.

Но Владиміръ Мономахъ не только передалъ свой столъ сыну, онъ позаботился и о дальнѣйшей участи Кіевскаго княженія, и объ участи внуковъ своихъ, сыновей старшаго

сына, Мстислава. Вотъ относящееся сюда мѣсто начальной лѣтописи.

«Преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь, мѣсяца априля въ 14 день, и сѣде по немъ братъ его, Ярополкъ, княжа въ Кіевѣ, людье бо, кыяне, послаша по нь. Въ тоже лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новагорода и да ему Переяславль, по хрестьному цѣлованью, якоже ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повелѣнью, ако же бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ». 1132.

Чрезвычайно любопытное мѣсто. Онъ дорисовываетъ портретъ Владиміра Мономаха. Этотъ князь ничего не дѣлаетъ съ плеча; онъ во все вдумывается и внимательно взвѣшиваетъ всѣ обстоятельства дѣла. По смерти отца онъ «размышляетъ» о томъ, гдѣ ему сѣсть, въ Кіевѣ, или Черниговѣ. Послѣ утвержденія въ Кіевѣ, имъ овладѣваетъ новая дума о томъ, что будетъ послѣ него, и онъ принимаетъ мѣры къ упорядоченію отношеній между сыновьями своими и внуками. Эта озабоченность будущимъ весьма понятна. Всѣ смуты печальнаго прошлаго происходили на его глазахъ. Мономаху было 20 лѣтъ, когда дядя его, Святополкъ, въ союзѣ съ его отцомъ, прогналъ старшаго брата, Изяслава, изъ Кіева и лишилъ его и дѣтей его отчины. Въ изгнаніи Святославичей изъ Черниговской волости онъ самъ былъ дѣятелемъ, такъ какъ съ 1088 года по 1094 сидѣлъ въ Черниговскомъ княженіи. У Владиміра было пять взрослыхъ сыновей. Опытъ прошлаго не могъ не пугать его. Сыновья Святослава и Владиміра святого убивали другъ друга, сыновья дѣда, Ярослава, воевали другъ съ другомъ и обирали племенниковъ. Не таже ли участь ожидаетъ и его потомство? Но его потомство было еще въ худшемъ положеніи. Ему предстояло имѣть дѣло и съ князьями старшихъ линій, Изяслава и Святослава. Права сыновей Владиміра Мономаха на Кіевъ не были прочны. У потомковъ Изяслава права были лучше. Мономахъ занялъ Кіевъ въ нарушеніе этихъ лучшихъ правъ. Не заключалось ли въ этомъ поощренія для власто-

любія потомковъ Святослава послѣдовать примѣру дѣда и занять Кіевъ подъ Мономаховичами? Эти соображенія должны были безпокоить Владиміра Всеволодовича и вызывать на предохранительныя мѣры. Что же онъ сдѣлалъ?

О мѣрахъ, принятыхъ Мономахомъ для обезпеченія участи своихъ потомковъ, лѣтописецъ разсказываетъ подъ 1132 годомъ, семь лѣтъ спустя послѣ смерти Мономаха; а сколько лѣтъ спустя послѣ принятія этихъ мѣръ, объ этомъ мы и гадать не можемъ съ какою-либо точностью. Разсказъ этотъ дѣлается по поводу смерти сына Владиміра Мономаха, Мстислава, и послѣдовавшихъ за тѣмъ событій. Мы не имѣемъ никакого права думать, что лѣтописецъ передаетъ намъ все распоряженіе Мономаха. Въ высокой степени вѣроятно, что Владиміръ Мономахъ входилъ или пытался войти въ соглашеніе по этому предмету съ кіевлянами и князьями, Изяславичами и Святославичами; а своихъ сыновей онъ, конечно, долженъ былъ всѣхъ привести въ свою волю, а не двухъ только старшихъ. Лѣтописецъ ничего объ этомъ не говоритъ. Да и то, что онъ говоритъ, такъ отрывочно и кратко, что далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительному событію.

Онъ говоритъ, что кіевляне послали за Ярополкомъ, а объ участіи Мстислава и Владиміра въ этомъ событіи не упоминаетъ. Но дѣйствительно ли они не принимали въ этомъ никакого участія? Это чрезвычайно сомнительно. Молчаніе начальной лѣтописи исправляетъ Ипатьевскій списокъ, который говоритъ, что самъ Мстиславъ оставилъ княженіе свое Ярополку «ему же и дѣти свои съ Богомъ на руцѣ предастъ». Тутъ нѣтъ противорѣчія. Воля кіевлянъ и воля Мстислава равно участвовали въ возведеніи Ярополка на кіевскій столъ. Но объ участіи въ этомъ дѣлѣ Владиміра Мономаха ничего не говоритъ и Ипатьевскій списокъ лѣтописи. А между тѣмъ передача Кіева, по смерти Мстислава, Ярополку, а не сыновьямъ Мстислава, произошла по волѣ Мономаха. Это слѣдуетъ изъ вышеприведеннаго мѣста начальной лѣтописи.

Еще при жизни своей Владиміръ далъ Переяславль двумъ

старшимъ сыновьямъ, Мстиславу съ Ярополкомъ. На случай смерти Мстислава, онъ обязалъ Ярополка передать Переяславль сыновьямъ Мстислава. При чемъ оставался Ярополкъ? Онъ получалъ Кіевъ. Итакъ, переходъ Кіева, по смерти Мстислава, къ Ярополку есть результатъ согласной воли Владиміра Мономаха, сыновей его и кіевлянъ.

Сторонники законнаго преемства въ порядкѣ родового старшинства видятъ въ этомъ переходѣ торжество своей мысли. Но такъ ли это? Намъ это кажется очень сомнительнымъ. Во Владимірѣ Мономахѣ такъ же трудно, какъ и въ отцѣ его, видѣть провозвѣстника родовыхъ началъ. На Любецкомъ съѣздѣ онъ высказался за отчинный порядокъ; въ 1113 году онъ послѣдовалъ призыву кіевлянъ и занялъ Кіевъ съ нарушеніемъ родового старшинства; преемникомъ своимъ въ Кіевѣ онъ назначилъ сына своего также съ нарушеніемъ родового старшинства. По смерти Мстислава, Владиміръ Мономахъ предоставилъ Кіевъ брату умершаго, а не сыновьямъ его; за то Переяславль онъ предоставилъ сыновьямъ Мстислава, а не слѣдующему брату, Вячеславу, какъ бы слѣдовало по закону предполагаемаго родового старшинства и по лѣствичному восхожденію. Владиміръ Мономахъ въ одно и то же время высказывается и въ пользу дяди противъ племянника и въ пользу племянника противъ дяди! Какому же началу онъ служитъ? Его занимаютъ не начала, о которыхъ спорятъ наши ученые, а лица. Онъ хочетъ обезпечить сыновей и внуковъ своихъ, на сколько это возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Онъ слѣдуетъ указаніямъ современной политики и только.

Оставить Кіевъ сыновьямъ Мстислава было неполитично, потому что, при молодости ихъ и неопытности, имъ трудно было удержать этотъ городъ за собой. Кіевъ давно уже сдѣлался цѣлью княжескихъ притязаній. Съ сыновей Владиміра святого родные братья борются уже изъ-за Кіева. Мстиславичи могли имѣть противъ себя не только родныхъ дядей, но и Святославичей черниговскихъ. Вотъ почему

Владиміръ предназначаетъ Кіевъ взрослому и опытному Ярополку. Но онъ желаетъ устроить и сыновей Мстислава и назначаетъ имъ Переяславль, съ нарушеніемъ правъ старѣйшинства своего третьяго сына, Вячеслава, который долженъ былъ оставаться въ своемъ Туровѣ. Никакого передвиженія князей къ Кіеву по лѣствицѣ родового старѣйшинства Владиміръ Мономахъ, значитъ, не знаетъ *).

Лѣтопись ничего не говоритъ о томъ, были приведены другіе сыновья Владиміра къ соглашенію, состоявшемуся между двумя старшими, или нѣтъ. Мы знаемъ только, что четвертый сынъ Владиміра, Юрій, возсталъ противъ передачи Переяславля племяннику и выгналъ его изъ этого города въ самый день водворенія его тамъ. Юрій могъ это сдѣлать, еслибы даже и былъ приведенъ волею отца къ соглашенію со старшими братьями; прогналъ же дѣдъ его, Всеволодъ, Изяслава изъ Кіева, хотя отецъ и связалъ его клятвой непереступать предѣлъ братень.

Но почему Юрій прогоняетъ племянника? Сторонники преемства по родовому старѣйшинству опять увидятъ здѣсь торжество своей мысли. Еслибы мы и уступали имъ этотъ случай, выигрышъ ихъ былъ бы очень не великъ. Владиміръ, Мстиславъ и Ярополкъ находятъ возможнымъ дать Переяславль племяннику передъ дядей; ясно, кажется, что

---

*) Назначеніе Переяславля племяннику по мимо дяди не укладывается въ рамки родовой теоріи лѣствичнаго восхожденія, а по тому Соловьевъ старается ослабить значеніе этого факта такимъ разсужденіемъ:

«Мстиславъ уговорился съ братомъ и премникомъ своимъ Ярополкомъ, что бы тотъ, перейдя изъ Переяславля въ Кіевъ, отдалъ прежній столъ старшему сыну Мстислава, Всеволоду, тогда князю новогородскому подъ незаконнымъ предлогомъ, что Мономахъ отдалъ Переяславль имъ обоимъ вмѣстѣ, Мстиславу и Ярополку. Исторія отнош. между русск. князьями Рюрикова дома, 140.

Къ счастію авторъ въ сноскѣ приводитъ текстъ лѣтописи, напечатанный у насъ на стр. 271, изъ котораго видно, что самая передача Переяславля Всеволоду совершилась по отню повелѣнію и что ни о какомъ незаконномъ предлогѣ и рѣчи быть неможетъ.

мысль о преимуществѣ дяди передъ племянникомъ не пользуется большимъ признаніемъ. Но мы не можемъ уступить и этого случая. Въ силу родового старѣйшинства притязанія на Переяславль могъ заявить не Юрій, а старшій его братъ, Вячеславъ. Вячеславъ же никакихъ притязаній не заявляетъ. Убѣдившись въ невозможности исполнить волю отца и старшаго брата, Ярополкъ самъ вступилъ въ соглашеніе съ младшими братьями и передалъ спорный городъ Вячеславу. Но Вячеславъ не просидѣлъ тамъ и года и ушолъ въ свой Туровъ. Тогда Юрій, прогнанный Ярополкомъ изъ Переяславля, снова заявилъ притязанія на этотъ городъ, но на этотъ разъ мирно. Онъ предложилъ Ярополку за Переяславль значительную часть своей Ростовской волости. На этотъ обмѣнъ Ярополкъ согласился.

Теперь можно отвѣтить на вопросъ, почему Юрій прогналъ племянника? Юрій былъ предпріимчивый князь, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало завладѣть Переяславлемъ и, наконецъ, получилъ его въ обмѣнъ на другія свои владѣнія. Здѣсь опять мы имѣемъ дѣло съ борьбою личныхъ притязаній, а не началъ родового старѣйшинства.

Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ до своей смерти, не смотря на то, что ему пришлось выдержать упорную борьбу съ черниговскимъ княземъ, Всеволодомъ, на сторону котораго перешли и недовольные дядею Мстиславичи. Опасенія Владиміра Мономаха оправдались, среди его потомковъ пошла та же рознь, которой онъ и самъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ и участникомъ въ лучшіе годы своей жизни.

Въ 1139 году Ярополкъ скончался, не оставивъ дѣтей. Кому быть преемникомъ? Право на Кіевскую волость, по началу отчины, имѣли сыновья Владиміра Мономаха и сына его, Мстислава. Кіевскій столъ занялъ, на этотъ разъ, дядя Вячеславъ. Но онъ не долго нацарилъ въ матери городовъ русскихъ. Не прошло и двухъ недѣль съ его вокняженія, какъ къ Кіеву подступилъ черниговскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, и потребовалъ, чтобы Вячеславъ выходилъ «добромъ» изъ города.

«Онъ же, говоритъ лѣтописецъ о Вячеславѣ, не хотя крови пролити, не бися съ ними, и смири я митрополитъ, и уверди я крестомъ честнымъ, и иде опять Турову, а Всеволодъ вниде въ Кыевъ». Лавр.

Всеволодъ имѣлъ такъ же мало правъ на Кіевъ, какъ и его дѣдъ, Святославъ; но онъ занялъ его благодаря удачѣ. Митрополитъ, которому было все равно, кто бы ни княжилъ въ Кіевѣ, царствовалъ бы только миръ на землѣ, принялъ на себя посредничество между соперниками, убѣдилъ Вячеслава къ уступкѣ и утвердилъ честнымъ крестомъ отказъ его отъ отчины. Въ томъ же году Всеволодъ успѣлъ заключить миръ и съ другимъ отчичемъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, который такъ же призналъ его кіевскимъ княземъ.

Потомки Владиміра Мономаха лишились Кіева. Всеволодъ Ольговичъ, благодаря искусной политикѣ и многочисленнымъ договорамъ, умѣлъ удержаться въ немъ до своей смерти. Онъ сдѣлалъ даже болѣе: онъ съумѣлъ устроить на случай своей смерти переходъ Кіева къ брату своему, Игорю. Ему удалось получить согласіе на такой переходъ и народа и князей, своихъ союзниковъ. Въ числѣ согласившихся находился и кіевскій отчичъ, Изяславъ Мстиславичъ. При дальнѣйшей удачѣ Ольговичи могли навсегда вытѣснить Мономаховичей изъ Кіева. Но воля народная снова возвратила Кіевъ младшей линіи Ярославичей въ лицѣ Изяслава Мстиславича.

Сдѣлаемъ небольшой перерывъ, чтобы взглянуть на порядокъ наслѣдованія въ Черниговской волости, откуда вышелъ князь Всеволодъ. Въ Черниговѣ родовое старшинство пользуется не большими правами, чѣмъ въ Кіевѣ. По смерти Всеволода Ярославича, приходитъ оспаривать черниговскій столъ у Владиміра Мономаха не старшій сынъ Святослава, а второй, Олегъ, который, благодаря миролюбію Владиміра Мономаха, и утверждается на столѣ отца своего въ 1094 году. Старшій братъ Олега, Давыдъ, выступаетъ на первое мѣсто только съ 1097 года, но на чемъ братья

сошлись и какъ подѣлили между собой Черниговскую волость послѣ Любецкаго съѣзда, этого мы не знаемъ. Очень, однако, вѣроятно, что Давыдъ, какъ старшій, сѣлъ въ Черниговѣ. Давыда пережилъ только одинъ братъ, Ярославъ, который, въ силу начала отчины, и занялъ черниговскій столъ послѣ смерти старшаго брата († 1123). Но Ярославъ просидѣлъ въ Черниговѣ всего 4 года. Въ 1127 году на него напалъ извѣстный уже намъ племянникъ его, Всеволодъ Ольговичъ, и прогналъ изъ Чернигова. По какому праву? Это чистѣйшее насиліе и ничего больше. Всеволодъ даже не былъ отчичемъ Чернигову, такъ какъ отецъ его занималъ этотъ столъ въ нарушеніе правъ старшаго брата. Въ силу начала отчины съ Ярославомъ могли спорить сыновья старшаго его брата, Давыда: они были отчичами Чернигову. Но они не предъявили никакихъ притязаній къ дядѣ. Точно также эти старѣйшины въ родѣ Святослава не предъявили спора и ко Всеволоду.

Какъ же отнеслись Ярославъ и его союзники къ этому незаконному захвату? Ярославъ не думалъ мириться съ племянникомъ и обратился къ союзнику своему, Мстиславу Кіевскому, требуя объявленія войны Всеволоду. Мстиславъ готовъ былъ выступить въ походъ, но въ дѣло вмѣшалось духовенство и освободило Мстислава отъ связывавшей его клятвы. Благодаря этому, Всеволодъ утвердился въ Черниговѣ въ прямое нарушеніе правъ дяди и старшихъ двоюродныхъ братьевъ. Князь этотъ унаслѣдовалъ предпріимчивость отца и дѣда и передалъ ее сыну своему, Святославу, которому впослѣдствіи также удалось овладѣть Кіевомъ. Все это—случаи борьбы не родовыхъ началъ, а личныхъ честолюбій. Предпріимчивые князья добываютъ себѣ все то, что только въ силахъ добыть. Предпріимчивый Всеволодъ еще при жизни Ярополка хотѣлъ добыть себѣ Кіевъ и съ этою цѣлью началъ было съ нимъ войну; но продолженію ея воспротивились черниговцы и Всеволодъ принужденъ былъ заключить миръ съ Ярополкомъ.

Возвратимся къ кіевскимъ событіямъ. По смерти Всево-

лода, Изяславъ Мстиславичъ, нарушивъ крестное цѣлованіе къ Игорю и вступивъ съ нимъ въ борьбу, искалъ Кіева не себѣ, а дядѣ своему, Вячеславу: они оба были отчичи Кіеву, и Изяславъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ уступку старшему родственнику. По словамъ Вячеслава:

«Изяславъ, ѣда биться съ Игоремъ, тако молвить: язъ Кіева не собѣ ищу, но онъ отець мой Вячьславъ, братъ старѣй, а тому его ищу». Ипат. 1151.

Но кіевляне не обратили никакого вниманія на волю Изяслава; они желали имѣть своимъ княземъ его, а не Вячеслава. Изяславъ подчинился народной волѣ и занялъ Кіевъ. Изяславъ былъ младшимъ не только въ родѣ Ярослава, но и въ линіи Владиміра Мономаха. Что же дѣлаютъ старшіе при этомъ нарушеніи приписываемыхъ имъ правъ?

Вячеславъ Владиміровичъ, узнавъ объ утвержденіи племянника въ Кіевѣ, поспѣшилъ занять тѣ города, которые отнялъ у него Всеволодъ, овладѣвъ Кіевской волостью, и только. Лѣтописецъ говоритъ, что Вячеславъ сдѣлалъ это, надѣясь «на свое старшинство». Итакъ «старшинство» Вячеслава легко удовлетворяется захватомъ нѣсколькихъ не важныхъ городковъ и не думаетъ притязать на Кіевъ. Но лѣтописецъ не находитъ возможнымъ одобрить и эти скромныя притязанія старѣйшины. Онъ осуждаетъ старѣйшину за то, что тотъ «не приложилъ чести» къ племяннику и безъ его дозволенія занялъ принадлежавшія къ Кіевской волости города. Изяславъ на этотъ разъ тоже не желаетъ дѣлать уступокъ дядѣ и отбираетъ у него городъ Туровъ. Это случилось въ 1146 году, а въ 1148 году Вячеславъ оказываетъ Изяславу помощь въ войнѣ съ черниговскими князьями. Ипат. Дядя, слѣдовательно, остался доволенъ племянникомъ и призналъ всѣ пріобрѣтенныя имъ права.

Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, старшіе въ родѣ Святослава Ярославича, еще прежде Вячеслава примирились съ новымъ кіевскимъ княземъ. Они признали права Изяслава на Кіевъ, а въ вознагражденіе выговорили себѣ его содѣй-

ствіе для борьбы съ двоюроднымъ братомъ, Святославомъ Ольговичемъ.

Только этотъ Святославъ, родной братъ Игоря, не хотѣлъ мириться съ Изяславомъ, нарушившимъ крестное цѣлованіе къ Ольговичамъ. Не находя союзниковъ въ ближайшихъ родственникахъ, Давыдовичахъ, которые составили планъ отобрать у Ольговичей ихъ отчину, Святославъ обратился къ помощи суздальскаго князя, Юрія Владиміровича, вызывая его овладѣть Кіевомъ и обѣщая свое содѣйствіе.

Кто же возсталъ на младшаго родича Изяслава? Не старшіе, которые вошли съ нимъ въ сдѣлку и примирились, а младшіе. Ясно, кажется, что борьба идетъ не за старшинство, а изъ-за совершенно иныхъ побужденій. Святославъ, иниціаторъ войны, ведетъ ее за брата Игоря и за свою отчину, отнятую у него Изяславомъ и Давыдовичами.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ этой борьбы, которая велась и съ перемѣннымъ военнымъ счастьемъ, и съ перемѣнными союзниками. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ явленіяхъ, характерныхъ для княжескихъ отношеній.

Въ войну Изяслава со Святославомъ Ольговичемъ былъ вовлеченъ и ростовскій князь, Юрій. Но въ первые два года войны онъ не выказалъ большой энергіи. Его помощь союзникамъ была такъ слаба, что въ 1148 году Изяславу удалось заключить союзъ единенія не только съ Давыдовичами, но и съ Ольговичами. Только послѣ того, какъ Изяславъ поссорился съ старшимъ сыномъ Юрія и лишилъ его данныхъ ему въ Русской землѣ городовъ, Юрій началъ энергически дѣйствовать противъ племянника *). Вступивъ съ

---

*) Столкновеніе Ростислава съ отцомъ и кіевскимъ княземъ весьма знаменательно, но никакъ не съ точки зрѣнія патріархальности началъ нашей древней жизни. Старшій сынъ Юрія, Ростиславъ, поссорился съ отцемъ своимъ тоже изъ-за владѣній и перешолъ на сторону противника своего отца. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ:

«Пришелъ бѣ Гюргевичь старѣйшій, Ростиславъ, роскоторався съ отцемъ своимъ, оже ему отець волости не далъ въ Суздальской земли, и приде къ Изясляву Кіеву, поклонився ему, рече: «отецъ мя переo-

многочисленнымъ войскомъ въ Кіевскую волость, Юрій обратился къ Изяславу съ такимъ предложеніемъ:

«Се, брате, на мя еси приходилъ и землю повоевалъ и старѣйшиньство еси съ мене снялъ! Нынѣ же, брате и сыну, Рускыя дѣля земля и хрестьянъ дѣля, не пролейвѣ крови хрестьяньскы, но дай ми Переяславль, ать посажю сына своего у Переяславли, а ты сѣди царствуя въ Кіевѣ! Не хощеши того створити, а за всимъ Богъ». Ипат.

Чрезвычайно знаменательныя слова. Юрій несомнѣнно старѣйшина Изяславу; это признаетъ и самъ Изяславъ. Въ своемъ обращеніи къ сыну Юрія, Ростиславу, онъ говоритъ: «всѣхъ насъ старѣй отець твой, но съ нами не умѣетъ жити». И что же, этотъ несомнѣнный старѣйшина и не думаетъ предъявлять притязаній на Кіевъ, ни для себя, ни для старшаго своего брата, Вячеслава. Онъ уступаетъ Кіевъ младшему, а себѣ требуетъ второстепенной волости, Переяславской. Но это не значитъ, что онъ отказывается отъ ста-

---

бидилъ и волости ми не далъ. И пришелъ есмь нарекъ Бога и тебе, зане ты еси старѣй насъ въ Володимирихъ внущѣхъ, а за Русскую землю хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити».

Изяславъ былъ въ это время въ войнѣ съ Юріемъ и предложеніе ему услугъ сыномъ Юрія является со стороны послѣдняго измѣной не только государю, но и отцу. Изяславъ ласково встрѣтилъ Ростислава и далъ ему нѣсколько городовъ въ Русской землѣ. Но въ послѣдствіи Ростиславъ навлекъ на себя гнѣвъ Изяслава, который и отнялъ у него эти города. Тогда бѣглецъ возвратился къ отцу и сталъ подбивать его къ войнѣ съ Изяславомъ, говоря, что его хочетъ вся Русская земля. Юрій принялъ сторону сына и пошолъ войной на племянника: «тако ли мнѣ части нѣту въ Руськой землѣ и моимъ дѣтемъ!» говоритъ онъ. Чрезвычайно своеобразная семья. Сынъ переходитъ на сторону враговъ отца, потому что отецъ плохо надѣлилъ его. Отецъ радуется успѣху непокорнаго сына, которому удается получить часть въ Русской землѣ, и принимаетъ къ сердцу обиду этого сына, когда его за вину лишаютъ этой части. Въ этой семьѣ все держится на разсчетѣ и не остается, кажется, ни малѣйшаго мѣста самымъ обыкновеннымъ родственнымъ чувствамъ; въ ней не видно ни сына, ни отца, видны какіе-то бездушные, жадные добытчики волостей, для которыхъ чувства семейной любви и привязанности не имѣютъ никакого смысла.

рѣйшинства. Совершенно наоборотъ. Онъ остается въ сознаніи своего старѣйшинства и жалуется на то, что Изяславъ «снялъ съ него старѣйшинство». Что же означаетъ это нарушенное старѣйшинство? Старшинство лѣтъ и родства, которое требуетъ къ себѣ почтенія и которое Изяславъ нарушилъ тѣмъ, что повоевалъ землю дяди.

Итакъ, и Юрій началъ войну не за обладаніе Кіевомъ, а за свою обиду.

Но Изяславъ, отуманенный цѣлымъ рядомъ удачъ, не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшей уступки дядѣ. Юрію пришлось воевать. Естественно, у него возникаетъ вопросъ, кто же долженъ занять Кіевъ въ случаѣ пораженія Изаслава? У Юрія былъ живъ старшій братъ, Вячеславъ; по воззрѣніямъ того времени онъ имѣлъ преимущество предъ младшими братьями. Юрій не искалъ Кіева для себя, онъ уступалъ его даже племяннику; очень понятно, что онъ предложилъ теперь Кіевъ старшему брату, Вячеславу. Ипат. 1151. Возбужденная Изяславомъ война кончилась не въ его пользу, онъ потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ въ 1149 году заключить миръ, по которому отказался отъ Кіева въ пользу Юрія, а Юрій обязался возвратить ему захваченныя имъ новогородскія дани и исполнить другія требованія Изяслава, которыхъ лѣтописецъ точно не обозначаетъ.

Уладившись съ племянникомъ, Юрій приступилъ къ передачѣ Кіева старшему брату, Вячеславу, и послалъ къ нему приглашеніе занять кіевскій столъ. Ипат. 1150. Этотъ поступокъ, совершенно согласный съ существовавшими обычаями, въ силу которыхъ князья свои лучшіе столы обыкновенно назначали старшимъ сыновьямъ, встрѣтилъ противодѣйствіе среди бояръ Юрія. Они говорили своему князю:

«Брату твоему не удержати Кіева; да не будетъ его ни тобѣ, ни оному». Ипат. 1150.

Бояре такъ же мало, какъ и народъ, обращаютъ вниманіе на преимущества старшинства и даже въ такомъ несомнѣнномъ случаѣ, какъ старшинство старшаго брата передъ

младшимъ. Да это и понятно: князья занимаютъ столы не въ силу старшинства, а въ силу умѣнья занять и удержать ихъ за собой. Чтоже дѣлаетъ Юрій? Онъ слѣдуетъ совѣту бояръ, удерживаетъ за собой Кіевъ, а у миролюбиваго Вячеслава отбираетъ даже Пересопницу и Дорогобужъ, оставляя за нимъ одинъ Вышгородъ. Ипат. 1151. Рѣшающимъ началомъ при распредѣленіи столовъ является не право старшинства, а требованія политики.

Война Юрія съ Изяславомъ этимъ не кончилась. Юрій не исполнилъ принятыхъ имъ на себя по отношенію къ племяннику обязательствъ и тѣмъ вызвалъ съ его стороны новыя враждебныя дѣйствія. На этотъ разъ удача была на сторонѣ Изяслава, и Юрій вынужденъ былъ бѣжать изъ Кіева. Вячеславъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ пріѣхать въ Кіевъ и сѣсть на столѣ Ярослава. Онъ могъ это сдѣлать, какъ старшій сынъ Владиміра Мономаха и какъ князь, которому предлагали Кіевъ и племянникъ, Изяславъ, и братъ, Юрій. Но кіевляне по прежнему не хотѣли имѣть его своимъ княземъ и предпочли ему племянника; они говорили Изяславу:

«Гюрги вышелъ изъ Кіева, а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ, а мы его не хочемъ... Ты нашь князь, поѣди же къ святой Софьи, сѣди на столѣ отца своего и дѣда своего». Ипат. 1150.

Возбужденіе кіевлянъ противъ Вячеслава было очень сильно, нѣкоторые предлагали даже Изяславу напасть на дядю, перехватить его дружину, а самого лишить свободы. Это не соотвѣтствовало намѣреніямъ Изяслава, онъ отвѣчалъ:

«Не дай ми того Богъ, язъ не убійца есмь братьи своей; а се ми есть яко отець, стрый свой; а язъ самъ полѣзу къ нему». Ипат. 1150.

Умудренный опытомъ, Изяславъ не питалъ къ кроткому дядѣ, который не разъ оказывалъ ему помощь, ни вражды, ни пренебреженія. Предвидя продолженіе войны съ Юріемъ,

онъ хотѣлъ и на будущее время пользоваться его содѣйствіемъ и съ этою цѣлью хотѣлъ заключить съ нимъ договоръ. Но настоящій моментъ народнаго возбужденія былъ не удобенъ для мирныхъ переговоровъ, а потому Изяславъ, придя къ дядѣ, сказалъ ему:

«Отце! кланяютися. Нелзѣ ми ся съ тобою рядити. Видиши ли народа силу, людій полкъ стояща? А много ти лиха замысливають. А поѣди же въ свой Вышегородъ, оттолѣ же ся хочю съ тобою рядити». Ипат. 1150.

Старый Вячеславъ обидѣлся этимъ вѣжливымъ приглашеніемъ уѣхать изъ Кіева; но дѣлать было нечего, онъ уступилъ Кіевъ племяннику, упрекнувъ его, однако, тѣмъ, что онъ самъ звалъ его въ Кіевъ, и уѣхалъ въ свой Вышегородъ.

Въ томъ же году Изяславъ поѣхалъ къ дядѣ въ Вышегородъ и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Изяславъ хорошо понималъ, что кроткій и уступчивый Вячеславъ не можетъ быть ему опасенъ, а пользу принести можетъ, предоставивъ въ его распоряженіе свою дружину. Онъ сдѣлалъ, поэтому, дядѣ великолѣпное предложеніе — сѣсть въ Кіевѣ. Всѣ хорошо знали, что Вячеславъ не можетъ держаться въ Кіевѣ, и потому Изяславъ, приглашая бездѣтнаго дядю въ Кіевъ, рѣшительно ничѣмъ не рисковалъ. Вся власть по прежнему оставалась въ его рукахъ, дядя получалъ только почотъ. Предлагая дядѣ поѣхать въ Кіевъ, гдѣ никто его не желалъ видѣть, Изяславъ просилъ, чтобы Вячеславъ далъ ему свой полкъ для предстоящей войны съ Юріемъ. Вячеславъ съ удовольствіемъ согласился на всѣ эти предложенія и вступилъ въ дружественный союзъ съ племянникомъ.

«Что, сыну, говорилъ онъ племяннику, у мене дружины моея, вси съ тобою пущаю». Изяславъ же, продолжастъ лѣтописецъ, пріѣха въ Кіевъ, и тако ударя у трубы, съзва кіяны, и пойде изъ Кіева полкы своимы противу Владимиру, тако река: се ми есть ближе, къ тому пойду переже». Ипат. 1150.

Изъ приведеннаго мѣста видно, что въ Кіевѣ распоряжается не Вячеславъ, а Изяславъ. Такъ установилось двоецарствіе въ Кіевской волости, о которомъ мы имѣли уже случай говорить выше. Дѣйствительная власть вся осталась въ рукахъ младшаго князя, несмотря на то, что онъ обязался имѣть Вячеслава отцомъ себѣ. Установленіе двоецарствія въ такой формѣ свидѣтельствуетъ, конечно, не о господствѣ родовыхъ началъ въ нашей древней исторіи, а лишь о политической изворотливости князя Изяслава. Когда онъ находилъ возможнымъ обходиться безъ помощи дяди, онъ не только не предлагалъ ему Кіева, но даже отбиралъ города, принадлежавшіе къ его удѣлу. Съ перемѣной обстоятельствъ, онъ оказываетъ ему почотъ, нисколько, впрочемъ, не умаляющій собственной его роли и значенія.

Новымъ союзникамъ пришлось выдержать весьма упорную борьбу съ Юріемъ Владиміровичемъ. Въ 1151 году имъ удалось, однако, восторжествовать надъ нимъ и принудить его къ миру, по которому Юрій обязался «Кіева подъ Вячеславомъ и подъ Изяславомъ не искати». Ипат. Такимъ образомъ, въ небольшой промежутокъ двухъ лѣтъ, тѣ же самые князья заключили два мирныхъ договора на совершенно противоположныхъ началахъ По миру 1149 года Изяславъ отказывается отъ Кіева въ пользу Юрія, по миру 1151 года, наоборотъ, Юрій отказывается отъ Кіева въ пользу Изяслава. И дядя, и племянникъ, слѣдовательно, одинаково хорошо могутъ занимать Кіевскій столъ, и при этомъ дядя, уступающій Кіевъ племяннику, продолжаетъ оставаться старѣйшиной. Борьба велась не изъ-за старѣйшинства, а изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Юрій двинулся на югъ, желая пріобрѣсти Переяславль; цѣль своей борьбы съ дядею Изяславъ объясняетъ самъ въ словахъ, обращенныхъ къ войску, которое жаловалось на затруднительность своего положенія: съ тылу угрожалъ войску Владиміръ Галицкій, а съ фронта—Юрій.

«Изяславъ же рѣче дружинѣ своей: «вы есте по мнѣ изъ Рускые земли вышли (войско находилось въ Волыни),

своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а язъ паки своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти: но любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь. Да же мя постигнеть Володимеръ съ сѣми, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, а како Богъ разъсудить съ нимъ; паки ли мя усрящеть Гюрги, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, како мя съ нимъ Богъ разсудить». Ипат. 1150.

Изяславъ доискивается для себя — своей отчины, а для преданныхъ ему лицъ — ихъ отчинъ въ Кіевской волости. Онъ достигаетъ своей цѣли и остается кіевскимъ княземъ до смерти своей. Приведенныя слова сказаны Изяславомъ уже послѣ того, какъ онъ заключилъ союзъ съ Вячеславомъ и предоставилъ ему право сѣсть въ Кіевѣ. Текстъ этого союза не дошелъ до насъ, но изъ приведенныхъ словъ видно, что Изяславъ не отказался отъ своей отчины, Кіева и Переяславля; онъ не уступилъ своихъ отчинныхъ правъ дядѣ, а продолжалъ оставаться кіевскимъ княземъ и послѣ «ряда» съ нимъ. Что Вячеславъ не служилъ прикрытіемъ для Изяслава отъ притязаній Юрія, это видно изъ того, что война Юрія противъ племянника продолжалась и послѣ того, какъ Вячеславъ сдѣлался соправителемъ Изяслава.

Установленное Изяславомъ двоецарствіе продолжается и послѣ его смерти. Въ 1154 году, какъ только скончался Изяславъ, сейчасъ же возникъ вопросъ о новомъ князѣ на его мѣсто, такъ какъ Вячеславъ самъ собою не могъ держаться въ Кіевѣ. И Вячеславъ, и мужи княжіе, и кіяне всѣ единогласно сошлись на Ростиславѣ Мстиславичѣ, какъ преемникѣ Изяслава.

«И посадиша въ Кіевѣ Ростислава кіане, говоритъ лѣтописецъ, рекуче ему: «яко же братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Кіевъ твой». Ипат. 1154.

Эти слова бросаютъ яркій свѣтъ и на положеніе Изяслава въ Кіевѣ. Какъ теперь кіевскимъ княземъ становится Ростиславъ, такъ передъ тѣмъ былъ имъ Изяславъ. Вячеславъ тоже считался кіевскимъ княземъ, но для него это

было только почетное званіе, а не дѣйствительное княженіе. Надо отдать справедливость племянникамъ добродушнаго Вячеслава, они такъ были къ нему почтительны, что онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что распоряжается въ Кіевѣ. Вотъ съ какой рѣчью обратился онъ къ Ростиславу:

«Сыну! се уже въ старости есмь, а рядовъ всихъ не могу рядити. А, сыну, даю тебѣ, якоже братъ твой держалъ и рядилъ, тако же и тобѣ даю. А ты мя имѣй отцемъ и честь на мнѣ держи, яко же и братъ твой, Изяславъ, честь на мнѣ держалъ и отцемъ имѣлъ. А се полкъ мой и дружина моя, а ты ряди».

На это Ростиславъ почтительно и не безъ лести отвѣчалъ:

«Велми радъ, господине отце, имѣю тя отцомъ господиномъ, яко же и братъ мой, Изяславъ, имѣлъ тя и въ твоей воли былъ». Ипат. 1154.

Итакъ, по смерти Изяслава, кіевскимъ княземъ дѣлается, по волѣ кіевлянъ и втораго кіевскаго князя, младшій братъ умершаго, Ростиславъ. Это опять преемство не по старшинству. Старшимъ въ это время былъ черниговскій князь, Изяславъ Давыдовичъ. Получивъ вѣсть о смерти Изяслава Мстиславовича, онъ подъѣзжалъ къ Кіеву подъ предлогомъ «оплакать гробъ умершаго». Но этого старѣйшину не пустили въ Кіевъ, опасаясь, что онъ сядетъ на столѣ.

Старше Ростислава былъ и дядя его, Юрій, но объ немъ не вспомнили ни кіевляне, ни родной братъ его, Вячеславъ, ни вновь избранный на кіевскій столъ племянникъ, Ростиславъ. Вспомнили объ немъ черниговскіе князья, Изяславъ, котораго только-что не пустили въ Кіевъ поплакать надъ гробомъ умершаго родственника, и Святославъ Ольговичъ, старинный союзникъ Юрія. Они послали за нимъ въ Суздаль; но для нихъ Юрій былъ не старшій, а младшій. Они звали его, какъ союзника, для борьбы съ кіевскими князьями. Сынъ Юрія, Глѣбъ, дѣйствительно, немедля напалъ на Переяславль. Какъ и при Изяславѣ, Вячеславъ оказываетъ пользу

Ростиславу не старшинствомъ своимъ, которое нисколько не удерживаетъ Глѣба отъ войны съ кіевскими князьями, а дружиной.

Въ самомъ началѣ этой войны Вячеславъ умеръ, а Ростиславъ былъ разбитъ соединенными силами Изяслава Давыдовича и Глѣба Юрьевича и принужденъ бѣжать въ свой Смоленскъ. Кіевъ, недавно имѣвшій двухъ князей, оказался вовсе безъ князя, а у воротъ его стояли половцы, приведенные сыномъ Юрія. Медлить было некогда, надо было спѣшить приглашеніемъ князя-защитника. Изяславъ Давыдовичъ предложилъ Кіеву свои услуги.

«Они же, разсказываетъ о кіевлянахъ лѣтописецъ, боячеся половець, зане тогды тяжко бяше кіяномъ, не осталъ бо ся бяше у нихъ ни единъ князь у Кіевѣ, и послаша кіяне епископа Демьяна каневьского (къ Изяславу), рекуче: «поѣди Кіеву, ать не возмуть насъ половци, ты еси нашъ князь, а поѣди». Ипат. 1154.

Изяславъ не заставилъ себя долго ждать и занялъ кіевскій столъ. Въ лицѣ его сѣлъ, наконецъ, старѣйшина *), но не въ силу своего старшинства, а благодаря стѣсненному положенію кіевлянъ. Чтобы утвердиться въ Кіевѣ, Изяславу надо было удовлетворить Юрія. Онъ вспомнилъ его притязанія на Переяславль и поспѣшилъ отдать эту волость сыну его, Глѣбу. Но съ тѣхъ поръ, когда Юрій впервые заявилъ притязанія на Переяславль прошло много времени и ему удавалось не разъ садиться въ самомъ Кіевѣ. Обезпечивъ себя выгодными союзами со Святославомъ Ольговичемъ, племянникомъ Ростиславомъ и Святославомъ Всеволодичемъ,

*) Изяславъ былъ старѣйшиной среди потомковъ втораго и третьяго сына Ярослава, которымъ и принадлежала первая роль въ Приднѣпровьи. Но старѣе его былъ правнукъ старшаго сына Ярослава, Юрій Ярославичъ. Этотъ дѣйствительный старшина не игралъ, однако, соотвѣтствующей его старшинству роли. Мы даже не можемъ сказать, чѣмъ онъ въ это время владѣлъ. Лѣтопись упоминаетъ о немъ подъ 1149 г. Онъ находился тогда въ войскѣ Юрія и вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, Ростиславомъ, противился заключенію союза съ Изяславомъ.

Юрій отправилъ къ Изяславу посольство съ требованіемъ очистить Кіевъ. «Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ», приказалъ онъ сказать Изяславу.

«Изяславъ же, продолжаетъ лѣтописецъ, присла къ Гюргеви, моляся и кланяяся, река: «ци самъ есмь ѣхалъ Кіевѣ? Посадили мя кіяне! А не сотвори ми пакости! А се твой Кіевъ». Ипат. 1155.

Эти переговоры очень знаменательны; они показываютъ, изъ-за чего у князей идетъ борьба. Сторонники родовой теоріи говорятъ, что князья воюютъ изъ за старшинства. Изяславъ Мстиславичъ и Юрій доискиваются не старшинства, а отчины. Ссылаясь на начало отчины, Юрій отнялъ Кіевъ у старшаго князя и княжилъ тамъ до смерти своей.

Но Изяславъ Черниговскій хотя и не былъ отчичемъ Кіеву, тѣмъ не менѣе не хотѣлъ помириться съ утратою этого города. Княжилъ же тамъ его младшій двоюродный братъ, Всеволодъ Ольговичъ, тоже не отчичъ. Изяславъ сталъ составлять союзы противъ Юрія. Ему удалось склонить на свою сторону Ростислава Мстиславича, недавняго кіевскаго князя, и Мстислава Изяславича, отчича и дѣдича Кіеву. Новые союзники собирались уже выступить къ Кіеву, какъ получено было извѣстіе о смерти Юрія († 1159). Кіевляне, оставшись безъ князя, снова пригласили къ себѣ на столъ Изяслава Давыдовича. На этотъ разъ лѣтописецъ не объясняетъ мотивовъ, какими они руководствовались, но мотивы эти ясны и безъ объясненія: Изяславъ былъ уже кіевскимъ княземъ; кіевское княженье очень ему понравилось, и хотя онъ вынужденъ былъ уступить его Юрію, но вскорѣ за тѣмъ съумѣлъ составить союзъ съ цѣлью добычи Кіева; наконецъ, на его сторонѣ были даже и кіевскіе отчичи и дѣдичи. Начавъ свое княженіе въ Кіевѣ при столь благопріятныхъ условіяхъ, Изяславъ скоро потерялъ его и по своей собственной винѣ. Онъ вмѣшался въ галицкія дѣла съ цѣлью доставить столъ Галицкой волости покровительствуемому имъ Ивану Берладнику. Это произвело раздѣленіе среди его союзниковъ. Большинство изъ нихъ отказа-

лось поддерживать его. Онъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ съ поля битвы, а главный его противникъ, галицкій князь Ярославъ, соединившись съ прежнимъ его соперникомъ Мстиславомъ Изяславичемъ, дядею его, Владиміромъ Мстиславичемъ, вновь доставилъ кіевское княженіе Ростиславу, призванному народомъ въ Кіевъ еще 1154 году. Въ лицѣ Ростислава Кіевъ снова перешелъ къ младшей линіи Ярославичей и къ младшему родственнику. Изгнанный Изяславъ Давыдовичъ приходился дядею Ростиславу.

По смерти Ростислава на Кіевъ, въ силу начала отчины, могли предъявить притязанія: Святославъ Всеволодовичъ, Владиміръ Мстиславичъ, Глѣбъ Юрьевичъ съ братьями и ихъ племянники, Изяславичи и Ростиславичи. Кіевъ достался, однако, не старѣйшему, не дядѣ, а одному изъ племянниковъ, Мстиславу Изяславичу. Это случилось по желанію кіевлянъ и князей союзниковъ Мстислава Изяславича, къ которымъ между прочимъ, принадлежали дяди его, Владиміръ Мстиславичъ и Владиміръ Андреевичъ, родной братъ, Ярославъ, и двоюродные братья Ростиславичи. Но князья-родственники хотѣли дорого продать новому кіевскому князю свое содѣйствіе. Лѣтописецъ говоритъ, что они заключили между собой особый союзъ съ цѣлью взять у Мстислава волости по своей волѣ. Новое указаніе на то, что старѣйшины въ Володиміровомъ племени ищутъ себѣ не Кіева, а придатка къ своимъ собственнымъ удѣламъ. Мстиславъ принялъ мѣры предосторожности; онъ послалъ къ другимъ своимъ «ротникамъ» къ Ярославу Галицкому, къ ляхамъ и къ Всеволодовичамъ (сыновьямъ Всеволода Мстиславича), извѣщая ихъ объ измѣнѣ братьи и прося помощи. При содѣйствіи этихъ союзниковъ Мстиславу удалось уладиться съ остальными и онъ цѣловалъ съ ними крестъ «о волостяхъ». Въ чемъ состояло это соглашеніе, мы не знаемъ; но можно думать, что не всѣ участники были удовлетворены. Первый сталъ замышлять противъ Мстислава дядя его, Владиміръ Мстиславичъ. Но попытка эта не удалась. Онъ не нашелъ сочувствія ни среди князей,

ни среди бояръ своихъ, которые отказались поддерживать его въ войнѣ со Мстиславомъ. Владиміръ вынужденъ былъ искать убѣжища въ далекой Рязани. Послѣ бѣгства Владиміра Мстиславича для новаго кіевскаго князя наступилъ моментъ спокойствія. Въ это время «въ его воли были» даже черниговскіе Ольговичи, старшіе его родственники, среди которыхъ состоялъ и кіевскій отчичъ, Святославъ Всеволодовичъ. Но спокойствіе это было не продолжительно. Со Мстиславомъ разыгралась исторія, весьма напоминающая ту, которая повела къ изгнанію изъ Кіева его прапрадѣда, Изяслава Ярославича. Какъ тогда Святославъ Черниговскій возбудилъ Всеволода Переяславскаго противъ старшаго брата, пославъ сказать ему, что Изяславъ «мыслитъ на наю», такъ теперь Давыдъ Ростиславичъ послалъ сказать брату Рюрику: «Мьстиславъ хочеть наю яти». Мстиславъ, ничего не замышлявшій противъ братьи, согласился еще разъ цѣловать крестъ въ доказательство своей невинности и просилъ выдать ему людей, которые своими навѣтами вызвали подозрѣніе Ростиславичей. Давыдъ отказалъ, говоря: «если я этихъ выдамъ, кто тогда мнѣ что нибудь скажетъ?» Не смотря на новое крестное цѣлованіе, недовѣріе къ Мстиславу продолжало смущать Ростиславичей. «Сердце ихъ не бѣ право съ нимъ», говоритъ лѣтописецъ. У другихъ соперниковъ Мстислава были свои причины неудовольствія. Дядя его, Владиміръ Андреевичъ, сталъ припрашивать у него волости. Мстиславъ отказалъ, ссылаясь на то, что недавно еще надѣлилъ его. Это неудовольствіе ближайшихъ сосѣдей и ротниковъ кіевскаго князя выразилось, наконецъ, въ образованіи противъ него обширнаго союза южныхъ и сѣверныхъ князей. Въ этомъ союзѣ приняли участіе всѣ Ростиславичи, Романъ, Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ, дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичъ, Олегъ и Игорь Черниговскіе и сыновья Юрія, Андрей, Глѣбъ и Всеволодъ. Мстиславъ не могъ справиться съ такой коалиціей и принужденъ былъ очистить Кіевъ, гдѣ союзники посадили Глѣба Юрьевича. Этотъ Глѣбъ былъ отчичемъ Кіеву,

но далеко не старшимъ. Старше его былъ родной братъ его, Андрей *); старше Андрея—Владиміръ Мстиславичъ и Владиміръ Андреевичъ; старше ихъ Олегъ и Игорь Святославичи Черниговскіе; всѣхъ же старше былъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, не принимавшій участія въ коалиціи. За исключеніемъ Владиміра Андреевича и двухъ Святославичей всѣ эти старшіе князья были въ то-же время и отчичами Кіеву. Не смотря на то, что права ихъ нисколько не хуже правъ Глѣба, всѣ они уступили Кіевъ младшему отчичу.

Мы прослѣдили всѣ случаи перехода Кіевской волости съ древнѣйшихъ временъ до 1171 года. По мнѣнію Неволина лишь до этого времени (послѣдней четверти XII столѣтія) «главнымъ основаніемъ къ замѣщенію кіевскаго престола принималось родовое старѣйшинство» (617); а потому мы можемъ остановиться здѣсь. Изъ представленнаго нами обзора историческихъ фактовъ надо сдѣлать какъ разъ противоположное заключеніе. Родовое старшинство не только не принималось главнымъ основаніемъ къ замѣщенію кіевскаго престола, но на него не обращалось почти никакого вниманія. Старшинство служило основаніемъ для притязаній и то далеко не всегда; но притязали на Кіевъ и младшіе. Добывалъ же Кіевъ изъ разныхъ претендентовъ тотъ, который былъ лучше обставленъ. Старшинство же нисколько не мѣшало старшему отказываться отъ Кіева въ пользу младшаго, какъ отказывались отъ него и младшіе.

V. Заключеніе.

Нашей древности былъ совершенно не извѣстенъ какой либо опредѣленный порядокъ преемства столовъ. Столы

*) Годы рожденія сыновей Юрія въ лѣтописи не означены, но старшинство Андрея слѣдуетъ изъ того порядка, въ какомъ они перечислены по случаю раздачи имъ городовъ въ Преднѣпровьи. Они перечислены въ такой послѣдовательности: Ростиславъ, Андрей, Борисъ, Глѣбъ, Василько. Ипат. 1149.

распредѣлялись подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ: народнаго избранія, распоряженія царствующаго князя, начала отчины и даже старѣйшинства, но ни одно изъ этихъ началъ не было настолько сильно, чтобы могло осуществляться само собой и наперекоръ другимъ. Для проведенія одного изъ этихъ началъ въ дѣйствіе необходимо было, чтобы другіе содѣйствовали ему или, по крайней мѣрѣ, не мѣшали. Въ противномъ случаѣ между разнородными началами возникала борьба и торжествующимъ выходило то, представители котораго въ данномъ случаѣ были фактически сильнѣе.

Реальная сила этихъ началъ была далеко неодинакова. Народное избраніе и распоряженіе царствующаго князя всегда имѣли за собой нѣкоторую дѣйствительную силу. Но и они могли встрѣтиться съ болѣе мощною силою и быть вынужденными уступить ей. Въ 1146 году Изяславъ Мстиславичъ занялъ Кіевъ по народному избранію; но въ 1149 году, когда обстоятельства измѣнились и Юрій началъ одолѣвать Изяслава, тѣ же кіевляне стали просить своего избранника уступить Кіевъ Юрію. Дѣдъ этого Изяслава, Владиміръ Мономахъ, еще при жизни своей сдѣлалъ распоряженіе о преемствѣ своихъ владѣній: старшему сыну его, Мстиславу, въ Кіевѣ долженъ былъ наслѣдовать второй сынъ, Ярополкъ; а сыновья Мстислава должны были получить Переяславль. Владиміръ былъ силенъ и могъ приказывать своимъ дѣтямъ. Но исполнять волю его пришлось послѣ его смерти. Младшій его сынъ, Юрій, не подчинился волѣ умершаго отца и прогналъ племянниковъ изъ Переяславля. Ярополкъ хотѣлъ настоять на исполненіи воли завѣщателя, но это ему тоже не удалось и онъ уступилъ Переяславль Юрію.

Вслѣдствіе этого, народу и царствующимъ князьямъ мало было выразить свою волю, имъ надо было скрѣпить ее предварительнымъ согласіемъ наизвозможно большаго числа другихъ факторовъ нашей древней политической жизни. Такъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, желая, по смерти своей, передать кіевскій столъ брату своему Игорю, зару-

чается предварительнымъ согласіемъ кіевлянъ и князей, въ числѣ которыхъ были лица, имѣвшія даже болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ Игорь.

Начало отчины и старѣйшинства имѣетъ за собой еще менѣе реальной силы, чѣмъ воля народа и воля царствующаго князя. Можно представить себѣ отчича въ пеленкахъ. Какіе же у него шансы осуществить свои отчинныя права? Сами по себѣ права эти не дѣйствуютъ, а суда, передъ которымъ можно было бы искать признанія ихъ, небыло. Положеніе такихъ князей-сиротъ было въ древности такъ мало обезпечено, что ихъ приравнивали къ изгоямъ. У старѣйшины такъ же нельзя предполагать непремѣнно наличность необходимой реальной силы для осуществленія какихъ либо наслѣдственныхъ притязаній. У Вячеслава была дружина, но совершенно отсутствовала энергія. Это всѣ знали, и когда Юрію пришла въ голову мысль уступить ему Кіевъ, княжіе мужи возстали, указывая на то, что послѣдствіемъ этого будетъ утрата Кіева и ничего больше. Отчичи и старѣйшины, для осуществленія своихъ желаній, нуждались еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ народъ и царствующіе князья, въ наличности такихъ благопріятныхъ условій, какихъ дѣйствительность могла и не представить.

Такимъ образомъ, тѣ четыре начала, подъ вліяніемъ которыхъ происходило распредѣленіе столовъ, въ дѣйствительности нерѣдко нарушались, и князья занимали столы не въ силу этихъ началъ, а наперекоръ имъ. Такъ Святославъ Ярославичъ, прогнавъ изъ Кіева брата Изяслава, нарушилъ этимъ не только распоряженіе отца, но и начало старѣйшинства; Владиміръ Мономахъ, занявъ Кіевъ по народному избранію, нарушилъ распоряженіе дѣда и постановленіе Любецкаго съѣзда, признавшаго начало отчины; тѣ-же начала нарушилъ и Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій изъ Чернигова дядю Ярослава и пр. и пр. и пр.

Какъ же разсматривались у насъ въ древности такіе случаи?

Случаи эти неодинаковы. Лучшіе изъ нихъ тѣ, когда

князь, занимая извѣстный столъ, имѣлъ за себя хотя бы одно изъ четырехъ началъ, опредѣлявшихъ распредѣленіе столовъ; худшіе, когда онъ ничего не могъ привести въ свою пользу, кромѣ насилія и хищенія.

Наша древность легко примирялась даже съ худшими. Вопіющій примѣръ представляетъ Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій дядю, Ярослава Святославича, изъ Чернигова въ Рязань. Ярославъ былъ отчичемъ Чернигова и находился въ спокойномъ обладаніи этимъ городомъ, который онъ наслѣдовалъ по смерти старшаго брата, Давыда. Всеволодъ, съ точки зрѣнія того времени, не имѣлъ никакихъ законныхъ притязаній на Черниговъ, которыя давали бы ему право искать этотъ городъ подъ дядею. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всѣми признанъ черниговскимъ княземъ. Еще менѣе правъ имѣлъ онъ на Кіевъ, но также былъ всѣми признанъ кіевскимъ княземъ, княжилъ тамъ до смерти и получилъ согласіе даже отчичей Кіева на передачу этого княженія своему брату, Игорю. А многимъ ли лучше этого Всеволода былъ Святославъ Ярославичъ, прогнавшій своего старшаго брата изъ Кіева? Если ему дѣйствительно угрожала опасность со стороны Изяслава, тогда онъ находился въ состояніи обороны и, конечно, могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ. Но былъ ли онъ въ состояніи обороны? Это ничѣмъ не доказано и представляется весьма сомнительнымъ.

Наши старые лѣтописцы хотя очень робко, но осуждаютъ такіе хищническіе захваты волостей. Осужденіе это проявляется въ томъ, что они иначе и объяснить ихъ не могутъ, какъ дьявольскимъ внушеніемъ. Описанію распри Ярославичей начальный лѣтописецъ предпосылаетъ такое замѣчаніе: «въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей». Также точно и описанную выше измѣну союзниковъ Мстислава Изяславича лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что «искони вселукавый дьяволъ, не хотяй добра всякому христіанину и любви межи братьею» и т. д. Но политика того времени легко мирилась со всѣми этими насиліями и хищеніями. Мирилось съ ними даже и духовенство, которое брало на себя грѣхъ

клятвопреступленія. Оно руководствовалось при этомъ самыми лучшими побужденіями, но не могло устранить роковыхъ послѣдствій примиренія съ неправдой. А послѣдствія эти состояли въ томъ, что всякій неправильный захватъ послѣдовавшимъ за тѣмъ примиреніемъ съ заинтересованными въ немъ лицами обращался въ правильно пріобрѣтенное владѣніе; возможность же такого способа расширенія своихъ владѣній разжигала хищническіе инстинкты князей и подталкивала ихъ къ насиліямъ. Распредѣленіе князей по столамъ переходило, такимъ образомъ, въ борьбу князей изъ-за волостей *). Эту борьбу должны были вести даже и тѣ князья, которые имѣли на своей сторонѣ одно или даже нѣсколько изъ указанныхъ выше законныхъ притязаній на столъ. Изяславъ Мстиславичъ былъ отчичемъ Кіева и Переяславля и народнымъ избранникомъ, но и ему пришлось воевать изъ-за обладанія этими городами и съ черниговскими князьями, и съ Юріемъ Владиміровичемъ. Изяславъ самъ понималъ, что онъ сдѣлался обладателемъ этихъ городовъ не столько въ силу права, сколько въ силу умѣнья, а потому онъ и говоритъ о себѣ: «добылъ есмь головою своею Кіева и Переяславля». Ипат. 1149. Но добыть Кіевъ можно было и безъ всякихъ законныхъ основаній, однимъ умѣньемъ. Такъ добылъ его Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій. Эта свободная дѣятельность «добыванія» столовъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію и выражается въ различныхъ терминахъ. Кромѣ слова «добывать» было еще въ употребленіи выраженіе «искать». Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, овладѣвъ Кіевомъ, долженъ былъ подѣлиться съ своими родными братьями, но не умѣлъ придти съ ними въ

*) Авторъ «Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома» отлично зналъ лѣтописи, тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что захватъ волости, благодаря силѣ и удачѣ, есть новое московское явленіе. Этому трудно повѣрить, но такъ у него написано. Разсуждая на 439 стр. о захватѣ сыновьями Юрія Москвы, онъ говоритъ: «ихъ право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи».

этомъ отношеніи къ соглашенію. Они хотѣли получить прирѣзку къ своимъ владѣніямъ въ Черниговской волости, а онъ предлагалъ имъ кіевскіе города. Они отвѣчали ему такъ:

«Ты намъ братъ старишій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати». Ипат. 1142; см. еще 1159.

И затѣмъ между братьями началась война, этотъ обыкновенный способъ исканія волостей.

Въ этомъ же смыслѣ употреблялось и слово «налѣзать». Владиміръ Мономахъ съ такою рѣчью обращается къ Олегу Святославичу:

«Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ»... Лавр. 1096; см. еще Ипат. 1213.

И вотъ въ такомъ то хаотическомъ состояніи и находился вопросъ о распредѣленіи столовъ между князьями во все до-московское время и перешолъ въ московское. Наше древнее право въ Москвѣ переродилось, но разсматриваемый вопросъ подвергся въ ней сравнительно небольшимъ измѣненіямъ. Самое крупное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что съ исчезновеніемъ вѣча избраніе народное отпало. Но за тѣмъ московское правительство не регулировало преемства никакимъ общимъ закономъ и осталось при старыхъ средствахъ, распоряженіяхъ на отдѣльный случай. При возросшей власти московскихъ государей распоряженія эти имѣли, конечно, большую силу, чѣмъ распоряженія кіевскихъ князей, но и московскіе государи еще при жизни своей договаривались съ сосѣдями о будущемъ своемъ преемникѣ. Условіе такого рода находимъ въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ:

«Тебѣ, брату моему молодшему и моему сыну, князю Володиміру Андрѣевичу, держати ти подо мною и подъ моимь сыномъ, подъ княземъ, подъ Василіемъ, и подъ моими дѣтми княженіе мое великое честно и грозно». Рум. собр., I, № 33.

Такое договорное признаніе наслѣдника встрѣчаемъ даже въ царствованіе великаго князя московскаго, Ивана Васильевича, въ самомъ концѣ XV в.

Благодаря цѣлому ряду счастливыхъ случайностей (см. выше стр. 244), начало отчины въ прямой нисходящей линіи получаетъ въ Москвѣ почти безпрепятственное примѣненіе. Но причина этого заключалась не въ выработкѣ новыхъ началъ преемства, неизвѣстныхъ до-московской Россіи, а единственно въ отсутствіи конкуррентовъ-отчичей. Какъ только появились такіе конкурренты, московскіе князья оказались совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ нерѣдко бывали и ихъ отдаленные предшественники, князья кіевскіе. Великаго князя московскаго, Василія Дмитріевича, пережили сынъ и родные братья, отчичи великаго княженія. По примѣру предковъ своихъ, онъ хотѣлъ оставить свой столъ сыну. Но какъ обезпечить за нимъ великое княженіе отъ притязаній братьевъ? Въ его рукахъ были только тѣже средства, какими пользовались князья кіевскіе. Для этого надо было или устранить конкуррентовъ, или войти съ ними въ соглашеніе.

Василій Дмитріевичъ избралъ послѣдній путь, но не могъ склонить на свою сторону всѣхъ братьевъ. Съ нимъ согласились только Андрей и Петръ, которые и заключили договоръ на условіи не искать подъ Василіемъ и его дѣтьми того, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ. Юрій и Константинъ не присоединились къ такому соглашенію. Въ первой духовной грамотѣ Василія Дмитріевича, въ которой онъ передаетъ свою отчину сыну, находимъ такое мѣсто:

«А о своемъ сынѣ и о своей княгинѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ дядѣ, на князи на Володимерѣ Ондрѣевичѣ, и на своей братьи, на князи на Ондрѣѣ Дмитреевичѣ и на князи на Петрѣ Дмитреевичѣ, по докончанью, какъ ся имутъ печаловатися». Рум. собр. I. № 39.

Какъ Мстиславъ Кіевскій около 300 лѣтъ тому назадъ передаетъ заботу о своихъ дѣтяхъ брату Ярополку, такъ и московскій князь поручаетъ сына печалованію братьевъ и

дяди. Причина таже, соглашеніе, къ которому присоединился на этотъ разъ и дядя, Владиміръ Андреевичъ. Во второмъ завѣщаніи, написанномъ, послѣ смерти старшаго сына Ивана, въ пользу слѣдующаго за нимъ Василія, печалованіе возложено и на младшаго брата, Константина; старшаго же, Юрія, и здѣсь нѣтъ. Ясно, онъ продолжалъ упорствовать, не желая признать правъ племянника на великое княженіе и считая себя отчичемъ. Онъ занялъ совершенно тоже положеніе, какъ и отдаленный его родичъ и соименникъ, Юрій Владиміровичъ, не хотѣвшій признать правъ сыновей Мстислава сперва на Переяславль, а потомъ и на великое княженіе Кіевское. Послѣ смерти Василія Дмитріевича, Юрій Дмитріевичъ обнаружилъ свои замыслы, начавъ войну съ племянникомъ изъ-за обладанія великимъ княженіемъ Московскимъ. На сторонѣ Василія Васильевича стояли союзники, доставленные ему еще покойнымъ отцомъ, родные дяди, Андрей, Петръ и Константинъ, и дѣдъ по матери, литовскій князь, Витовтъ. Силы Юрія были слабѣе силъ его противниковъ; въ 1428 году онъ былъ вынужденъ заключить съ Василіемъ миръ, по которому, наконецъ, обязался не искать подъ нимъ наслѣдія его отца. Но Юрій не долго оставался вѣренъ этому вынужденному соглашенію. Въ концѣ 1430 года онъ возобновилъ споръ о великомъ княженіи, возвратилъ Василію крестную грамоту и поѣхалъ въ Орду, думая привлечь на свою сторону татаръ.

Русскій лѣтописецъ называетъ ордынскаго хана царемъ. Русскіе князья изъ рукъ этого царя получали свои владѣнія и били ему челомъ обо всякихъ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли управиться. Такъ поступилъ теперь и князь Юрій, онъ билъ челомъ царю о великомъ княженіи. Царь нарядилъ судъ изъ своихъ князей и повелѣлъ имъ судить князей русскихъ. Истецъ, князь Юрій, и отвѣтчикъ, великій князь Василій, находились на-лицо и защищали свои интересы предъ татарскимъ трибуналомъ. «И многа пря бысть межъ ими», говоритъ лѣтописецъ. Къ сожалѣнію, онъ передаетъ пренія сторонъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи:

«Князь велики, читаемъ у него, по отчеству и дѣдству искаше стола своего; князь же Юрьи лѣтописци и старыми списки и духовною отца своего, великого князя Дмитрія». Воскр. 1432.

Великій князь ссылается въ свою пользу на тоже основаніе, на какое ссылались и князья XII вѣка. Юрій, съ своей стороны, тоже ничего не приводитъ новаго; онъ ссылается на старые прецеденты, записанные въ лѣтописци и старые списки. Мы уже знаемъ, что тамъ были записаны и случаи перехода отчинъ отъ брата къ брату съ устраненіемъ племянниковъ. Эти случаи, конечно, и приводилъ въ свою пользу Юрій. Итакъ, въ XV вѣкѣ вопросъ о наслѣдованіи въ княжескихъ отчинахъ такъ же былъ споренъ, какъ и въ XII-мъ и разъяснялся прецедентами стараго времени.

Кромѣ ссылки на старину, Юрій приводитъ въ свою пользу и завѣщаніе отца. Распредѣливъ владѣнія свои между дѣтьми, Дмитрій Ивановичъ въ своей духовной грамотѣ написалъ:

«А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т.-е. удѣломъ второго сына) подѣлитъ ихъ моя княгиня».

Эта статья, дѣйствительно, говоритъ въ пользу Юрія. Великій князь Василій Дмитріевичъ умеръ, за нимъ слѣдовалъ Юрій, онъ и долженъ получить великое княженіе. Такъ написано.

Но въ самомъ ли дѣлѣ Дмитрій Ивановичъ хотѣлъ такъ написать? Это очень трудно допустить, ибо результатъ получается совершенно несогласный съ обычаями старины и самъ по себѣ нелѣпый. Юрій переходитъ на великое княженіе, а его удѣлъ дѣлится между братьями,—что же получаютъ сыновья Василія? Ровно ничего, точно такъ же, какъ и сыновья Юрія, еслибы и онъ умеръ на великомъ княженіи, ибо, по аналогіи, слѣдующій за нимъ братъ получилъ бы великое княженіе, а удѣлъ этого слѣдующаго раздѣлился бы между другими братьями и т. д. Въ концѣ кон-

цовъ великое княженіе и всѣ остальныя владѣнія Дмитрія Ивановича, или почти всѣ, сосредоточились бы въ рукахъ того изъ младшихъ его сыновей, который пережилъ бы своихъ старшихъ братьевъ, и его потомства съ полнымъ устраненіемъ потомства старшихъ сыновей, умершихъ ранѣе этого младшаго. Такого порядка вещей не могъ желать Дмитрій Ивановичъ. Почему его внуки отъ старшихъ сыновей должны были лишиться всякаго участія въ наслѣдствѣ? Очевидно, въ завѣщаніи описка. Дмитрій Ивановичъ, оставляя послѣ себя очень еще молодыхъ сыновей, думалъ о бездѣтной ихъ смерти. Его мысль слѣдовало выразить такъ:

«А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Василья, а не будетъ у него дѣтей, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой» и т. д.

Надо полагать, однако, что аргументъ Юрія, основанный на буквѣ завѣщанія, показался совѣтникамъ Василія весьма опаснымъ, потому что они перемѣнили тактику и отъ прецедентовъ обратились къ лести ордынскому царю.

«И тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, рече бояринъ вел. князя, Василіа Дмитреевича, царю и княземъ его, сице глаголя: «государь, волный царь, ослободи молвити слово мнѣ, холопу великого князя! Нашь государь, вел. князь Василій, ищеть стола своего вел. княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтеремъ и арлыкомъ, а се твое жалованье передъ тобою. А господинъ нашъ, князь Юрій Дмитреевичь, хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, волного царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого всхощешъ жаловати на твоей воли! А государь нашь, князь великій Василей Дмитреевичь, великое княженіе далъ своему сыну, великому князю Василію, по твоему жалованію волнаго царя, а уже, господине, которой годъ сѣдитъ на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованіи, тебѣ, своему государю, волному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо». Воскр.

Василій Дмитріевичъ выигралъ дѣло и получилъ великое княженіе; но какою цѣной? Цѣной лести и отказа отъ всей старины.

Въ только что приведенной рѣчи бояринъ его, извѣстный И. Д. Всеволожскій, вовсе не настаиваетъ на наслѣдственныхъ правахъ своего государя и рѣшеніе спора ставитъ въ зависимость исключительно отъ воли царя; даже завѣщаніе дѣда своего государя называетъ онъ мертвой грамотой! Этого не слѣдуетъ, конечно, принимать буквально. Рѣчь боярина есть образчикъ судебнаго краснорѣчія XV вѣка, и только. При спорности вопроса съ точки зрѣнія прецедентовъ и буквы завѣщанія, обращеніе къ безусловной волѣ царя, который какъ бы уже одобрилъ переходъ великаго княженія къ сыну покойнаго князя, представлялось весьма ловкимъ ораторскимъ пріемомъ. Въ данномъ случаѣ побѣдила не идея наслѣдственности, дѣйствительно упрочившаяся въ Москвѣ, а признаніе абсолютной власти хана.

Но въ московское время начало отчины дѣлаетъ успѣхи не въ одной Москвѣ, а также и въ удѣлахъ московскихъ, и въ другихъ великихъ княженіяхъ. Оно торжественно гарантируется самими великими князьями московскими въ многочисленныхъ договорахъ, заключенныхъ ими съ сосѣдними великими и удѣльными князьями. Какъ же случилось, что эти наслѣдственныя владѣнія соединились всѣ съ Москвой? Въ силу древняго начала добыванія, для котораго въ московское время возникаетъ новое названіе «примысла». Московскіе государи примышляютъ себѣ и московскія наслѣдственные удѣлы и сосѣднія наслѣдственныя великія княженія. Примышляли и кіевскіе князья, но ихъ примыслы по смерти ихъ всегда распадались на свои составныя части. Дмитрію Ивановичу московскому принадлежитъ великая заслуга, онъ вводитъ начало нераздѣльности великаго княженія. Этому новому началу мы и обязаны образованіемъ недѣлимаго государства. Относящіяся сюда статьи княжескихъ завѣщаній приведены и разобраны въ I т. Рус. юр. древ., стр. 64 и сл.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Служебные князья.

Не всѣ князья Рюриковичи были владѣтельными. Многіе изъ нихъ поступали къ владѣтельнымъ князьямъ въ качествѣ ихъ служилыхъ людей и составили особый классъ служилыхъ или служебныхъ князей. О такихъ служилыхъ князьяхъ находимъ извѣстія съ половины XIII вѣка. Подъ 1258 годомъ лѣтопись упоминаетъ «служилыхъ князей» Даніила Галицкаго; въ 1281 году у волынскаго князя, Владиміра, находимъ воеводу князя Вослонимскаго (Слонимскаго). Ипат. Въ московское время число такихъ служилыхъ князей достигаетъ значительнаго развитія.

Существованіе особаго класса служебныхъ князей возбуждаетъ массу вопросовъ. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, какъ случилось, что прирожденные Рюриковичи перестали быть братьями владѣтельныхъ князей и стали ихъ слугами. За тѣмъ идутъ вопросы о видахъ служилыхъ князей и ихъ отношеніяхъ къ владѣтельнымъ.

Извѣстія до-московскаго времени по всѣмъ этимъ вопросамъ чрезвычайно скудны. Лишь московскіе памятники второй половины XV вѣка проливаютъ на нихъ нѣкоторый свѣтъ.

Среди служилыхъ князей необходимо различать два вида: князей, ровно ничего неимѣвшихъ, и князей, обладавшихъ наслѣдственными отчинами.

Уже съ глубокой древности мы встрѣчаемъ князей безъ владѣній. Причины такого факта очень различны, но главнымъ образомъ сводятся къ политическому соперничеству владѣтельныхъ князей и стремленію ихъ лишить владѣній своихъ сосѣдей. Такъ Ярополкъ Кіевскій лишаетъ владѣній брата своего, новогородскаго князя, Владиміра; Ярославъ Мудрый дѣлаетъ тоже по отношенію къ своему брату, псковскому князю Судиславу; тоже дѣлаютъ и сыновья его, Святославъ и Всеволодъ, по отношенію къ старшему ихъ брату, Изяславу, князю кіевскому, и т. д. Примѣры безчисленны. Положеніе такихъ лишонныхъ своихъ отчинъ князей чрезвычайно различно. Нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ владѣніями теряютъ и свободу; такъ Ярославъ Мудрый заключилъ Судислава въ тюрьму; такъ же поступилъ съ своимъ братомъ, Андреемъ, и великій князь московскій, Иванъ Васильевичъ. Другіе—спасаютъ свою свободу бѣгствомъ, переживаютъ свое безвременье, скрываясь у родственниковъ и пріятелей, а за тѣмъ, при измѣнившихся въ ихъ пользу обстоятельствахъ, появляются вновь на политической сценѣ, отыскиваютъ отчины и утверждаются въ нихъ. Такъ Владиміръ святой не только возвратилъ себѣ Новгородъ, но и добылъ всѣ владѣнія старшаго брата, Ярополка. Отъ московскаго времени имѣемъ любопытную договорную грамоту двухъ такихъ лишонныхъ своихъ отчинъ князей, Ивана Андреевича Можайскаго и сына Василія Ярославича Серпуховскаго, Ивана Васильевича. Эти князья заключили между собой договоръ «доставати своихъ отчинъ и дѣдинъ». А. Э. I. № 70, 1461. Наконецъ, бывали и случаи поступленія на службу такихъ обдѣленныхъ отчичей къ владѣтельнымъ князьямъ, отъ которыхъ они ожидали за свою услугу всякихъ милостей, а прежде всего, конечно, помощи для возстановленія ихъ нарушенныхъ правъ. Примѣръ этому даетъ Давыдъ Всеславичъ, линіи полоцкихъ князей. По смерти Всеслава Полоц-

каго († 1101) среди сыновей его возникли весьма обыкновенные споры изъ-за наслѣдства. Одинъ изъ Всеславичей, Давыдъ, былъ обдѣленъ и поставленъ въ необходимость искать покровительства у Ярославичей. Въ 1103 году мы встрѣчаемъ его въ войскѣ внуковъ Ярослава во время похода ихъ противъ половцевъ. Это была, конечно, служба его Ярославичамъ. Въ слѣдующемъ году Ярославичи предприняли походъ къ Минску, гдѣ сидѣлъ братъ Давыда, Глѣбъ; Давыдъ принималъ участіе и въ этомъ походѣ противъ своего родного брата. Это общее предпріятіе Ярославичей противъ одного изъ полоцкихъ князей можно разсматривать, какъ актъ ихъ содѣйствія Давыду въ отысканіи отчины. При дробности владѣній до-московскихъ князей и маломъ развитіи ихъ поземельной собственности, награда за службу служилыхъ князей, по всей вѣроятности, обыкновенно и состояла въ содѣйствіи къ возвращенію утраченныхъ ими владѣній. Но уже въ кіевской Руси встрѣчаемся со случаемъ награжденія служилаго князя городами. Мы имѣемъ въ виду назначеніе Изяславомъ Кіевскимъ племяннику своему, Ростиславу Юрьевичу, нѣсколькихъ городовъ на Волыни. Лѣтописецъ (Ипат. 1148) чрезвычайно кратокъ и не сообщаетъ никакихъ подробностей относительно условій этого назначенія. Но совокупность всѣхъ обстоятельствъ дѣла даетъ поводъ думать, что для Ростислава Юрьевича не удѣлъ былъ выдѣленъ на Волыни, а онъ получилъ тамъ города въ кормленіе. Ростиславъ, обиженный отцомъ, пріѣхалъ къ Изяславу съ предложеніемъ услугъ: потрудиться на пользу Русской земли и подлѣ него ѣздить. Ростиславъ не требуетъ себѣ волости, онъ предлагаетъ только услуги. Изяславъ принимаетъ услуги и даетъ Ростиславу волость. На какомъ условіи? Надо полагать, на условіи вѣрной службы. Изяславу не было никакой надобности давать больше, чѣмъ у него просили; надѣлять Ростислава удѣломъ и вступать съ нимъ въ союзъ единенія, какъ самостоятельнымъ княземъ, и тѣмъ связывать свободу своихъ дѣйствій не было причины.

Московскіе великіе князья охотно принимали къ себѣ

на службу не только обдѣленныхъ Рюриковичей, но и Гедеминовичей и татарскихъ царей и царевичей. Насколько такіе выходцы были имъ пріятны, можно судить по тѣмъ богатымъ пожалованіямъ, которыми они награждались. Особенно щедро одаренъ былъ литовскій князь, Свидригайло Ольгердовичъ. Онъ пріѣхалъ служить Василію Дмитріевичу не одинъ, его сопровождали брянскій владыка, Исакій, и шестеро князей: Патрикѣй и Александръ Звенигородскіе, Ѳедоръ Путивльскій, Семенъ Перемышльскій, Михаилъ Хотѣтовскій и Урустай Менскій. Съ этими князьями пріѣхало множество бояръ: черниговскихъ, брянскихъ, стародубскихъ, любутскихъ и рославскихъ.

«Князь же великій, говоритъ лѣтописецъ, пріатъ его съ честію и дасть ему градъ Володимерь съ всѣми волостми и съ пошлинами, и съ селы, и съ хлѣбомъ, такъже и Переславль потому же, и Юрьевъ-Польскій, и Волокъ-Ламскій, и Ржеву, и половину Коломны». Воскр. 1408.

Но и лѣтописецъ начала XV вѣка не объясняетъ, на какихъ правахъ получилъ Свидригайло это громадное пожалованіе. Надо полагать, что въ то время это было всѣмъ хорошо извѣстно, а потому и не нуждалось въ объясненіи. Карамзинъ думаетъ, что Свидригайло получилъ Владиміръ и другіе города «въ удѣлъ» (V, 109). Это очень сомнительно. Ближе, кажется намъ, къ истинѣ Соловьевъ, который видитъ въ этомъ пожалованіи кормленіе (IV, 40). Можно, однако, думать, что здѣсь больше, чѣмъ кормленіе. Свидригайлѣ дана не только доходная должность, но и села съ хлѣбомъ, т.-е. ему пожалована земля. И то, и другое дано, конечно, условно, пока Свидригайло будетъ служить великому князю.

Можно себѣ представить, какой переполохъ должно было произвести въ средѣ великокняжескихъ служилыхъ людей это вторженіе литовскихъ пришлецовъ, пожалованныхъ лучшими городами и многочисленными волостями и селами въ ущербъ имъ, стариннымъ слугамъ!

Не мало получали и татарскіе цари и царевичи. Махметъ

Аминь, посаженный Иваномъ Васильевичемъ на Казанское царство, вынужденъ былъ, въ 1469 году, блюдяся измѣны отъ своихъ князей, бѣжать изъ Казани. Онъ «выбѣжалъ» къ покровителю своему, московскому государю, и получилъ отъ него «Каширу, да Серпуховъ, да Хотунъ съ всѣми пошлинами» (Воскр. 1496). Это извѣстіе еще короче предшествующаго. Оно говоритъ только о назначеніи Махмету Аминю городовъ, конечно, въ кормленіе, но не упоминаетъ о пожалованіи ему земель; а онъ и земли получилъ, которыми не только пользовался на себя, но и дарилъ другимъ *).

Такія крупныя пожалованія кормленіями и землями объясняются важностью пожалованныхъ лицъ. Свидригайло — родной братъ польскаго короля, Ягайлы, и соперникъ Витовта, великаго князя литовскаго; Махметъ Аминь—бывшій и будущій казанскій царь. При надѣленіи ихъ, конечно, предусматривалось, что это щедрое пожалованіе дается на время, а не навсегда. Такъ оно и было въ дѣйствительности.

Другой литовскій выходецъ, князь Александръ Нелюбъ, пріѣхавшій въ 1406 году со множествомъ литвы и ляховъ служить Дмитрію Ивановичу, получилъ отъ него Переяславль. Князю Ѳедору Ивановичу Бѣльскому, вынужденному такъ поспѣшно оставить Литву, что онъ и жены своей не успѣлъ захватить, Иванъ Васильевичъ далъ городъ Демонъ «въ вотчину» да Мареву со многими волостьми (Воскр. 1406, 1482).

Относительно формальностей, какими сопровождалось поступленіе на службу такихъ безудѣльныхъ князей, мы не встрѣтили въ источникахъ никакихъ указаній. Можно думать, что при ихъ опредѣленіи соблюдался тотъ же порядокъ, какой имѣлъ мѣсто и при поступленіи на службу

*) Изъ акта, напечатаннаго у Ѳедотова-Чеховскаго, видно, что онъ пожаловалъ Троицкому на Пескахъ монастырю лѣсъ съ правомъ перезывать крестьянъ на льготахъ. № 57.

вольныхъ слугъ (о чемъ была рѣчь въ I т., Юр. древн., стр. 308 сл.), т.-е. они цѣловали крестъ на вѣрность службы, а владѣтельный князь обѣщалъ любить ихъ и жаловать. Нѣтъ основанія думать, чтобы это могло быть иначе. Нѣкоторое подтвержденіе этому предположенію о единствѣ условій служебнаго положенія вольныхъ слугъ и безземельныхъ князей можно видѣть въ духовной грамотѣ Василія Васильевича, въ которой князья, бояре и дѣти боярскіе, получившіе отъ князя села въ жалованье, ничѣмъ не различены между собой; объ нихъ рѣчь идетъ, какъ объ одномъ и томъ же разрядѣ слугъ.

Возникновеніе служилыхъ князей вотчинниковъ, надо полагать, относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ возникновеніе разряда безземельныхъ служилыхъ князей. Въ силу начала преемства по отчинѣ уже въ глубокой древности должны были появиться очень мелкіе владѣтельные князья-отчинники. При господствѣ хищнической политики въ междукняжескихъ отношеніяхъ древней Руси положеніе такихъ мелкихъ отчинниковъ было очень трудное. Въ домосковское время не было столь крупныхъ владѣній, князья которыхъ могли бы оказывать мелкимъ владѣльцамъ постоянное покровителиство и помощь, а потому имъ ничего не оставалось, какъ искусно лавировать среди опасностей и поддерживать неприкосновенность своихъ владѣній союзами единенія съ сосѣдями. Съ возникновеніемъ Литовскаго государства на западѣ и Московскаго на сѣверо-востокѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Въ рукахъ великихъ князей московскаго и литовскаго соединилась уже достаточная сила для того, чтобы они могли оказывать покровительство и защиту мелкимъ князьямъ-отчинникамъ. Возможность такого покровительства и вызывала поступленіе ихъ на службу къ великимъ князьямъ московскимъ и литовскимъ. Положеніе такихъ служилыхъ князей вотчинниковъ существенно отличается отъ положенія безземельныхъ служилыхъ князей. Они поступаютъ на службу не съ голыми руками, не лично только, но и съ своими отчинами. Отчины ихъ присоеди-

няются къ территоріи владѣтельнаго князя, на службу котораго они поступаютъ, но владѣтельный князь оставляетъ въ ихъ рукахъ судъ и управленіе въ этихъ отчинахъ и гарантируетъ имъ наслѣдственное ими владѣніе. Развитіе этого института въ Московскомъ государствѣ шло очень медленно. У Дмитрія Ивановича есть уже служебные князья, ему служитъ воеводой волынскій князь, Дмитрій Михайловичъ; но нѣтъ указаній, чтобы эти князья имѣли свои отчины. Изъ этого надо заключить, что князей вотчинниковъ на службѣ Дмитрія Ивановича или вовсе не было, или что число ихъ было крайне незначительно. Первое указаніе на служилыхъ князей съ отчинами относится къ царствованію Василія Дмитріевича. Они упоминаются въ его договорѣ съ Тверью. Мелкіе торусскіе и новосильскіе князья были въ его время еще владѣтельными и состояли съ великимъ княземъ въ договорѣ единенія и любви, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему думать о пріобрѣтеніи Торусы (Рум. собр. I, № 36).

Въ договорахъ Ивана Васильевича и его сына встрѣчаемъ уже постоянныя указанія на служихъ князей съ вотчинами.

Лѣтописныя извѣстія очень отстаютъ отъ договоровъ. Ихъ первыя свѣдѣнія о служилыхъ князьяхъ съ вотчинами не восходятъ далѣе 1490 года. Въ этомъ году

«Пріѣде служити къ великому князю Ивану Васильевичу на Москву князь Дмитрей Федоровичь Воротынскій и съ своею отчиною отъ литовскаго короля Казимира. Того же лѣта пріѣхаша отъ короля Казимира къ великому князю Ивану Васильевичу служити князь Иванъ Михайловичь Перемышльской и съ своею отчиною и князь Иванъ Бѣльской съ своею братьею и съ своими отчинами». Воскр.

Поступленіе на службу съ отчиной есть актъ добровольный. Князь отчинникъ, желающій служить владѣтельному князю, бьетъ ему челомъ о принятіи его на службу вмѣстѣ съ отчиной. Владѣтельный князь изъявляетъ свое согласіе и «жалуетъ» челобитчика его же отчиной. Свободная отъ

служебныхъ обязательствъ отчина становится съ этого момента владѣніемъ условнымъ, принадлежащимъ прежнему отчичу до тѣхъ только поръ, пока онъ служитъ. Отчина служилаго князя превращается, такимъ образомъ, въ помѣстье.

Необходимымъ слѣдствіемъ такого превращенія вотчины въ помѣстье является ограниченіе права распоряженія такихъ новыхъ вотчинниковъ своими вотчинами и соотвѣтствующія измѣненія въ порядкѣ наслѣдованія по закону. Въ случаѣ бездѣтной смерти служилыхъ князей вотчины ихъ поступали въ распоряженіе правительства; онѣ не могли быть отчуждаемы владѣльцемъ постороннимъ лицамъ. Эта мысль высказана, хотя и не очень точно и ясно, послами короля Казиміра къ Ивану Васильевичу:

«Предкомъ нашимъ, великимъ княземъ, тыхъ князей (служилыхъ съ вотчинами) предки докончали и присягу дали служити къ великому князству Литовскому и съ своими отчинами не отступно. А по которымъ дѣломъ Божіимъ, естли бы ихъ дѣтей не было отрода, ино ихъ отчинамъ земли не отступити отъ великаго князства Литовскаго». Сбор. имп. русск. истор. общ. XXXV. 48.

Подобнаго рода ограниченія встрѣчаются и въ московскихъ памятникахъ, но гораздо болѣе точныя и ясныя. Законными наслѣдниками княженецкихъ вотчинъ признавались въ Москвѣ только сыновья владѣльцевъ. Если сыновей не было, вотчины умершихъ поступали къ государю. Женѣ своей умершій могъ отказать вотчину, но только по ея «животъ»; въ пользу дочерей ничего нельзя было завѣщать изъ вотчинъ; въ пользу боковыхъ родственниковъ—только съ соизволенія государя. Хотя о приведенныхъ ограниченіяхъ рѣчь идетъ въ указахъ XVI вѣка, но надо думать, что они возникли гораздо ранѣе, и если не единовременно съ возникновеніемъ самаго класса служилыхъ людей съ вотчинами, то никакъ не позднѣе царствованія великаго князя Ивана Васильевича. Ограниченія эти совершенно совпадаютъ съ тѣми, которыя были установлены этимъ княземъ для наслѣдованія въ нисходящей линіи его младшихъ сыновей (I т.

Русск. юрид. древн., стр. 76), а потому трудно думать, чтобы онъ не принялъ соотвѣтственныхъ мѣръ и по отношенію къ отчинамъ служилыхъ князей, если только при первомъ ихъ возникновеніи положеніе ихъ не было опредѣлено съ достаточной подробностью и точностью.

Первоначально актъ поступленія на службу облекался въ форму договора съ обоюднымъ крестнымъ цѣлованіемъ. Владѣтельный князь обязывался блюсти отчину служилаго и жаловать его, служилый—служить ему неотступно.

Такъ было въ Литвѣ. Въ 1490 году въ Москву прибыло посольство отъ короля польскаго и великаго князя литовскаго, Казиміра. Послу, между прочимъ, приказано было сказать великому князю московскому отъ имени короля:

«Князь Иванъ Васильевичъ Бѣлевски, такожъ и князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій намъ служили и съ своими отчинами и докончаніе и присягу намъ дали служить имъ намъ къ нашому панству, къ великому княжству Литовскому, и съ своими отчинами неотступно, по тому какъ ихъ отцы съ нами докончали и присягу намъ дали, и держали то, аже до своее смерти». Сбор. им. рус. истор. общ. XXXV, 47.

Въ словахъ королевскаго посла главное вниманіе обращено на обязанности служилыхъ князей; обязанности короля остаются въ тѣни. Изъ дальнѣйшихъ словъ посла видно, что князья литовскіе награждали такихъ слугъ «изъ ласки въ службу» городами и вотчинами. Но дѣлали они это по доброй своей волѣ, или потому, что обязывались «жаловать», — этого не видно. Для пополненія картины, сдѣлаемъ выписку изъ грамоты служилаго князя Семена Ѳедоровича Воротынскаго къ великому князю литовскому, Александру, въ которой онъ объясняетъ причины своего отъѣзда въ Москву:

«.. служилъ есми отцу твоему, государю своему великому князю, Казимиру, и былъ есми, господине, у твоего отца, государя моего, у крестномъ цѣлованьи, а отецъ твой, господине, былъ у мене у крестномъ цѣлованьи на

томъ, што было отцу твоему, осподарю нашему, за отчину за нашу стояти и боронити отъ всякого. Ино, господине, вѣдомо тебѣ, что отцина моя отстала. И отецъ твой, господине, государь нашъ, за отчину мою не стоялъ и не боронилъ; а мнѣ, господине, противъ моей отчины городовъ и волостей мнѣ не измыслилъ... И твоя милость, господине, меня не жаловалъ, города не далъ и въ доконченья не принялъ». Сборн. импер. рус. истор. общ. XXXV, 84.

Итакъ, обѣ стороны принимаютъ на себя обязательства и скрѣпляютъ ихъ присягой. Служилые князья, недовольные литовскими государями, отъѣзжаютъ въ Москву. Надо думать, что они мѣняли худшее на лучшее; а это приводитъ къ заключенію, что московскіе великіе князья такъ же принимали на себя обязательства блюсти ихъ отчины и жаловать и цѣловали къ нимъ крестъ. Къ счастью, до насъ дошелъ и одинъ полный договоръ служилаго князя съ владѣтельнымъ отъ половины XV-го вѣка. Рум. собр. I. № 80. Мы разумѣемъ договоръ суздальскаго князя, Ивана Васильевича, съ великимъ княземъ московскимъ. Онъ отличается, всѣми указанными признаками договоровъ служилыхъ князей—отчинниковъ съ владѣтельными.

Еще въ 1390 году великій князь московскій, Василій Дмитріевичъ, овладѣлъ подъ дѣтьми и законными наслѣдниками суздальскаго князя, Дмитрія Константиновича, всѣмъ его княженіемъ въ составѣ городовъ: Суздаля, Нижняго, Городца, Вятки. Во время борьбы Дмитрія Шемяки съ Василіемъ Васильевичемъ былъ моментъ, когда Шемяка призналъ наслѣдственныя права на Суздаль за правнуками Дмитрія Константиновича, Василіемъ и Ѳедоромъ Юрьевичами (Рум. собр. I, № 62). Но это признаніе едва ли имѣло какое практическое значеніе. Сынъ Василія Юрьевича, Иванъ, отказался отъ наслѣдственныхъ правъ на Суздальское княженіе, выдалъ великому князю московскому всѣ ханскіе ярлыки на Суздаль, Новгородъ-Нижній, на Городецъ и на все Новугородское княженіе, какіе только у него были, и билъ челомъ великому князю на службу. Вотъ при этихъ

то обстоятельствахъ и былъ заключенъ договоръ, о которомъ мы только-что упомянули. Договоръ написанъ въ формѣ двухъ грамотъ и скрѣпленъ присягою обѣихъ сторонъ. Но это договоръ слуги и господина, а не равноправныхъ князей-братьевъ. Условія о братствѣ, поэтому, нѣтъ; суздальскій князь не называетъ даже братомъ Василія Васильевича, а только господаремъ, какъ и въ выше приведенной грамотѣ Воротынскій князь. Онъ отказывается отъ всякихъ самостоятельныхъ сношеній съ другими князьями и обязывается служить великому князю неотступно. Въ случаѣ нарушенія этого условія, суздальскій князь впередъ отказывается отъ удѣла и вотчины, чѣмъ его великій князь пожаловалъ,—въ пользу великаго князя и его дѣтей. За такую неотступную службу великій князь жалуетъ его частью его наслѣдственной отчины, обѣщаетъ блюсти эту часть подъ нимъ и подъ его дѣтьми и предоставляетъ ему право суда и управленія, даже военнаго, въ предѣлахъ этой отчины.

Лично Иванъ Васильевичъ Суздальскій сохраняетъ полную свободу, онъ можетъ даже отъѣхать отъ московскаго князя. Этимъ онъ нарушаетъ свою клятву, а потому будетъ подлежать отвѣтственности предъ духовною властью, которая наложитъ на него «тягость церковную, неблагословеніе». Но передъ свѣтскимъ судомъ онъ не отвѣтственъ лично, а только имущественно: онъ теряетъ свою отчину. Это и значитъ «служити съ отчиной». Вотъ почему въ договорахъ владѣтельныхъ князей мы постоянно встрѣчаемъ условіе о неотъѣздѣ служилыхъ князей съ ихъ вотчинами:

«А князей ти моихъ служебныхъ, читаемъ въ договорѣ Василія Васильевича съ дядей, Юріемъ, съ вотчиною собѣ въ службу не приимати; а которыи имутъ тобѣ служити, а имъ въ вотчину въ свою не въступатися» *).

Это условіе является, такимъ образомъ, только отголос-

*) Рум. собр. I. № 43, ср. еще № 49, 52—3, 61, 64, 91, 133 и др.

комъ особаго соглашенія, состоявшагося между владѣтельнымъ княземъ и служилымъ.

Служебные князья съ вотчинами поступали на службу, кажется, только къ великимъ князьямъ, а не къ удѣльнымъ. На такое заключеніе наводитъ то обстоятельство, что въ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими только первые берутъ на себя обязательство служилыхъ князей князя великаго съ вотчинами не принимать. Еслибы служебные князья съ вотчинами были и у удѣльныхъ, это обязательство должно было бы быть двустороннее, что, дѣйствительно, и имѣетъ мѣсто въ договорахъ великихъ князей московскихъ съ великими князьями тверскими *). Указанная особенность легко объяснима. Такъ какъ служилые князья отказываются отъ своей независимости изъ-за покровительства и жалованья, то понятно, что имъ слѣдовало поступать на службу къ великимъ князьямъ, которые могли оказать имъ и то, и другое, а не къ удѣльнымъ, которые сами нуждались и въ покровительствѣ, и въ жалованьи **).

Условіе о не пріемѣ слугъ съ вотчинами включалось и

---

*) Рум. собр. I. № 43, 49, 52—3, 61, 64, 76, 91.

**) Мы утверждаемъ только, что служилые князья съ отчинами обыкновенно поступали на службу великихъ князей, а не удѣльныхъ; а не то, что удѣльные князья права не имѣли принимать на свою службу князей съ отчинами. Этому мнѣнію нашему не противорѣчитъ договоръ Василія Дмитріевича съ Михаиломъ Тверскимъ. А. А. Э. I. № 14. По этому договору тверской князь обязывается не принимать служебныхъ князей съ вотчинами великаго князя московскаго и его братіи. Здѣсь служилые князья предполагаются и у удѣльныхъ. Случай, конечно, возможный, но насколько такіе случаи были рѣдки, видно изъ того, что въ договорѣ съ Тверью преемника Василія Дмитріевича о служебныхъ князьяхъ съ вотчинами у князей удѣльныхъ уже не упоминается. Рум. собр. I. № 76. Иванъ Васильевичъ отказываетъ едва ли не всѣхъ своихъ служилыхъ князей съ вотчинами старшему сыну, Василію, къ его великому княженію. Рум. собр. I. № 144. На стр. 393 ему отказаны служебные князья въ Московской и Тверской землѣ, на 390—князья Новосильскіе, Одоевскіе и Бѣлевскіе съ своими дѣтьми и вотчинами; кромѣ того ему же отказаны — Арскіе князья въ Вятской землѣ и Мордовскіе тоже съ вотчинами.

въ договоры великихъ князей московскихъ съ литовскими *). Но оно, какъ и многія другія условія договоровъ, плохо соблюдалось, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушеніе его требовалось по соображеніямъ политики. Иванъ Васильевичъ охотно принималъ къ себѣ литовскихъ выходцевъ съ вотчинами. Онъ считалъ нужнымъ только формально заявлять объ этомъ великому князю литовскому. Въ 1493 году послы его заявили о переходѣ въ Москву разомъ пяти князей съ вотчинами: Семена Воротынскаго, Андрея и Василья Бѣльскихъ, Михаила Мезецкаго и Андрея Вяземскаго. Но служилые князья литовскіе отъѣзжали въ Москву не только съ своими вотчинами, но и съ жалованьемъ литовскихъ князей, которое получили отъ нихъ «изъ ласки въ службу». Такъ поступили князья Воротынскіе, Можайскій и Шемячичъ. Безудѣльные московскіе князья, Семенъ Ивановичъ, сынъ Ивана Можайскаго, и Василій Ивановичъ, внукъ Шемяки, отъѣхали въ Литву и были ласково приняты литовскими князьями, надѣлившими ихъ городами и волостями. Въ 1500 году оба они ударили челомъ Ивану Васильевичу въ службу «съ вотчинами», какъ называетъ лѣтописецъ пожалованные имъ города и волости. Челобитчики были не довольны притѣсненіями въ греческомъ законѣ. Несмотря на вопіющую неправду этого челобитья **), великій князь милостиво принялъ челобитчиковъ съ вотчинами, послалъ разметную грамоту литовскому князю и поспѣшилъ захватить Брянскъ и Путивль, гдѣ, вѣроятно, находились пожалованные имъ города и волости. Воскр. 239.

Служилымъ князьямъ, по всей вѣроятности, очень хорошо жилось въ Московскомъ государствѣ. Они проводили время въ своихъ вотчинахъ, гдѣ пользовались обширными правами по суду и управленію и даже имѣли въ своемъ

---

*) Сбор. имп. рус. ист. общ. XXXV, 48.

**) Московскіе бѣглецы могли, конечно, отъѣхать, но не имѣли никакого права бить челомъ московскому государю пожалованными имъ изъ ласки вотчинами.

распоряженіи мѣстную военную силу. Лѣтописецъ, описывая подъ 1507 годомъ нападеніе татаръ на бѣлевскія и одоевскія мѣста, говоритъ, что ихъ отразили воеводы великаго князя, и прибавляетъ:

«А и своихъ отчинъ служилые князи, князь Василей Одоевской да князь Иванъ Воротынской, ходили за ними да ихъ побили...»

Цѣлая картина въ двухъ словахъ! Служилые князья живутъ въ своихъ наслѣдственныхъ отчинахъ, судятъ, рядятъ, имѣютъ своихъ слугъ и свое войско, и сами имъ предводительствуютъ, когда оказывается нужнымъ помогать воеводамъ великаго князя.

Таково первоначальное положеніе служилыхъ князей съ вотчинами. Съ теченіемъ времени оно подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ. Первое измѣненіе произошло въ порядкѣ поступленія ихъ на службу. Двусторонняя клятва замѣнилась односторонней, которую приносилъ служилый князь. Произошло, это, можно думать, во второй половинѣ XV вѣка. Изъ приведенной выше грамоты князя С. Ѳ. Воротынскаго видно, что онъ былъ въ обоюдномъ цѣлованіи съ отцомъ великаго князя литовскаго, Александра; но самъ Александръ въ докончаніе его не принялъ. Здѣсь мы и усматриваемъ переломъ въ отношеніяхъ служилыхъ князей къ владѣтельнымъ. Великій князь Александръ, надо думать, отказался цѣловать крестъ Воротынскому; это и значитъ «въ докончаніе его не принялъ». Около того же времени, по всей вѣроятности, произошла такая же перемѣна и въ Московскомъ государствѣ. Очень трудно допустить, что бы Иванъ Васильевичъ самъ цѣловалъ крестъ къ служилымъ князьямъ. Отъ времени же царствованія сына его имѣемъ и довольно ясное указаніе на то, что онъ приказывалъ приводить къ присягѣ служилыхъ князей, а не вступалъ съ ними въ докончаніе.

«Тое же зимы, разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1508 годомъ, отъѣха отъ короля, отъ Жидимонта, князь Ми-

хайло Глинской и прислалъ бити челомъ въ службу великому князю, Василію Ивановичю, всеа Руси. И князь велики пожаловалъ его, принялъ къ себѣ съ вотчиною и послалъ къ нему діака своего, Губу Моклокова, и къ цѣлованію его привелъ на томъ, что ему служити и добра хотѣти во всемъ государю, великому князю, Василію Ивановичу, всеа Руси». Воскр.

Это, конечно, одностороннее цѣлованіе; но оно не исключаетъ обѣщанія отъ имени великаго князя блюсти вотчину новаго слуги и жаловать его. Перемѣна произошла больше въ формѣ, чѣмъ въ существѣ дѣла. Нѣтъ указаній, чтобы владѣтельные князья цѣловали крестъ къ своимъ вольнымъ слугамъ, но они обѣщали же любить ихъ и жаловать, иначе не было бы и повода къ поступленію на службу. Но измѣненіе формы должно было повліять и на самое существо дѣла, что и случилось.

Въ царствованіе великаго князя Ивана Васильевича можно уже наблюдать нѣкоторое дальнѣйшее измѣненіе исконныхъ правъ служилыхъ князей съ вотчинами. Ему, по всей вѣроятности, не нравилась наличность значительнаго количества слугъ, пустившихъ глубокіе корни въ почву и состоявшихъ въ старинной и тѣсной связи съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ его духовной можно найти указаніе на то, что онъ переводилъ такихъ старинныхъ отчинниковъ на новыя мѣста. У князя Михаила Мезецкаго онъ вымѣнялъ Мещовскъ на Алексинъ. Иванъ Васильевичъ чрезвычайно послѣдователенъ; это та же мѣра выселенія, которая съ такимъ успѣхомъ была примѣнена къ новогородцамъ.

Изъ той же духовной видно, что онъ ограничивалъ и юрисдикцію служилыхъ князей. Князь Мезецкій получилъ Алексинъ безъ права суда, которое было предоставлено сыну и наслѣднику великаго князя, Василію Ивановичу.

Служебные князья обоихъ разсмотрѣнныхъ разрядовъ, съ вотчинами и безъ вотчинъ, составили новый слой служилыхъ людей при дворѣ московскихъ государей. Ранѣе ихъ дворъ этотъ наполняли уже бояре и всякіе вольные

слуги. Несмотря на сравнительно позднее появленіе свое въ рядахъ служилыхъ чиновъ московскихъ государей, князья сразу заняли тамъ первое мѣсто. Перечисляя людей разныхъ чиновъ, которые окружали московскихъ великихъ князей, лѣтописецъ называетъ, обыкновенно, князей впереди бояръ *). Положеніе служилаго князя въ XIV и въ началѣ XV вѣка гораздо почетнѣе положенія боярина. Сочинитель житія Дмитрія Донскаго не находитъ лучшей похвалы боярамъ, какъ наименованіе ихъ князьями. По его словамъ, Дмитрій Ивановичъ, воздавая на смертномъ одрѣ хвалу своимъ боярамъ, говорилъ имъ: «вы не назывались у меня боярами, а князьями земли моей».

Особое покровительство московскіе государи оказывали литовскимъ выходцамъ, даже безземельнымъ, и такъ же безземельнымъ татарскимъ царевичамъ. Назначая ихъ ратными воеводами, они не рѣдко ставили этихъ пришлыхъ людей во главѣ войска и впереди другихъ князей и бояръ, среди которыхъ были и болѣе старые и заслуженые слуги **).

---

*) Въ Переяславлѣ вел. кн. Василія Васильевича встрѣтили: «мати его вел. кн. Софья и его вел. кн. Марія, и сынове его, кн. Иванъ и кн. Юрій, и вси князи, и бояре его, и дѣти боярскія, и множество двора его отъ всѣхъ градовъ». На Дмитрія Шемяку къ Галичу онъ отпускаетъ: «князей своихъ и воеводъ, а большой бысть воевода кн. Вас. Ив. Оболенскій». На Казань Иванъ Васильевичъ посылаетъ: «князя Юрія, князя Андрея Большого, да князя Василья Михайловича (Верейскаго), да съ ними воеводъ своихъ, князя Ивана Юрьевича и всѣхъ князей служилыхъ и дворъ вел. князя». Въ 1471 г. вооружаются на новгородцевъ: «вел. князь, также и братія его, и вси князи его, и бояре, и воеводы, и вся воя его». Въ 1472 г., когда миновала опасность татарскаго нашествія, вел. князь «распусти братію свою по своимъ отчинамъ, также и князи своя и воеводы и вся воя своя». Тоже и въ Твери. Въ 1486 во время осады Твери къ вел. князю пріѣзжаютъ бить челомъ въ службу: «князи и боляре тверскіе». П. С. Л. VIII. 114, 122, 157, 161, 174, 216.

**) Въ 1447 г. пришли изъ Черкасъ съ татарами два царевича, Махметовы дѣти, Касимъ да Егупъ, послужить вел. кн. Василію Ва-

Новое доказательство тому, что служилые чины московскихъ государей не представляли большой замкнутости. Они постоянно восполнялись новыми элементами. Если возвышеніе Рюриковичей въ первые ряды служилыхъ людей объясняется памятью о братствѣ ихъ съ великими князьями; то предоставленіе первыхъ мѣстъ литовскимъ и татарскимъ выходцамъ надо объяснять политикой. Ихъ ласкаютъ для поощренія дальнѣйшихъ переходовъ на сторону Москвы. Это дѣлаютъ Василій Васильевичъ, его сынъ и внукъ. Такимъ образомъ, еще задолго до Ивана Грознаго *), началось у насъ изъ видовъ объединительной политики предпочтеніе чужихъ своимъ, новыхъ слугъ старымъ.

Возникновеніе и упроченіе лѣстницы придворныхъ чиновъ московскихъ государей должно было повести къ уравненію служилыхъ князей съ остальными ихъ слугами. Чтобы

сильевичу «за прежнее его добро и хлѣбъ; много добра его было до нихъ». Въ 1451 г. Ягупъ царевичъ съ малолѣтнимъ сыномъ вел. князя поставленъ уже во главѣ войска, отправленнаго противъ Шемяки; братъ его Касимъ въ 1450 посланъ на татаръ, а подъ нимъ воевода К. А. Беззубцевъ; въ 1468 г. онъ же посланъ къ Казани во главѣ войска, а подъ нимъ пошли воеводами князья Рюриковичи. Ѳед. Ив. Бѣльскій, выбѣжавшій изъ Литвы въ 1482, въ 1499 занимаетъ мѣсто перваго воеводы въ большомъ полку въ походѣ на Казань. Въ 1492 г. выѣхалъ изъ Литвы кн. Семенъ Воротынскій съ вотчиной и въ томъ же году посланъ на Литву во главѣ войска. Въ 1500 выѣхали изъ Литвы кн. С. И. Можайскій да В. И. Шемякинъ; въ 1502 г. они посланы воевать Литву. а подъ ними пошли кн. Ан. Вл. Ростовскій, бояр. С. И. Воронцовъ и др. Въ 1508 г. Василій Ивановичъ принялъ къ себѣ на службу Мих. Глинскаго съ отчиной, а въ 1514 послалъ его во главѣ войска къ Смоленску. П. С. Л. VIII. 107, 120, 123, 125, 152, 225, 237, 239, 240, 257; Рус. Лѣт. V, 218.

*) Валуевъ, Синб. сб., стр. 21, утверждая, что Иванъ Грозный безземельныхъ азіатскихъ царей и царевичей ставитъ выше всѣхъ древнихъ родовъ, говоритъ совершенную правду, но отодвигаетъ это явленіе къ слишкомъ позднему времени. Тоже дѣлали отецъ, дѣдъ и прадѣлъ Грознаго.

не захудать по службѣ, служилые князья должны были оставить свои вотчины для двора московскихъ государей и домогаться тамъ назначенія въ стольники, окольничіе и бояре. Князь не бояринъ, князь, служившій съ городомъ, а не по разряду, стоялъ въ XVII вѣкѣ неизмѣримо ниже князя-боярина.

ГЛАВА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

Княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ съ точки зрѣнія теоріи родоваго быта.

Историческая наука давно уже отмѣтила тотъ фактъ, что всѣ культурные народы прошли чрезъ стадію родоваго или патріархальнаго быта. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что русскіе славяне не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Но вопросъ въ томъ, какъ долго сохранился у нихъ этотъ бытъ, какія черты его наблюдаются въ историческое время и какое вліяніе оказалъ онъ на княжескія отношенія X, XI и XII вѣка? Нѣкоторые изслѣдователи нашей старины отводятъ чрезвычайно видное мѣсто вліянію родоваго быта на нашу древнюю историческую жизнь. Первое мѣсто среди писателей этого направленія безспорно принадлежитъ Соловьеву, такъ много и съ такою пользою потрудившемуся въ области изслѣдованія историческихъ судебъ нашего отечества. Господство родоваго быта въ Россіи продолжается, по его мнѣнію, до XII вѣка; только со второй половины XII вѣка замѣчаетъ онъ «начало перемѣны» въ этомъ исконномъ порядкѣ вещей (Исторія, т. I, предисловіе). Господство родоваго быта не ограничивается

частной, семейной сферой, а съ неменьшей силой проявляется и въ государственномъ устройствѣ Русской земли. Вотъ какъ изображаетъ онъ отраженіе началъ родоваго быта въ княжескихъ отношеніяхъ: «Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ, слѣдовательно каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей русскихъ, не смотря на свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью—отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ. Младшіе князья обязаны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцемъ въ правду и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ». Исторія, II, 3.

Соловьевъ—большой знатокъ источниковъ нашей исторіи и ничего не утверждалъ, чего нельзя было бы подтвердить ссылкой на подлинныя выраженія памятниковъ. Выписанное мнѣніе онъ также подтверждаетъ ссылками на памятники, но въ данномъ случаѣ пользованіе памятниками нельзя назвать правильнымъ, потому, во-1-хъ, что нѣкоторыя выраженія источниковъ взяты отрывочно, внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла; во-2-хъ, частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты авторомъ за обычаи родоваго быта.

Разсмотримъ каждое изъ приведенныхъ выше положеній въ отдѣльности.

«Старшій князь, утверждаетъ приведенное мнѣніе, имѣлъ обязанность, думать и дѣйствовать (блюсти, думать и гадать) за младшихъ князей». Чтобы существовала обязанность думать и дѣйствовать за кого либо, необходимо, чтобы извѣстное лицо само не имѣло права думать и не дѣйствовать за себя, и чтобы другому была предоставлена власть думать и дѣйствовать за него; въ противномъ случаѣ неизбѣжно столкновеніе двухъ думъ и двухъ дѣйствій. Изъ фактовъ, приведенныхъ въ IV книгѣ нашихъ древностей мы знаемъ, что каждый князь думалъ и дѣйствовалъ самъ за себя, кромѣ того случая, когда онъ по договору обязывался быть въ чьей либо волѣ, что, впрочемъ, относилось къ одной только внѣшней политикѣ. Теорія родоваго быта разумѣетъ не это подчиненіе одного князя волѣ другаго, возникающее изъ договора; а подчиненіе всѣхъ князей волѣ одного, старшаго, и не въ силу договора, а въ силу—обычаевъ родоваго быта. Чѣмъ же доказывается существованіе такихъ обычаевъ? Въ подкрѣпленіе высказанному положенію авторъ «Исторіи» приводитъ только одно мѣсто источниковъ: «Такъ Ростиславичи, сказано въ примѣчаніи къ разбираемому мѣсту, въ 1195 г. говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣе еси насъ, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести, и о нашей». Дѣйствительно, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи обратились съ приведенными словами къ Всеволоду Юрьевичу. Но чтобы судить объ ихъ отношеніяхъ къ этому князю и дѣлать заключеніе о характерѣ княжескихъ отношеній вообще, приведеннаго мѣста мало. Для этого надо было взять и другія свидѣтельства, характеризующія взаимныя отношенія тѣхъ же Ростиславичей къ тому же Всеволоду, если таковыя есть. По счастью мы имѣемъ два такихъ свидѣтельства; они не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла приведенныхъ словъ. За указаннымъ обращеніемъ Ростиславичей ко Всеволоду послѣдовала война

этихъ князей съ черниговскими Ольговичами. Въ 1196 г. Всеволодъ вознамѣрился заключить съ ними миръ, но безъ сношенія съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. По мнѣнію Соловьева онъ могъ это сдѣлать, ибо былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ. Но могъ ли въ дѣйствительности? Давыдъ Ростиславичъ, дѣйствовавшій за одно со Всеволодомъ, пытается удержать его отъ такого односторонняго дѣйствія, напоминая ему рядъ его съ Рюрикомъ. Слова Давыда заключаются слѣдующимъ знаменательнымъ предостереженіемъ: «а нынѣ безъ его думы (т. е. безъ думы Рюрика) хочемъ мириться! а, брате, повѣдаю ти, сего мира не улюбитъ братъ мой Рюрикъ». Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ этого мира и въ наказаніе отнялъ у Всеволода тѣ города въ Русской землѣ, которые былъ вынужденъ дать ему въ 1195 г. Повторяемъ нашъ вопросъ, могъ ли Всеволодъ думать и дѣйствовать за Ростиславичей? Конечно, нѣтъ, ибо Ростиславичи ясно сознаютъ свое право—думать и дѣйствовать самимъ за себя; Всеволода же, наоборотъ, они считаютъ обязаннымъ дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, не иначе, какъ по думѣ и по соглашенію съ ними. Итакъ, примѣромъ Всеволода нельзя доказать того положенія, что старшій князь былъ обязанъ думать и дѣствовать за всѣхъ остальныхъ.

Какой же дѣйствительный смыслъ того мѣста лѣтописи, которое дало поводъ къ этому неправильному заключенію? Въ 1195 г. Рюрикъ Ростиславичъ только что занялъ кіевскій столъ по смерти Святослава Черниговскаго. Опасаясь, чтобы братъ Святослава, Ярославъ, не сталъ искать подъ нимъ Кіева, Рюрикъ заключилъ оборонительный союзъ со Всеволодомъ. Вскорѣ за тѣмъ зять Рюрика, Романъ, обиженный тестемъ, перешелъ на сторону черниговскихъ князей и сталъ звать Ярослава Всеволодовича на кіевскій столъ. Такимъ образомъ, для Рюрика возникъ поводъ требовать отъ Всеволода условленной помощи. Свое требованіе Рюрикъ облекаетъ въ возможно вѣжливую форму, какъ и подобаетъ между добрыми друзьями. «Ты старѣй насъ всѣхъ

во Владиміровѣ племени, говоритъ онъ ему (т.-е. старѣй лѣтами). а думай, гадай о Русской землѣ и о своей чести и о нашей!». И такъ, это ни что иное, какъ вѣжливое обращеніе къ старшему лѣтами и при томъ къ человѣку, который нуженъ и можетъ помочь въ бѣдѣ.

О томъ, чтобы Всеволодъ былъ старшій членъ въ цѣломъ родѣ Рюриковичей (собственно Ярославичей) здѣсь нѣтъ и рѣчи; здѣсь говорится только о старшинствѣ Всеволода въ Володиміровомъ племени. Старшій же въ цѣломъ родѣ былъ, по всей вѣроятности Ярославъ Всеволодичъ Черниговскій, правнукъ Святослава втораго сына Ярославова, противъ котораго и былъ направленъ союзъ Владиміровичей, потомковъ третьяго сына Ярослава, Всеволода, или Юрій Ярославичъ (если только онъ былъ живъ въ это время), старшій правнукъ старшаго сына Ярослава, Изяслава, почти вовсе лишенный участія во владѣніи Русской землей. См. Ипат. 1149 и 1155 г.

Далѣе разбираемый авторъ утверждаетъ: «старшій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ». Въ доказательство того, что старшему князю принадлежало право суда надъ младшими, онъ приводитъ только одно мѣсто источниковъ, а именно — слова, сказанныя Ростиславомъ Юрьевичемъ Изяславу Кіевскому: «ты меня старѣй, ты меня и суди». Если изъ этого мѣста можно вывести чье-либо право суда, то—одного только Изяслава надъ Ростиславомъ, а никакъ не старшаго въ цѣломъ родѣ надъ всѣми остальными. Изяславъ Мстиславичъ, къ которому обращены эти слова, не только не былъ старшимъ въ цѣломъ родѣ, но даже и не считалъ себя за таковаго: «всѣхъ насъ старѣй, говоритъ онъ Ростиславу Юрьевичу, отецъ твой, да не умѣетъ съ нами жити». Ипат. 1148 г. Итакъ, изъ указаннаго авторомъ мѣста ровно ничего нельзя вывести о правахъ старшаго въ цѣломъ родѣ Рюриковичей князя. «Старѣе»—сказано здѣсь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; Изяславъ былъ только старѣе Ростислава, который говоритъ ему: «ты меня старѣй». Надъ Изяславомъ же поднималась еще цѣлая

лѣстница князей, изъ которыхъ одинъ былъ старѣе другаго. Старѣй Изяслава былъ его дядя, Юрій, старѣе Юрія—его старшій братъ, Вячеславъ. Еще старѣе этихъ князей, правнуковъ Ярослава отъ третьяго сына Всеволода, были, по всей вѣроятности, его правнуки отъ втораго сына, Святослава, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ, также находившіеся въ живыхъ.

Какой же смыслъ приведеннаго извѣстія? Ростиславъ былъ многимъ обязанъ Изяславу: онъ получилъ отъ него волость, а во время войны Изяслава съ отцемъ Ростислава, Юріемъ, былъ оставленъ имъ на югѣ «стеречь Русской земли». По возвращеніи изъ этого похода, Изяславъ узнаетъ, что въ его отсутствіе Ростиславъ замышлялъ на него и хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Пригласивъ его къ себѣ, Изяславъ напомнилъ Ростиславу все добро, которое ему сдѣлалъ, и за тѣмъ передалъ взводимое на него обвиненіе. На это обвиненіе Ростиславъ отвѣчалъ: «брате и отче! ни въ умѣ, ни въ сердцѣ моемъ того не было! но если кто на меня наговариваетъ, ты меня старѣй, ты меня съ нимъ и суди». Все, что можно вывести изъ этихъ словъ, заключается въ слѣдующемъ: Ростиславъ признаетъ надъ собой въ данномъ случаѣ судъ Изяслава, и только. Основаніе подсудности въ этомъ случаѣ заключается въ личной волѣ Ростислава, а не въ томъ, что Изяславъ его старѣе; иначе пришлось бы допустить, что право суда принадлежало каждому князю относительно старшему лѣтами надъ всѣми другими, которые его моложе.

Но мы имѣемъ и положительное доказательство въ пользу того, что даже старшему въ цѣломъ родѣ князю не принадлежало право суда надъ всѣми остальными. Въ 1097 г. такимъ старшимъ былъ—Святополкъ-Михаилъ Кіевскій. Вмѣстѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ онъ ослѣпилъ Василька. Узнавъ объ этомъ, младшіе князья посылаютъ сказать ему: «чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы ѝ предъ нами». Итакъ, младшіе не сознаютъ

за старшимъ права суда, а говорятъ, что онъ долженъ былъ явиться въ качествѣ обвинителя предъ ихъ судомъ.

Что касается до права старшаго въ цѣломъ родѣ князя—наказывать остальныхъ, то, по скольку это право есть необходимое слѣдствіе права суда, оно также не принадлежало старшему князю, какъ и это послѣднее. Но такъ какъ, въ случаѣ нарушенія договоровъ, князь, пострадавшій отъ этого нарушенія, подвергалъ виновниковъ его такимъ неудобствамъ, какимъ только могъ, то, если только такіе случаи можно разсматривать, какъ проявленіе права наказывать,—право это принадлежало каждому князю: младшему наравнѣ съ самымъ старшимъ. Мы только-что привели случай наказанія старшаго князя младшимъ: Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ у Всеволода Юрьевича данную ему волость—за неисполненіе договора. Соловьевъ, въ подтвержденіе высказаннаго положенія о правѣ старшаго въ цѣломъ родѣ князя наказывать остальныхъ, приводитъ два мѣста источниковъ. Одно изъ нихъ (о Мстиславѣ Владиміровичѣ, поточившемъ полоцкихъ князей въ греки) относится къ помянутымъ случаямъ саморасправы за неисполненіе договора и совершенно уравновѣшивается указаннымъ нами примѣромъ такой же саморасправы младшаго князя со старшимъ. Впрочемъ, и эта ссылка автора выбрана не совсѣмъ удачно. Въ данномъ случаѣ наказываетъ не старшій въ цѣломъ родѣ князь. Наказываетъ Мстиславъ Владиміровичъ, а старѣе его были: правнуки Ярослава отъ второго сына, Ольговичи и Давыдовичи; еще старѣе тѣхъ и другихъ были правнуки старшаго брата Ярослава, Изяслава Полоцкаго, Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ Всеславичи. Именно эти то Всеславичи, самые старшіе изъ Рюриковичей, и потерпѣли въ данномъ случаѣ наказаніе отъ Мстислава. Второе мѣсто, приводимое авторомъ, вовсе не относится къ наказанію старшихъ, а только къ исполненію приговора младшихъ князей (Лавр. 1097 г.), возложеннаго ими на старшаго, причемъ старшій исполняетъ волю младшихъ.

Далѣе Соловьевъ утверждаетъ, что старшій въ цѣломъ

родѣ князь — раздавалъ волости. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ не приводитъ ни одной ссылки. Такъ какъ старшимъ былъ всегда одинъ въ цѣломъ родѣ, то выписанное положеніе надо понимать такъ: старшій въ цѣломъ родѣ князь держалъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія волости и по своему усмотрѣнію раздавалъ ихъ, кому хотѣлъ. Въ источникахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного мѣста, которое оправдывало бы такой взглядъ. Но можно утверждать, что князья вообще, какъ старшіе, такъ и младшіе, по требованію обстоятельствъ, уступаютъ другъ другу свои волости. Такъ, напримѣръ, младшій князь, Рюрикъ Ростиславичъ, уступилъ въ 1195 году старшему князю, Всеволоду Юрьевичу, волость въ Русской землѣ; а въ 1196 году отнялъ ее у него.

За перечисленіемъ правъ старшаго въ цѣломъ родѣ князя, авторъ переходитъ къ перечисленію соотвѣтствующихъ имъ обязанностей младшихъ князей. Въ доказательство обязанности младшихъ князей — являться на зовъ старшаго — дѣлается ссылка на требованіе Владиміра Мономаха, обращенное къ Ярославу Святополчичу и основанное на только-что заключенномъ этими князьями мирномъ договорѣ; такимъ образомъ, частному случаю, возникшему изъ договора между двумя данными князьями, дается значеніе общаго обычая родового быта. Въ доказательство обязанности младшихъ, ходить въ послушаніи старшаго, приводится желаніе Ростислава, чтобы извѣстные князья ходили въ его послушаніи; такимъ образомъ то, что только желательно и чего еще нѣтъ, но что можетъ возникнуть въ силу соглашенія между извѣстными князьями, принимается за дѣйствующій и общій обычай. Въ доказательство обязанности младшихъ князей—выступать въ походъ по приказу старшаго, приводится слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Посла Ростиславъ къ братьи своей, веля имъ совокупитися у себя со всѣми полками своими». Выше, на стр. 194, мы имѣли уже случай сказать, что отъ повелительной формы рѣчи нельзя еще заключать о правѣ повелѣвать.

Въ томъ же сочиненіи и на той же страницѣ находимъ еще слѣдующую характеристику правъ, приписанныхъ старшему въ цѣломъ родѣ князю: «Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей, такъ продолжаетъ авторъ послѣ сдѣланной выше выписки, точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: ...всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовью съ обѣихъ сторонъ...». Въ Ярославовомъ завѣщаніи не говорится ни слова о правахъ старшаго князя надъ младшими. Тамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на право Изяслава судить своихъ младшихъ братьевъ, наказывать ихъ, распредѣлять между ними русскія волости по усмотрѣнію, приказывать выступать въ походъ и пр.; а потому его нельзя приводить въ поясненіе высказаннаго авторомъ взгляда. Въ завѣщаніи говорится, правда, о послушаніи младшихъ братьевъ старшему, но тамъ же говорится и о послушаніи ихъ другъ другу и, слѣдовательно, о послушаніи старшаго младшимъ. На 2 стр. того же сочиненія, послѣ изложенія содержанія Ярославова завѣщанія, авторъ самъ восклицаетъ: «ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны...». Дѣйствительно, ни слова, и понятно почему: государя всей страны еще не было.

Неправильное представленіе о старшемъ князѣ богато послѣдствіями: оно повело къ неправильному представленію о порядкѣ перехода столовъ, о князьяхъ-изгояхъ и проч.

Такъ какъ старшій князь является главою всего рода Рюриковичей, и онъ одинъ на всю Россію, то, понятно, преемство столовъ есть вопросъ не отдѣльныхъ волостей, а цѣлой Россіи, а потому долженъ существовать одинъ общій порядокъ, благодаря которому князья достигали старшинства. Родовая теорія думаетъ, что она открыла этотъ порядокъ. Передадимъ въ чемъ состоитъ онъ собственными словами автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»: «...когда семья княжеская, семья Рюриковичей стала много-

численна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинялся вліянію никакого другого начала. Князья считаютъ всю Русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, причемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ; другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, причемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ, находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время». Эта картина, взятая нами изъ предисловія къ первому тому (стр. VII), пополняется во второмъ томѣ еще слѣдующими штрихами: «Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ; онъ становился отцемъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому

что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ: и точно, дядья называютъ ихъ братьями; но другіе ихъ двоюродные братья оставались по прежнему внуками малолѣтними, потому что надъ ними по прежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцемъ ихъ отцамъ, слѣдовательно, для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда; умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтныхъ въ совершеннолѣтніе, и такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья, чрезъ старшинство своихъ отцовъ, достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, не совершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда теперь понятно, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: «какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣствичнымъ восхожденіемъ». Но когда въ этой лѣствицѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ изгоевъ» 6—7.

Это—цѣлая теорія преемства княжескихъ столовъ, чрезвычайно послѣдовательно проведенная. Кіевъ единый центръ Русской земли. Тамъ княжитъ всегда старшій въ родѣ. Если онъ умираетъ, мѣсто его занимаетъ слѣдующій за нимъ братъ, а при отсутствіи брата, старшій сынъ умершаго. Передъ тѣмъ этотъ второй старшій въ родѣ занималъ второй по старшинству столъ въ Русской землѣ. Съ переходомъ его на первый, на второй столъ перемѣщается третій по старшинству родственникъ, уступая свое мѣсто четвертому и т. д.; такимъ образомъ, всѣ князья дѣлаютъ шагъ

впередъ по направленію къ старшинству. Старшій сынъ, занявшій мѣсто отца, становится отцомъ для младшихъ братьевъ и т. д. Считать кого либо себѣ «въ отца мѣсто»— это не почетное только наименованіе, а дѣйствительное отношеніе, имѣющее силу перемѣстить родственниковъ одной степени, низшей, на высшую, изъ внуковъ, напримѣръ, возвести ихъ въ сыновья, т.-е., изъ третьей во вторую степень.

«Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей, читаемъ въ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь на сѣверѣ новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій...» (I т., предисловіе, стр. VII).

Итакъ, ослабленіе родовой связи замѣчается только со второй половины XII вѣка; съ этого времени начинаютъ проявляться эгоистическія стремленія князей къ увеличенію своихъ силъ (т.-е. владѣній) на счетъ другихъ и, слѣдовательно, возникаетъ пертурбація въ порядкѣ преемства, а до тѣхъ поръ все идетъ согласно родовой теоріи.

Любопытно взглянуть на факты; укладываются ли они въ рамки этой стройной теоріи? Если только съ половины XII вѣка начинается ослабленіе родоваго быта, то, конечно, чѣмъ далѣе въ глубь вѣковъ отъ XII вѣка, тѣмъ безпрепятственнѣе долженъ былъ проявляться въ жизни порядокъ преемства по началу лѣствичнаго восхожденія къ старшинству, тѣмъ большимъ признаніемъ долженъ былъ онъ пользоваться какъ со стороны старшихъ, такъ и со стороны младшихъ князей. Такъ ли это было въ дѣйствительности?

Начнемъ нашу провѣрку съ самаго древняго времени.

По смерти Святослава старшій его сынъ получаетъ Кіевъ; младшіе—одинъ Древлянскую волость, другой—Новгородъ.

По теоріи Ярополкъ дѣлается отцомъ своихъ братьевъ,—младшіе его братья, Олегъ и Владиміръ,—его сыновьями. Но дѣйствительныя отношенія этихъ князей совершенно несоотвѣтствуютъ такому предположенію. Ярополкъ начинаетъ войну съ Олегомъ и присоединяетъ волость брата къ своимъ владѣніямъ. За этимъ Владиміръ начинаетъ войну съ Ярополкомъ, измѣннически приказываетъ его убить при входѣ въ свой дворецъ и завладѣваетъ всѣми его владѣніями. Это ли господство родоваго быта въ средѣ князей, это ли общее, нераздѣльное владѣніе Русской землей цѣлымъ родомъ Рюриковичей? По смерти Владиміра старшій его сынъ, Святополкъ, дѣлается кіевскимъ княземъ и также вступаетъ въ братоубійственную борьбу съ братьями изъ-за владѣній. Гдѣ же тутъ отецъ и дѣти? Побѣдителемъ выходитъ Ярославъ. Онъ переживаетъ всѣхъ своихъ братьевъ, за исключеніемъ Судислава. Но и онъ не можетъ терпѣть подлѣ себя брата, а по родовой теоріи—сына. Онъ заключаетъ его въ тюрьму и раздаетъ всѣ свои обширныя владѣнія сыновьямъ, ничего не оставляя брату, тогда какъ, по теоріи, брату слѣдовало дать первое мѣсто. Отчего же устраненъ Судиславъ отъ общаго, нераздѣльнаго владѣнія Русской землей? Можетъ быть онъ изгой въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово родовая теорія? Нѣтъ, его отецъ сидѣлъ въ Кіевѣ и съ точки зрѣнія теоріи онъ имѣлъ несомнѣнное право на старѣйшинство послѣ Ярослава. Онъ устраненъ былъ потому, что наши древніе князья и не подозрѣвали о существованіи теоріи родоваго распредѣленія столовъ.

Свое мнѣніе о князьяхъ-изгояхъ, какъ исключенныхъ изъ старшинства, потому что утцы ихъ умерли, не будучи старшиною рода, теорія подкрѣпляетъ ссылкой на мѣсто изъ устава, приписываемаго новогородскому князю, Всеволоду (оно приведено и разобрано въ I т. Юрид. древн. стр. 263), и толкуетъ совершенно произвольно. Уставъ причисляетъ къ изгоямъ всѣхъ князей сиротъ и очень понятно почему. Князья сироты въ эпоху господства въ междукня-

жескихъ отношеніяхъ политики эгоизма находились въ жалкомъ положеніи, а потому и могли быть приравнены къ изгоямъ. Родовая же теорія разумѣетъ подъ князьями-изгоями только такихъ князей, отцы которыхъ умерли, не княживъ въ Кіевѣ. Къ такому ограничительному толкованію нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Изъ неправильнаго положенія и слѣдствія выводятся неправильныя: «отсюда понятно, говоритъ теорія, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству». Но Всеволодъ Ольговичъ достигъ же старшинства, хотя отецъ его и никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ? Съ согласія князей Владимировичей Всеволодъ княжилъ въ Кіевѣ до своей смерти и даже передалъ свое кіевское княженіе брату, Игорю, отецъ котораго тоже никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ. На эту передачу согласились и князья, и граждане Кіева. И это не единственный случай. Въ Кіевѣ сидѣлъ и Изяславъ Давыдовичъ, отецъ котораго никогда не былъ старѣйшиной въ смыслѣ родовой теоріи. Права его были признаны не только черниговскими князьями, но и Мономаховичами, кіевскими отчичами и дѣдичами. Стало быть и этого правила родовой теоріи никто не зналъ въ древности.

Чѣмъ же доказываетъ родовая теорія лѣствичное восхожденіе къ старшинству? Доказательства ея очень немногочисленны и не сильны. Первое доказательство такое: «когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую по старшинству, лѣствичнымъ восхожденіемъ» (II, 7). Фактъ перевода Игоря изъ Владиміра въ Смоленскъ несомнѣненъ, но почему это сдѣлали старшіе братья,—лѣтописецъ не объясняетъ. Родовая теорія пользуется этимъ фактомъ въ свою пользу. Это было бы еще до нѣкоторой степени возможно въ томъ случаѣ,

еслибы мы точно знали, кто четвертый, кто пятый сынъ Ярослава, а мы этого не знаемъ. Начальная лѣтопись записала только годъ рожденія Вячеслава, она относитъ его къ 1036-му. Годъ рожденія Игоря сообщаетъ Татищевъ, онъ относитъ его къ 1036-му, а рожденіе Вячеслава къ 1034-му. Это свидѣтельство трудно принять за несомнѣнное, такъ какъ оно противорѣчитъ начальной лѣтописи. Другое основаніе для опредѣленія старшинства двухъ младшихъ Ярославичей это—порядокъ, въ какомъ они перечислены въ завѣщаніи Ярослава. Но въ большинствѣ списковъ имя Игоря опущено; только въ Троицкомъ онъ упомянутъ, но не на пятомъ мѣстѣ, какъ бы нужно было для родовой теоріи, а на четвертомъ; по этому свидѣтельству онъ старше Вячеслава. Если принять свидѣтельство Троицкой лѣтописи, то будетъ доказано совершенно противное тому, чего желаетъ родовая теорія: старшій братъ окажется переведеннымъ на мѣсто младшаго и получится движеніе не къ старшинству, а въ обратную сторону. Можно ли что-нибудь основывать на такихъ шаткихъ данныхъ? Но мы поставимъ такой вопросъ: можно ли видѣть въ сыновьяхъ Ярослава вѣрныхъ проводниковъ патріархальныхъ началъ жизни и всякое дѣйствіе ихъ объяснять стремленіемъ къ выполненію правилъ родовой теоріи? Это очень сомнительно. Святославъ и Всеволодъ не затруднились же прогнать изъ Кіева своего старшаго брата и овладѣть его княженіемъ. А этотъ старшій братъ въ союзѣ со Всеволодомъ не затруднился обобрать своихъ племянниковъ, сыновей Святослава и Вячеслава. Въ виду этихъ хищническихъ свойствъ сыновей Ярослава, мы склонны думать, что они перевели младшаго брата въ Смоленскъ вовсе не для того, чтобы открыть ему радужныя перспективы Кіевскаго княженія, а чтобы подѣлиться его волостью, а его самого удовлетворить наслѣдіемъ малолѣтняго Бориса Вячеславича, который явился въ этомъ случаѣ изгоемъ въ настоящемъ смыслѣ слова, ибо по малолѣтству совершенно былъ обобранъ своими дядями.

«Потомъ, продолжаетъ теорія родоваго быта свои до-

казательства, когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ». Въ доказательство господства преемства по родовому старшинству берется фактъ вопіющаго нарушенія этого старшинства. Два младшихъ брата прогоняютъ изъ Кіева старшаго, т. е. своего отца, и производятъ новое между собой распредѣленіе и добычи и прежнихъ своихъ владѣній, и это хищничество должно служить намъ примѣромъ патріархальныхъ порядковъ родоваго быта!

Этимъ ограничиваются доказательства и авторъ переходитъ къ объясненію условій, при которыхъ возникаютъ наслѣдственныя владѣнія въ княжескихъ линіяхъ.

Самое выраженіе «лѣствичное восхожденіе» не выдумано авторомъ теоріи родоваго быта, оно взято имъ изъ Никоновской лѣтописи и принадлежитъ XVI вѣку. Неизвѣстный намъ составитель Никоновской лѣтописи не ограничивается простой передачей того лѣтописнаго матеріала, который онъ нашелъ въ старыхъ спискахъ лѣтописей. Онъ заинтересованъ смысломъ описываемыхъ событій и иногда не можетъ отказать себѣ въ попыткѣ объяснить эти событія. Но онъ дѣлаетъ это не со стороны, не отъ своего имени, онъ влагаетъ свои объясненія въ уста дѣйствующихъ лицъ. Вотъ именно въ такомъ-то сочиненномъ самимъ составителемъ мѣстѣ и идетъ рѣчь о лѣствичномъ восхожденіи. Составителя Никоновской лѣтописи заинтересовалъ и насъ занимающій вопросъ о томъ, на какомъ основаніи происходило въ древности преемство столовъ. Онъ началъ вдумываться въ него и рѣшилъ, что они достигаютъ Кіева лѣствичнымъ восхожденіемъ. Но онъ не написалъ объ этомъ особаго изслѣдованія, какъ сдѣлали бы люди нашего времени. Онъ воспользовался приводимымъ въ старой лѣтописи споромъ князей изъ за обладанія Кіевомъ и заставилъ черниговскаго князя въ своемъ отвѣтѣ кіевскому высказать свою собственную мысль о древнемъ порядкѣ преемства. Составитель лѣтописи, ко-

нечно, былъ совершенно убѣжденъ въ правдивости своего объясненія, а потому и не затруднился замѣнить старый текстъ, по всей вѣроятности, мало ему понятный, своимъ сочиненіемъ. Мы привели выше оба текста стр. 145 и 146. Если Соловьевъ отдаетъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе тексту Никоновскаго списка передъ списками болѣе древними, это прискорбное недоразумѣніе и только.

Корень ошибочнаго толкованія источниковъ родовой теоріей заключается въ томъ, что она отправлялась отъ предположенія наличности строго выработаннаго и притомъ чрезвычайно сложнаго порядка преемства для такого времени, когда люди дѣйствовали не столько по правиламъ, сколько въ мѣру своей силы. Родовая теорія заплатила этимъ дань своему времени. Мы понимаемъ пользу правоваго порядка. Мы говоримъ: всякій законъ лучше произвола. Мы думаемъ, что безъ закона жить нельзя Родовая теорія перенесла эти воззрѣнія въ отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизни безъ точныхъ правилъ, а наша древность не была еще въ силахъ выработать эти правила.

Маіоренгофъ и Дуббельнъ.
Лѣто 1891 и 1892.

РУССКІЯ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

РУССКІЯ

ЮРИДИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ВЛАСТИ

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ

СОВѢТНИКИ КНЯЗЯ

В. Сергѣевича

заслуженаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28
1896

2120

Вопроса о нашей древней думѣ я имѣлъ случай коснуться въ первомъ изданіи моего изслѣдованія «Вѣче и князь». Я тогда высказалъ точку зрѣнія, которую развиваю въ настоящемъ выпускѣ древностей, но въ очень бѣглой замѣткѣ: государевой думѣ посвящено тамъ менѣе трехъ страницъ; на дѣятельности же лицъ духовныхъ въ качествѣ княжескихъ совѣтниковъ я и вовсе не останавливался.

Съ тѣхъ поръ государева дума успѣла привлечь къ себѣ особое вниманіе нашихъ ученыхъ и получила обработку въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, развивающихъ совершенно иные взгляды. Я не могу присоединиться ко многимъ изъ нихъ и не считаю полезнымъ

обойти ихъ молчаніемъ. Это сдѣлало необходимымъ къ двумъ главамъ, посвященнымъ изслѣдованію состава и дѣятельности государевыхъ думцевъ, присоединить еще двѣ для обзора литературы предмета.

С.-Петербургъ
16 марта 1896 г.

КНИГА ПЯТАЯ.

Совѣтники князя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Княжеская дума.

Древнѣйшая дума.
Составъ и дѣятельность — 337. Отношеніе къ князю — 348.

Московская дума.
Составъ — 350. Дѣятельность — 380.

Судная боярская коллегія — 394.
Коллегія земскихъ бояръ — 396. Расправная палата — 403.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Литература вопроса о старой думѣ.

Мнѣніе Неволина — 418.

Боярская дума профес. Загоскина — 420.
Составъ — 421. Думныя коммиссіи 421. Дѣлопроизводство и вѣдомство — 423.

Боярская дума профес. Ключевскаго — 427.
Постоянное учрежденіе — 429. Составъ — 430. Вѣдомство — 449. Степень власти — 455.

Мнѣніе профес. Владимірскаго-Буданова — 464.

Мнѣнія иностранныхъ ученыхъ о соотвѣтствующихъ нашей думѣ учрежденіяхъ запада.
Цёпфль и Ваицъ о совѣтѣ германскихъ королей — 467. Гомершамъ Коксъ объ англійскомъ государственномъ совѣтѣ — 469. Глассонъ о томъ же — 474. Шеффнеръ о совѣтѣ французскихъ королей — 475.

Результаты сравненія — 477.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Духовенство.

Отношеніе свѣтской власти къ духовной въ Византіи—481.
Отношеніе свѣтской власти къ духовной на Руси — 497.
Превосходство священства надъ царствомъ — 499. Обязанность свѣтской власти повиноваться духовной — 503. Послѣдствія неповиновенія — 514. Высокое положеніе духовныхъ властей и монашества — 523. Духовныя власти блюдутъ миръ — 528. Князья обращаются къ суду духовенства — 534. Случаи столкновенія духовной и свѣтской власти до XVII вѣка — 539. Измѣненія въ порядкѣ назначенія митрополитовъ — 546. Учрежденіе патріаршества — 557. Двоевластіе — 557. Столкновеніе въ XVII вѣкѣ — 571.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

Литература вопроса объ исторической роли духовенства.

Заслуги духовенства — 585.
Его роль по утвержденію единовластія.
Мнѣніе Соловьева — 585, Неизвѣстнаго автора — 586, Прот. Думитрашко — 586, проф. Знаменскаго — 592.
Утвержденіе новыхъ взглядовъ на существо княжеской власти.
Мнѣніе Соловьева — 594, проф. Николаевскаго — 596.
Занесеніе духовенствомъ византійскихъ идей.
Мнѣніе професс. Иконникова — 599, проф. Дьяконова — 602.
Мнѣніе объ отсутствіи въ нашей исторіи борьбы духовной власти со свѣтской — 616.

КНИГА ПЯТАЯ

Совѣтники князя

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Княжеская дума

Существованіе княжеской думы съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д. Но какъ надо понимать эти свидѣтельства памятниковъ? Была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ?

Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе; тѣмъ не менѣе справедливо только второе. Свидѣтельства источниковъ до московскаго времени очень немногочисленны, кратки и отрывочны. Этимъ, конечно, объясняется то, что они были поняты въ привычномъ для насъ смыслѣ, а не въ

томъ особенномъ, который составляетъ характеристику древняго времени. Мы думаемъ, что цѣльное и послѣдовательное объясненіе всѣхъ дошедшихъ до насъ мѣстъ источниковъ, относящихся къ думѣ, возможно только съ указанной нами второй точки зрѣнія.

Въ нашихъ древнихъ памятникахъ слово «дума» употребляется въ значеніи мысли, намѣренія, плана дѣйствія.

Въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ:

«Томъ же лѣтѣ переступи крестъ Володимиръ Мьстиславичъ: начашася слати къ нему Чагровичи, Чекъманъ и братъ его, Тошмакъ, и Моначюкъ; Володимиръ же, радъ бывъ думѣ ихъ, и посла къ Рагуйлови Добрыничю и къ Михалеви, и къ Завидови, являя имъ думу свою». 1169.

Въ пользу нашего пониманія говоритъ и малая способность древняго времени къ созданію такого искусственнаго учрежденія, какъ постоянный совѣтъ. Это было не въ духѣ и не въ средствахъ X, XI, XII, XIII вѣка. Но мы идемъ далѣе и полагаемъ возможнымъ доказать, что это было не по плечу даже московскому времени. Москва все старое передѣлала на новое и положила начало единому и сильному государству; передѣлала она и княжескую думу, совершенно измѣнивъ отношеніе думцевъ къ царю; но и она не создала учрежденія въ видѣ постояннаго совѣта государева съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей. Скажемъ болѣе, московскіе государи не чувствовали въ этомъ ни малѣйшей потребности. Они, какъ и ихъ отдаленные предки, имѣли совѣтниковъ, а не совѣтъ.

Въ первые вѣка нашей исторіи народъ призывалъ князя, ему лично вручалъ онъ власть и зналъ только его. Князю, конечно, были нужны помощники и совѣтники въ дѣлахъ управленія; но это было дѣло его личныхъ удобствъ. Можно ли допустить, что при той неустойчивости государственной жизни, какую наблюдаемъ въ этой отдаленной древности, при частой смѣнѣ князей и постоянномъ колебаніи состава окружающихъ ихъ лицъ, было возможно придти къ мысли

объ учрежденіи постояннаго совѣта? Полагаемъ, что это было и невозможно, а для князя и совершенно не нужно, ибо безъ всякой надобности стѣсняло бы его дѣятельность. Крайне неустойчивая почва древней государственной жизни была лишена необходимыхъ условій для возникновенія постояннаго княжескаго совѣта; цѣли же несложнаго управленія того времени хорошо достигались и при наличности отдѣльныхъ совѣтниковъ или «думцевъ», недостатка въ которыхъ, конечно, не было.

Разсмотримъ, насколько позволяютъ источники, дѣятельность этихъ древнѣйшихъ совѣтниковъ, ихъ составъ и отношеніе къ князю.

Первый вопросъ, который здѣсь долженъ быть поставленъ, заключается въ слѣдующемъ: былъ ли князь обязанъ имѣть совѣтниковъ? Конечно, нѣтъ. Князь призывался народомъ и дѣятельность его опредѣлялась «рядомъ», заключаемымъ непосредственно съ народомъ. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы народъ имѣлъ обыкновеніе ставить кого-либо между собою и княземъ въ видѣ обязательныхъ и постоянныхъ его совѣтниковъ; наоборотъ, встрѣчаемъ указанія на то, что народъ требовалъ личной дѣятельности князя, напримѣръ, въ отправленіи правосудія и въ предводительствованіи войскомъ. Но личныхъ силъ князя, конечно, было недостаточно не только для управленія вообще, но даже и для дѣлъ правосудія въ частности. Вотъ отсюда и вытекаетъ не обязанность князя имѣть помощниковъ, а фактическая въ этомъ необходимость; и далѣе: если эти помощники были вольные люди, а не рабы, то и необходимость совѣщаться съ ними по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ они призывались оказать князю свое содѣйствіе.

И такъ, князь совѣтуется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда находитъ это нужнымъ и желательнымъ; во всѣхъ остальныхъ онъ дѣйствуетъ одинъ. Согласно съ этимъ, помятники говорятъ то о дѣйствіяхъ князя съ совѣта бояръ, митрополита и т. д., то о дѣйствіяхъ его безъ всякаго со-

вѣта. Иногда въ такой разнородной формѣ являются акты совершенно однородные, и другой причины различія, кромѣ усмотрѣнія князя, и указать нельзя.

Въ Русской Правдѣ есть свидѣтельства на указную (законодательную) дѣятельность князей безъ содѣйствія какого-либо совѣта: такъ Ярославъ установилъ размѣръ доходовъ вирниковъ (Ак. 42) и смертную казнь раба за ударъ свободному мужу (Ак. 16, Тр. 58), а сыновья его замѣнили смертную казнь болѣе легкими наказаніями. Въ княжескіе договоры XII вѣка вносилась статья о смертной казни дружинниковъ за измѣну князю (Ипат. 1177), и никто, конечно, не будетъ утверждать, что княжескіе договоры заключались не иначе, какъ съ формальнаго согласія какого-либо совѣта. Отъ первой половины того же вѣка имѣются и двѣ подлинныхъ жалованныхъ грамоты, данныхъ разнымъ церковнымъ учрежденіямъ безъ всякой думы съ мужами или боярами. Мы имѣемъ въ виду грамоту Мстислава Владиміровича Юрьеву монастырю, въ которой онъ жалуетъ ему село Буйцы съ данями, вирами, продажами и осеннимъ полюдьемъ (А. Э. I № 2), и грамоту князя Святослава новогородскому епископу, въ которой онъ замѣняетъ десятину отъ виръ и продажъ огульною суммою въ 100 гривенъ (Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія I 219).

Выдача жалованныхъ грамотъ безъ думы съ боярами и другими совѣтниками, несмотря на то, что ими предоставлялись пожалованнымъ очень важныя права, была, надо полагать, весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ нашей древности. Это заключаемъ мы изъ того, что и церковный уставъ Владиміра Святаго данъ этимъ княземъ только по совѣщанію съ женою и дѣтьми, а не съ мужами. Оригиналъ устава до насъ не дошелъ; мы имѣемъ его въ редакціи, принадлежащей позднѣйшимъ составителямъ. Для насъ чрезвычайно важно, что эти позднѣйшіе составители не нашли нужнымъ указать въ своей поддѣлкѣ на участіе думы. Если-бы это участіе составляло въ ихъ время (древнѣйшія рукописи устава находились уже въ обращеніи въ

концѣ XIII вѣка, а составлены были, конечно, ранѣе) общее правило, они не упустили бы упомянуть «о думѣ» съ боярами, что-бы придать дѣлу рукъ своихъ признакъ достовѣрности. Если они этого не дѣлаютъ, это ясный знакъ, что «дума бояръ» не составляла необходимости даже въ такихъ важныхъ дѣлахъ, какъ опредѣленіе правъ церкви. Понятно почему. Князь одаряетъ церковь десятиною изъ своего многоимѣнія. Это его добрая воля. Предоставляя ей судъ въ извѣстныхъ дѣлахъ и вѣдомство нѣкоторыхъ лицъ, онъ только отказывается отъ своихъ правъ. Это опять его добрая воля. Онъ можетъ все это сдѣлать самъ, никакіе помощники ему здѣсь не нужны. Эти пожалованія затрогиваютъ лишь интересы его семьи, и съ нею онъ совѣщается. Такимъ образомъ, важнѣйшія права нашей древней церкви получили свое бытіе отъ личнаго усмотрѣнія князя, безъ участія въ этомъ дѣлѣ боярской «думы». Тоже надо сказать и объ уставѣ новогородской церкви св. Іоанна на Опокахъ, данномъ Всеволодомъ. Подлинность дошедшей до насъ редакціи этой грамоты сомнительна, однако и составители этой редакціи не нашли нужнымъ упомянуть о «думѣ».

Но совершенно въ такихъ же случаяхъ князья нерѣдко обращаются къ «думѣ» со своими мужами. Такъ таже Русская Правда приводитъ распоряженія сыновей Ярослава о размѣрѣ виръ и порядкѣ суда, принятыя ими при участіи мужей (Ак. 17, Тр. 2); точно такъ же при участіи «думы» состоялось постановленіе Владиміра Мономаха о процентахъ (Тр. 48). Жалованная грамота Ростислава Мстиславича смоленской епископіи дана была по думѣ «съ людми своими» (Доп. къ А. И. I № 4, 1150). Грамота Всеволода Новогородскаго о церковныхъ судахъ, дошедшая до насъ не въ первоначальной своей редакціи, упоминаетъ о думѣ съ боярами, сотскими и старостами. Церковный уставъ Ярослава говоритъ о думѣ князя съ митрополитомъ.

Если совершенно однородные акты совершаются то княземъ единолично, то по думѣ съ кѣмъ либо,—это зна-

читъ, что «дума» князя есть актъ его доброй воли, а не обязанность.

Такъ какъ дѣла, подлежавшія рѣшенію князя, обнимали всю область управленія и суда и по свойствамъ своимъ были очень различны, то понятно, что и совѣтники, къ которымъ князю приходилось обращаться, были также различны. Онъ совѣщается то со всею дружиною, то съ нѣкоторыми только ея членами, то съ духовными лицами, то съ людьми не служилыми, то, наконецъ, и съ тѣми, и съ другими, и съ третьими вмѣстѣ. Кромѣ личнаго усмотрѣнія князя, выборъ совѣтниковъ обусловливался всякій разъ особенностями случая.

Если дѣло шло о войнѣ, князь совѣтывался со всею дружиною. Это очень понятно. При господствѣ начала свободнаго отъѣзда, дружинѣ нельзя было приказывать. Если князь хотѣлъ, что-бы она приняла участіе въ предполагаемой войнѣ, надо было заручиться ея согласіемъ. Достаточное доказательство этого положенія даетъ совѣщаніе съ своими дружинами князей Владиміра Мономаха и Святополка-Михаила по поводу войны съ половцами. Первоначально обѣ дружины были противъ войны; Владиміру Мономаху пришлось убѣждать ихъ въ необходимости начать военныя дѣйствія. (Мѣсто приведено въ I т. Юр. др. 305).

Въ дѣлахъ суда князья ограничивались весьма небольшимъ числомъ совѣтниковъ. Надо полагать, что они приглашали въ этихъ случаяхъ только главнѣйшихъ лицъ, имѣвшихъ дѣло съ отправленіемъ правосудія. Такъ сыновья Ярослава, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, въ одномъ случаѣ призываютъ пять совѣтниковъ, въ другомъ—только трехъ; послѣднее совѣщаніе происходило послѣ смерти Ярослава, когда всѣ три князя были уже самостоятельными правителями; такимъ образомъ, на каждаго князя приходится только по одному совѣтнику. Владиміръ Мономахъ, для рѣшенія вопроса о процентахъ, созвалъ шесть совѣтниковъ. Въ этомъ числѣ было трое тысяцкихъ: кіевской, бѣлгородской и переяславской, и Иванка Чудиновичъ, мужъ князя Олега Свя-

тославича. Бояринъ князя Олега и двое иногородныхъ тысяцкихъ никакъ не могли принадлежать къ составу постоянной думы Владиміра Мономаха, ибо не находились при немъ. Надо думать, что они были призваны спеціально для этого совѣшанія (Рус. Пр. Ак. 17, Тр. 2).

Къ обсужденію вопроса о вѣрѣ князь Владиміръ призываетъ не только бояръ своихъ, но и «старцевъ градскихъ», т.-е. людей не служилыхъ; вопросъ касался всего населенія и безъ его содѣйствія не могъ быть проведенъ, а потому и были призваны лучшіе элементы населенія, старцы градскіе. Но «старцы» приглашались Владиміромъ и въ другихъ случаяхъ. Мы встрѣчаемъ ихъ на совѣщаніи, въ которомъ рѣшено было возвратиться къ старой народной системѣ виръ и продажъ (Лавр. 996). Старцы градскіе, какъ люди не служилые, не имѣли непосредственнаго отношенія къ отправленію княжескаго суда, а потому приглашеніе ихъ въ данномъ случаѣ объясняется не прямою ихъ заинтересованностью дѣломъ правосудія, а добрымъ расположеніемъ князя къ населенію, лучшихъ людей котораго онъ желалъ привлечь къ обсужденію вопросовъ законодательства.

Въ дѣлахъ церкви главнымъ совѣтникомъ князя является духовенство. Дошедшая до насъ редакція ярославова церковнаго устава говоритъ, что князь Ярославъ далъ этотъ уставъ, «сгадавъ» съ митрополитомъ.

Но древнему времени не было свойственно принципіальное обособленіе разныхъ предметовъ вѣдомства и лицъ, ихъ вѣдавшихъ. Одно и то же лицо, пользуясь довѣріемъ князя, могло быть его совѣтникомъ по всѣмъ вопросамъ суда и управленія. Вслѣдствіе этого духовныя лица могли привлекаться къ рѣшенію чисто свѣтскихъ вопросовъ, а свѣтскія—церковныхъ.

Лѣтописецъ подъ 997 годомъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ любилъ дружину и думалъ съ нею «о строѣ земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ»; а вслѣдъ за тѣмъ разсказываетъ о совѣщаніи того же князя съ еписко-

пами, на основаніи котораго онъ отвергъ виры и сталъ, по византійскому примѣру, казнить смертію разбойниковъ.

Въ 1128 году игуменъ Андреевскаго монастыря, Григорій, пользовавшійся большимъ уваженіемъ современниковъ, далъ совѣтъ князю Мстиславу не исполнять договора, заключеннаго съ княземъ черниговскимъ. Совѣтъ этотъ былъ принятъ, хотя князь и раскаявался въ теченіе всей своей жизни въ нарушеніи клятвеннаго обѣщанія. Въ 1166 году вдова черниговскаго князя, Святослава, по совѣту епископа и лучшихъ бояръ мужа своего, таитъ его смерть въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней до пріѣзда сына умершаго князя (Ипат.).

И наоборотъ, свѣтскіе люди участвуютъ въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся дѣлъ церкви.

Вышеупомянутый церковный уставъ новгородскаго князя Всеволода данъ былъ по думѣ съ владыкою, княгинею, боярами князя, сотскими и старостами новгородскими. Уставъ этотъ есть собственно жалованная грамота, въ которой князь отказывается въ пользу церкви отъ принадлежащихъ ему правъ. Для такого отказа не нужна была ничья воля, кромѣ воли князя. Если онъ привлекаетъ къ этому дѣлу значительное число участниковъ, то, конечно, не потому, чтобы ихъ согласіе было нужно, а для приданія акту большей торжественности и гласности.

Такъ былъ разнообразенъ составъ совѣтниковъ, которыхъ князья привлекали въ свою «думу». Мы имѣемъ передъ собою не учрежденіе, не думу, а думцевъ.

Хотя совѣщаніе съ думцами и не составляло обязанности князя, но, въ виду фактической необходимости въ содѣйствіи князю окружавшихъ его лицъ, оно была весьма обыкновеннымъ явленіемъ нашей древней жизни. Кто же были эти обыкновенные «думцы» князя? Въ большинствѣ случаевъ лѣтопись называетъ ихъ мужами и боярами; послѣднее выраженіе мало-по-малу вытѣсняетъ первое. Вотъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ источниковъ:

«Гюрги князь поваби Вячеслава на столъ Кыеву. Пришедшю же ему Кыеву, боляре размолвиша Гюргя и рѣша:

«брату твоему Кыева не удержати, да не будетъ его тобѣ, ни тому». Гюргеви же послушавшю боляръ...» Лавр. 1150.

«И угодна бысть рѣчь его (Мстислава Изяславича, возбудившаго вопросъ о войнѣ съ половцами) преже Богу, и всѣ братьѣ, и мужемъ ихъ...» Ипат. 1170.

«Прислаша новгородци мужи свои ко Мьстиславу Ростиславичю, зовуче и Новугороду Великому. Онъ же нехотяше ити изъ Руской земли... прилежно бо тщашеться, хотя страдати отъ всего сердца за отцину свою, всегда бо на великая дѣла тъсняся, размышливая съ мужи своими, хотя исполнити отечьствіе свое. Си размышливая вся во сердци своемъ, не хотѣ ити, но понудиша и братья своя и мужи свои, рекуче ему: «брате, аже зовуть тя съ честью, иди! А тамо ци не наша отчина?» Онъ же, послушавъ братьи своей и мужей своихъ, пойде...» Ипат. 1178.

«Рюрикъ же сдума съ братьею и съ мужи своими» 1195.

«Романъ же.·. дума съ мужи своими» 1195.

«И рѣша ему (Даніилѣ Галицкому) бояре его: пріими Луческъ, здѣ ими князя ихъ. Оному же отвѣщавшу: яко приходихъ здѣ молитву створити св. Николѣ, и не могу того створити» 1227.

Тоже и позднѣе. Отъ второй половины XIV вѣка имѣемъ жалованную грамоту рязанскаго князя Олега; она дана по думѣ съ владыкою и съ бояры. Здѣсь находимъ и любопытное перечисленіе бояръ:

«А бояре со мною были: Софоний Алтыкулачевичь, Семенъ Ѳедоровичь, Микита Андрѣевичь, Тимошь Олександровичь, Манасѣя дядько, Юрьи окольничій, Юрьи чашьникъ, Семенъ Микитьичь съ братьею, Павелъ Соробичь». А. И. I, № 2.

Въ Рязани въ XIV вѣкѣ образовался уже значительный штатъ придворныхъ чиновъ; въ составъ его входили дядьки, окольничіе, чашники. Они, конечно, назначались изъ «мужей» или «бояръ». По этому-то они и названы общимъ именемъ «бояръ». Слово бояре въ этомъ широкомъ смыслѣ употребляется и въ московскихъ памятникахъ даже XVII вѣка (см. Рус. Юр. др. т. I, стр. 299 и сл.).

Княжіе мужи и бояре составляютъ высшій классъ слу-

жилыхъ людей, переднюю дружину князя. Эти лучшіе служилые люди и суть обыкновенные думцы князя. Понятно почему. Давать совѣты могутъ только опытные въ дѣлахъ люди, а такими и были «старшіе» или «передніе мужи». Согласно этому нормальному порядку вещей, сложилось и общественное мнѣніе относительно того, кто долженъ быть совѣтникомъ князя. Это должны быть пожилые, опытные люди, старые и вѣрные слуги князя.

Владиміръ Мономахъ учитъ сыновей своихъ «чтить старыхъ» и, слѣдовательно, внимать ихъ совѣтамъ. Такое же наставленіе лѣтописецъ влагаетъ и въ уста великому князю Константину Всеволодовичу. Отпуская сыновей своихъ по городамъ, онъ сказалъ имъ между прочимъ: «Имѣйте послушанье къ старѣйшимъ васъ, иже васъ на добро учать» Лавр. 1218. Добрые совѣты исходятъ отъ старцевъ, молодые же люди легко поддаются увлеченіямъ, часто гибельнымъ. А потому тотъ же начальный лѣтописецъ, описывая братоубійственное княженіе Святополка, восклицаетъ: «Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтники» 1015.

Эта точка зрѣнія удерживается въ XIV вѣкѣ и переходитъ въ XV и XVI. Великій князь Семенъ Ивановичъ совѣтуетъ своимъ братьямъ лихихъ людей не слушать, а слушать «отца нашего, владыки Алексѣя, также старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ». Рум. Собр. I, № 24, 1353. Дмитрій Ивановичъ приказываетъ дѣтямъ любить бояръ и безъ воли ихъ ничего не дѣлать. А изъ послѣдующаго видно, что онъ разумѣетъ старыхъ бояръ, на глазахъ которыхъ онъ родился и выросъ и при ревностномъ содѣйствіи которыхъ царствовалъ. Воскр. 1389. Іосифъ Волоцкой въ посланіи къ дмитровскому князю Юрію совѣтуетъ ему принять мѣры противъ голода, «обговоривъ съ бояры, якоже подобаше». Доп. къ А. И. I. № 216, 1512. Это «подобающее» совѣщаніе съ боярами людямъ XVI вѣка представлялось старымъ обычаемъ. Берсень въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ говорилъ: «Однако лутче старыхъ обы-

чаевъ держатися, и людей жаловати, и старыхъ почитати». А. Э. I. № 172, 1525. Берсень нашелъ нужнымъ указать на этотъ старый обычай почтенія къ старымъ слугамъ и, слѣдовательно, вниманія къ ихъ совѣтамъ, въ виду того, что великій князь Василій Ивановичъ, по его мнѣнію, не соблюдалъ этого обычая.

Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ рѣчь идетъ о лицахъ, а не объ учрежденіи, памятники говорятъ о думѣ съ боярами, мужами, старцами, а не съ совѣтомъ въ болѣе или менѣе опредѣленномъ и постоянномъ составѣ.

Но «думцевъ» избираетъ самъ князь и, вслѣдствіе этого, составъ ихъ опредѣляется его доброю волею; воля же князя опредѣляется его пониманіемъ окружающаго, которое, въ свою очередь опредѣляется вкусами князя, его привычками, способностями и т. д. Вслѣдствіе этого дѣйствительный составъ думцевъ того или другого князя могъ очень отступать отъ общепринятаго. Лѣтопись записала нѣсколькихъ такихъ случаевъ. О послѣднихъ годахъ княженія Всеволода Ярославича лѣтописецъ говоритъ:

«И нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створя съ ними. Си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити княже правды, начаша тіуни грабити, людій продавати, сему не вѣдущю въ болѣзнѣхъ своихъ». Лавр. 1093.

Черниговскій князь Святославъ рѣшилъ воевать со Всеволодомъ Большое Гнѣздо, «сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ, и не повѣдѣ сего мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея». Ипат. 1180.

А были въ древности и такіе князья, которые вообще не любили никакихъ совѣщаній. О галицкомъ князѣ, Владимірѣ, лѣтописецъ говоритъ: «Бѣ бо любезнивъ питію многому и думы не любяшеть съ мужми своими». Ипат. 1188.

Въ приведенныхъ примѣрахъ наблюдаемъ крайнее сокращеніе числа думцевъ; а встрѣчаются и такіе случаи, когда князь привлекалъ въ свою думу не только «мужей», но дружину въ широкомъ смыслѣ, а иногда и весь народъ. Изя-

славъ Мстиславичъ, задумавъ войну съ дядею Юріемъ, призываетъ на совѣщаніе «бояры своя и всю дружину свою, Кіяне, и рече имъ...» Ипат. 1147. Въ томъ же году «Изяславъ и Ростиславъ... начаста думати съ мужи своими, и съ дружиною, и съ черными клобуки...» Въ первомъ случаѣ цѣлое вѣче превратилось въ княжую думу.

И во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ думою, а съ думцами, число которыхъ колеблется отъ одного до нѣсколькихъ сотенъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла и вкусамъ князя.

Переходимъ къ вопросу объ отношеніи князя къ его думцамъ.

Пока служба была вольная и князь не могъ приказывать своимъ вольнымъ слугамъ, думцы князя могли въ значительной степени ограничивать его усмотрѣніе. Князю надо было убѣждать думцевъ въ цѣлесообразности своихъ намѣреній. Общее дѣйствіе было возможно только тогда, когда думцы соглашались съ княземъ. Въ противномъ случаѣ князю приходилось отказываться отъ задуманнаго имъ дѣйствія. Примѣръ этому даетъ вышеуказанное (стр. 342) совѣщаніе Святополка Михаила и Владиміра Мономаха по поводу войны съ половцами.

Но эта зависимость князя отъ думцевъ была не безусловная. Князь не былъ обязанъ дѣйствовать только съ согласія думцевъ. Онъ могъ дѣйствовать и безъ всякой думы. Если думцы не соглашались съ мнѣніемъ князя, онъ могъ дѣйствовать и безъ нихъ, на свой собственный страхъ, если, конечно, у него было достаточно для этого силъ. Этимъ и объясняются свидѣтельства лѣтописи о совѣщаніяхъ то съ однимъ милостникомъ Кочкаремъ,—то съ младшими людьми помимо старѣйшихъ и т. д. Такъ поступаетъ и волынскій князь, Владиміръ Мстиславичъ. Онъ задумалъ напасть на племянника своего, кіевскаго князя, Изяслава, безъ совѣщанія съ дружиной. Когда онъ, наконецъ, сообщилъ боярамъ своимъ о принятомъ имъ рѣшеніи, они отказались слѣдовать за нимъ, говоря: «О собѣ еси, княже, замыслилъ;

а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Ипат. 1169. Не смотря на этотъ отказъ, легкомысленный князь выступилъ въ походъ и потерпѣлъ жестокую неудачу.

Князь могъ дѣйствовать и помимо воли своихъ вольныхъ слугъ, но такой способъ дѣйствія всегда представлялъ для него серьезныя опасности. Служилые люди, мнѣніемъ которыхъ князь не дорожилъ, оставляли его и переходили къ другому, у котораго надѣялись найти большее къ себѣ вниманіе. Необходимымъ слѣдствіемъ такого ухода являлась слабость князя и упадокъ его власти.

Итакъ, хотя зависимость князя отъ вольныхъ слугъ и не безусловна, но все же она была довольно значительна, особенно въ дѣлахъ войны и мира. Положеніе князя въ нашей древней исторіи было въ значительной степени боевое. Военные вопросы стояли на первомъ планѣ и для удачнаго ихъ рѣшенія весьма было полезно усердное содѣйствіе вольныхъ слугъ. А для этого необходимо было щадить ихъ самолюбіе, а потому терпѣливо выслушивать ихъ мнѣнія и ничего не предпринимать безъ ихъ согласія. Эта зависимость князя была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большее число слугъ требовалось привлечь къ исполненію княжеской воли. Въ дѣлахъ внутренняго управленія и суда, гдѣ князья могли обходиться при помощи очень немногихъ рукъ и имѣли всю свободу выбора, она чувствовалась весьма слабо; въ дѣлахъ войны, всегда требовавшихъ напряженія значительныхъ силъ,—очень сильно.

Вотъ и все, что источники дозволяютъ сказать о думѣ князей до московскаго времени. Это было не постоянное учрежденіе, а собраніе довѣренныхъ и нужныхъ лицъ, съ которыми князь желалъ обсудить какое-либо мѣропріятіе. Составъ этого собранія всегда зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя и состоялъ то изъ небольшого числа 1, 2, 3 лицъ, то включалъ въ себѣ всю княжескую дружину, то, наконецъ, расширялся до цѣлаго вѣча. Различія эти зависѣли отъ особенностей случая, подлежавшаго обсужденію, а главнымъ образомъ отъ воли князя. Одни и тѣ же вопросы

войны обсуждаются то съ однимъ милостникомъ, то со всѣми вольными слугами и цѣлымъ вѣчемъ.

Эта княжеская дума переходитъ и въ Московскую Русь, незамѣтно возникающую на развалинахъ древней Руси. Но Москва все древнее передѣлываетъ на новое, передѣлала она и думу княжескую.

Первая и существенная перемѣна произошла въ измѣненіи отношеній думцевъ къ московскому государю. Московскіе государи превратили вольныхъ слугъ въ невольныхъ и тѣмъ кореннымъ образомъ измѣнили положеніе своихъ совѣтниковъ. Съ того момента, какъ право отъѣзда утратило свое практическое значеніе, думцы великихъ князей московскихъ изъ вольныхъ слугъ, которые могли соглашаться съ ними и не соглашаться, обратились въ покорныхъ исполнителей воли своихъ государей.

Вотъ первая и существенная перемѣна въ положеніи государевыхъ думцевъ объединеннаго Московскаго государства. Подъ вліяніемъ этой перемѣны и должна была происходить дальнѣйшая перестройка государевой думы въ московское время. Характеръ ея вполнѣ предопредѣляется зависимымъ положеніемъ служилыхъ людей, которые призывались въ думу. На этой почвѣ не могло развиться учрежденіе, имѣвшее хотя бы тѣнь самостоятельности предъ лицомъ государя.

Источники московскаго времени гораздо обильнѣе источниковъ древней Руси. Но и они кратки и отрывочны. Указовъ, опредѣляющихъ составъ, компетенцію и порядокъ дѣятельности думы, не было издано. Всѣ наши знанія основываются на трудно уловимой практикѣ.

Начнемъ съ названія и состава. Но при этомъ необходимо сдѣлать оговорку. Мы будемъ вести рѣчь о думѣ государевой, т. е. о собраніи лицъ, думающихъ съ государемъ, или хотя и безъ него, но по его особому на всякій разъ приказу и для него, слѣдовательно, дѣйствующихъ непремѣнно въ качествѣ государевыхъ совѣтниковъ, а не самостоятельно и отдѣльно отъ государя. Предметъ нашего

изслѣдованія — государева дума, а не высшее судебное или правительственное учрежденіе, дѣйствующее безъ государя въ отведенной для него и болѣе или менѣе самостоятельной сферѣ дѣятельности. Мы увидимъ далѣе, что въ Москвѣ возникло и такое самостоятельное учрежденіе, и будемъ имѣть случай коснуться его особенностей и указать его различіе отъ думы. Мы увидимъ также, что государева дума и это новое учрежденіе, обыкновенно, смѣшиваются и свойства второго переносятся на первое, благодаря чему и получается возможность говорить о государевой думѣ, какъ о постоянномъ учрежденіи, съ постояннымъ составомъ и компетенціей.

Какъ памятники удѣльнаго времени говорятъ о думѣ князя съ боярами, мужами и пр., а не о думѣ князя въ смыслѣ постояннаго учрежденія, такъ и московскіе памятники не знаютъ «государевой думы», а по старому продолжаютъ говорить о думѣ съ боярами. Эта терминологія очень употребительна и встрѣчается въ разныхъ примѣненіяхъ: то «царь сидитъ съ бояры», то онъ выражаетъ желаніе «поговорить съ бояры», то «царь указываетъ, а бояре приговариваютъ», то «царь приговариваетъ съ бояры», то докладъ дѣлается «царю и боярамъ» и т. д.

Кого означаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ слово «бояре»? Москва все старое передѣлываетъ на новое; но мы уже не разъ видѣли, что она дѣлаетъ это съ великою осторожностью, щадя старое и исподволь замѣняя его новымъ; московскія новшества не должны были рѣзать ничьего слуха и глаза. Вотъ почему терминъ бояре живетъ и въ XVII в. но значитъ онъ далеко не то, что значилъ прежде. Въ до московское время подъ боярами-думцами князя разумѣли лучшихъ старѣйшихъ бояръ, которымъ противополагались люди новые, молодые. Въ московское время этимъ старѣйшимъ боярамъ соотвѣтствуютъ, до нѣкоторой степени, бояре введенные, составляющіе высшій классъ московскаго боярства. Они ли думцы московскихъ государей?

Хотя чинъ введеннаго боярина жаловался московскими государями, хотя въ это званіе они могли возводить и людей

новыхъ; но по общему правилу въ званіе введеннаго боярина возводились преимущественно члены именитѣйшихъ фамилій. Еслибы московскіе государи совѣщались только съ ними, это значило бы, что они сами себя ограничили въ выборѣ своихъ совѣтниковъ. Къ такимъ самоограниченіямъ не были склонны и удѣльные князья до московской Руси; тѣмъ менѣе могли себя ограничить московскіе государи. Но они пошли далѣе своихъ предшественниковъ; удѣльные князья, совѣщаясь съ «молодшими» людьми, нарушили этимъ общеустановившіяся понятія о княжескихъ думцахъ; московскіе государи совѣщаніе съ мелкими людьми возвели въ правило.

Московскіе великіе князья не менѣе своихъ предшественниковъ, удѣльныхъ князей, нуждались въ совѣщаніяхъ съ довѣренными и опытными людьми. Эти совѣщанія они регулируютъ созданіемъ цѣлаго класса «думныхъ» людей. Въ составъ этого класса прежде всего входятъ бояре введеные. За ними идутъ другіе крупные придворные чины: окольничіе, дворецкіе, крайчіе и пр. Но составъ государевыхъ думцевъ не ограничивается этими высшими чинами, въ ихъ число вводятся и люди очень мелкіе: дворяне и дьяки. Дворяне и дьяки, назначенные въ число государевыхъ думцевъ, носятъ наименованіе думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Прилагательное «думный» не присоединяется къ названію введеныхъ бояръ и другихъ высшихъ чиновъ, ибо они, какъ близкіе и довѣренные люди, изстари бывали думцами. Думное же свойство мелкихъ людей есть новость, а потому къ имени ихъ и оказалось нужнымъ прибавить это новое ихъ качество.

Первое появленіе дворянъ въ числѣ думныхъ людей не можетъ быть указано съ точностью. Шереметевская боярская книга впервые упоминаетъ о назначеніи дворянъ въ думу только подъ 1572 годомъ. Но мы знаемъ, что она очень запаздываетъ. Памятники первой половины XVI вѣка говорятъ уже «о дѣтяхъ боярскихъ, которыя живутъ въ думѣ». Древнѣйшее такое извѣстіе относится къ 1517 г. *).

*) Источники приведены въ I т. Рус. Юр. древн., стр. 432 и сл.

Слово «живутъ» употребляется въ этихъ случаяхъ въ смыслѣ «бываютъ», какъ въ выраженіи: «на свѣтѣ всяко живетъ». Такимъ образомъ, уже въ первой четверти XVI вѣка мелкіе чины входятъ въ составъ государевыхъ думцевъ; а началось это, конечно, ранѣе 1517 года. Нововведеніе это можно относить къ царствованію величайшаго реформатора нашей древней жизни, великаго князя, Ивана Васильевича III.

Еще труднѣе опредѣлить первое назначеніе дьяковъ въ составъ государевыхъ думцевъ. Шереметевскій сводный списокъ въ первый разъ упоминаетъ о такомъ назначеніи только подъ 1655 годомъ. Но до насъ дошли указанія на дьяковъ, участниковъ боярской думы, отъ конца XVI вѣка *). Далѣе этого свидѣтельства памятниковъ, намъ извѣстныя, не восходятъ. Но есть основаніе думать, что и думные дьяки могли появиться уже въ царствованіе Ивана Васильевича III. Онъ ограничилъ единоличный судъ бояръ введеныхъ и приказалъ имъ судить не иначе, какъ вмѣстѣ съ дьяками. Необходимымъ слѣдствіемъ этого предписанія является то, что въ половинѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ дьяка въ качествѣ постояннаго члена существовавшей уже тогда судной боярской коллегіи **). Такимъ образомъ, съ Ивана III дьяки по пятамъ слѣдуютъ за боярами; гдѣ бояринъ, тамъ и дьякъ. Можно думать, что уже при Иванѣ III дьяки «жили» въ думѣ. Прилагательное «думный» для обозначенія дьяка-совѣтника могло возникнуть позднѣе, но самое дѣло—приглашеніе дьяковъ въ думу — совершенно согласно съ политикой Ивана III.

Такимъ образомъ, дума московскихъ государей, по общему правилу, не состоитъ изъ лучшихъ только людей въ старомъ смыслѣ этого слова, въ нее вводятся и маленькіе люди, дворяне и дьяки; тѣмъ не менѣе вся совокупность государевыхъ думцевъ и въ XVII вѣкѣ продолжаетъ называться «боярами», такъ живуча старина! Но иногда

*) Тамъ же, стр. 503.

**) Тамъ же, стр. 490.

смыслъ этого таинственнаго слова раскрывается и памятники говорятъ о сидѣньи царя съ боярами, окольничими, думными дворянами, думными дьяками и ближними людьми *). Иногда же думными людьми называются одни думные дворяне и дьяки. Въ дворцовыхъ разрядахъ подъ 1626 годомъ, при описаніи пріема шведскаго посла, записано:

«А при государѣ были въ полатѣ: бояре, и околничіе, и думные люди, и столники, и стряпчіе, и дворяне... и дьяки въ золотѣ»...

Подъ думными людьми здѣсь надо разумѣть думныхъ дворянъ и дьяковъ, но, конечно, не потому, чтобы они были государевыми думцами по преимуществу.

Такая неопредѣленность терминовъ. въ силу которой часть можетъ носить имя цѣлаго, свидѣтельствуетъ не объ одной неточности языка нашихъ древнихъ памятниковъ. она говоритъ и о недостаточной выработанности и обособленности тѣхъ учрежденій, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. Это сдѣлается яснымъ изъ слѣдующаго.

Государевы думцы именуются то кратко «боярами», то пространно: «боярами, окольничими, думными дворянами и думными дьяками». Но эти же самые термины употребляются и для обозначенія учрежденій, весьма различныхъ отъ думы.

Памятники второй половины XVI вѣка говорятъ о судѣ боярской коллегіи **). Мы не можемъ съ точностью утверждать, была ли это коллегія постоянная, или она назначалась для каждаго дѣла особо; но во всякомъ случаѣ такую судную боярскую коллегію надо отличать отъ государевой думы: она не думаетъ съ государемъ, а сама вершитъ предоставленныя ея вѣдѣнію дѣла. Несмотря на это существенное различіе, коллегія эта, какъ и дума государева, называется словомъ «бояре». Въ составъ ея, какъ и въ составъ думы, входятъ не одни бояре, но и думные дворяне и другіе думные чины.

---

*) Дворц. разр. III стол. 1095.

**) Рус. Юр. древ. I т. стр. 374 и 490.

Въ памятникахъ XVII вѣка этотъ боярскій судъ обозначается подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ входящихъ въ его составъ членовъ. Въ Уложеніи читаемъ:

«А боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и, по государеву указу, всякая дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ» X. 2.

Или въ указѣ 1676 года:

«Великій государь указалъ боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людемъ съѣзжаться въ верхъ на первомъ часу и сидѣть за дѣлы». П. С. З. № 621.

Бояре и другіе думные люди, обязанные съѣзжаться въ опредѣленный часъ и рѣшать текущія дѣла въ силу предоставленной имъ власти, представляютъ, въ данномъ случаѣ, не думу государеву, а особое административно-судебное учрежденіе; тѣмъ не менѣе и они, какъ и государева дума, обозначаются перечисленіемъ тѣхъ же думныхъ чиновъ, это тоже бояре, или: бояре, окольничіе и думные чины.

Но тотъ же терминъ «бояре» усвояется и отдѣльнымъ приказамъ; хотя въ составъ ихъ входятъ и не одни думные чины, тѣмъ не менѣе приговорамъ приказовъ усвояется наименованіе «боярскаго приговора», какъ и приговорамъ царской думы.

Въ 1628 году приговоръ Помѣстнаго приказа названъ «боярскимъ приговоромъ». Въ 1647 году послѣдовало, по одному частному дѣлу, рѣшеніе въ судномъ Владимірскомъ приказѣ, состоявшемъ изъ одного боярина, одного окольничаго и двухъ дьяковъ. Выигравшая сторона проситъ дать ей правую грамоту «противъ суднаго дѣла и боярскаго приговора». Въ 1671 году архимандритъ Чудова монастыря проситъ великаго государя пожаловать монастырь, приказать его спорное дѣло слушать своимъ государевымъ боярамъ. Государь пожаловалъ, приказалъ взнести это дѣло къ своимъ «боярамъ, которымъ приказано Москву вѣдать». А Москву въ это время вѣдалъ всего одинъ бояринъ, кн. Григ. Сем. Куракинъ; товарищами же его были: окольничій

кн. Ив. Сем. Барятинскій, думный дворянинъ, Ив. Аоан. Прончищевъ, да двое думныхъ дьяковъ: разрядный, Герас. Дохтуровъ, и стрѣлецкій, Лар. Ивановъ. Эти бояре приговорили по прежнему «боярскому приговору»; а этотъ прежній «боярскій приговоръ» состоялся въ Помѣстномъ приказѣ. Въ 1676 году по указу великаго государя « въ Отвѣтной палатѣ передъ бояры, передъ княземъ Мих. Юр. Долгоруково съ товарищи, чтены гостямъ договорныя жалованныя грамоты...» А кн. Мих. Юр. Долгорукій вѣдалъ въ это время приказъ Казанскаго дворца, товарищами же его были не бояре, даже не окольничіе и не думные дворяне, а три дьяка *).

Итакъ, бояре и боярскій приговоръ имѣли въ Москвѣ очень широкое значеніе. Словомъ «бояре» обозначаются государевы думцы, высшій судъ и даже отдѣльные приказы, состоявшіе изъ одного боярина и нѣсколькихъ дьяковъ, даже не думныхъ. Словами «боярскій приговоръ» можетъ быть названъ приговоръ каждаго изъ этихъ учрежденій.

Но какъ бы ни была велика неопредѣленность древней терминологіи и необособленность учрежденій, все же московское время представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ въ области организаціи высшихъ установленій, а въ числѣ ихъ и государевой думы. Въ Москвѣ думные чины «сказываются», а это значитъ, что званіе думнаго человѣка составляетъ постоянный признакъ введеннаго боярина, окольничаго, думнаго дворянина и думнаго дьяка. Думный человѣкъ приглашается не случайно на то или другое засѣданіе государевой думы, а въ силу того, что онъ объявленъ думцемъ царя. Отсюда легко придти къ заключенію, что въ Москвѣ мы уже имѣемъ дѣло не съ думцами только, а съ постояннымъ учрежденіемъ, состоящимъ изъ опредѣленнаго числа членовъ. Такъ и думаютъ всѣ изслѣдователи боярской думы. Проф. Загоскинъ, перу котораго принадлежитъ лучшее сочиненіе о боярской

*) А. до Ю. Б. I, № 72, II. Ѳедотовъ Чеховскій № 118 и 134. Дворц. разр. III, стол. 1424, ср. 1415. Рум. собр. IV, № 105.

думѣ, говоритъ о правѣ думныхъ людей присутствовать въ государевой думѣ въ силу своего положенія *). Хотя этотъ выводъ представляется довольно натуральнымъ слѣдствіемъ наличности думныхъ чиновъ, тѣмъ не менѣе есть достаточное основаніе сомнѣваться, чтобы московскіе думные люди имѣли по положенію своему право принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, занимавшихъ московскихъ государей. Такое право думныхъ людей предполагаетъ обязанность московскихъ государей совѣщаться съ ними; а наличность такой обязанности еще никѣмъ не была доказана. Думный чинъ свидѣтельствуетъ не о правѣ думныхъ людей давать совѣты царю, а о правѣ царя призывать въ свою думу не только бояръ, но дворянъ и даже дьяковъ.

На долю московскихъ князей выпала великая и трудная задача—созданіе Московскаго государства. Для этого были нужны люди. Надо было умѣть привлекать ихъ къ себѣ. И московскіе государи умѣли это дѣлать. Они щедро раздавали служилымъ людямъ земли и льготы и образовали преданный себѣ классъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Но не все можно было купить одной щедростью. Приходилось еще имѣть дѣло съ мнѣніями и привычками служилаго класса. Ихъ нельзя было игнорировать, къ нимъ надо было относиться съ нѣкоторой долей уваженія. Эти обычныя мнѣнія требовали, чтобы князья совѣщались со «старѣйшими». Но это уже опека, а опека стѣсняетъ. Надо было почтить «старѣйшихъ» и дать дорогу «молодшимъ». Учрежденіе думныхъ чиновъ счастливо разрѣшило эту трудную задачу. Въ бояре введеные назначаются члены именитыхъ фамилій, которые, такимъ образомъ, составляютъ первые ряды государевыхъ совѣтниковъ. Но къ совѣту допускаются и мелкіе люди. Эти мелкіе люди остаются, однако, въ мелкихъ чинахъ дворянъ и дьяковъ, а потому и не задѣваютъ отеческой чести людей родовитыхъ. Созданіе дум-

*) Дума боярская, стр. 46.

ныхъ чиновъ—очень тонкая мѣра московскихъ политиковъ. Она даетъ свободу государямъ совѣтоваться съ кѣмъ имъ угодно, не оскорбляя родовой чести людей именитыхъ, которые пользуются въ государевой думѣ первымъ мѣстомъ и почетнѣйшимъ титуломъ боярина.

Мы подходимъ къ вопросу о дѣйствительной роли думныхъ людей и о дѣйствительномъ составѣ государевой думы.

Московскіе князья не менѣе удѣльныхъ могли всякія дѣла дѣлать одни, не спрашивая ничьего совѣта. Они совѣщались съ думными людьми только тогда, когда сами этого хотѣли. Въ этомъ отношеніи они были еще свободнѣе своихъ предшественниковъ. Тѣмъ нужно было согласіе вольныхъ слугъ, а потому имъ приходилось убѣждать ихъ; московскіе государи имѣютъ дѣло съ обязанными слугами, они приказываютъ имъ. Мы имѣемъ массу единоличныхъ актовъ московскихъ государей по всѣмъ вопросамъ законодательства, суда и управленія, въ которыхъ и рѣчи нѣтъ о какомъ либо совѣтѣ.

Жалованныя льготныя грамоты даются московскими князьями единолично безъ упоминанія о какомъ-либо боярскомъ приговорѣ; жалованныя-уставныя точно также; губныя грамоты, таможенныя, наказы воеводамъ—также. А въ этихъ грамотахъ все наше законодательство съ первыхъ годовъ возникновенія Московскаго государства. Это, конечно, только старая до-московская практика.

Тоже надо сказать и о судѣ князя. Во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, установляющихъ привилегированную подсудность, говорится: «сужу азъ, князь великій, или бояринъ мой введеный». Князь судитъ одинъ, а если ему нельзя, вмѣсто него судитъ бояринъ его введеный, тоже одинъ.

Право князя все дѣлать единолично не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію и не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Лишь для иллюстраціи въ лицахъ старой практики мы приведемъ, въ порядкѣ времени, нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ.

Въ 1558 г. «бояринъ Ив. Анд. Булгаковъ приказалъ

дьякамъ, Юрію Баженину да Василью Мелентьеву, а велѣлъ записать въ тетрадь, памяти ради, что царь и великій князь приказалъ имъ, боярамъ, своимъ словомъ...» А далѣе слѣдуетъ государевъ указъ о порядкѣ обысковъ. Въ томъ же году послѣдовалъ «государевъ приговоръ» о закладныхъ вотчинахъ. Въ слѣдующемъ году состоялся государевъ приказъ казначеямъ о судѣ по кабаламъ. 15 октября 1560 г. государь слушалъ докладъ о взысканіи по кабаламъ и приказалъ казначеямъ выдавать несостоятельныхъ должниковъ головою до искупа, а продаваться имъ въ полные холопы не дозволилъ *).

Въ 1607 г. послѣдовалъ указъ Василія Ивановича Шуйскаго о добровольныхъ холопахъ **).

15 января 1628 г. государю и великому князю, Михаилу Ѳедоровичу, и отцу его великому государю, святѣйшему патріарху, Филарету Никитичу, докладывали окольничей и два дьяка о разныхъ вопросахъ по гражданскому судопроизводству, и по тому докладу государи дали свой указъ. Въ слѣдующемъ году послѣдовалъ новый указъ государей по докладу тѣхъ же лицъ и по тѣмъ же вопросамъ и еще два указа одного Михаила Ѳедоровича: первый изъ нихъ былъ вызванъ просьбой людей черныхъ сотенъ объ облегченіи ихъ постойной повинности; мотивъ второго не виденъ, имъ предписывается земскому приказу вѣдать извощиковъ. Въ 1631 г. по докладу двухъ дьяковъ Разбойнаго приказа послѣдовалъ царскій указъ о лихованныхъ обыскахъ и пыткахъ и т. д. ***).

Тоже продолжается и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Вотъ нѣсколько его личныхъ распоряженій, данныхъ въ 1675 году. Въ апрѣлѣ, по докладу думнаго дьяка, государь приказываетъ «вершить» стрѣлецкую жену за то, что она убила своего мужа. Въ маѣ государь указалъ тому

*) А. И. I. № 154, IX, X, XII, XVI.
**) А. И. II. № 85, I.
***) А. И. III. № 92, XII, XV, XVI, XXIII: № 168.

же думному дьяку произвести слѣдствіе въ его государевомъ великомъ дѣлѣ. Въ іюнѣ государь указалъ боярину Ар. Сер. Матвѣеву, по сыску и по распроснымъ рѣчамъ, сослать въ ссылку по разнымъ городамъ жену стольника Мусина Пушкина и др., а помѣстія ихъ и вотчины отписать на себя, великаго государя. Въ августѣ государь пожаловалъ князя Великаго-Гагина, не велѣлъ думному дьяку разрядному посылать къ нему межевщика до своего указу *).

Итакъ, думные люди не суть необходимые совѣтники. Московскіе государи издаютъ единолично своею властію всякаго рода указы: законодательные, судебные и правительственные. Они совѣщаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда находятъ это нужнымъ; но совѣщаются они не съ учрежденіемъ, а съ такими думцами, которыхъ пожелаютъ привлечь въ свою думу.

Любопытныя указанія на думцевъ великаго князя Василія Дмитріевича находимъ въ грамотѣ Эдигея. Ордынскій князь упрекаетъ московскаго государя за то, что онъ пересталъ слушать «старцовъ старыхъ», что единственный его совѣтникъ Иванъ Ѳедоровичъ Кошка. Этого Ив. Ѳед. Кошку, казначея, Эдигей называетъ «любовникомъ князя и старѣйшиной», изъ словъ котораго и изъ думы великій князь не выступаетъ. Эдигей очень этимъ недоволенъ; онъ совѣтуетъ князю «тако не дѣлать, молодыхъ не слушать, а собрать старѣйшихъ своихъ бояръ: Илью Ивановича, Петра Константиновича, и Ивана Микитича и иныхъ многихъ старцовъ и съ ними думать добрую думу» **).

Ни въ порицаніяхъ, ни въ совѣтахъ Эдигея и намека нѣтъ на думу въ смыслѣ учрежденія. Василій Дмитріевичъ, какъ и его отдаленный предокъ, Всеволодъ Ярославичъ, пересталъ совѣтоваться со старцами и началъ любить смыслъ юныхъ совѣтниковъ и главнымъ образомъ, Ив. Ѳед. Кошки, по думѣ котораго и сталъ дѣйствовать. Эдигей совѣтуетъ

*) Дворц. разр. III, стол. 1346, 1423, 1443, 1578.
**) Рум. собр. IV. № 15, 1409.

ему совѣщаться не съ существующей думой, а съ извѣстными старѣйшими боярами, имена которыхъ и перечисляетъ. Рѣчь идетъ о лицахъ, а не объ учрежденіи.

Въ лѣтописи подъ 1471 г. сохранилось описаніе «думы» великаго князя Ивана Васильевича о походѣ на Новгородъ. Князю предстояло великое дѣло; лѣтописецъ разсказываетъ, что мысль о войнѣ съ Новгородомъ вызвала слезы на глаза князя. Съ кѣмъ же онъ обдумывалъ этотъ важный шагъ? Не съ думой-учрежденіемъ, а съ думцами, созванными на этотъ только случай.

«И много мысливъ о семъ (т.-е. объ измѣнѣ новгородцевъ), и тако возвѣщаетъ о семъ отцу своему, митрополиту Ѳилиппу, и матери своей, в. к. Маріи, и сущимъ у него бояромъ его, что поитти на Новгородъ ратію; они же, слышавше си совѣтуютъ ему, упованіе положивъ на Бозѣ, исплънити мысль свою надъ новогородцы за ихъ неисправленіе и отступленіе». Воскр.

«Сущіе при князѣ бояре» это, конечно, не дума, а бояре, случайно остававшіеся при князѣ въ этотъ моментъ и не находившіеся въ какихъ либо посылкахъ; къ нимъ князь присоединилъ митрополита и мать свою. Но это совѣщаніе, въ виду важности случая, оказалось недостаточнымъ; за нимъ послѣдовало другое, въ которомъ приняли участіе бояре, князья, всѣ епископы и лучшіе изъ служилыхъ людей вообще. Оно такъ описано въ лѣтописи:

«И.... князь велики розосла по всю братію свою, и по всѣ епископы земли своея, и по князи, и по бояре свои, и по воеводы, и по вся воа своа; и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ възвѣщаетъ мысль свою, что итти на Новгородъ ратію, «понеже бо во всемъ измѣниша и никоея же правды обрѣтеся въ нихъ нимала. Но поитти ли нынѣ на нихъ или не поити? понеже лѣтнее уже время, а земля ихъ многи воды имать около себе, и езера великіе, и рѣки, и болота многи и зело непроходимы; а прежніи велиціи князи о то время на нихъ не хаживали, а хто ходилъ, тотъ мнози люди истерялъ». И мысливше о томъ не мало.....» Воскр.

Первое совѣщаніе далеко не заключало въ себѣ всѣхъ думцевъ, второе—далеко вышло за предѣлы думныхъ людей. Все это объясняется особенностями случая, а не конституціей думы. Князь желаетъ совѣщаться и на первый разъ совѣщается съ тѣми людьми, которые оказались подъ рукой. Но походъ, по времени года, представлялъ большія трудности, оказалось нужнымъ посовѣщаться со всѣми людьми, знакомыми съ дѣломъ; призвали воеводъ и воиновъ. Но ни первое, ни второе собраніе не есть постоянная дума; и то и другое собрано на случай. Въ постоянную думу дѣло вовсе не было внесено по той простой причинѣ, что такой думы не было.

Василій Дмитріевичъ любилъ совѣщаться съ однимъ совѣтникомъ, Ив. Ѳед. Кошкою; число обыкновенныхъ совѣтниковъ его правнука, вел. кн. Василія Ивановича, не превышаетъ двухъ. Это извѣстно изъ тайной бесѣды Берсеня-Беклемишева съ Максимомъ-Грекомъ. «А нынѣ деи, говорилъ Берсень, государь нашъ запершыся самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ». Этотъ все рѣшающій совѣтъ двухъ лицъ у постели не былъ, конечно, совѣтомъ думы-учрежденія, а былъ совѣтомъ думцевъ, который могъ состоятъ и изъ двухъ, и изъ трехъ, и изъ пяти лицъ, смотря по желанію князя.

Образчикъ такой думы даютъ послѣдніе дни жизни Василія Ивановича. Чувствуя приближеніе смерти, великій князь сталъ думать о томъ, какъ составить духовное завѣщаніе и кому поручить его исполненіе.

Обсужденіе такого чрезвычайнаго вопроса, конечно, не относится къ текущимъ дѣламъ, разрѣшаемымъ въ обыкновенномъ порядкѣ управленія. Какъ бы, однако, ни былъ этотъ вопросъ важенъ и не обыченъ, трудно думать, чтобы вел. князь отступилъ въ этомъ случаѣ отъ обыкновеннаго порядка своихъ совѣщаній. Дѣйствительно, дошедшій до насъ довольно подробный разсказъ лѣтописи совершенно подтверждаетъ и свидѣтельство Берсеня и то, что мы уже

знаемъ о совѣщаніяхъ московскихъ государей съ своими думцами.

«Великій князь Василій Ивановичъ, читаемъ въ Царственной книгѣ, пусти въ думу къ себѣ, къ духовнымъ грамотамъ, дворецкаго своего тверскаго, Ивана Юрьевича Шигону, и дьяка своего, Меньшова Путятина. И нача мыслити князь великій, кого пустити въ ту думу и приказать свой государевъ приказъ *).

Это и есть совѣтъ «у постели самъ третей». На немъ былъ если не рѣшонъ окончательно, то намѣченъ важнѣйшій вопросъ о томъ, кого призвать къ составленію духовной грамоты и къ ея исполненію, т. е. и вопросъ о правленіи въ малолѣтство Ивана Васильевича. За этимъ первымъ засѣданіемъ «у постели» послѣдовало второе — болѣе многочисленное. Оно состоялось уже по возвращеніи вел. кн. изъ Волоколамска въ Москву. Въ это засѣданіе, кромѣ двухъ названныхъ уже совѣтниковъ, были приглашены бояре: Вас. Вас. Шуйскій, Мих. Юр. Захарьинъ и Мих. Сем. Воронцовъ, казначей Пет. Ив. Головинъ да дьякъ Ѳед. Мишуринъ. Это, надо полагать, первоначальный составъ, предрѣшонный въ первомъ засѣданіи; но онъ былъ пополненъ. Лѣтописецъ говоритъ:

«Тогда же князь вел. прибави къ себѣ въ думу къ духовной грамотѣ бояръ своихъ: кн. Ив. Вас. Шуйскаго, да Мих. Вас. Тучкова, да кн. Мих. Львова Глинскаго. Князя же М. Л. Глинскаго прибавилъ потому, поговаря съ бояры, что онъ въ родствѣ женѣ его, вел. кн. Еленѣ» **).

Лѣтописецъ не только перечисляетъ составъ думы, но и указываетъ, о чемъ шла рѣчь въ засѣданіи, хотя и довольно кратко:

«И начатъ князь велики говорити, читаемъ въ Софійской лѣтописи (270), о своемъ сыну, о князѣ Иванѣ, и о

*) Царст. кн. стр. 6; съ нею согласенъ и разсказъ Софійск. лѣт. П. С. Р. Л. VI стр. 268.

**) П. С. Р. Л. VI. 270.

своемъ великомъ княженіи, и о своей духовной грамотѣ, понеже бо сынъ его бѣ младъ, токмо трехъ лѣтъ на четвертой, и какъ строитися царству послѣ его; и тогда князь велики приказа писати духовную грамоту дьякамъ своимъ, Меншому Путятину да Ѳедору Мишурину».

Мы имѣемъ передъ собой совѣщаніе царя съ думцами. Положеніе царства было очень трудное, такъ какъ наслѣднику престола было всего три года. Предстояло устроить правительство; это, конечно, и разумѣлъ лѣтописецъ, говоря: «какъ строитися царству послѣ его». По обсужденіи всѣхъ этихъ вопросовъ и была написана духовная грамота, въ которую, по всей вѣроятности, было внесено и постановленіе о правительствѣ. Члены совѣщанія, надо полагать, подписались въ качествѣ свидѣтелей. Къ сожалѣнію, грамота эта до насъ не дошла. Очень можно думать, что дѣйствительное правительство, захватившее власть по смерти царя, несоотвѣтствовало предположенному, а потому и былъ поводъ захватившимъ власть скрыть и уничтожить ее.

Думаю, что описанныя лѣтописцемъ два совѣщанія не представляютъ ничего чрезвычайнаго, выходящаго изъ ряда ежедневныхъ явленій; мы имѣемъ здѣсь картину обыкновенныхъ совѣщаній Василія Ивановича съ своими думцами. Онъ началъ, какъ всегда, съ совѣщанія съ двумя довѣренными лицами. Но такъ какъ вопросъ былъ великой важности, то вел. князь нашелъ нужнымъ расширить свою думу. Сперва онъ рѣшилъ составить ее изъ семи лицъ, а за тѣмъ прибавилъ къ нимъ еще трехъ. Такимъ образомъ, и эта дума была составлена на случай, какъ и обѣ извѣстныя намъ думы Ивана Васильевича. Число всѣхъ думныхъ людей за послѣдній годъ царствованія Василія Ивановича намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что бояръ введеннымъ у него было 20 человѣкъ; окольничихъ отъ царствованія Ивана Васильевича осталось—6; сколько было думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ—не знаемъ; тоже не знаемъ, сколько было думныхъ людей другихъ придворныхъ чиновъ: дворецкихъ, крайчихъ и пр. Но мы скорѣе умень-

шимъ, чѣмъ увеличимъ дѣйствительное число думцевъ, если положимъ его въ 35 человѣкъ. Изъ этого то общаго числа думцевъ на думу о духовной было приглашено: пять бояръ, одинъ дворецкій, одинъ казначей и два дьяка, итого 9 на 35. Кромѣ того въ думу приглашенъ былъ и одинъ не думный человѣкъ, Мих. Льв. Глинскій. Приглашеніе его было обставлено особой оговоркой. Вел. князь нашелъ нужнымъ особенно поговорить о немъ со своими думцами. Онъ мотивировалъ свое желаніе имѣть Глинскаго въ думѣ тѣмъ, что онъ родственникъ женѣ его. Это чрезвычайно любопытный фактъ; онъ указываетъ на то во 1-хъ, что въ думу приглашаются, обыкновенно, только думные чины; и во 2-хъ, что въ данномъ случаѣ мы именно имѣемъ дѣло съ обыкновеннымъ засѣданіемъ княжескаго совѣта, какъ онъ понимался въ древнее время. Небольшое число дѣйствительныхъ думцевъ не должно насъ удивлять. Князь пригласилъ всѣхъ, кто ему былъ нуженъ. Отъ приглашенныхъ же не могла изойти иниціатива о расширеніи думы. Они, конечно, очень были довольны сдѣланнымъ имъ предпочтеніемъ и не въ ихъ интересахъ было хлопотать о распространеніи этого предпочтенія на другихъ.

Этимъ вторымъ совѣщаніемъ и закончилось дѣло о составленіи духовной и о устроеніи царства *).

*) Софійская лѣтопись, описывая послѣднія минуты жизни князя, упоминаетъ о собраніи въ его опочивальнѣ митрополита, братьевъ вел. князя и всѣхъ бояръ, которые, услышавъ о болѣзни государя, съѣхались изъ своихъ вотчинъ, и приводитъ прощальную рѣчь, сказанную великимъ княземъ боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и княжатамъ. Есть изслѣдователи, которые и въ этомъ прощальномъ свиданіи князя со своими слугами видятъ «засѣданіе полной думы». Это едва-ли вѣрно. Все дѣло объ устройствѣ царства покончено написаніемъ завѣщанія. Въ прощальномъ свиданіи царь не совѣщается, а проситъ своихъ слугъ сохранить вѣрность сыну и не обижать М. Л. Глинскаго, который былъ ему «прямой слуга». Дня черезъ два послѣ этого прощанія вел. князь снова призвалъ къ себѣ тѣхъ десять думцевъ, съ которыми писалъ завѣщаніе: «и быша у него тогда бояре, говоритъ лѣтописецъ, по перечисленіи именъ приглашенныхъ, отъ третьяго часа

Въ малолѣтство Ивана Грознаго дѣйствовала не дума государева, а правительство, а потому въ это время не могло произойти никакихъ перемѣнъ въ организаціи думы. Существенную перемѣну замѣчаемъ въ краткій промежутокъ времени господства при дворѣ Сильвестра и Адашева. Перемѣна эта основывалась не столько на указахъ царя, сколько на новой практикѣ, которую удавалось нѣкоторое время проводить новымъ любимцамъ. Указанія на эту новую практику находимъ въ совершенно согласныхъ свидѣтельствахъ царя и его противника, кн. Курбскаго.

Описывая полезную дѣятельность Сильвестра и Адашева, кн. Курбскій говоритъ:

«Отгоняетъ (Сильвестръ) отъ него (отъ царя) оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь ласкателей и

до седмаго, и приказавъ имъ о своемъ сыну, вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ, и о устроеніи земскомъ, и како быти и правити послѣ его государство, и поидоша отъ него бояре. А у него остася Михайло Юрьевъ, да кн. Мих. Глинскій, да Шигона, и быша у него до самые нощи, и приказавъ о своей вел. кн. Еленѣ, и како ей безъ него быти, и како къ ней бояромъ ходити, и о всемъ имъ приказа, како безъ него царству строитися». Соф. 271. Приведенный «приказъ» государя сперва десяти, а потомъ тремъ думцамъ также разсматриваютъ какъ засѣданіе думы. Это едва-ли. Лѣтопись говоритъ не о думѣ, а о приказѣ вел. князя своимъ думцамъ. И это понятно. Московскіе государи не только совѣщаются со своими думцами, но и приказывать имъ могутъ. Дума кончилась составленіемъ завѣщанія. Теперь, въ послѣднюю минуту жизни (описанное происходило въ среду, 3 декабря вечеромъ, а въ полночь съ 3-го на 4-е царь скончался) едва-ли было время для совѣщанія. Князь, надо полагать, выражалъ свою волю, приказывалъ въ послѣдній разъ, а не совѣщался. Это гораздо болѣе вѣрятно. Иначе Ключевскій, Боярская дума, пер. изд. стр. 336 и сл.

Карамзинъ (VIII. пр. 2) говоритъ: «Напрасно князь Щербатовъ угадывалъ, кто именно засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ при Еленѣ: санъ боярина означалъ великокняжескаго совѣтника». Полагаемъ, что кн. Щербатовъ далеко не напрасно старался разгадать составъ правленія въ малѣтство Ивана IV. Можно думать, что десять совѣтниковъ, приглашенныхъ къ составленію духовной и къ выслушанію послѣднихъ приказаній вел. князя, и предназначались имъ въ правители.

человѣкоугодниковъ... и присовокупляетъ къ себѣ въ помощь архіерея (Макарія) онаго великаго города, и къ тому всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, презвитерствомъ почтенныхъ... И къ тому еще и сіе прилагаютъ: собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и свершенныхъ, во старости маститей сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божіимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ ко всѣму искусныхъ. И сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничего же устроити или мыслити... И нарицались тогда оные совѣтницы у него избранная рада. Воистину по дѣломъ и нарѣченіе имѣли, понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, сирѣчь: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богатому, тако и убогому... и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избираютъ, и стратилатскіе чины устрояютъ, яко надъ ѣздными (конными), такъ и надъ пѣшими; а аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ и окровивъ руку въ крови вражьей, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые же изъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились». Сказанія, 2-е изд., стр. 10 и сл.

Итакъ, у царя оказались опекуны, которые удалили отъ него людей вредныхъ и окружили его хорошими. Эти хорошіе люди составили «избранный его совѣтъ», безъ котораго онъ ни дѣлать, ни даже мыслить ничего не могъ.

Дума царская получаетъ, такимъ образомъ, совершенно новый обликъ въ это время. Она не составляется всякій разъ вновь изъ совѣтниковъ по усмотрѣнію государя; а состоитъ изъ постоянныхъ членовъ, которые не только даютъ совѣтъ, который можно принять и не принять, а связываютъ волю государя. «Избранная рада» имѣетъ свои убѣжденія, настаиваетъ на нихъ и проводитъ ихъ.

Ограниченіе своей власти новыми любимцами и «избранной радой», составъ которой ему навязывали, подтверждаетъ и царь. Въ его отвѣтѣ на первое посланіе Курбскаго читаемъ:

«И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, упрекаетъ онъ Курбскаго, нарицая благочестіе, еже подъ вла-

стію нарицаемаго попа и вашего злочестія повелѣнія самодержству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и невосхотѣхомъ подъ властію быти попа съ вашего злодѣянія». 162. «Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладатися царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ человѣкъ и царю повелѣваему быти?» 171.

А далѣе, въ томъ же письмѣ, находимъ мѣсто во всѣхъ частностяхъ подтверждающее выше сдѣланную выписку изъ сказанія Курбскаго:

«Такоже Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаща совѣтовати отай насъ (тайно), мнѣвше насъ не разсудныхъ суща. И тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако по малу всѣхъ васъ, бояръ, начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами ровняюще... И тако по малу сотвердися сія злоба. И васъ почалъ причитати къ вотчинамъ, ко градамъ и къ селамъ... и тѣ вотчины вѣтру подобно раздалъ неподобно... И потомъ единомысленника своего, кн. Дмитрія Курлятева, къ намъ въ сигклитію припустилъ. Насъ же предходя лукавымъ обычаемъ, духовнаго ради совѣта, будто души ради, то творитъ, а не лукавствомъ: и тако съ тѣмъ своимъ едимысленникомъ начаша злый свой совѣтъ утверждати, ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ своя хотѣніе улучиша. По семъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ, боярамъ нашимъ по нашему жалованью, честью предсѣданія почтеннымъ быти. Сія убо вся во своей власти и въ вашей положиша, якоже вамъ годѣ, и якоже кто како восхощетъ. По тому же утвердися дружбами, и вся властію во всей своей волѣ имый, ничтоже отъ насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся непотребно имъ учинихомся. Они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху!» 188 сл.

Итакъ, организованный Сильвестромъ и Адашевымъ совѣтъ похитилъ царскую власть, царь былъ въ немъ только

предсѣдателемъ, совѣтники рѣшали все по своему усмотрѣнію, мнѣнія царя оспаривались и отвергались; должности, чины и награды раздавались совѣтомъ. Это говоритъ царь, это подтверждаетъ и противникъ его, кн. Курбскій.

Но избранная рада не ограничилась одной практикой, ей удалось оформить свои притязанія и провести въ Судебникъ ограниченія царской власти. Въ статьѣ 97 царскаго Судебника было постановлено:

«А которые будутъ дѣла новые, а въ семъ судебникѣ не писаны, и какъ тѣ дѣла, съ государева докладу і со всѣхъ бояръ приговору, вершатца, і тѣ дѣла в семъ судебникѣ приписывати.»

Для пополненія Судебника новыми законодательными опредѣленіями требуется приговоръ «всѣхъ бояръ». Это несомнѣнное ограниченіе царской власти и новость: царь только предсѣдатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не можетъ издавать новыхъ законовъ. Жалобы Грознаго были совершенно основательны. Требованіе Судебника о приговорѣ «всѣхъ бояръ» относится къ будущему и, конечно, никогда не было приведено въ исполненіе; въ настоящее же время царя ограничивалъ не совѣтъ всѣхъ бояръ, а только нѣкоторыхъ. Въ составленіи Судебника принимали участіе не всѣ бояре. Во вступленіи къ нему сказано: «і великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси и съ своею братьею и зъ бояры сей судебникъ уложилъ»...

Изъ кого же состоялъ этотъ совѣтъ, продиктовавшій ограниченіе царской власти? Судя по тому, что Курбскій называетъ его «избранной радой», надо думать, что въ составъ его входили не всѣ думные люди, а только нѣкоторые изъ нихъ, избранные. Во главѣ этого совѣта стояли попъ Сильвестръ и окольничій Алексѣй Адашевъ. Кто другіе члены и сколько ихъ было, этого съ точностью мы не можемъ сказать. Царь называетъ еще только трехъ: кн. Андрея Курбскаго, боярина съ 1556 года, кн. Дмитрія Курлятева, боярина съ 1549 года, и кн. Ростовскаго Семена, о ко-

торомъ Шереметевская боярская книга ничего не знаетъ *). Курбскій, кромѣ митрополита Макарія и нѣсколькихъ пресвитеровъ, упоминаетъ только о трехъ Морозовыхъ, «почтенныхъ сигклитскимъ саномъ»: Михаилѣ, пожалованномъ окольничествомъ въ 1548 и боярствомъ въ 1549 году, Владимірѣ, получившемъ званіе окольничаго въ 1550, и Львѣ, прозваніемъ Салтыковъ,— оружничемъ съ 1550 и окольничемъ съ 1553 года**). Но мы не можемъ утверждать, что этими членами и ограничивался составъ избранной рады; есть указанія и на другихъ.

Опеку думы не могъ терпѣть не только Иванъ Грозный, но и ни одинъ изъ его предшественниковъ, которые давно уже могли приказывать своимъ думцамъ. Не могли терпѣть этой опеки и служилые люди вел. князя, не попавшіе въ избранную раду. При дворѣ началась борьба съ избранными, хорошо описанная Курбскимъ и кончившаяся ихъ паденіемъ и казнями кн. Курлятева, Морозовыхъ и др. Освобожденіе царя отъ опеки не имъ избранной рады относится, надо думать, къ началу Ливонской войны. Члены рады были противъ этой войны и сильно спорили съ ца-

*) Въ томъ же письмѣ Грознаго читаемъ: «Та же по семъ собака и измѣнникъ старый, Ростовскій князь Семенъ, иже по нашей милости, а не по своему досужеству, сподобенъ быти отъ насъ сигклитства» 194.

**) Сказанія 111, 115 и 191. Причисленіе Владиміра Морозова и Льва Салтыкова къ чинамъ избранной рады возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Какъ окольничіе съ пятидесятыхъ годовъ, они, конечно, могли быть членами думы. Но званіе боярина получили они гораздо позднѣе: Владиміръ въ 1562 г., а Левъ въ 1563. Въ это время прежніе любимцы пали и начались уже казни ихъ сторонниковъ; товарищъ Морозовыхъ, Дм. Курлятевъ, былъ казненъ въ 1562 г. Какъ объяснить одновременную милость къ Морозовымъ и гнѣвъ къ Курлятеву, которые были членами одного и того же ненавистнаго царю Ивану учрежденія? Можетъ быть, поведеніе въ думѣ Морозовыхъ не походило на поведеніе Курлятева? Когда Курлятевъ спорилъ съ царемъ, они, можетъ быть, съ нимъ соглашались. Это возможно. Не даромъ же царь съ гнѣвомъ вспоминаетъ о Курлятевѣ, какъ членѣ думы, и ничего не говоритъ о Морозовыхъ. Впрочемъ, Влад. Морозовъ не долго пережилъ Курлятева. Онъ былъ казненъ въ 1564 году или около.

ремъ. «И отъ попа Селивестра, говоритъ царь, и отъ Алексѣя, и отъ васъ какова отягченія словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну глаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія германъ ради случися!» 200. Тѣмъ не менѣе, война состоялась. Царь, значитъ, дѣйствовалъ уже по своей волѣ.

Въ чемъ состояла эта воля по отношенію къ думѣ, это ясно изъ той же переписки. «А россійское самодержавство, говоритъ Грозный, изначала сами владѣютъ, а не бояре и не вельможи». 162. И далѣе: «О провиненіи же и прогнѣваніи подовластныхъ нашихъ передъ нами доселѣ русскіе владѣтели неистезуемы были ни отъ кого же, но повольны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кѣмъ» 195.

Этимъ прямо и рѣшительно отрицается всякое право думныхъ людей на участіе въ царскомъ совѣтѣ. Царь совѣщается, если желаетъ и съ кѣмъ желаетъ. Попытка Сильвестра и Адашева создать изъ княжескихъ думцевъ нѣчто самостоятельное была омыта потоками крови, но не исчезла безслѣдно. Продолжателей ихъ дѣла можно видѣть въ боярахъ смутнаго времени, сочинявшихъ ограничительные пункты для вновь избираемыхъ государей. Такіе пункты были сочинены для Василія Ивановича Шуйскаго и имъ приняты. Возвѣщая о вступленіи своемъ на царство, новоизбранный государь говоритъ, что онъ цѣловалъ крестъ на томъ, что ему,

«великому государю, всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати, и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были... Да и доносовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски на крѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибло... На томъ на всемъ, что въ сей записи писано, азъ, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судити истиннымъ, праведнымъ судомъ, и

безъ вины ни на кого опалы своей не класти и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати». Рум. собр. II, № 141.

Ограниченіе царя высказано здѣсь въ чрезвычайно неопредѣленной формѣ и по содержанію очень уступаетъ тому, которое было задумано Сильвестромъ и Адашевымъ. Въ царствованіе Грознаго дѣло шло объ ограниченіи царя во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ не могъ ни управлять, ни судить, ни законодательствовать безъ своей думы. При избраніи Шуйскаго имѣлось въ виду оградить подданныхъ только отъ произвольнаго царскаго суда, примѣры котораго въ такомъ обиліи представляетъ правленіе Грознаго. Но и это ограниченіе выражено въ чрезвычайно неясной формѣ. Царь продолжаетъ быть судьей, но онъ судитъ не одинъ, а «съ бояры своими». Что же такое эти бояре? Люди начала XVII вѣка не пошли въ этомъ вопросѣ далѣе людей половины XVI-го. Сильвестръ и Адашевъ, вводя въ Судебникъ ограниченіе законодательной царской власти, говорятъ о приговорѣ «всѣхъ бояръ». Но что такое «всѣ бояре»? Это думные чины, назначаемые царемъ. Какой же противовѣсъ царской власти могутъ они составить? Никакого. Временщики первыхъ годовъ царствованія Грознаго думали, конечно, объ «избранной радѣ», членовъ которой они сами навязывали юному царю; ихъ—«всѣ бояре» были Сильвестръ съ Адашевымъ и ихъ сторонники. Не опредѣляютъ состава бояръ и передовые люди начала XVII вѣка. Подъ «боярами» они, конечно, разумѣютъ бояръ, способствовавшихъ возведенію Шуйскаго на престолъ и вступившихъ съ нимъ въ сдѣлку, т.-е. опять себя. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ не объ организаціи учрежденія съ опредѣленнымъ и постояннымъ составомъ, а о лицахъ случайно стоявшихъ у государственнаго кормила. «Избранная рада» половины XVI вѣка и бояре, доставившіе корону Шуйскому, являются предшественниками верховниковъ, избравшихъ на россійскій императорскій престолъ Анну Ивановну. Верховники также устроили ограничивающій императрицу совѣтъ и опять

изъ собственныхъ своихъ особъ, вовсе не помышляя о будущемъ; и здѣсь имѣлось въ виду не учрежденіе, а лица. Государственнымъ людямъ XVIII вѣка также трудно было перейти отъ лицъ къ учрежденіямъ, какъ и людямъ XVII и XVI вѣка.

Избиратели Шуйскаго, надо полагать, были такъ увѣрены, что царь подѣлится съ ними данною ему властью, что не считали нужнымъ сколько-нибудь точно опредѣлить выговоренное ими право участія въ царскомъ судѣ. Въ концѣ грамоты говорится о производствѣ ссылки и суда однимъ царемъ, а бояръ какъ будто и вовсе не существуетъ.

Гораздо бо̀льшія ограниченія царской власти занесены въ договоръ объ избраніи на московскій престолъ польскаго королевича Владислава (Рум. собр. II, № 199), но и въ этомъ документѣ не встрѣчаемъ никакихъ опредѣленій состава боярской думы. Совѣщаніе съ боярами и думными людьми требуется въ очень многихъ случаяхъ. Оно необходимо для раздачи помѣстій и вотчинъ: «и якъ государъ, его милость, прыговорытъ з бояры, по тому такъ и учынить, яко достоитъ»; для суда: по винѣ казнить надо, «осудивши напередъ з бояры и з думными людми»; распоряженія объ имуществѣ бездѣтно умершихъ государь дѣлаетъ «съ прыговоромъ и советомъ бояръ и всихъ думныхъ людей, а безъ думы и прыговору такихъ дѣлъ несовершати»; новыхъ налоговъ «зверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговора з бояры, ни въ чемъ не прибавливати»; льготы на запустѣлыя отчины и помѣстья даются, поговоря съ бояры; нужно-ли держать паромы на Волгѣ, на Дону, на Яикѣ и на Теркѣ, о томъ королевичу говорить съ бояры и съ думными людьми.

Этотъ довольно длинный рядъ случаевъ, въ которыхъ новый царь долженъ совѣщаться съ думцами, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ правительственныхъ сферахъ созрѣла уже мысль о необходимости постоянной думы. Но создать постоянное учрежденіе изъ думцевъ неудалось и избирателямъ Владислава. Подъ членами думы и они, конечно, разумѣютъ наличный составъ думцевъ и только. Права этихъ

думцевъ означены очень неопредѣленно и неясно: нѣкоторыя дѣла царь не можетъ дѣлать безъ приговора бояръ, по другимъ онъ долженъ только поговорить съ ними. Дума то ограничиваетъ царя, то нѣтъ. Напрасно будемъ искать разъясненія предложенныхъ Владиславу пунктовъ въ польскихъ учрежденіяхъ. Роль королевскаго совѣта въ Польшѣ игралъ сенатъ, но онъ не ограничивалъ королевской власти, а служилъ ей только для совѣта *). Королевская власть была тамъ ограничена сеймомъ, въ составъ котораго входили и сенаторы. Мысль объ ограниченіи могла еще придти изъ Польши, но никакъ не ея форма. Предложенные Владиславу пункты не имѣли практическаго значенія, какъ и самое его избраніе, и важны только въ смыслѣ знаменія времени. Самовластіе Грознаго и диктаторская власть Бориса въ царствованіе Ѳедора Ивановича снова оживили мысль о необходимости поставить въ рамки царскую власть. Котошихинъ даетъ поводъ думать, что и Михаилу Ѳедоровичу были предложены ограничительные пункты.

«Какъ прежніе цари, пишетъ онъ, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство, и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и не пальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людми сопча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно ни какихъ дѣлъ не дѣлати».

Изъ этого общаго правила онъ дѣлаетъ исключеніе только для одного Алексѣя Михайловича:

«А нынѣшняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ ни какого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ»... 104.

Пункты, предложеные Михаилу Ѳедоровичу, до насъ не дошли и о самомъ существованіи ихъ можемъ заключить только изъ приведенныхъ словъ Котошихина. Что же касается содержанія ихъ, то можно усомниться въ точности

*) Hüppe, Verfassung der Republik Polen. 126 и сл.

словъ московскаго подьячаго. Даже пункты, предложенные Владиславу, не обязывали его «безъ вѣдомости бояръ никакихъ дѣлъ не дѣлать»; пункты же, принятые Шуйскимъ, касались единственно суда. Въ какой мѣрѣ былъ ограниченъ Михаилъ Ѳедоровичъ и кѣмъ, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Но возвратимся на прежнее.

Въ царствованіе Ѳеодора Ивановича вопросъ о думѣ оставался въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ при его предшественникахъ. Объ этомъ съ совершенною ясностью и точностью свидѣтельствуетъ Флетчеръ. Онъ знаетъ о существованіи думныхъ чиновъ и приводитъ общую ихъ цифру, хотя и не очень точную. За тѣмъ онъ говоритъ, что въ засѣданія думы приглашаются далеко не всѣ думные чины, а человѣкъ пять или шесть, которые и рѣшаютъ всѣ дѣла вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ. Иногда призываютъ и большее число *). Это вѣрнѣйшая картина нашей московской думы! Но гдѣ же царь? Ѳедоръ Ивановичъ государственными дѣлами не занимался и былъ царемъ только по имени; въ его время государствомъ управлялъ Борисъ Годуновъ. Описанная Флетчеромъ дума, есть дума по подбору Годунова. Можно думать, что отношенія Годунова къ государевымъ думцамъ не были такъ свободны, какъ отношенія къ нимъ самого царя; но дѣйствуя именемъ царя, и онъ могъ довести до нуля свою зависимость отъ думцевъ и мѣнять ихъ по произволу.

О Михаилѣ Ѳедоровичѣ Котошихинъ говоритъ: «хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего» 104. Это сказано слишкомъ сильно, а потому и не совсѣмъ точно. Выше (стр. 359) мы привели нѣсколько свидѣтельствъ источниковъ о томъ, что и Михаилъ Ѳедоровичъ, какъ и всѣ его предшественники, давалъ указы своею личною властью. Пополнимъ ихъ еще нѣсколькими.

---

*) Fletcher, Russia at the close of the XVI century, chap. XI.

«Въ 1616 г. князь Григорій Тюфякинъ билъ челомъ государю, а говорилъ, что сказывалъ посла окольничей, кн. Григ. Волконской, а ему велѣно посла звать къ столу, и ему бъ тѣмъ отъ князя Гр. Волконскаго безчестну не быть. И государь приказалъ посолскому думному дьяку П. Третьякову челобитье его записать въ посолскомъ приказѣ, что столнику, который посла зоветъ къ столу, до околничаго, который посла сказываетъ, въ отечествѣ дѣла нѣтъ»... Дворц. разр. I 221.

Здѣсь государь единолично высказываетъ общее правило, долженствующее и впредь регулировать мѣстническіе счеты. 7-го февраля 1626 г. Михаилъ Ѳедоровичъ съ отцомъ своимъ, патріархомъ, далъ указъ о порядкѣ продажи порожжихъ земель. 16 февраля того же года послѣдовалъ указъ царя и патріарха о предоставленіи порожжихъ земель покупщикамъ въ вотчину. Марта 10 того же года Помѣстный приказъ въ полномъ своемъ составѣ:

«Докладывалъ государя царя и отца его, патріарха, по купчей Лаврентья Булатникова на продажныя вотчинныя земли, такъ ли купчія давать, или какъ они, государи, укажутъ. И государь царь и вел. князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, и отецъ его государевъ, велик. государь святѣйшій патріархъ, Филаретъ Никитичъ, слушавъ купчія, указали: дѣлати купчія таковы да въ тѣжъ купчія указали пополнить: тѣ вотчины, кто купитъ, вольно тому и въ приданое ту вотчину дати» *).

Такъ же одинъ даетъ указы Михаилъ Ѳедоровичъ и по смерти своего отца. 6-го февраля 1615 г. три дьяка докладывали государю о порядкѣ наслѣдованія въ помѣстьяхъ по челобитью нисходящихъ. Государь указалъ, согласно челобитью, розыскивать и давать передѣлъ **).

Итакъ, несмотря на свидѣтельство Котошихина, Михаилъ Ѳедоровичъ давалъ указы безъ боярскаго совѣта. Но и въ словахъ Котошихина есть своя доля правды. Какъ

*) Владимірскій-Будановъ, Хрестоматія, III, 236.

**) Тамъ же, 258.

государь избранный, а не родившійся на царствѣ, Михаилъ Ѳедоровичъ не могъ управлять такъ же самовластно, какъ это дѣлали Иванъ Васильевичъ, его сынъ и внукъ. Очень можно допустить, что Михаилъ Ѳедоровичъ, которому были предложены ограничительные пункты, чаще обращался къ совѣту бояръ, чѣмъ это дѣлали его предшественники. Но измѣнилъ ли онъ устройство этого совѣта, далъ ли онъ ему опредѣленную организацію и компетенцію? Это болѣе чѣмъ сомнительно. Еслибы такая перемѣна совершилась, Котошихинъ не могъ бы ея не замѣтить и не упомянуть о ней. Скажемъ болѣе, такая реформа совершенно была не по плечу современниковъ Михаила. Она не приходила въ голову даже самимъ боярамъ.

Никакой перемѣны въ организаціи думы не произошло ни въ смутное время, ни при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Всегда были лица, готовыя, посредствомъ вліянія на царя и подбора совѣтниковъ, захватить власть въ свои руки, но мысль о постоянномъ учрежденіи съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей совершенно чужда московскому времени.

Итакъ, Михаилъ Ѳедоровичъ даетъ указы то единолично, то по совѣту съ «бояры»; но въ послѣднемъ случаѣ онъ самъ рѣшаетъ, надо ли совѣтываться, и всякій разъ самъ подбираетъ себѣ совѣтниковъ. Совершенно однородныя дѣла царь рѣшаетъ то одинъ, то съ совѣтомъ. Отмѣна мѣстническихъ споровъ для извѣстнаго похода дѣлается царемъ то единолично, то по совѣщанію съ думой, при чемъ въ думу приглашаютъ не только свѣтскихъ совѣтниковъ, но иногда и весь освященный соборъ.

«Въ 1618 г. іюля въ 27 день государь царь и вел. князь Михаилъ Ѳедоровичъ говорилъ съ митрополитомъ... и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ околничими, и съ думными людьми...: и нынѣ бъ бояромъ.... и всякимъ людемъ въ воеводахъ и у всякихъ дѣлъ быти по нынѣшнимъ по литовскимъ вѣстемъ быти безъ мѣстъ». Книга разрядн. 559.

А въ 1631 году, въ смоленскій походъ приказано было быть безъ мѣстъ по указу одного царя и отца его, патріарха *).

Объ Алексѣѣ Михайловичѣ Котошихинъ говоритъ:

«А нынѣшняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ. и потому наивышшее пишетца «самодержцемъ» и государство свое правитъ по своей воли. И съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой и, по покою, что кому по дружбѣ отдати, или какую помочь чинити, или и иные какіе великіе и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и зъ думными людми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ что хочетъ, то учинити можетъ. Однако, кого изъ бояръ, и изъ думныхъ, и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашивается и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ». 104.

Вотъ новая картина думы, совершенно однородная съ той, которая нарисована Флетчеромъ. Царь всѣмъ управляетъ самъ, совѣтуется съ кѣмъ хочетъ и не съ одними думными людьми, а и съ простыми. Вѣрность ея оригиналу вполнѣ подтверждается и офиціальными памятниками.

По спискамъ 1675 года въ составъ думныхъ чиновъ входили: 23 боярина, 13 окольничихъ, 22 думныхъ дворянина и 8 думныхъ дьяковъ, всего 66 человѣкъ. Въ составъ же государевыхъ думцевъ входила всегда только нѣкоторая часть этого числа. 18 ноября 1674 г. у государя было сидѣнье съ бояры о всякихъ дѣлахъ. Въ этомъ сидѣньи приняли участіе: 9 бояръ, 1 окольничій и 2 думныхъ дьяка, всего 12 человѣкъ. Кромѣ того въ сидѣньи участвовалъ дьякъ тайныхъ дѣлъ, Данило Полянскій, который еще не былъ думнымъ.

Черезъ четыре дня на пятый у государя было новое— сидѣнье «съ бояры, съ околничими, и съ думными дворяны, и съ думными дьяки, которые были за вел. государемъ въ походѣ». На слѣдующій день, въ праздникъ ангела го-

*) Кн. разряд. столб. 379.

сударыни царевны и вел. княжны Екатерины Алексѣевны, всѣмъ чинамъ, бывшимъ въ походѣ, раздавали пироги; получили пироги и государевы думцы. Это дало поводъ перечислить ихъ имена и фамиліи и сохранить для потомства память о томъ, кто именно былъ въ думѣ государя 23 ноября. Въ думѣ государя наканунѣ Екатеринина дня сидѣли: 8 бояръ, 5 окольничихъ, 4 думныхъ дворянина и 3 думныхъ дьяка, всего 20 человѣкъ *). Несмотря на близость по времени этихъ двухъ сидѣній и на то, что оба сидѣнья происходили въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ селѣ Преображенскомъ, составъ ихъ былъ очень различенъ. Это объясняется тѣмъ, что на второе сидѣнье царь нашелъ нужнымъ пригласить всѣхъ думныхъ людей, которые были съ нимъ въ походѣ; на первое же—только нѣкоторыхъ: изъ окольничихъ только одного, изъ думныхъ же дворянъ на первое сидѣнье никто не былъ приглашонъ. Есть разница и въ составѣ бояръ. На первомъ сидѣньи, между прочимъ, были: кн. Голицынъ Ал. Андр., кн. Долгорукій Юр. Ал. и кн. Репнинъ Ив. Бор.; пироговъ же въ день Екатерины они не получили. Можно думать, что они уѣхали изъ Преображенскаго до праздника. Труднѣе объяснить, почему кн. Пронскій Ив. Пет. и кн. Куракинъ Ѳед. Ѳед., получившіе пироги 24 ноября, не были въ засѣданіи 18-го того же мѣсяца: они могли пріѣхать послѣ 18-го, а можетъ быть, они были на лицо, да не были приглашены. Думные же дворяне, конечно, были въ походѣ съ государемъ и 18-го числа, но ихъ въ думу не позвали.

Но иногда видъ думы совершенно мѣнялся. Вмѣсто свѣтскихъ людей и воиновъ, она сплошь наполнялась попами и монахами,—и это по свѣтскимъ дѣламъ.

«1675 г. апрѣля въ 30 день былъ у вел. государя, послѣ соборной обѣдни, вел. господинъ, святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Росіи, со властми въ верху, въ

*) Дворц. разр. III. ст. 1109, 1111.

передней, и сидѣли о посолскомъ дѣлѣ». Двор. разр. III, ст. 1365.

Наоборотъ, по дѣламъ, исключительно касающимся духовенства, въ думу допускались свѣтскія лица. При совѣщаніи царя съ патріархомъ о поведеніи духовника государева, благовѣщенскаго протопопа Анд. Савиновича, въ «комнату», гдѣ происходило совѣщаніе, были допущены четверо самыхъ ближнихъ къ государю бояръ: кн. Долгоруковъ Юр. Ал., Хитрово Бог. Мат., Нарышкинъ Кир. Пол. и Матвѣевъ Арт. Сер. *).

Итакъ, государева дума и при Алексѣѣ Михаиловичѣ не имѣла опредѣленнаго состава, она составлялась на отдѣльный случай по особому усмотрѣнію государя. Это вѣковая у насъ практика. Для московскихъ государей, которые могли еще въ значительной степени управлять своимъ государствомъ лично, такая дума представляла большія удобства. Они всегда имѣли подъ рукой массу совѣтниковъ, но совѣщались только съ тѣми изъ нихъ, съ кѣмъ находили нужнымъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ пользовались московскіе государи совѣтами своихъ думцевъ.

Управленіе и судъ въ Московскомъ государствѣ, какъ и въ удѣльное время, были личнымъ дѣломъ государя. Онъ самъ судилъ и управлялъ непосредственно, это его право. Управленіе и судъ переходили въ другія руки только по уполномочію царя. Государевы думцы, при отправленіи правительственныхъ дѣйствій царемъ лично, являются только его помощниками, дѣйствующими по его приглашенію.

Дѣятельность ихъ прежде всего проявляется въ томъ, что они присутствуютъ при исполненіи государемъ его обширныхъ полномочій по отправленію суда и управленія. Государь не можетъ знать всего. Прежде чѣмъ высказаться по тому или другому вопросу, ему надо имѣть передъ собой всѣ необходимыя справки. Для этого около него должны

*) Дворц. разр. III, ст. 1155.

всегда находиться люди, которые могутъ представить нужныя свѣдѣнія. Этой цѣли до нѣкоторой степени удовлетворяютъ уже докладчики дѣла; и мы видѣли, что московскіе государи даютъ свои указы на основаніи доклада нѣсколькихъ дьяковъ, или боярина и дьяка, окольничаго и дьяка и т. д. Но они далеко не всегда довольствуются разъясненіемъ дѣла докладчиками; весьма нерѣдко они обращаются къ думцамъ и совѣщаются съ ними, прежде чѣмъ рѣшить дѣло. О рѣшеніяхъ царя, состоявшихся послѣ такого совѣщанія, памятники говорятъ: «царь указалъ, поговоря съ бояры».

Приведемъ нѣсколько указаній на такіе разговоры.

21 мая 1609 года послѣдовалъ указъ царя Вас. Ив. Шуйскаго (единоличный), о кабальныхъ людяхъ, въ концѣ котораго читаемъ:

«Которые холопи живутъ безкабально лѣтъ пять или шесть или десять или болши, приказалъ государь ихъ отдавати старымъ ихъ государемъ, у кого они живутъ, до своего государева указа; а о томъ рекся государь говорить съ бояры». А. И. I № 85, IV.

Начало указа, нами не выписанное, не возбуждало въ царѣ никакихъ сомнѣній и потому разрѣшено имъ безъ всякаго разговора съ боярами. Послѣдній же пунктъ возбудилъ нѣкоторое сомнѣніе, а потому царь разрѣшилъ его только временно, до своего царскаго указа, о чемъ обѣщалъ поговорить съ боярами. Сомнѣніе, о которомъ мы упомянули и которое навело царя на мысль о необходимости поговорить съ боярами, по всей вѣроятности, состояло въ слѣдующемъ. О добровольныхъ холопахъ былъ уже указъ, состоявшійся при Ѳедорѣ Ивановичѣ. По этому указу на добровольныхъ холоповъ выдавали служилыя кабалы и въ томъ уже случаѣ, если они служили кому нибудь только полъ года. Царь былъ склоненъ увеличить этотъ срокъ, но не рѣшался принять эту мѣру, затрогивавшую интересы всего состоятельнаго класса, не поговоривъ съ боярами.

Отъ 1 февраля 1634 года Михаилъ Ѳедоровичъ полу-

чилъ дурныя вѣсти о положеніи нашего войска подъ Смоленскомъ. Надо было принять немедленно мѣры. Въ книгѣ разрядной по этому поводу написано.

«И государь царь и вел. князь Михаилъ Ѳедоровичъ, говоря съ бояры, указалъ околничему кн. Григорію Константиновичу ѣхати въ Можаескъ къ боярамъ и воеводамъ ....и съ ними совѣтовать, какъ бы.... ратнымъ людямъ подъ Смоленскомъ помочь учинити вскорѣ». 627.

Отъ царствованія Алексѣя Михайловича сохранилась цѣлая записка о томъ, о какихъ дѣлахъ царь собирался «говорить боярамъ». Въ этой запискѣ читаемъ:

«Поговорить бояромъ о свѣйскихъ послѣхъ, что присылаютъ бити челомъ намъ, великому государю, чтобы отпустить человѣка своего въ Свѣю для добрава дѣла, а сидѣть де надокучило.

А отъ себя имъ и отпустить велѣть не будетъ худа.

А будетъ что для вѣстей не отпускать, и они давно все вѣдаютъ и кромѣ сего гонца».

Любопытная замѣтка! Царь, готовясь говорить съ боярами, напередъ взвѣшиваетъ, что можно сказать за и противъ посылки посла въ Швецію. И далѣе:

«Боярину Вас. Шереметеву въ Борисовѣ зимовать ли, и ратнымъ людемъ кому съ нимъ зимовать или съ инымъ воеводою зимовать и воеводѣ кому быть» *).

Эти разговоры царя съ боярами обыкновенно происходятъ во время доклада царю дѣлъ. При докладахъ, хотя и не всегда, но весьма часто, присутствуютъ бояре. Доклады дѣлается царю, какъ это видно изъ вступительныхъ къ нимъ словъ. Они, обыкновенно, начинается такъ: «Доложити государя царя и великаго князя», а далѣе, по изложеніи обстоятельствъ дѣла: «Лѣта 1558 октября въ 1 день царь и вел. князь Иванъ Васильевичъ всея Руси сего доклада слушалъ». Если на докладѣ присутствовали бояре, то въ резо-

*) Зап. отдѣленія русс. и слав. археологіи Импер. русс. археол. общества. Т. II, стр. 733.

люціи говорится, что царь приговорилъ съ бояры» *). Тотъ-же порядокъ и въ XVII в. Въ Дворцовыхъ разрядахъ за 1675 г. читаемъ:

«А велѣно ихъ распрашивать думному дьяку разрядному, Герасиму Дохтурову, и по распроснымъ рѣчамъ указалъ ему велик. государь себя, великаго государя, доложить объ указѣ про боярѣхъ, какъ ему, великому государю, съ бояры сидѣнье будетъ и изволитъ дѣла слушать». 1401.

Итакъ, государь самъ слушаетъ дѣла и для этого у него бываетъ сидѣнье съ боярами. Явленіе старое, но слово новое. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XII в. рѣчь идетъ «о думѣ» съ боярами, въ Москвѣ говорятъ о «сидѣньи» съ боярами. Такъ какъ бояре присутствуютъ при докладѣ, то государь приказываетъ иногда доложить ему и боярамъ; въ тѣхъ же разрядахъ читаемъ:

«И по распроснымъ рѣчамъ ея, Ѳенкинымъ, доложить ему, боярину, себя великаго государя и бояръ, какъ вел. государь изволитъ сидѣть съ бояры за своими, вел. государя, дѣлами» 1429.

Но иногда дѣло оказывается столь сложнымъ, что его нельзя бываетъ по первому докладу обсудить и рѣшить. Въ этихъ случаяхъ, выслушавъ дѣло, государь приказываетъ боярамъ обсудить это дѣло въ особомъ засѣданіи и потомъ еще разъ ему доложить. Любопытный образчикъ такого двойного доклада и слушанія записанъ въ Дворцовыхъ разрядахъ подъ 1675 годомъ.

«Того же году апрѣля въ 26 день, указалъ вел. государь боярину Ивану Богдановичу Милославскому внесть къ себѣ, вел. государю, дѣло въ докладъ думнаго дворянина А. С. Хитрово.... И бояринъ, Иванъ Богдановичъ, по указу вел. государя, то дѣло взносилъ къ нему, вел. государю, и его, вел. государя, по тому дѣлу и по очной ставкѣ докладывалъ. И вел. государь того жъ числа того дѣла слушалъ съ бояры и указалъ еще бояромъ слушать и доложить

*) Для примѣра см. Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, 25.

себя, великаго государя, инымъ временемъ, какъ у него, вел. государя, будетъ сидѣнье съ бояры» 1355.

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что сидѣнье царя съ боярами даже въ концѣ XVII в. имѣло мѣсто не въ опредѣленные дни и часы, а по мѣрѣ надобности. Доклады же дѣлались царю постоянно. Многіе изъ нихъ царю приходилось слушать въ такіе моменты, когда при немъ вовсе не было бояръ. Можно думать, что дьяки и члены приказовъ, отъ которыхъ шли доклады, любили докладывать именно въ отсутствіе бояръ. Они являлись въ этихъ случаяхъ единственными совѣтниками своего государя. Это были высочайшіе доклады съ глазу на глазъ. Они въ высокой степени возвышали значеніе докладчика. Государи давали указы и по такимъ докладамъ, но не всегда. Иногда, выслушавъ дѣло, они приказывали доложить его боярамъ и потомъ, съ боярскимъ приговоромъ, вновь доложить дѣло себѣ. Какая была причина такого распоряженія? На это можно отвѣчать предположительно. Докладываемое дѣло было, конечно, обставлено всѣми нужными справками, иначе докладчикъ не рѣшился бы пойти къ царю. Но это справки съ точки зрѣнія докладчика. Надо думать, московскіе государи не хотѣли дѣйствовать подъ вліяніемъ всегда болѣе или менѣе односторонней точки зрѣнія докладчика, а потому и привлекали къ обсужденію доклада лицъ, знакомыхъ съ правительственной практикой, но, въ данный моментъ, непосредственно незаинтересованныхъ отправленіемъ извѣстнаго рода дѣлъ. При той безконтрольной власти, какою пользуются лица, имѣющія право высочайшихъ докладовъ, въ указанной практикѣ московскихъ государей можно видѣть попытку ограничить произволъ высшихъ правительственныхъ лицъ.

Вотъ примѣръ такого осторожнаго отношенія московскихъ государей къ лицамъ, имѣвшимъ право высочайшаго доклада:

«1636 года декабря въ 15 день государя царя великаго князя Михаила Ѳедоровича докладывалъ думной дьякъ, Ми-

хайло Даниловъ, о помѣстныхъ и вотчинныхъ статьяхъ, и государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ: тѣхъ статей слушать бояромъ, а что о тѣхъ статьяхъ бояре приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя, государя». Владимірскій-Будановъ, Христоматія, т. III, 247.

Таковъ порядокъ разъясненія дѣла и подготовки его къ царскому рѣшенію при участіи государевой думы. Царь постановляетъ рѣшеніе и даетъ свой государевъ указъ или единственно на основаніи доклада правительственныхъ лицъ, дьяковъ, бояръ и другихъ приказныхъ докладчиковъ, или выслушиваетъ предварительно своихъ думцевъ «бояръ». Этимъ объясняется и разная форма указовъ: въ однихъ видѣнъ слѣдъ соучастія «бояръ», въ другихъ нѣтъ.

Если докладъ происходитъ безъ бояръ, въ такомъ случаѣ государь, по выслушаніи дѣла, приказываетъ свой указъ докладчику прямо къ исполненію, напримѣръ:

«Лѣта 7069 октября въ 15 день царь и великій князь Иванъ Васильевичь сего докладу слушалъ и приказалъ казначеемъ»... А. И. I. № 154, XVI, 1560.

Если на докладѣ присутствовали бояре, то царь давалъ приказъ боярамъ, на основаніи котораго они составляли приговоръ, напримѣръ:

«Въ 81 году октября въ 9 день, по государеву цареву и великаго князя приказу, преосвященный Антоній Митрополитъ, архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, и бояре, князь Иванъ Ѳедоровичъ Милославскій, и всѣ бояре, приговорили»... далѣе излагается указъ о наслѣдованіи въ вотчинахъ княженецкихъ и жалованыхъ. А. И. I, № 154, XIX, 1573.

Любопытенъ составъ этой думы Ивана Васильевича. Дѣло шло о чисто свѣтскомъ вопросѣ гражданскаго права, но въ думу нашли нужнымъ пригласить весь освященный соборъ.

Та же форма наблюдается и въ XVII вѣкѣ. Въ Дворцовыхъ разрядахъ подъ 1617 годомъ читаемъ:

«А по государеву цареву и вел. князя Михаила Ѳедоровича указу бояре приговорили: объѣзжимъ головамъ всѣмъ быть безъ мѣстъ». 298.

Или въ Книгахъ разрядныхъ на 1628 годъ:

«И указалъ государь бояромъ сказати воеводамъ, чтобъ они нынѣ на его государевѣ службѣ были, какъ кому сказано, а не будутъ они по государеву указу и по ихъ боярскому приговору, и учнутъ они впредъ о томъ государю бить челомъ, и имъ отъ государя быти въ великой опалѣ». 12.

Боярскимъ приговоромъ названо здѣсь исполненіе государева указа. Еще примѣръ. Въ окружной грамотѣ Алексѣя Михайловича на Верхотурье читаемъ:

«Въ нынѣшнемъ въ 1646 году февраля въ 7 день указали мы и бояре приговорили: для пополненія нашея казны, служилымъ людямъ на жалованье» и т. д. Рум. Собр. III, № 124.

Итакъ, боярскій приговоръ составляется на основаніи государева указа. Царь, выслушавъ докладъ и всѣ необходимыя справки для разъясненія дѣла, высказываетъ свою волю, какъ дѣлу быть; если при докладѣ были бояре, они формулируютъ царскую волю, это и есть боярскій приговоръ. Это и значитъ «царь указалъ, бояре приговорили». Понять эти слова въ смыслѣ указанія на коллегіальный порядокъ рѣшенія дѣлъ въ думѣ, при чемъ царю принадлежитъ лишь роль предсѣдателя, не представляется ни малѣйшей возможности. Такой порядокъ рѣшенія дѣлъ въ думѣ противорѣчилъ бы всѣмъ условіямъ быта Московскаго государства. Бояре думцы—слуги московскихъ государей, обязанные имъ своимъ выдающимся положеніемъ. Государь можетъ призвать и не призвать ихъ въ думу, поэтому никакъ нельзя допустить, что они имѣютъ рѣшительный голосъ при разсмотрѣніи государственныхъ вопросовъ*). Объ отношеніяхъ вел. князя

*) Единственное отступленіе отъ высказаннаго въ текстѣ положенія можно наблюдать только въ кратковременный періодъ господства

Ивана Васильевича къ своимъ думцамъ мы имѣемъ характерное свидѣтельство Берсеня-Беклемишева: «князь великій, говоритъ онъ, противъ себя стрѣчю любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали». «Стрѣчя» или «встрѣча»—означаетъ возраженіе. Итакъ, Иванъ Васильевичъ любилъ выслушивать возраженія и даже жаловалъ тѣхъ, кто ихъ ему дѣлалъ! Объ этомъ не пришлось бы говорить, еслибы членамъ думы принадлежалъ рѣшающій голосъ. Въ этомъ случаѣ у нихъ было бы право не только возражать, но и рѣшать противъ воли царя. Берсень же, сравнивая Ивана Васильевича съ его сыномъ и преемникомъ, въ похвалу первому говоритъ выше приведенную фразу. По московскимъ понятіямъ, и то хорошо, если царю можно возразить. Надо думать, что Ивану Васильевичу рѣдко приходилось выслушивать возраженія, если онъ за нихъ даже жаловалъ. Иначе относился къ думцамъ Василій Ивановичъ. Герберштейнъ говоритъ о немъ: «между совѣтниками вел. князя никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія» 28. Съ этимъ согласны и отечественныя свидѣтельства. Тотъ же Берсень говоритъ: «государь упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему встрѣчу говоритъ, и онъ на того опаляется». Берсень испыталъ это на себѣ. Когда въ думѣ шла рѣчь о Смоленскѣ, онъ возразилъ государю, «и князь великій, разсказывалъ онъ по этому поводу Максиму Греку, того не полюбилъ да молвилъ: пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси» *).

Таковы могли быть послѣдствія неосторожныхъ споровъ

«избранной рады» Сильвестра и Адашева. Она имѣла цѣлью сдѣлать царя только предсѣдателемъ своего совѣта. И можно допустить, что иногда и достигала этого. Въ выраженіяхъ указа 1556 года можно видѣть примѣръ осуществленія желательнаго для избранной рады порядка: «Лѣта 7064 августа 21 приговорилъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ со всѣми бояры». Эта форма совершенно соотвѣтствуетъ порядку, установленному 97 статьей Ц. Судебника.

*) А. А. Э. I, № 172.

думныхъ людей съ московскими государями. Думные люди не рѣшали государственныхъ дѣлъ, а только отвѣчали на вопросы государей и исполняли ихъ указы. Сильвестръ и Адашевъ сдѣлали попытку превратить государя въ предсѣдателя думы. Нововведеніе это было кратковременно и кончилось опалой реформаторовъ. Иванъ Грозный увидалъ въ немъ нарушеніе своихъ существеннѣйшихъ правъ. Роль думы въ XVII вѣкѣ совершенно вѣрно опредѣлена современникомъ. Описавъ, какъ думные люди разсаживаются въ думѣ по отечеству, Котошихинъ говоритъ:

«А лучится царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ, объявя, приказываетъ, что бъ они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ . . . . и они мысль свою къ способу объявливаютъ . . .» II, 5.

Итакъ, царь высказываетъ «мысль», т. е. намѣреніе свое, свою волю, а боярамъ приказываетъ пріискать способъ осуществить эту мысль; этимъ исполненіемъ царской мысли и исчерпывается вся дѣятельность государевой думы, засѣдающей въ присутствіи царя.

Но государи могли дать своимъ думцамъ и бо́льшія полномочія, если находили это нужнымъ. И они дѣлали это. Они уполномочивали, напримѣръ, бояръ составить приговоръ, по извѣстному дѣлу, въ особомъ засѣданіи, въ которомъ сами не присутствовали. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло отличалось большой сложностью и не могло быть разрѣшено немедленно. Такіе приговоры, составленные одними боярами, государь приказывалъ потомъ доложить себѣ.

Весною 1625 года Михаилъ Ѳедоровичъ дѣлалъ назначенія разныхъ лицъ къ городовому дѣлу. Двое изъ назначенныхъ не приняли назначенія и били челомъ объ отечествѣ. Мѣстническіе счеты представляли не рѣдко большую сложность и запутанность, а потому:

«Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, слушавъ челобитья Даніила Шенкурскаго и Ивана Измайлова, указалъ о томъ сидѣти бояромъ, да что бояре о томъ

приговорятъ, и государь указалъ о томъ доложить себя, государя». Книга разрядн., ст. 1155.

Въ 1636 году, 15 декабря, думный дьякъ Михайло Даниловъ докладывалъ царю о помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ. Въ виду сложности вопроса, государь приказалъ слушать «тѣхъ статей» боярамъ, а что они приговорятъ, о томъ доложить ему.

«И декабря въ 16 день бояре тѣхъ статей слушали, а что о которой статьѣ бояре приговорили, и о тѣхъ статьяхъ велѣли докладывать государя. И декабря въ 17 день государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ слушалъ помѣстныхъ и вотчинныхъ статей, и что объ нихъ бояре приговорили указалъ о тѣхъ статьяхъ, а что о которой статьѣ государевъ указъ и боярскій приговоръ, и то писано по статьямъ». . . . а далѣе слѣдуютъ четырнадцать статей, занимающихъ 7 страницъ въ печатномъ изданіи въ 8-ку Христоматіи Влад.-Буд. III, 247.

Тоже дѣлаетъ и Алексѣй Михайловичъ:

«А въ нынѣшнемъ году (1677), по указу великаго государя, бояре, для спорнаго челобитья всякихъ чиновъ людей, тѣхъ статей (помѣстныхъ и вотчинныхъ) слушали вновь, и которымъ статьямъ, по боярскому приговору, быть по прежнему, и которыя пополнены, и которыя отставлены, и то писано подъ статьями порознь ниже сего» . . . и далѣе слѣдуютъ 41 обширная статья о помѣстьяхъ и 16 статей о вотчинахъ, занимающихъ 27 страницъ въ 4-ку П. С. З. № 700.

Два приведенныхъ свидѣтельства относятся къ порядку московскаго законодательства. Въ первомъ изъ нихъ государь приказалъ «боярамъ» разсмотрѣть новыя статьи, составленныя въ Помѣстномъ приказѣ; во второмъ—дѣло шло объ измѣненіи дѣйствующихъ уже статей. Всякихъ чиновъ люди заявляли свое недовольство существующими нормами помѣстнаго и вотчиннаго права. Алексѣй Михайловичъ указалъ боярамъ принять въ соображеніе заявленныя неудовольствія и пересмотрѣть «статьи». По указу государеву бояре были уполномочены пополнить и даже отмѣнить ста-

рыя статьи. Обширный трудъ ихъ, или, какъ тогда говорили, боярскій приговоръ представленъ былъ на утвержденіе государя и по указу его получилъ силу закона.

Итакъ, государевы совѣтники или присутствуютъ на докладахъ приказныхъ правителей царю и, по его запросу, подаютъ мнѣнія о предметахъ докладовъ и затѣмъ, по указу царя, составляютъ приговоры, или, тоже по указу царя, имѣютъ свои особыя засѣданія и составляютъ проекты новыхъ законовъ, которые приводятся въ исполненія опять таки по указу царя.

Въ виду такой роли думы, не представляется ни малѣйшей надобности останавливаться на вопросѣ о ея компетенціи, хотя вопросъ этотъ и сильно занимаетъ нашихъ изслѣдователей. Дума дѣлаетъ все то, что ей будетъ приказано сдѣлать государемъ, и не дѣлаетъ ровно ничего, если государю не будетъ угодно приказать ей дѣйствовать. А это значитъ, что дума не имѣетъ никакой «своей» компетенціи. Мы только что привели два случая, въ которыхъ «боярамъ» указано было разсмотрѣть помѣстныя и вотчинныя статьи и составить о нихъ свой приговоръ. Но это не доказываетъ, что проекты помѣстныхъ и вотчинныхъ статей составляются боярами. Государь можетъ и безъ думы указать, какъ дѣйствовать въ дѣлахъ этого рода.

Въ 1643 году били государю челомъ «безпомѣстные и малопомѣстные и пустопомѣстные дворяне разныхъ городовъ». Челобитье ихъ состояло вотъ въ чемъ. По смерти служилыхъ людей, помѣстья ихъ давались вдовамъ; а вдовы сдавали эти помѣстья въ свой родъ и тѣмъ выводили ихъ изъ рода умершихъ мужей. Родственники мужей и били челомъ, чтобы:

«Государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ бы тѣхъ ихъ родственныхъ помѣстей сдавать изъ роду вонъ, чтобы имъ въ конецъ не погибнуть и отъ службы не отбыть». Государь, сей челобитной слушавъ, указалъ: помѣстей вдовамъ безъ именнаго указу сдавать ни кому не велѣть». Влад. Буд. Христом. III. 255.

Почему въ 1636 году Михаилъ Ѳедоровичъ приказываетъ помѣстныя и вотчинныя статьи, проектъ которыхъ былъ составленъ въ Помѣстномъ приказѣ, — слушать боярамъ, а въ 1643 году тотъ же государь даетъ указъ прямо отъ себя о помѣстныхъ же дѣлахъ? Въ 1643 году дѣло шло объ однородныхъ челобитныхъ, а въ 1636 году была соединена въ одинъ докладъ масса разнородныхъ, для удовлетворенія которыхъ потребовалось составить 14 статей. Докладъ 1636 года былъ весьма сложный и царь не захотѣлъ ограничиться мнѣніемъ членовъ Помѣстнаго приказа, а пожелалъ выслушать и мнѣніе бояръ; докладъ 1643 года — сравнительно простъ, и царь разрѣшилъ его самъ, не обращаясь къ боярамъ. Новые указы по однимъ и тѣмъ же дѣламъ можно давать и съ помощью бояръ и безъ ихъ помощи, какъ будетъ угодно государю. Въ послѣднемъ случаѣ помощь бояръ вполнѣ замѣняется помощью одного дьяка докладчика.

Тоже надо сказать и о судебной дѣятельности царя. Московскіе государи продолжаютъ судить лично въ XVI и XVII столѣтіи. Но и въ судебной своей дѣятельности они нерѣдко обращаются къ содѣйствію «бояръ». Примѣръ такого содѣйствія мы привели выше на стр. 388 и сл. Такіе случаи не рѣдки. Въ 1623 году билъ челомъ государю и отцу его, святѣйшему патріарху, стольникъ князь В. И. Туренинъ на князя Б. Косаткина. Государи велѣли:

«Сказать про то бояромъ, чтобъ бояре о томъ поговорили, а что приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь и отецъ его государевъ, великій государь святѣйшій патріархъ, доложить себя». Книги разр. Стол. 931.

Боярскій приговоръ былъ доложенъ государямъ думнымъ дьякомъ Томилою Луговскимъ. На основаніи этого приговора государи указали челобитчику «дать судъ» и назначили судей. Но судъ почему-то не состоялся. Это дало поводъ къ новой челобитной кн. Туренина. Государи указали «говорить бояромъ». Бояре разсмотрѣли теперь дѣло по существу и приговорили выдать кн. Б. Касаткина князю

В. Туренину головою. Думный дьякъ, Ѳедоръ Лихачевъ, доложилъ приговоръ этотъ государямъ и государи:

«Указали князя Богдана Косаткина за кн. Васильево безчестье Туренина посадить на день въ тюрьму. И князю Богдану Касаткину государевъ указъ и боярскій приговоръ сказанъ и въ тюрьму князь Богданъ Касаткинъ посланъ съ подъячимъ съ Микиткою Кузминымъ». Кн. разр. 935.

Въ обоихъ случаяхъ «бояре» играютъ роль совѣта. Въ первомъ случаѣ государи хотѣли узнать, какое дать направленіе челобитной кн. Туренина. По существующимъ порядкамъ послѣдствія челобитной въ дѣлахъ объ отечествѣ могли быть очень различны. Челобитчику, въ случаѣ очевидной нелѣпости его иска, могло быть прямо отказано; но если бы, при предварительномъ разсмотрѣніи челобитной, оказалось, что ему «сошлось» съ отвѣтчикомъ, дѣло его могло быть разрѣшено «сыскомъ» или «судомъ». Государи хотѣли знать, какое направленіе дать дѣлу и потому потребовали мнѣнія бояръ. Бояре приговорили «дать судъ» и государи указали дать судъ. Во второмъ случаѣ боярамъ указано было произвести этотъ судъ. Бояре приговорили къ выдачѣ головою, государи на докладѣ измѣнили боярскій приговоръ и указали посадить виновнаго на день въ тюрьму. Въ обоихъ случаяхъ, боярскій приговоръ есть лишь матеріалъ для государева указа и только. Хотя государи въ послѣднемъ случаѣ измѣнили боярскій приговоръ, но кн. Касаткину, тѣмъ не менѣе, объявленъ государевъ указъ и боярскій приговоръ. И это отъ части вѣрно, ибо и бояре признали виновнымъ кн. Касаткина, разница только въ мѣрѣ наказанія.

Въ 1625 году билъ челомъ государю Д. Шенкурской на И. Измайлова. Государь:

«Указалъ о томъ сидѣть бояромъ, да что бояре о томъ приговорятъ, и государь указалъ о томъ доложить себя, государя». Книга разр. стол. 1155.

Думный дьякъ, Ѳедоръ Михаловъ, доложилъ государю боярскій приговоръ:

«И Государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ указалъ Данилу Шенкурскому и Ивану Измайлову боярскій приговоръ сказати. И по государеву указу.... боярскій приговоръ сказанъ».

Здѣсь «бояре» опять выступаютъ въ качествѣ судей по приказу государя, но съ тою разницею, что государь утвердилъ ихъ приговоръ безъ всякихъ измѣненій.

Случаи такого участія бояръ въ судебной дѣятельности государя, сколько бы ихъ ни оказалось, недоказываютъ, что у бояръ есть право участвовать въ рѣшеніи отеческихъ дѣлъ. Эти дѣла рѣшаются государями и безъ всякаго участія бояръ. Въ 1618 году билъ челомъ государю стольникъ, В. Третьякъ, на кн. Юрія Буйникова, и «государь велѣлъ ему отказать», не справляясь съ мнѣніемъ бояръ. Въ томъ же году билъ челомъ государю Юр. Татищевъ на кн. Д. М. Пожарскаго; государь велѣлъ ему отказать и съ княземъ Пожарскимъ быть. Но когда Татищевъ не послушался этого указа, государь приказалъ его бить кнутомъ и выдать Пожарскому головою и опять безъ всякаго совѣщанія съ боярами, по той причинѣ, что царю дѣло было ясно. Такіе же примѣры единоличнаго суда царя въ отеческихъ дѣлахъ встрѣчаемъ въ 1624, 25 и 27 году *). Любопытно, что, по взгляду тяжущихся, бояре, въ дѣлахъ этого рода, иногда и вовсе не могли принимать участія. Въ 1614 году князья С. и М. Прозоровскіе били челомъ о судѣ и счетѣ на кн. Ѳ. Куракина. Государь велѣлъ «допросить» ихъ боярамъ. Прозоровскіе этимъ указомъ остались не довольны и вновь били челомъ о судѣ, надо полагать, передъ царемъ лично, потому что просьбу свою они мотивировали такъ:

«Случаевъ у насъ много (т. е. случаевъ назначенія на службу, въ которыхъ они были поставлены выше Куракиныхъ), да передъ бояры положить ихъ не мочно, потому что и до многихъ бояръ въ случаяхъ дойдетъ». Двор. разр. 158.

*) Книги разрядн. стол. 555, 558; см. еще 1624 г. стол. 1042, 1625 г. стол. 1160, 1627 г. стол. 1377.

Московскіе государи не только одни рѣшаютъ мѣстническіе споры, но одни, безъ всякаго совѣщанія съ боярами, установляютъ и общія нормы для рѣшенія такихъ споровъ. Въ 1616 году окольничій, кн. Гр. Волконскій, «сказывалъ» (т. е. представлялъ) царю англійскаго посла, а кн. Гр. Тюфякинъ этого посла звалъ къ государеву столу и ѣздилъ его потчивать, и вотъ по этому то у него и явилось опасеніе, не будетъ ли онъ поставленъ, въ случаѣ спора, ниже кн. Волконскаго. Для разъясненія своего сомнѣнія онъ обратился съ челобитьемъ къ государю.

«И государь приказалъ посольскому думному дьяку, Петру Третьякову, челобитье его записать въ Посолскомъ Приказѣ, что столнику, который посла зоветъ къ столу, до околничаго, который посла сказываетъ, въ отечествѣ дѣла нѣтъ; а околничему до него дѣла нѣтъ, и прежде того не бывало же». Двор. разр. 221.

Московскіе государи давно уже стремятся ограничить случаи мѣстническихъ споровъ, а потому разрѣшеніе челобитья кн. Тюфякина не представляло ни какого сомнѣнія, и оно послѣдовало безъ всякаго совѣщанія съ думными людьми.

Итакъ, думцы государевы, не имѣя постояннаго состава, не имѣютъ и опредѣленной компетенціи, а дѣлаютъ только то, что царь имъ прикажетъ.

Такой выводъ можетъ не только изумить, но показаться совершенно невѣроятнымъ людямъ, хорошо знакомымъ съ современной литературой о такъ называемой «боярской думѣ». Въ этой литературѣ можно найти не только старательно составленное перечисленіе предметовъ, подлежащихъ вѣдомству думы, но тамъ точно означены дни и часы, когда эта дума собирается и засѣдаетъ. Къ этой собирающейся въ опредѣленные дни и часы «думѣ» мы теперь и перейдемъ.

Въ Москвѣ, дѣйствительно, возникло учрежденіе, члены котораго засѣдали въ опредѣленные дни и часы и имѣли свою болѣе или менѣе опредѣленную компетенцію; но учре-

жденіе это существенно отличается отъ думы, хотя и имѣетъ съ нею нѣкоторыя точки соприкосновенія.

Съ самыхъ древнихъ временъ князь былъ судьей и лично отправлялъ дѣла правосудія. По мѣрѣ объединенія Россіи подъ властью Москвы, отправленіе суда лично государемъ дѣлалось все затруднительнѣе. Но и московскіе государи продолжаютъ судить сами и въ первой инстанціи еще въ XIV и XV вѣкѣ. Не имѣя, однако, возможности разрѣшать всѣ дѣла, предоставленныя ихъ личному суду, вел. князья учреждаютъ себѣ въ помощь бояръ введеныхъ, которымъ даютъ право судить свой судъ. Такимъ образомъ, возникли особыя лица, которыя судили «судъ великаго князя». До Ивана III они судили этотъ судъ единолично; съ Ивана III они должны были судить его самъ другъ съ дьякомъ (Рус. Юр. древн. I т., стр. 372). Дальнѣйшій шагъ въ организаціи этого высшаго суда состоялъ въ учрежденіи боярской судной коллегіи. Когда именно была она учреждена и въ какомъ видѣ,— это не ясно. При Иванѣ III такой коллегіи, стоявшей выше приказовъ, кажется, еще не было. Первая статья его Судебника говоритъ:

«Судити судъ бояромъ и околничимъ, а на судѣ быти у бояръ и о у околничихъ дiакомъ».

Изъ этой статьи слѣдуетъ, что есть судъ бояръ и окольничихъ, на которомъ присутствуютъ дьяки. Но какой это судъ, судъ приказовъ, гдѣ сидитъ бояринъ или окольничій и при немъ дьякъ, или высшій судъ надъ приказами, состоящій изъ бояръ, окольничихъ и дьяковъ? Вторая статья того же Судебника даетъ право думать, что это судъ приказовъ, ибо она предписываетъ «боярину» жалобниковъ отъ себя не отсылать, а давать управу, кому пригоже; а кому не пригоже, о томъ сказать великому князю, или «къ тому его послати, которому которые люди приказано вѣдати». Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ не о высшемъ судѣ, а о приказномъ. Надо думать, что о приказномъ судѣ говоритъ и 1 ст., стоящая въ прямой связи со 2-й. Это толкованіе со-

вершенно подтверждается и царскимъ Судебникомъ. Статья 7-я этого послѣдняго соотвѣтствуетъ 2-й статьѣ перваго Судебника и говоритъ о приказномъ судѣ, а не о высшемъ боярскомъ; другихъ же статей, въ которыхъ можно было бы видѣть указаніе на существованіе высшаго боярскаго суда, нѣтъ, а потому есть достаточное основаніе думать, что и въ періодъ составленія второго Судебника такого суда еще не было *).

Но отъ второй половины XVI в. мы уже имѣемъ документальное свидѣтельство о существованіи высшаго боярскаго суда. Подъ приговоромъ чиновъ собора 1566 года о ливонскихъ дѣлахъ встрѣчаемъ такую подпись: «А у бояръ въ судѣ язъ, Борисъ Ивановичъ Сукинъ». Б. И. Сукинъ былъ дьякъ, изъ подписи же его слѣдуетъ, что онъ состоялъ членомъ боярскаго суда. Это не судъ приказа, ибо приказовъ было много и въ каждомъ были свои дьяки; и не судъ одного боярина введенаго, ибо трудно думать, чтобы единоличный судъ боярина введенаго назывался «судомъ бояръ». Что же это за судъ?

Прежде всего надо замѣтить, что у насъ въ древности судъ не былъ отдѣленъ отъ управленія: кто управлялъ, тотъ и судилъ, и, наоборотъ, кто судилъ, тотъ могъ разсматривать и вопросы управленія. Поэтому выраженіе «судъ бояръ» нельзя понимать въ тѣсномъ смыслѣ высшей боярской исключительно судной коллегіи. Это была, надо думать, не судная только, а «расправная» коллегія, вѣдавшая и судъ и управленіе.

*) Г. Лихачевъ въ своемъ сочиненіи «Разрядные дьяки XVI вѣка» приводитъ «боярскій приговоръ, что приговорили о покраденной у корельскаго попа ржи» отъ 1520 года. Въ постановленіи приговора участвовали: четыре боярина, четыре окольничихъ, печатникъ и 3 думныхъ дьяка. Изъ напечатаннаго документа не видно, что это за «бояре»,—думцы это государевы, или спеціальная судебная коллегія. Если мы и допустимъ, что «бояре» въ данномъ случаѣ дѣйствовали не въ качествѣ думцевъ, а въ качествѣ суда, все же это будетъ судъ на случай, а не постоянная судная палата. Спеціальныя же суды на извѣстный случай всегда, конечно, имѣли мѣсто.

Такая коллегія возникла у насъ въ 1564 году. Въ этомъ году царь учредилъ опричнину.

«Государство же свое Московское, воинство, и судъ, и управу, и всякіе дѣла земскіе приказалъ вѣдать и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быть въ земскихъ: князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому, князю Ивану Ѳедоровичу Мстиславскому, и всѣмъ бояромъ. А конюшему, и дворецкому, и казначеемъ, и дьякомъ, и всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлахъ приходити къ бояромъ. А ратные каковы будутъ вѣсти или земскіе великіе дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлахъ приходити къ государю». Александро-Невская лѣт., у Карамзина, IX, пр. 137.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ первымъ учрежденіемъ особой боярской коллегіи, дѣйствующей самостоятельно въ предѣлахъ предоставленной ей компетенціи. Эта коллегія имѣетъ свой постоянный составъ, опредѣленный указомъ царя. Въ нее назначены бояре, которымъ велѣно быть «въ земскихъ». Подлинный указъ до насъ не дошелъ, а потому мы и не можемъ сказать, кто именно былъ назначенъ Грознымъ въ составъ правительственной боярской коллегіи. Мы знаемъ только двухъ членовъ, принадлежавшихъ къ ея первоначальному составу, это были: князья И. Бѣльскій и И. Мстиславскій, названные въ приведенной уже выпискѣ изъ Александро-Невской лѣтописи; позднѣе къ нимъ былъ присоединенъ кн. Мих. Воротынскій, онъ упомянутъ въ документѣ 1570 года, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Можно думать, что и дьякъ, Б. И. Сукинъ, принадлежалъ къ составу этой же коллегіи, такъ какъ никакой другой въ это время не было.

Эта коллегія имѣла свою опредѣленную компетенцію. Ей предоставлено было вѣдать все внутреннее управленіе, военное и гражданское, и судъ. Приказы, имѣвшіе по судебникамъ докладъ у государя непосредственно по всѣмъ дѣламъ, которыхъ нельзя было рѣшить безъ государева вѣдома (ст. 2-я перваго и 7-я второго), должны были теперь по всѣмъ «большимъ дѣламъ» обращаться съ докладами къ «боярамъ»

земской коллегіи. Эти бояре получили право разрѣшать своею властью всѣ дѣла, за исключеніемъ «ратныхъ и великихъ земскихъ»; по этимъ послѣднимъ они сами должны были дѣлать докладъ государю.

Очень можетъ быть, что въ подлинномъ государевомъ указѣ, до насъ недошедшемъ, разграниче власти бояръ отъ власти государя было сдѣлано въ болѣе точныхъ выраженіяхъ; но во всякъ случаѣ трудно думать, чтобы земскимъ боярамъ предоставлена была компетенція, выходящая за предѣлы прямого примѣненія царскихъ указовъ. Иванъ Грозный слишкомъ ревниво относился къ своей власти, чтобы предоставить земскимъ боярамъ сколько-нибудь широкія полномочія по управленію государствомъ. Отъ времени, непосредственно послѣдовавшаго за учрежденіемъ земской боярской коллегіи, мы имѣемъ нѣсколько жалованныхъ и льготныхъ грамотъ, одну грамоту о порядкѣ платежа таможенныхъ пошлинъ, о мѣрахъ противъ корчемства и игры зернью и одинъ наказъ бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ о порядкѣ преслѣдованія лихихъ людей *). Всѣ эти грамоты даны отъ имени самого царя. Высшее управленіе, какъ и слѣдовало ожидать, осталось въ его рукахъ. Къ боярамъ перешло только исполненіе указовъ, да и въ этой области трудно думать, чтобы они дѣйствовали съ нѣкоторою самостоятельностью въ сколько нибудь сомнительныхъ случаяхъ. Время для этого было очень неблагопріятно. Отъѣздъ царя въ Александровскую слободу сопровождался выраженіемъ недовѣрія къ боярамъ; въ письмѣ къ митрополиту Иванъ Грозный перечисляетъ боярскія измѣны и беззаконія и этимъ объясняетъ свой отъѣздъ, а позднѣе—и учрежденіе опричнины. При такихъ условіяхъ боярамъ трудно было дѣйствовать самостоятельно даже и въ мелкихъ вопросахъ текущаго суда и управленія.

---

*) А. Э. I. № 269, 276, 277, 279, 281, 1565—1571; А. И. I. № 188, 191, 193, 1573—1575.

Можно думать, что любимой формой ихъ дѣятельности были доклады государю.

Какъ бы ни была зависима и несамостоятельна дѣятельность коллегіи земскихъ бояръ, все же она существенно отличается отъ дѣятельности думы государевой. Государева дума только подготовляетъ дѣла къ рѣшенію государя; она дѣлаетъ это или въ присутствіи царя, или въ особомъ засѣданіи безъ царя, но всегда по его особому указу. Она сама ничего не рѣшаетъ. Если царь приказываетъ думѣ составить приговоръ, приговоръ этотъ исполняется не самъ по себѣ, а въ силу государева указа. Учрежденная Иваномъ Грознымъ коллегія земскихъ бояръ имѣетъ свою собственную компетенцію и въ предѣлахъ этой компетенціи сама рѣшаетъ восходящіе на ея разсмотрѣніе вопросы. Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію земскихъ бояръ, восходятъ къ нимъ изъ приказовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда приказы не находили возможнымъ разрѣшить ихъ сами, по ихъ важности или по инымъ причинамъ, и по жалобѣ частныхъ лицъ на рѣшенія приказовъ. Можно допустить и третье основаніе: земскіе бояре могли разсматривать нѣкоторыя дѣла и въ первой инстанціи; это дѣла о всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые никому не были приказаны.

Коллегія земскихъ бояръ представляетъ совершенную новость въ нашей исторіи; до 1564 года, ничего подобнаго у насъ не было. Но къ той же коллегіи царь могъ обратиться и за совѣтомъ и, такимъ образомъ, временно превратить ее въ свою думу. Такой случай извѣстенъ нашимъ памятникамъ. Въ 1570 году земскіе бояре получили отъ сибирскаго царя грамоту, перевели ее съ татарскаго языка на русскій и препроводили къ царю. Въ отвѣтъ они получили такой приказъ:

«И вы бъ о томъ поговорили, пригоже ли намъ съ сибирскимъ царемъ о томъ ссылатися, и почему въ Сибирь татаринъ къ царю отпущенъ, и что съ нимъ писано, и въ которомъ году отпущенъ? Да что ваша будетъ мысль, и

вы бъ приговоръ свой къ намъ отписали»... А. А. Э. I. № 179.

Приказъ этотъ посланъ былъ изъ Александровской слободы, гдѣ, конечно, у царя не было недостатка въ совѣтникахъ; но онъ нашелъ нужнымъ посовѣтоваться съ земскими боярами, а не съ опричными. Это соединеніе двухъ функцій въ одномъ и томъ же учрежденіи ничего не мѣняетъ въ существѣ дѣла. Совѣтниковъ своихъ и по учрежденіи опричнины царь беретъ, гдѣ желаетъ. Но рядомъ съ этимъ старымъ явленіемъ возникло новое, коллегія земскихъ бояръ, поставленная надъ приказами; это не дума, а Расправная палата, имѣющая власть рѣшать текущія дѣла суда и управленія.

Мы не можемъ съ точностью сказать, до какого года существовала учрежденная Иваномъ Грознымъ земская Расправная палата. Ясно только, что она существовала не долго, скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе десяти лѣтъ. Въ 1570 году она еще существуетъ. Только что приведенная переписка о сибирскихъ дѣлахъ ведется отъ имени «Иванца Бѣльскаго, Иванца Мстиславскаго, Михальца Воротынскаго и всѣхъ бояръ». Царь въ своей отвѣтной грамотѣ называетъ Бѣльскаго и его товарищей полными именами и съ вичемъ. Но уменьшительная форма боярской грамоты указываетъ, что земскіе бояре находились въ довольно приниженномъ положеніи. Въ слѣдующемъ году И. Ѳ. Мстиславскій былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ. Въ данной имъ «проклятой» грамотѣ онъ признается, что «вѣры своей не соблюлъ и государю своему измѣнилъ, навелъ съ своими товарищами безбожнаго крымскаго Девлетъ-Гирея царя на святыя православныя церкви». Только благодаря предстательству митрополита, шести епископовъ и 14 архимандритовъ и игуменовъ и поручительству двухъ бояръ, одного окольничаго и нѣсколькихъ сотъ подпоручниковъ государь простилъ измѣнника и опалу съ него снялъ *). Остался ли онъ чле-

*) Рум. Собр. I № 196. Издатель къ проклятой грамотѣ кн. Мстиславскаго дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Судя по множеству данныхъ о

номъ земской Расправы и послѣ своей измѣны, этого мы не знаемъ; но два ближайшіе къ нему товарища выбыли изъ нея.

Первый бояринъ расправы, кн. Бѣльскій, былъ убитъ въ приходъ Девлетъ-Гирея къ Москвѣ, въ 1571 году; третій членъ, князь М. И. Воротынскій, былъ казненъ два года спустя послѣ нашествія Девлетъ-Гирея. Въ 1574 году встрѣчаемся съ учрежденіемъ, которое, по всей вѣроятности, упразднило земскую расправу, если она только дожила до этого года. По разсказу рукописнаго временника:

«Царь Иванъ Васильевичъ произволилъ въ этомъ году и посадилъ царемъ въ Москвѣ Симеона Бекбулатовича (крещенаго татарина) и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и вышелъ изъ города на Петровку. Весь свой чинъ царскій государь отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ; и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, ссаживается отъ царева мѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами». Соловьевъ VI, 210.

Подлинный указъ о возведеніи царскою волею на московскій престолъ татарина до насъ не дошелъ, но фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы имѣемъ нѣсколько грамотъ, данныхъ «великимъ княземъ Симеономъ

немъ (Мстиславскомъ) записей и по мѣрѣ государева гнѣва, должно заключить, что преступленіе его было довольно важно». Мы думаемъ, что должно заключить къ совершенно обратному. За вину Мстиславскаго государь возложилъ на него свою опалу. Если же допустить, что Мстиславскій былъ дѣйствительно виновенъ въ томъ, въ чемъ сознался, и былъ наказанъ за свою измѣну только опалою государевой, то является совершенно непонятнымъ ходатайство за него всего духовенства съ митрополитомъ во главѣ. Вина—первой важности, наказаніе сравнительно легкое, о чемъ же ходатайствовать духовенству? Русскіе воеводы, высланные противъ Гирея, не помѣшали ему перейти черезъ Оку и сжечь Москву. Первыми воеводами были тѣ же земскіе бояре: Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій. Вотъ въ чемъ вина Мстиславскаго. Онъ не умѣлъ отразить Гирея. Больной царь хотѣлъ видѣть въ этомъ измѣну. Чтобы ублажить его, Мстиславскій признался въ измѣнѣ. Духовенство, конечно, хорошо знало, что никакой измѣны не было, могла быть оплошность, а потому и явилось ходатаемъ.

Бекбулатовичемъ всея Русіи». Это указываетъ, что произведенное въ 1564 году выдѣленіе опричнины и учрежденіе земской расправы для управленія Московскимъ государствомъ болѣе уже не удовлетворяло царя. Его больное воображеніе перешло отъ боярской коллегіи къ иному способу управленія государствомъ, и онъ далъ Москвѣ царя, а самъ жилъ, какъ частный человѣкъ. Полномочія этой царской тѣни были гораздо обширнѣе полномочій земскихъ бояръ. Симеонъ давалъ своею властью жалованныя и льготныя грамоты и грамоты о порядкѣ взиманія податей; государевы дворцовыя села онъ называлъ «нашими» *). Этому глиняному царю Иванъ Грозный подавалъ челобитныя, въ которыхъ просилъ его «показать ему милость» дозволить устроить себѣ дворъ, однихъ людей принять, другихъ отпустить и «о людишкахъ своихъ съ твоими, государевыми, приказными людьми памятями ссылаться» **). Но эта игра больного монарха въ цари и раболѣпные подданные продолжалась не долго. По прошествіи двухъ лѣтъ Иванъ Васильевичъ ссадилъ татарина съ Московскаго царства и назначилъ его великимъ княземъ тверскимъ. Въ этомъ новомъ достоинствѣ мы встрѣчаемъ Симеона Бекбулатовича еще и въ 1582 году. Онъ пожаловалъ въ этомъ году Арсенія, игумена Спасскаго монастыря, пустошами въ Тверскомъ уѣздѣ ***). Занявъ попрежнему престолъ своихъ предковъ, Иванъ Грозный возвратился и къ прежнему порядку управленія и суда. Это заключаемъ мы изъ того, что ни въ послѣдніе годы его царствованія, ни въ царствованіе сына его, Ѳеодора, не встрѣчаемъ никакихъ указаній на существованіе высшей боярской коллегіи, какъ учрежденія постояннаго. Въ это время, для разсмотрѣнія дѣлъ, не подлежавшихъ вѣдомству того или другого приказа, всякій разъ назначался царемъ особый судъ на этотъ случай. Такъ

*) А. И. I. № 195; А. Э. I. № 290 и 292; 1576.
**) Соловьевъ, VI, прим. 94.
***) А. Э. I, № 316.

поступилъ самъ Иванъ Грозный въ 1579 году. 25 декабря этого года велѣлъ онъ стоять у своего государева стола въ товарищахъ съ крайчимъ, Бор. Ѳед. Годуновымъ, князю И. В. Сицкому. Сицкій этого назначенія не принялъ и билъ челомъ объ отечествѣ, о счетѣ. Государь велѣлъ дѣло это судить двумъ боярамъ да одному дьяку. Такъ поступалъ и сынъ его, Ѳеодоръ. Отъ царствованія этого государя мы имѣемъ шесть случаевъ мѣстническаго суда, въ которыхъ всякій разъ назначались спеціальные судьи и всякій разъ изъ двухъ лицъ, изъ боярина и дьяка. Это—совершенное возвращеніе къ тому порядку, который установился еще при Иванѣ Васильевичѣ III, къ суду одного боярина введеннаго съ дьякомъ *).

Этотъ порядокъ вещей продолжается и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, онъ также назначаетъ спеціальный судъ изъ одного боярина и дьяка **). Но въ его царствованіе возникаетъ и новый порядокъ, окончательно закрѣпленный Уложеніемъ. Михаилъ Ѳедоровичъ начинаетъ приказывать тѣ же дѣла, которыя до него и при немъ судилъ бояринъ съ дьякомъ, «судить бояромъ» и не только судъ судить, но и вершить дѣло. Въ началѣ XVII вѣка это дѣлается всякій разъ по особому государеву указу. Челобитье подается государю, а государь приказываетъ «сидѣть о томъ бояромъ», или «поговоря о томъ, указъ учинити». На основаніи такого указа бояре «приговариваютъ»: или отказать челобитчику, или посадить виновнаго въ тюрьму и т. д. ***). Здѣсь мы присутствуемъ при самомъ зарожденіи Расправной палаты XVII вѣка ****). Государь уполномочиваетъ «бояръ»

*) Симбирск. сбор. Разрядн. кн. стр. 67, 98, 99, 103, 105 и 106.

**) Въ 1623 г. назначенъ былъ кн. Д. Т. Трубецкій и дьякъ Мих. Даниловъ, въ томъ же году кн. Ив. Ив. Шуйскій и тотъ же дьякъ; въ 1627 г. велѣно было судить боярину Мих. Бор. Шеину и опять тому же дьяку. Книги разр. стол. 933, 937 и 1371.

***) Книги разрядн. I, стол. 551—554, 556, 673 и др.

****) Въ Уставной книгѣ разбойнаго приказа есть нѣсколько «боярскихъ приговоровъ» отъ времени Ѳедора Ивановича и Бориса Году-

разсмотрѣть челобитье и составить приговоръ, т.-е. рѣшить дѣло, не внося на его утвержденіе. Въ этихъ случаяхъ бояре дѣйствуютъ не какъ думцы государя, а какъ самостоятельный судъ, облеченный правомъ рѣшать. Но это дѣлается всякій разъ по особому полномочію. Постояннаго учрежденія боярской расправы, дѣйствующей по общему праву, а не по спеціальному всякій разъ указу, нѣтъ и въ 1626 году. Въ этомъ году Помѣстный приказъ спрашивалъ государей, какъ они прикажутъ, послѣ пожару, помѣстныя и вотчиныя дѣла дѣлать? Государи приказали:

«И которыхъ статей въ Помѣстномъ приказѣ о помѣстныхъ и вотчиныхъ дѣлѣхъ безъ государева царева и вел. князя Михаила Ѳедоровича и отца его, государева, великаго государя, святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича, имяннаго приказу, дѣлать не мочно, тѣ статьи они, государи, велѣли написать и принесть къ себѣ, государямъ, въ докладъ». Влад.-Буд. Христом. III, 214.

Мы здѣсь находимся еще на точкѣ зрѣнія царскаго Судебника, который предписываетъ:

«А которому будетъ жалобнику, безъ государева вѣдома, управы учинити немочно, ино челобитье его сказати царю государю» 7.

Какъ въ 1550 году не было никакой посредствующей инстанціи между государемъ и приказами, а дѣла, въ случаѣ недостатка указа, шли изъ приказовъ прямо къ царю; такъ и въ 1626 году дѣла изъ приказовъ (по крайней мѣрѣ изъ Помѣстнаго) непосредственно докладываются государю.

нова, но не видно, кого надо разумѣть здѣсь подъ боярами: думцевъ государевыхъ или судную коллегію. Царствованіе Ѳедора Ивановича представляетъ анормальное явленіе, государствомъ управлялъ не царь, а Борисъ съ пятью-шестью боярами (см. выше стр. 375). Въ данномъ случаѣ Борисъ игралъ роль царя, пять-шесть бояръ—были его думцы. Они, конечно, составляли всякіе приговоры и эти приговоры и занесены въ уставную Разбойную книгу подъ названіемъ «боярскихъ». При царѣ Борисѣ могла уже назначаться боярская судная коллегія.

Между царемъ и приказами нѣтъ еще никакого постояннаго учрежденія. Первое указаніе въ законодательствѣ на такое посредствующее учрежденіе находимъ лишь въ Уложеніи 1649 года и то довольно нерѣшительное. Въ Уложеніи читаемъ:

«А спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ зачѣмъ вершити будетъ немощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ. А бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ» X, 2.

Редакція статьи показываетъ, какъ сильны были въ Москвѣ историческія традиціи, и какъ трудно было людямъ XVII вѣка перейти отъ стараго привычнаго порядка къ новому. Изъ конца статьи ясно, что бояре имѣютъ свои собственныя засѣданія безъ царя, на которыхъ и рѣшаютъ всякія дѣла, поступающія изъ приказовъ. Но дѣла изъ приказовъ поступаютъ на основаніи доклада. Кому же дѣлается докладъ? Если бояре уполномочены рѣшать дѣла, то имъ и долженъ дѣлаться докладъ. Статья же говоритъ о докладѣ государю и его государевымъ бояромъ. Что же это значитъ? Дѣлать докладъ царю и боярамъ единовременно въ данномъ случаѣ нельзя, ибо бояре сидятъ въ палатѣ безъ царя и безъ царя рѣшаютъ дѣла; дѣлать докладъ сперва царю, а потомъ боярамъ нѣтъ надобности, ибо государь впередъ уполномочилъ бояръ рѣшать эти дѣла. Это недостатокъ редакціи, въ которомъ слышится остатокъ старины. И въ древности докладъ дѣлается государю лично во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приказные судьи или бояре введеные не находятъ возможнымъ сами разрѣшить дѣло.

Это практика вѣковъ, она и проскользнула въ Уложеніе, хотя Уложеніе и установило посредствующую между приказами и царемъ инстанцію. Въ дѣйствительности, конечно, дѣла изъ приказовъ поступали къ боярамъ и царю докладывались только тѣ изъ нихъ, которыя и бояре не

находили возможнымъ разрѣшить. Это совершенно ясно изъ послѣдующихъ указовъ. Напримѣръ:

«Къ бояромъ, въ Золотую палату, дѣла взносить къ слушанію и къ вершенію изъ приказовъ: въ понедѣльникъ изъ Разряда, во вторникъ изъ приказа Большія казны» и т. д. 1669. П. С. З. № 460.

Итакъ, возникновеніе высшаго учрежденія «бояръ» есть весьма позднее явленіе нашей исторіи. Окончательное учрежденіе его относится къ половинѣ XVII вѣка. Попытка Ивана Грознаго создать высшій боярскій судъ имѣла очень кратковременное бытіе.

Переходимъ къ составу, вѣдомству и власти этого высшаго судебно-правительственнаго учрежденія.

Уложеніе предписываетъ сидѣть въ палатѣ..... «бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ» X, 2. Тоже говорятъ и позднѣйшіе указы *). Но значитъ ли это, что всѣ наличные думные чины, безъ особаго назначенія, состояли членами боярской палаты? Это очень сомнительно. Многіе изъ нихъ имѣли уже назначенія и, конечно, не могли оставить своихъ мѣстъ безъ особаго указа. Надо думать, что члены боярской палаты назначались царемъ изъ думныхъ чиновъ особымъ указомъ. И мы дѣйствительно имѣемъ указанія на такія назначенія. Первое изъ нихъ дошло къ намъ отъ 1681 года. Въ этомъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, назначены въ Расправную палату товарищами къ князю Ник. Ив. Одоевскому: трое бояръ, трое окольничихъ, трое думныхъ дворянъ и двѣнадцать думныхъ дьяковъ. Съ этого года по 1689 г. не встрѣчаемъ ни одного новаго назначенія членовъ Расправной палаты, а въ 1689 году было два такихъ назначенія. Первый разъ, 12 сентября, первоприсутствующимъ указано было быть Як. Ник. Одоевскому, а товарищами къ нему назначены: трое бояръ, четверо окольничихъ, двое думныхъ дворянъ и двое думныхъ дьяковъ. Въ томъ же году, 14 октября, составъ палаты былъ пополненъ еще однимъ окольничимъ. Въ 1690

*) П. С. З. № 460, 838, 885; 1669—1680.

году встрѣчаемъ новое назначеніе третьяго думнаго дьяка и т. д. *).

Назначенные въ Расправную палату члены оставались въ этомъ званіи, пока нравилось государю, и могли быть возвращены даже въ прежнее состояніе, хотя бы и низшее. Такъ случилось съ думнымъ дьякомъ Прот. Никифоровымъ. Въ 1689 году онъ былъ назначенъ въ Расправную палату, а въ 1691 государь «указалъ ему въ Расправной палатѣ не быть, а быть ему въ Помѣстномъ приказѣ, попрежнему» **).

Расправная палата собиралась въ опредѣленные дни и часы. Въ древнѣйшемъ указѣ по сему предмету (1669) опредѣляются только дни: члены палаты должны были собираться ежедневно, кромѣ субботы. Потомъ нашли нужнымъ опредѣлить и часъ пріѣзда. Въ 1674 году приказано было съѣзжаться въ 10-мъ часу дня, а съ 1676 года—въ 1-мъ ***). Эта неопредѣленность и неустойчивость порядка указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ возникающимъ только учрежденіемъ, которому приходится еще отыскивать себѣ мѣсто въ ряду болѣе старыхъ.

Расправная палата состояла изъ первоприсутствующаго члена и его товарищей. Первоприсутствующій былъ предсѣдателемъ. Въ указахъ, опредѣляющихъ порядокъ дѣятельности палаты, онъ назывался иногда по имени, объ остальныхъ же членахъ говорилось, какъ о его товарищахъ. Такъ въ указѣ 1681 года дѣлается предписаніе «бояромъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, которые сидятъ въ Расправной палатѣ съ бояриномъ, со княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ въ товарищахъ»... ****). Первоприсутвующій членъ палаты назначался также царемъ. Намъ извѣстны имена трехъ первоприсутствующихъ: первымъ былъ кн. Ник. Ив. Одоев-

*) Дворц. разр. IV. столб. 187, 483, 490, 523 и пр. Эта отрывочность извѣстій объясняется неполнотой дошедшихъ до насъ разрядныхъ книгъ.

**) Тамъ же, столб. 624.

***) П. С. З. № 460, 582 и 621.

****) П. С. З. № 885.

скій, онъ же первоприсутствующій членъ уложенной комиссіи; за нимъ слѣдовалъ его сынъ, Як. Ник. Одоевскій; а въ 1691 году встрѣчаемъ въ этой должности кн. Мих. Як. Черкаскаго *).

Что касается вѣдомства боярской палаты, то нѣтъ надобности опредѣлять его на основаніи практики, оно опредѣлено въ указахъ. По Уложенію всѣ спорныя дѣла, которыхъ почему либо нельзя было рѣшить въ приказахъ, вносятся къ боярамъ. Такимъ образомъ, боярская палата есть высшее въ государствѣ судебное учрежденіе, поставленное надъ приказами. Уложеніе точно не опредѣляетъ, по какимъ причинамъ дѣло можетъ быть не рѣшено въ приказѣ. Такихъ причинъ наша старая практика знала три: 1) отсутствіе указа, разрѣшающаго дѣло, 2) сомнѣніе въ пониманіи существующаго указа и 3) разногласіе членовъ приказа, которые должны были рѣшать всѣ дѣла «вмѣстѣ», т. е. единогласно. Въ этихъ случаяхъ дѣло переходило въ палату. Другихъ основаній для переноса дѣла въ палату, кромѣ невозможности рѣшить его, Уложеніе не знаетъ. Но они скоро явились. Молчаніе о нихъ Уложенія опять указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ вновь возникающимъ учрежденіемъ, компетенція котораго была опредѣлена не сразу, а постепенно. Уложеніе предусматриваетъ случай отказа въ правосудіи. Кто нибудь билъ въ приказѣ челомъ, а ему суда не дали и указа не учинили; что ему дѣлать? Такъ какъ то же Уложеніе учредило боярскую палату, то, понятно, такому челобитчику слѣдовало бы на отказъ въ правосудіи жаловаться палатѣ. Но Уложеніе предоставляетъ ему жаловаться прямо государю X. 20. Это вторая непослѣдовательность, опять объясняемая живучестью старой точки зрѣнія, по которой государь является судіей во всѣхъ дѣлахъ. Но логика сдѣлала свое дѣло: скоро замѣтили, что и въ этихъ случаяхъ надо обращаться не къ государю, а къ «боярамъ», а потому указъ 1680 года говоритъ, что бояре

*) Дворц. разр. IV столб. 187, 483 и 623.

не только слушаютъ спорныя дѣла, вносимыя изъ приказовъ, но и челобитныя принимаютъ *). Какія это челобитныя, это нигдѣ не опредѣлено, но объясняется существомъ дѣла. Это, конечно, челобитныя, какъ на отказъ въ правосудіи, такъ и на неправильныя рѣшенія приказовъ. У насъ никогда не было воспрещено жаловаться на неправильныя рѣшенія; эти жалобы всегда подавались государямъ, а съ учрежденія боярской палаты они должны были подаваться ей.

Судебныя дѣла назывались у насъ еще расправными дѣлами; отсюда возникло официальное наименованіе вновь учрежденной палаты Расправной палатой **).

Степень власти Расправной палаты также опредѣлена указами. Уложеніе говоритъ, что Расправная палата всѣ государевы дѣла рѣшаетъ по государеву указу X. 2. Такъ же выражаются и позднѣйшіе указы. Приведенный уже указъ отъ 1680 года предписываетъ палатѣ, по всѣмъ въ нее поступающимъ дѣламъ, чинить государевъ указъ «по его великаго государя указу и по Уложенію». Палата, слѣдовательно, дѣйствуетъ по существующимъ указамъ. Ей принадлежитъ та же степень власти, что прежде (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь) принадлежала приказамъ. Отсюда слѣдуетъ, что если «бояре» найдутъ почему либо невозможнымъ рѣшить дѣло, они должны доложить о немъ государю. Именно такое распоряженіе находимъ въ указѣ отъ 1694 года. Такъ какъ въ этомъ указѣ сведены вмѣстѣ всѣ прежнія распоряженія о боярской палатѣ и онъ какъ бы завершаетъ ея организацію, то мы и приведемъ изъ него главныя части.

«Великіе государи указали: судныхъ и всякихъ розыскныхъ дѣлъ, по которымъ въ приказахъ судьямъ указу зачѣмъ учинить будетъ не мочно, или которые и вершены, а

*) П. С. З. № 838.

**) Дворц. разр. IV столб. 523, 557, 623; рядомъ съ Расправной палатой употребительно выраженіе «у расправныхъ дѣлъ», тамъ же столб. 187, 483 и 490.

на вершенья учнетъ кто.....бить челомъ и вершенья чѣмъ спорить, также и о иныхъ о какихъ дѣлѣхъ учнетъ кто... бить челомъ, и тѣхъ изъ приказовъ дѣлъ и челобитенъ слушать... бояромъ и думнымъ людямъ всѣмъ и по тѣмъ дѣламъ и по челобитнымъ свой великихъ государей указъ чинить по своему великихъ государей указу, по Уложенію и по новоуказнымъ статьямъ... А которыхъ дѣлъ имъ, бояромъ и думнымъ людемъ, зачѣмъ безъ ихъ великихъ государей именнаго указа вершить будетъ не мочно, и по тѣмъ дѣламъ докладывать великихъ государей»... П. С. З. № 1491.

Въ этомъ указѣ находимъ и нѣкоторую прибавку къ тому, что прежде говорилось о вѣдомствѣ боярской палаты: она вѣдаетъ не одни судныя и розыскныя дѣла, но и иныя дѣла, о которыхъ кто-либо учнетъ челомъ бить. Подъ этими иными дѣлами, противополагаемыми суднымъ, надо разумѣть всѣ дѣла, возникающія по вопросамъ управленія. Но если это новость, возникшая только въ 1694 году? Это очень сомнительно. Для отвѣта на этотъ вопросъ надо припомнить, какъ развивалось наше законодательство въ древности. Въ одномъ изъ нашихъ прежнихъ трудовъ *) мы имѣли уже случай выяснить, что московское законодательство развивается путемъ практики. Прежде чѣмъ какое-либо правило попадетъ въ судебникъ, или уложеніе, оно дѣйствуетъ на практикѣ въ силу частныхъ указовъ. Такъ было, конечно, и съ боярской палатой. Прежде чѣмъ появилось Уложеніе и другіе указы, опредѣлявшіе порядокъ дѣятельности боярской палаты, она уже призывалась къ рѣшенію разныхъ дѣлъ, такъ было въ царствованіе Алексѣя Михайловича, а можетъ быть и ранѣе, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и даже Борисѣ. И здѣсь практика шла впереди законовъ. 2 статья X главы Уложенія, поэтому, не должна быть разсматриваема, какъ чистая новость; она только формулируетъ прежнюю практику, даетъ законное основаніе тому, что и прежде дѣлалось. А многое такъ и осталось практикой и не перешло въ законъ. Напримѣръ, со-

*) Опыты изслѣдованія обычнаго права. 1882.

ставъ палаты: онъ назначается государемъ изъ думныхъ людей, но это не опредѣлено ни въ одномъ указѣ. Вотъ поэтому-то мы и думаемъ, что прибавка указа 1649 года едвали тоже составляетъ новость, что палата по крайней мѣрѣ съ Уложенія вѣдаетъ не одни судныя дѣла, но и правительственныя, которыхъ почему-либо нельзя было рѣшить въ приказахъ.

Степень власти палаты опредѣляется совершенно такъ же, какъ опредѣлялась степень власти приказовъ: она рѣшаетъ на основаніи Уложенія и государевыхъ указовъ всѣ судныя и правительственныя дѣла, пока не окажется, что какого либо дѣла «рѣшити будетъ не мощно». Нельзя сказать, чтобы въ этомъ опредѣленіи была проведена точная граница власти палаты. Что можно рѣшить на основаніи указовъ и чего нельзя,—это дѣло весьма широкаго усмотрѣнія. На основаніи этого правила могло выработаться и очень свободное толкованіе указовъ, при которомъ доклады государю могли имѣть мѣсто только въ исключительныхъ случаяхъ, и очень ограниченное, вызывавшее постоянные высочайшіе доклады. Какъ было въ дѣйствительности, это трудно сказать, такъ какъ практика палаты намъ мало извѣстна, а то, что намъ извѣстно, мы никакъ не можемъ мѣрить нашею современною мѣрою. Въ XVII вѣкѣ въ компетенцію Расправной палаты, обязанной рѣшать судныя и правительственныя дѣла на основаніи государевыхъ указовъ, входило не только разрѣшеніе отдѣльныхъ случаевъ, но и установленіе общихъ правилъ на всѣ будущіе случаи, конечно, когда палата находила, что ихъ можно сдѣлать безъ доклада государю. Поводъ такъ думать даютъ нѣкоторыя статьи, находящіяся въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа. Но прежде чѣмъ привести эти статьи, необходимо сдѣлать оговорку.

Въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа встрѣчаемъ доклады «боярамъ» и «боярскіе приговоры». Но книга Разбойнаго приказа нигдѣ не объясняетъ, что это за бояре, которымъ дѣлается докладъ: думцы ли это государевы, или суд-

ная коллегія, которая, какъ мы видѣли, начинаетъ уже появляться въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и которой онъ предоставлялъ рѣшать дѣла безъ доклада себѣ. Въ книгѣ приводится только докладъ и приговоръ бояръ, но какъ возникъ докладъ, по государеву ли спеціальному указу «говорить съ боярами» или какъ иначе, объ этомъ ни слова. Эта краткость памятника соотвѣтствуетъ его характеру: въ немъ изложены не подлинныя дѣла во всемъ ихъ теченіи, а только окончательные приговоры, которые имѣютъ значеніе въ смыслѣ руководства приказу Разбойныхъ дѣлъ въ его будушей дѣятельности. Вотъ эта неясность и допускаетъ лишь съ большой оговоркой разсматривать «приговоры бояръ», какъ приговоры Расправной палаты. Приведемъ два-три примѣра такихъ приговоровъ для характеристики нашей древней практики.

Въ 13 главѣ уставной Разбойной книги было написано, что убытки, возникающіе изъ преступленій, совершенныхъ несвободными людьми, платятъ ихъ господа. Это—старое правило, извѣстное еще Русской Правдѣ. Въ XVII вѣкѣ въ практикѣ Разбойнаго приказа, когда первоприсутствующимъ членомъ его былъ кн. Дм. Мих. Пожарскій, возникъ вопросъ, что дѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда люди, причинившіе своимъ преступленіемъ убытки, умрутъ до вершенія ихъ дѣла? Собственно тутъ и вопроса никакого нѣтъ. Живъ или умеръ виновный, убытки должны быть уплочены изъ его имущества; а такъ какъ рѣчь идетъ о несвободныхъ, то убытки должны быть уплочены ихъ господами. Но въ 1624 году, конечно, по частному случаю, такой вопросъ возникъ, и князь Пожарскій, ссылаясь на то, что въ уставной книгѣ объ этомъ ничего не написано, внесъ его на рѣшеніе бояръ. Бояре приговорили: господа должны платить убытки.

Въ 1628 году возникъ новый вопросъ. Если оговоренный въ преступленіи человѣкъ представитъ за себя поручителя въ томъ, что онъ къ суду явится, а потомъ не явится, то весь ли искъ взыскать съ поручителя? Бояре приго-

ворили: взыскивать весь искъ да кромѣ того установили еще правила о дальнѣйшемъ розыскѣ оговореннаго.

Если мы признаемъ, что эти приговоры сдѣланы судной боярской коллегіей, то должны будемъ признать, что Разбойный приказъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка имѣлъ уже надъ собой высшее учрежденіе, къ которому и обращался съ докладомъ, тогда какъ Помѣстный во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ долженъ былъ обращаться прямо къ государю (выше стр. 404). Это разнообразіе практики не должно насъ удивлять: московское законодательство шло не отъ общихъ началъ, а отъ случайныхъ требованій мѣста и времени, а потому и представляется весьма разъединеннымъ.

Описанную нами боярскую палату необходимо отличать отъ государевой думы. Это два совершенно разныхъ учрежденія. Думцы княжескіе также древни, какъ и сами князья; палата новаго происхожденія, первые ея зародыши не восходятъ далѣе половины XVI вѣка. Дума не имѣетъ постояннаго состава и компетенціи, она дѣйствуетъ только при князѣ, а если безъ него, то по особому его приказу; палата имѣетъ постоянный составъ и особаго предсѣдателя, она имѣетъ свою опредѣленную компетенцію и дѣйствуетъ на основаніи Уложенія и указовъ. Дѣла въ думу поступаютъ только по волѣ государя; дѣла въ палату поступаютъ изъ приказовъ и по челобитьямъ частныхъ лицъ. Съ половины XVII вѣка дѣятельность палаты опредѣляется указами; дѣятельность думцевъ никогда не была опредѣлена указами, и очень понятно почему: составляя совѣтъ государя, они постоянно направляются его волею; всякій организаціонный указъ только стѣснилъ бы эту волю.

Но между думой и палатой есть и точка соприкосновенія. И та и другая составляется изъ думныхъ чиновъ. Члены палаты могутъ приглашаться и въ думу государеву и по всей вѣроятности важнѣйшіе изъ нихъ, обыкновенно, и приглашались. Это нисколько не мѣшало, однако, полной особности этихъ совершенно различныхъ учрежденій. Одинъ и тотъ же человѣкъ могъ сидѣть и въ думѣ государевой

и въ Расправной палатѣ; но онъ дѣйствовалъ совершенно иначе въ думѣ, чѣмъ въ палатѣ: въ думѣ онъ исполнялъ словесную волю государеву, высказывалъ мнѣніе, если его спрашивали, составлялъ приговоръ, если приказывали, и. т. д.; въ палатѣ онъ самъ рѣшалъ дѣла на основаніи Уложенія и государевыхъ указовъ.

Московскіе государи не любили себя стѣснять никакими учрежденіями. Весь судъ и управленіе принадлежатъ имъ лично; это точка зрѣнія самой глубокой древности. Если они «приказывали» кому-нибудь судить и управлять, они дѣлали это въ личныхъ своихъ удобствахъ, а не потому, чтобы государство нуждалось въ какой-либо организаціи суда и управленія. Ихъ личную расправу и народъ, и они сами продолжали считать наилучшей. Приказы и Расправная палата учреждены были только по той причинѣ, что нельзя же было все сдѣлать самому царю. А потому, какъ только царь признавалъ это нужнымъ, всѣ учрежденія оказывались какъ бы не существующими, и царь и послѣ Уложенія или судилъ лично, причемъ «бояре» играли обычную роль думцевъ, или назначалъ спеціальный судъ довѣренныхъ людей на отдѣльный случай. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

«Билъ челомъ государю думной дьякъ, Семенъ Заборовскій, на околничаго, Осипа Сукина, о счетѣ... И государь указалъ противъ челобитья выписать изъ разряду и доложить себя, государя, думному дьяку, Алмату Иванову». Двор. разр. III, Дополненія, столб. 375.

Этотъ случай личнаго суда и даже безъ содѣйствія думы относится къ 1663 году. А изъ одного суднаго дѣла 1671 г. узнаемъ, что государь пожаловалъ Чудова монастыря архимандрита и келаря съ братіею, велѣлъ дѣло ихъ слушать «боярамъ, кому Москва приказана». 7-го іюля того же года приговоръ этихъ «бояръ» былъ доложенъ государю, и онъ, выслушавъ докладной выписки, указалъ: «тою спорною землею, о которой били челомъ и т. д.» *) Можно подумать

*) Ѳедотовъ-Чеховскій, № 134.

что въ Москвѣ второй половины XVII вѣка не было никакихъ постоянныхъ судовъ и все дѣлалось по именному высочайшему повелѣнію!

Въ дворцовыхъ разрядахъ подъ 1674 годомъ читаемъ:

«А боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ дворянамъ и думнымъ дьякамъ указалъ великій государь ѣхать всѣмъ на Земскій дворъ въ 5-мъ часу дня, тотчасъ, не мѣшкавъ. И указано (имъ) ихъ воровъ (Ивашку Андреева сына Воробьева съ товарищи) распрашивать накрѣпко и пытать всякими жестокими пытками... А что они воры, станутъ въ распросѣ... боярамъ сказывать, и великій государь указалъ о томъ прислать со всѣми распросными рѣчами къ себѣ околничаго, А. С. Матвѣева. А имъ указалъ, боярамъ, ждать своего великаго государя указу, покамѣстъ будетъ отъ него, великаго государя, съ указомъ съ верху окольничій, А. С. Матвѣевъ... И бояре съ распросными рѣчами послали къ великому государю окольничаго А. С Матвѣева, а сами дожидались великаго государя указу на Земскомъ дворѣ. И какъ пріѣхалъ отъ великаго государя съ указомъ А. С. Матвѣевъ, и бояре, по указу великаго государя, велѣли того вора вершить...»

Здѣсь мы имѣемъ знакомые уже намъ «государевъ указъ и боярскій приговоръ», но въ какой необыкновенной формѣ! Всѣ думцы государевы отправлены въ застѣнокъ, гдѣ производятъ пытку и ждутъ государева указа, чтобы произнести свой приговоръ. Въ этомъ случаѣ съ особенною ясностью обрисовывается отношеніе боярскаго приговора къ государеву указу.

Въ слѣдующемъ году, мая 31 дня, «указалъ великій государь взять дѣвку Ѳенку (вѣдомую вориху, слѣпую и ворожею) у боярина, кн. Ѳ. Ѳ. Куракина, со двора и людей его лутчихъ. и указалъ на Москвѣ ее пытать жестокою пыткою боярамъ комнатнымъ да дьяку тайныхъ дѣлъ, Ивану Полянскому, и людей тожъ указалъ пытать накрѣпко... И по распроснымъ рѣчамъ ее, Ѳенкинымъ, и людей—доложить... себя, великаго государя, и бояръ, какъ великій государь изволитъ сидѣть съ бояры за своими, великаго государя, дѣлами». Тамъ же, 1428.

Въ обоихъ случаяхъ царь съ думою судитъ въ первой инстанціи, но конечно, не потому, что не было судовъ, которые могли бы судить и вершить дѣло объ измѣнникѣ Ивашкѣ Воробьевѣ или дѣло о слѣпой ворожеѣ Оенькѣ, а потому, что царь заинтересовался этими дѣлами. Этого было совершенно достаточно, чтобы всѣ существующія учрежденія моментально упразднились, и московскій государь сталъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали удѣльные князья глубокой древности. Московское государство конца XVII вѣка почти ничего не имѣетъ общаго съ Кіевскимъ княженіемъ XII вѣка; но Алексѣй Михайловичъ, рѣшающій въ первой инстанціи дѣло о слѣпой ворожеи Оенькѣ, «когда у него будетъ сидѣнье съ бояры», очень напоминаетъ Владиміра Мономаха, ежедневно по утрамъ садившагося съ мужами «людей оправливать».

Взглядъ на царя, какъ на личнаго судью и правителя, долженъ былъ чрезвычайно замедлять развитіе нашихъ учрежденій. Въ маленькихъ княженіяхъ удѣльнаго времени князь дѣйствительно могъ, если не все, то очень многое дѣлать самъ. И хорошіе князья, дѣйствительно, много дѣлали сами. Ихъ высокое положеніе въ обществѣ доставляло имъ возможность быть судьями и правителями внѣ партій и личныхъ пристрастій. Съ образованіемъ Московскаго государства, границы котораго обозначались такими отдаленными одинъ отъ другого пунктами, какъ Смоленскъ, Архангельскъ, Тобольскъ, Астрахань и Кіевъ, личный судъ и управленіе стали невозможностью: надо было перейти къ учрежденіямъ. И вотъ, по крайней мѣрѣ съ XV вѣка, начинается великая работа правительственной организаціи. Первые опыты были очень слабы. Они вовсе не имѣли въ виду создать что-либо само себѣ давлѣющее; они имѣли цѣлью, въ видахъ облегченія сложной и трудной дѣятельности царя, создать ему помощниковъ. Такими помощниками являются бояре введеные и приказы. Они дѣлали царево дѣло, пока «было мощно», а какъ только оказывалось, что «не мощно», они шли къ царю, докладывали ему и просили объ указѣ. Это были

какія-то ходячія тѣни царя. При такомъ положеніи вещей не могли возникнуть ни самостоятельность суда, ни подзаконность управленія, ни отвѣтственность правительственныхъ лицъ. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ «приказные люди» могли сдѣлать государю докладъ, испросить высочайшее повелѣніе и тѣмъ прикрыть себя. XVIII и XIX вѣкъ весьма подвинули организаціонные вопросы. Въ настоящее время суды существуютъ не въ помощь государю, а какъ самостоятельныя учрежденія; царь болѣе не судитъ. При устройствѣ судовъ изыскиваются наилучшіе способы ихъ организаціи. Въ Москвѣ такой способъ дѣйствія и результаты, къ которымъ онъ привелъ, были бы совершенно не понятны и не возможны: ни подданные не поняли бы, еслибы имъ сказали, что царь не можетъ разсматривать ихъ челобитныя; ни царь не былъ въ состояніи стать на ту точку зрѣнія, что онъ не можетъ рѣшить какое-либо дѣло въ первой инстанціи. Два вѣка кое-что сдѣлали. Но мы едва ли и теперь совершенно освободились отъ московскихъ недуговъ: недостатка отвѣтственности органовъ администраціи и возможности покрывать высочайшими повелѣніями всѣ ихъ сомнительныя распоряженія. Московскіе порядки живутъ и въ XIX вѣкѣ. Но Москвѣ труднѣе было съ ними бороться: она стояла слишкомъ еще близко къ тому времени, когда личное начало въ судѣ и управленіи было нормальнымъ явленіемъ; Западная же Европа не могла дать ей никакого поученія. Мы живемъ въ болѣе счастливое время: и наука, и практика даютъ массу указаній и на порядокъ лучшей организаціи правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и на лучшіе способы установленія ихъ законной отвѣтственности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Литература вопроса о старой думѣ

Въ предшествовавшей главѣ мы сказали все, что можно было сказать о нашей старой думѣ на основаніи источниковъ. Но въ сочиненіяхъ о думѣ говорится еще и многое другое. Это и дѣлаетъ необходимымъ остановиться на литературѣ предмета, ибо простое умолчаніе о томъ, о чемъ говорятъ другіе, можетъ возбудить лишь одно недоумѣніе.

Вопроса о думѣ касаются всѣ наши историки въ своихъ трудахъ по общей исторіи Россіи. У каждаго изъ нихъ можно найти цѣнныя указанія. Но вниманіе ихъ болѣе привлекается фактической стороной дѣла, чѣмъ юридической. У Соловьева, напримѣръ, читатель найдетъ очень интересныя указанія на думцевъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ того или другого князя; но вопросовъ о томъ, что́ такое дума, каковъ ея составъ, дѣятельность и пр., авторъ не касается. Но и эти вопросы не остались безъ разработки. Въ послѣднее время они вызвали даже два спеціальныхъ сочиненія.

Первый опытъ обработки матеріаловъ о думѣ принадлежитъ Неволину. Въ своей статьѣ «Образованіе управленія

въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго» онъ посвящаетъ ей двѣ страницы. Неволинъ различаетъ боярскую и царскую думу. Боярская дума, дѣйствовавшая съ чрезвычайною властью, учреждалась во времена несовершеннолѣтія государя и междуцарствія; царская—составляла постоянный совѣтъ государя. Устройство ея только при Иванѣ IV получило ту опредѣлительность, которою оно потомъ отличалось. Она составлялась изъ чиновъ, которые назначались государемъ: бояръ, окольничихъ и, съ 1572 г., думныхъ дворянъ. Въ ней обсуждались: 1) всѣ дѣла, предлагаемыя на ея усмотрѣніе верховною властью, и 2) дѣла, вносимыя изъ приказовъ и по жалобамъ на приказы. Нѣкоторыя дѣла она рѣшала собственною властью, о другихъ должна была докладывать государю. При думѣ состояла, въ видѣ особаго ея отдѣленія по части судной, расправная палата. До ея учрежденія, которое относится къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича, судныя дѣла разсматривались всѣми вообще членами думы.

Таково мнѣніе Неволина. Оно высказано совершенно догматически, безъ всякихъ доказательствъ. Вѣрнымъ представляется въ немъ лишь различеніе боярской и царской думы и наименованіе государева совѣта—царской думой, а не боярской. Все остальное—не только не доказано, но и не можетъ быть доказано. Нельзя доказать, что съ Ивана IV дума получила ту опредѣлительность, которою она потомъ отличалась; нельзя доказать, что въ ея составъ входили всѣ бояре, окольничіе и думные дворяне, а думные же дьяки не входили, а управляли лишь ея письмоводствомъ. Наконецъ, у Неволина встрѣчаемся и со смѣшеніемъ думы съ судной палатой, чѣмъ и объясняется утвержденіе автора, что въ думу входятъ дѣла не только по царскому указу, но и изъ приказовъ и по челобитьямъ. О степени власти думы авторъ не нашолъ возможнымъ сказать что-нибудь.

Не смотря на бѣглость высказанныхъ Неволинымъ замѣчаній, они имѣли значительное вліяніе на позднѣйшую ли-

тературу. Только его противоположеніе боярской думы — царской, основанное на коренномъ ихъ различіи, прошло незамѣченнымъ. Новые историки свои труды о царской думѣ печатаютъ подъ заглавіемъ «боярская дума».

Мы имѣемъ два спеціальныхъ изслѣдованія о боярской думѣ. Первое по времени появленія принадлежитъ перу казанскаго профессора Н. П. Загоскина. Это превосходная работа, въ которой собрано болѣе данныхъ, чѣмъ можно найти въ какомъ-либо другомъ сочиненіи, затрогивающемъ этотъ предметъ, и оцѣнка ихъ по многимъ вопросамъ совершенно правильная.

Профессоръ Загоскинъ различаетъ два періода въ исторіи думы: періодъ вольной службы и періодъ службы обязательной (20 и сл.). Личный составъ думы перваго періода не имѣлъ, по его мнѣнію, твердо опредѣленнаго характера (12). У думы второго періода онъ отрицаетъ всякое самостоятельное значеніе, такъ какъ голосъ царя могъ всегда «парализовать» рѣшеніе думцевъ (123). Хотя на стр. 117 авторъ и говоритъ, что приговоръ бояръ вполнѣ уравнивался съ царскимъ указомъ, но объясняетъ это тѣмъ, что приговоры думы составляются по указу государя и, слѣдовательно, подъ его авторитетомъ.

Учрежденіе думныхъ дворянъ авторъ объясняетъ желаніемъ московскихъ государей ограничить вліяніе аристократическаго класса (35). Дьякамъ онъ даетъ въ думѣ роль членовъ этого учрежденія, а не секретарей (45). Особой канцеляріи при думѣ онъ не находитъ.

Мы вполнѣ присоединяемся ко всѣмъ этимъ положеніямъ. Но наряду съ этими и многими другими совершенно вѣрными мыслями проф. Загоскинъ все же видитъ въ московской думѣ учрежденіе съ гораздо болѣе опредѣленнымъ характеромъ, чѣмъ мы находимъ возможнымъ это допустить.

Дума перваго періода, говоритъ онъ,—«не носила твердо опредѣленнаго характера, съ какимъ позже встрѣчаемся мы въ боярской думѣ Москвы» (12). И такъ, московская дума

имѣла твердо опредѣленный составъ. Составъ этотъ опредѣлялся числомъ думныхъ чиновъ, которые имѣли, по своему положенію, право присутствовать въ думѣ (46). Этимъ авторъ признаетъ за всѣми введенными боярами, окольничими, думными дворянами и думными дьяками право войдти въ комнату государя и принять участіе въ его думѣ, не будучи спеціально къ этому приглашенными. Здѣсь мы далеко съ нимъ расходимся.

Почтенный авторъ хорошо знаетъ, что въ думу приглашались и не думные чины, и, наоборотъ, что не всѣ думные приглашались въ думу. Онъ самъ объ этомъ говоритъ на стр. 74 и 75. Въ возможности приглашенія въ думу не думныхъ чиновъ онъ видитъ «случаи расширенія нормальнаго состава думы»; въ думѣ, состоящей только изъ немногихъ думныхъ чиновъ и называемой имъ ближней или тайной, онъ видитъ «возможность сокращенія нормальнаго состава думы». Все это очень хорошо, только не отрицается ли этимъ нормальный составъ думы? Государь можетъ совѣщаться съ тремя, пятью и т. д. думными чинами, можетъ совѣщаться со всѣми, можетъ пригласить и не думныхъ людей. Всѣ эти думы одинаково хороши и правильны. Но при такой организаціи думы можно ли утверждать, что существовалъ нормальный составъ думы? Полагаемъ, что нѣтъ, и думаемъ, что одна наличность «ближней думы» отрицаетъ самую возможность нормальнаго состава думы. Нормальный составъ думы у автора совершенно тотъ же, что и у Неволина: всѣ думные чины.

Но профессоръ Загоскинъ въ своихъ представленіяхъ о твердо-опредѣленномъ характерѣ состава думы идетъ гораздо далѣе Неволина. По его мнѣнію существуетъ не только нормальная дума, но и цѣлый рядъ думныхъ коммиссій. «Дума выдѣляетъ изъ себя часть членовъ своихъ въ спеціальныя коммиссіи» (76), утверждаетъ онъ.

Хотя авторъ довольно долго останавливается на думныхъ коммиссіяхъ (онъ посвящаетъ имъ цѣлую главу, II-ую, отдѣла второго) и подробно перечисляетъ самые виды этихъ

коммиссій, причемъ онъ различаетъ: коммиссіи, вѣдавшія Москву, отвѣтныя, которыя вели переговоры съ иностранными послами, спеціальныя судныя, расправную палату онъ также относитъ къ думнымъ коммиссіямъ,—тѣмъ не менѣе все это представляется намъ лишь плодомъ нѣкотораго недоразумѣнія.

Для разъясненія этого недоразумѣнія мы считаемъ необходимымъ спросить, что̀ собственно надо разумѣть подъ думными коммиссіями, еслибы таковыя дѣйствительно существовали? Полагаемъ, что подъ ними надо разумѣть то же самое, что и теперь разумѣютъ въ городахъ подъ думскими коммиссіями, въ университетахъ—совѣтскими, въ конституціонныхъ государствахъ—парламентскими и т. д., т.-е. коммиссіи, назначаемыя подлежащими учрежденіями, городскими думами, университетами, парламентами и т. д., изъ своихъ членовъ для предварительнаго разсмотрѣнія какихъ-либо отдѣльныхъ вопросовъ, входящихъ въ компетенцію этихъ учрежденій. Итакъ, эти коммиссіи составляются по выбору извѣстной коллегіи изъ ея членовъ, и совершаютъ по назначенію коллегіи нѣкоторую работу, которая потомъ и вносится на окончательное ея разрѣшеніе. Ничего инаго нельзя разумѣть подъ коммиссіями коллегіальныхъ учрежденій, а слѣдовательно и думной, еслибы она существовала.

Посмотримъ теперь, что̀ такое представляютъ изъ себя думныя коммиссіи профессора Загоскина. На стр. 76 у него сказано, что ихъ выдѣляетъ изъ себя дума; это какъ будто бы подходитъ подъ наше опредѣленіе. Но въ слѣдующей строкѣ читаемъ: «члены этихъ спеціальныхъ коммиссій назначались на каждый отдѣльный случай государемъ». Что же вѣрно, дума выдѣляетъ изъ себя коммиссіи, или царь ихъ назначаетъ? Вѣрно только послѣднее. Никогда государева дума не производила никакихъ выборовъ въ коммиссіи и никогда никому ничего не поручала и не могла даже этого сдѣлать, по той причинѣ, что не существовала въ видѣ коллегіи съ опредѣленнымъ составомъ и опредѣленной компетенціей. Всѣ коммиссіи назна-

чались царемъ непосредственно, какъ имъ же назначался и составъ самой думы; царемъ же опредѣлялись и предметы занятій коммиссій. Дума въ дѣлѣ коммиссій — рѣшительно не при чемъ. Нельзя даже сказать, что коммиссіи назначались исключительно изъ думныхъ чиновъ. Думные чины составляли высшій служилый классъ, а потому назначались во всякія должности, они и войсками предводительствовали, и на воеводствахъ сидѣли, и въ приказахъ были, и въ думу приглашались; понятно, что ихъ же и въ коммиссіи царь назначалъ, но точно также не исключительно, не ихъ однихъ, а съ подмѣсью и недумныхъ чиновъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Это хорошо знаетъ и почтенный авторъ разсматриваемаго нами труда и самъ на это указываетъ, напримѣръ, на стр. 83. Вотъ поэтому-то мы и думаемъ, что вся эта глава о думныхъ коммиссіяхъ лишняя, къ дѣлу не относится и представляетъ вопросъ о думѣ совершенно въ ненадлежащемъ свѣтѣ. Думѣ приписано то, чего она никогда не дѣлала.

Во всей второй половинѣ разбираемой книги, съ 89 стр. и до конца, мы находимъ массу внимательно собраннаго и чрезвычайно интереснаго матеріала о мѣстѣ и времени думскихъ собраній, о дѣлопроизводствѣ думы и самомъ порядкѣ ея засѣданій и, наконецъ, о предметахъ вѣдомства,— но этою частію изслѣдованія очень трудно пользоваться потому, что авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Неволина и не различаетъ думы государевой отъ боярскаго суда или расправной палаты.

Въ главѣ о мѣстѣ и времени думскихъ засѣданій авторъ приводитъ, между прочимъ, указы, предписывающіе боярамъ съѣзжаться «въ верхъ» то въ 10-мъ часу дня, то въ 1-мъ. Кто же это съѣзжается? Авторъ утверждаетъ это о боярской думѣ, причемъ онъ не различаетъ никакихъ видовъ думы, у него одна дума, предсѣдателемъ которой является самъ царь (120), слѣдовательно, въ опредѣленный часъ съѣзжается та дума, въ которой сидитъ самъ государь и съ которой онъ думаетъ, т.-е. единственно настоящая дума; а

мы хорошо знаемъ, что эта дума собиралась не въ опредѣленные дни и часы, а когда государю «случалось сидѣть съ боярами», т.-е. по особому назначенію; согласно съ этимъ и Котошихинъ говоритъ: «И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлѣхъ»... II, 5. Въ опредѣленные же дни и часы собирается расправная палата, въ которой предсѣдательствуетъ не царь, а первоприсутствующій бояринъ, и которая дѣйствуетъ не какъ совѣтъ государя, а какъ самостоятельное учрежденіе.

Еще въ большей степени обладаютъ этимъ свойствомъ—дать неправильное представленіе о московскихъ порядкахъ—тѣ главы, въ которыхъ рѣчь идетъ о дѣлопроизводствѣ думы и о предметахъ ея вѣдомства.

Авторъ не ограничивается повтореніемъ высказаннаго уже Неволинымъ мнѣнія, что дѣла на разсмотрѣніе думы поступали: 1) по приказу государя, 2) по докладамъ изъ приказовъ и 3) по челобитнымъ,—но подробно развиваетъ его и доказываетъ. Между прочимъ онъ говоритъ: «Существуетъ указаніе на извѣстное распредѣленіе дней между приказами для внесенія судьями ихъ докладовъ въ думу. Указанія эти относятся, правда, уже ко второй половинѣ XVII вѣка, но не можетъ быть ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что подобное распредѣленіе дней практиковалось и прежде» (111—112). Распредѣленіе дней было сдѣлано для докладовъ въ расправную палату, авторъ же относитъ это распредѣленіе къ совѣту государеву и заставляетъ своего читателя думать, что совѣтъ этотъ собирался въ извѣстные дни для выслушанія докладовъ изъ извѣстныхъ приказовъ, чего никогда не было.

«Въ видѣ примѣровъ того, какъ возбуждали приказные доклады законодательную дѣятельность думы боярской, говоритъ далѣе авторъ,—приведемъ, въ общихъ чертахъ, изъ новоуказанныхъ статей, сущность нѣсколькихъ приказныхъ докладовъ, поступавшихъ въ думу для разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ» (138). Итакъ, доклады изъ при-

казовъ возбуждаютъ законодательную дѣятельность думы. Это положеніе, изъ котораго слѣдуетъ, что докладъ приказа самъ собою, безъ государева указа, возбуждаетъ законодательную дѣятельность думы, нуждается въ серьезномъ разсмотрѣніи и повѣркѣ.

Мы уже знаемъ, что особаго законодательнаго порядка у насъ не было, что московскіе государи рѣшали въ одномъ и томъ же порядкѣ, какъ законодательныя, такъ судныя и правительственныя дѣла. Точно также мы знаемъ, что расправная палата, хотя и должна была дѣйствовать на основаніи указовъ, но не ограничивалась однимъ ихъ примѣненіемъ, а установляла и общія нормы на будущіе случаи, когда находила возможнымъ дѣлать это безъ доклада государю. Итакъ, законодательство въ Москвѣ не отличалось по формѣ отъ правительственныхъ распоряженій, а мѣста, облеченныя правомъ суда и распоряженія, рѣшали не отдѣльныя только случаи, а издавали и общія нормы.

Такъ какъ проф. Загоскинъ не различаетъ расправной палаты отъ совѣта государева, то то, что онъ говоритъ о порядкѣ возбужденія законодательной дѣятельности думы, относится у него къ послѣднему. Значитъ, по его мнѣнію, въ совѣтѣ государевомъ доклады изъ приказовъ непосредственно возбуждаютъ законодательную дѣятельность бояръ. Въ подтвержденіе своего положенія авторъ дѣлаетъ нѣсколько ссылокъ на полное собраніе законовъ; но ни одна изъ нихъ не доказываетъ его мысли. Авторъ говоритъ: «дѣло докладывается боярамъ: послѣдніе новымъ приговоромъ отмѣняютъ силу приговора 1650 года и предписываютъ на будущее время руководствоваться опредѣленіемъ Уложенія» (138). Читатель въ правѣ подумать, что въ дѣйствительности все дѣлаютъ бояре, какъ сказано у автора. Раскрываемъ статьи о раздѣлѣ вотчинъ между вотчинниками, на которыя въ данномъ случаѣ онъ ссылается, и приходимъ къ совсѣмъ другому заключенію. Статьи начинаются такъ: «Великій государь указалъ и бояре приговорили». Кому же былъ сдѣланъ докладъ? Статьи напечатаны съ пропускомъ

первоначальнаго доклада, который возбудилъ это дѣло; но въ началѣ 1-ой статьѣ сказано: «Доложить великаго государя». Итакъ, докладъ былъ сдѣланъ государю при боярахъ, а не боярамъ. А затѣмъ произошло, что обыкновенно происходило въ такихъ случаяхъ: государь или сейчасъ же указалъ, какъ надо боярамъ приговорить, или велѣлъ имъ предварительно «сидѣть» и говорить о дѣлѣ, а потомъ доложить ему. Въ заключеніе того или другого порядка разсмотрѣнія доклада одинаково получился обычный результатъ: «государь указалъ, бояре приговорили». Точно также и всѣ другіе №№ Полнаго Собранія Законовъ, на которые авторъ здѣсь ссылается, неизмѣнно говорятъ о государевомъ указѣ и боярскомъ приговорѣ *).

Переходя затѣмъ въ частности къ разсмотрѣнію законодательной дѣятельности боярской думы, авторъ находитъ, что «помимо созданія новыхъ законодательныхъ опредѣленій, боярскими приговорами или подтверждается сила предшествовавшихъ боярскихъ приговоровъ, или дополняются прежнія законоположенія, или отмѣняется ихъ сила, или, наконецъ, возстановляется сила закона, передъ тѣмъ отмѣненнаго» (139). Читатель въ правѣ подумать, что боярамъ принадлежитъ чрезвычайно широкая законодательная дѣятельность; но если онъ это сдѣлаетъ, то опять ошибется. Изъ цитатъ автора онъ увидитъ, что всѣ эти подтвержденія, дополненія, отмѣны, возстановленія и пр. дѣлаются всякій разъ въ силу особаго государева указа. Право законодательства бояре не имѣли. Почтенный авторъ хорошо это знаетъ, но въ его книгѣ есть выраженія, которыя могутъ набросить тѣнь сомнѣнія даже и на этотъ принципъ. Перечисливъ разнообразныя проявленія законодательной функціи боярской думы, авторъ продолжаетъ такъ: «Что касается обнародованія закона, то оно не входило въ кругъ обязанностей думы боярской» (141). Это, конечно, можетъ навести на мысль, что дополненіе закона, его отмѣна и пр.,

*) Мы разумѣемъ ссылки автора на №№ 749, 765, 634.

о чемъ шла рѣчь на предшествующихъ страницахъ, входило въ кругъ обыкновенныхъ обязанностей думы; тогда какъ мы хорошо знаемъ, что никакого опредѣленнаго круга обязанностей у думы не было: она дѣлала что ей приказывали, и только. Законы же московскіе государи издавали, пополняли и отмѣняли очень не рѣдко и безъ участія думы.

То же надо сказать и о другихъ предметахъ вѣдомства, приписываемыхъ авторомъ думѣ. Въ началѣ главы о судебной дѣятельности думы, авторъ весьма рѣшительно говоритъ: «Въ первой инстанціи вѣдала дума боярская судъ преступленій политическихъ, преступленій по должности и дѣлъ мѣстническихъ» (146). Итакъ дума вѣдаетъ перечисленныя дѣла въ качествѣ первой инстанціи. Ничего нельзя сказать рѣшительнѣе: у думы своя опредѣленная компетенція. Но на слѣдующей стр. читаемъ: «Само собой разумѣется, что суду боярской думы предавались государемъ лишь наиболѣе значительныя политическія преступленія»... Итакъ, дума не имѣетъ опредѣленной судебной компетенціи, а судитъ всякій разъ по особому государеву приказу. Къ этому мнѣнію мы совершенно присоединяемся и тѣмъ оканчиваемъ нашу полемику съ почтеннымъ авторомъ: намъ гораздо пріятнѣе находить у нашихъ предшественниковъ мнѣнія, съ которыми можно соглашаться, чѣмъ такія, которыя слѣдуетъ опровергать.

Второй спеціальный трудъ о думѣ принадлежитъ московскому профессору В. О. Ключевскому; онъ озаглавленъ «Боярская дума древней Руси» и представляетъ объемистый томъ болѣе 500 стр. *). Это сочиненіе многопредметное. Мы находимъ въ немъ разсужденія и о такихъ вопросахъ, которые авторъ хотя и приводитъ въ связь съ думой, но

*) Первое изданіе 1882 года съ приложеніями состоитъ изъ 554 стр. Второе изданіе 1883 года составляетъ перепечатку перваго съ очень небольшими измѣненіями на стр. 42, 43, 266 и 284. Мы будемъ приводить стр. 1-го изданія.

которые прямого отношенія къ ней не имѣютъ. Таковы, напримѣръ: очеркъ исторіи древнѣйшихъ волостныхъ городовъ на Руси; происхожденіе городскихъ старцевъ; отношеніе князя къ землямъ дворцовымъ, черным и служилымъ; происхожденіе удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія въ связи съ русской колонизаціей верхняго Поволжья; вліяніе колонизаціи на складъ общества Верхневолжской Руси; связь удѣльныхъ учрежденій съ тремя разрядами земель въ удѣлѣ; значеніе дворцовыхъ путей; намѣстники и волостели; вотчинное управленіе и его значеніе въ исторіи централизаціи и т. д. Мы привели подлинныя слова изъ оглавленія первыхъ пяти главъ книги, обнимающихъ всего какихъ нибудь 128 стр. Каждый изъ затрогиваемыхъ здѣсь вопросовъ могъ бы быть предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія, при разработкѣ котораго не пришлось бы ни словомъ коснуться старой думы. Наша литература очень небогата, и мы, конечно, не будемъ жаловаться на то, что авторъ даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе его книги. Но многопредметность имѣетъ и свои неудобства. Позволимъ себѣ указать лишь на одно изъ нихъ, не самое главное, но весьма важное для читателя. Въ сочиненіяхъ такого рода вопросы по главному предмету изслѣдованія, обыкновенно, разбросаны и затеряны въ массѣ вставокъ, имѣющихъ къ нимъ очень отдаленное, а иногда и никакого отношенія, и выяснить себѣ настоящую мысль автора представляется иногда дѣломъ очень не легкимъ.

Исторія думы разработана авторомъ чрезвычайно детально. Онъ различаетъ совѣтъ кіевскаго князя X вѣка, правительственный совѣтъ съ XI вѣка по конецъ кіевской Руси, боярскую думу при удѣльныхъ князьяхъ сѣверовосточной Руси и, наконецъ, московскую думу, которая тоже весьма мѣняется съ XV по XVII вѣкъ. Установленныя авторомъ различія отражаются на составѣ и вѣдомствѣ думы, ея значеніи и т. д. Чѣмъ подробнѣе изученъ предметъ, тѣмъ, конечно, лучше. Но дѣло въ томъ, имѣемъ ли мы достаточно данныхъ, чтобы выяснить всѣ эти различія и твердо обо-

сновать ихъ? Въ этомъ сомнѣвается и самъ авторъ; его задача показалась ему особенно трудной, когда пришлось повести рѣчь о думѣ сѣверныхъ удѣловъ. «Предпринимаемая попытка изобразить управленіе удѣльнаго княжества, говоритъ онъ,... навѣрное не свободна ни отъ недомолвокъ, ни даже отъ значительныхъ обмолвокъ» (106). Такое признаніе дѣлаетъ особенно затруднительнымъ наше положеніе Можно ли точно передать мысли автора, въ книгѣ котораго, по его собственному заявленію, есть недомолвки и даже обмолвки? Вотъ почему мы просимъ почтеннаго профессора быть снисходительнымъ къ нашему изложенію его мнѣній. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы вездѣ будемъ приводить его мысли его же собственными словами.

Авторъ излагаетъ исторію думы не по отдѣльнымъ вопросамъ состава, вѣдомства и пр., а беретъ каждую временную разновидность думы въ цѣломъ ея видѣ, а потому о каждомъ отдѣльномъ вопросѣ говорится у него по многу разъ и въ разныхъ мѣстахъ. Это тоже значительно затрудняетъ выясненіе его взглядовъ.

Профессоръ Ключевскій представляетъ себѣ нашу старую думу, во всѣ времена ея существованія, постояннымъ учрежденіемъ, имѣющимъ свой опредѣленный составъ, вѣдомство, степень власти и пр. «Боярская дума, говоритъ онъ о кіевской думѣ съ XI по XIII вѣкъ, была третьей (правительственной) формой, отличавшейся отъ двухъ другихъ (дружины и вѣча) тѣмъ, что она была учрежденіемъ постояннымъ, дѣйствовавшимъ ежедневно» 73. То же онъ утверждаетъ и о московской думѣ: «Въ составѣ этихъ четырехъ чиновъ (бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ и дьяковъ) число постоянныхъ членовъ думы стало въ XVI вѣкѣ довольно значительно».. 290. Авторъ, слѣдовательно, примыкаетъ къ традиціоннымъ взглядамъ на думу, а потому и не считаетъ нужнымъ останавливаться на вопросахъ о томъ, постоянное это учрежденіе или нѣтъ. Приведенныя слова сказаны имъ мимоходомъ; но такъ какъ они отно-

сятся до существа дѣла, то мы и нашли нужнымъ привести ихъ.

Составъ этой постоянной думы, по мнѣнію автора, нѣсколько разъ въ теченіе нашей древней исторіи существенно измѣнялся; на этихъ измѣненіяхъ онъ подробно останавливается.

Изложимъ мнѣнія автора о составѣ думы.

«При кіевскомъ князѣ въ концѣ X вѣка встрѣчаемъ правительственный классъ или кругъ людей, которые служатъ ближайшими правительственными сотрудниками князя. Эти люди оказываются то боярами, то дружиной князя и составляютъ его обычный совѣтъ». Со времени принятія христіанства являются новые совѣтники, — епископы; третій элементъ — старцы градскіе *).

Съ XI вѣка городская торговая знать перестаетъ давать князю совѣтниковъ изъ своей среды (городскихъ старцевъ). Составъ правительственной думы поэтому «существенно измѣнился». Правительственный совѣтъ сталъ «чисто боярскимъ, служилымъ, нососословнымъ» **).

При сѣверныхъ князьяхъ удѣльнаго времени новая перемѣна. «Боярская дума является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ». «Это были управители отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи, или дворцоваго хозяйства: дворецкій, казначей, сокольничій, стольникъ, чашникъ и пр.» ***).

Въ Москвѣ опять иначе. Это постоянный совѣтъ «всѣхъ наличныхъ бояръ». Но и въ Москвѣ съ теченіемъ времени онъ мѣняется. Эти измѣненія условливаются перемѣнами, происходившими въ составѣ высшаго служилаго класса. «Когда правительственныя силы, разсѣянныя по удѣламъ, собрались въ Москвѣ и вошли въ составъ здѣшняго боярства, въ немъ установился распорядокъ лицъ и фамилій,

*) Бояр. дума древ. Руси: 14, 15

**) Тамъ-же: 41. 42, 49, 50.

***) Тамъ-же: 128, 135.

отличавшійся аристократическимъ характеромъ». «Въ концѣ XVI вѣка въ московскомъ государственномъ совѣтѣ преобладали старшія по происхожденію боярскія фамиліи». «То все старинныя привычныя власти русской земли, какія правили землей прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и по одиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москвѣ, онѣ правятъ всей землей и всѣ вмѣстѣ, въ извѣстномъ порядкѣ старшинства»... *).

Иначе въ XVII вѣкѣ: «по прекращеніи старой династіи московская боярская дума захудала, стала наполняться «молодыми людьми», дворянской демократіей» **).

Эти перемѣны въ составѣ думы обусловливаются соотвѣтственными измѣненіями въ организаціи общественнаго строя древней Россіи. Вотъ, въ краткихъ словахъ, суть этихъ измѣненій.

Одну изъ существенныхъ особенностей думы X вѣка, отличающихъ ее отъ думы XI и слѣдующихъ вѣковъ, составляетъ присутствіе въ ней градскихъ старцевъ. Для объясненія того, что такое старцы градскіе, авторъ дѣлаетъ, экскурсію въ область исторіи городовъ и приходитъ къ такому совершенно оригинальному заключенію. Въ городахъ до князей Рюриковичей, существовала «военно-торговая

---

*) Тамъ-же: 173, 177, 238, 252, 265.

**) Тамъ-же—242. Но въ концѣ книги авторъ высказывается иначе о составѣ московской думы XVII вѣка. На стр. 530 читаемъ: «По своему соціальному составу это было аристократическое учрежденіе. Такой его характеръ обнаруживался въ томъ, что большинство его членовъ почти до конца XVII в. выходило изъ извѣстнаго круга знатныхъ фамилій и назначалось въ думу государемъ по извѣстной очереди мѣстническаго старшинства». Это мѣсто не легко согласить съ тѣмъ, которое приведено у насъ въ текстѣ со стр. 242. Можетъ быть, къ концу труда авторъ измѣнилъ свои взгляды? Положеніе критика очень трудное, и это не единственный случай, когда авторъ высказываетъ объ одномъ и томъ же предметѣ совершенно разныя мнѣнія. Полагаемъ, что автору принадлежитъ каждое высказанное имъ мнѣніе, а потому и будемъ разбирать то, которое высказано на 242 стр., тѣмъ болѣе, что оно повторяется и въ другихъ мѣстахъ книги.

аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью. Эту торговую аристократію начальная лѣтопись въ разсказѣ о временахъ Владиміра и называетъ «нарочитыми мужами», а выходившихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ городскихъ управителей «старцами градскими» или «старѣйшинами по всѣмъ градомъ»... «Въ X вѣкѣ между княжеской дружиной и городской торговой аристократіей еще не было значительнаго разстоянія ни экономическаго, ни политическаго»... «Весь X вѣкъ онѣ дѣйствуютъ дружно и остаются очень похожи одна на другую, вмѣстѣ воюютъ и торгуютъ, вмѣстѣ обсуждаютъ въ думѣ князя важнѣйшіе вопросы законодательства»... «Эти двѣ силы, столь родственныя, съ половины XI вѣка расходятся между собой». Сотскіе и десятскіе назначаются теперь княземъ изъ его дружины, въ которую поступаютъ и люди городской знати. «Но аристократія большихъ городовъ не утратила своего мѣстнаго значенія. Отдалившись отъ княжой дружины, она стала ближе къ городскому простонародью, руководила вѣчемъ и была посредницей между нимъ и княземъ» *).

Для объясненія новаго состава думы въ сѣверныхъ удѣльныхъ княженіяхъ, авторъ даетъ картину всего строя этихъ княженій. Онъ отправляется отъ давно уже высказанной мысли о вотчинномъ характерѣ княжеской власти на сѣверѣ и даетъ ей весьма своеобразное выраженіе. «Центръ и провинція въ удѣльномъ княжествѣ, дворецъ князя и уѣздъ намѣстника съ волостелями, — говоритъ онъ, — это почти тоже, что въ частной вотчинѣ XV вѣка боярская запашка и земля, отдаваемая въ оброчное пользованіе... Намѣстники и волостели съ своими тіунами и доводчиками были правительственными арендаторами у князя хозяина, подобно тому какъ перехожіе крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинника XV вѣка» **). Нельзя не удивиться

*) Тамъ же 32, 38. 43.
**) Тамъ же 119.

необычайной смѣлости этого сравненія! Отношеніе публичнаго права, назначеніе мѣстнаго правителя-намѣстника, уравнивается съ отношеніемъ частнаго права—договоромъ найма земли, порядная на землю ставится рядомъ съ послушной и съ уставной грамотой, въ которой опредѣляется порядокъ мѣстнаго управленія. Въ нашей исторической литературѣ можно найти не мало оригинальныхъ и смѣлыхъ мыслей, но если память намъ не измѣняетъ, ничего равнаго по смѣлости съ мыслію проф. Ключевскаго намъ не приходилось читать до появленія въ свѣтъ его книги.

«Управленіе въ княжествѣ удѣльнаго времени, читаемъ дальше, складывалось по типу частной привилегированной вотчины и заимствовало формы изъ круга частныхъ юридическихъ отношеній...». «Впрочемъ, утверждая, что удѣльный князь усвоилъ себѣ значеніе и владѣльческіе пріемы простого вотчинника, не надобно думать, что вслѣдствіе этого онъ пересталъ быть политическою властью. Но эта правительственная примѣсь нисколько не мѣшала князю оставаться простымъ вотчинникомъ, или очень похожимъ на него владѣльцемъ, не измѣняя значенія поземельнаго собственника удѣла, какое онъ себѣ усвоилъ: его верховныя государственныя права такъ сливались съ владѣльческими, вытекавшими изъ поземельной собственности, что и сами разсматривались, какъ статьи простого поземельнаго хозяйства» *).

Вотъ причина, почему дума сѣверныхъ удѣльныхъ князей сдѣлалась совѣтомъ «дворцовыхъ прикащиковъ». Терминъ «прикащика», конечно, не принадлежитъ языку нашихъ памятниковъ, авторъ взялъ его изъ современнаго хозяйственнаго словаря, чтобы сильнѣе оттѣнить свою мысль о частно-хозяйственномъ значеніи этихъ совѣтниковъ князя. Въ этомъ словѣ—цѣлая картина и опять необыкновенно смѣлая!

Соединеніе удѣльныхъ княженій подъ главенствомъ московскихъ государей имѣло слѣдствіемъ поступленіе на

*) Тамъ же 157, 81.

ихъ службу потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей. Это отразилось и на составѣ думы: изъ прикащичьей она сдѣлалась аристократической.

Таковы мысли автора.

Несмотря на то, что онъ потратилъ не мало труда и искусства живописанія, его выводы представляются намъ не совсѣмъ ясными, недостаточно доказанными, а во многихъ случаяхъ и прямо противорѣчащими фактамъ.

Дума X вѣка отъ думы XI—XII отличается тѣмъ, что въ ней присутствуютъ городскіе старцы. Не будемъ спорить о томъ, что такое городскіе старцы; примемъ мнѣніе автора, пусть это будутъ десятскіе и сотскіе, выбираемые изъ городской военно-торговой аристократіи. Составляютъ ли они особый классъ отъ другого составного элемента думы, дружинниковъ? Самъ авторъ говоритъ, что нѣтъ: въ X вѣкѣ между ними не было значительнаго разстоянія, они вмѣстѣ воюютъ, торгуютъ и т. д. То незначительное разстояніе, которое отдѣляетъ дружинника отъ городского военно-торговаго аристократа, всегда ли существуетъ между ними? Самъ авторъ хорошо знаетъ, что нѣтъ: дружинникъ можетъ оставить службу и стать городскимъ военно-торговымъ аристократомъ, и наоборотъ, военно-торговый аристократъ, поступивъ на службу князя, можетъ сдѣлаться дружинникомъ. Различіе думы X вѣка отъ послѣдующей представляется несущественнымъ. Возраженіе по поводу «старцевъ градскихъ» и совершенно основательное давно уже сдѣлалъ почтенному автору профессоръ Владимірскій-Будановъ, хотя и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ мы *).

Но пойдемъ далѣе. Съ половины XI вѣка десятскихъ и сотскихъ назначаетъ князь изъ своихъ дружинниковъ. Допустимъ и это. Но вѣдь городовая торгово-военная аристократія продолжаетъ существовать, это говоритъ самъ авторъ; почему же онъ думаетъ, что князья XI—XII вѣковъ никогда не призывали ея членовъ въ свой совѣтъ? Это

*) Сборн. госуд. зн. VIII, отдѣлъ критики.

ничѣмъ не доказано, да и доказать этого нельзя, по недостаточности источниковъ.

Другое различіе думы X вѣка отъ послѣдующей состоитъ въ томъ, что въ первую призывается духовенство, вторая же «чисто боярская, односословная», т.-е. въ нее не призывается духовенство. Этотъ выводъ настолько противорѣчитъ фактамъ, что мы позволяемъ себѣ видѣть «недомолвку или даже обмолвку» въ утвержденіи автора о «чисто боярскомъ и односословномъ» характерѣ думы XI—XII вѣка.

Итакъ, различія думы X и послѣдующихъ вѣковъ сводятся въ самомъ лучшемъ случаѣ къ различію въ словахъ и только.

Дума сѣверныхъ удѣльныхъ князей, по мнѣнію автора, еще болѣе отличается отъ предшествующей, чѣмъ эта послѣдняя отъ думы X вѣка; она состоитъ только изъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ. Чѣмъ это доказывается? Во 1-хъ, это является логическимъ выводомъ изъ того положенія, что князь сѣверныхъ удѣловъ есть хозяинъ-вотчинникъ. Если князь есть хозяинъ-вотчинникъ, а намѣстники его — суть его арендаторы, подобно тому, какъ перехожіе крестьяне были арендаторами у вотчинниковъ, то, понятно, что совѣтники князя должны были выбираться изъ его прикащиковъ, такъ какъ все государство имѣло видъ частнаго хозяйства, и другихъ элементовъ общества, кромѣ арендаторовъ и прикащиковъ, налицо не было. Не будемъ спорить и противъ этого, а спросимъ только, послѣдовательнъ ли нашъ авторъ? Въ самомъ ли дѣлѣ онъ ничего не видитъ въ удѣлахъ сѣверной Россіи, кромѣ частнаго хозяйства? Нѣтъ, онъ видитъ гораздо больше, онъ видитъ тамъ и государство, своеобразное, какъ своеобразно всякое государство, но все-таки государство. Вотъ доказательства. На стр. 81 читаемъ: «Съ обычными правами собственника князь соединялъ и настоящія государственныя права, впослѣдствіи отдѣлившіяся и вошедшія въ составъ верховной власти, право суда, налоговъ, войны и пр.» Итакъ, князь есть государь и

вмѣстѣ съ тѣмъ собственникъ. Это совершенно вѣрно. Непонятно только, куда это «впослѣдствіи государственныя права отдѣлились» и отъ чего они отдѣлились? Но оставимъ это, здѣсь можетъ быть какая нибудь недомолвка. На 118 читаемъ: «Въ обѣихъ половинахъ своего княжества, въ дворцовой и не-дворцовой, князь одинаково былъ верховнымъ правителемъ, установителемъ общественнаго порядка и блюстителемъ своего и общаго блага». Итакъ, не все дворецъ, есть и не-дворцовыя части удѣла, и князь не только хозяинъ, но и государь, преслѣдующій цѣли не одного только скопидомства, но и общаго блага и даже въ предѣлахъ дворцоваго управленія. Прекрасно! Но отсюда слѣдуетъ, что въ распоряженіи князя состоятъ не одни только «прикащики» и арендаторы, но и должностныя лица, преслѣдующія интересы общественнаго блага. Наконецъ, на 151 стр. читаемъ: «Князь удѣльнаго времени былъ государемъ съ правомъ верховной власти, и собиравшійся при немъ совѣтъ бояръ былъ государственный совѣтъ въ тогдашнемъ смыслѣ этихъ словъ». Согласимся и съ этимъ. Но что же получится въ результатѣ? Въ результатѣ получится то, что̀ и было въ дѣйствительности, т.-е., что совѣтъ сѣверныхъ удѣльныхъ князей состоялъ не изъ однихъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ, управителей дворцовой администраціи, или дворцоваго хозяйства: дворецкаго, казначея, сокольничаго, стольника, чашника и пр., но и изъ духовныхъ особъ, бояръ-судей, бояръ-воеводъ, которые къ дворцовому хозяйству не стояли ни въ какомъ отношеніи *). Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Это не мы возражаемъ автору, а онъ самъ себѣ возражаетъ. Но эти вѣскія возраженія, сдѣланныя авторомъ самому себѣ, нисколько не мѣшаютъ ему на 287 стр. снова называть думу сѣверныхъ удѣльныхъ князей «чисто дворцовымъ совѣтомъ», а на 394 стр. встрѣчаемъ еще болѣе картинное выраженіе основной мысли

*) На стр. 163 авторъ самъ говоритъ: «Въ дѣлахъ важныхъ или касавшихся церкви, въ думу призывали церковныхъ іерарховъ».

автора: «Въ княжествѣ удѣльнаго времени князь правилъ съ совѣтомъ бояръ, которые были собственно его вольнонаемными дворцовыми прикащиками». Можетъ быть, мы тутъ имѣемъ нѣкоторый рядъ «недомолвокъ и даже обмолвокъ».

Но у почтеннаго автора есть и другое доказательство «прикащичьяго» состава думы. На 138 и слѣдующей страницѣ у него приводятся свидѣтельства древнихъ актовъ о составѣ думы сѣверныхъ удѣльныхъ князей. Такъ какъ эти страницы составляютъ часть главы, въ названіи которой читаемъ: «Боярская дума при князѣ удѣльнаго времени является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ», то мы и полагаемъ, что акты эти приведены въ доказательство выраженнаго въ заглавіи положенія. Въ дѣйствительности же эти акты или ничего не доказываютъ, или доказываютъ совсѣмъ противуположное тому, что̀ слѣдуетъ доказать. Ничего не доказываютъ всѣ тѣ акты, которые совершены княземъ въ присутствіи бояръ, должность которыхъ не обозначена, и такимъ образомъ осталось неизвѣстнымъ, что это за бояре, вольнонаемные они прикащики или нѣтъ. И такихъ актовъ большинство. Свойство бояръ обозначено только въ двухъ актахъ, и оба они свидѣтельствуютъ противъ автора. Рязанскій князь Олегъ Ивановичъ продалъ село монастырю, «поговоря» съ зятемъ своимъ, рязанскимъ бояриномъ Ив. Мирославичемъ, и «въ присутствіи» двухъ бояръ, изъ которыхъ одинъ былъ стольникъ, а другой чашникъ. Актъ этотъ не изданъ, и мы приводимъ его со словъ автора. Что же изъ него слѣдуетъ? Кто тутъ совѣтники? Совѣтникъ тутъ только одинъ бояринъ-зять, ибо князь продалъ село «поговоря» съ нимъ. Былъ ли онъ дворцовымъ прикащикомъ, это неизвѣстно. Но два другихъ были тѣмъ, что авторъ называетъ «дворцовыми прикащиками», но съ ними князь не совѣтовался, они только присутствовали при сдѣлкѣ. Второй актъ есть данная того же князя Ольгову монастырю. Князь надѣлилъ его селомъ, «сгадавъ» съ епископомъ рязанскимъ и девятью боярами, въ числѣ

которыхъ трое имѣютъ дворцовыя должности: дядька, окольничій и чашникъ. Если трое обозначены придворными должностями, то, значитъ, остальные шесть не были придворными прикащиками. Здѣсь князь совѣтуется съ епископомъ, боярами не-прикащиками и боярами прикащиками.

Итакъ, отъ существеннаго различія между удѣльною думою сѣверныхъ князей и думою ихъ предшественниковъ ровно ничего не осталось *). Въ нее, какъ и въ думу кіевскихъ князей, одинаково входитъ и духовенство, и бояре въ широкомъ смыслѣ этого слова. Авторъ и самъ не можетъ этого отрицать. Въ примѣчаніи на стр. 174 онъ говоритъ: «Иногда удѣльный князь совѣтовался не только съ своими боярами, но и со всей дружиной, какъ это бывало и въ кіевской Руси». Къ этому слѣдовало бы прибавить: иногда кіевскій князь совѣтовался не только со всей дружиной, но и съ одними близкими людьми, какъ это бывало и въ сѣверной Руси,—и мы получили бы простую и вѣрную картину старой думы.

Московская дума XVI вѣка характеризуется аристократическимъ составомъ, дума XVII вѣка — демократическимъ (см. выше стр. 430). Это едвали вѣрно. Почтенному автору очень хорошо извѣстно, что въ думѣ XVI вѣка сидятъ дѣти боярскія и дворяне. Онъ самъ говоритъ, что «первыя попавшія въ думскій списокъ имена думныхъ дворянъ принадлежатъ именно къ упавшимъ фамиліямъ» **). Но и среди другихъ думныхъ чиновъ, высшихъ, были люди не именитые. Адашевы взяты царемъ отъ нищихъ и самыхъ мелкихъ людей и назначены окольничими, а въ 1553 году Ѳедоръ Адашевъ возведенъ и въ санъ боярина. Казначей

*) Авторъ, впрочемъ, и самъ не очень увѣренъ, что указанныя имъ особенности думы сѣверной XIII—XIV в. дѣйствительно возникли на сѣверѣ. На стр. 128 онъ говоритъ: «Къ сожалѣнію, трудно рѣшить, насколько эти особенности новы, т. е., перешли ли онѣ въ сѣверныя княжества по наслѣдству съ кіевскаго юго-запада, или впервые возникли при княжескихъ столахъ на сѣверо-востокѣ.

**) Боярская дума древн. Рос. стр. 251.

Ѳедоръ Сукинъ, мелкаго дьяческаго рода, въ 1566 году возведенъ въ бояре. Василій Траханіотъ и четверо Годуновыхъ также не принадлежатъ къ московской аристократіи, а это нисколько не помѣшало имъ достигнуть боярства, а Годуновымъ занять среди бояръ даже первое мѣсто. Наконецъ, въ XVI вѣкѣ въ княжеской думѣ сидятъ и дьяки, а людей болѣе темнаго происхожденія и не было въ московской Руси. Ихъ родословная, въ большинствѣ случаевъ, начинается съ предка раба.

На фактъ демократизаціи княжеской думы и именно въ XVI вѣкѣ наши историки давно уже обратили вниманіе. Объ этомъ говорилъ еще Карамзинъ. Учрежденіе думныхъ дворянъ онъ приписываетъ Ивану Грозному и полагаетъ, что это было сдѣлано «для введенія въ думу сановниковъ отличныхъ умомъ, хотя и не знатныхъ родомъ» *). Того же мнѣнія держится и Соловьевъ, но онъ думаетъ, что дѣти боярскія введены въ думу прежде самостоятельнаго правленія Іоанна IV. Онъ допускаетъ даже мысль, что это нововведеніе могло совершиться даже ранѣе правленія Елены **).

Итакъ, едва-ли можетъ быть серьезная рѣчь о томъ, что въ XVI вѣкѣ русской землей «управляли старинныя привычныя власти въ порядкѣ старшинства», и что только въ XVII боярская дума стала наполняться «дворянской демократіей». Съ установившимся мнѣніемъ историковъ совершенно совпадаютъ и свидѣтельства современниковъ. Курбскій упрекалъ Ивана Грознаго въ томъ, что онъ предпочиталъ шляхетству писарей, которыхъ бралъ изъ простыхъ людей. Ту же мысль о предпочтеніи дьяковъ аристократіи высказываетъ и Тетеринъ. Но оба ошибаются, приписывая эту перемѣну Ивану Грозному; она совершилась еще въ царствованіе дѣда его, Ивана Васильевича ***). Въ составѣ бояръ

*) Истор. IX, 263.

**) Истор. VI, 32.

***) Объ этомъ подробнѣе сказано въ I т. Рус. юр. древ., кн. 2, гл. IV.

XVII в. не замѣчается большого различія отъ состава этого класса въ XVI-мъ. Мы имѣемъ полные списки бояръ за это время, знаемъ ихъ всѣхъ поименно и можемъ опредѣлить процентное отношеніе бояръ именитыхъ къ боярамъ не именитымъ. Для отличія тѣхъ и другихъ у насъ есть одинъ только признакъ—княжеское происхожденіе первыхъ; этимъ признакомъ отличаетъ московскую аристократію отъ дворянской демократіи и почтенный авторъ разбираемаго труда. Въ XVI вѣкѣ боярское званіе дано было 40 лицамъ княжескихъ фамилій и 26 не княжескихъ, отношеніе вторыхъ къ первымъ составляетъ 65% *). Въ XVII вѣкѣ по 1677 годъ званіе боярина было дано 32 лицамъ княжескихъ фамилій и 23—не княжескихъ, отношеніе вторыхъ къ первымъ опредѣлится въ 71,8% **). Итакъ, среди бояръ вве-

---

*) Княжескія фамиліи: Булгаковы, Бѣлевскіе, Бѣльскіе, Воротынскіе, Глинскіе, Голицыны, Горбатые, Горенскіе, Кашины, Кубенскіе, Куракины, Курлятевы, Микулинскіе, Мстиславскіе, Ноготковы, Ногтевы, Оболенскіе, Одоевскіе, Палецкіе, Пеньковы, Пронскіе, Рѣпнины, Ростовскіе, Ряполовскіе, Серебряные, Симскіе, Сицкіе, Татевы, Телепневы, Телятевскіе, Троекуровы, Трубецкіе, Ушатые, Хворостинины, Хилковы, Холмскіе, Черкасскіе, Шестуновы, Шуйскіе и Щенятевы.

Не княжескія фамиліи: Адашевы, Басмановы, Борисовы, Бутурлины, Волынскіе, Воронцовы, Годуновы, Давыдовы, Даниловы, Заболоцкіе, Захарьевы-Романовы, Колычевы, Кутузовы, Морозовы, Плещеевы, Сабуровы, Солтыковы, Собакины, Сукины, Траханіоты, Тучковы, Челяднины, Шеины, Шереметевы, Яковлевы, Ѳедоровы.

Пользуемся случаемъ, чтобы исправить пропускъ, вкравшійся въ I т. Рус. юрид. древн. На стр. 367, въ перечисленіи фамилій, члены которыхъ назначались въ XVI вѣкѣ прямо въ бояре, не упомянуты кн. Голицыны, которые имѣли это назначеніе 5 разъ.

**) Княжескія фамиліи: Барятинскіе, Бѣльскіе, Волхонскіе, Воротынскіе, Голицыны, Долгорукіе, Кашины, Куракины, Львовы, Лыковы, Мезецкіе, Мосальскіе, Одоевскіе, Пожарскіе, Прозоровскіе, Пронскіе, Рѣпнины, Ромодановскіе, Ростовскіе, Сицкіе, Сулешовы, Татевы, Троекуровы, Трубецкіе, Туренины, Урусовы, Хворостинины, Хилковы, Хованскіе, Черкасскіе, Шаховскіе, Шуйскіе.

Не княжескія фамиліи: Басмановы, Бутурлины, Годуновы, Головины, Далматовы, Захарьевы-Романовы, Зюзины, Колычевы, Матвѣевы, Ми-

денныхъ XVII вѣка не именитыхъ людей было на 6,8% болѣе, чѣмъ среди бояръ XVI вѣка. Это не такая большая разница, чтобы историкъ могъ сказать то, что говоритъ проф. Ключевскій. Но и это точное сравненіе бояръ XVI вѣка съ боярами XVII рѣшительно ничего не говоритъ о томъ, кто же были дѣйствительные совѣтники московскихъ государей за это время? Это остается тайной. Мы лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ знаемъ, съ кѣмъ именно они совѣтовались.

Полагаемъ, что, указывая на демократическую примѣсь къ думнымъ чинамъ XVI вѣка, мы не говоримъ ничего новаго и что приводимые нами факты извѣстны каждому, такъ какъ давно напечатаны. Отчего же почтенный авторъ приходитъ къ совершенно иному заключенію? Это объясняется особенностями его методологическихъ пріемовъ. У автора преобладаетъ дедуктивный способъ изслѣдованія. Онъ беретъ какое-либо болѣе или менѣе признанное положеніе и дѣлаетъ изъ него логическіе выводы, не провѣряя ихъ путемъ изслѣдованія фактической стороны дѣла. Въ данномъ случаѣ общее положеніе, отъ котораго отправляется авторъ, состоитъ въ слѣдующемъ: объединеніе Россіи подъ главенствомъ Москвы сосредоточило при дворѣ московскихъ государей бывшихъ удѣльныхъ князей. Это положеніе, конечно, можно принять. Авторъ такъ и поступаетъ и затѣмъ дѣлаетъ изъ этого положенія выводъ: князья входятъ въ составъ боярства, даютъ ему аристократическій характеръ и т. д. Здѣсь и начинается ошибка. Путемъ умозаключенія пришелъ авторъ и къ выводу о «дворцовыхъ вольнонаемныхъ прикащикахъ». Дедуктивной методой въ исторіи можно пользоваться, но это надо дѣлать съ большей осмотритель-

---

лославскіе, Морозовы, Нагово, Нарышкины, Нащокины, Олшевскіе, Плещеевы, Пушкины, Сабуровы, Салтыковы, Стрѣшневы, Хитрово, Шеины, Шереметевы.

Въ I т. Рус. юр. древ. на стр. 370 среди бояръ XVII в. упомянуты князья Дыковы; это, конечно, опечатка, надо читать Лыковы.

ностью, провѣряя результаты дедукціи свидѣтельствами памятниковъ *).

Переходимъ къ послѣднему и самому важному вопросу состава думы. Авторъ употребилъ много труда и времени для разъясненія соціальнаго состава думы. Допустимъ, что онъ правъ, и что всѣ тѣ различія, на которыя онъ такъ старательно указываетъ, дѣйствительно имѣли мѣсто; допустимъ, что въ составъ думы сперва входили бояре—дружинники, градскіе старцы и духовенство, затѣмъ она сдѣлалась однословной и состояла только изъ бояръ; бояръ смѣнили вольнонаемные прикащики, прикащиковъ—княжеская аристократія, а сію послѣднюю—дворянская демократія. Но какъ всѣ эти элементы дѣлались членами думы? Князь былъ обязанъ ихъ призывать, или онъ былъ свободенъ призывать ихъ и не призывать? Въ этомъ и заключается существенный вопросъ организаціи думы. Авторъ не отводитъ ему отдѣльнаго мѣста въ своемъ изслѣдованіи, онъ касается его лишь мимоходомъ и собрать въ одно цѣлое тамъ и здѣсь разбросанныя имъ замѣчанія дѣло не легкое. Это необходимо, однако, сдѣлать. Если авторъ не посвящаетъ этому вопросу особаго вниманія, то, конечно, потому, что отвѣтъ на него не считаетъ подлежащимъ какому либо сомнѣнію и спору. Все изслѣдованіе его исходитъ изъ того предположенія, что у князя есть необходимые совѣтники. Если бы

*) На 253 стр. авторъ говоритъ о спискахъ членовъ боярской думы XVII в., но вотъ въ какихъ словахъ: «Если гордому своимъ происхожденіемъ кн. А. М. Курбскому показать списокъ членовъ боярской думы XVII в., онъ навѣрное покачалъ бы головой и сказалъ: да, правду писалъ мнѣ въ Литву князь великій московскій, Иванъ Васильевичъ, по своей привычкѣ злоупотребляя словами писанія, что «можетъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму». Это весьма картинное мѣсто; но нельзя не пожалѣть, что авторъ не приложилъ того списка, которымъ онъ хотѣлъ удивить кн. Курбскаго. Онъ намъ гораздо нужнѣе, чѣмъ Курбскому, котораго едва ли бы удалось удивить почтенному профессору. Курбскій и въ XVI вѣкѣ правительственный классъ находилъ очень простонароднымъ. Иванъ Грозный, по его мнѣнію, управлялъ съ дѣтьми поповъ и крестьянъ. Чего же меньше?

старцы градскіе, вольнонаемные прикащики, аристократы и т. д. не были необходимыми совѣтниками, если бы князь могъ призывать ихъ въ думу и не призывать, то, понятно, не было повода писать книгу съ цѣлью доказать, что эти лица суть составные элементы думы. Слѣдуя примѣру автора, мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ дедуктивнымъ способомъ доказательства. Но зная, насколько метода сія требуетъ осторожности и осмотрительности, мы немедленно приступаемъ къ индукціи и собираемъ по этому предмету отдѣльныя его заявленія. На 148 стр. читаемъ: «Всѣ бояре, занимавшіе должности по военному, дворцовому и областному управленію, считались совѣтниками князя». На 173: «Въ исключительныхъ случаяхъ, касавшихся всѣхъ одинаково, въ вопросахъ, стоявшихъ выше каждаго отдѣльнаго вѣдомства, князь долженъ былъ призывать къ себѣ на совѣтъ всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ». На 177: «...въ Москвѣ дума превращалась въ постоянный совѣтъ всѣхъ наличныхъ бояръ»... Та же мысль и на 416 стр.: «Въ своей ежедневной практикѣ дума была постояннымъ совѣтомъ наличныхъ думныхъ людей, находившихся при государѣ». Теперь мысль автора совершенно выяснена. У князя есть необходимые совѣтники. Онъ не можетъ назначить прикащика и воеводы, чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ не сдѣлались и его думцами; въ московское же время всѣ думные чины суть совѣтники князя, если только они находятся въ резиденціи государя. Итакъ, въ этомъ вопросѣ проф. Ключевскій стоитъ на точкѣ зрѣнія проф. Загоскина и Неволина.

Но проф. Ключевскій идетъ гораздо далѣе своихъ предшественниковъ. Онъ хорошо знаетъ, что званіе думнаго человѣка не было наслѣдственно, что въ думные чины жаловали, что думу «сказывали по указу государя». Но это право государя, по его мнѣнію, было до такой степени ограничено, что московская дума XVI вѣка являлась, тѣмъ не менѣе, наслѣдственнымъ учрежденіемъ, устранить которое князь не могъ и съ которымъ онъ долженъ былъ раздѣлять свою власть. «По родословному составу думы XVI

вѣка, говоритъ авторъ, можно видѣть, въ какой степени государево назначеніе согласовалось съ аристократическимъ распорядкомъ лицъ и фамилій, установившимся въ боярской средѣ. Члены думы, особенно двухъ высшихъ чиновъ, обыкновенно выходили изъ извѣстнаго родовитаго круга, который въ лицѣ своихъ очередныхъ представителей думу вѣдалъ». Право государя назначать думныхъ чиновъ сводится такимъ образомъ, къ призванію ихъ по родословной очереди. «Эти родовые столпы, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, наслѣдственно вѣдали думу». Если у насъ были наслѣдственные совѣтники князя, то очень понятно, они не могли быть устранены изъ думы. Авторъ послѣдователенъ и прямо высказываетъ эту мысль: «Государь не можетъ устранить отъ власти правительственнаго класса» *).

Эта характерная картина наслѣдственныхъ совѣтниковъ, которые вѣдали государеву думу въ порядкѣ родового старшинства и которыхъ государь не могъ устранить отъ власти, является логичестимъ выводомъ признаннаго авторомъ, но неоправдываемаго дѣйствительностью, аристократическаго состава думы XVI вѣка. Мы остановимся лишь на одномъ новомъ его соображеніи, котораго мы не имѣли еще случая коснуться.

Въ цитатѣ, приведенной нами съ 329 стр., рѣчь идетъ объ «очередныхъ представителяхъ извѣстнаго родовитаго круга, который вѣдалъ думу». Авторъ, конечно, имѣетъ здѣсь въ виду мѣстническіе обычаи. Мы должны сказать, что понятія почтеннаго профессора о мѣстничествѣ чрезвычайно своеобразны. Такъ такъ «государь не могъ устранить отъ власти правительственнаго класса», то, надо полагать, для него было обязательно назначать въ думу родовитыхъ людей согласно съ аристократическимъ распорядкомъ, установившимся въ боярской средѣ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Государь могъ и дѣйствительно назначалъ въ думу, кого было ему угодно. Единственное огра-

*) Бояр. дума древ. Руси, стр. 329, 265, 392, 364, 530.

ниченіе, которое налагали на него мѣстническіе обычаи, состояло въ томъ, что если онъ хотѣлъ назначить въ думу человѣка именитаго, то это, обыкновенно, дѣлалось согласно съ отеческой его честью, именитые люди назначались въ думу прямо боярами, минуя чинъ окольничаго и думнаго дворянина; въ противномъ случаѣ они могли не принять думнаго чина, и только. Требовать же назначенія въ думу согласно съ аристократическимъ распорядкомъ никто неимѣлъ права. Поэтому то мы и встрѣчаемъ въ думѣ XVI вѣка не только князей, но и лицъ изъ мелкихъ фамилій, каковы Адашевы, Сукины, Траханіоты, Годуновы и пр., и въ чинѣ бояръ. Эта не аристократическая примѣсь къ составу боярской думы въ одномъ только высшемъ чинѣ боярина составляла—65%; въ чинѣ окольничаго ей принадлежало большинство: на 18 не княжескихъ фамилій тамъ было только 12 княжескихъ *); въ чинѣ думныхъ дворянъ—князей вовсе не было. Московскіе государи имѣли полную свободу не назначать въ думные чины представителей княжескихъ фамилій, которые лично имъ не нравились, или понизить ихъ достоинство, назначая не прямо въ чинъ боярина, а проводя чрезъ окольничество. Князья Черкасскіе въ XVI вѣкѣ назначаются прямо боярами, а въ XVII они служатъ и въ окольничихъ. Еще большее пониженіе потерпѣлъ родъ кн. Оболенскихъ: въ XVI вѣкѣ они пользуются преимуществами перворазрядныхъ фамилій и возводятся прямо въ бояре; въ XVII—они не идутъ дальше окольничихъ. Отсюда слѣдуетъ, что честь родовитыхъ фамилій представляетъ величину не постоянную, а мѣняющуюся, въ зависимости отъ усмотрѣнія царей. Этимъ, между прочимъ, и объясняется процессъ захуданія нѣкото-

*) Списокъ окольничихъ XVI вѣка изъ числа фамилій, члены которыхъ въ чинъ боярина не возводились: Беззубцевы, кн. Великіе, Вельяминовы, кн. Вяземскіе, кн. Гагины, Головины, кн. Долгорукіе, кн. Елецкіе, Житовы, Жулебины, Зайцевы, кн. Засѣкины, кн. Звенигородскіе, Ивановичи Карповы, Квашнины, Китаевы, Клешнины, Ляцкіе, Мамоновы, Нагово, кн. Ноздреватые, Петровы, Сакмышевы, кн. Токмановы, кн. Тулуповы, кн. Туренины, Чулковы, кн. Щербатые.

рыхъ фамилій. Въ виду этихъ фактовъ какая же можетъ быть рѣчь объ очередныхъ представителяхъ родовитаго круга, вѣдавшаго думу? Когда казначея Ѳ. И. Сукина назначили бояриномъ въ думу, изъ аристократическихъ фамилій членами ея были: кн. И. А. Куракинъ, кн. И. Д. Бѣльскій, кн. Ѳ. М. Оболенскій, кн. Ц. И. Телятевскій. Кто изъ этихъ Рюриковичей и Гедеминовичей обидѣлся назначеніемъ въ ихъ среду казначея Сукина и протестовалъ отказомъ отъ боярства? Никто. Намъ вообще неизвѣстенъ ни одинъ случай отказа отъ боярства по причинѣ худородности его членовъ. Надо полагать, что приближеніе къ особѣ царя такъ цѣнилось московской аристократіей, что члены ея охотно становились у подножія трона на одну доску съ дьяками и поповичами. Съ точки же зрѣнія мѣстнической чести нельзя отрицать возможности отказа отъ боярства въ случаѣ назначенія въ этотъ чинъ человѣка худороднаго; только такихъ отказовъ не бывало *).

---

*) Авторъ говоритъ объ «очередныхъ представителяхъ родовитаго круга, вѣдавшихъ думу». Всѣ знаютъ, что такое очередь. Наличность очереднаго порядка въ примѣненіи къ думнымъ чинамъ предполагаетъ комплектъ думныхъ чиновъ. Если бы не было комплекта, не было бы и очереди, ибо можно было бы разомъ призвать въ составъ думныхъ чиновъ всѣхъ имѣющихъ на то право, а не заставлять ихъ ждать своей очереди. Но комплекта не было, и государи могли назначить столько думныхъ людей, сколько имъ было угодно. Не могло быть, значитъ, и ни какой очереди. А между тѣмъ авторъ такъ ее хорошо знаетъ, что рѣшается утверждать, что государево назначеніе согласовалось съ аристократическимъ распорядкомъ и т. д. Чрезвычайно жаль, что почтенный профессоръ ограничивается однимъ лишь намекомъ на свои знанія московской очереди вступленія въ думные чины. Весьма важно было бы указать эту очередь и выяснить аристократическій распорядокъ послѣдовательности думныхъ чиновъ, въ силу котораго въ думѣ XVI вѣка среди бояръ нашли себѣ мѣсто: Адашевы, Траханіоты, Сукины и имъ подобные, а для князей Вяземскихъ, Гагиныхъ, Засѣкиныхъ, Звенигородскихъ, Ноздреватыхъ, Токмаковыхъ, Тулуповыхъ, Турениныхъ и Щербатыхъ—мѣста среди бояръ не оказалось и они дальше окольничаго подняться не могли. Мы очень опасаемся, что излишняя краткость автора можетъ ввести въ заблужденіе юныхъ любителей

Разбирая «Думу боярскую» проф. Загоскина, мы имѣли случай указать на то, что мнѣніе о постоянномъ составѣ думы и о правѣ думныхъ людей принимать участіе въ думѣ государя—разбивается наличностью ближней думы, существованія которой нельзя не признать. Признаетъ ближнюю думу и проф. Ключевскій. Какъ же онъ примиряетъ ея существованіе съ существованіемъ боярской думы? Этому вопросу авторъ посвящаетъ особую главу, XVI-ю, въ названіи которой спѣшитъ высказать свое отношеніе къ дѣлу: «Ближняя или комнатная дума государя, говоритъ онъ, была косвеннымъ признаніемъ съ его стороны политическаго значенія боярской думы». Авторъ идетъ гораздо дальше своего предшественника. Ближняя дума не только не подрываетъ боярской, а служитъ доказательствомъ признанія ея политическаго значенія. Мысль очень смѣлая, и мы съ понятнымъ интересомъ приступили къ чтенію XVI-й главы. Ближней думѣ авторъ даетъ разныя наименованія, онъ называетъ ее: «особымъ совѣтомъ», «частнымъ совѣтомъ», «кабинетомъ» и, наконецъ, «тайнымъ совѣтомъ». Отношенія

отечественныхъ древностей. Въ XX главѣ авторъ снова возвращается къ вопросу о назначеніяхъ въ думные чины сообразно съ родословнымъ старшинствомъ и на стр. 399 приводитъ примѣръ назначенія въ бояре кн. Влад. Тимоѳ. Долгорукова. Но примѣръ этотъ доказываетъ совершенно обратное. Единовременно съ Влад. Тим. Долгоруковымъ существуетъ дѣдъ его, Иванъ Михайловичъ. По родословцу онъ на одну степень ближе къ общему родоначальнику, князю Владиміру Ивановичу Долгорукому. Съ этимъ счетомъ родового старшинства согласенъ и проф. Ключевскій. Итакъ, старшій изъ этихъ двухъ Долгоруковыхъ—Иванъ Михайловичъ, а не Владиміръ Тимоѳеевичъ, ему и слѣдовало быть бояриномъ, если правъ проф. Ключевскій. Въ дѣйствительности же бояриномъ былъ младшій а старшій былъ дворяниномъ московскимъ и дальше комнатнаго стольника не пошелъ. Нелегко понять, зачѣмъ авторъ привелъ этотъ неудобный для него примѣръ. На 398 стр. онъ разсуждаетъ на тему о томъ, что «неловко было назначить въ окольничіе племянника, когда родной дядя значился въ спискѣ стольниковъ»; а на 399 стр. оказывается, что внука можно было назначить бояриномъ, когда дѣдъ, стоявшій одною степенью выше этого внука, значился въ спискѣ даже не стольниковъ, а просто московскихъ дворянъ.

этого тайнаго совѣта къ боярской думѣ представляются ему въ такомъ видѣ. «Судя по изложенному выше разсказу, говоритъ онъ, рѣшенія по дѣламъ общегосударственнаго характера, принятыя въ тайномъ совѣтѣ, сообщались боярской думѣ по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію, если не для вторичнаго обсужденія» 340. Итакъ, всякое дѣло общегосударственнаго характера могло быть рѣшено въ ближней думѣ и затѣмъ сообщалось боярской думѣ лишь къ свѣдѣнію. Это, конечно, не есть доказательство политическаго значенія боярской думы, а совершенно обратнаго: можно было все дѣлать безъ боярской думы. На послѣдней страницѣ XVI главы авторъ высказывается о томъ, какъ общая дума рѣшала тѣ вопросы, которые государю угодно было внести въ нее по предварительномъ уже обсужденіи ихъ въ ближней думѣ. «Легко понять, однако, говоритъ онъ, что ближній совѣтъ, оставаясь частнымъ и предварительнымъ, долженъ былъ имѣть большое вліяніе на общую думу: когда государь приносилъ въ послѣднюю мнѣніе, внушенное тайными совѣтниками его, политическій авторитетъ и служилое приличіе, обыкновенно, заставляли бояръ соглашаться съ нимъ» 346. И мы совершенно соглашаемся съ почтенныхъ авторомъ, только гдѣ же политическое значеніе общей боярской думы, такъ смѣло возвѣщенное въ заголовкѣ? О немъ въ дѣйствительности и помину нѣтъ. XVI главу слѣдовало бы такъ озаглавить: «Ближняя или комнатная дума совершенно лишала всякаго политическаго значенія боярскую думу» и это заглавіе совершенно соотвѣтствовало бы содержанію главы. Но авторъ продолжаетъ думать по своему и на той же послѣдней страницѣ главы говоритъ: «Но если чувствовали потребность имѣть такой особый совѣтъ рядомъ съ думой всѣхъ бояръ, то за послѣдней, очевидно, признавали не то значеніе, не тѣ задачи и свойства, какія имѣлъ первый (вполнѣ вѣрное умозаключеніе, но то, что идетъ далѣе, можетъ быть замѣнено совершенно обратнымъ, безъ малѣйшей логической натяжки), значитъ, продолжаетъ авторъ, признавали, что со-

ставъ ея не вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія государя, а долженъ согласоваться съ боярской іерархіей, что эта дума есть постоянно дѣйствующее учрежденіе, которое направляетъ текущія дѣла, что и дѣла особо важныя должны проходитъ чрезъ нее же, хотя бы они уже обсуждались въ ближней думѣ, словомъ, признавали, что это не государевъ только, но и государственный совѣтъ». Ошибка умозаключенія и только. Изъ того, что признавали необходимость ближней думы рядомъ съ боярской, можетъ слѣдовать и то, что «боярская» признавалась ни на что не нужной и совершенно устранялась «ближней». Мы вовсе не отрицаемъ возможности существованія двухъ совѣтовъ: большого и малаго. Но это возможно лишь при точномъ опредѣленіи компетенціи каждаго изъ нихъ. Такого разграниченія двухъ думъ у насъ не было и, по словамъ самого автора, боярская дума только вторила ближней, да и это не всегда было нужно, такъ какъ дѣла, рѣшенныя въ ближней думѣ, могли вноситься въ боярскую лишь для свѣдѣнія. При этомъ условіи ближняя дума служитъ доказательствомъ того, что князь могъ совѣщаться съ кѣмъ ему угодно и вовсе не былъ обязанъ совѣщаться съ представителями аристократическихъ фамилій, призываемыхъ по порядку старшинства.

Переходимъ къ вопросу о вѣдомствѣ думы. Не легко выяснить мнѣнія автора по этому предмету. Совершенно ясно только то, что дума имѣетъ свою компетенцію и что компетенція эта чрезвычайно обширна; что же касается частностей дѣла, здѣсь все сбивчиво и смутно. Приведемъ наиболѣе характерныя заявленія автора. Уже на первой страницѣ онъ нашелъ нужнымъ опредѣлить вѣдомство думы на всемъ пространствѣ своего изслѣдованія: «Съ X и до XVIII вѣка, говоритъ онъ, боярская дума стояла во главѣ древнерусской администраціи, была маховымъ колесомъ, приводившимъ въ движеніе весь правительственный механизмъ; она же большею частію и создавала этотъ механизмъ, законодательствовала, регулировала всѣ отношенія, давала отвѣты на вопросы, обращенные къ правитель-

ству». «Маховое колесо» выраженіе образное и красивое, но оно ничего не объясняетъ; въ томъ же, что слѣдуетъ за маховымъ колесомъ, дѣло не обходится безъ нѣкоторой крупной неясности. Дума «регулировала всѣ отношенія», но правительственный механизмъ она создавала только «большею частію». Это конечно, очень много, но все же не все: «регулированіе всѣхъ отношеній» включаетъ въ себѣ и регулированіе всего правительственнаго механизма а «не большею только частію». Въ результатѣ получается: дума дѣлала все и не все. Это, конечно, не очень ясно.

Составъ думы, какъ мы уже знаемъ, по мнѣнію автора весьма мѣнялся съ теченіемъ времени. Онъ полагаетъ, что этимъ перемѣнамъ въ составѣ соотвѣтствуютъ и перемѣны въ вѣдомствѣ. На 181 читаемъ: «Дума удѣльнаго времени (сѣверныхъ князей) была совѣтомъ управителей, вѣдавшихъ текущія дѣла дворцоваго хозяйства, но совѣтомъ по вопросамъ управленія, выходившимъ изъ ряда текущихъ. Такіе вопросы, впрочемъ, были болѣе или менѣе связаны съ дворцовымъ хозяйствомъ въ его удѣльномъ объемѣ». Это совершенно послѣдовательно и представляетъ лишь логическій выводъ изъ того, что авторъ говоритъ о составѣ думы сѣверныхъ князей. О чемъ же, въ самомъ дѣлѣ, и разсуждать «вольнонаемнымъ прикащикамъ», какъ не о посѣвахъ, сѣнокосѣ, уборкѣ хлѣба и другихъ вопросахъ дворцоваго хозяйства. Но, несмотря на всю послѣдовательность и строгую логичность автора, выводъ его совершенно невѣроятенъ. Полагаемъ, что дѣла дворцоваго хозяйства князь велъ совершенно такъ же, какъ ихъ вели и всѣ другіе частные собственники и какъ они ведутъ ихъ и въ наше время, т. е., безъ участія въ нихъ «думы», а при помощи прикащиковъ. Но развѣ другихъ заботъ у сѣверныхъ князей не было? Развѣ они не вели войнъ, не судили, не заботились о церкви и т. д.? Развѣ не приходилось имъ «думать» объ этихъ вопросахъ и съ кѣмъ нибудь совѣщаться? Конечно, приходилось.

Авторъ, кажется намъ, и самъ не совершенно увѣренъ въ справедливости своего слишкомъ ограничительнаго по-

ниманія вѣдомства думы сѣверныхъ князей. На страницѣ 167 онъ говоритъ совершенно другое: «Она (т.-е. дума) была высшимъ правительственнымъ мѣстомъ по дѣламъ дворцоваго хозяйства, высшимъ судебнымъ мѣстомъ, совѣтомъ князя по всѣмъ дѣламъ, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями и восходили къ князю». Здѣсь дума является высшимъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстомъ. Во всякомъ случаѣ такая дума болѣе похожа на дѣло, чѣмъ дума 181 страницы. Но она не законодательствуетъ, о чемъ такъ рѣшительно было заявлено на 1-й стр. Что это, особенность думы сѣверныхъ князей или недомолвка? Не знаемъ. Этимъ не оканчиваются, однако, наши недоумѣнія. Вслѣдъ за только что выписаннымъ мѣстомъ авторъ говоритъ нѣчто такое, что совершенно уничтожаетъ какъ то, что сказано имъ на стр. 181, такъ и то, что сказано на стр. 167. Вотъ это чрезвычайно многознаменательное мѣсто: «Но по сохранившимся памятникамъ трудно разобрать, насколько точно было опредѣлено, какія дѣла должны восходить къ князю, какія онъ рѣшалъ одинъ и какія съ боярами. Видно только, что одни дѣла онъ поручалъ рѣшать своимъ боярамъ, одному или двоимъ, другія рѣшалъ самъ въ присутствіи одного, двухъ или болѣе бояръ, а при рѣшеніи третьихъ вовсе незамѣтно присутствія бояръ» Изъ приведеннаго мѣста слѣдуетъ, что «по сохранившимся памятникамъ» вовсе нѣтъ думы, какъ постояннаго учрежденія съ опредѣленной компетенціей; это совершенно вѣрно, хотя и противорѣчитъ тому, что сказано на стр. 167 и 181. Авторъ большой знатокъ памятниковъ, онъ знаетъ не только то, что напечатано, но и то, что хранится въ богатыхъ московскихъ архивахъ. Ему не удается только правильная конструкція находящихся въ его рукахъ богатствъ. Нельзя, однако, не признать, что при всѣхъ своихъ колебаніяхъ онъ ходитъ довольно близко къ настоящему дѣлу, совершенно того не подозрѣвая. Но будемъ продолжать.

Въ Московскомъ княжествѣ, до исчезновенія не москов-

скихъ удѣловъ, авторъ усматриваетъ признаки значительныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ устройствѣ думы 169. Но въ чемъ эти успѣхи въ области компетенціи ему, къ сожалѣнію, не удается выяснить. На стр. 177 онъ говоритъ, что дума «вѣдала всѣ новыя чрезвычайныя дѣла». Но и предшествовавшая, какъ было сказано на стр. 167, вѣдала всѣ дѣла, которыя не могли быть разрѣшены низшими учрежденіями; сюда, конечно, входятъ и всѣ новыя и всѣ чрезвычайныя дѣла. Еслибы они невходили въ думу сѣверныхъ князей, то кто же ихъ рѣшалъ, не низшія же учрежденія?

На стр. 181 авторъ пытается дать новую отличительную черту московской думы первыхъ князей отъ до московской: «Она становилась совѣтомъ дворцовыхъ сановниковъ по недворцовымъ дѣламъ». Это, дѣйствительно, какъ будто успѣхъ. Прежде дума вѣдала только дворцовое хозяйство, а теперь и не дворцовыя дѣла, т.-е., государственныя. Но авторъ забылъ, что на стр. 167 и до московская дума вѣдаетъ у него судебныя и всѣ дѣла, которыя не могли быть рѣшены низшими учрежденіями. А на стр. 168 онъ самъ говоритъ, что въ дѣлахъ важныхъ или касавшихся церкви въ думу призывали церковныхъ іерарховъ, хотя и не всегда. «Важныя и церковныя дѣла» это, конечно, не дворцовыя. Различія въ вѣдомствѣ такъ же шатки, какъ и различія въ составѣ.

Съ объединеніемъ Руси подъ главенствомъ Москвы старая дума превращается въ государственный совѣтъ при государѣ московскомъ и всея Руси (280), и авторъ не затрудняется утверждать: 1) что эта дума давала властные отвѣты не текущіе вопросы законодательства (307); 2) что государь руководилъ государственнымъ управленіемъ чрезъ посредство думы (333); 3) что дѣла посольскія, разрядныя и помѣстныя непосредственно вѣдала сама дума (423). Таковъ пышный расцвѣтъ вѣдомства боярской думы. Она законодательствуетъ; важнѣйшія дѣла управленія, къ которымъ относятся иностранныя сношенія и организація службы,

дума вѣдаетъ непосредственно *); остальными государь управляетъ чрезъ ея посредство. Въ XXIV главѣ авторъ еще разъ останавливается на дѣятельности думы и приходитъ къ нѣсколько иному заключенію: «Значитъ, говоритъ онъ, дума законодательствовала, а не судила и не вела дѣлъ текущей администраціи; точнѣе говоря, она законодательствовала и тогда, когда судила и рѣшала дѣла текущей администраціи». И нѣсколько строкъ ниже: «Итакъ, боярская дума была собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ» 463.

Чрезвычайно важное утвержденіе, но его трудно примирить съ прежде высказанными. На страницѣ 1-й говорится о законодательствѣ и администраціи думской; такія же заявленія о правительственной, а не законодательной только дѣятельности думы въ объединенной Москвѣ можно найти и въ другихъ мѣстахъ книги. Такъ на стр. 423 авторъ утверждаетъ, что дума непосредственно вѣдала посольскія дѣла. Посольскія дѣла не составляли предмета законодательства московскихъ государей; это дѣла правительственныя и, вѣдая ихъ, дума управляла, а не законодательствовала.

Непосредственно за выписаннымъ нами мѣстомъ о томъ, что дума была исключительно законодательнымъ учрежденіемъ, авторъ продолжаетъ такъ: «Вотъ почему при изученіи правительственной дѣятельности думы не совсѣмъ удобно прилагать къ ней обычное дѣленіе на функціи законодательныя, судебныя и административныя». Можно ли было ожидать такого вывода? Авторъ только что нашелъ учрежденіе «собственно и даже исключительно законодательное» и видитъ въ своемъ открытіи поводъ не прилагать къ этому «исключительно» законодательному учрежденію обычное дѣленіе на функціи законодательныя, судебныя и адми-

*) Полагать надо, что по этимъ дѣламъ доклады дѣлаются не государю, а прямо думѣ, которая и постановляетъ по нимъ свой приговоръ; это, вѣроятно, и значитъ непосредственно.

стративныя! Это можетъ удивить даже и послѣ всего того, что мы уже видѣли своеобразнаго у г. Ключевскаго. Нельзя было бы прилагать обычнаго дѣленія, еслибы въ учрежденіяхъ Москвы не оказалось исключительно законодательнаго учрежденія, а разъ оно оказалась, то обязательно прилагать такое дѣленіе. Г. Ключевскій разсуждаетъ какъ разъ наоборотъ. Мы, можетъ быть, имѣемъ здѣсь дѣло съ нѣкоторой «недомолвкой» и «обмолвкой».

Автору никакъ не удается правильная конструкція фактовъ и въ этомъ причина постоянныхъ его колебаній; но факты онъ превосходно знаетъ и со слѣдующей уже страницы начинаетъ приводить свидѣтельства источниковъ, доказывающихъ, что дума нетолько законодательствовала, но управляла, судила и даже пытки производила. Мы не будемъ повторять этихъ свидѣтельствъ, желающіе найдутъ ихъ на стр. 464, 466, 484, 502, 503, 512, 513 и друг.

Для насъ они имѣютъ значеніе только съ той точки зрѣнія, что доказываютъ совершенно противоположное тому, что надо было доказать. Надо было доказать, что дума есть «собственно и даже исключительно законодательное учрежденіе», а факты доказываютъ, что дума дѣлаетъ все. Но надо ли было это послѣднее положеніе доказывать? Конечно нѣтъ: оно давно уже доказано проф. Загоскинымъ.

Перечисленіе дѣлъ, рѣшавшихся думой, еще не рѣшаетъ вопроса о ея компетенціи; для этого надо выяснить, какъ поступали дѣла въ думу и какъ они въ ней рѣшались? Происходило ли это въ силу особаго права, разъ навсегда предоставленнаго думѣ, — вѣдать и рѣшать своею властью извѣстныя дѣла; или дума разсматривала и рѣшала дѣла всякій разъ въ силу особаго государева указа? Въ первомъ случаѣ дума будетъ имѣть опредѣленную компетенцію и власть, во второмъ у ней не будетъ ни того, ни другого.

Авторъ останавливается на обоихъ вопросахъ. Что касается перваго, то онъ повторяетъ сказанное уже Неволи-

нымъ и Н. П. Загоскинымъ. Онъ различаетъ тѣ же способы возбужденія дѣлъ въ думѣ: приказъ государевъ, докладъ изъ приказовъ и челобитья частныхъ лицъ, и также смѣшиваетъ государеву думу съ расправной палатой, какъ это дѣлаютъ и его предшественники.

Второй вопросъ проф. Ключевскій рѣшаетъ совершенно иначе, чѣмъ проф. Загоскинъ. Авторъ самого высокаго мнѣнія о власти боярской думы. Онъ не находитъ даже возможнымъ провести какую-либо границу между властью царя и властью думы. Обѣ власти составляютъ у него какое-то таинственное цѣлое. Общая тенденція автора совершенно ясна; но что касается частностей, онѣ и въ этомъ вопросѣ представляются чрезвычайно смутными и сбивчивыми.—Мистическое цѣлое представляютъ уже князь и боярская дума удѣльнаго времени. На стр. 147 читаемъ: «Состояла ли дума изъ двухъ бояръ, или изъ десяти, даже съ представителемъ мѣстной церковной власти, въ томъ и другомъ случаѣ это была все та же обыкновенная боярская дума подъ предсѣдательствомъ князя, и ея постановленіе считалось окончательнымъ приговоромъ самого князя». Это понять очень трудно, даже едва ли возможно; ясно только то, что здѣсь утверждается нѣкоторое единство князя и думы. Князь предсѣдатель думы; рѣшеніе постановляетъ не онъ, а дума; но это рѣшеніе считается приговоромъ самого князя. Въ этомъ выражается единство князя и думы. Какъ же это возможно? Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду не обыкновенный порядокъ рѣшенія, наблюдаемый въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ. Въ обыкновенномъ коллегіальномъ порядкѣ коллегія рѣшаетъ большинствомъ голосовъ, причемъ предсѣдателю предоставляется два голоса на случай равнаго раздѣленія голосовъ. Такое рѣшеніе никогда не считается рѣшеніемъ «самого предсѣдателя», ибо оно можетъ состояться даже противъ его мнѣнія. То, что утверждаетъ авторъ, возможно только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: или князь и дума всегда одного мнѣнія или дума всегда соглашается съ мнѣніемъ князя. Но въ

первомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ чудомъ, на которое никакъ нельзя разсчитывать въ обыкновенныхъ человѣческихъ дѣлахъ. Во второмъ случаѣ нельзя говорить о постановленіи думы, какъ о чемъ-то самостоятельномъ, такъ какъ дума только исполняетъ волю князя. Самъ авторъ, не беретъ на себя труда объяснить, какъ возникаетъ это таинственное единство князя и думы. Въ той же главѣ на стр. 150, гдѣ рѣчь идетъ «о правительственномъ значеніи бояръ — совѣтниковъ», авторъ утверждаетъ нѣчто совсѣмъ иное: «Значитъ, читаемъ здѣсь, совѣтники князя были простыми административными его орудіями, а не политическими голосами; ихъ не было нужды считать при рѣшеніи дѣлъ и рѣдко приходилось считаться съ ними въ политическихъ затрудненіяхъ». Это утверждается о совѣтникахъ князя до отмѣны вольной службы, а потому невѣрно; но насъ не это занимаетъ, а невозможность совмѣстить это мѣсто съ предшествующимъ, взятымъ нами со стр. 147. Тамъ утверждается, что дума дѣлаетъ постановленія, которыя считаются постановленіями самого князя; здѣсь—члены думы являются простыми административными орудіями князя, на голоса которыхъ не было нужды обращать вниманіе. Что нибудь не вѣрно, и автору изъ двухъ высказанныхъ имъ мнѣній надо выбрать одно; по нашему мнѣнію и то и другое невѣрно.

За московскою думою періода объединенія авторъ въ рѣшительныхъ и ясныхъ словахъ признаетъ политическое значеніе. «Она даетъ властные отвѣты по текущимъ вопросамъ законодательства» 307. «И правительственное значеніе ея далеко не было пассивнымъ: она является болѣе чѣмъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, она пользуется извѣстнымъ просторомъ въ своей дѣятельности» 329. Наконецъ, «въ XVI вѣкѣ было формально утверждено политическое значеніе думы: боярскій приговоръ былъ признанъ необходимымъ моментомъ законодательства, черезъ который долженъ былъ проходить каждый новый законъ, прибавлявшійся къ судебнику» 330.

Итакъ, дума не только помогала московскимъ госуда-

рямъ издавать указы, когда они находили нужнымъ ея помощь; она имѣла формальное право участія въ законодательствѣ. Безъ боярскаго приговора московскіе государи не могли издать дополнительнаго указа къ судебнику. Положеніе чрезвычайной важности. Какъ же, спрашивается, опредѣлялись отношенія царя и властной думы? Здѣсь опять встрѣчаемся съ таинственнымъ единствомъ царя и думы. Вотъ каково было, по мнѣнію автора, положеніе дѣла въ Москвѣ. «Боярская дума древней Руси была учрежденіемъ, привыкшимъ дѣйствовать только при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, давній обычай неразрывно связывалъ обѣ эти политическія силы и онѣ не умѣли дѣйствовать другъ безъ друга, срослись одна съ другой, какъ части одного органическаго цѣлаго... Древне русское общество не привыкло отдѣлять эти силы одну отъ другой, видѣло въ нихъ нераздѣльные элементы единой верховной власти. Въ устройствѣ высшаго московскаго управленія всего труднѣе точно обозначить предѣлы власти государя и его боярскаго совѣта. Это потому, что государь и его совѣтъ не были двумя разными властями а составляли одно властное, верховное цѣлое» 478.

Царь и дума составляютъ одно неразрывное верховное цѣлое. Это тоже мистическое цѣлое, что и на страницѣ 147, таинственное, непостижимое. Но мы нашли въ разбираемой книгѣ мѣсто, гдѣ это неразрывное цѣлое — порвалось. И что же оказалось? Оказалось, что все дѣлаютъ бояре, царю же докладываютъ о дѣлахъ только въ томъ случаѣ, когда этого сами захотятъ.

На стр. 481 авторъ спрашиваетъ: «Приговоры, состоявшіеся въ думѣ безъ государя, представлялись ли ему на утвержденіе?» и на 483 отвѣчаетъ: «Докладъ (государю боярскихъ приговоровъ) былъ не обязанностью думы, а ея отказомъ отъ своего права». Здѣсь авторъ не говоритъ, что это за право, отъ котораго бояре отказывались; но на 481, 482 и 483 страницахъ рѣчь идетъ о порядкѣ законодательства, и слѣдовательно подъ правомъ бояръ надо разумѣть

ихъ право законодательствовать. Вотъ въ какомъ видѣ представляется автору порядокъ московскаго законодательства. «Вопросы о новыхъ законахъ вносились въ думу изъ приказовъ всегда на государево имя въ обычной формулѣ: и о томъ великій государь что укажетъ? Это и есть государевъ докладъ. Вопросъ докладывался на государево имя и потомъ разрѣшался боярскимъ приговоромъ. Таковы два момента въ созданіи новаго закона; третьяго момента, представленія приговора всѣхъ бояръ на утвержденіе государя, судебникъ не указываетъ. Отдѣльные законодательные акты подтверждаютъ такой порядокъ законодательства... Дума иногда обращалась съ докладомъ къ присутствовавшему въ засѣданіи государю, но не для того, чтобы представить на его утвержденіе свой приговоръ о дѣлѣ, а потому, что не умѣла, или не хотѣла сама постановить приговоръ о немъ» 482.

Итакъ, есть только два момента въ порядкѣ законодательства: новый законодательный вопросъ вносится въ думу на имя государя, что есть только обычная форма: вопросъ докладывался думѣ на государево имя, если бы государя въ думѣ и не было, это первый моментъ; второй моментъ—законодательный вопросъ разрѣшается боярскимъ приговоромъ. Третьяго момента, доклада государю, нѣтъ. Иногда дума дѣлаетъ доклады государю, но это въ тѣхъ случаяхъ, когда она не умѣла или не хотѣла сама постановить приговоръ. Законодательные вопросы, слѣдовательно, восходили къ государю только тогда, когда этого хотѣла сама дума; докладывать же объ нихъ государю она не была обязана *).

*) Изъ предшествующаго мы уже знаемъ, что почти на каждое утвержденіе автора въ книгѣ его можно найти и утвержденіе совершенно противоположное, что очень затрудняетъ выясненіе его мнѣній. Такая двойственность имѣетъ мѣсто и въ настоящемъ случаѣ. Въ той же главѣ на стр. 518 авторъ передаетъ извѣстный мѣстническій случай Ивана Чихачева. Обсуждая этотъ случай, онъ въ заключеніе высказываетъ такую мысль: «Ни думному дьяку, ни боярину и въ голову не пришло, что этимъ собственноручнымъ урокомъ они нарушали

Чрезвычайно любопытный выводъ, хотя и не согласный съ таинственнымъ единствомъ царя и думы. Дума законодательствуетъ, а царь сидитъ сложа руки, и что особенно любопытно и важно, такъ это то, что есть памятники, которыя какъ будто даютъ основаніе утверждать нѣчто подобное.

Итакъ, таинственное и неразрывное цѣлое порвалось. Этого, конечно, слѣдовало ожидать. Какъ-то не вѣрится, чтобы въ Московскомъ государствѣ все дѣлала дума, а не царь. Ѳедора Ивановича еще можно уступить почтенному автору, онъ дѣйствительно самъ не управлялъ и не законодательствовалъ; а Иванъ Грозный, его отецъ, Василій Ивановичъ, и дѣдъ, Иванъ Васильевичъ? Они тоже сидѣли сложа руки и ждали, не откажется ли дума отъ своего права законодательствовать и не доложитъ ли имъ дѣла? Прежде чѣмъ разбирать доказательства, приводимыя автоторомъ въ пользу мнѣнія о всемогуществѣ думы, остановимся на вопросѣ о томъ, къ какому времени это всемогу-

---

одно изъ верховныхъ правъ государя — пересматривать приговоры думы о наказаніяхъ за проступки и преступленія по службѣ». Здѣсь у государя признается право пересматривать судебные приговоры думы, на стр. же 481—3 у него не оказывается права утверждать законодательные приговоры думы. Но тамъ же говорится и вообще о приговорахъ думы, слѣдовательно, и о судебныхъ, для которыхъ исключенія не сдѣлано. На страницѣ 518 отрицается то, что утверждалось на страницѣ 481—3; это, можетъ быть, поправка къ стр. 481—3? Но правильная ли это поправка? Мы ничего не знаемъ о правѣ государя пересматривать всѣ приговоры думы о преступленіяхъ по службѣ. Мы всегда думали, что не только расправная палата, но и приказы могли окончательно рѣшать дѣла о преступленіяхъ по службѣ, по скольку они предусмотрѣны Уложеніемъ и послѣдующими указами. Встрѣтивъ противоположное мнѣніе проф. Ключевскаго, мы просмотрѣли его цитаты и не нашли въ нихъ ни малѣйшаго указанія на верховное право царя утверждать указанные имъ судебные приговоры. Поправка, слѣдовательно, неправильная; расправная палата могла рѣшить всякое дѣло, предусмотрѣнное Уложеніемъ и послѣдующими указами. Остается, значитъ, одно несогласіе съ самимъ собой.

щество относится? Здѣсь опять встрѣтимся съ большими неожиданностями. Составъ московской думы въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ мы знаемъ, очень различенъ: въ XVI въ ней засѣдала родовая аристократія, раздѣлявшая власть царя, въ XVII дворянская демократія, которая не могла пользоваться преимуществами старой аристократіи. Отсюда, конечно, должно слѣдовать, что дума была всевластна въ XVI вѣкѣ. Такъ и смотритъ на это дѣло самъ авторъ. На 391 стр. читаемъ: «Изложенными опытами политическаго договора (въ предшествовавшей главѣ рѣчь шла о договорахъ бояръ съ Шуйскимъ и Владиславомъ) кончилась политическая исторія боярской думы. Далѣе она перестаетъ быть участницей верховной власти, становясь только ея орудіемъ, остается во главѣ управленія, какъ его привычный рычагъ, но изъ политической силы превращается въ простое правительственное удобство. Въ XVII вѣкѣ въ ней происходятъ нѣкоторыя перемѣны; но онѣ не измѣняютъ ея политическаго значенія... Сообразно съ усложнившимися задачами правительства, онѣ развиваютъ ее, какъ правительственное орудіе, не развивая ея политическаго авторитета». Итакъ, дума XVII вѣка не участница верховной власти, это простое орудіе управленія, дѣло удобства и только. Къ ней, значить, не относится то, что говорилось о единствѣ царя и думы и о правѣ думы законодательствовать безъ царя. Это совершенно послѣдовательно. Только-что выписанной нами цитатой начинается XIX глава; глава же XXIV озаглавлена такъ: «Правительственная дѣятельность думы, при видимомъ разнообразіи дѣлъ, имѣла собственно законодательный характеръ». Это довольно большая глава, она занимаетъ 59 стр., съ 460 по 519; въ ней рѣчь идетъ о единствѣ царя и думы, объ исключительно законодательномъ характерѣ думы, о правѣ думы законодательствовать безъ царя и т. д. Сдѣланные нами выписки по этимъ предметамъ взяты именнно изъ этой главы. Она живописуетъ полный расцвѣтъ политической дѣятельности думы. Это, конечно, не бѣда, такъ какъ авторъ вѣритъ, что дума XVI в. была

участницей верховной власти. Но бѣда въ томъ, что въ доказательство своихъ положеній авторъ приводитъ столько свидѣтельства памятниковъ XVI вѣка, сколько XVII-го и даже самаго его конца и послѣдніе въ большемъ количествѣ, чѣмъ первые. Изъ этого надо заключить, что и дума XVII вѣка была участницей верховной власти, что авторъ однако отрицаетъ на 391 стр. Несомнѣнная неустойчивость убѣжденій, могущая привести любителей отечественной исторіи въ немалое затрудненіе.

Мы познакомили уже читателя съ высказаннымъ авторомъ на стр. 480—3 мнѣніемъ о томъ, что приговоры думы по вопросамъ законадательства не нуждались въ утвержденіи царя, и указали на чрезвычайную важность этого мнѣнія. Авторъ основываетъ его на обычномъ порядкѣ дѣлопроизводства думы, по которому ей предоставлялось самой рѣшать восходившія въ нее дѣла изъ приказовъ. А этотъ порядокъ дѣлопроизводства авторъ находитъ въ указѣ 1694 года. Наличность явленія, долженствовавшаго господствовать въ XVI вѣкѣ, доказывается ссылкой на указъ конца XVII-го! «Обычнымъ, говоритъ онъ, кажется тотъ порядокъ, какимъ по указу 1694 г. дума рѣшала безъ государя судныя дѣла, восходившія «въ верхъ» по челобитнымъ или по докладамъ изъ приказовъ: бояре рѣшали ихъ окончательно, докладывая государямъ лишь о томъ, чего имъ «зачѣмъ безъ ихъ, великихъ государей, именнаго указа вершить будетъ немочно», значитъ, докладъ былъ не обязанностью думы, а ея отказомъ отъ своего права» 483. Этотъ судный порядокъ авторъ примѣняетъ и къ вопросамъ законодательства.

Указъ 1694 года дѣйствительно предоставляетъ рѣшать окончательно судныя и розыскныя дѣла, но расправной палатѣ, а не думѣ-совѣту, и притомъ при соблюденіи условія, которое ускользнуло отъ вниманія почтеннаго автора. Расправная палата должна была «свой, великихъ государей, указъ чинить по своему, великихъ государей, указу, по Уложенію, и по ново-указнымъ статьямъ»,

П. С. З. № 1491. Это одинъ изъ многихъ указовъ, опредѣлявшихъ дѣятельность вновь учрежденной расправной палаты. Права ея, какъ мы знаемъ, были очень ограничены: она рѣшала расправныя дѣла согласно указамъ и только. Если указа не было, она не могла рѣшить дѣла своею властью, а должна была доложить государю. Итакъ, мнѣніе о правѣ думы законодательствовать проистекло изъ смѣшенія расправной палаты съ думой-совѣтомъ и изъ нѣкотораго невниманія, совершенно, впрочемъ, извинительнаго у не-юриста, къ подлиннымъ словамъ указа 1694 года *). — Что подъ докладомъ царю въ Москвѣ разумѣли дѣйствительно докладъ царю, а не «боярамъ на государево только имя», какъ желаетъ понимать проф. Ключевскій, это, мы думаемъ, достаточно ясно изъ памятниковъ, приведенныхъ нами въ I-ой главѣ настоящей книги, и не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ.

Политическое значеніе думы, полагаетъ авторъ, формально утверждено Судебникомъ XVI вѣка, въ которомъ боярскій приговоръ признанъ необходимымъ моментомъ законодательства. Въ 98 статьѣ Судебника дѣйствительно надо видѣть попытку ограничить законодательную власть царя. Но эта попытка, какъ мы указали, принадлежитъ избранной радѣ и не могла ее пережить. Мы не знаемъ, насколько Грозный соблюдалъ это правило до отмѣны рады, но знаемъ, что онъ очень тяготился имъ, упрекалъ членовъ рады въ томъ, что они низвели его до положенія предсѣдателя совѣта; послѣ низверженія Сильвестра и Адашева о соблюденіи 98 ст. Судебника, конечно, не могло быть и рѣчи. Въ I-ой главѣ мы указали, что и послѣдующіе государи издавали указы безъ всякаго совѣщанія съ боярами.

*) Насколько не-спеціалистамъ по вопросамъ исторіи права трудно дается пониманіе юридическихъ памятниковъ, видно изъ предлагаемаго авторомъ толкованія термина «боярскій судъ». «Кажется,—говоритъ онъ,—точнѣе будетъ такое опредѣленіе «боярскаго суда», что это былъ судъ по боярскимъ дѣламъ» 124. Но кто же рѣшится упрекать почтеннаго профессора русской исторіи за такое точное опредѣленіе!

О 98 ст. Судебника нельзя говорить, какъ о дѣйствующемъ нашемъ правѣ даже при Грозномъ, а тѣмъ менѣе при его преемникахъ.

Новыя мысли автора объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей и московскихъ царей къ думѣ едвали можно считать окончательно доказанными.

Въ обширномъ изслѣдованіи проф. Ключевскаго встрѣчаемъ три совершенно оригинальныя и исключительно ему принадлежащія мысли,—онѣ касаются состава думы и отношенія бояръ къ царю. Старцы градскіе въ X вѣкѣ, какъ ихъ понимаетъ авторъ, чисто боярскій и одно-сословный составъ думы у князей кіевской Руси, вольнонаемные прикащики сѣверныхъ князей и т. д., таинственное и неразрывное единство царя и думы и, наконецъ, право думы рѣшать законодательные вопросы безъ доклада царю,—все это мысли, въ которыхъ проф. Ключевскій не имѣетъ предшественниковъ. Это самобытный вкладъ его въ нашу историческую науку. Мы говоримъ только о самыхъ крупныхъ его положеніяхъ и отказываемся отъ перечисленія болѣе мелкихъ, но не мѣнѣе смѣлыхъ и оригинальныхъ мыслей по второстепеннымъ вопросамъ изслѣдованія; ихъ слишкомъ много. Другія существенныя положенія автора составляютъ лишь повтореніе прежде сказаннаго. Такова мысль о думѣ, какъ о постоянномъ учрежденіи, о правѣ думныхъ чиновъ входить въ составъ думы и, наконецъ, мысль о правѣ участія думы въ московскомъ законодательствѣ. Эта послѣдняя мысль съ совершенной ясностью и опредѣленностью впервые была высказана проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ 1871 году *). Также имѣетъ предшественника и мнѣніе проф. Ключевскаго о думныхъ коммиссіяхъ. Проф. Загоскинъ, впервые высказавшій это мнѣніе, замѣтилъ, однако, что думныя коммиссіи назначаются не думою, а царемъ; это важное обстоятельство, кажется, ускользнуло отъ вниманія его послѣдо-

*) Первое изданіе его Христоматіи, вып. II, стр. 67, пр. 2, стр. 178, пр. 248, вып. III, стр. 107, пр. 32.

вателя. На стр. 473 онъ говоритъ: «Дума любила поручать второстепенныя дѣла временнымъ коммиссіямъ, составляя ихъ изъ своихъ же членовъ» *). Къ этимъ коммиссіямъ, «которымъ дума любила поручать дѣла», почтенный авторъ относитъ и коммиссію для составленія Уложенія!

Мы не считаемъ безполезнымъ для дѣла нашъ нѣсколько длинный обзоръ существенныхъ положеній изслѣдованія московскаго профессора. Мы такъ далеко расходимся во взглядахъ съ почтеннымъ авторомъ, что оставить наши разногласія безъ объясненія, значило бы только осложнить вопросъ. Выясненіе взглядовъ «боярской думы древней Руси» казалось намъ тѣмъ необходимѣе, что проф. Ключевскій образовалъ уже школу. Намъ случалось видѣть книги, въ которыхъ самыя рискованныя его положенія выдаются за безспорныя истины.

Не обходятъ молчаніемъ «боярской думы» и общія руководства по исторіи русскаго права. Проф. Владимірскій-Будановъ въ своемъ «Обзорѣ» дѣлаетъ очеркъ думы до московской и московской. Несмотря на небольшіе размѣры, которые можно удѣлить въ общемъ курсѣ этимъ очеркамъ, почтенный авторъ даетъ въ нихъ читателю прекрасно сдѣланный выборъ фактовъ **), которые онъ приводитъ въ до-

*) Это, конечно, нисколько не мѣшаетъ почтенному автору на слѣдующей же стр. признать, что въ составъ этихъ коммиссій призывали и не членовъ думы.

**) На стр. 26 авторъ приводитъ обращеніе къ Ростовскому князю Мстиславу «ростовцевъ и бояръ», которые рѣшительно высказались противъ мира съ Владимірскимъ княземъ, Всеволодомъ: «Аще и ты миръ даси ему, говорили они, а мы ему не дамы». Онъ видитъ здѣсь случай совѣщанія съ боярской думой. Это едва-ли. «Ростовцы и бояре» это не одна боярская дума, это нѣчто большее; это тѣ же «ростовцы и бояре», которые призвали къ себѣ князя Мстислава. Здѣсь можно видѣть цѣлое вѣче. Оно призвало князя Мстислава, оно же требуетъ и войны со Всеволодомъ. Поименно названные, Добрыня Долгій и Матв. Бутовъ, были, конечно, заправилами вѣча.

казательство одной общей идеи, послѣдовательно проводимой имъ съ начала и до конца. Авторъ держится мысли, что дума была постояннымъ учрежденіемъ, что былъ извѣстный классъ лицъ, который имѣлъ право принимать участіе въ ея засѣданіяхъ, что князь былъ обязанъ совѣщаться съ этими лицами, что имъ принадлежало участіе даже въ законодательной его дѣятельности. Мы уже видѣли, съ какими трудностями приходится бороться такому взгляду. Намъ кажется, что и профессору Владимірскому-Буданову не удалось побѣдить всѣхъ затрудненій. Онъ утверждаетъ, что «число имѣющихъ право участвовать въ думѣ равняется числу бояръ извѣстной земли» 25; а на стр. 136 онъ поясняетъ, что подъ боярами надо разумѣть «свободныхъ землевладѣльцевъ». Далѣе, на той же 25 стр., онъ говоритъ, что «число обыкновеннаго состава думы равняется числу бояръ, находящихся въ мѣстѣ совѣщанія и нарочно вызванныхъ изъ пригородовъ. Число это, вообще, не можетъ быть значительно». И затѣмъ приводитъ примѣры совѣщанія сыновей Ярослава съ 5 совѣтниками и Владиміра Мономаха съ 6. Право имѣютъ всѣ землевладѣльцы, число которыхъ должно быть весьма значительно; а дѣйствительно участвуютъ очень не многіе. Что это за право, которое такъ легко было обойти? Русская правда говоритъ о двухъ совѣщаніяхъ Ярославичей, на одномъ участвовало 5 мужей, на другомъ—3, князей же и въ томъ и въ другомъ случаѣ было трое (Ак. сп. 18, Тр. 2). На каждаго князя приходится въ первомъ случаѣ $1^2/_3$, а во-второмъ по одному совѣтнику. Всѣ землевладѣльцы въ трехъ княжествахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Переяславскомъ, бывшіе на лицо и нарочно призванные изъ пригородовъ, представлены тремя мужами! Полагаемъ, что никакого права у землевладѣльцевъ участвовать въ княжеской думѣ не было; князья пригласили въ свою думу, кого нашли нужнымъ, и только.

Такія же безвыходныя трудности представляетъ и мнѣніе автора о законодательной дѣятельности думы. «Нормальный процессъ творчества закона, говоритъ онъ, указанъ въ Су-

дебникѣ». Мы уже знаемъ эту статью. Она возникла благодаря попыткѣ «избранной рады» ограничить власть царя и имѣла очень временное значеніе. Авторъ считаетъ порядокъ Судебника постояннымъ. Въ чемъ же онъ состоялъ? На стр. 139 говорится «о нераздѣльной» и «совмѣстной» законодательной дѣятельности царя и думы, но не объясняется какъ эта нераздѣльность и совмѣстность достигалась въ случаѣ разномыслія царя и думы. Во время господства «избранной рады», надо думать, были случаи подчиненія царя мнѣнію большинства думы; этимъ и объясняются жалобы Грознаго на похищеніе радой его власти. А какъ это было потомъ? Нельзя придумать никакой формы совмѣстности, при которой не пришлось бы, въ случаѣ разногласія, кому-нибудь уступить. На слѣдующей страницѣ авторъ даетъ такое объясненіе самостоятельной законодательной дѣятельности бояръ: «Боярскіе приговоры безъ царскихъ указовъ объясняются или полномочіемъ, даннымъ на этотъ случай боярамъ, или отсутствіемъ царя, или междуцарствіемъ». Междуцарствіе къ дѣлу не относится: когда нѣтъ царя, то нѣтъ и его думы, а есть что-нибудь совершенно другое. Что̀ разумѣетъ авторъ подъ отсутствіемъ царя, это намъ не совсѣмъ понятно. Уѣзжая изъ Москвы, цари брали съ собой и думныхъ людей; въ Москвѣ, въ случаѣ своего отъѣзда, они, обыкновенно, оставляли «бояръ», но эти бояре должны были съ ними сноситься по всѣмъ важнымъ дѣламъ, а право законодательствовать имъ, сколько мы знаемъ, не предоставлялось. Остается первый случай: бояре даютъ указы по особому приказу царя. Это совершенно вѣрно. Но это свидѣтельствуетъ не о совмѣстной, а о раздѣльной дѣятельности: законодательная дѣятельность принадлежитъ царю, но онъ можетъ уполномочить бояръ дать приговоръ. Если думу нужно уполномочить давать приговоры, то, конечно, потому, что ей такое право не принадлежитъ. Итакъ, въ результатѣ получится не нераздѣльная и совмѣстная законодательная дѣятельность царя и думы, а

законодательная дѣятельность царя и, по указу царя, такая же дѣятельность думы.

«Полнота законодательной думы во время междуцарствія, говоритъ авторъ, всего больше указываетъ на думу, какъ на нормальный и постоянный элементъ законодательной власти, ибо во время междуцарствія дума не получала особыхъ полномочій регентства, а проявляла лишь въ отдѣльности и полнотѣ тѣ права, которыя принадлежали ей и при царяхъ» 140. Едвали. Отъ «боярской думы» въ междуцарствіе нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ «царской думѣ». Это два совершенно разныхъ учрежденія: одно — совѣтъ государя, другое—«бояре», дѣйствующіе безъ государя и потому самостоятельно. Бояре междуцарствія могли находиться въ нѣкоторой зависимости только отъ земскаго собора.

Въ заключеніе этой главы приведемъ мнѣнія западныхъ ученыхъ о соотвѣтствующихъ нашей думѣ учрежденіяхъ западно-европейскихъ государствъ.

Цёпфль въ своей исторіи нѣмецкаго права говоритъ: «Еще при Меровингахъ состоялъ при королевскомъ дворѣ тайный совѣтъ, въ который король призывалъ какъ высшихъ придворныхъ чиновъ (domestici), такъ и другихъ особъ, собственно совѣтниковъ (consiliarii) и графовъ, по своему усмотрѣнію» 424.

У Вайца, въ его обширной исторіи нѣмецкаго государственнаго устройства, о совѣтѣ Меровинговъ читаемъ слѣдующее: «Широкій кругъ выдающихся людей собирался около короля, а нѣкоторые изъ нихъ и жили съ нимъ во дворцѣ. (Тутъ были придворные чиновники и лица, привлеченныя ко двору только въ силу ихъ личныхъ отношеній къ королю; нѣкоторыя изъ нихъ занимали государственныя должности, другія служили церкви, третьи лично государю. Всѣ они одинаково назывались сановниками двора, придворными людьми, или слугами двора, дружиной

короля). Это среда, въ которой король живетъ и съ которой онъ ежедневно сообщается. Съ ними обсуждаются государственныя дѣла, съ ихъ помощью и чрезъ ихъ посредство объявляются и исполняются королевскіе рѣшенія и приказы. Всѣхъ ихъ въ совокупности мы могли бы назвать совѣтомъ короля, и въ памятникахъ встрѣчается, иногда, выраженіе, которое, по примѣру римскаго двора, обозначаетъ замкнутую коллегію довѣренныхъ совѣтниковъ (consistorium principis). Но въ Германіи отношенія были болѣе свободны, и нельзя не усмотрѣть въ этомъ учрежденіи особенностей нѣмецкаго характера. Здѣсь сидятъ слуги короля и его дружина и вслѣдствіе этого они обнаруживаютъ свое вліяніе и на политику. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно обозначаются совѣтниками короля, но иногда именно такіе, которые принадлежали къ дружинникамъ и однокашникамъ короля; опредѣленнаго же класса людей, изъ котораго назначались бы совѣтники, вовсе не было».

«Но уже съ самаго начала должна была обнаружиться въ этомъ своеобразномъ придворномъ мірѣ потребность возвышенія одного лица, которое заправляло бы всѣми отношеніями, ближе другихъ стояло къ королю и было его главнымъ совѣтникомъ. Маіордомы не сразу достигли преобладанія. Сначала выдающаяся роль при дворѣ не была связана ни съ одною изъ должностей, король выбиралъ изъ окружающихъ наиболѣе подходящаго человѣка и предоставлялъ ему положеніе, для котораго первоначально не было ни опредѣленнаго названія, ни опредѣленной сферы дѣятельности» *).

И въ слѣдующемъ томѣ, описавъ составъ двора Карла Великаго и его преемниковъ, Вайцъ продолжаетъ: «По крайней мѣрѣ высшіе изъ этихъ придворныхъ чиновъ были призываемы къ совѣщаніямъ о важнѣйшихъ дѣлахъ импе-

*) Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, 2 отд. II т., 3-ье изд., стр. 103; мѣсто въ скобкахъ принадлежитъ 1-му изд., II т. стр. 386.

ріи. Но кромѣ ихъ призывались и другіе выдающіеся люди государства и церкви. Но если раньше короли призывали въ свой совѣтъ совершенно свободно и безъ всякихъ постоянныхъ правилъ такихъ лицъ, которымъ они дарили свое особое довѣріе, то позднѣе по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ совѣтниковъ были въ это званіе особо избираемы и назначаемы. Кто получалъ такое назначеніе, назывался «совѣтникомъ» (consiliarius, а также consul, senator); этотъ титулъ стали присоединять и къ наименованію другихъ должностей. Одни изъ этихъ совѣтниковъ жили при дворѣ и назывались придворными совѣтниками (consiliarii aulici), другіе—призывались только въ такихъ случаяхъ, когда подлежали обсужденію особенно важныя дѣла».

«Приписываемый Карлу указъ говоритъ, что совѣтъ, данный въ интересахъ общаго блага, долженъ быть выслушанъ и принятъ во вниманіе; совѣтники же, блюдущіе только свои интересы, должны быть лишаемы этого званія. Въ званіе совѣтниковъ, говоритъ Гинкмаръ, избираются, по возможности, такіе люди, которые прежде всего боятся Бога и, кромѣ того, отличаются такою вѣрностью, что послѣ вѣчной жизни ничего не знаютъ выше короля и имперіи» *).

Въ сочиненіи Гомершама Кокса о системѣ англійскаго устройства и управленія находимъ слѣдующую картину англійскаго государственнаго совѣта.

«При норманскихъ короляхъ различали: consilium, magnum consilium и commune consilium. Изъ этихъ собраній первое составляло обыкновенный совѣтъ короля, который онъ самъ избиралъ и въ которомъ присутствовали: верховный судья, канцлеръ, судьи и другіе чиновники. Это былъ не только государственный совѣтъ, но и высшій судъ

*) Тамъ-же, томъ III, по 2-му изд., стр. 530 и сл.

(curia regis); онъ собирался нѣсколько разъ ежегодно. Magnum consilium былъ болѣе полный совѣтъ, который созывался въ чрезвычайныхъ случаяхъ; онъ состоялъ изъ выдающихся по положенію и состоянію лицъ королевства. Commune consilium — высшее законодательное учрежденіе»... 198.

«Устройство и дѣятельность этихъ совѣтовъ на основаніи древнихъ актовъ трудно распознать съ совершенною точностью» 199.

«Въ XIII вѣкѣ, еще до образованія палаты общинъ, графы и бароны во многихъ случаяхъ контролировали дѣятельность министровъ и совѣтниковъ короны. Такъ въ 1223 году, въ царствованіе Генриха III, они отказались явиться въ парламентъ и угрожали избрать другого короля, если Генрихъ III не перемѣнитъ своего канцлера и другихъ членовъ совѣта. Король уступилъ желанію прелатовъ и бароновъ и уволилъ своихъ совѣтниковъ... Въ 1258 году парламентъ, засѣдавшій въ Оксфордѣ, принялъ по отношенію къ государственному совѣту такую мѣру, которая лишала короля почти всей его власти. Король и бароны избирали коммиссію изъ 12 лицъ, на которую и перенесено было право назначать членовъ государственнаго совѣта. Эта коммиссія потомъ постановила, что верховный судья, канцлеръ, казначей и другіе чиновники назначаются изъ среды ея членовъ» 200.

«Въ XIV вѣкѣ было много случаевъ контроля парламента надъ дѣятельностью совѣтниковъ короны. Древнѣйшій случай касается Петра Гавестона. Эдуардъ I, по желанію парламента, который опасался интимныхъ отношеній Гавестона къ будущему королю, Эдуарду II, изгналъ этого царедворца изъ предѣловъ королевства. Эдуардъ II, по вступленіи на престолъ, возвратилъ его обратно. Но въ 5-мъ году царствованія этого короля, особая коммиссія, состоявшая изъ прелатовъ, графовъ, бароновъ, рыцарей и другихъ почтенныхъ особъ, произвела слѣдствіе о дѣятельности Петра Гавестона и нашла, что онъ давалъ королю

дурные совѣты и оказался виновенъ въ другихъ проступкахъ. Гавестонъ былъ приговоренъ къ пожизненному изгнанію» 201.

«Существенное измѣненіе въ составѣ совѣта произошло при Эдуардѣ III. Съ этого царствованія въ составъ совѣта назначались только свѣтскіе люди. Въ 1371 году общины въ петиціи королю указывали на то, что еще предшествовавшій парламентъ обращалъ вниманіе государя на большой вредъ, проистекавшій изъ того, что правительство королевства долгое время находилось въ рукахъ духовенства; общины просили, чтобы въ должности канцлера, казначея и другія назначались только способные свѣтскіе люди. Король отвѣчалъ: «по выслушаніи заключенія своего совѣта, онъ обсудитъ это дѣло». Вскорѣ затѣмъ король назначилъ на должность канцлера и казначея свѣтскихъ лицъ» 203.

«Съ половины XV вѣка прекращается на долгое время вмѣшательство парламента въ дѣятельность королевскаго совѣта. Въ теченіе всего времени Тюдоровъ не встрѣчаемъ никакихъ обвиненій совѣтниковъ короля со стороны общинъ; это дѣйствительнѣйшее средство для удержанія министровъ въ должныхъ границахъ болѣе не примѣняется, совѣтъ короля въ силу незаконныхъ притязаній и крайняго расширенія вѣдомства Звѣздной палаты (коммиссія совѣта) достигъ значительнаго распространенія своей судебной и законодательной власти» 209.

«...По смерти Елизаветы, ея преемникъ, Яковъ I, удержалъ ея важнѣйшихъ совѣтниковъ въ ихъ должности, и въ первое время его царствованія за государственнымъ совѣтомъ признавалась его важная функція, давать совѣтъ коронѣ въ государственныхъ дѣлахъ. Но потомъ обязанность давать коронѣ совѣты сдѣлалась монополіей любимцевъ, назначаемыхъ въ должности министровъ; остальные члены государственнаго совѣта къ совѣту не приглашались. Однимъ изъ основаній къ обвиненію общинами въ 1626 году герцога Букингамскаго послужило то, что онъ, при Яковѣ I

и Карлѣ I, соединялъ въ своемъ лицѣ множество государственныхъ должностей. Такъ какъ король имѣетъ достаточно мудрыхъ и достойныхъ слугъ, то общины выразили желаніе, чтобы онъ съ ними совѣщался, а не давалъ руководить собою какому-нибудь одному юному совѣтнику» 212.

«Обвиненіе герцога Бугингамскаго замѣчательно тѣмъ, что послѣ долгаго перерыва оно является первымъ случаемъ новаго преслѣдованія министра за данный коронѣ совѣтъ» 213.

«Совѣтъ кабинета, т.-е. тѣснаго собранія только такихъ членовъ государственнаго совѣта, которые были главными совѣтниками короны, впервые упоминается подъ этимъ именемъ въ царствованіе Карла I, хотя несомнѣнно, что во все время существованія государственнаго совѣта государи всегда избирали его отдѣльныхъ членовъ въ свои главные совѣтники. Кларендонъ, обсуждая событія времени процесса противъ графа Страфорда (1640—41), говоритъ, что тогда было въ обычаѣ назначать въ государственный совѣтъ много лицъ не высокихъ качествъ для того только, чтобы оказать имъ честь. Вслѣдствіе этого число совѣтниковъ такъ возросло, что, по ихъ многочисленности и также по неспособности многихъ изъ нихъ, приходилось составлять особыя коммиссіи изъ способныхъ людей для дѣйствительнаго участія въ разныхъ дѣлахъ» 214.

«Во всеподданнѣйшей петиціи и представленіи обѣихъ палатъ парламента съ 19-ю предложеніями, поданными Карлу I въ 1642 году, первое предложеніе заключалось въ томъ, чтобы лица, непріятныя обѣимъ палатамъ, не назначались въ государственный совѣтъ. Во второмъ предложеніи было выражено желаніе, чтобы никакой публичный актъ по дѣламъ королевства, относящимся къ компетенціи государственнаго совѣта, не считался обязательнымъ и исходящимъ отъ короля, если онъ не былъ постановленъ по опредѣленію большинства членовъ совѣта и если это не засвидѣтельствовано ихъ подписью. Въ составѣ государственнаго совѣта должно быть не менѣе 15 членовъ и не болѣе 25. На эти предложенія король отвѣчалъ: онъ нена-

ходитъ причины увольнять своихъ совѣтниковъ потому только, что они иначе думаютъ, чѣмъ члены парламента; второе предложеніе лишаетъ его королевской власти и переноситъ ее на новыхъ членовъ совѣта, оставляя за нимъ только равное съ ними право голоса. — Нельзя отрицать, что, еслибы эти предложенія были приведены въ исполненіе, основы государственнаго устройства измѣнились бы и исполнительная власть перешла бы къ законодательному собранію» 215.

«...Вообще принималось, что ни одинъ членъ государственнаго совѣта не участвовалъ въ его засѣданіяхъ, если онъ къ тому не былъ приглашонъ» 217.

«Галламъ замѣчаетъ: Въ правленіе Вильгельма различіе между кабинетомъ и государственнымъ совѣтомъ и устраненіе послѣдняго отъ государственныхъ дѣлъ сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи... Это имѣло прискорбныя послѣдствія съ точки зрѣнія отвѣтственности совѣтниковъ короны. Въ то самое время, когда контролирующая и карающая власть парламента была признана въ весьма широкихъ размѣрахъ, она могла быть молчаливо устраняема таинственностью, за которой скрывались дѣйствія, подлежавшія контролю парламента. Такъ въ случаѣ заключенія международнаго договора, который парламентъ нашелъ бы гибельнымъ и унизительнымъ, канцлеръ подвергся бы отвѣтственности, потому что онъ долженъ былъ приложить къ акту большую печать; но очень сомнительна возможность подвергнуть обвиненію съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ перваго лорда казначейства и другихъ особъ, которые, однако, къ дѣламъ иностранныхъ сношеній стояли гораздо ближе канцлера» 218.

«При Вильгельмѣ III кабинетъ, эта вѣтвь государственнаго совѣта, былъ такъ же организованъ, какъ и при ближайшихъ его предшественникахъ, т.-е. онъ составлялся изъ членовъ совѣта, отъ которыхъ вовсе не требовалось единства политическихъ убѣжденій» 219.

«Георгъ III совѣщался съ любимцами, которые даже не

были его министрами, но составляли нѣчто въ родѣ тайнаго его кабинета»... Перемѣна министровъ происходила не въ силу неблагопріятнаго для нихъ голосованія въ парламентѣ, а въ силу желанія короля отдѣлаться отъ непріятныхъ ему людей. Эта система при Георгѣ IV продолжалась въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ. Первый случай перемѣны министровъ по причинѣ неблагопріятнаго для нихъ парламентскаго голосованія относится къ 1782 году. Этотъ случай представляетъ переломъ въ исторіи кабинета. Со времени революціи, это первый случай полной смѣны министерства, благодаря измѣненію, происшедшему въ положеніи парламентскихъ партій» *).

Мнѣнія Кокса не представляютъ ничего исключительнаго; та же точка зрѣнія проводится и у Глассона.

О времени, непосредственно послѣдовавшемъ за норманскимъ завоеваніемъ, онъ говоритъ: «Хроники и авторы того времени сообщаютъ намъ, что короли созывали на совѣтъ большихъ господъ и епископовъ... Съ точки зрѣнія законодательной члены этихъ собраній не имѣли никакой власти въ собственномъ смыслѣ слова: они давали только свое мнѣніе, если король его спрашивалъ, и ничто не обязывало короля слѣдовать этому мнѣнію» **).

О государственномъ совѣтѣ времени сліянія саксовъ съ норманами у Глассона читаемъ: «Только небольшое число господъ постоянно и періодически засѣдало въ большомъ совѣтѣ. Но иначе и не могло быть. Никакой законъ не опредѣлялъ состава большого совѣта, слѣдуя же началамъ норманскаго права, представлялось совершенно натуральнымъ, что король могъ призывать на совѣтъ, кого хотѣлъ. Государи призывали обыкновенно особыми повѣстками (writs) такихъ лицъ, которыя представляли имъ наиболѣе

*) Стр. 223. Приведенныя мѣста взяты со страницъ нѣмецкой передѣлки Кокса—Kühne, Die Staatseinrichtungen Englands, 1867.

**) Glasson, Histoire du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre comparés au droit et aus institutions de la France depuis leur origine jusqu'a nos jours. 1882. II, 157, 158.

гарантіи или по причинѣ обширности своихъ владѣній, или по причинѣ своей преданности, или, наконецъ, по причинѣ особыхъ талантовъ, обнаруженныхъ въ дѣлахъ внутренняго управленія и на полѣ битвы» III, 94.

Въ IV томѣ, обнимающемъ время съ Эдуарда III до Генриха VIII, Глассонъ говоритъ: «Для рѣшенія всякихъ дѣлъ король имѣетъ при себѣ совѣтъ, съ которымъ онъ можетъ всегда совѣщаться, не будучи никогда связанъ его мнѣніемъ... Тайный совѣтъ есть часть большого совѣта; онъ образовался, главнымъ образомъ, въ малолѣтство Ричарда II; это былъ болѣе интимный совѣтъ, который разсуждалъ о государственныхъ дѣлахъ» 74.

«Парламентъ съ очень уже древняго времени стремится оказывать вліяніе на назначеніе тайныхъ совѣтниковъ, но не успѣваетъ оспорить абсолютное право короля назначать ихъ. Государи заботились, однако, о томъ, чтобы назначаемые ими совѣтники нравились парламенту» 75.

«Тайный совѣтъ засѣдалъ обыкновенно въ присутствіи короля. Разсужденія касались дѣлъ короля, доменовъ, суда. Такъ какъ компетенція тайнаго совѣта никогда не была точно опредѣлена, то онъ позволялъ себѣ дѣйствія, которыя разсматривались, какъ нарушеніе власти парламента. Совѣтъ обѣщалъ не нарушать порядка суда, опредѣленнаго common law, но не исполнялъ своихъ обѣщаній. При отсутствіи точныхъ правилъ совѣтъ вѣдаетъ самыя разнообразныя дѣла, уголовныя и гражданскія, большія и маленькія».

«Послѣ революціи вся власть тайнаго совѣта переходитъ къ кабинету» V, 415.

Въ заключеніе приведемъ мнѣніе Шеффнера о совѣтѣ французскихъ королей *). «Король, говоритъ онъ, соеди-

*) Schaeffner, Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs von Hugo Capet bis auf die Revolution. 1859. II, стр. 324 и слѣд.

нялъ въ своей особѣ высшую власть, поэтому, состоявшій при немъ совѣтъ представлялъ высшее правительственное учрежденіе. По примѣру всѣхъ феодальныхъ господъ, уже первые Капетинги окружили себя совѣтомъ. Съ цѣлью обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, они собирали вокругъ себя принцевъ крови, высшихъ сановниковъ церкви, выдающихся вассаловъ, первыхъ придворныхъ чиновъ и другихъ лицъ, пользовавшихся ихъ довѣріемъ (consilium regium). Вѣдомство этого совѣта въ началѣ было всеобъемлющимъ; тѣ же лица, которыя составляли этотъ тайный совѣтъ, могли при случаѣ дѣйствовать въ качествѣ высшей судебной инстанціи. Только съ теченіемъ времени обособились отдѣльныя власти. Съ одной стороны образовался парламентъ, какъ высшій судъ; въ противоположность къ нему, съ начала XIV вѣка, государственный совѣтъ спеціализовался въ качествѣ административнаго учрежденія. Но и въ XIV вѣкѣ это дѣленіе не было проведено окончательно. Каждое учрежденіе стремилось къ преобладанію. Совѣтъ домогался господства надъ парламентомъ, парламентъ—надъ совѣтомъ. Въ царствованіе великаго организатора, Филиппа IV, появляется рядъ указовъ, которые точнѣе опредѣляютъ дѣятельность совѣта. Весьма скоро въ немъ начинаетъ преобладать бюрократическій характеръ; большіе господа и сановники церкви исчезаютъ; въ немъ остаются почти исключительно смѣняемые совѣтники: высшіе чиновники, ученые юристы и администраторы. Однако, нѣкоторое время господствовала еще такая неопредѣленность, что въ составъ совѣта призывалась не только значительная часть членовъ парламента, но и цѣлый парламентъ въ полномъ своемъ составѣ. Вѣдая дѣла высшаго управленія, совѣтъ, однако, вмѣшивался и въ отправленіе правосудія. Недовольные рѣшеніемъ своихъ тяжбъ въ парламентѣ добивались пересмотра ихъ въ совѣтѣ; эти домогательства весьма облегчались разрѣшительными королевскими письмами (literae ad proponendum errores)... Съ теченіемъ времени безпорядочность приняла вопіющіе раз-

мѣры. Сословія Тура (1484) горько жаловались на то, какъ вовсе непризванныя лица проникали въ засѣданія совѣта, чтобы вліять на его рѣшенія. Къ юрисдикціи совѣта такъ привыкли, что сословія не столько были недовольны этимъ расширеніемъ его компетенціи, сколько неопредѣленнымъ составомъ, и выражали желаніе, чтобы судебная функція была предоставлена особой секціи совѣта. Это и было сдѣлано: указы Карла VIII и Людовика XII организовали такъ-называемый большой совѣтъ, который дѣйствовалъ въ качествѣ верховнаго суда. Высшее же управленіе государствомъ продолжало сосредоточиваться въ совѣтѣ короля или государственномъ совѣтѣ, который распался на нѣсколько отдѣленій. Во второй половинѣ XVI в. государственный совѣтъ получилъ такую организацію, которая удержалась, въ существенныхъ чертахъ, до революціи. Совѣтъ состоялъ изъ 5 отдѣленій. Одно отдѣленіе вѣдало иностранныя дѣла (conseil des affaires étrangères, conseil d'en haut, или просто conseil d'état). Оно состояло изъ небольшого числа членовъ; король обыкновенно руководилъ преніями. Для внутреннихъ дѣлъ существовалъ conseil des dépêches, названный такъ по формѣ своихъ распоряженій. Здѣсь также король лично присутствовалъ. Членами были: канцлеръ, государственные секретари и генералъ-контролеръ финансовъ. Министры имѣли сюда также доступъ, а также и тѣ совѣтники короля, которыхъ онъ особенно сюда назначалъ. Для финансовъ существовалъ conseil royal des finances. Членами были канцлеръ, министры и тѣ изъ государственныхъ совѣтниковъ, которыхъ король назначалъ въ это отдѣленіе» и т. д.

Мы познакомились съ историческими судьбами государственнаго совѣта въ нашемъ отечествѣ, въ Германской имперіи, въ Англіи и во Франціи. Несмотря на все различіе быта этихъ государствъ, государственный совѣтъ вездѣ имѣетъ тѣ же характерныя черты. Это не совѣтъ самъ по

себѣ, совѣтъ господъ или дума бояръ, какъ любятъ у насъ говорить, а совѣтъ государя, у насъ—князя, на западѣ—короля. Онъ составляется по волѣ государя. Нигдѣ нѣтъ разряда лицъ, которыя имѣли бы право, въ силу принадлежности къ извѣстному классу, сидѣть въ совѣтѣ государя. Въ этомъ совѣтѣ сидятъ только тѣ лица, которыхъ государь къ тому призываетъ. Въ силу этого составъ совѣта постоянно колеблется. Вездѣ различается большой совѣтъ и малый (тайный, близкій); послѣдній, какъ состоящій изъ интимныхъ людей, вездѣ вытѣсняетъ первый. Малый совѣтъ легко переходитъ въ совѣтъ одного только любимца. Вотъ почему и о королевскихъ совѣтахъ Западной Европы, можно сказать, что это не столько совѣты въ качествѣ учрежденій съ постояннымъ составомъ, сколько отдѣльные совѣтники. Любимцы совѣтники могутъ, конечно, оказывать большое вліяніе на дѣла, но это не въ силу принадлежащаго имъ права, а въ силу нравственнаго вліянія на государя; съ точки же зрѣнія права они только совѣты даютъ, когда ихъ о томъ спрашиваютъ, и ни малѣйшимъ образомъ не связываютъ государя своими мнѣніями. Поэтому, не можетъ быть никакой рѣчи о ихъ самостоятельномъ участіи не только въ законодательствѣ, но и въ судѣ и управленіи. Если они судятъ, управляютъ, участвуютъ въ законодательствѣ, то только по порученію государя.

Приведенные нами историки, имѣя дѣло исключительно съ обычаями одной какой-либо страны, думаютъ, что изображенныя ими явленія составляютъ національную особенность изучаемаго ими народа. Такъ думаетъ Вайцъ (468) и даже Глассонъ (474). Сдѣланное нами сравненіе показываетъ, что указанныя ими черты свойственны не только германскому или норманскому праву, а и русскому въ силу того общаго закона, по которому однѣ и тѣ же причины вездѣ приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ.

Чрезвычайно любопытныя точки соприкосновенія наблюдаются между нашими и—кто бы подумалъ? — англійскими порядками. У насъ было много лицъ, удостоенныхъ званія

думнаго чина, но не всѣ они были совѣтниками своихъ государей. То же и въ Англіи. Многія изъ этихъ лицъ удостоивались у насъ высшаго званія думнаго человѣка вовсе не по достоинству своему и не за заслуги, а единственно для почета. То же и въ Англіи. Каррикатурное описаніе засѣданія государевой думы, оставленное намъ Котошихинымъ, не составляетъ нашей національной особенности. И въ Англіи были такіе члены королевскаго совѣта, которые, говоря словами Котошихина, брады свои уставя, ничего не могли отвѣтить на вопросы короля, потому что жаловались въ это званіе не поразуму ихъ, а по великой породѣ. Для глупости человѣческой, составляющей такую значительную примѣсь ко всѣмъ нашимъ дѣламъ, какъ частнымъ, такъ и общественнымъ, не мало было мѣста и на Западѣ.

Въ Англіи права парламента были уже въ XIII вѣкѣ признаны и онъ тогда уже вступилъ въ борьбу съ королевскою властью. Желая вліять на ходъ управленія, парламентъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью королевскихъ совѣтниковъ и въ случаѣ дурныхъ совѣтовъ или нарушенія ими законовъ возбуждалъ противъ нихъ обвиненія. Въ половинѣ XVII вѣка парламентъ представилъ Карлу I предложенія съ цѣлью низвести его въ положеніе предсѣдателя своего совѣта, который долженъ былъ рѣшать дѣла по большинству голосовъ. Права нашихъ земскихъ соборовъ никогда не были формально признаны, тѣмъ не менѣе они оказывали постоянную поддержку московскимъ государямъ и ни въ какую борьбу съ ними не вступали. Но и у насъ нашлись элементы, вступившіе въ борьбу съ московскими царями. Это были ближайшіе ихъ совѣтники, избранная царская рада. Борцы были разные; но цѣль борьбы въ Англіи и у насъ—одна и та же, ограниченіе произвола государя; средство противъ произвола тоже общее намъ и Англіи: подчиненіе государя большинству своего совѣта. Но въ Англіи послѣднее слово должно было принадлежать парламенту, у насъ—этому самому совѣту, временно захва-

тившему царя въ свои руки. Иванъ Грозный и Карлъ I совершенно одинаково поняли начатую противъ нихъ борьбу и въ одинъ голосъ отвѣтили, что они не хотятъ снизойти до роли предсѣдателя своего совѣта и что въ сдѣланныхъ имъ предложеніяхъ, они усматриваютъ попытку лишить ихъ правъ принадлежащей имъ царской и королевской власти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Духовенство

Русскіе славяне за долго до принятія христіанства поклонялись перуну, волосу, хорсу и другимъ языческимъ богамъ. Надо думать, что были и служители этихъ боговъ; но наши свѣдѣнія о нихъ крайне скудны, и мы не можемъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія объ отношеніяхъ свѣтской власти къ представителямъ вѣры въ до христіанское время. Рѣчь можетъ идти только объ отношеніяхъ свѣтской власти къ представителямъ православной церкви.

Наши предки приняли христіанскую вѣру отъ грековъ. Фактъ происхожденія русской церкви отъ греческой, естественно, установилъ зависимость первой отъ второй: русская церковь состояла подъ властью константинопольской іерархіи. Греческое духовенство принесло къ намъ готовыя уже воззрѣнія на отношенія церкви къ государству. Воззрѣнія эти могли видоизмѣниться въ новой средѣ, но знакомство съ ними во всякомъ случаѣ необходимо для пониманія того порядка, который возникъ у насъ.

Христіанство, при своемъ возникновеніи, создало церковь

независимую отъ государства. Въ первые три вѣка церковь эта существовала на перекоръ волѣ государства. Она не только не была признана свѣтской властью, она была гонима ею, и тѣмъ не менѣе христіанское ученіе распространялось и побѣждало міръ.

Съ принятіемъ христіанства Константиномъ В. христіанская церковь признается въ Византійской имперіи государственной и изъ гонимой становится господствующей. Константинъ В. предписываетъ устраивать христіанскіе храмы и запрещаетъ приносить жертвы старымъ богамъ. Импер. Ѳеодосій В. издаетъ эдиктъ о равномъ достоинствѣ и святомъ тріединствѣ Отца и Сына и святаго Духа и рядъ законовъ, которыми храмы языческіе конфискуются, изображенія языческихъ боговъ расплавливаются, а принесеніе имъ жертвъ воспрещается подъ страхомъ наказанія, какъ за преступленіе величества. Эту политику утвержденія христіанской вѣры путемъ указовъ продолжаетъ и импер. Юстиніанъ. Въ первый годъ царствованія онъ издаетъ эдиктъ, въ которомъ осуждаетъ мнѣнія Несторія, Евтихія и Аполинарія и предписываетъ признавать православное ученіе о св. Троицѣ. Эдиктъ оканчивается угрозой всѣмъ иначе думающимъ: какъ еретики, они будутъ подвергнуты наказанію. Позднѣе императоръ предписываетъ признавать постановленія первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ и догматъ о двухъ естествахъ въ І. Христѣ. Всѣ иначе думающіе лишаются права занимать общественныя должности, получать наслѣдство и дѣлать завѣщанія, составлять собранія и отправлять богослуженіе; имущество ихъ конфискуется. Юстиніанъ призналъ за церковными законами такую же силу, какая принадлежитъ государственнымъ законамъ. «Что запрещается священными канонами, то запрещается и нашими законами», говоритъ его конституція 530 г.

Если Византійское государство предписываетъ признавать догматы православной церкви и уравниваетъ ея каноны со своими законами, то оно составляетъ съ церковью какъ бы одно цѣлое. Слѣдствіемъ этого единства государства и церк-

ви является то, что не принадлежащіе къ православной церкви, хотя бы это были и люди, вѣрующіе во Христа, не могутъ принадлежать и къ государственному союзу: они лишаются политическихъ и гражданскихъ правъ *).

Что это за форма слитія двухъ организмовъ въ одно новое цѣлое? Въ этомъ новомъ цѣломъ одинаково ли представлены интересы обоихъ организмовъ, или дано предпочтеніе одному на счетъ другого?

Государство и церковь два совершенно разныхъ учрежденія по задачамъ и образу дѣйствія. Церковь имѣетъ дѣло съ внутреннимъ человѣкомъ, съ его совѣстью, по отношенію къ которой акты принужденія не могутъ примѣняться. Государство имѣетъ дѣло съ внѣшними проявленіями человѣческой воли и можетъ дѣйствовать принудительно; внутренній міръ человѣка, его вѣра, вопросы о томъ, какіе догматы онъ признаетъ, какіе отрицаетъ,—не входятъ въ область вѣдѣнія свѣтской власти. Подданными одного и того же государства одинаково могутъ быть и несторіяне, и монофизиты, и православные, лишь бы они подчинялись существующему государственному порядку. Разновѣрующіе не могутъ быть членами одного и того же церковнаго общенія, у нихъ не можетъ быть общаго епископа, а императоръ можетъ быть общій. Дѣлая извѣстное вѣроисповѣданіе условіемъ юридической правоспособности, императоръ становился слугою церкви и подчинялъ ей государство. Путемъ миропомазанія духовенство пріобщало императора къ священству и, такимъ образомъ, вводило его въ свою среду. Императоръ разсматривался, какъ Богомъ поставленный «внѣшній епископъ». Въ религіозныхъ процессіяхъ онъ имѣлъ на себѣ облаченіе, подобное архіерейскому, благословлялъ народъ и принималъ даже нѣкоторое активное участіе въ бо-

*) Gasquet, De l'autorité impériale en matière religieuse a Byzance, 1879, стр. 132, утверждаетъ, что къ отлученнымъ отъ церкви примѣнялась aquae et ignis interdictio, столь употребительная въ понтификальномъ правѣ языческаго Рима.

гослуженіи *). За императорами признавалось и право поучать народъ благочестію и истинамъ вѣры **).

*) Во время совершенія литургіи императоръ два раза принималъ участіе въ священныхъ дѣйствіяхъ. При маломъ и великомъ входѣ онъ вступалъ въ алтарь чрезъ царскія врата вслѣдъ за патріархомъ, прикладывался къ покрову св. престола, кадя обходилъ его съ патріархомъ; потомъ со свѣчею въ рукахъ молился предъ св. распятіемъ, прикладывался къ нему, бралъ у патріарха кадило и кадилъ св. распятію. Въ праздникъ Крестовоздвиженія императоръ участвовалъ въ обрядѣ подъятія св. креста, входилъ чрезъ царскія врата въ алтарь, прикладывался, кадилъ и т. д. Въ великую субботу участвовалъ въ переодѣваніи св. престола. Пріобщался св. тайнъ императоръ не какъ міряне, а какъ священники, отдѣльно тѣла и крови Христовой. Д. Ѳ. Бѣляевъ, Ежегодные пріемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX и X в. 1893. Глава V и VII. Суворовъ, курсъ церковнаго права, 1889. I. 63. 283.

Несмотря на то, что императорамъ не принадлежали всѣ права священства и они не могли совершать таинствъ, тѣмъ не менѣе и они сами, и духовные сановники считали ихъ священниками. Соборъ 448 г. въ Константинополѣ привѣтствовалъ Ѳеодосія II, какъ первосвященника и императора. Папа Левъ писалъ тому же императору: «Церковь радуется, видя въ васъ соединеніе царства и священства». Онъ же импер. Льву: «Твоя душа священника и апостола должна оскорбляться бѣдствіями, претерпѣваемыми константинопольскою церковью». Импер. Левъ иконоборецъ писалъ папѣ Григорію: «Развѣ ты не знаешь, что я священникъ и царь?» На это папа отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія, Константинъ, Ѳеодосій, Валентиніанъ, Юстиніанъ—были царями и священниками. Они доказали это своими дѣяніями... Но ты съ момента вступленія на престолъ постоянно доказывалъ незнаніе каноновъ, ты опустошилъ церкви...» Итакъ, и папа Григорій не отрицаетъ священства императоровъ, онъ не можетъ только признать въ этомъ званіи импер. Льва иконоборца. Суворовъ 63, Gasquet 50.

**) Въ первый понедѣльникъ великаго поста императоръ, обыкновенно, дѣлалъ наставленіе сановникамъ и представителямъ народа о томъ, какъ надо проводить св. четыредесятницу, и поучалъ ихъ проводить ее въ «чистотѣ и страхѣ Божіемъ». По окончаніи поученія онъ трижды осѣнялъ народъ крестнымъ знаменіемъ. Д. Ѳ. Бѣляевъ, тамъ же, стр. 250 сл. Никита Хоніатъ указавъ на то, что импер. Мануилъ Комненъ стремился быть не погрѣшимымъ судіей Божескихъ и человѣческихъ дѣлъ, продолжаетъ: «Онъ не только писалъ краснорѣчивыя посланія, но и сочинялъ огласительныя слова, которыя назывались се-

Какъ помазанники Божіи, они были обязаны покровительствовать церкви и блюсти церковные порядки.

Но какъ подданные почитались принадлежащими къ церкви и государству лишь до тѣхъ поръ, пока они вѣрили по православному, такъ и императоры. Въ случаѣ уклоненія ихъ отъ православія, духовенство вступало съ ними въ борьбу и даже предавало ихъ анаѳемѣ.

Согласно съ этимъ, византійское духовенство считаетъ себя въ правѣ удостовѣряться въ православіи императора, а императоры считаютъ себя обязанными доказывать свое православіе. Въ 491 г., по смерти императора Зенона, сенатъ и народъ провозгласили императоромъ силенціарія Анастасія. Патріархъ Евѳимій, еще при жизни покойнаго импер. Зенона, подозрѣвавшій Анастасія въ томъ, что онъ раздѣлялъ ученіе Евтихія, воспротивился вступленію его на престолъ, обозвалъ новоизбраннаго еретикомъ, недостойнымъ управлять христіанами, и отказался вѣнчать его на царство. Вѣнчаніе состоялось только послѣ того, какъ Анастасій далъ патріарху письменное исповѣданіе вѣры и клятвенное обѣщаніе ничего не измѣнять въ православной церкви. Въ 514 году римскій папа, съ своей стороны, также потребовалъ отъ Анастасія исповѣданіе вѣры. Императоръ удовлетворилъ и его, отправивъ къ нему исповѣданіе, составленное въ духѣ православія.

Императоры, нетвердые въ православіи, возбуждали противъ себя не только духовенство, но и народъ, принимав

ленціями. Русск. переводъ, I, 271 и сл. Ѳ. Кургановъ на 83 стр. своего сочиненія объ Отношеніяхъ между церковью и гражданскою властью въ Византійской имперіи, 1880, приводитъ по этому вопросу слѣдующія мнѣнія византійскихъ ученыхъ и канонистовъ. «Вальсамонъ говоритъ: императоры и патріархи обладаютъ званіемъ учителей ради силы ихъ св. помазанія, потому что отсюда происходитъ власть вѣрующихъ государей учить христіанскій народъ и воскурять ѳміамъ, подобно священникамъ. Іоаннъ Киннамъ говоритъ, что изслѣдовать божественную природу есть дѣло никому другому несвойственное, кромѣ учителей и лучшихъ іереевъ да царей, ради ихъ достоинства».

шій горячее участіе въ догматическихъ спорахъ. Императоръ Василискъ, раздѣлявшій мнѣнія монофизитовъ, издалъ посланіе, въ которомъ православные усмотрѣли отступленіе отъ постановленій халкидонскаго собора. Все населеніе Константинополя пришло въ движеніе. Патріархъ Акакій, видя враждебное царю возбужденіе народа и полагаясь на его силу, покрылъ трауромъ алтарь св. Софіи, самъ облекся въ трауръ и торжественно съ церковнаго амвона объявилъ императора еретикомъ. Сторону патріарха принялъ и знаменитый святостью жизни отшельникъ Даніилъ. Собравъ множество единомысленныхъ монаховъ, онъ отправился въ лагерь императора и тамъ публично изобличалъ его неправославіе. Столкновеніе это кончилось тѣмъ, что императоръ былъ вынужденъ написать новое посланіе, въ которомъ осудилъ монофизитство и другія несогласныя съ православіемъ ученія, какъ ереси. Импер. Анастасій, несмотря на данное патріарху Евфимію письменное исповѣданіе вѣры, въ дѣйствительности раздѣлялъ мнѣнія монофизитовъ и принималъ мѣры къ ослабленію постановленій халкидонскаго собора. Вслѣдствіе этого, между нимъ и преемникомъ Евфимія, патр. Македоніемъ, возникло разномысліе, и императоръ сталъ порицать патріарха. Опасность, угрожавшая постановленіямъ халкидонскаго собора, вызвала возстаніе въ населеніи Константинополя, гдѣ преобладали православные. Народъ, руководимый монахами, выступилъ на защиту патріарха, поносилъ императора именемъ еретика и кричалъ, что онъ недостоинъ царствовать. Устрашенный императоръ обратился къ помощи поруганнаго имъ патріарха, который остался, однако, при своемъ мнѣніи и продолжалъ обличать императора въ неправославіи. Анастасій снова уступилъ и снова обѣщалъ мыслить по православному.

Не всегда оказывался православнымъ и императоръ Юстиніанъ, такъ много сдѣлавшій для утвержденія православія. Онъ издалъ «Исповѣданіе вѣры», направленное противъ «трехъ главъ», т.-е. мнѣній трехъ епископовъ, заявившихъ себя на третьемъ вселенскомъ соборѣ въ нѣкоторой степе-

ни солидарными съ мнѣніями Несторія. Восточные епископы, за небольшими исключеніями, приняли эдиктъ императора. Иначе отнеслись къ нему западные. Они усмотрѣли въ немъ порицаніе халкидонскаго собора и отказались послѣдовать за императоромъ. Представитель западнаго духовенства, папа Вигилій, не зналъ, на что рѣшиться и былъ то противъ императора, то присоединялся къ его исповѣданію. Въ этихъ колебаніяхъ Вигилія былъ такой моментъ, когда онъ произнесъ отлученіе отъ апостольскаго престола всякому, кто признаетъ «Исповѣданіе вѣры» императора, а слѣдовательно и самому императору. Эти разногласія рѣшено было, по соглашенію императора съ Вигиліемъ, внести на разрѣшеніе пятаго вселенскаго собора, созваннаго въ Константинополѣ. Въ виду незначительнаго числа западныхъ епископовъ, прибывшихъ въ Константинополь, папа, несмотря на всѣ приглашенія императора, отказался прибыть въ засѣданіе собора. Пятый вселенскій соборъ одобрилъ произнесенное императоромъ осужденіе «трехъ главъ», но западные епископы не присоединились къ нему и послѣ собора. Они стали собирать мѣстные соборы, на которыхъ высказывались въ пользу мнѣнія папы Вигилія, осуждавшаго «Исповѣданіе» императора и составленнаго для прочтенія на соборѣ, но отвергнутаго императоромъ и на соборѣ не читаннаго.—Въ годъ своей смерти импер. Юстиніанъ заготовилъ эдиктъ о нетлѣнности тѣла Христова. На этотъ разъ мнѣніе его не нашли православнымъ и восточные епископы. Константинопольскій патріархъ Евтихій, которому первому императоръ предложилъ свой эдиктъ къ подписанію, нашелъ мнѣніе императора еретическимъ, отказался подписать эдиктъ и долго обличалъ автора его въ неправославіи. Особенно энергическаго противника нашелъ императоръ въ антіохійскомъ епископѣ Анастасіи, мнѣніемъ котораго весьма дорожило восточное духовенство. На обращенные къ нему вопросы онъ всѣмъ доказывалъ, что тѣло Господа подвержено было тлѣнію, что именно такъ думали божественные апостолы и богоносные отцы, ежедневно сталъ прочитывать въ церкви

изреченіе апостола: «Аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ», хотя бы то былъ ангелъ съ небеси. Смерть императора прекратила это новое разногласіе *).

Съ согласія императоровъ церковь подняла руку и на ихъ право законодательствовать: халкидонскій соборъ объявилъ неимѣющими силы императорскіе законы, противорѣчащіе канонамъ.

Императору, какъ покровителю церкви и блюстителю ея интересовъ, принадлежало широкое право участія въ управленіи церковными дѣлами. Это тоже не всегда нравилось византійскому духовенству. Импер. Никифоръ Фока издалъ указъ, по которому ни одно церковное дѣло не должно быть рѣшаемо вопреки волѣ императора. Патріархъ Поліевктъ потребовалъ отъ преемника Фоки отмѣны этого указа и только тогда короновалъ Іоанна Цимисхія на царство, когда тотъ согласился на его требованіе **).

Приведенные нами факты свидѣтельствуютъ о существованіи въ Византіи элементовъ чистѣйшей теократіи. Новая церковь слилась съ государствомъ, но не на равныхъ правахъ: она подчинила его себѣ и явилась господствующею въ новомъ христіанскомъ мірѣ. Иначе и быть не могло. Новыя отношенія между государствомъ и церковью слагались въ такое время, когда религіозный интересъ охватывалъ всего человѣка. Все населеніе Византійской имперіи, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, съ страстнымъ увлеченіемъ относилось къ догматическимъ вопросамъ вѣры и принимало горячее участіе въ ихъ рѣшеніи. Императоры не могли отрѣшиться отъ окружающей ихъ среды и были захвачены потокомъ религіозныхъ разномыслій, защищаемыхъ съ фанатическимъ ожесточеніемъ. Въ періодъ сложенія каѳолической христіанской догмы человѣческая мысль была отвлечена отъ временныхъ

*) Кургановъ, 616 сл., 710 сл.

**) Суворовъ, Курсъ церковн. права. I, 283. Сокольскій, О характерѣ и значеніи Эпанагоги, Византійскій временникъ. 1894. Стр. 37.

и преходящихъ вопросовъ жизни въ область вѣчнаго и неизмѣннаго. Этому полету мысли въ область неземного должно было подчиниться и государство, давъ первенство вопросамъ духовнаго міра надъ своими земными интересами. Такое состояніе человѣчеству необходимо было пережить. Изъ немногихъ приведенныхъ нами примѣровъ достаточно видно, насколько подчиненіе государства церкви унижало свѣтскую власть и какими бѣдствіями угрожало оно народному благу и общественному спокойствію *).

Но приведенными чертами теократизма не исчерпывается практика отношеній государства къ церкви въ Византіи. Византійскіе императоры были преемниками римскихъ и въ нихъ нерѣдко съ полною силою оживало самовластіе ихъ царственныхъ предшественниковъ. Руководимые требованіями личныхъ вкусовъ и подчиняясь вліянію окружающихъ лицъ, они деспотически распоряжались дѣлами церкви, нисколько не стѣсняясь признанными ими въ силѣ законовъ церковными канонами. Они замѣщали по своему усмотрѣнію епископскія каѳедры, перемѣщали епископовъ изъ одного діэцеза въ другой, низводили ихъ съ каѳедры, заключали въ тюрьму и предавали анаѳемѣ; имъ принадлежало право созывать соборы, но они произвольно лишали ихъ свободы дѣйствія.

---

*) Уже древніе канонисты усвоили себѣ точку зрѣнія на отношенія государства къ церкви въ Византіи, какъ на единый цѣлостный организмъ, преслѣдующій одну и ту же цѣль: приведеніе человѣческаго рода къ блаженному единенію съ Богомъ. Такъ думалъ Вальсамонъ, канонистъ конца XII в. Кургановъ, 84 Также характеризуетъ существенныя черты византинизма или византійской системы отношеній между государствомъ и церковью и проф. Суворовъ. «Государство и церковь, говоритъ онъ, составляютъ (въ Византіи) одинъ организмъ—государство, объединенное одною христіанскою религіей». Курсъ I, 457. Но далѣе находимъ весьма поучительное разъясненіе этой мысли. Авторъ признаетъ, что это единство составляло лишь идеалъ правительственной политики византійскихъ императоровъ (488) и что въ дѣйствительности органическое сліяніе церкви съ государствомъ было мало возможно (493).

Не для доказательства этой самовластной практики, а лишь для ея иллюстраціи приведемъ нѣсколько фактовъ. На соборъ 449 года, созванный въ Ефесѣ, императоръ Ѳеодосій II отправилъ для наблюденія за порядкомъ двухъ чиновниковъ и войско. Чиновникамъ предписано было брать подъ стражу и отправлять къ императору каждаго, кого они замѣтятъ въ дѣйствіяхъ, клонящихся ко вреду святѣйшей вѣры. Благодаря принятымъ мѣрамъ два посланія папы Льва I, написанныя въ православномъ духѣ, пройдены были на соборѣ полнымъ молчаніемъ. Не лучше распорядился и императоръ Юстиніанъ на V вселенскомъ соборѣ, созванномъ по соглашенію съ папою Вигиліемъ, для рѣшенія спора о «трехъ главахъ». Посланіе папы Вигилія къ собору, въ которомъ осуждалось императорское «Исповѣданіе вѣры», Юстиніанъ призналъ не православнымъ и не допустилъ къ прочтенію; на соборѣ же читались старыя грамоты Вигилія, въ которыхъ онъ присоединялся къ мнѣнію императора. Въ двухъ приведенныхъ случаяхъ разница только въ направленіи, а не въ способѣ дѣйствія. Импер. Ѳеодосій дѣйствовалъ въ духѣ монофизитовъ, импер. Юстиніанъ — въ духѣ, одобренномъ восточными епископами православной церкви; но способъ дѣйствія одинъ и тотъ же: и тутъ, и тамъ царитъ самовластіе императора.

Императоръ Василискъ издаетъ окружное посланіе противъ халкидонскаго собора, въ которомъ повелѣваетъ святѣйшимъ епископамъ предавать анаѳемѣ и огню все, постановленное въ Халкидонѣ. Выше мы говорили уже о столкновеніи импер. Анастасія съ патр. Македоніемъ. Обращеніе императора къ православію не было искреннимъ. Онъ продолжалъ раздѣлять взгляды монофизитовъ и потребовалъ отъ патріарха выдачи ему актовъ халкидонскаго собора съ цѣлью предать ихъ уничтоженію. Патріархъ отказалъ и былъ тайно арестованъ въ своемъ дворцѣ и отправленъ въ ссылку безъ суда и слѣдствія. Уже послѣ ссылки патріарха императоръ созвалъ соборъ для суда надъ нимъ. Соборъ состоялъ изъ епископовъ, противниковъ православія и придворныхъ

льстецовъ, которые не затруднились осудить низвергнутаго сановника церкви. Но и православные императоры поступали иногда не лучше монофизитовъ съ православными патріархами. Выше мы говорили уже о томъ, что константинопольскій патріархъ, Евтихій, отвергъ эдиктъ импер. Юстиніана о нетлѣнности Тѣла Христова; послѣдствіемъ этого было низложеніе патріарха по волѣ императора.

Такова византійская практика. Императоръ и патріархъ дѣйствуютъ или въ согласіи другъ съ другомъ, или враждуютъ между собой, при чемъ патріархъ анаѳематствуетъ императора, а императоръ приказываетъ анаѳематствовать патріарха.

Эпоха вольнаго и невольнаго единенія государства и церкви выработала христіанскую догму, которая повела къ образованію многихъ церковныхъ обществъ, различествующихъ въ ученіи вѣры, но на вопросѣ объ отношеніи государства къ церкви не останавливалась. Этотъ вопросъ былъ дѣломъ практики, которая никакъ не могла его обойти, и рѣшала различно въ различныхъ случаяхъ, смотря по соотношенію силъ и настроенію дѣйствующихъ лицъ; законодательнаго же опредѣленія онъ не получилъ.

Въ предисловіи къ VI новеллѣ Юстиніанъ говоритъ о божественномъ происхожденіи священства и царства: «sacerdotium и imperium суть два высшихъ дара Божія, составляющихъ украшеніе человѣческой жизни». Признавая единый источникъ обѣихъ властей, импер. Юстиніанъ какъ бы уравниваетъ ихъ Далѣе новелла говоритъ о томъ, что «императоръ имѣетъ великое попеченіе о догматахъ божіихъ и о достоинствѣ священства». Эти слова, свидѣтельствуя объ усердіи императора къ церкви и о желаніи его поддерживать ея достоинство, не даютъ, однако, возможности сдѣлать какое либо точное заключеніе объ отношеніяхъ его къ духовной власти. Болѣе по этому вопросу можно найти въ Эпанагогѣ импер. Василія и сыновей его, Льва и Александра. Значеніе Эпанагоги спорно. Одни ученые видятъ въ ней только проектъ закона, который никогда не былъ обнаро-

дованъ; другіе доказываютъ, что она получила въ свое время законодательную санкцію и была обнародована *). Споря о законодательномъ значеніи памятника, византинисты согласны въ томъ, что редакція статей Эпанагоги о патріаршей власти, по всей вѣроятности, принадлежитъ патріарху Фотію. Такимъ образомъ, была ли обнародована Эпанагога или нѣтъ, она во всякомъ случаѣ содержитъ въ себѣ pia desideria одного изъ выдающихся представителей православной церкви по занимающему насъ вопросу, а потому и не можетъ быть обойдена молчаніемъ.

Эпанагога уподобляетъ государственный организмъ человѣческому. Какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, такъ для государства необходимы двѣ власти: духовная и свѣтская, патріархъ и императоръ. Важнѣйшею обязанностью императора признается защита правовѣрія и благочестія. «Послѣ своего избранія гражданскими чинами, онъ отправляется въ храмъ и, являя здѣсь покорность Богу, обращается къ нему, какъ къ началу всего, испрашиваетъ даровъ благодати, какъ Божій рабъ, и молится о посвященіи своемъ въ царя. Затѣмъ, приступая къ самому вѣнчанію на царство посредствомъ миропомазанія, совершаемаго патріархомъ, онъ предварительно даетъ предъ послѣднимъ обѣтъ благоволительнаго попеченія о подвластныхъ въ правдѣ и произноситъ присягу въ вѣрномъ соблюденіи и ревностномъ охраненіи православной вѣры во св. Троицу, въ воплощеніе Сына Божія, въ нераздѣльное, несліянное и неизмѣнное соединеніе въ Немъ двухъ естествъ при единствѣ ипостаси и во всѣ прочіе догматы, опредѣленные и утвержденные на вселенскихъ соборахъ». При изданіи новыхъ законовъ императоръ не долженъ установлять ничего такого, что́ проти-

*) Первое мнѣніе высказалъ Захарія, къ нему присоединился и А. С. Павловъ; второе доказываетъ проф. Сокольскій. Павловъ, Теорія восточнаго папизма въ Православн. обозр. за 1879 г., № 11 и 12, и Сокольскій, О характерѣ и значеніи Эпанагоги въ Визант. времен. за 1894 г.

ворѣчило бы постановленіямъ церкви. Также при толкованіи старыхъ не долженъ онъ вводить ничего, что́ было бы несогласно съ канонами. На патріарха Эпанагога смотритъ, какъ на живой образъ Христа, дѣломъ и словомъ выражающій истину. Онъ управляетъ церковью на основаніи законовъ; ему же принадлежитъ и исключительное право ихъ толкованія. Патріархъ обязанъ безбоязненно свидѣтельствовать предъ императоромъ объ истинѣ. Цѣль, предстоящая патріарху, заключается въ спасеніи ввѣренныхъ ему душъ. Онъ обязанъ приводить къ единенію съ каѳолической церковью всѣхъ разномыслящихъ и еретиковъ, а невѣрующихъ обращать къ вѣрѣ Христовой. Все изложенное относится къ патріарху новаго Рима, которому Эпанагога даетъ первенствующее значеніе среди другихъ патріарховъ. Онъ вселенскій, всѣ другіе только мѣстные іерархи. «Отношеніе между вселенскимъ патріархомъ и императоромъ должно быть такое же, какое существуетъ между тѣломъ и духомъ. Какъ жизнь человѣческая идетъ правильно только въ томъ случаѣ, когда душа и тѣло находятся въ гармоніи между собой, и тѣло слѣдуетъ разумнымъ велѣніямъ души, такъ и въ государственномъ организмѣ благополучіе подданныхъ и правильное теченіе ихъ жизни наступаютъ тогда только, когда священство и императорство находятся въ согласіи» *).

Таковы воззрѣнія Эпанагоги. Въ нихъ не трудно усмотрѣть отраженіе теократической практики предшествовавшихъ вѣковъ, довольно сильно видоизмѣненной, однако, въ пользу власти патріарха.

Эпанагога ничего не говоритъ о священствѣ императора. У него только свѣтская власть, вся духовная—у патріарха. О правѣ учительства императора также нѣтъ рѣчи. Учительство немыслимо безъ толкованія догматовъ и каноновъ церкви; а такъ какъ вселенскому патріарху принадлежитъ право толкованія каноновъ, а тѣмъ болѣе догматовъ, то за

*) Кургановъ 65 сл., Сокольскій 29 сл.

императоромъ, надо полагать, не признается и право учительства *).

Итакъ, императоръ болѣе не епископъ и въ церковныхъ дѣлахъ онъ имѣетъ гораздо менѣе правъ, чѣмъ патріархъ. Государство, тѣмъ не менѣе, отличается вѣроисповѣднымъ характеромъ. Императоръ даетъ обѣщаніе исповѣдывать догматы православія и, какъ блюститель истинной вѣры, долженъ содѣйствовать патріарху въ насажденіи въ сердцахъ подданныхъ правовѣрія. Прежде императоры, обладая нѣкоторыми привилегіями духовнаго сана, сами опредѣляли, что такое истинная вѣра, и издавали указы то о двухъ естествахъ Господа нашего І. Христа, то о нетлѣнности Его тѣла, то о поклоненіи иконамъ и т. д. Теперь все это опредѣляетъ патріархъ, такъ какъ ему принадлежитъ право толкованія, какъ законовъ, такъ и догматовъ церкви. Императоръ, не имѣя ни правъ священства, ни правъ учительства, продолжаетъ быть ограниченнымъ и въ сферѣ свѣтскаго законодательства, которое не должно противорѣчить церковнымъ постановленіямъ. Но такъ какъ толкователемъ этихъ постановленій является одинъ патріархъ, то, слѣдовательно, предѣлы ограниченія законодательной власти императора находятся совершенно въ рукахъ патріарха и исключительно зависятъ отъ его воли. Эпанагога не ограничивается, однако, опредѣленіемъ правъ императорской и патріаршей власти, каждой въ отдѣльности; она говоритъ и о ихъ взаимодѣйствіи и требуетъ, на этотъ случай, ихъ согласія. Можно

---

*) Въ предшествующей византійской исторіи можно найти прецеденты и такого взгляда на императорскую власть. Императоръ Левъ Исавръ писалъ папѣ Григорію II: «Познай, о папа, что я царь и священникъ въ одномъ лицѣ». Иначе взглянулъ на права Льва иконоборца папа Григорій. Въ письмѣ къ императору онъ говоритъ: «Твой грубый умъ воина вполнѣ достаточенъ для управленія государствомъ, но онъ недостаточенъ для дѣлъ духовныхъ. Подобно тому, какъ первосвященникъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дворцовыя дѣла, и ты не долженъ вторгаться въ область церкви... Каждый изъ насъ да останется при томъ призваніи, которое опредѣлилъ ему господь». Сокольскій, 33.

подумать, что въ концѣ концовъ она уравниваетъ обѣ власти. Далеко не такъ въ дѣйствительности. Это согласіе, о которомъ говоритъ Эпанагога, объясняется уподобленіемъ взаимныхъ отношеній императора и патріарха отношеніямъ духа и тѣла въ человѣкѣ. Это — то самое согласіе, въ которомъ находится тѣло съ духомъ, когда слѣдуетъ разумнымъ велѣніямъ души. Душу же представляетъ въ государствѣ патріархъ, этотъ живой образъ Христа, выражающій истину словомъ и дѣломъ.

Итакъ, Эпанагога, сохраняя за государствомъ строго вѣроисповѣдный характеръ, дѣлаетъ попытку отдѣлить священство отъ царства. Императоръ болѣе не епископъ. Всѣ духовные вопросы рѣшаетъ вселенскій патріархъ, которому принадлежитъ право разъяснять истинный смыслъ каноновъ и догматовъ церкви. Императоръ, неимѣющій права постановлять что либо несогласное съ опредѣленіями церкви, нуждается въ постоянныхъ совѣтахъ патріарха и долженъ слѣдовать его указаніямъ *).

---

*) Иначе понимаетъ правила II и III титула Эпанагоги, въ которыхъ опредѣляются права императора и патріарха, проф. Сокольскій. «Глава 8 титула III, говоритъ онъ, признаетъ патріарха членомъ церковно-государственной организаціи р а в н ы м ъ ц а р ю. Въ такомъ же направленіи опредѣляется значеніе вселенскаго патріарха и другими главами разбираемаго нами титула». И непосредственно за этимъ общимъ положеніемъ продолжаетъ такъ: «Патріархъ,—говорится въ главѣ 1-ой этого титула,—есть живой и одушевленный образъ Христа, дѣлами и словами, выражающій истину» и т. д. 31 стр. Приведенная цитата едва-ли доказываетъ равенство патріарха царю, какъ не доказываетъ этого и стр. 29-я, на которую ссылается почтенный авторъ Вѣдь царь не признанъ живымъ образомъ Христа. Признаніе же патріарха живымъ образомъ Христа, выражающимъ истину и словомъ и дѣломъ, весьма не далеко отъ догмата патріаршей непогрѣшимости; пожалуй даже это и есть выраженіе непогрѣшимости, высказанное еще въ IX вѣкѣ. При вѣроисповѣдномъ характерѣ государства, какимъ оно является по Эпанагогѣ, и признаніи патріарха безусловнымъ глашатаемъ христіанской истины, не можетъ быть и рѣчи о равенствѣ императора патріарху. Роль императора весьма второстепенная и подчиненная церковному авторитету, который уподобляется духу, императоръ же только—тѣлу.

Весьма сомнительно, чтобы эти притязанія патріарха Фотія, стремившагося поднять до недосягаемой высоты значеніе своей каѳедры, получили законодательное утвержденіе. Но взгляды Фотія не были единичными. За долго до него у представителей духовной іерархіи возникъ уже вопросъ не только объ отдѣленіи духовной власти отъ свѣтской, но и о превосходствѣ первой передъ второй. «Въ этомъ смыслѣ высказывались Озія Кордубскій, Григорій Назіанзинъ, Амвросій, Іоаннъ Златоустъ, папы Левъ Великій и Геласій, сравнивавшіе превосходство священства надъ царствомъ съ превосходствомъ духа надъ матеріей, небеснаго надъ земнымъ, и выводившіе высшій авторитетъ епископовъ надъ царями изъ того, что епископы за самихъ царей должны давать отчетъ Богу на Его судѣ». Суворовъ, II, 462.

Но положеніе вселенскаго патріарха далеко не было такимъ прочнымъ и независимымъ, какимъ было положеніе римскаго папы. Властолюбивыя притязанія восточнаго духовенства не удались. Столкновенія духовной власти со свѣтской кончились здѣсь торжествомъ послѣдней. Съ раздѣленія церквей, высшая церковная власть на Востокѣ стала сосредоточиваться въ рукахъ императора, отъ котораго исходили законы и распоряженія по дѣламъ церковнымъ иногда по выслушаніи мнѣнія патріаршаго синода, а иногда и безъ его предварительнаго обсужденія *). Такимъ образомъ сло-

*) Суворовъ, Курсъ церков. пр. I, 119. У Никиты Хоніата читаемъ: «Императоры считали для себя крайнею обидою, если ихъ не признавали мудрецами, людьми, подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми, подобно Саломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ, непогрѣшимыми судьями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Они въ одно и то же время являлись провозвѣстниками догматовъ, ихъ судьями, установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто не соглашается съ ними». Рус. перев. 271. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ императоровъ на свою власть, Вальсамонъ, канонистъ XII вѣка, находя, что императоры, подобно патріархамъ, могутъ учить христіанскій народъ и воскурять ѳиміамъ, подобно священникамъ, полагаетъ, что значеніе императоровъ въ этомъ

жился тотъ порядокъ вещей, который далъ поводъ католическому историку нарисовать слѣдующую сравнительную картину римскаго и константинопольскаго престоловъ: «Въ то время, какъ римскій престолъ возвысился изъ своего униженія прежде всего при помощи императоровъ и потомъ подчинилъ себѣ самое императорство и достигъ собственнаго всемірнаго владычества,—престолъ константинопольскій мало-по-малу ниспускался съ своего прежняго величія, постепенно поддавался императорскому вліянію и, наконецъ, въ такой мѣрѣ подчинился ему, что даже потерялъ всякое сознаніе о прежней своей славѣ, и греческая церковь, въ вопіющемъ противорѣчіи со всею своею традиціей, объявила это состояніе подчиненности и рабства, какъ состояніе нормальное и сообразное съ законами» *).

Переходимъ къ вопросу объ отношеніяхъ духовной власти къ свѣтской на русской почвѣ.

Владиміръ св. не только самъ принялъ христіанство, но призналъ христіанскую вѣру государственной и крестилъ своихъ подданныхъ. Государство Владиміра св. и его преемниковъ сдѣлалось вѣроисповѣднымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ повторилась и та практика отношеній государства къ церкви, которую мы наблюдали въ Византіи, съ нѣкоторыми весьма существенными, однако, модификаціями.

Владиміръ св. принялъ православную вѣру въ такой моментъ, когда догматы ея были окончательно установлены. Вслѣдствіе этого, князьямъ нашимъ не приходилось принимать мѣръ къ разъясненію догматовъ, какъ то дѣлали византійскіе императоры. Но положеніе ихъ по отношенію къ

отношеніи даже превосходитъ значеніе патріарховъ и вообще духовенства: «Власть и дѣятельность императоровъ, говоритъ онъ, простирается на тѣло и душу, тогда какъ дѣятельность патріарховъ касается одной только души». Кургановъ, 83.

*) Пихлеръ у Курганова, 97.

духовной власти нисколько отъ этого не выиграло. Сдѣлавшись покровителями церкви и блюстителями церковныхъ порядковъ, они стали вмѣстѣ съ тѣмъ учениками пришлаго духовенства. Надъ представителями свѣтской власти возникло нѣчто высшее въ лицѣ духовныхъ учителей, руководителей вѣчнаго спасенія. Но вѣчное и временное на землѣ тѣсно связаны: чтобы достигнуть вѣчнаго блаженства, надо показать себя достойнымъ онаго въ условіяхъ этой временной жизни. Отсюда, учительская дѣятельность духовенства можетъ и должна касаться вопросовъ чисто свѣтскихъ. Принятіе христіанства породило, такимъ образомъ, условія, при которыхъ сдѣлалось возможнымъ вмѣшательство духовной власти въ дѣла свѣтской. Учители вѣры и вѣчнаго спасенія, чувствовавшіе потребность вмѣшательства и въ свѣтскія дѣла, стояли по отношенію къ нашимъ князьямъ въ положеніи гораздо болѣе свободномъ и независимомъ, чѣмъ они находились по отношенію къ свѣтской власти у себя на родинѣ. Въ Византіи императору принадлежала значительная доля вліянія на назначеніе епископовъ, митрополитовъ и патріарховъ, на ихъ перемѣщеніе и т. д. Русскіе же митрополиты назначались (по правилу) константинопольскимъ патріархомъ, внѣ зависимости отъ русскихъ князей, а наоборотъ, въ зависимости отъ чуждой власти византійскаго императора. Этой чуждой власти принадлежало и право рѣшать вопросъ о числѣ митрополій въ русской землѣ, а слѣдовательно и о ихъ границахъ. Русскіе митрополиты ежегодно посылали въ Константинополь денежную дань и поминали въ русскихъ церквахъ «божественное имя» византійскаго императора, какъ царя всѣхъ христіанъ. Константинопольскій патріархъ Антоній, исходя изъ той мысли, что вселенская церковь объединяетъ всѣхъ вѣрующихъ въ одно государство и имѣетъ одного вселеннаго царя, въ грамотѣ къ Василію Дмитріевичу говоритъ:

«Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой, и невозможно отдѣлить ихъ другъ

отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія. А высочайшій и святой мой самодержецъ, благодатію божіею, есть государь православнѣйшій и вѣрнѣйшій, поборникъ, защитникъ и отмститель церкви: по этому, невозможно быть архіереемъ и не поминать его имени. Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите», не сказалъ «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но—«царя», указывая на то, что одинъ только царь во вселенной». Русск. истор. библ. VI, № 40, 1393 г.

Итакъ, по мнѣнію вселенскаго патріарха, русскіе люди конца XIV в. и думать не могли о своемъ царѣ. У нихъ былъ уже царь общій съ патріархомъ, византійскій императоръ. Это мнѣніе свое патріархъ подтверждаетъ даже ссылкой на верховнаго апостола Петра.

Принятіе христіанской вѣры, этотъ величайшій актъ нашей начальной исторіи, богатый плодотворнѣйшими послѣдствіями, поставилъ русскую свѣтскую власть въ весьма сложное и трудное положеніе. Но прежде чѣмъ говорить о практикѣ отношеній свѣтской и церковной власти, необходимо выяснить, какія идеи принесло духовенство изъ Византіи и распространяло въ новомъ обществѣ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не апостольскую дѣятельность духовенства, не догматическое и нравственное его ученіе, а единственно тѣ его мысли, которыя выражаютъ взгляды на свѣтскую власть и могутъ служить къ разъясненію его къ ней отношеній.

Мы уже знаемъ, что въ Византіи возникло мнѣніе о превосходствѣ священства надъ царствомъ. Это мнѣніе проникло къ намъ и нашло сторонниковъ не только среди духовенства, но, какъ увидимъ ниже, и между представителями свѣтской власти. Русь до-московская представляла, однако, мало поводовъ къ его выраженію. Положеніе старыхъ удѣльныхъ князей и ихъ преемниковъ въ первое столѣтіе татарскаго порабощенія такъ мало походило на положеніе византійскаго императора, что мысль о превосходствѣ священства

надъ царствомъ въ русской землѣ едва ли могла останавливать на себѣ вниманіе нашихъ церковныхъ проповѣдниковъ. Впервые она была высказана современникомъ Ивана Калиты, митрополитомъ Петромъ:

«А который іерей святую литургію священствовалъ, поучастъ онъ, тогда царя честнѣй: никто бы не усидѣлъ противъ него; аще кто усидитъ, проклятъ тотъ человѣкъ есть отъ небесныхъ силъ». Пам. стар. рус. лит. вып. IV. 188.

Ту же мысль проводитъ въ своихъ грамотахъ и поученіяхъ и митрополитъ Фотій. Въ посланіи во Псковъ онъ противополагаетъ вѣчнаго Царя — временному и говоритъ, что священники состоятъ не при временномъ царѣ, но при Царѣ царствующихъ и Господѣ господствующихъ, и далѣе:

«И тамо, идѣже предстоите, и тамо и ангеломъ предстоящимъ, тѣхъ одѣяній вашихъ священныхъ касающеся. И на сія той священническій санъ устроися».

По благословенной грамотѣ Фотія иноку Павлу монахи воспринимаютъ «великій ангельскій образъ». Наконецъ, онъ высказываетъ и мысль о неизмѣримомъ превосходствѣ священническаго сана надъ всѣми мірскими. Его поученіе о важности сана священнослужетелей и о ихъ обязанностяхъ начинается такъ:

«О великомъ Божьемъ священствѣ, еже елико есть отстояще небо отъ земли, толико отстоитъ христово священнодѣйствуемое таиньство отъ всякаго превышьшаго сана, паче мірскаго» *).

Митрополитъ Даніилъ у постели умирающаго вел. князя Василія Ивановича приравниваетъ санъ инока—золоту, санъ великаго князя—серебру и изрекаетъ неблагословеніе князю Андрею Ивановичу, препятствовавшему постриженію умирающаго:

«Не буди на тобѣ, говоритъ онъ, наше благословеніе ни

---

*) Рус. ист. библ. VI, № 5¹, 57 и 60, 1422—1431.

въ сиѣкъ, ни въ будущи, занеже сосудъ сребрянъ добро, а позлащенъ того лутши». П. С. Л. VI. 1534.

Есть основаніе думать, что на соборѣ 1503 г., на которомъ, между прочимъ, обсуждался вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, былъ прочитанъ документъ, извѣстный подъ названіемъ «Вѣно Константиново», а потомъ документъ этотъ, вмѣстѣ съ другими актами собора, былъ доложенъ вел. кн. Ивану Васильевичу *). Въ этомъ документѣ, сослужившемъ хорошую службу партіи стяжателей, рѣчь идетъ не о томъ только, что Константинъ Вел. установилъ обладаніе недвижимостями въ пользу монастырей, но этому императору приписывается превознесеніе папскаго престола надъ царскимъ, монашества надъ царскимъ саномъ и, наконецъ, утверждается, что Константинъ Вел. принялъ на себя званіе конюшаго по отношенію къ преемнику апостола Петра, водилъ подъ нимъ лошадь и заповѣдалъ дѣлать это всѣмъ будущимъ императорамъ **).

---

*) Терновскій, Изученіе византійской исторіи, вып. II, 133—145.

**) «Вѣно Константиново» напечатано у Терновскаго. Вотъ относящіяся къ разсматриваемому вопросу мѣста:

«Разсудихомъ, говоритъ Константинъ Вел., со всѣми тысящники, и сотники, и синклитомъ, и вельможами, и со всѣми римскаго царства величествы подлежащему людству, понеже блаженный Петръ, яко викарій (сирѣчь намѣстникъ) уставленъ на земли Сыну Божію, аще и нами и нашимъ царствомъ. Мѣсто преимущее и властелина апостольскаго пріимутъ данное имъ начальство, власть большая и превысочайшая, паче, еже имать наша кротость и царство на земли, всѣми видимо; предразсудихомъ бо того апостольскаго властелина и того по немъ преемниковъ.... уставихомъ чтити со благоговѣніемъ, и священнѣйшимъ его сѣдалищемъ, блаженнѣйшаго апостола Петра, паче, нежели нашего царства, наипаче бо земнаго престола, преславнѣе превозносити и воздати сему власть и славы достоинство, скорость же и господствованіе, и силу, и честь царскую» 139..... «Аще кто отъ великихъ нашихъ царскихъ вельможъ восхощетъ къ благоговѣйнымъ клирикомъ причаститися, никтоже да дерзнетъ таковымъ порицати и поносити гордостіею своею». (Это мѣсто свидѣтельствуетъ, что во время сочиненія «вѣна» поклоненіе иноческому чину не было общимъ явленіемъ).... «Чести ради блаженнаго Петра, конюшего санъ сму себѣ дахомъ. Повелѣваемъ же той чинъ и обычай всѣмъ, иже по немъ, святителемъ всегда творити въ прохожденіяхъ своихъ, по подобію нашему царскому. Тѣмъ же ради сего постриженнаго знаменія

Мысли «Вѣна Константинова» такъ понравились митрополиту Макарію, что онъ цѣликомъ повторилъ ихъ въ письмѣ къ Ивану Грозному *). Всю важность этого документа оцѣнилъ и патріархъ Никонъ, приказавъ напечатать его въ изданной имъ въ 1653 году печатной кормчей, благодаря чему онъ и получилъ всеобщую извѣстность.

Въ «краткомъ словѣ противу тѣхъ, кто вступается въ церковныя движимости и недвижимости», написанномъ въ самомъ началѣ XVI вѣка, проводится уже и мысль о двухъ мечахъ. Авторъ этого слова не извѣстенъ, но написано оно по порученію русскаго архіепископа. Неотъемлемость церковныхъ вещей выводится здѣсь изъ отношенія церковной власти къ свѣтской. Отношеніе же это представляется въ слѣдующемъ видѣ. Обѣ власти, говоритъ авторъ:

«Изводятся изъ власти божественныя, и еще толико мірская власть подъ духовною есть, елико отъ Бога духовное достоинство предположено есть».

Въ случаѣ посягательства мірской власти на имущественныя права церкви, власть духовная обязана бороться даже до пролитія крови:

«Понеже, по апостольскому ученію, паче подобаетъ повиноватися Богу, нежели человѣкомъ. Мірстіи бо власти человѣци суть: тѣло отъяти могутъ, души же ни».

И далѣе, приведя слова евангелиста Луки, на которыхъ

верховнаго святительскія главы, да не мнитъ кто сіе постриженіе худо быти и безчестно, но наипаче земнаго царства саномъ, и славою, и честію, и силою ему украшатися подобаетъ» 142.

*) Дьяконовъ, Власть москов. государей, 128, пр. 1.

О предпочтеніи иночества царскому вѣнцу императоромъ Константиномъ рѣчь идетъ еще въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1168 годомъ. Описывая бесѣды вел. князя кіевскаго, Ростислава Мстиславича, съ игуменомъ печерскимъ Поликарпомъ, лѣтописецъ влагаетъ въ уста князя слѣдующія слова:

«И самого правовѣрнаго царя Костянтина слышахъ глаголавша: аще быхъ вѣдалъ, се ль честенъ ликъ чернецьскій, въсходяща съ ангелы къ престолу Господню безспрестани, снялъ быхъ вѣнецъ и багряницю» 95.

строится теорія двухъ мечей, авторъ даетъ имъ такое объясненіе:

«Здѣ разумѣти треба есть, яко мечъ есть сугубъ. Единъ мечь вещественный, его же имѣяше Петръ апостолъ, егда отрѣза ухо Малху въ вертоградѣ: той мечъ достоитъ пастыремъ церковнымъ имѣти защищеніе церкви своея, даже и до своего кровопролитія, аще токмо мечемъ духовнымъ ничтоже поспѣшествуетъ. Вторый же мечъ есть духовный, его же Господь даде Петру и будущимъ по немъ, глаголя: аще ни тако послушаетъ тя, да будетъ ти, яко язычникъ и грѣшникъ, ими же словесы, со властью вязати и рѣшити, даде Христосъ ученикомъ своимъ власть отлученія и анаѳемѣ преданія. И сію власть наричемъ—мечемъ духовнымъ. Симъ мечемъ пастырю церкви достоитъ защищатися и оборонятися первѣе. Аще ли по третьемъ наказаніи непослушни не сотворятъ повелѣнія и сопротивны пребудутъ, нехотяще наказатися, ни вый своихъ гордыхъ пастыремъ подклонити и Христу повинутися, тогда помощью плечій мірскихъ дѣйствовати могутъ мечемъ вещественнымъ, на отвращеніе силы сопротивныхъ». У Павлова, Секуляризиція, I. 61.

Если русскіе святители, Петръ, Даніилъ, Макарій, были убѣждены въ превосходствѣ священства надъ царствомъ, то едва-ли и говорить нужно, что Максимъ Грекъ нисколько въ этомъ не сомнѣвался. Указавъ на то, что «святительство и царя мажетъ и вѣнчаетъ и утверждаетъ, а не царство святителей», онъ говоритъ:

«Убо больши есть священство царства земскаго, кромѣ бо всякаго прекословія меньша отъ большаго благославляется, глаголетъ божественный апостолъ». Соч. III, 155.

А среди русскихъ людей не мало было такихъ, которые съ удовольствіемъ слушали Максима Грека.

Возвеличивая священство надъ царствомъ, греческое духовенство принесло къ намъ и идею божественнаго происхожденія свѣтской власти. По словамъ начальной лѣтописи, уже первые епископы говорили Владиміру св.: «Ты поставленъ еси отъ Бога» 54. Та же мысль повторяется въ поученіяхъ митрополитовъ Иларіона, Никифора и друг. Но это божественное происхожденіе княжеской власти не уравни-

вало ее съ духовной. За русскими князьями не признавались никакія преимущества священства. Какъ варвары и новообращенные, они были учениками духовенства; патріархи и митрополиты требовали отъ нихъ безусловной покорности своимъ поученіямъ. Во второй половинѣ XII вѣка возникли несогласія между вел. кн. владимірскимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, и мѣстнымъ епископомъ, Несторомъ. Князь прогналъ епископа; желая замѣнить его болѣе угоднымъ ему человѣкомъ и учредить особую митрополію во Владимірѣ, онъ обратился съ просьбой объ этомъ къ константинопольскому патріарху, Лукѣ Хрисовергу; къ нему же обратился съ жалобой на князя и изгнанный имъ епископъ. Изъ грамоты патріарха мы узнаемъ, что столкновеніе князя съ епископомъ было уже на разсмотрѣніи мѣстнаго собора, который рѣшилъ дѣло въ пользу епископа. Патріархъ пересмотрѣлъ дѣло и рѣшилъ его также въ пользу епископа. Въ своей грамотѣ князю онъ пишетъ:

«Надѣемся, яко не восхощеши ся противити суду всѣхъ святитель и нашему смиренію... Всяку... жалобу... на боголюбиваго епископа своего сложи съ сердца своего, съ радостію же его пріими, со всякою тихостью и любовью.. имѣй его, яко святителя, и отца, и учителя, и пастыря... А не будешь къ нему, якоже подобаетъ, ни повинутися начнеши его поученіемъ и наказаніемъ, ...вѣдомо ти буди... аще всего міра исполниша церкви.... гониши же епископа, главу церковную и людскую, — то не церкви, то хлѣвы, ни единая же ти будетъ мзды и спасенія..... Никтоже бо отъ всѣхъ человѣкъ: ли святитель, ли пресвитеръ, или мнихъ, или аггелъ, ниже бо аггелъ съ небеси имѣетъ такову власть вязати и рѣшати, развѣ единъ боголюбивый епископъ твой, его же положилъ Господь Богъ главу всей земли твоей и тебѣ» *).

---

*) Рус. ист. библ. VI, № 3, 1160. «Грамота, говоритъ издатель, сохранилась въ двухъ редакціяхъ: краткой, имѣющей всѣ признаки подлинности, и пространной съ различными добавками въ содержаніи и подновленіями въ языкѣ». Послѣдне выписанное нами предложеніе находится только въ пространной редакціи. Оно, можетъ быть, и неподлин-

Епископъ глава всей земли и князя, и князь долженъ его слушаться, иначе нѣтъ ему спасенія.

Отъ патріарха Филоѳея имѣемъ нѣсколько грамотъ къ русскимъ князьямъ; въ нихъ проводится та же мысль о послушаніи князя епископу. Въ грамотѣ къ вел. кн. Дмитрію Ивановичу обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее мѣсто:

«По долгу, лежащему на мнѣ, какъ общемъ отцѣ, свыше отъ Бога поставленномъ для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ, я всегда пекусь, подвизаюсь и молю Бога о ихъ спасеніи.... ....Но всего болѣе люблю твое благородіе и молюсь о тебѣ.... за твою любовь и дружбу къ нашей мѣрности.... за благорасположеніе и повиновеніе къ преосвященному митрополиту кіевскому и всея Руси.... ибо я узналъ, что ты уважаешь и любишь его и оказываешь ему всякое послушаніе и благопокореніе, какъ онъ самъ писалъ ко мнѣ.... Митрополитъ, мною поставленный, носитъ на себѣ образъ Божій и находится у васъ вмѣсто меня, такъ что всякъ, повинующійся ему и желающій оказывать ему любовь, честь и послушаніе, повинуется Богу и нашей мѣрности, и честь, ему воздаваемая, переходитъ ко мнѣ, а чрезъ меня—прямо къ самому Богу. И кого митрополитъ благословитъ и возлюбитъ за что либо хорошее,—за благочестіе или за послушаніе,—того и я имѣю благословеннымъ, и Богъ также; напротивъ, на кого онъ прогнѣвается и наложитъ запрещеніе, и я также.... Я тебя похвалилъ и показалъ къ тебѣ любовь и благорасположеніе; напротивъ, сильно опечалился и разгнѣвался на другихъ князей, какъ ты узнаешь изъ моихъ грамотъ». Русск. ист. библ. VI. Прилож. № 16. 1370.

Не будемъ пока касаться гнѣва патріарха на русскихъ князей. Будемъ говорить о его къ нимъ милостяхъ и приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ грамоты къ другимъ князьямъ:

«Благороднѣйшіе князья всея Руси, во святомъ духѣ возлюбленные и вожделѣнные сыны нашей мѣрности! Молимъ Всевышняго Бога даровать всѣмъ вамъ здравіе и благорас-

---

ное. Но для нашей цѣли это все равно: оно во всякомъ случаѣ выражаетъ тенденцію подновителя, которымъ могло быть только духовное лицо. Пространная редакція принадлежитъ Никоновой лѣтописи.

положеніе душевное, крѣпость и благосостояніе тѣлесное, успѣхъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и благоденствіе, усиленіе власти, умноженіе чести и все, что благо и спасительно.... А все это вы будете имѣть, если станете оказывать подобающее уваженіе, почтеніе, послушаніе и благопокореніе преосвященному митрополиту кіевскому и всея Руси.... Поелику.... вы имѣете вмѣсто меня преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси..... то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность, каковую должны были бы воздавать мнѣ самому, еслибы я присутствовалъ тамъ.... Если вы будете такъ дѣлать и имѣть такое расположеніе къ церкви Божіей и къ самому преосвященному митрополиту своему, то прежде всего получите мзду въ нынѣшнемъ вѣкѣ, снискавъ себѣ содѣйствіе и помощь во всемъ, въ чемъ нуждаетесь, отъ самого Бога, Который подастъ вамъ усиленіе власти, долготу жизни, успѣхъ въ дѣлахъ, благоденствіе, исполненіе всѣхъ благъ, жизнь безпечальную и безбѣдную и здравіе тѣлесное, а въ будущемъ вѣкѣ—царство небесное, наслѣдіе вѣчныхъ благъ и наслажденіе». Тамъ же № 18, 1370.

Вотъ какимъ языкомъ говорили вселенскіе патріархи съ великими и удѣльными князьями всея Руси. Возникаетъ вопросъ, какое «послушаніе и благопокореніе» князей митрополиту и епископамъ, а чрезъ нихъ и себѣ, имѣли они въ виду? Въ соблюденіи ли только догматовъ и каноновъ церкви или и за предѣлами оныхъ? Приведенныя грамоты говорятъ «о послушаніи и благопокореніи» вообще, а не въ церковныхъ только вещахъ. Строго отдѣлить церковныя дѣла отъ свѣтскихъ и въ наше время трудно, тогда же это было совершенно невозможно. Духовенство того времени даже и не думало о такомъ отдѣленіи. Патріархъ обѣщаетъ благословеніе Дмитрію Ивановичу, если митрополитъ возлюбитъ его «за что либо хорошее», и далѣе поясняетъ: «за благочестіе или за послушаніе». Итакъ, дѣлами благочестія, которыми можно угодить Богу, не исчерпывается послушаніе князя, имѣется въ виду и еще послушаніе, т. е. за предѣлами благочестія. Что обязанность послушанія князей духовенству не ограничивалась вопросами догматовъ и каноновъ, это видно изъ той широкой роли, какую играли у насъ въ древ-

ности представители церкви. Духовенство, проникнутое духомъ христіанства, считало себя призваннымъ поучать князей миролюбію, правосудію, давало совѣты кроткаго обращенія съ врагами и преступниками, вмѣшивалось даже въ финансовую ихъ политику, если находило въ ней противорѣчіе ученіямъ церкви; съ другой стороны, сами князья обращались къ его посредничеству въ своихъ междоусобіяхъ, къ его совѣтамъ— въ вопросахъ законодательства и управленія и т. д. Положенія эти не требуютъ доказательства, лишь для ближайшей характеристики нашей древности приведемъ мѣста источниковъ.

Начальный лѣтописецъ разсказываетъ, что Владиміръ св. совѣщался съ епископами о мѣрахъ противодѣйствія умножившимся разбоямъ и два раза принялъ ихъ совѣтъ: сперва о смертной казни разбойникамъ, а потомъ о замѣнѣ ея вирами. Лавр. 54.

Въ 1097 году Владиміръ Мономахъ и черниговскіе князья, Давыдъ и Олегъ, рѣшили наказать Святополка-Михаила кіевскаго за участіе въ ослѣпленіи Василька и вознамѣрились напасть на него въ Кіевѣ. Кіевлянамъ это очень не понравилось. Они послали къ князьямъ соперникамъ митрополита Николу съ увѣщаніемъ не начинать войны и не губить земли Русской. Соперники послушались митрополита. Лавр. 112.

Въ 1149 году, во время войны Юрія съ кіевскимъ княземъ Изяславомъ, переяславскій епископъ Евфимій обратился къ послѣднему съ такимъ увѣщаніемъ:

«Княже! умирися съ стрыемъ своимъ, много спасенія примеши отъ Бога и землю свою избавиши отъ великія бѣды». Ипат.

Въ 1157 году Юрій Долгорукій ходѣлъ выдать Ивана Берладника врагу его, князю Ярославу, который уже и прислалъ за нимъ большую дружину. Въ это дѣло вмѣшался митрополитъ Константинъ и всѣ игумены.

«Грѣхъ ти есть, укорялъ митрополитъ князя, цѣловавши къ нему крестъ, держиши въ толицѣ нужи, а еще хощеши выдати на убійство». Ипат. 81.

Князь послушалъ, но только на половину: Ярославу Берладника не выдалъ, а послалъ его скованнаго въ Суздаль.

Лѣтописецъ, повѣствуя о бесѣдахъ вел. князя кіевскаго, Ростислава Мстиславича, съ печерскимъ игуменомъ Поликарпомъ, говоритъ, что послѣдній поучалъ его такъ:

«Вамъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ крестномъ цѣлованьи вы стояти». Ипат. 1168.

Въ 1189 году возникла ссора между кіевскимъ княземъ Рюрикомъ и Святославомъ черниговскимъ изъ-за тайныхъ сношеній послѣдняго съ венгерскимъ королемъ. Князей помирилъ митрополитъ Никифоръ, посовѣтовавъ имъ пойти войною на «иноплеменниковъ», которые завладѣли волостями Русской земли. Ипат. 138.

Въ 1195 году владимірскій князь Всеволодъ обратился къ кіевскому князю Рюрику съ просьбой уступить ему города: Треполь, Богуславль, Каневъ и др. Города эти Рюрикъ только что подарилъ зятю своему, Роману, и скрѣпилъ этотъ даръ крестнымъ цѣлованіемъ. Положеніе Рюрика было очень затруднительно; ему предстояло или нарушить договоръ съ зятемъ, или отказомъ въ уступкѣ вызвать нападеніе со стороны Всеволода. Кіевскій князь обратился къ совѣту митрополита Никифора и услыхалъ отъ него слѣдующую рѣчь:

«Княже! мы есмы приставлены въ Русской землѣ востягивати васъ отъ кровопролитья; ажь ся прольяти крови крестьянской въ Русской землѣ, ажь еси далъ волость моложьшему, въ облазнѣ предъ старѣйшимъ, и крестъ еси къ нему цѣловалъ, а нынѣ азъ снимаю съ тебе крестное цѣлованіе и взимаю на ся; а ты послушай мене, возма волость у зятя у своего, дай же старѣйшему, а Романови даси иную въ тое мѣсто». Ипат. 145.

Рюрикъ послѣдовалъ совѣту митрополита.

Въ 1311 году митрополитъ Петръ отказался благословить владимірскимъ столомъ тверского князя Дмитрія Михайловича. Русск. лѣт. III. 107.

Отъ XIV вѣка имѣемъ рядъ епископскихъ поученій

князьямъ о справедливомъ отправленіи правосудія. Митрополитъ Алексѣй наставляетъ не только бояръ и вельможъ, но и князей судить милостиво, не брать мзды и не смотрѣть на лица. На ту же тему поучаетъ и митрополитъ Фотій *).

Отъ самаго начала XV вѣка къ намъ дошло чрезвычайно любопытное посланіе Кирилла Бѣлозерскаго къ можайскому князю, Андрею Дмитріевичу. Игуменъ даетъ совѣты князю по самымъ разнообразнымъ вопросамъ суда и управленія и все это подъ угрозой отвѣтственности въ будущей жизни.

«И ты, господине, пишетъ Кириллъ, смотри того, властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ люди, господине, свои уймати отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судити праведно, какъ предъ Богомъ, право, поклеповъ бы господине, не было; подметовъ бы, господине, не было: судьи бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими... И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было, зане же, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Также, господине, мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя. А гдѣ, господине, перевозъ, тутo, господине, пригоже дати труда ради. Такоже, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывать своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Такоже, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога. И аще, господине, не подщишися всего того управити, все то на тебѣ взыщется, понеже властитель еси своимъ людемъ отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста». А. И. I. № 16, 1408—1413.

Это цѣлая правительственная программа, предписываемая въ видахъ душевнаго спасенія и въ дополніе къ молитвѣ и посту. Предписывая князьямъ порядокъ управленія, духовенство не затруднялось освобождать подданныхъ отъ повиновенія княжескимъ уставамъ, если того требовала польза народная. Примѣръ этому даетъ митрополитъ Фотій, благо-

*) Мѣста указаны и приведены у Дьяконова, 48

словившій псковичей отмѣнить грамоту князя Константина Дмитріевича, въ вѣрномъ соблюденіи которой они цѣловали крестъ.

«И сказалъ ми, пишетъ Фотій псковичамъ, сынъ мой, князь Андрей Александровичъ, и тѣ ваши бояре, посадникъ Якимъ и Василій, что отъ тое грамоты отъ новые, отъ княжи отъ Костянтиновы Дмитріевича, христіаномъ ставится пакостно и душевредно всей вашей державѣ, а хотите держати свою старину..... А нужно будеть то новое цѣлованье христіанству, и не къ ползѣ душевной, а на пагубу, и вы бы то новое цѣлованье сложили, аще въ немъ будетъ нужа христіаномъ, и милостынею, и постомъ, и молитвою помозите себѣ въ семъ. А азъ васъ, своихъ дѣтей, благословляю порушити ту новину, нужную грамоту христіаномъ, а благословляю васъ держати вашу старину». А. И. I. № 23. 1416.

Митрополитъ Іона, во время нашествія татаръ на Русскую землю, вмѣстѣ съ послами великаго князя посылаетъ и своихъ собственныхъ пословъ къ можайскому князю, Ивану Андреевичу, съ приглашеніемъ выступить противъ царевой рати. Въ 1454 году онъ приказываетъ смоленскому епископу, Михаилу, говорить съ литовскими властями о томъ, чтобы бѣжавшій въ Литву можайскій князь не сдѣлалъ вреда владѣніямъ великаго князя. А. И. I. № 56.

Въ концѣ XV вѣка возникла въ Новгородѣ ересь жидовствующихъ. Въ началѣ, говорятъ, она имѣла сторонниковъ при дворѣ великаго князя, даже въ семьѣ его, и самъ государь не рѣшался принимать противъ еретиковъ строгихъ мѣръ: его смущала мысль, нѣтъ ли грѣха въ казни еретиковъ. Представители господствующей церкви не оставили князя въ такомъ колебаніи. Убѣдить его въ необходимости казней взялъ на себя Іосифъ Волоколамскій и сталъ дѣйствовать чрезъ духовника великаго князя. Въ письмѣ къ послѣднему онъ проводитъ мысль о томъ, что государя должно склонить къ казнямъ въ собственномъ его интересѣ, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за послабленіе еретикамъ, да и на всю землю, такъ какъ за цар-

ское согрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ *). Эти внушенія не остались безъ желательныхъ для волоколамскаго игумена послѣдствій.

Въ 1480 году ордынскій царь Ахматъ подступилъ къ границамъ Московскаго государства сперва со стороны Оки рѣки, а потомъ Угры. Нападеніе это не имѣло никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій: татары не перешли рѣки Угры, война ограничилась небольшими стычками; начатые Иваномъ Васильевичемъ переговоры о мирѣ также не привели ни къ какимъ результатамъ. Разсказываютъ, что нападающіе ждали только морозовъ, чтобы по льду переправиться черезъ Угру и идти къ Москвѣ. Но когда наступили морозы, татары, успѣвшіе къ тому времени обноситься, ушли восвояси. Тѣмъ не менѣе нашествіе это произвело большой переполохъ въ Москвѣ. Посады около города были сожжены; казну и жену свою осторожный царь отправилъ на Бѣлоозеро, приказавъ ей удалиться къ «окіяну морю», если Ахматъ перейдетъ «на сю страну Оки и возьметъ Москву». О царѣ распространялись въ народѣ самые невѣроятные слухи, говорили, что онъ хочетъ предать христіанство бусурманамъ, бросить отечество и убѣжать въ чужія страны. Толки эти нашли довѣрчивыхъ людей и среди духовенства. Вассіанъ, архіепископъ ростовскій, нашелъ нужнымъ написать великому князю обширное посланіе, въ которомъ находимъ такія мѣста:

«Пріиде же убо въ слухи наша, яко прежніи твои развратници не престаютъ, шепчуще въ ухо твое льстивая словеса, и совѣщаютъ ти не противитися супостатомъ, но отступити и предати на расхищеніе волкамъ словесное стадо христовыхъ овецъ! Внимай убо себѣ и всему стаду, въ немъ же тя Духъ святый постави, о боголюбивый и вседержавный царю!.. И что убо съвѣщаютъ ти лстивіи сіи и лжеименитіи, мнящеся быти хрестьяне? Токмо еже повергше щиты своя и ни мало спротивлешеся окаяннымъ симъ сыроядцемъ, предавъ хрестьянство, свое отечество, яко бѣгу-

*) Мѣсто изъ письма приведено у Дьяконова, 93.

номъ скитатися по инымъ странамъ! Помысли, убо, о велемудрый государю, отъ каковыя славы въ каково безчестье сводятъ твое величество!.. И гдѣ паки отходиши, пастырю добрый, кому оставляеши насъ, яко овца, неимущи пастыря?.. Не послушай убо, государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе преложити, и бѣгуну явитися, и предателю хрестьянскому именоватися; но отложи весь страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженетъ тысящу, а два двигнета тмы»...

Но этимъ письменнымъ наставленіемъ по части военныхъ дѣлъ архіепископъ не успокоился. Онъ воспользовался пріѣздомъ царя въ Москву, чтобы сдѣлать ему новое публичное поученіе:

«Пріѣха же князь великій во градъ Москву (съ береговъ Оки, гдѣ онъ оставилъ все войско) и срѣте его митрополитъ, а съ нимъ владыка Васіанъ ростовскій. Нача же владыка Васіанъ злѣ глаголати князю великому, бѣгуномъ его называя, сице глаголаше: «вся кровь на тебе падетъ хрестьянская, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь, а бою не поставя съ татары и не бився съ ними! А чему боишися смерти? Не безсмертенъ еси человѣкъ, смертенъ! А безъ року смерти нѣту ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю! А дай сѣмо вои въ руку мою, коли азъ, старый, утулю лице противъ татаръ!» и много еще глаголаше ему, а гражане роптаху на великого князя». Софійск. II, 1480.

Возбужденіе народа противъ князя, поддержанное этимъ вмѣшательствомъ духовенства въ порядокъ веденія войны, было такъ сильно, что великій князь не рѣшился остановиться въ Москвѣ въ своемъ дворцѣ, а выѣхалъ жить въ Красное сельцо.

Свое посланіе владыка начинаетъ словами: «Наше убо, государю великій, еже воспоминати вамъ, ваше же—еже послушати», и подъ «послушати», конечно, разумѣетъ не выслушать только, а подчиниться.

Митрополитъ Филиппъ не хотѣлъ вступать на митрополичью каѳедру, если царь не уничтожитъ опричнины; епископамъ едва удалось уговорить этого строгаго подвижника

принять каѳедру безусловно и дать обѣщаніе не вступаться въ опричнину и въ царскій домовый обиходъ *).

Этотъ краткій перечень святительскаго вмѣшательства въ чисто свѣтскія дѣла заключимъ выпиской изъ разрядовъ за 1619 годъ:

«И великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, съ митрополиты, и съ архіепископы, и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ приходилъ къ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи и совѣтовали о томъ: что судбами Божьими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, Московское государство отъ полскихъ и литовскихъ людей разорилось и запустѣло, а подати всякіе и емскимъ охотникомъ подмоги емлютъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дорожнымъ книгамъ, и инымъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, послѣ московскаго разоренья, будучи посыланы по городомъ, дозирали по не дружбѣ тяжело и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная» и т. д.

Государь, выслушавъ эти представленія духовенства о послѣдствіяхъ московскаго разоренія, рѣшилъ собрать соборъ, которому и предложилъ вопросъ: «какъ бы то исправить и земля устроить?» Книги разрядныя I. стол. 612.

Итакъ, со введенія христіанства и по XVII в. включительно, духовенство принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ дѣлахъ свѣтскаго управленія. Давая князьямъ совѣты, оно подкрѣпляетъ ихъ всею силою своего духовнаго авторитета. Подчиненіе епископскимъ совѣтамъ и въ этихъ случаяхъ свѣтскаго властительства входитъ, конечно, въ сферу того послушанія и той благопокорности, за проявленіе которыхъ вселенскій патріархъ такъ хвалитъ вел. кн. Дмитрія Ивановича. Въ Греціи хорошо понимали эту руководящую роль епископовъ въ дѣлахъ свѣтской политики, а потому патріархи требовали отъ русскихъ митрополитовъ, чтобы они доносили имъ не только о церковныхъ потреб-

*) Рум. собр. I. № 193. Макарій, VI, 298.

постяхъ, но и о дѣлахъ государственныхъ *). Насколько въ Константинополѣ вѣрно оцѣнивали вліяніе митрополитовъ на свѣтскія дѣла, видно изъ соборнаго опредѣленія, присланнаго патріархомъ Ниломъ митрополиту Пимену. Послѣ смерти митрополита Ѳеогноста произошло раздѣленіе митрополіи: вслѣдъ за св. Алексѣемъ, кандидатомъ Москвы, въ званіе митрополита былъ возведенъ и Романъ, кандидатъ литовскаго князя Ольгерда. Обсуждая этотъ фактъ, грамота говоритъ, что Ольгердъ добивался посадить на митрополичью каѳедру дружественнаго ему Романа, «подъ тѣмъ предлогомъ, будто народъ не желаетъ имѣть митрополитомъ кѵръ Алексія, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы, при его помощи, пріобрѣсти власть и въ Великой Руси». Совершенно вѣрная точка зрѣнія: дружественный князю митрополитъ весьма могъ способствовать расширенію и усиленію его власти **).

Переходимъ къ вопросу о томъ, какія послѣдствія возникали въ случаѣ неповиновенія князей епископскимъ поученіямъ и наказаніямъ. Святители вооружаются противъ непокорныхъ всею силою своей духовной власти: они пугаютъ ихъ угрозой потерять вѣчное спасеніе, навести своимъ непослушаніемъ на всю землю наказаніе Божіе, отлучаютъ ихъ отъ церкви и лишаютъ погребенія. Высшей инстанціей въ столкновеніяхъ князя и епископа является вселенскій патріархъ, суду котораго одинаково подлежали, какъ духовенство, такъ и князья всея Руси. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1147 году, по смерти митрополита Михаила, вел. князь кіевскій, Изяславъ Мстиславичъ, созвалъ въ Кіевѣ соборъ епископовъ и предложилъ ему избрать и поставить митрополита безъ сношенія со вселенскимъ патріархомъ. Несмотря на возраженія нѣкоторыхъ членовъ собора противъ правильности такого избранія, значительное большинство

---

*) См. гр. патріарха Филоѳея къ митрополиту Алексѣю въ іюнѣ 1370 г. Рус. ист. библ. VI. прилож. № 17.

**) Тамъ же, № 30, 1380 г.

епископовъ согласилось съ предложеніемъ князя, избрало и поставило митрополитомъ его кандидата, Климента Смолятича. По смерти Изяслава возстановился старый порядокъ вещей. Заклятой врагъ умершаго князя, дядя его Юрій, занявъ Кіевъ, изгналъ Климента и извѣстилъ патріарха о готовности своей принять отъ него новаго митрополита. Патріархъ поставилъ митрополитомъ всея Руси грека Константина, первымъ дѣломъ котораго, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было—предать проклятію вел. князя Изяслава.

Въ 1229 г. патріархъ Германъ писалъ кіевскому митрополиту Кириллу:

«Приказываетъ-же смиреніе наше о Дусѣ святѣмъ, съ неразрушимымъ отлученіемъ, и всѣмъ благочестивымъ княземъ и прочимъ старѣйшинствующимъ тамо, да огребаются отъ монастырскихъ и церковныхъ стязаній». Павловъ, Секуляризація церковныхъ земель, I. 6.

Въ 1280 году епископъ ростовскій Игнатій судилъ умершаго уже вел. кн. Глѣба Васильковича, нашелъ его недойстойнымъ погребенія въ церкви, приказалъ выкопать и похоронить внѣ церкви (Воскр.). Митрополитъ Кириллъ не одобрилъ судъ епископа, но потому, что при жизни покойнаго онъ не исправлялъ его, а жилъ съ нимъ въ полномъ согласіи: принималъ отъ него подарки, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ. Итакъ, епископъ обязанъ былъ исправлять князя при жизни и тогда судить и наказывать. Послѣ же смерти судитъ Богъ, а не епископъ.

Въ 1311 году князь Дмитрій Михайловичъ тверской билъ челомъ митрополиту Петру «да его разрѣшитъ» *). За что наложилъ митрополитъ запрещеніе на князя и какія были послѣдствія его челобитья, мы не знаемъ. Можно думать, что причины были политическія. Въ томъ же году Дмитрій Михайловичъ хотѣлъ идти войной на Нижній Новгородъ и просилъ митрополита благословить его вла-

*) Рус. Лѣт. III.

димірскимъ столомъ, но получилъ отказъ. Послѣ этого отказа и приводится извѣстіе о запрещеніи.

Въ 1370 году смоленскій князь Святославъ и многіе другіе русскіе князья состояли въ договорѣ съ московскимъ вел. княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, но не исполнили своихъ обязательствъ и на войну противъ Ольгерда литовскаго не выступили. Митрополитъ Алексѣй отлучилъ ихъ за это отъ церкви и довелъ о рѣшеніи своемъ до свѣдѣнія патріарха. Патріархъ одобрилъ рѣшеніе митрополита и написалъ князьямъ, что и онъ:

«Имѣетъ ихъ отлученными, такъ какъ они дѣйствовали противъ священнаго христіанскаго общежитія, и объявляетъ, что они тогда только получатъ отъ него прощеніе, когда исполнятъ свои обѣщанія и клятвы, ополчившись вмѣстѣ съ вел. княземъ на враговъ креста, затѣмъ придутъ и припадутъ къ своему митрополиту и упросятъ его писать объ этомъ къ его мѣрности; и когда митрополитъ напишетъ, что они обратились и принесли истинное и чистое раскаяніе, тогда они будутъ прощены и его мѣрностію». Рус. ист. биб. VI. прилож. № 20. 1370.

Князю Святославу патріархъ пишетъ, что онъ долженъ со слезами прибѣгнуть къ своему митрополиту, прося у него прощенія. Тамъ же, № 21. 1370.

Въ 1371 году вел. князь тверской Михаилъ подалъ патріарху Филоѳею жалобу на митрополита Алексѣя и просилъ съ нимъ суда. Изъ патріаршихъ грамотъ не видно, въ чемъ состояла претензія тверского князя, но поводы недовольства митрополитомъ у него дѣйствительно были. Въ 1368 году великій князь московскій Дмитрій Ивановичъ, пользуясь содѣйствіемъ митрополита Алексѣя, зазвалъ къ себѣ «любовью» великаго князя тверского, а на третій день перехваталъ его бояръ и заключилъ ихъ, а самого князя Михаила потребовалъ къ себѣ на судъ. Тверской князь усмотрѣлъ въ этихъ дѣйствіяхъ «измѣну, и имѣаше ненависть къ великому князю Дмитрію, паче же и на митрополита жаловашеся», говоритъ лѣтописецъ. Воскр.

Получивъ жалобу, патріархъ рѣшилъ дать князю судъ

съ митрополитомъ и послалъ къ истцу и отвѣтчику вызовъ съ назначеніемъ срока явки къ суду. Вскорѣ затѣмъ, однако, патріархъ передумалъ и рѣшилъ испытать путь примиренія. Съ этою цѣлью онъ написалъ митрополиту и князю увѣщательныя грамоты. Различія въ ихъ содержаніи чрезвычайно характерны. Патріархъ находитъ раздоры митрополита съ княземъ «соблазнительными», тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ виноватымъ только князя. Митрополиту онъ предлагаетъ «простить» его; князю же совѣтуетъ «исправиться, принести митрополиту раскаяніе и просить у него прощенія и благословенія» *). Можно подумать, что въ святительскомъ судѣ существовала презумція виновности свѣтскихъ людей предъ духовными. Какъ это ни странно на нашъ взглядъ, но такъ должно было быть въ дѣйствительности, вѣдь на епископа смотрѣли въ Константинополѣ, какъ на главу князя и всей земли.

По смерти митрополита Алексѣя, Дмитрій Ивановичъ хотѣлъ возвести на митрополитью каѳедру любимца своего, попа Митяя, а потому не призналъ кіевскаго митрополита, Кипріана, и съ безчестіемъ выгналъ его изъ Москвы. Кипріанъ предалъ князя проклятію и написалъ преподобному Сергію радонежскому и симоновскому игумену, Ѳедору, грамоту, въ которой находимъ слѣдующее характерное мѣсто:

«И аще міряне блюдутся князя, за неже у нихъ жены и дѣти, стяжанія и богатьства, и того не хотять погубити (яко и самъ Спасъ глаголеть удобь: «есть вельблуду сквозѣ иглинѣи уши проити, неже богату въ царство небесное внити») вы же, иже міра отреклися есте и иже въ мірѣ и живете единому Богу, како, толику злобу видивъ, умолчали есте? Аще хощете добра души князя великаго и всей отчине его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одежы своя, глаголали бы есте предъ цари нестыдяся: аще быша васъ послушали, добро бы; аще быша васъ убили, и вы святи! Не вѣсте ли, яко грѣхъ людскій на князя и

*) Рус. ист. библ. VI, прилож. 26—29, 1371.

княжьскій грѣхъ на люди нападаетъ? Не вѣсти ли писаніе, глаголюще, яко аще плотьскыхъ родитель клятва на чада чадомъ падаетъ, колми паче духовныхъ отецъ клятва и та сама основанія подвижетъ и пагуби предаетъ? Како же ли молчаніемъ преминуете, видяще мѣсто святое поругаемо, по писанію, глаголющему: мерзость запустенія стояще на мѣстѣ святѣ?»

Затѣмъ напоминаетъ правила о поставленіи епископовъ, изверженіи и отлученіи неправильно поставленныхъ и ихъ пособниковъ.

Митрополитъ крайне удивленъ, какъ это преподобный Сергій и игуменъ Ѳедоръ, видя беззаконіе князя, молчали, и напоминаетъ имъ о важности священнической клятвы и законности ея въ данномъ случаѣ. Онъ, конечно, имѣетъ въ виду исправленіе князя, а потому и говоритъ, что препод. Сергій и игуменъ Ѳедоръ не должны были молчать, если бы хотѣли добра душѣ вел. князя и всей отчинѣ его, такъ какъ княжескій грѣхъ переходитъ на людей, а людской на князя. Въ концѣ грамоты прописано и проклятіе въ слѣдующей формѣ, безъ наименованія князя:

«То Богъ вѣдаетъ, что любилъ есть отъ чистаго сердца князя великаго Дмитрія, и добра ми было хотѣти ему и до своего живота. А понеже таковое бещестіе возложили на мене и на мое святительство: отъ благодати данныя ми отъ пресвятыя и живононачальныя Троица, по правиламъ святыхъ отецъ и божественныхъ апостолъ, елици причастни суть моему иманію, и запиранію, и бещестію, и хуленію, елицы на томъ свѣтъ свѣщали, да будутъ отлучени и не благословеніи отъ мене Кипріана, митрополита всея Руси, и прокляти по правиломъ святыхъ отецъ, и кто покусится сію грамоту сжещи, или затаити, и тотъ таковъ.» Рус. ист. библ. VI, № 20, 1378.

Отъ самаго начала XV вѣка имѣемъ два поученія митрополита Фотія вел. князю Василію Дмитріевичу. Вступивъ въ 1410 г. на каѳедру, митрополитъ нашелъ домъ митрополичій опустошеннымъ, владѣнія расхищенными князьями и боярами; нѣкоторыми доходами митрополіи пользовалась

даже великокняжеская казна *) Съ цѣлью возвращенія разхищеннаго онъ и написалъ два посланія великому князю. Митрополитъ обращаетъ вниманіе князя на важность священства въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ: цари побѣждали враговъ своихъ не силою оружія, а молитвами священниковъ; и особенно останавливается на распоряженіяхъ императора Мануила Комнина о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Онъ приписываетъ ему слѣдующее заклятіе:

«...Кто... или намѣстникъ, или судія или вельможи царства моего... презрить (мои распоряженія) или изобидить, или посужати начнеть (церковныя имущества), первѣе же святыа Троици свѣта и милости, егда предстанетъ страшному судищу, да не узрить и да отпадеть отъ христіанскія части, яко же Іуда отъ дванадесятнаго числа апостольскаго; къ сему же и клятву да пріиметь иже отъ вѣка усопшихъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ богоносныхъ отець».

И затѣмъ продолжаетъ отъ себя, обращаясь къ князю:

«Тѣмъ же устрашаюся азъ, о любезный мой сыну, да не услышимъ гласа онаго и отвѣта глаголюща: «яко же не послушасте гласа Моего и заповѣди Моя не сохранисте, нодадосте выю жестоку, гордостну, непокориву, такоже будеть, егда призовете Мя, Азъ же не призрю на молитву вашу, ниже послушаю васъ». Рус. ист. библ. VI, № 35.

Митрополитъ не проклинаетъ похитителей церковнаго имущества, но ясно даетъ понять князю, что невозвратившіе похищеннаго не унаслѣдятъ жизни вѣчной.

Съ конца XV вѣка или съ самаго начала XVI вѣка у насъ начинаютъ, по примѣру новогородской епархіи, включать въ чинъ православія или синодикъ, ежегодно возглашаемый на первой недѣлѣ великаго поста, слѣдующее общее анаѳематствованіе всѣмъ властямъ, а слѣдовательно и князьямъ:

«Вси начальствующіи и обидящіи святыя Божіи церкве и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и ви-

*) Макарій, Исторія, VI. 87.

ноградъ, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты». Павловъ, Секуляризація, I, 51.

Въ 1537 году митрополитъ Даніилъ отправилъ архіепископа сарскаго Досиоея и архимандрита симонова монастыря Филооея къ старицкому князю Андрею Ивановичу съ приглашеніемъ пріѣхать въ Москву для оказанія покорности великому князю. Если же князь Андрей «не послушаетъ, ѣхать не похочетъ, а станетъ жестоко отвѣчивати которыя рѣчи», въ этомъ случаѣ митрополитъ приказалъ архіепископу предать князя проклятію. Рум. собр. III № 32.

Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, патріархъ Никонъ угрожалъ царю Алексѣю Михайловичу отчитать его отъ православія передъ восточными патріархами, на томъ основаніи, что онъ находилъ въ немъ «мало христіанства». Макарій, XII. 412, 717.

Требуя отъ князей подчиненія своимъ наставленіямъ и наказаніямъ, духовенство вмѣстѣ съ тѣмъ поучало народъ чтить князей: «Бога бойтесь, князя чтите», постоянно слышалъ онъ изъ его устъ. Лука Жидята въ поученіи къ народу говоритъ: «Бога бойтесь, князя чтите; мы рабы во первыхъ Бога, а потомъ государя». Подробнѣе развиваетъ ту же мысль князь-инокъ, Вассіанъ Патрикѣевъ:

«Добра своимъ государямъ во всемъ желайте, говоритъ онъ; за нихъ слѣдуетъ и умирать, и жизнь свою полагать, какъ за православную вѣру, потому что Богомъ все предано свыше его помазанику, царю и вел. князю, Богомъ избранному, которому Богъ даетъ власть надъ всѣми и отъ всего міра».

Но, согласно установившемуся въ Византіи взгляду, почитаніе свѣтской власти обусловливалось ея православіемъ. Князь почитался не просто, какъ представитель верховной власти, а какъ слуга Божій, защитникъ и покровитель православія. Почитаніе свѣтской власти имѣло, такимъ образомъ, свой предѣлъ. Мысль о подчиненіи только православнымъ царямъ высказана патріархомъ Антоніемъ въ извѣстномъ уже намъ посланіи его къ вел. князю Василію Дмит-

ріевичу. Сказавъ о тѣсномъ союзѣ царства и церкви, онъ продолжаетъ такъ:

«Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы, чуждые апостольскаго и отеческаго ученія».

Митрополитъ Кипріанъ, въ приведенной уже нами грамотѣ препод. Сергію и игум. Ѳедору, высказываетъ мысль, что если міряне не выходятъ изъ повиновенія князю, видя его беззаконныя дѣйствія, и молчатъ, то дѣлаютъ они это изъ страха, не желая лишиться женъ и дѣтей, стяжаній и богатствъ своихъ; за то, прибавляетъ митрополитъ, легче верблюду проидти чрезъ ушко иглы, чѣмъ богатому войдти въ царствіе Божіе. Итакъ, по мнѣнію митрополита Кипріана, повиновеніе подданныхъ беззаконому князю лишаетъ ихъ царства небеснаго.

Митрополитъ Даніилъ проводитъ мысль о неповиновеніи нечестивымъ царямъ и учитъ, что подобаетъ покоряться властямъ лишь «Божіе повелѣніе творящимъ», что повиноваться властямъ, какъ Богу, обязательно для людей лишь тогда, «аще по закону Божію начальство имъ есть»; если же власти что либо «внѣ воли Господни повелѣваютъ намъ, да не послушаемъ ихъ» *).

Ту же мысль о повиновеніи только православному царю надо видѣть и въ посланіи митрополита Макарія Ивану Грозному по поводу казанскаго похода:

«Аще царево сердце въ рукѣ Божіи, то всѣмъ подобаетъ, по волѣ Божіи, по царскому повелѣнію ходити и повиноватися со страхомъ и трепетомъ». А. И. I № 160, 1552.

Съ особой силой высказываетъ эту мысль ревностный гонитель жидовствующихъ и горячій защитникъ права монастырей на недвижимости, игуменъ волоколамскій Іосифъ.

Если царь надъ собою «иматъ царствующи скверныя

*) У Дьяконова, 128.

страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ — невѣріе и хулу»—такой царь «не Божій слуга, но діаволъ, и не царь, но мучитель». Дьяконовъ, 95.

Мы изобразили взгляды нашей духовной іерархіи *) на ея отношенія къ свѣтской власти и должны сказать, что положеніе княжеской власти по отношенію къ духовной, съ этой точки зрѣнія, было весьма безпомощное и очень мало походило на положеніе византійскаго императора. Ви-

*) Во II главѣ сочиненія г. Дьяконова «Власть московскихъ государей» одинъ отдѣлъ озаглавленъ: «Ученіе объ обоготвореніи власти, 41—42». Въ доказательство обоготворенія власти князей въ древности авторъ приводитъ мѣсто лѣтописи подъ 1175 г. и нѣсколько выраженій изъ поученія князьямъ о судѣ, неизвѣстнаго автора. Цѣли г. Дьяконова и наши очень различны. Онъ имѣетъ въ виду выяснить въ своей II главѣ политическія темы древней русской письменности вообще, мы же—лишь взгляды духовной іерархіи на ея отношенія къ свѣтской власти, поэтому для насъ не имѣютъ значенія ни слова лѣтописца подъ 1175 г., ни заимствованныя изъ разныхъ мѣстъ выраженія неизвѣстнаго автора поученія о судѣ.—Впрочемъ, независимо отъ различія нашихъ цѣлей, едва ли г. Дьяконовъ достаточно доказалъ наличность обозначенной имъ въ оглавленіи темы. Въ лѣтописи подъ 1175 г. о князѣ говорится, что онъ «властью сана яко Богъ», а въ слѣдующей строкѣ тотъ же князь названъ «слугою Божіимъ». Если тутъ и есть приравненіе князя Богу съ точки зрѣнія довѣренной ему власти, то все же онъ остался слугой Божіимъ и не сдѣлася Богомъ. Еще менѣе удаченъ выборъ мѣстъ изъ поученія неизвѣстнаго автора. Этотъ авторъ обличаетъ общественныя язвы и упрекаетъ неизвѣстнаго намъ князя въ томъ, что онъ не наказываетъ неправедныхъ судей, «любя беззаконныя прибытки и тѣхъ дѣля напустивъ злаго судію на люди». Въ виду такой дѣятельности князей, неизвѣстный авторъ говоритъ словами Ефрема Сирина: «Бози бывше, измрете яко человѣцы, и во пса мѣсто въ адъ сведени будете». Намъ кажется, что поученіе такого характера весьма плохая пропаганда обоготворенія предержащей власти, а между тѣмъ г. Дьяконовъ на стр. 42 выписанныя нами слова Ефр. Сирина, между прочимъ, приводитъ въ доказательство «продолжающейся пропаганды этого ученія». Надо прибавить, что и самъ г. Дьяконовъ признаетъ «безпочвенность этого ученія».

зантійскій императоръ пріобщался къ священству и признавался «внѣшнимъ епископомъ». Онъ издавалъ указы, въ которыхъ обязывалъ исповѣдывать христіанскіе догматы. Онъ низвергалъ и предавалъ анаѳемѣ патріарховъ. Объ обязанности подчиненія императора «поученіямъ и наказаніямъ» епископовъ не могло быть и рѣчи, точно также, какъ о ихъ судѣ надъ нимъ. Иначе у насъ, князья—ученики духовенства и не только въ духовныхъ вещахъ, но и во многихъ свѣтскихъ. Учителей своихъ они должны слушать, иначе имъ угрожаетъ кара Божія. Въ случаѣ столкновенія съ ними, они подлежатъ суду патріарха, какъ высшей инстанціи. Сколько нибудь точно опредѣлить дѣла, въ которыхъ духовенство выступало необходимымъ совѣтникомъ князя, не представляется возможности, точно также, какъ невозможно опредѣлить и юридическое значеніе его совѣтовъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что значеніе этихъ необходимыхъ и самовольныхъ совѣтниковъ было очень велико. Припомнимъ наставленія духовенству митрополита Кипріана: духовенство не должно молчать предъ княземъ, если видитъ его неправильно дѣйствующимъ; оно должно усовѣщивать его въ собственномъ его интересѣ и интересѣ всей земли, ибо грѣхи князя падаютъ на весь народъ; оно не должно останавливаться въ своихъ совѣтахъ и передъ страхомъ смерти, ибо ничего не теряетъ, а только выигрываетъ: «аще быша васъ убили, и вы святы», поучаетъ митрополитъ. Если мы примемъ въ соображеніе преобладающее значеніе религіи въ исторіи того времени, значеніе этихъ необходимыхъ и самовольныхъ совѣтниковъ представится намъ во всей его подавляющей силѣ. Каждый священникъ былъ уже совѣтникъ. Совѣтники эти являлись къ князю то по одиночкѣ, то по нѣсколько вмѣстѣ, то, наконецъ, въ формѣ цѣлаго собора.

Переходимъ къ практикѣ отношеній представителей свѣтской власти къ представителямъ духовной. Практика эта

была очень разнообразна. Не будучи опредѣлена закономъ, она условливалась различіемъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ политическихъ убѣжденій. Князья и епископы не всегда были въ отношеніяхъ согласія, любви и мира иногда дѣло доходило и до борьбы, проявлявшейся въ весьма суровыхъ формахъ. Тѣмъ не менѣе внѣшнее проявленіе чувствъ уваженія и почтенія князей къ духовнымъ сановникамъ составляетъ обычную и преобладающую черту нашей древности.

Высшему представителю церковной власти, обыкновенно, усвоялся со стороны князей почетнѣйшій титулъ нашей древности, наименованіе отца. Договорныя грамоты князей, обыкновенно, начинаются такъ: «По благословенію отца нашего (имя) митрополита» *). Митрополиты, съ своей сто-

*) У проф. Иконникова въ Опытѣ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869, на стр. 360 читаетъ: «До временъ вел. кн. Василія Дмитріевича государственныя грамоты обыкновенно подписывались: «По благословенію отца нашего митрополита»; но Василій Дмитріевичъ впервые употребилъ форму: «Божіею милостью». Постоянно же эта форма употребляется со временъ Василія Темнаго». Можно подумать, что Василій Дмитріевичъ старую формулу замѣнилъ новой, которая съ Василія Темнаго и вошла въ общее употребленіе. Ничего такого у насъ не произошло. Отъ царствованія Василія Васильевича, дѣйствительно, сохранилось нѣсколько договорныхъ грамотъ, которыя начинаются словами: «Божіею Милостью» и о благословеніи отца митрополита не упоминаютъ. Но это объясняется очень просто. Всѣ эти грамоты выпадаютъ на время съ 1433 по 1448 годъ. Въ 1433 г. митрополитомъ былъ поставленъ Исидоръ, сторонникъ флорентійской уніи, Василіемъ Васильевичемъ не признанный; въ 1441 г. онъ былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ, а вслѣдъ за тѣмъ, до поставленія въ митрополиты рязанскаго епископа Іоны, въ 1448 году, митрополита у насъ вовсе не было. Такимъ образомъ, въ промежутокъ времени съ 1433 по 1448 г., за отсутствіемъ митрополита, не могло быть и его благословенія въ грамотахъ. Но первая грамота, дошедшая отъ Василія Васильевича и написанная при митрополитѣ Фотіѣ, начинается такъ: «По благословенію отца нашего Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Руси». И всѣ грамоты съ поставленія Іоны пишутся съ его благословенія въ такой формѣ: «Божіею милостью и пречистыя его Богоматери и по благословенію отца нашего Іоны, митрополита кіев-

роны, въ грамотахъ своихъ называютъ князей сыновьями. Митрополитъ Іона въ посланіи къ новгородскому архіепископу, Евѳимію, называетъ великаго князя, Василія Васильевича, «сыномъ нашимъ», архіепископа же «братомъ и сыномъ». А. И. I. № 53. 1452. Такимъ образомъ, по понятіямъ о чести XV вѣка, великій князь былъ не только честью ниже митрополита, но и архіепископа новгородскаго, по крайней мѣрѣ такъ съ точки зрѣнія митрополита Іоны. Государь, какъ почтительный сынъ, служитъ митрополиту за столомъ въ тѣ дни, когда митрополитъ у него обѣдаетъ *). Этотъ порядокъ вещей переходитъ и въ XVII вѣкъ. Московскій царь, Алексѣй Михайловичъ, самъ подносилъ патріарху ѣству и кубокъ на панахидномъ обѣдѣ и самъ водилъ подъ нимъ осла въ Вербную субботу **). Подложныя предписанія вѣна Константинова нашли у насъ воспріимчивую почву.

Въ силу значительнаго распространенія въ нашемъ древнемъ обществѣ мысли о преимуществѣ монашества передъ мірскими людьми и о большей доступности вѣчнаго спасенія иноческому чину, князья оказывали особое уваженіе и всей монашествующей братіи. Есть случаи пріобщенія князей къ монашескому чину въ послѣднія минуты жизни. Вел. князь кіевскій, Ростиславъ Мстиславичъ, объявляетъ игумену Поликарпу о своемъ желаніи принять постриженіе; князь суздальскій, Константинъ Васильевичъ, умеръ «во иноцехъ и въ схимѣ»; также принялъ схиму передъ смертію и великій князь московскій, Василій Ивановичъ.

скаго и всея Руси». Въ такой же формѣ пишутся грамоты и во все царствованіе Ивана Васильевича и также написана единственная договорная грамота Василія Ивановича въ 1531 году. Румян. собр. I.

*) «Лѣта 7067 апрѣля въ 25 день, память царя и великаго князя казначеемъ Ѳедору Ивановичу Сукину да хозяину Юрьевичу Тютину. Въ которой день живетъ панихида большая, митрополитъ у государя за столомъ, а государь передъ нимъ стоитъ, и въ той день смертною и торговою казнію вамъ въ своемъ приказѣ казнити не велѣти ни кого». А. И. I. № 154.

**) Дворц. разр. III. 7183 г. столб. 1304, 1345.

Великій князь предчувствовалъ, однако, что найдутся противники постриженія, а потому за нѣсколько дней до смерти сказалъ митрополиту Даніилу: «Аще ли не дадутъ мене постричи, но на мертваго мене положите платье чернеческое; бѣ бо издавна желаніе мое». Опасенія князя не были напрасны. Совершенію обряда воспротивились старицкій князь Андрей Ивановичъ, братъ умирающаго государя, и бояринъ Мих. Сем. Воронцовъ. За споромъ едва успѣли совершить постриженіе, монашескими же одеждами пришлось лишь покрыть тѣло умирающаго.

Иванъ Грозный также признавалъ превосходство иноковъ и жаждалъ ихъ поученія; въ посланіи къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря онъ писалъ:

«Азъ братъ вашъ не достоинъ есмь нарещися, но по еу—ангелскому словеси сотворите мя, яко единаго отъ наемникъ своихъ! Тѣмъ же припадаю честныхъ ногъ вашихъ стопамъ и милъ ся дѣю. Писано бо есть: свѣтъ инокамъ — ангели, свѣтъ же міряномъ — иноки. Ино подобаетъ вамъ, нашимъ государемъ, и насъ заблуждьшихъ во тьмѣ гордости и сѣни смертнѣй прелести тщеславія... просвѣщати...» А. И. I. № 204. 1578.

Предъ смертью и царь Иванъ нашелъ необходимымъ постричься въ монашество. Онъ былъ погребенъ подъ именемъ инока Іоны. Макарій, VI. 314.

Естественнымъ послѣдствіемъ такого отношенія князей къ иноческому чину является то, что князья сами просятъ чернецовъ о наставленіяхъ и принимаютъ ихъ совѣты даже по дѣламъ чисто свѣтскимъ, по вопросамъ войны и мира. Отъ конца XIV вѣка къ намъ дошло посланіе игумена Бѣлозерскаго монастыря, Кирилла, къ вел. князю Василію Дмитріевичу. Изъ этого посланія узнаемъ, что князь самъ обратился къ игумену съ «моленіемъ» о наставленіи. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ преп. Кириллъ:

«Ты, господине, князь великій всея земля Русскія, смиряяся, ко мнѣ посылаешь грѣшному и страстному и недостойному... и ты отъ толикія славы міра сего преклонися

смиреніемъ къ нашей нищетѣ..... моленіе посылаеши ко мнѣ, не могущему и о своихъ грѣсѣхъ Бога умолити».

Самое моленіе великаго князя до насъ не дошло, но изъ отвѣта преп. Кирилла узнаемъ, что оно касалось не однихъ только грѣховъ, но и взаимныхъ княжескихъ отношеній, потому, можетъ быть, что въ этихъ отношеніяхъ было тоже не безъ грѣха. Преп. Кириллъ находитъ нужнымъ коснуться этихъ отношеній и дать вел. князю слѣдующее наставленіе:

«Да слышелъ есми, господине князь великій, говоритъ онъ, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими, князми суздальскими. Ты, господине свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою; и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ по ихъ мѣрѣ; за неже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили». А. И. I. № 12.

Въ послѣднихъ словахъ можно видѣть даже нѣкоторый укоръ политикѣ Василія Дмитріевича.

Митрополиты дѣлаютъ князьямъ поученія и тогда, когда ихъ о томъ никто не проситъ, и князья покорно принимаютъ эти поученія и благодарятъ за нихъ. Примѣръ этому даетъ даже царь Иванъ Васильевичъ. Во время нахожденія его въ казанскомъ походѣ, митрополитъ Макарій написалъ ему посланіе, въ которомъ не только молитъ Господа Бога о ниспосланіи побѣды и одолѣнія на враговъ имени Христова, но и говоритъ царю, что ему «подобаетъ добрѣ, и храбрски, и мужески подвизатися» и молитъ его «самому подвизатися» и пребыть «въ чистотѣ, и въ смиреніи, и въ мудрости, и въ цѣломудріи, и покояніи, и въ прочихъ добродѣтелехъ». «Мнози бо праведницы, говоритъ святитель, и сильніи, и храбріи, и святіи цари отъ гордости и піянства

падоша», и приводитъ примѣръ праведныхъ Ноя и Лота, какъ они, упившись, пали, и другіе поучительные изъ ветхаго и новаго завѣта. «Елико великъ еси, толико смиряй себе, поучаетъ царя митрополитъ, поминай рекшаго: при славѣ буди смиренъ, при печали же мудръ, но и паче же поминай, царю, Спасово еуангельское слово, яко всякъ возносяйся смирится, и смиряйся вознесется». Несмотря на всѣ эти прозрачные намеки на безпорядочную жизнь царя во время похода, Иванъ Васильевичъ благодарилъ митрополита за его «просвѣщенныя словеса» и билъ челомъ о молитвахъ.

Такое высокое положеніе духовныхъ властей давало имъ возможность въ значительной мѣрѣ вліять на общественныя дѣла древней Руси и они дѣйствительно вліяли. Мы уже знаемъ, что Владиміръ святой призывалъ епископовъ на совѣтъ по вопросамъ общественнаго благоустройства и слѣдовалъ ихъ указаніямъ. Его церковный уставъ, конечно, написанъ согласно волѣ и указаніямъ епископовъ; такъ возникъ порядокъ вещей, имѣвшій силу до второй половины XVII вѣка. Изъ исторіи княжескихъ отношеній мы знаемъ, насколько судьба древнихъ княженій была неустойчива. Князья говорили: «миръ стоитъ до рати, рать до мира; уладимся либо миромъ, либо войной» и легко переходили отъ состоянія мира къ состоянію войны. Въ этой повседневной борьбѣ князей духовныя власти принимали дѣятельное участіе частью по просьбѣ заинтересованныхъ, частью по собственной иниціативѣ. Участіе это проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Епископы привлекались, обыкновенно, князьями къ содѣйствію въ заключеніи ихъ мирныхъ договоровъ. Содѣйствіе это состояло въ томъ, что они благословляли миръ и приводили князей къ присягѣ въ вѣрномъ соблюденіи его условій. Епископы становились, такимъ образомъ, блюстителями мира въ руской землѣ. Что касается содержанія мирныхъ договоровъ, то нѣтъ основанія думать, что бы они вносили въ договоры какія либо свои начала. Клятвою оди-

наково скрѣплялись всевозможные договоры и между всевозможными лицами, въ какихъ бы родственныхъ отношеніяхъ они ни состояли. Присягою князей и своимъ благословеніемъ епископы скрѣпляли всякій миръ; въ случаѣ его нарушенія, они могли налагать отлученіе на клятвопреступника. Въ 1146 году черниговскіе князья, Давыдовичи, цѣловали крестъ къ Ольговичамъ, Игорю и Святославу. Приводившій ихъ ко кресту черниговскій епископъ, Онуфрій, обратился къ своимъ пресвитерамъ съ слѣдующимъ предувѣдомленіемъ:

«Аще кто сего крестнаго цѣлованія съступить, да проклятъ будетъ Господьскима 12 праздникома». Ипат.

Епископы становились, такимъ образомъ, необходимыми судьями князей въ вѣрномъ соблюденіи ими договорныхъ обязательствъ. Мы уже знаемъ, что нарушенія договоровъ встрѣчались часто. Случаевъ примѣненія духовной кары къ столкновеніямъ, возникавшимъ изъ княжескихъ договоровъ, было, поэтому, не мало. Но нерѣдко духовныя власти проходили ихъ совершеннымъ молчаніемъ, можетъ быть по трудности найти виновнаго. Бывали, однако, и случаи, въ которыхъ они высказывались о послѣдствіяхъ нарушенія клятвы. При этомъ въ практикѣ духовныхъ властей обнаружилось два направленія. Однѣ думали, что крестное цѣлованіе должно быть исполнено во всякомъ случаѣ и что нарушеніе его есть отреченіе отъ Бога.

«Лучше тебѣ, писалъ вселенскій патріархъ Филоѳей къ тверскому князю Михаилу, не преступивъ крестнаго цѣлованія, умереть тѣлесно, нежели, преступивъ оное, умереть душевно и жить тѣлесно». Рус. ист. библ. VI. № 29. 1371.

Того же мнѣнія держался и печерскій игуменъ Поликарпъ, который поучалъ князя Ростислава «въ крестномъ цѣлованіи стояти». Встрѣчаются и князья, которые, на соблазнительныя предложенія выступить изъ крестнаго цѣлованія, отвѣчали отказомъ, говоря «душею не можемъ играти». Необходимымъ слѣдствіемъ такого взгляда является отлученіе

отъ церкви князей, выступившихъ изъ крестнаго цѣлованія, примѣры чего встрѣчаются въ нашей исторіи. Митрополитъ Алексѣй изрекъ отлученіе противъ вел. князя смоленскаго Святослава и многихъ другихъ русскихъ князей за неисполненіе договора съ Дмитріемъ Ивановичемъ, по которому они обѣщали помогать ему въ войнѣ противъ литовскаго князя Ольгерда. Это отлученіе подтвердилъ и вселенскій патріархъ Филоѳей. Митрополитъ Іона со всѣмъ Божіимъ священствомъ отлучилъ кн. Дмитрія Юрьевича за нарушеніе договора къ вел. князю Василію Васильевичу. А. Э. I. № 372.

Но рядомъ съ такимъ взглядомъ на безусловную неизмѣнность крестнаго цѣлованія у насъ проводился и другой. Нѣкоторые духовные отцы находили, что лучше «преступить крестное цѣлованіе, нежели кровь пролить христіанскую». Такъ думалъ игуменъ св. Андрея, Григорій, и весь соборъ іереевъ, созванный въ 1128 году; такъ думалъ и митрополитъ Никифоръ. Если изъ соблюденія договора могла возникнуть война, духовенство, усвоившее послѣдній взглядъ на клятву, совѣтывало князю не начинать войны, и для упокоенія его совѣсти принимало на себя грѣхъ клятвопреступленія. Цѣль эта не всегда, однако, достигалась. О князѣ Мстиславѣ, нарушившемъ свое клятвенное обѣщаніе по совѣту собора мѣстныхъ іереевъ, лѣтописецъ говоритъ, что онъ «плакася того вся дни живота своего». Съ XIV вѣка, въ интересахъ усиливающейся власти московскихъ государей, это освобожденіе князей отъ принятыхъ ими на себя клятвенныхъ обѣщаній дѣлается явленіемъ весьма обыкновеннымъ. Одинъ и тотъ же епископъ благословляетъ союзъ удѣльнаго князя съ великимъ княземъ московскимъ и освобождаетъ этого удѣльнаго отъ всѣхъ клятвенныхъ обязательствъ, раньше имъ на себя принятыхъ, и въ тоже время произноситъ отлученіе противъ князей, неисполнившихъ своихъ обязательствъ по отношенію къ вел. князю московскому. Въ этомъ случаѣ русскіе епископы оказываютъ весьма существенную поддержку московскимъ государямъ, хотя

дѣйствуютъ и несогласно съ мнѣніемъ своего духовнаго начальства, вселенскаго патріарха Филоѳея.

Но епископы не только блюдутъ о сохраненіи состоявшагося уже мира, они принимаютъ дѣятельное участіе въ самомъ заключеніи мира, склоняя къ нему воюющія стороны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1136 году, во время княженія Ярополка въ Кіевѣ, возгорѣлась война между Владиміровичами и черниговскими князьями Ольговичами, которымъ Ярополкъ не хотѣлъ сдѣлать никакой уступки. Не смотря на то, что всѣ Владиміровичи дѣйствовали за одинъ и Ярополку помогали Вячеславъ, Юрій и Андрей, они потерпѣли пораженіе и принуждены были укрыться въ своихъ городахъ. Начатые переговоры о мирѣ не удались. Тогда вступилъ въ дѣло митрополитъ Михаилъ. Онъ «сталъ, по выраженію лѣтописи, ходить съ крестомъ между противниками» и успѣлъ склонить Ярополка къ уступкамъ. Ярополкъ отдалъ Ольговичамъ все, чего они хотѣли:

«Убоявся суда Божія, сотворися мній въ нихъ, хулу и укоръ прія на ся отъ братьѣ своея и отъ всихъ, по рекшему: любите враги ваши». Ипат.

Миръ заключенъ противъ совѣта братьевъ и всѣхъ свѣтскихъ совѣтниковъ, но согласно евангельской заповѣди: любите враговъ вашихъ. Митрополитъ ходилъ со крестомъ не напрасно: это его миръ.

Въ 1138 году, по смерти Ярополка, кіевскій столъ занялъ братъ его, Вячеславъ. Митрополитъ Михаилъ встрѣтилъ его съ честью и посадилъ на столѣ прадѣда его, Ярослава. Но съ этимъ не хотѣлъ примириться недавній противникъ Ярополка, Всеволодъ Ольговичъ черниговскій. Митрополитъ «смирилъ ихъ и утвердилъ честнымъ крестомъ», говоритъ лѣтописецъ. Это замиреніе враждующихъ состояло въ томъ, что митрополитъ убѣдилъ Вячеслава уступить занятой уже имъ Кіевъ предпріимчивому Всеволоду. Митрополитъ сдѣлалъ это, несмотря на то, что самъ нѣсколько дней тому назадъ привѣтствовалъ Всеволода на кіевскомъ столѣ. Лавр. Митро-

политъ хорошо понималъ, что Вячеславу не одолѣть Всеволода, а потому и убѣдилъ его отказаться отъ занятаго уже княженія.

Въ 1226 году Юрій Всеволодовичъ съ племянниками своими отправился помогать черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу въ войнѣ его противъ Олега, князя курскаго, но «по смотрѣнію Божію приключися ту быти митрополиту Кириллу... и сотвори миръ»... Лавр.

Подъ 1296 годомъ въ Троицкой лѣтописи читаемъ:

«Бысть нелюбье межи князи: Андреемъ, вел. княземъ, Иваномъ переяславскимъ, Даніиломъ московскимъ и Михаиломъ тверскимъ, и сведе ихъ въ любовь владыка Симонъ и владыка Измайло».

Подъ 1301:

«Заратися Иванъ князь да Константинъ, смири ихъ владыка Симеонъ».

Въ 1329 году ханъ золотой Орды потребовалъ отъ Ивана Даниловича Калиты выдачи тверского князя Александра Михайловича, нашедшаго себѣ пріютъ въ вольномъ городѣ Псковѣ. Вел. князь отправилъ къ нему пословъ съ приглашеніемъ пойти въ Орду. Но псковичи воспротивились отъѣзду князя, они говорили ему: «не ходи въ Орду, и аще что будетъ на тебѣ, то изомремъ съ тобой во единомъ мѣстѣ». Вел. князь рѣшилъ взять силою Александра и выступилъ противъ него съ войскомъ и союзниками. Но псковичи «твердо яшася по князи Александрѣ». Видя это, Иванъ Даниловичъ перемѣнилъ политику и обратился къ содѣйствію митрополита Ѳеогноста. Митрополитъ изрекъ проклятіе на князя Александра и на всѣхъ псковичей. Тогда тверской князь уступилъ и уѣхалъ въ Литву. Воскр.

Такую же услугу оказалъ вел. князю Дмитрію Ивановичу митрополитъ Алексѣй. Въ 1364 году возникла рознь между нижегородскими князьями, Дмитріемъ и Борисомъ Константиновичами. Великій князь московскій принялъ сторону старшаго, Дмитрія, и звалъ къ себѣ въ Москву Бориса въ

цѣляхъ соглашенія. Борисъ не послушалъ призыва и не поѣхалъ. Тогда на помощь московскому вел. князю выступилъ митрополитъ Алексѣй. Онъ послалъ въ Нижній преподобнаго Сергія, троицкаго игумена, и приказалъ ему всѣ церкви затворить и пріостановить общественное богослуженіе. Князь Борисъ покорился передъ тяжестію этой духовной кары, постигшей его подданныхъ, сталъ просить мира у брата и уступилъ ему Нижегородское княженіе.

Послѣ заключенія мира между вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ и его противникомъ Дмитріемъ Шемякою, по которому послѣдній обязался не думать на вел. князя никакого лиха подъ страхомъ церковнаго неблагословенія, митрополитъ Іона нашелъ нужнымъ написать посланіе «благороднымъ и благовѣрнымъ княземъ, и паномъ, и бояромъ, и намѣстникомъ, и воеводомъ, и всему купно христоименитому Господню людству». Подъ страхомъ церковнаго неблагословенія онъ приглашаетъ всѣхъ къ вѣрности вел. князю. Форма, въ которой выражено это приглашеніе, чрезвычайно характерна для того времени. Митрополитъ увѣщаетъ православныхъ христіанъ, чтобы они:

«Пощадѣли себе, не токмо тѣлеснѣ, но паче душевнѣ.... и посылали бы есте и били челомъ своему господарю, великому князю, о жалованьи, какъ ему Богъ положитъ на сердце». А. И. I. № 43.

Итакъ, всѣ должны просить государя о жалованьи и удовольствоваться тѣмъ, что онъ дастъ. Это во избѣжаніе кровопролитія:

«А не имете бити челомъ своему господарю, вел. князю, къ конечной своей погибели, а затѣмъ кровь христіанская прольется, и та кровь христіанская на васъ»...

Что же это за челобитье о жалованьи, послѣдствіемъ непринесенія котораго можетъ быть пролитіе крови? Митрополитъ разумѣетъ челобитье князей, бояръ и т. д. о принятіи ихъ на службу великаго князя. Если всѣ поступятъ на службу вел. князя, у Дмитрія Шемяки слугъ не будетъ и

воевать ему будутъ нельзя, а, слѣдовательно, не будетъ и кровопролитія. Поступающихъ же на службу князья жалуютъ. Челобитье о жалованьи—метафора, въ XV вѣкѣ всѣмъ хорошо понятная. Митрополитъ Іона, требуя отъ всѣхъ поступленія на службу вел. князя подъ страхомъ церковнаго не благословенія, оказываетъ ему могущественную поддержку въ возможной и въ будущемъ борьбѣ съ Шемякой.

Наконецъ, епископы смягчаютъ жестокія послѣдствія княжескихъ междоусобій. Въ 1101 году началъ войну противъ кіевскаго князя, Святополка-Михаила, племянникъ его, Ярославъ Ярополчичъ, но потерпѣлъ неудачу, былъ взятъ въ плѣнъ, лишонъ свободы и закованъ въ желѣзо. Митрополитъ Николай принялъ въ немъ участіе и упросилъ князя возвратить ему не только свободу, но и часть владѣній, обязавъ его договоромъ. Лавр.

Въ виду такого вліятельнаго положенія духовныхъ властей, нисколько неудивительно, что князья повергаютъ на ихъ рѣшеніе свои споры. Въ 1351 году возникло недоразумѣніе между тверскимъ вел. княземъ Василіемъ Михайловичемъ и племянникомъ его Всеволодомъ Александровичемъ, княземъ холмскимъ. Лѣтописецъ говоритъ, что князь холмскій произвелъ грабежъ во владѣніяхъ своего дяди, и началъ за это князь великій обижать своего племянника «чрезъ докончаніе, и бояръ его, и слугъ тягостію данною оскорблять, и бысть межи ихъ неимовѣрство и нелюбіе, по бѣсовскому злодѣйству». Въ старину такія пререканія между князьями тянулись долго. Только въ 1356 году обратился холмскій князь къ митрополиту съ жалобой на нарушеніе дядею крестнаго цѣлованія. Митрополитъ Алексѣй принялъ дѣло къ разсмотрѣнію и вызвалъ отвѣтчика въ Москву. Тверской вел. князь принялъ вызовъ и пріѣхалъ съ епископомъ тверскимъ, Ѳедоромъ. Подробности судоговоренія намъ неизвѣстны. Лѣтопись говоритъ только, что «много быша межи ихъ глаголанія, но конечный миръ и любовь не сотворися». Рус. лѣт. По запутанности дѣла, такъ какъ

обѣ стороны были виноваты, епископъ, можетъ быть, затруднился произнести рѣшеніе.

Въ 1365 году въ тверскомъ княженіи былъ новый споръ у вел. князя Василія Михайловича съ племянникомъ Михаиломъ Александровичемъ, изъ-за удѣла князя Семена Константиновича. Кто обратился къ суду митрополита, лѣтопись не говоритъ. Въ ней записано только слѣдующее:

«По митрополичью благословенію и повелѣнію судилъ ихъ владыко Василей и оправилъ князя Михаила Александровича». Рус. лѣт.

Противная сторона осталась рѣшеніемъ владыки недовольна и принесла на него жалобу митрополиту. Дѣло было пересмотрѣно въ Москвѣ.

Въ 1447 году происходилъ судъ московскаго великаго князя, Василія Васильевича, съ углицкимъ княземъ, Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякою, передъ цѣлымъ соборомъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ. Изъ всего дѣлопроизводства до насъ дошло только окончательное рѣшеніе собора, изложенное въ грамотѣ на имя отвѣтчика. Изъ этой грамоты узнаемъ, что дѣло началъ вел. князь московскій: онъ представилъ на разсмотрѣніе собора свои договорныя грамоты съ Шемякой и сдѣлалъ при этомъ устныя объясненія. По изложеніи претензій великаго князя, въ грамотѣ читаемъ:

«А иныхъ, господине, рѣчей брата твоего великаго князя, что намъ сказывалъ, да и грамотныхъ строкъ еще и не исписали есмя, что ся надъ нимъ отъ тобе дѣлаетъ не по докончанью, ни по крестному цѣлованью». А. И. I. № 40. 1447 декабря 29.

Былъ ли сдѣланъ вызовъ къ суду отвѣтчика, изъ грамоты не видно. Но такъ какъ неявка къ суду ему въ вину не ставится, то можно думать, что Дмитрія Юрьевича и не вызывали къ отвѣту. Судъ ограничился разсмотрѣніемъ обязательствъ кн. Юрія, какъ они были формулированы въ грамотахъ, представленныхъ вел. княземъ, и постановилъ пригласить его къ исполненію всѣхъ этихъ обязательствъ подъ страхомъ церковнаго неблагословенія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ третейскимъ судомъ, призываемымъ къ дѣйствію соглашеніемъ сторонъ, и не съ судомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Этотъ судъ не имѣлъ ни опредѣленнаго состава, ни опредѣленной компетенціи, ни органовъ, которые были бы обязаны приводить въ исполненіе его опредѣленія. Здѣсь все держится на авторитетѣ духовной власти и на правѣ ея вязать и разрѣшать въ сей жизни и будущей. Никакой отвѣтчикъ не обязанъ являться къ этому суду и подчиняться его опредѣленіямъ, но князья являются и подчиняются изъ опасенія церковнаго неблагословенія.

Въ своихъ распряхъ съ мѣстными епископами князья также обращаются къ суду митрополита. Чрезвычайно характеренъ по обстановкѣ и послѣдствіямъ судъ митрополита Кипріана надъ тверскимъ епископомъ, Евѳиміемъ Висленемъ. Вел. князь тверской, Михаилъ Александровичъ, пригласилъ къ себѣ въ Тверь, лѣтомъ 1390 года, митрополита Кипріана. За 30 верстъ отъ Твери митрополита встрѣчалъ внукъ великаго князя съ бояры, со многою и великою честью. На другой день за 20 верстъ митрополита встрѣчалъ сынъ вел. князя также съ бояры и со многою и великою честью. На третій день вечеромъ митрополита встрѣтилъ самъ великій князь за пять верстъ отъ Твери съ князьями и боярами и со многою и великою честью. Митрополитъ вышелъ къ великому князю изъ шатра своего, благословилъ его, цѣловалъ любезно и долго бесѣдовалъ о пользѣ душевной. Князь вернулся въ городъ, а на слѣдующій день утромъ снова выѣхалъ встрѣчать митрополита съ дѣтьми и племянниками и проводилъ его до церкви Великаго Спаса, гдѣ митрополитъ отслужилъ литургію. Затѣмъ устроенъ былъ митрополиту и сопровождавшимъ его лицамъ, въ числѣ которыхъ были два греческихъ митрополита, пиръ, продолжавшійся три дня, причемъ митрополиту были поднесены богатые дары. Только на четвертый день была принесена жалоба митрополиту на владыку Висленя «о мятежѣ и раздорѣ церковномъ». Всѣ были недовольны владыкой и всѣ на него

жаловались: «архимандриты, и игумены, и священницы, и иноцы, и бояре, и вельможи, и простии». Несмотря на это общее недовольство, митрополитъ Капріанъ не нашелъ возможнымъ осудить владыку. Онъ устранилъ Евѳимія отъ исполненія имъ епископскихъ обязанностей временно, «дондежъ, еще истязавъ, размыслить». Вел. князь остался этимъ рѣшеніемъ недоволенъ и сталъ просить Кипріана о поставленіи иного епископа. Тогда только Кипріанъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ низложилъ Евѳимія и «даде вел. князю протодьякона своего, Арсенія, мужа дивна, и нарочита, и добродѣтельна суща».

Но дѣло этимъ не кончилось. Надо полагать, что митрополитъ не очень былъ убѣжденъ въ виновности Евѳимія. На эту мысль наводитъ, во-первыхъ, то, что митрополитъ, по низложеніи Евѳимія, много старался о примиреніи его съ вел. княземъ, но напрасно: «не бысть мира и любви, но наипаче вражда и брань велия воздвизашеся»; во-вторыхъ, то, что, уѣзжая изъ Твери, митрополитъ взялъ съ собой Евѳимія въ свой московскій Чудовъ монастырь. Къ сожалѣнію, мы незнаемъ, чѣмъ это такъ раздражилъ противъ себя тверичей владыка Евѳимей, не заслуживъ, однако, неблаговолѣнія своего начальства. Лѣтопись прибавляетъ только, что и протодьяконъ Арсеній убоялся принять епископскую каѳедру въ Твери, «виде бо тамъ брань і вражду многу, и смутися и ужасеся». Рус. лѣт. Надо полагать, что виноватъ былъ не одинъ владыка. Если такъ трудно было разрѣшить дѣло о епископѣ, стоявшемъ подъ началомъ митрополита, то можно ли удивляться, что митрополиты не всегда разрѣшали пререканія князей. Въ старину и свѣтскіе суды не всегда разрѣщали дѣла, предоставленные ихъ вѣдѣнію. До насъ дошло нѣсколько судныхъ дѣлъ по мѣстническимъ спорамъ, которыя такъ и остались не рѣшенными.

Насколько авторитетъ церковной власти былъ великъ въ глазахъ нашихъ предковъ и русскихъ князей въ особенности, видно и изъ того, что царь Иванъ Васильевичъ не

ограничился принятіемъ царскаго сана, а нашелъ нужнымъ просить о подтвержденіи этой мѣры константинопольскимъ соборомъ. Вселенскій патріархъ, Іоасафъ, греческіе митрополиты и епископы обсуждали права нашего государя на царскій титулъ, нашли, что онъ можетъ законно и благочестно быть и зваться царемъ, благословили его на царство и, согласно его желанію, выдали ему благословенную грамота. Между правами Ивана Васильевича на царскій титулъ грамота на первомъ мѣстѣ указываетъ на его происхожденіе отъ греческой царевны:

«Смиреніе наше, говоритъ патріархъ въ грамотѣ, подробно узнало и вполнѣ увѣрилось не только изъ преданій многихъ, заслуживающихъ довѣріе мужей, но даже и изъ письменныхъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ, что нынѣшній царь московскій, новгородскій, астраханскій, казанскій и всея Великія Россіи, государь Іоаннъ, ведетъ свое происхожденіе отъ крови истинно царской, т.-е. отъ оной славной и приснопамятной царевны Анны, сестры самодержца, Василія Багрянороднаго»... Соборн. грамота, утверждающая санъ царя, изданіе кн. Оболенскаго.

Духовенству принадлежало важное право печалованія, которое ждетъ еще своей детальной разработки, и широкое участіе въ земскихъ соборахъ, въ составъ которыхъ цѣликомъ входилъ весь соборъ духовенства.

Великому авторитету церковныхъ властей соотвѣтствовала и внѣшняя ихъ обстановка. Митрополиты имѣли цѣлый штатъ вольныхъ слугъ и бояръ, которые составляли особое войско, выходившее на войну подъ начальствомъ своего воеводы, назначаемаго митрополитомъ. Каждый вольный слуга былъ свободенъ поступить на службу князя или митрополита. Вольные слуги митрополита имѣли даже преимущество предъ вольными слугами князей. Они выступали на войну только въ томъ случаѣ, если самъ великій князь садился на коня. Вел. князь Василій Дмитріевичъ первый принимаетъ мѣру къ ограниченію числа воиновъ, выходившихъ на войну съ митрополичьимъ воеводой. При немъ съ митрополичьимъ воеводой идутъ только старые слуги, служившіе еще митро-

политу Алексѣю; поступившіе же на митрополичью службу послѣ митрополита Алексѣя, входятъ въ составъ войскъ, предводительствуемыхъ княжескимъ воеводой. А. Э. I. № 9. Вотъ какъ описываетъ Максимъ Грекъ, не безъ чувства укора, впрочемъ, выѣздъ изъ дома русскаго святителя:

«Ты же.... во градѣхъ ѣздящи на конѣхъ благородныхъ со многими, овѣмъ убо послѣдующимъ, овѣмъ же напредъ воплемъ и бичію разбивающимъ срѣтающи тя народы». Жмакинъ, митрополитъ Даніилъ, 163.

Мы привели свидѣтельства нашихъ источниковъ, говорящіе въ пользу почтительнаго, покорнаго и даже подчиненнаго отношенія князей къ представителямъ духовной власти. Но такъ какъ отношенія эти условливались силою вѣры, глубокимъ почтеніемъ къ ея проповѣдникамъ и высокими нравственными качествами дѣятелей, то, понятно, что при отсутствіи этихъ условій появлялись и отношенія совершенно противоположныя, отношенія враждебныхъ столкновеній и борьбы.

Уже въ XI вѣкѣ встрѣчаемъ князя, который ни во что ставитъ епископовъ и не допускаетъ мысли о возможности епископскаго суда надъ нимъ. По смерти Ярослава между его сыновьями возникли несогласія, совершенно исказившія установленный имъ порядокъ княжескихъ владѣній; при внукахъ его княжеская рознь еще болѣе обострилась и ни кто изъ князей не зналъ порядкомъ, на какія владѣнія онъ имѣетъ наслѣдственное право. Святополку кіевскому и Владиміру Мономаху пришла счастливая мысль устроить княжескій сѣздъ и въ присутствіи духовенства и почетнѣйшихъ свѣтскихъ лицъ разрѣшить княжескія недоразумѣнія. Приглашеніе было послано и къ Олегу Святославичу черниговскому.

«Олегъ же, говоритъ лѣтописецъ, въспріимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ». Лавр. 1096.

Въ позднѣйшее время, какъ увидимъ, были не рѣдки случаи произвольнаго низведенія князьями духовныхъ властей съ епископскихъ и даже митрополичьихъ каѳедръ.

Нашимъ князьямъ не приходилось рѣшать, по примѣру византійскихъ императоровъ, вопросовъ о догматахъ вѣры. Но и на нихъ, какъ блюстителяхъ православія, отвѣчавшихъ не только за свои собственные грѣхи, но и за грѣхи подданныхъ, лежала обязанность охранять чистоту вѣры и правильность обрядовъ. На этой почвѣ могли возникнуть и дѣйствительно возникали столкновенія между княжеской и церковной властью.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ къ намъ пришло изъ Византіи не мало не рѣшонныхъ церковныхъ вопросовъ. Однимъ изъ такихъ былъ вопросъ о постѣ въ среду и пятницу, когда на эти дни приходился какой либо великій праздникъ. «По древнимъ правиламъ церкви, говоритъ преосвященный Макарій въ своей исторіи, постъ въ среду и пятокъ соблюдался въ продолженіе всего года и разрѣшался только въ теченіе семи недѣль пятидесятницы, т. е. съ Пасхи до дня св. Духа, и для праздника Рождества Христова. Позднѣйшіе монастырскіе уставы разрѣшали постъ въ среду и пятокъ не только для Рождества Христова, но и для другихъ великихъ праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и нѣкоторыхъ Святыхъ, и притомъ такъ, что въ означеніи самыхъ праздниковъ были несогласны между собой. Такое разногласіе позднихъ уставовъ съ древними правилами и между собой неизбѣжно должно было произвести разногласіе мнѣній между вѣрующими и рано или поздно возбудить споры». III. 105.

Возникли споры и у насъ, и въ нихъ приняли участіе не только духовенство, но и князья и даже народъ, совершенно какъ въ Византіи. Епископъ ростовскій Несторъ не разрѣшалъ постъ въ среду и пятницу даже для Господскихъ праздниковъ, кромѣ двухъ: Рождества Христова и Богоявленія. Ростовцы нашли это совершенно неправильнымъ

и изгнали своего епископа *). Преемникъ Нестора, Леонъ, былъ еще строже своего предшественника. Онъ не разрѣшалъ поста въ среду и пятницу даже для Рождества Христова и Богоявленія. Это ученіе, несогласное и съ древними правилами церкви, возстановило противъ Леона князя и весь народъ. Устроено было публичное преніе «предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ и предо всѣми людьми», на которомъ присутствующіе признали побѣдителемъ противника Леона, владыку Ѳеодора. Леонъ былъ изгнанъ. Такія же столкновенія встрѣчались и въ другихъ княженіяхъ. Черниговскій епископъ Антоній воспрещалъ ѣсть мясо даже въ Господскіе праздники и за это также былъ изгнанъ княземъ Святославомъ въ 1168 году. Лавр.

Подъ 1175 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что новые ростовскіе князья, Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, такъ неуважительно относились къ правамъ владимірской соборной церкви, что въ первый день своего пріѣзда во Владиміръ потребовали предъявленія имъ полатныхъ ключей, а за тѣмъ отобрали церковное золото, серебро, деньги и недвижимости, словомъ все, чѣмъ одарилъ владимірскую церковь пресвятой Богородицы покойный князь, Андрей Боголюбскій. Ипат.

Въ 1224 году смоленскій епископъ Лазарь оставилъ свою каѳедру:

«За много обидѣніе своихъ церквей, иже обидятъ волостели, отнимающе имѣніе и злая безъ правды творяще». Павловъ, Секуляризація церковныхъ земель, I, 6.

Весьма характерное и важное по своимъ послѣдствіямъ столкновеніе произошло между вел. княземъ Иваномъ Васильевичемъ и митрополитомъ Геронтіемъ. Освящая церкви, митрополитъ Геронтій ходилъ противъ солнца. Князь же великій былъ увѣренъ, что надо ходить по солнцу, и, опасаясь гнѣва Божія за такое неправильное дѣйствіе митрополита, выразилъ ему свое неудовольствіе и возбудилъ офи-

*) Макарій III, 107.

ціальное разслѣдованіе вопроса. Несмотря на то, что огромное большинство лицъ, привлеченныхъ къ обсужденію вопроса, высказалось въ пользу митрополита, князь остался при своемъ мнѣніи и снова далъ почувствовать митрополиту свое неудовольствіе, когда тотъ и при освященіи Успенскаго собора ходилъ не по солонь. Тогда митрополитъ удалился изъ Москвы въ Симоновъ монастырь, оставивъ въ Успенскомъ соборѣ свой посохъ. Такимъ образомъ возникъ полный разрывъ между свѣтской и духовной властью. Москва лишилась митрополита. Такое положеніе вещей не могло быть терпимо. Князь рѣшилъ примириться съ сановникомъ церкви и отправилъ къ нему сына съ просьбой возвратиться на свой столъ. Митрополитъ не послушалъ прошенія великаго князя и въ Москву не поѣхалъ. Тогда великій князь самъ отправился къ митрополиту и билъ ему челомъ, прося возвратиться на свою каѳедру: царь признавалъ себя во всемъ виноватымъ, обѣщалъ слушать митрополита и предоставилъ ему совершать крестные ходы, какъ онъ хочетъ *). Только послѣ этого униженія свѣтской власти передъ духовной, митрополитъ возвратился въ Москву и населеніе столицы успокоилось.

Мы уже знаемъ, что князья XII вѣка поднимали руку на церковныя имущества и отбирали ихъ въ свою пользу. При поземельномъ устройствѣ служилаго класса въ Москвѣ и московскіе государи не могли не замѣтить, что постоянно возрастающія поземельныя владѣнія церкви идутъ въ разрѣзъ съ интересами государственной службы. Великій князь Василій Дмитріевичъ, послѣ смерти митрополита Кипріана, присвоилъ себѣ значительную часть имѣній митрополичьей каѳедры. Но въ законодательномъ порядкѣ вопросъ этотъ впервые былъ возбужденъ только Иваномъ Васильевичемъ III. Въ его царствованіе помѣстное устройство служилыхъ людей становится общимъ правиломъ. Государству нужны были земли. Покореніе Новгорода дало поводъ къ отобранію

*) Макарій, VI, 65 сл.

значительнаго количества земель у новгородскаго владыки и монастырей. Но великій князь не думалъ этимъ ограничиться. Онъ имѣлъ въ виду общую для всего государства мѣру. Что его занималъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имѣній, это видно изъ того, что онъ приблизилъ къ себѣ двухъ важнѣйшихъ представителей партіи нестяжателей, Паисія Ярославова и Нила Сорскаго. Великій князь хорошо понималъ всѣ опасности этого дѣла, а потому дѣйствовалъ съ величайшою осторожностью. Онъ не рѣшился самъ предложить на обсужденіе созваннаго имъ въ 1503 году собора вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Это сдѣлалъ близкій къ нему человѣкъ, Нилъ Сорскій. Когда соборъ 1503 года окончилъ обсужденіе вопросовъ, указанныхъ государемъ, Нилъ Сорскій обратился къ Ивану Васильевичу съ моленіемъ, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились своимъ рукодѣльемъ. Великій князь, услышавъ это моленіе, поддержанное и другими заволжскими старцами, повелѣлъ собору разсмотрѣть поднятый Ниломъ Сорскимъ вопросъ. Несмотря на то, что великій князь не выступилъ на первый планъ и скрылся за другими, заинтересованные вопросомъ люди хорошо знали, кому принадлежитъ иниціатива дѣла. Іосифъ Волоцкой, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлахъ собора, такъ говорилъ о мотивахъ его созванія:

«Великій князь созвалъ въ Москву духовный соборъ— «поповъ ради, иже держаху наложницы, паче же рещи, восхотѣ отнимати села у святыхъ церквей и монастырей». Павловъ, Секуляризація. 39.

Итакъ, члены собора хорошо знали, къ чему склонялась воля государя; но они не сдѣлали ему ни малѣйшей уступки. Обсудивъ вопросъ и рѣшивъ его въ отрицательномъ смыслѣ, они отправили къ государю митрополичьяго дьяка Левашова съ докладомъ такого содержанія:

«Отецъ твой, господине, Симонъ митрополитъ всея Русіи, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ говорятъ, что отъ перваго благочестиваго и святаго

равноапостольнаго Константина царя, да и по немъ при благочестивыхъ царѣхъ, царствующихъ въ Константинѣ градѣ, святители и монастыри грады, и власти, и села, и земли держали; и на всѣхъ соборѣхъ святыхъ отецъ запрещено святителемъ и монастыремъ недвижимыхъ стяжаній церковныхъ ни продати, ни отдати, и великими клятвами о томъ утверждено». Тамъ же, 41.

Несмотря на то, что вслѣдъ за этимъ докладомъ у государя былъ самъ митрополитъ Симонъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и читалъ ему подробный списокъ доказательствъ неприкосновенности имуществъ церкви, есть основаніе думать *), что великій князь все еще не былъ убѣжденъ доводами собора, а потому потребовалъ дополнительныхъ объясненій. Соборъ послалъ къ нему снова дьяка Левашова съ дополнительными объясненіями. Послѣ этого «троекратнаго отказа собора» **), великій князь уступилъ, наконецъ, духовенству и отказался отъ своихъ притязаній. Надо думать, что столкновеніе съ митрополитомъ Геронтіемъ было еще очень свѣжо въ памяти государя.

Не удалась и Ивану Грозному попытка секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Что онъ хотѣлъ отобранія нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, церковныхъ имуществъ, это видно изъ отвѣтнаго посланія къ нему митрополита Макарія. Вопросъ царя, давшій поводъ къ этому отвѣту, до насъ не дошелъ. Но изъ отвѣта митрополита ясно, что царь спрашивалъ его мнѣнія о секуляризаціи нѣкоторой части церковныхъ имуществъ. Митрополитъ въ своемъ отвѣтѣ повторяетъ доводы собора 1503 года и присоединяетъ къ нимъ собственныя свои увѣщанія. Указавъ на примѣръ хана Узбека, подтвердившаго права митрополита Петра на церковныя недвижимости, преосвященный Макарій продолжаетъ такъ:

---

*) Павловъ, Секуляризація, I. 46.

**) Пользуемся выраженіемъ автора Секуляризаціи, I. 50.

«Кольми паче тебѣ подобаетъ, благочестивый и боговѣнчанный царю, свою царскую вѣру къ Богу показати и веліе тщаніе ко всѣмъ божіимъ церквамъ и монастырямъ,— не токмо недвижимыя взимати, но и самому ти подобаетъ давати. Якожъ и вси святіи царскые твои прародители и родители подаваху Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, сице и тебѣ, царю, подобаетъ творити царства ради небеснаго... Глаголю ти, благочестивый царю, и молю твое царское величество, останися, государь, и не сотвори такова начинанія, его же Богъ не повелѣваетъ вамъ, православнымъ царемъ...

О себѣ митрополитъ Макарій въ томъ же посланіи говоритъ:

«Не могу таковая страшная дерзати или помыслити: отъ взложенныхъ Богови и Пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ вданныхъ недвижимыхъ вещей въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ изъ дому Пречистыя Богородици и великихъ чудоторцевъ таковая дати или продати. Не буди того и до послѣдняго нашего издыханія, и избави всѣхъ насъ, Всесильный Боже, и сохрани насъ отъ таковаго законопреступленія, и не попусти тому быти не токмо при насъ, но и по насъ, до скончанія вѣка»... Павловъ 109.

Ту же мысль о неотчуждаемости церковныхъ имуществъ нашелъ нужнымъ высказать и Стоглавый соборъ, на которомъ Макарій былъ предсѣдателемъ. Глава 75, Лонд. из.

На соборѣ были и представители партіи нестяжателей. Историки указываютъ на монаха Корниліева монастыря, Артемія. Онъ пользовался особымъ вниманіемъ государя и былъ возведенъ въ почетное и важное званіе игумена Сергіевой лавры. Знаменательна осторожность, съ какою отнесся этотъ нестяжатель къ вопросу о монастырскихъ имуществахъ. Въ письмѣ къ Грозному онъ говоритъ:

«Обо мнѣ разсказываютъ, что я говорилъ и писалъ тебѣ о необходимости отнять у монастырей села. Дѣйствительно, я писалъ тебѣ на соборѣ, извѣщая свой разумъ, а не говорилъ имъ (членамъ собора) объ этомъ предметѣ, и тебѣ не совѣтую дѣлать что либо подобное властію или принужденіемъ». Тамъ же 111.

Итакъ, несмотря на ясно выраженную волю царя, духовенство въ полномъ своемъ составѣ еще разъ высказалось о неприкосновенности церковныхъ имуществъ: государи не только ничего не могутъ брать изъ этихъ имуществъ на государственныя потребности, но должны ихъ еще пріумножать. Иванъ Грозный подчинился этому рѣшенію и продолжалъ одѣлять своихъ богомольцевъ движимостями и недвижимостями. Ему удалось только запретить архіереямъ и монастырямъ новыя пріобрѣтенія недвижимостей покупкой, дареніемъ и закладомъ. Но эти запрещенія постоянно нарушались и монастыри продолжали вновь пріобрѣтать недвижимости, а потому въ договоръ съ Владиславомъ включено такое условіе:

«А что дано церквамъ Божіимъ и въ монастыри вотчинъ и угодій... и того данья всѣхъ прежнихъ государей московскихъ, и боярскихъ, и всякихъ людей данья у церквей Божіихъ и монастырей не отнимати... и, милости ради великаго Бога, къ церквамъ и монастырямъ всякаго наданья прибавливати».

Самымъ тяжелымъ гнетомъ должно было давить княжескую власть чувство зависимости отъ иностранной власти и не только духовной, но и свѣтской. Эта зависимость обнаруживалась главнымъ образомъ при назначеніи и поставленіи русскихъ митрополитовъ, что происходило въ Константинополѣ и при несомнѣнномъ вліяніи византійскихъ императоровъ. Такое назначеніе составляло въ древности общее правило и обусловливалось зависимостью нашей церкви отъ греческой: русская церковь составляла митрополію константинопольскаго патріархата. Греки весьма дорожили этимъ своимъ правомъ. Съ ихъ точки зрѣнія русскіе митрополиты не только должны были поставляться въ Константинополѣ, но они должны были и назначаться изъ грековъ, а не изъ русскихъ. Послѣднее могло имѣть мѣсто только какъ исключеніе, причемъ греки находили нужнымъ

особенно оговаривать такое исключеніе. Въ настольной грамотѣ преосвященному Алексію на митрополію кіевскую и всея Руси, патріархъ Филоѳей, упомянувъ о прекрасной рекомендаціи, данной вновь назначенному митрополиту его предшественникомъ, и о томъ, что и благороднѣйшій великій князь куръ Іоаннъ, по Господу возлюбленный и нарочитый сынъ его мѣрности, писалъ объ немъ къ высочайшему и святому его самодержцу и къ святой великой церкви Божіей, продолжаетъ такъ:

«То мы, хотя это совершенно необычно и не вполнѣ безопасно для церкви, согласились на это только ради столь достовѣрныхъ похвальныхъ свидѣтельствъ о немъ и по уваженію къ его добродѣтельной и богоугодной жизни, и при томъ только относительно одного куръ Алексія, но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому другому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ: это предоставляется кому либо изъ клириковъ сего богопрославленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по добродѣтели и добрымъ качествамъ, наученному и утвержденному въ силѣ слова, въ познаніи и примѣненіи законовъ церкви, дабы онъ могъ, какъ выше сказано, съ пользою и согласно съ церковною и каноническою практикой, разрѣшать представляющіеся каноническіе вопросы и водить тамошній христоименитый народъ на спасительныя пажити, довольствуясь самъ собою и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи. Это мы предлагаемъ исполнять и будущимъ послѣ насъ патріархамъ, какъ дѣло прекрасное и весьма благопріятное для домостроительства церкви Божіей». Рус. ист. библ. VI. Прилож. № 9. 1354.

Назначеніе русскихъ митрополитовъ только изъ греческихъ клириковъ составляетъ, конечно, крайность греческихъ властолюбивыхъ притязаній, но къ благословенію русскихъ митрополитовъ константинопольскими патріархами сочувственно относились и въ русской землѣ. Митрополита Климента, возведеннаго въ этотъ санъ соборомъ русскихъ іерарховъ, но не получившаго патріаршаго благословенія, не хотѣлъ признать новогородскій епископъ Нифонтъ, родомъ

русскій. Эта оппозиція самостоятельности русской церкви нашла себѣ сочувствіе и у русскаго лѣтописца. Вотъ какъ онъ описываетъ приведенный случай:

«Нифонтъ епископъ бысть поборникъ всей Русской земли. Бысть бо ревнивъ по божественѣмъ. Его же Климъ понуживаше служити съ собою, онъ же ему тако молвяшеть: «нѣси пріялъ благословенія отъ святѣй Софьѣ. и отъ святаго великаго сбора, и отъ патріарха, тѣмже не могу съ тобою служити ни въспоминати тебе въ святѣй службѣ, но поминаю патріарха». Оному же мучащюся съ нимъ и научающю нань Изяслава и своя поборники, не може ему успѣти ничтоже. Патріархъ же присла къ нему грамоты, блажа и и причитая къ святымъ его. Онъ же болѣ крѣпляшется, послушивая грамотъ патріаршь». Ипат. 1156.

Такъ же смотрѣли на Климента и нѣкоторые князья. Даже родной братъ Изяслава, доставившаго митрополичью каѳедру Клименту, получивъ въ 1159 году приглашеніе кіевлянъ занять кіевскій столъ, отвѣчалъ имъ такъ:

«А се вы являю: не хочю Клима у митропольи видити, зане не взялъ благословенія отъ святыя Софья и отъ патріарха». Ипат. 1159.

Не призналъ Климента и дядя Изяслава, Юрій Долгорукій, принявшій въ 1155 г. митрополита Константина, назначеннаго и поставленнаго въ Греціи.

Митрополитъ поставлялъ епископовъ и имѣлъ большое вліяніе на свѣтскія дѣла, а потому назначеніе этого высшаго сановника церкви греками не могло не возбудить чувства неудовольствія у русскихъ князей, проникнутыхъ духомъ политической самостоятельности, и не вызывать въ нихъ стремленія къ эманципаціи отъ греческой зависимости. Борьба въ этомъ направленіи началась уже при второмъ христіанскомъ князѣ, но развитіе вопроса въ русскомъ смыслѣ подвигалось впередъ чрезвычайно медленно. Русской государственной власти потребовалось болѣе четырехъ вѣковъ для полнаго освобожденія отъ греческой зависимости. Прослѣдить шагъ за шагомъ процессъ этой эманципаціи составляетъ предметъ церковной исторіи; мы ограничимся указаніемъ

только главнѣйшихъ моментовъ. Второй христіанскій князь, Ярославъ Владиміровичъ, почувствовалъ уже потребность назначить митрополита по своему избранію. Онъ назначилъ на эту должность хорошо извѣстнаго ему священника села Берестова, который въ 1051 году и былъ поставленъ соборомъ русскихъ епископовъ. Вслѣдъ затѣмъ новый митрополитъ испросилъ себѣ и благословеніе патріарха. Такъ совершился первый, хотя и неполный актъ самодержавія русской государственной власти въ дѣлахъ церкви. Великій князь Ярославъ Владиміровичъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не подъ вліяніемъ византійскихъ идей, а какъ самостоятельный государь, понимающій задачи внутренняго управленія государствомъ. Какъ ученику Византіи, ему никакъ не слѣдовало бы совершать того, что онъ совершилъ; наоборотъ, ему надо было бы обратиться къ византійскому императору и вселенскому патріарху и просить ихъ о назначеніи митрополита въ Русскую землю. Но и Ярославъ Мудрый совершилъ этотъ шагъ не съ разу, а подъ конецъ своего княженія, всего за три года до своей смерти. Иларіонъ былъ вторымъ, поставленнымъ въ его княженіе митрополитомъ; перваго же, Ѳеопемпта, онъ получилъ изъ Греціи. Этотъ шагъ независимости былъ облегченъ тѣмъ, что греки въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ по смерти Ѳеопемпта не назначали въ Русь митрополита. Положеніе преемниковъ Ярослава было очень неблагопріятно для того, чтобы между ними могла возникнуть и осуществиться мысль о самостоятельности въ церковныхъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, въ XII вѣкѣ встрѣчаемъ новую такую же попытку, но не столь удачную. Митрополитъ Климентъ, назначеный энергическимъ Изяславомъ, вел. княземъ кіевскимъ, и по его волѣ рукоположенный соборомъ русскихъ іерарховъ, не получилъ благословенія патріарха и не былъ признанъ преемниками Изяслава, Юріемъ и Ростиславомъ. Въ Константинополѣ назначили другого митрополита, Константина, который и предалъ проклятію Изяслава. Устраненный Климентъ нашелъ себѣ, однако, сторонника въ лицѣ Мсти-

слава, сына Изяслава, который, по смерти Юрія, не хотѣлъ признать Константина, потому что онъ клялъ его отца, и былъ въ пользу Климента. Но съ нимъ не хотѣлъ согласиться Ростиславъ, новый кіевскій князь. Мстиславъ и Ростиславъ много спорили и долго не могли уладиться; наконецъ, рѣшили на томъ, чтобы устранить и Климента и Константина и просить о присылкѣ новаго митрополита изъ Константинополя. Ипат. 1159. Присланъ былъ митрополитъ Ѳеодоръ, скончавшійся въ 1163 году. По его смерти, разсказываетъ лѣтописецъ, вел. князь Ростиславъ хотѣлъ возстановить на митрополичьемъ престолѣ низложеннаго Климента и послалъ посла «къ царю» съ просьбой о благословеніи его. Но греки успѣли тѣмъ временемъ поставить намъ новаго митрополита, Ивана, который и былъ принятъ Ростиславомъ *).

---

*) Макарій въ своей Исторіи церкви допускаетъ, что вел. кн. Ростиславъ призналъ Ивана съ слѣдующей оговоркой: «Въ настоящій разъ, говорилъ, будто бы, онъ посламъ царя, ради чести и любви царской, приму; но если впередъ безъ нашего вѣдома и соизволенія патріархъ поставитъ на Русь митрополита, то не только не примемъ его, а поставимъ за неизмѣнное правило избирать и ставить митрополита епископамъ русскимъ, съ повелѣнія великаго князя». III, 21. Это извѣстіе очень сомнительно, во 1-хъ потому, что оно несогласно съ практикой самого Ростислава. Въ 1159 году онъ готовъ былъ принять Константина, присланнаго изъ Константинополя; когда же племянникъ его, Мстиславъ, выставилъ кандидатомъ Климента, онъ согласился принять, кого пришлютъ изъ Греціи. Во 2-хъ, слова эти находятся только у Татищева и отсутствуютъ въ старыхъ лѣтописяхъ. Татищевъ же въ извѣстіяхъ, относящихся до отношеній свѣтской власти къ духовенству, весьма недостовѣренъ. Въ старыхъ же лѣтописяхъ разсказъ о пріемѣ митр. Ивана не дописанъ и имѣется въ этомъ мѣстѣ пропускъ. Ипат. 1163. Митр. Макарій полагаетъ, что слова Ростислава, приводимыя Татищевымъ, и находились въ этомъ пропускѣ. Въ этомъ тоже можно сомнѣваться. Въ пропускѣ должны были находиться не только слова Ростислава, но еще слова царскихъ пословъ къ Ростиславу и начало разсказа о столкновеніи черниговскихъ князей, Святослава Всеволодовича и Олега Святославича. На все это въ Ипат. лѣт. оставленъ пропускъ менѣе 3-хъ строкъ (полагаемъ, что издатели обозначили про-

Третья попытка на пути эманципаціи княжеской власти отъ греческой зависимости относится къ тому же XII вѣку и была произведена Андреемъ Боголюбскимъ. Мы уже знаемъ, что онъ разошелся въ мнѣніяхъ съ своимъ епископомъ, Несторомъ, и прогналъ его. Не желая подчиняться кіевскому митрополиту и понимая важность учрежденія особой митрополіи во Владимірѣ, Андрей Боголюбскій обратился въ Грецію съ просьбой о поставленіи во Владиміръ не епископа, а митрополита, и предлагалъ къ посвященію въ это званіе любимца своего, Ѳедора. И въ томъ и другомъ ему было отказано; патріархъ Лука Хрисовергъ, въ извѣстной уже намъ грамотѣ, рекомендовалъ великому князю владимірскому жить въ послушаніи изгнаннаго имъ епископа Нестора. Впрочемъ, Андрей Боголюбскій и самъ не отрицалъ права вселенскаго патріарха поставлять митрополитовъ въ Русскую землю, онъ просилъ только объ утвержденіи въ этомъ званіи своего кандидата.

Татарское завоеваніе отодвинуло на задній планъ возникшее было стремленіе къ церковной самостоятельности. Лишь съ ослабленіемъ его послѣдствій и первыми успѣхами объединенія Руси, дѣятельность московскихъ князей становится въ этомъ отношеніи болѣе энергической. Дмитрій Донской, совершившій первый шагъ къ образованію нераздѣльнаго московскаго государства, распоряжается по своему усмотрѣнію поставляемыми въ Константинополѣ митрополитами, то прогоняетъ ихъ, то принимаетъ. Въ моментъ смерти митрополита Алексія русская земля имѣла уже митрополита въ лицѣ серба Кипріана, назначеннаго еще при жизни Алек-

---

пускъ такимъ количествомъ строкъ, а не инымъ, не случайно, а желая указать на его величину). Въ трехъ же строкахъ всего пропущеннаго разсказать нельзя. Впрочемъ и самъ авторъ не придаетъ значенія словамъ Ростислава. Онъ тутъ же говоритъ: «Право поставлять и присылать въ Россію митрополитовъ осталось за констант. патріархомъ. Русскій вел. князь требовалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, избраніе митрополитовъ дѣлалось не безъ его вѣдома и согласія. Не видно изъ древнихъ лѣтописей, было ли исполняемо и это требованіе».

сія, съ условіемъ соединить всю Русь подъ своею властью по его смерти. Несмотря на это, вел. князь Дмитрій, по смерти Алексія, посылаетъ въ Грецію своего любимца Митяя, съ просьбой поставить его въ митрополиты и съ безчестіемъ прогоняетъ Кипріана, пріѣхавшаго было на свою митрополію. Митяй дорогою умеръ; этимъ воспользовался архимандритъ Пименъ, принадлежавшій къ свитѣ Митяя, и выхлопоталъ себѣ въ Константинополѣ поставленіе въ митрополиты. Новый митрополитъ не понравился великому князю, и онъ приказалъ заточить его, а на митрополію призвалъ только что прогнаннаго имъ Кипріана. Нѣсколько времени спустя онъ замѣняетъ Кипріяна Пименомъ. Но и Пименъ его не удовлетворилъ, и князь, при наличности двухъ митрополитовъ въ русской землѣ (Кипріанъ удалился въ Кіевъ), послалъ въ грецію суздальскаго епископа Діонисія для поставленія въ митрополиты, что греки и сдѣлали.

Флорентійская унія подорвала у насъ довѣріе къ православію греческой церкви и послѣ сверженія митрополита Исидора, сторонника уніи, русскіе митрополиты не посылаются болѣе для поставленія въ Грецію, а поставляются на мѣстѣ соборомъ русскихъ іерарховъ. Первымъ такимъ ставленникомъ въ XV вѣкѣ былъ митрополитъ Іона. Въ своихъ грамотахъ паствѣ онъ нашелъ нужнымъ объяснить, какъ вступилъ онъ на митрополію. Іона признаетъ назначеніе и поставленіе митрополита въ Константинополѣ, какъ общее правило; но это было возможно, пока тамъ въ чистотѣ держалось православіе; теперь же, послѣ многихъ лѣтъ вдовства церкви безъ большого святителя, безъ митрополита, отъ чего много лиха и истомы учинилось христіанству,— онъ былъ поставленъ священнымъ соборомъ владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ, со всѣмъ великимъ Божіимъ священствомъ русской земли, по божественнымъ священнымъ правиламъ. Но митрополиту этого поставленія соборомъ русскихъ іерарховъ по божественнымъ правиламъ кажется мало, а потому онъ обращаетъ вниманіе своей паствы на то, что его поставили, «поминая прежнее на насъ повелѣніе

святаго царя и благословеніе святаго вселенскаго патріарха» И здѣсь, значитъ, не обошлось безъ ссылки на верховное право византійскаго императора и вселенскаго патріарха. Дѣйствительно, по смерти митр. Фотія, Іона былъ посланъ въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты, но опоздалъ своимъ прибытіемъ, тамъ успѣли уже поставить Исидора. Іонѣ выразили сожалѣніе и обѣщали дать митрополію послѣ Исидора. Это-то обѣщаніе Іона и разумѣетъ подъ «прежнимъ повелѣніемъ и благословеніемъ» *). Несмотря на то, что митрополитъ Іона постарался наилучшимъ образомъ обставить свое вступленіе на митрополичью каѳедру, ему все же не удалось убѣдить всѣхъ въ правильности своего поставленія. Пафнутій, извѣстный настоятель Боровской обители, пользовавшійся большимъ уваженіемъ московскихъ князей, не призналъ Іону митрополитомъ и не хотѣлъ ему подчиняться. Лишь удары жезломъ изъ рукъ новопоставленнаго и продолжительное тюремное заключеніе привели блаженнаго Пафнутія къ смиренію, покаянію и покоренію **). Такъ были живучи въ нашемъ обществѣ идеи церковной зависимости отъ Греціи. Самостоятельность или самодержавіе русскихъ князей въ церковныхъ дѣлахъ не есть продуктъ византійскихъ вліяній, это плодъ освобожденія отъ этихъ вліяній. Преемники Іоны избирались и поставлялись на митрополію соборомъ русскихъ іерарховъ, безъ всякаго участія въ томъ Греціи ***). Такъ были поставлены три пер-

*) А. И. I. № 43 и 47, 1448—9.

**) Макарій, Исторія церкви, VI, 17.

***) Митроп. Макарій высказываетъ мнѣніе, что послѣ паденія Царяграда, въ виду трудности сношеній русской церкви съ греческой, восточные патріархи особою грамотою предоставили русскимъ митрополитамъ право получать рукоположеніе отъ собора русскихъ іерарховъ. О. Николаевскій въ статьѣ «Объ учрежденіи патріаршества въ Россіи» приходитъ къ мнѣнію, что на существованіе такой грамоты нѣтъ прямыхъ указаній. Это мнѣніе раздѣляетъ и проф. Павловъ, Теорія восточ. папизма. Полагаемъ, что оно имѣетъ за себя болѣе основаній, чѣмъ противоположное, и что Максимъ Грекъ былъ правъ, заявивъ, что русскіе митрополиты стали ставиться въ русской землѣ «самочинно».

выхъ митрополита въ княженіе Ивана Васильевича: Ѳеодосій, Филиппъ и Геронтій. При избраніи двухъ послѣднихъ, Зосимы и Симона, хотя также принимали участіе соборы московскихъ іерарховъ, но они дѣйствовали уже по прямому указанію князя. При Василіѣ Ивановичѣ митрополиты исключительно назначаются волею великаго князя, безъ всякаго участія въ этомъ священныхъ соборовъ *). Этотъ фактъ имѣетъ для насъ особое значеніе по полной его гармоніи съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно объ этомъ великомъ князѣ. Онъ не любилъ многолюдныхъ совѣтовъ и рѣшалъ всѣ дѣла «самъ третей у постели». Той же практики держался онъ и при рѣшеніи важнѣйшаго дѣла церкви. Соборы іерарховъ не созывались, вел. князь назначалъ митрополита самъ, поговоривъ съ кѣмъ либо изъ ближнихъ довѣренныхъ людей. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ памятники снова говорятъ о созваніи соборовъ для избранія митрополитовъ, но это, конечно, была только форма; соборы избирали, кого желалъ царь.

Этой перемѣнѣ въ порядкѣ назначенія епископовъ придаютъ иногда гораздо большее значеніе, чѣмъ она имѣла въ дѣйствительности. Полагаютъ, что назначеніемъ духовныхъ властей великимъ княземъ было достигнуто полное ихъ подчиненіе свѣтской власти. Если государь самъ можетъ назначать сановниковъ церкви, то, конечно, онъ будетъ избирать въ это званіе только угодныхъ ему людей, на повиновеніе которыхъ имѣетъ основаніе разсчитывать. Это неоспоримо. Такъ и поступали московскіе государи. Но разсчетъ ихъ не всегда оправдывался. Нельзя же было впередъ предусмотрѣть всѣ случаи, могущіе возникнуть на практикѣ, и впередъ точно опредѣлить возможное къ нимъ отношеніе новой духовной власти. Но какой бы прозорливостью ни отличались московскіе государи, они должны были знать, что лучшіе люди, на которыхъ и долженъ былъ падать ихъ выборъ, бываютъ одарены чувствомъ чести и долга, которое

*) Тамъ же, глава II.

воздерживаетъ отъ низкой угодливости. Вотъ поэтому-то установившееся съ конца XV вѣка назначеніе митрополитовъ и епископовъ волею государя далеко не вполнѣ подчинило ихъ свѣтской власти. Мы уже знаемъ, что именно въ это время духовный соборъ 1503 года оказалъ энергическое сопротивленіе желанію великаго князя наложить руку на церковныя имущества, а предсѣдателемъ собора былъ митрополитъ Симонъ, поставленный по выбору великаго князя. Въ это же время, по примѣру новогородской епархіи, вошло въ повсемѣстный обычай ежегодное анаѳематствованіе всѣхъ начальствующихъ, обидящихъ святые Божіе церкви и монастыри и отнимающихъ данные имъ села и виноградy, а слѣдовательно и велихъ князей, если они не престанутъ отъ таковаго начинанія. Есть поводъ думать, что митрополитъ Варлаамъ не подчинялся волѣ Василія Ивановича, а митополитъ Германъ волѣ Ивана Грознаго. Столкновенія Филиппа Колычова съ Иваномъ Грознымъ хорошо извѣстны. Митрополитъ Макарій и Стоглавый соборъ вовсе не находили нужнымъ подчиниться волѣ этого государя въ вопросѣ о церковныхъ недвижимостяхъ. Пассивное противодѣйствіе духовной власти свѣтской во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняя поступала несогласно съ божественными правилами, составляло обязанность епископовъ и митрополитовъ. Божественными же правилами на языкѣ того времени называлось очень многое. Даже градскіе законы уподоблялись «пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ». Эта обязанность вытекала изъ епископской присяги. Митрополитъ Макарій въ извѣстномъ уже намъ отвѣтномъ письмѣ къ Грозному, въ которомъ онъ такъ рѣшительно возстаетъ противъ желанія царя увеличить свою казну церковными имуществами, говоритъ:

«Егда рукополагахся, сирѣчь поставляхся въ святительскій санъ, и тогда посреди священнаго собора, въ святѣй, сборнѣй и апостолстѣй церкви, и предъ Богомъ, и предъ всѣми небесными силами, и предъ всѣми святыми, и предъ тобою благочестивымъ царемъ, и предъ всѣмъ синклитомъ,

и предъ всѣмъ народомъ кляхся: судбы и законы и оправданіе наше хранити, елика наша сила, и предъ царя за правду не стыдитись; аще и нужа будетъ ми отъ самаго царя, или отъ велможъ его, что повелятъ ми говорити кромѣ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ; но аще и смертью претятъ, то никакожъ не послушати ихъ». Павловъ, Секуляризація I, 110.

Въ Москвѣ, какъ и въ Византіи, отношеніе духовной власти къ свѣтской не было опредѣлено закономъ, а потому и у насъ перевѣсъ могла брать то та, то другая власть, смотря по личнымъ качествамъ дѣятелей. И въ XVI вѣкѣ духовная власть не разъ брала перевѣсъ надъ свѣтской и на долгое время опредѣляла направленіе нашего законодательства.

Установившійся въ Москвѣ къ XVI вѣку порядокъ назначенія на епископскія каѳедры и смѣщенія съ нихъ по усмотрѣнію великихъ князей нисколько не говоритъ, однако, объ ослабленіи силы религіозныхъ идей въ правительственной средѣ того времени. Василій Ивановичъ и сынъ его, Иванъ Грозный, умерли въ иноческомъ, а не царскомъ чинѣ. Иванъ Грозный, удалившись въ Александровскую слободу, устроилъ тамъ для себя и опричниковъ нѣкоторое подобіе монастырской жизни. Триста избранныхъ опричниковъ назывались братіею, царь игралъ роль игумна Братія носила поверхъ свѣтскаго платья черныя рясы. Царь сочинилъ для нея монашескій уставъ и подавалъ примѣръ точнаго его исполненія. Въ четвертомъ часу утра онъ шелъ на колокольню и благовѣстилъ къ заутренѣ; во время службы, читалъ, пѣлъ и молился столь ревностно, что на лбу его оставались знаки отъ земныхъ поклоновъ. Заутреня продолжалась часовъ до 6 — 7. Въ 8 часовъ шли снова въ церковь, къ обѣднѣ. Въ 10 собирались на братскую трапезу, но царь не садился, а стоя читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія. Примѣръ этотъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на слабую душу преемника Грознаго, царя Ѳедора Ивановича. Вотъ какъ современники описываютъ его день. Вставалъ онъ въ 4 часа утра и ждалъ духовника въ спальнѣ,

заставленной иконами и днемъ и ночью освѣщаемой лампадами. Духовникъ каждое утро приходилъ со святою водою, крестомъ и иконою угодника Божія, празднуемаго въ тотъ день, благословить царя; государь кланялся ему до земли, молился вслухъ минутъ десять и болѣе, затѣмъ шелъ къ царицѣ и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ. Въ 9 часовъ царь снова шелъ въ церковь къ обѣднѣ; въ 11 обѣдалъ, послѣ обѣда спалъ часа 3, а проснувшись опять шолъ въ церковь — къ вечернѣ. Отходя ко сну, государь снова принималъ духовника, молился съ нимъ и ложился спать, принявъ его благословеніе (Карамзинъ, IX, 51; X, 48). Это былъ монахъ на престолѣ. Можно ли послѣ этого удивляться, что Никонъ, еще въ бытность новогородскимъ митрополитомъ, требовалъ отъ представителей свѣтской власти ежедневнаго присутствія на всѣхъ церковныхъ службахъ?

На царствованіе Ѳедора Ивановича выпадаетъ и учрежденіе въ Москвѣ высшаго церковнаго сана, «превысочайшаго престола патріаршескаго», какъ выразился онъ самъ предъ думою духовенства и бояръ. Учрежденіе патріаршества придало новую силу и блескъ высшему представителю духовной власти и создало новыя опасности для власти свѣтской. Уже въ патріаршество третьяго русскаго патріарха престолъ московскаго государства занималъ не одинъ только всенародно избранный государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ, но и отецъ его, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Время правленія Михаила Ѳедоровича съ 1619 года по 1634, въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, представляетъ явленіе чистѣйшаго двоецарствія. Патріархъ носитъ титулъ великаго государя; правительственныя дѣла докладываются и рѣшаются не однимъ только свѣтскимъ государемъ, но и духовнымъ. Въ разрядной книгѣ за 1623 годъ читаемъ:

«И государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, выслушавъ князь Васильева челобитья Туренина, приказали

думному дьяку, Томилу Луговскому, сыскати въ Розрядѣ челобитье князя Богдана Касаткина-Ростовскаго, какъ онъ билъ челомъ на князя Василья Туренина, и грамоту, какова къ нему, ко князю Богдану, послана, что ему ко князю Василью Туренину въ сходъ идти не велѣно, и сказать про то боярамъ, чтобъ бояре о томъ поговорили, а что приговорятъ, и о томъ велѣлъ государь и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ, доложить себя».

Въ памяти изъ Челобитнаго приказа въ Земскій, отъ 3-го февраля 1628 года, написано:

«Въ нынѣшнемъ во 136 году, генваря въ 31 день, государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи и отца его, государева, великаго государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи, окольничей князь Григорій Константиновичъ Волконскій да діякъ, Иванъ Дѣдновъ да Иванъ Переносовъ, по статейному списку докладывали, и государь царь и великій князь Михаило Ѳедоровичъ всея Русіи и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, того статейнаго списка слушали»... А. И. III, № 92, XII.

Государи вмѣстѣ дѣла слушаютъ и вмѣстѣ приговариваютъ и даютъ указы.

Въ книгѣ разрядной за 1620 годъ читаемъ:

«И приговорилъ государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, съ бояры»...

Въ 1623 году бояре, выслушавъ докладъ по мѣстническому спору:

«Велѣли о томъ доложити государя и отца его, государева, великаго государя, святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всея Русіи, какъ о томъ они, государи, укажутъ». Кн. разрядн.

Или въ указѣ о помѣстьяхъ и вотчинахъ читаемъ:

«Во 136 году, декабря въ 3 день, государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи и отецъ его,

государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, совѣтовавъ о томъ въ Крестовой палатѣ, указали... и тѣ вотчины указали имати на себя, государей, въ помѣстные земли, и указали тотъ свой, государевъ, указъ въ помѣстномъ приказѣ записати»... Владимірскій-Будановъ, Христоматія, III, стр. 226.

Иностранныхъ пословъ принимаютъ оба государя вмѣстѣ. Въ дворцовыхъ разрядахъ на 1621 годъ написано:

«Того же мѣсяца сентября, въ 18-й день, государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всея Русіи и великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи, велѣли послу турскому быть у себя».

Въ виду такого постоянно обнаруживаемаго въ правительственной практикѣ двоевластія и подданные свои челобитья подаютъ на имя не свѣтскаго только государя, но и его духовнаго сопровителя. Въ 1622 году сотскіе горныхъ сотенъ подали челобитную, въ которой написано:

«Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи и великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всея Русіи, бьютъ челомъ сироты твои, государевы».... А. И. III № 92, IV.

Признанное правительствомъ двоевластіе, какъ явленіе новое, не могло не вызывать иногда сомнѣній и колебаній среди подданныхъ. Нѣкоторое колебаніе слышится и въ послѣднеприведенномъ челобитьи Сотскіе обращаются къ обоимъ государямъ, но называютъ себя сиротами только одного, а не двухъ, и, конечно, согласно старинѣ, они считаютъ себя сиротали свѣтскаго государя, а не духовнаго. Не думалъ о полномъ равенствѣ духовнаго государя свѣтскому и кн. Юрій Сицкій. Въ 1621 году онъ былъ посланъ государемъ потчивать турецкаго посла, а кн. Петръ Репнинъ получилъ такой же приказъ отъ патріарха. Кн. Сицкій полагалъ, что царь больше патріарха, и сталъ похваляться передъ Репнинымъ, утверждая, что онъ выше его честью, такъ какъ получилъ приказъ отъ царя, а Репнинъ—отъ патріарха.

Это оскорбило Репнина, онъ обратился къ царю съ челобитьемъ на Сицкаго и получилъ такой отвѣтъ:

«И государь велѣлъ князь Петру сказать, что бьетъ челомъ онъ, князь Петръ, незнаючи, и въ мѣсто то онъ ставитъ не дѣломъ, что каковъ онъ. государь, таковъ и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи. и ихъ государское величество не раздѣльно»... Дворц. разр.

Итакъ, по указу самого царя у насъ въ началѣ XVII вѣка было два государя и власть ихъ была не раздѣльна. Какъ это случилось? Какими причинами порождено было это оригинальное явленіе? Явленіе это многопричинное. Ближайшая причина заключалась въ томъ, что патріархъ былъ отцемъ государя. Но это не единственная и далеко не главная причина. Очень сомнительно, чтобы Филарету Никитичу удалось занять мѣсто на престолѣ рядомъ съ своимъ сыномъ, еслибы онъ не былъ патріархомъ, а оставался въ санѣ боярина. Всенародно избранъ былъ государемъ не онъ, а его сынъ, и возвышеніе отца могло породить смуты. Онъ, во всякомъ случаѣ, имѣлъ бы большое вліяніе на дѣла, но обнаруживалъ бы его келейно, а не въ качествѣ великаго государя. Еслижъ онъ возсѣлъ на царскій престолъ рядомъ съ государемъ, то, конечно, потому что былъ патріархомъ. Возвышеніе же патріарха до высоты престола было подготовлено всей предшествующей исторіей духовенства въ Россіи. Двоецарствіе начала XVII вѣка есть только дальнѣйшее слѣдствіе того положенія, какое принадлежло у насъ духовенству съ самаго момента принятія православной вѣры. А съ другой стороны, это двоецарствіе, продолжавшееся цѣлыхъ 15 лѣтъ, не могло пройти безслѣдно и должно было сказаться и въ нашей послѣдующей исторіи. И не только сказаться, но могло причинить и большія затрудненія свѣтской власти. Если никакихъ затрудненій не возникло изъ двоевластія Михаила и Филарета, — это объясняется тѣмъ, что Михаилъ былъ послушнымъ сыномъ своего отца, и никакія придворныя интриги не могли породить

между ними распри. При иныхъ обстоятельствахъ дѣло легко могло дойти до враждебныхъ столкновеній и открытой борьбы, примѣры чего даетъ и древняя наша исторія, когда представители церкви не достигали еще той высоты, на какой очутился третій патріархъ московскій и всея Русіи.

Слѣдующій за Филаретомъ патріархъ, блаженный Іосафъ, отличался смиреніемъ, кротостью и благочестіемъ; въ дѣла государственныя не вмѣшивался и титула великаго государя не носилъ. Его преемникъ, Іосифъ, даже управленіе церковными дѣлами предоставилъ патріаршимъ дьякамъ и московскимъ протопопамъ.

Несмотря на крайнюю правительственную слабость и далеко не безупречную жизнь этого патріарха, онъ, тѣмъ не менѣе, производилъ подавляющее впечатлѣніе на благочестивую душу царя. Вотъ въ какомъ состояніи находился государь въ моментъ смерти патр. Іосифа. Въ письмѣ къ Никону онъ говоритъ:

«Да буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо, за грѣхи всего православнаго христіанства, но и паче за мои окаянные грѣхи, Содѣтель и Творецъ и Богъ нашъ изволилъ взять отъ здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго свѣта отца нашего и пастыря, великаго господина, кѵръ Іосифа, патріарха московскаго и всея Русіи, изволилъ его вселити въ нѣдра Авраама и Исаака и Іакова, и тебѣ бъ, отцу нашему, было вѣдомо. А мати наша, соборная и апостольская церковь вдовствуетъ зѣло, слезно и вельми сѣтуетъ по женихѣ своемъ; и какъ въ нее войтить и посмотрѣть, и она, мати наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имѣющи подружія: такъ же и она не имѣя жениха своего печалуетъ. И все перемѣнилось, не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ. Духовнымъ дѣламъ зѣло разсужденія нѣтъ и худо безъ пастыря дѣтямъ жить».

И въ другомъ мѣстѣ:

«Какъ начали у меня (въ великій четвергъ) вмѣсто херувимской первый стихъ «Вечерѣ твоей тайнѣ» пѣть... и пропѣли первый стихъ, и прибѣжалъ келарь спасскій и сказалъ мнѣ: «Патріарха де государя не стало!» а въ ту пору ударилъ царь-колоколъ трикраты, и на насъ такой страхъ

и ужасъ нашелъ, едва пѣть стали, и то со слезами и въ соборѣ у пѣвчихъ и властей всѣхъ со страха и ужаса ноги подломились, потому что, кто преставился? Да къ какимъ днямъ великимъ, кого мы, грѣшные, отбыли? Яко овцы безъ пастуха не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, такъ и мы нынѣ, грѣшные, не вѣдаемъ, гдѣ главы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго мы не имѣемъ... А погребли въ одиннадцатомъ часу... и мы, владыко святой, надсѣлися плачучи»...

А далѣе, приведя дошедшій до него слухъ о томъ, что покойный высказывалъ въ послѣднее время опасеніе, какъ бы его не уволили съ каѳедры, государь продолжаетъ:

«А у меня и отца моего духовнаго, Содѣтель, нашъ Творецъ, видитъ, ей, ни на умѣ того не было, и помыслить страшно на такое дѣло»... А. Э. IV. № 57.

Стоило только появиться на патріаршемъ престолѣ человѣку сильному, властному и гордому, и положенію царя Алексѣя могла угрожать величайшая опасность. Человѣкъ этотъ не замедлилъ.

Еще въ 1646 году царь обратилъ вниманіе на Никона, тогда игумена Кожеезерской обители, назначилъ его архимандритомъ Новоспасскаго монастыря и еженедѣльно принималъ во дворцѣ для духовной бесѣды.

Чрезъ два года Никонъ былъ возведенъ въ санъ митрополита новогородскаго. Въ это время царь былъ совершенно уже покоренъ строгою и подвижническою жизнью Никона. Вотъ какъ начинаетъ онъ одно изъ своихъ къ нему писемъ:

«Избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О крѣпкій воинъ и страдалче Царя Небеснаго, о возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ, святый владыко! Моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ меня глубина грѣховъ моихъ, твоихъ ради молитвъ святыхъ! И надѣясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житіе, пишу сице свѣтло сіяющему въ архіереяхъ, яки солнцу свѣтящему по всей вселенной, тако и тебѣ сіяющу по всему нашему государству

благими нравы и дѣлы добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресвѣтлому митрополиту Никону новогородскому и великолуцкому, особенному нашему другу душевному и тѣлесному». А. Э. IV, № 57.

Такова была почва, на которой возникъ новый случай двоевластія. Никонъ былъ проникнутъ самыми высокими воззрѣніями на значеніе духовной власти и еще до вступленія своего на патріаршій престолъ вознамѣрился дать урокъ царю. Извѣстны отношенія митрополита Филиппа къ Ивану Грозному. Онъ не хотѣлъ вступать на митрополичью каѳедру при существованіи опричнины. Русскіе іерархи, надѣясь на его благотворное вліяніе, уговорили его принять санъ безъ условно. Блаженный Филиппъ принялъ и до конца исполнилъ свой долгъ, осуждая порядки опричнины и поучая царя на доброе. Ивану Грозному не нравилось это вмѣшательство митрополита въ дѣла управленія, онъ задумалъ низложить его, и совершилъ низложеніе съ соблюденіемъ внѣшнихъ формъ правосудія. Собраны были пункты обвиненія, созванъ соборъ іереевъ, суду которыхъ и преданъ былъ святитель, обвинявшійся, между прочимъ, и въ волшебствѣ. Соборъ нашелъ его виновнымъ и приговорилъ къ низложенію. Митрополитъ былъ сосланъ въ Отрочь монастырь, гдѣ его задушилъ любимецъ царскій, Малюта Скуратовъ, присланный царемъ для испрошенія ему благословенія на путь. Всѣ пружины этого вопіющаго дѣла были въ рукахъ царя, но дѣйствовалъ не онъ, а соборъ и Малюта Скуратовъ. Малюта могъ и не имѣть царскаго повелѣнія задушить святителя; онъ могъ сдѣлать это изъ угодливости. Несмотря на дѣятельное участіе духовнаго собора въ низложеніи Филиппа, Никонъ считалъ виноватымъ въ этомъ дѣлѣ одного царя и убѣдилъ Алексѣя Михайловича въ необходимости принести торжественное покаяніе передъ покойнымъ, испросить у него прощеніе за своего предка и перенести мощи его въ Москву. Съ этою цѣлью было написано покаянное посланіе святителю и отправлено торжественное посольство въ Соловки, съ митрополитомъ Никономъ и бояриномъ

княземъ Хованскимъ во главѣ, для перенесенія его мощей въ Москву. Въ посланіи, содержащемъ въ себѣ покаяніе свѣтской власти передъ духовной и мольбу ея о прощеніи, читаемъ:

«Молю тя и пріидти тебѣ желаю сѣмо, еже разрѣшити согрѣшеніе прадѣда нашего, царя и великаго князя Іоанна, нанесенное на тя неразсудно, завистію и неудержаніемъ ярости, и еже на него твое негодованіе, аки общники и насъ творитъ злобы его..... Аще и неповиненъ есмь досажденія твоего, но гробъ прадѣдній присно убѣждаетъ мя и въ жалость приводитъ..... яко отъ того изгнанія и до днесь лишаешися твоея святительскія паствы царствующаго града. И сего ради преклоняю санъ свой царскій за онаго, иже въ тя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да подаси тому прощеніе, да отъ сего и поношеніе на него о твоемъ изгнаніи упразднится.... Сего ради тя молю о семъ, о священная главо и честь моего царства! Твоимъ преклоняю честнымъ мощемъ и повинную къ твоему моленію всю мою власть, да пришедъ простиши, иже тя оскорби по напрасньству; раскаяся бо о содѣянномъ и онъ тогда, и за того покаяніе къ тебѣ и нашего ради прощенія, пріиди къ намъ, святый владыко! Исправи бо ся тобою и евангельскій глаголъ, за него же ты пострада, за еже всяко царство, раздѣлышееся на ся, не станетъ..... и нѣсть уже днесь въ твоей паствѣ ни котораго раздѣленія.... пріиди къ намъ съ миромъ».... Рум. собр. III. № 147.

Тутъ все есть, что нужно было будущему патріарху: преклоненіе свѣтской власти передъ духовной, раскаяніе въ низложеніи духовнаго сановника и возстановленіе его въ санѣ, сознаніе вреда, проистекающаго отъ раздѣленія царства, и указаніе на то, что теперь царство едино, единство же царства выражается въ общемъ желаніи подчиняться волѣ духовной главы: царь преклоняетъ предъ нею всю свою власть и въ паствѣ святителя нѣтъ болѣе раздѣленія.

Свое желаніе господствовать надъ свѣтскою властью Никонъ заявилъ съ совершенною ясностью и въ моментъ поставленія своего въ патріархи. По смерти Іосифа былъ созванъ соборъ святителей для избранія новаго патріарха.

Избранъ былъ любимецъ царя, новогородскій митрополитъ Никонъ. Согласно составленному на этотъ разъ чину избранія, казанскій митрополитъ Корнилій предложилъ государю идти въ соборную церковь пресвятой Богородицы и св. чудотворцевъ московскихъ помолиться, чтобы Господь Богъ «то великое дѣло совершилъ». По окончаніи молебствія, царь, посовѣтовавшись со всѣмъ соборомъ, послалъ по новоизбраннаго патріарха митрополита сарскаго, архіепископа рязанскаго да съ ними боярина Бутурлина, окольничаго князя Ромодонавскаго и думнаго дьяка Волошенинова. По «чину» предполагалось, что новоизбранный придетъ, скажетъ государю рѣчь и приметъ поздравленія. На дѣлѣ же произошло нѣчто совершенно неожиданное и чрезвычайное. Никонъ не пришелъ. Послали во второй, въ третій разъ, послали и еще много разъ. Никонъ не слушался царскаго и соборнаго велѣнія и не шелъ. Царь, наконецъ, послалъ архіереевъ и знатнѣйшихъ своихъ бояръ съ приказаніемъ взять Никона и привести въ соборъ противъ его воли. Никона привели. И началъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, духовенствомъ и народомъ умолять его принять избраніе. Никонъ отказался, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ и не могущимъ пасти словесныхъ овецъ стада Христова. Тогда царь и за нимъ всѣ присутствовавшіе пали на колѣни и со слезами молили Никона принять патріаршество. Видя царя, весь священный соборъ и народъ повергнутымъ на землю, Никонъ сказалъ:

«Вы знаете, что мы отъ начала приняли св. евангеліе, вѣщанія св. апостоловъ, правила св. отецъ и царскіе законы изъ православной Греціи и потому называемся христіанами, но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, ни законовъ благочестивыхъ царей греческихъ... Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, дайте мнѣ слово и произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ и его Пречистою Матерью, ангелами и всѣми святыми, что будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцевъ и законы

благочестивыхъ царей. Если обѣщаетесь слушаться и меня, какъ вашего главнаго архипастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, тогда я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства». Макарій Исторія XII. 6.

Царь, всѣ бояре и освященный соборъ произнесли обѣтъ исполнять все, что предлагалъ Никонъ. Вотъ при какихъ условіяхъ вступилъ новый патріархъ на патріаршество. Что такое произошло 22 іюля 1652 года въ соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, при поставленіи Никона въ патріархи? 1652 года 22 іюля произошло ограниченіе царской власти. Царь всенародно обѣщался исполнять не только догматы церкви, но и всѣ правила, относящіяся до церкви, хотя бы они входили въ составъ свѣтскаго законодательства византійскихъ императоровъ. Что касается толкованія этихъ правилъ, царь далъ обѣщаніе слушать, что возвѣститъ о нихъ патріархъ. Это обѣщаніе, въ силу котораго царь обязывался не измѣнять церковнаго законодательства византійскихъ императоровъ и подчиняться тому толкованію церковныхъ правилъ, какое будетъ имъ давать патріархъ, было скрѣплено всенародной его клятвой. Никонъ хорошо понималъ, чего хотѣлъ, и высказалъ свои желанія всенародно и съ совершенною ясностью. Будучи новогородскимъ митрополитомъ, онъ успѣлъ уже убѣдиться, что представители свѣтской власти не очень-то были склонны повиноваться его требованіямъ; это сопротивленіе надо было сломить и цѣль эта была достигнута публичнымъ подчиненіемъ самого царя патріаршимъ распоряженіямъ. Цѣли русскаго патріарха Никона весьма совпадаютъ съ цѣлями вселенскаго патріарха Фотія, предполагаемаго автора извѣстныхъ намъ статей эпанагоги о патріаршей власти. Несмотря на всю разницу времени и условій быта, высшіе представители церковной власти вездѣ преслѣдуютъ однѣ и тѣже цѣли. Они и не могутъ не преслѣдовать цѣлей господства, если церковь ихъ признана господствующей и они имѣютъ свободу дѣйствія.

Въ первое время притязанія патріарха не встрѣтили никакой оппозиціи въ свѣтскомъ правительствѣ. Въ сценѣ, разыгранной Никономъ при поставленіи, царь не усмотрѣлъ нарушенія своихъ прерогативъ. Совершенно наоборотъ, онъ пошелъ на встрѣчу желаніямъ честолюбиваго іерарха: Никонъ сталъ принимать широкое участіе въ дѣлахъ свѣтскаго управленія и, по примѣру патріарха Филарета, именоваться великимъ государемъ. Самъ царь назвалъ его такъ 23 октября 1653 года, всенародно, въ Успенскомъ соборѣ, объявляя свой, государевъ, указъ:

«Мы, великій государь царь и вел. князь Алексѣй Михайловичь всея Русіи, положа упованіе на всемогущаго Бога и на Его Матерь, Пресвятую Богородицу, и на московскихъ чудотворцевъ, Петра, Алексѣя, Іону и Филиппа, и всѣхъ святыхъ, и совѣтовавъ со отцемъ своимъ и богомолцомъ, великимъ государемъ, святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ московскимъ и всея Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ вами, бояры, и околничими, и думными людми, приговорить изволили мы итти противъ недруга своего, полскаго и литовскаго короля». Дворц. разр.

Съ этого времени титулъ этотъ вошелъ во всеобщее употребленіе. Такъ называютъ патріарха владыки, бояре и всѣ частные люди, такъ называетъ себя онъ самъ, съ этимъ титуломъ печатается его имя и въ церковныхъ книгахъ. Макарій, XII, 230.

Въ концѣ мая 1654 года въ Москву пріѣхали послы изъ Кіева ходатайствовать объ утвержденіи прежнихъ правъ этого города и дарованіи новыхъ льготъ. Бояре разсматривали ихъ просьбы и постановляли по нимъ приговоры, а утверждалъ ихъ, за отсутствіемъ государя, патріархъ. Подъ нѣкоторыми изъ статей помѣчено: «Великій государь, святѣйшій патріахъ, указалъ быть по боярскому приговору», подъ другими: «Святѣйшій патріархъ указалъ и бояре приговорили быть по королевскому привилею»; подъ третьими: «Великій государь, святѣйшій патріархъ указалъ о лготѣ на 10 лѣтъ» и пр. Макарій, XII, 232.

Патріархъ даетъ воеводамъ указы, именуя себя великимъ государемъ. Приведемъ одинъ примѣръ.

«Отъ великаго государя святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Великія и Малыя Русіи, на Бѣлоозеро, воеводѣ Василью Ооонасьевичу Замыцкому. Билъ намъ челомъ, съ Бѣлаозера, Рождества Пречистыя Богородицы Оерапонтова монастыря игуменъ Аѳонасей..... а въ челобитной ихъ написано: въ прошломъ де во 162 году, по государеву цареву... и по нашему указу... былъ у нихъ и т. д (изложеніе челобитной о поставкѣ запасовъ хлѣбныхъ для войска) .. И намъ бы ихъ пожаловать, не велѣть другой половины запасу въ Смоленскъ возить. И мы, великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Великія и Малыя Росіи, слушавъ сего челобитья, указали нынѣ имъ по зимнему пути половину хлѣба поставить» и т. д. 1655. Доп. къ А. И. IV. № 1.

Новый соправитель русскаго царя внимательно изучалъ памятники византійскаго законодательства и извлекалъ изъ нихъ все, что могло служить въ пользу его властолюбивыхъ притязаній. Мы уже знаемъ, что въ VI новеллѣ Юстиніана говорится о священствѣ и царствѣ, какъ о двухъ Божіихъ дарахъ, имѣющихъ общее происхожденіе свыше. Никонъ воспользовался этой мыслью и съ большой смѣлостью развилъ ее въ предисловіи къ Служебнику, изданному съ его благословенія въ августѣ 1655 года. Тамъ говорится:

«Богъ даровалъ Россіи два великіе дара, благочестиваго и христолюбиваго, великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, и великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха; оба эти великіе государи предстательствоваста на московскомъ соборѣ 1654 года; богоизбранная сія и богомудрая двоица, по окончаніи собора, повелѣша собрать въ Москву древнія св. книги; богоизбранная сія сугубица послала свои грамоты къ цареградскому патріарху Паисію; по полученіи отвѣта отъ Паисія, благочестивая сія и богомудрая двоица созвала новый соборъ въ Москвѣ» и т. д.

Въ заключеніи читаемъ:

«Должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ православ-

нымъ народомъ восхвалити же и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабденіе людемъ своимъ сію премудрую двоицу, великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, и великаго государя, святѣйшаго Никона патріарха, иже... праведно и подобно преданные имъ грады украшаютъ, къ симъ судъ праведенъ... храняще, всѣмъ всюду сущимъ подъ ними тоеже творити повелѣша... Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ святѣй славимый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый! Да дастъ же имъ, государемъ, по пророку, желаніе сердецъ ихъ.... яко да подъ единѣмъ ихъ государскимъ повелѣніемъ вси, повсюду православніи народи живуще, утѣшительными пѣсньми славити имутъ воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего» *).

---

*) У Макарія, XII. 235.—Мысль объ одинаково божественномъ происхожденіи обѣихъ властей есть достояніе самой глубокой нашей древности. Эту мысль высказываютъ и князья. Лѣтописецъ разсказываетъ, что по поставленіи митрополита Симона и по окончаніи божественной службы вел. князь, обращаясь къ нему, сказалъ:

«Всемогущая и животворящая Святая Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сей святый великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руси, руковъзложеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ архіепископовъ и епископовъ Рускаго царства. И жезлъ пастырьства, отче, въспріими, и на сѣдалище старѣйшиньства во имя Господа Іисуса Христа и пречистыя Его Матери взыди, и моли Бога и пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтехъ и о всемъ православіи, и подасть ти Господь Богъ здравіе и долголѣтство въ вѣкъ вѣка». Соф. I лѣт. 1496.

Эта привѣтственная рѣчь царя новопоставленному митрополиту введена и въ составленный при Иванѣ Грозномъ чинъ поставленія митрополита. А. Э. I. № 264. 1564. Въ чинѣ прибавлено: «И изговоря рѣчъ, дастъ святителю посохъ въ десную руку; и царевичи, и архіепископы, и епископы, и всѣ бояре митрополиту многолѣтствуютъ»..... Итакъ, это поздравленіе царя и всѣхъ присутствующихъ новопоставленному митрополиту.

Совершенно иначе взглянулъ на этотъ обрядъ г. Дьяконовъ. Онъ полагаетъ, что въ церемоніи, описанной въ Софійской лѣтописи, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ выразить мысль, «что Св. Троица даруетъ власть представителю церкви чрезъ посредство власти государственной» 118. Это очень сомнительно. Царь говорилъ привѣтствіе уже поставленному митрополиту, и поставленному «руковозложеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ архіепископовъ и епископовъ Русскаго

Это торжественный гимнъ двоевластію, сочиненный представителемъ церковной іерархіи, одержавшимъ, наконецъ, рѣшительную побѣду надъ властію свѣтской.

Посмотримъ теперь, какъ относился ограниченный въ своихъ правахъ царь къ патріарху. Любопытную картину этихъ отношеній даетъ архидіаконъ алеппскій Павелъ, проживавшій въ Москвѣ съ начала февраля 1655 до конца мая слѣдующаго года.

«Любовь царя и царицы къ Никону, пишетъ архимандритъ, превышаетъ всякое описаніе. При личномъ свиданіи съ патріархомъ царь всегда испрашиваетъ у него благословеніе и цѣлуетъ у него руку, а Никонъ въ тоже время цѣлуетъ царя въ голову».

Въ частности Павелъ описываетъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ выразилось особое благоволеніе царя къ патріарху. Такъ:

«Въ 1655 году... Никонъ праздновалъ новоселье въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ, которыя соорудилъ самъ. Всѣ архіереи, начиная съ антіохійскаго патріарха Макарія, а за ними настоятели монастырей привѣтствовали Никона и подносили подарки... За ними бѣлое духовенство, купечество, государственные сановники и другія лица. Наконецъ, явился со своими привѣтствіями царь. Сначала онъ поклонился Никону и поднесъ ему отъ себя лично три хлѣба съ солью и три сорока дорогихъ соболей, потомъ столько же хлѣбовъ и соболей отъ своего сына и царицы, столько же отъ своихъ сестеръ, столько же отъ дочерей, всего двѣнадцать хлѣбовъ съ солью и двѣнадцать сороковъ соболей. И всѣ эти дары, одни за другими, царь подносилъ самъ своими руками. Никонъ стоялъ въ переднемъ углу своей обширной залы, и царь спѣшно ходилъ чрезъ всю эту залу къ дверямъ ея, бралъ тамъ по частямъ подарки,

---

царства», о чемъ онъ самъ упоминаетъ въ своей рѣчи. Но эти слова г. Дьяконовъ, къ сожалѣнію, выпустилъ въ своей выпискѣ, а потому и смѣшалъ поставленіе съ поздравленіемъ. Что съ конца XV вѣка великіе князья назначаютъ митрополитовъ по своей волѣ, это внѣ всякого сомнѣнія; но чтобы чрезъ ихъ посредство дѣйствовала св. Троица, этого, полагаемъ, они никогда не думали.

которые держали стольники, и носилъ предъ лицо Никона, а стольникамъ только повторялъ, чтобы подавали скорѣе. Поднося каждый даръ, онъ кланялся патріарху и говорилъ: «Сынъ вашъ, Алексѣй, кланяется вашему святѣйшеству и подноситъ вамъ»... Отъ долгаго хожденія взадъ и впередъ и ношенія не малыхъ тяжестей царь очень усталъ. Всѣ присутствовавшіе, особенно пришельцы изъ Сиріи, были поражены такимъ изумительнымъ смиреніемъ и услужливостью царя предъ патріархомъ..... Февраля 1-го возвратился въ Москву изъ Иверскаго монастыря патріархъ Никонъ. Для встрѣчи его царь выѣзжалъ еще наканунѣ вечеромъ за двадцать верстъ отъ столицы». У Макарія, XII, 236.

И въ древности епископы были отцами князей, учили ихъ и наказывали, но едва ли отношенія ихъ доходили когда либо до такого порабощенія свѣтской власти духовной, какъ при царѣ Алексѣѣ.

Неудивительно, что Никонъ нашелъ себѣ противниковъ. Этимъ противникамъ удалось, наконецъ, открыть глаза царю. У царя возникло охлажденіе къ патріарху, которое скоро привело къ открытой розни двухъ властей. Эта рознь имѣетъ для насъ значеніе въ томъ отношеніи, что она дала поводъ патріарху всея Руси высказать и такія свои мысли, обнаруживать которыя до разрыва съ царемъ ему не было надобности. Эти мысли проливаютъ яркій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ о взаимныхъ отношенія духовной власти къ свѣтской.

10 іюля 1658 года Никонъ оставилъ патріаршій престолъ и удалился въ Воскресенскій монастырь. Надо полагать, что онъ ожидалъ повторенія исторіи Ивана III съ митрополитомъ Геронтіемъ. Но Алексѣй Михайловичъ въ Воскресенскій монастырь не поѣхалъ и у патріарха прощенія не просилъ. Наоборотъ, по истеченіи года и 7 мѣсяцевъ съ отъѣзда Никона, въ Москвѣ созванъ былъ освященный соборъ, которому царь и предложилъ на рѣшеніе вопросъ, какъ надо поступить въ виду оставленія Никономъ патріаршаго престола? Соборъ отвѣчалъ, что, по церковнымъ правиламъ, въ данномъ случаѣ надо поставить новаго патріарха. Царь

это постановленіе собора не спѣшилъ, однако, приводить въ исполненіе. Ко времени, послѣдовавшему за соборомъ 1660 года, и относятся заявленія Никона, которыя мы имѣемъ въ виду привести.

Ближайшій поводъ къ нимъ былъ данъ спорнымъ поземельнымъ дѣломъ Воскресенскаго монастыря съ окольничимъ Романомъ Бабарыкинымъ и вопросами боярина Стрѣшнева о дѣйствіяхъ Никона, на которые газскимъ митрополитомъ, Паисіемъ Лигаридомъ, были составлены отвѣты. Въ опроверженіе этихъ вопросовъ и отвѣтовъ Никонъ написалъ обширное «Возраженіе», въ которомъ и изложилъ свои мысли.

Никонъ утверждаетъ, что священство гораздо выше царства, потому что отъ священства на царство помазуются, а не отъ царей пріемлется начальство священства.

«Архіерейская власть—духовная, говорится по поводу 24 вопроса, а власть царя—мірская и ей подлежатъ вещи временныя. Царь обязанъ произнесть исповѣданіе вѣры предъ архіереемъ, а послѣдній, выслушавъ исповѣданіе, долженъ разсудить, право ли вѣруетъ царь или достоинъ клятвы... Господь Богъ, когда сотворилъ землю, повелѣлъ двумъ святиламъ святить ей, солнцу и мѣсяцу, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую, солнцемъ—власть архіерейскую, мѣсяцемъ—царскую. Солнце свѣтитъ днемъ, какъ архіерей—душамъ. А меньшее свѣтило, мѣсяцъ, заимствующій свѣтъ отъ солнца, свѣтитъ ночью, т. е. для тѣла: такъ и царь пріемлетъ помазаніе и вѣнчаніе отъ архіерея, по принятіи которыхъ становится уже совершеннымъ свѣтиломъ и имѣетъ святѣйшую силу и власть... Царскій мечъ долженъ быть готовъ на враговъ вѣры православной, когда потребуетъ того архіерейство и все духовенство»... *).

Отсюда, царь не можетъ собирать соборы безъ патріарха, 396. Соборъ 1660 г. Никонъ называетъ «сонмищемъ іудейскимъ» и даже «бѣсовскимъ».

---

*) Свѣдѣнія о дѣлѣ Никона беремъ изъ Исторіи церкви Макарія, т. XII стр. 360, 365, 371, 396, 399, 417, 418, 421. 425, 427, 429, 478, 705—709, 717, 724, 734, 745, 754—8.

Далѣе, церковный чинъ не подлежитъ суду царя и мірскихъ властей. Составители Уложенія, учредившіе монастырскій приказъ, съ величайшимъ ожесточеніемъ порицаются Никономъ. Они «беззаконники, враги Божіи и всякой истины, богоборцы, отступники отъ Христа». «Князь Никита Ивановичъ Одоевскій — человѣкъ прегордый, страха Божія въ сердцѣ не имѣетъ, правилъ апостольскихъ и отеческихъ никогда не читаетъ и не разумѣетъ, и врагъ всякой истины; а товарищи его—люди простые, божественнаго писанія не вѣдующіе; дьяки же — это завѣдомые враги Божіе и дневные разбойники». Церковные люди судятся въ духовномъ судѣ; патріарха же не могутъ судить даже всѣ епископы. «Человѣку можно жить безъ руки, безъ ноги, но безъ головы не возможно; потому не могутъ члены тѣла отсѣчь свою голову и остаться живыми и дѣйствующими. «Патріарха судитъ вся вселенная» утверждалъ Никонъ позднѣе на судѣ. Наконецъ, церковное имущество должно остаться неприкосновеннымъ. «Патріархъ не имѣетъ своихъ вотчинъ; его вотчины и крестьяне—Божіе наслѣдіе. Цари, князья и другіе боголюбцы жертвуютъ свои имѣнія Господу Богу и святымъ Его къ церквамъ въ вѣчный поминокъ, а не патріарху, не владыкамъ, не монастырямъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей съ особой рѣзкостью выражены въ письмѣ къ царю по поводу дѣла Р. Бабарыкина. Архимандритъ и настоятель Воскресенскаго монастыря били челомъ государю о сыскѣ. По челобитью ихъ на мѣсто были присланы сыщики. Это обстоятельство и дало поводъ Никону написать царю письмо, въ которомъ между прочимъ онъ говоритъ:

«Откуда ты принялъ такое дерзновеніе, сыскивать о насъ и судить насъ? Какіе тебѣ законы Божіе велятъ обладать нами, рабами Божіими? Не довольно ли тебѣ судить въ правду людей царствія міра сего, о чемъ ты мало заботишься? Въ наказѣ написано твое повелѣніе: взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря. По какимъ это уставамъ? Надѣюсь,

если и поищешь, то не найдешь здѣсь ничего, кромѣ беззаконія и насилія. Послушай, Господа ради, что было древле за такую дерзость надъ Фараономъ въ Египтѣ, надъ содомлянами, надъ царями: Ахавомъ, Новуходоносоромъ и другими?... Не довольно ли того, что я бѣжалъ и оставилъ все,—еще ли угодно твоему благородію, чтобы я бѣжалъ, отрясая прахъ ногъ своихъ ко свидѣтельству въ день судный? Уже не зовусь великимъ государемъ, и какое тебѣ прекословіе творю? Всѣмъ архіерейскимъ обладаетъ рука твоя, судомъ и достояніемъ. Страшно молвить, но терпѣть невозможно: мы слышимъ, что по твоему указу и владыкъ посвящаютъ, и архимандритовъ, и игуменовъ, и поповъ поставляютъ, и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ тебя равночестнымъ св. Духу такъ: «По благодати св. Духа и по указу великаго государя». Недостаточно св. Духа, чтобы поставить безъ твоего указа! Но кто на Духа св. хулитъ, не получитъ прощенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій... Къ тому же, повсюду, по св. митрополіямъ, и епископіямъ, и монастырямъ, безъ всякаго совѣта и благословенія, берешь насиліемъ нещадно вещи движимыя и недвижимыя, и всѣ законы св. отцевъ и благочестивыхъ царей и князей, греческихъ и русскихъ, ты обратилъ въ ничто»....

Патріархъ въ дѣйствіяхъ царя видитъ не просто неправильность или превышеніе власти, но хулу на св. Духа, и готовъ перейти къ обвиненію въ ереси; на концѣ языка его—отлученіе царя отъ церкви, но онъ не желаетъ произнести его самъ, а увѣренъ, что это сдѣлаютъ восточные патріархи. Та же мысль слышится и въ Возраженіяхъ. Въ 26-мъ, указавъ на то, что царь отбираетъ церковныя имущества, Никонъ говоритъ: «Царь недостоинъ входить и въ церковь и долженъ всю жизнь свою каяться»...

Языкъ Никона отличается крайней рѣзкостью и необузданностью, но высказываемыя имъ мысли мы давно слышали. О преимуществахъ священства передъ царствомъ говорили еще митрополиты Петръ, Фотій, Даніилъ, Макарій; преимущества же иноческаго чина передъ мірскимъ признавались самими великими князьями и даже царемъ Иваномъ Грознымъ. Право епископовъ отлучать князей отъ церкви практиковалось у насъ съ XII вѣка. Неприкосновенность цер-

ковныхъ имуществъ подверглась-было сомнѣнію въ началѣ XVI вѣка, но она нашла себѣ сильныхъ защитниковъ среди церковныхъ іерарховъ, которымъ и удалось одержать побѣду надъ своими противниками. Никонъ не есть случайное явленіе, это естественный плодъ всей нашей древности. Царствованіе Ѳедора Ивановича, этого монаха на престолѣ, составляетъ послѣднюю ступень къ патріаршему престолу Никона.

Какъ же разрѣшилось столкновеніе двухъ великихъ государей всея Руси, этой «богоизбранной и богомудрой двоицы и сугубицы»? Разрѣшеніе столкновенія на первый взглядъ можетъ представляться довольно простымъ. Никонъ уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, оставивъ патріаршество. Если патріархъ дѣйствительно отказался отъ патріаршества, надо поставить новаго. Въ этомъ смыслѣ высказался и соборъ, созванный царемъ въ 1660 году. Но члены собора разошлись по вопросу о томъ, чтоже дѣлать съ Никономъ: переставъ быть патріархомъ, остается онъ епископомъ, или нѣтъ? Нѣкоторые высказали мнѣніе, что остается; другіе утверждали, что отрекшійся отъ каѳедры можетъ быть снова на нее возведенъ, если окажется того достойнымъ. Обсужденіе этого вопроса вызвало заявленіе и новыхъ мнѣній по первому, т. е. о послѣдствіяхъ отъѣзда Никона въ Воскресенскій монастырь. Ученый архимандритъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря, Игнатій, сказалъ:

«Дѣтямъ отца и словеснымъ овцамъ верховнаго пастыря судить не подобаетъ, и собору русскаго духовенства не иначе возможно разсудить и разрѣшить правильно дѣло своего бывшаго патріарха Никона, какъ только по согласію съ большимъ соборомъ великой церкви константинопольской и со вселенскимъ патріархомъ».

Вопросъ, такимъ образомъ, осложнялся, и царь не рѣшился утвердить состоявшееся уже опредѣленіе собора. Грозная фигура Никона внушала страхъ и по отъѣздѣ въ Воскресенскій монастырь: боялись, что Никонъ будетъ па-

тріаршествовать и по поставленіи новаго патріарха и еще болѣе смутитъ церковь.

Какъ же покончить съ Никономъ и успокоить церковь? Царская власть не нашла другаго средства, какъ снова обратиться къ суду Греціи, съ которой всѣ разсчеты давно уже были покончены. Этотъ выходъ изъ затрудненія внушалъ и грекъ, бывшій тогда въ Москвѣ, газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, успѣвшій пріобрѣсти большое къ себѣ довѣріе царя Алексѣя. По его совѣту царь рѣшилъ созвать соборъ для обсужденія всякихъ церковныхъ винъ, которыя учинились на Москвѣ при бытіи патріарха Никона и донынѣ дѣйствуютъ, и пригласить на этотъ соборъ восточныхъ патріарховъ и всѣхъ русскихъ архіереевъ.

По первому приглашенію восточные патріархи не нашли возможнымъ прибыть въ Москву, а рѣшили отвѣчать царю письменно. Не выслушавъ Никона, они не могли произнести никакого мнѣнія по его дѣлу, а потому въ ихъ грамотѣ рѣчь идетъ не о Никонѣ, а вообще объ отношеніяхъ патріарха къ царю. Мнѣніе восточныхъ патріарховъ XVII вѣка ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что высказывали по этому же вопросу ихъ предшественники XV и болѣе отдаленной древности. О послушаніи русскаго государя патріарху нѣтъ больше рѣчи. Совершенно наоборотъ, въ монархіи признается одно верховное лицо, царь; онъ имѣетъ право наказывать всѣхъ сопротивляющихся ему подданныхъ, хотя бы кто изъ нихъ занималъ и самое высшее мѣсто въ церкви. «Если патріархъ дерзнетъ сопротивляться царю или измѣнять древніе уставы, то да будетъ лишенъ своего достоинства». Но Нектарій іерусалимскій, подписавшій это мнѣніе вмѣстѣ съ другими митрополитами, нашелъ нужнымъ послать царю грамоту отъ себя лично, въ которой онъ передаетъ содержаніе коллективной грамоты и исторію ея составленія, а въ заключеніе совѣтуетъ царю покончить дѣло мирнымъ путемъ и пригласить Никона возвратиться на патріаршій престолъ.

«Помысливъ о семъ, говоритъ іерусалимскій патріархъ, миролюбивѣйшій государь, послѣдуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ вновь возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его... Если Никонъ говоритъ, что онъ отрекался не отъ престола, но отъ непокорныхъ, то, очевидно, онъ обличаетъ непокорность народа: покажите же къ нему должное повиновеніе, какъ къ строителю благодати... Онъ не подалъ письменнаго отреченія своему собору, и ваше величество, ровно какъ и весь народъ, не принимали этого отреченія»....

Такимъ образомъ, идея повиновенія свѣтской власти духовной продолжаетъ жить среди восточныхъ патріарховъ и подъ игомъ турецкаго рабства!

Блаженный Нектарій считаетъ Никона законнымъ патріархомъ и допускаетъ мысль, что онъ могъ отказаться отъ непокорныхъ сыновъ, а не отъ патріаршества. Было о чемъ задуматься и въ Москвѣ.

Положеніе царя Алексѣя и по полученіи свитка четырехъ греческихъ патріарховъ оставалось затруднительнымъ. Патріархи осуждаютъ не Никона, а вообще патріарха, если онъ виновенъ. Но кто же будетъ рѣшать вопросъ о томъ, виновенъ Никонъ въ нарушеніи древнихъ уставовъ или нѣтъ, отрекся онъ отъ патріаршества или нѣтъ? Соборъ русскихъ іерарховъ? Но соборъ русскихъ іерарховъ, созванный Иваномъ Грознымъ, осудилъ митрополита Филиппа, а царю, Алексѣю Михайловичу, прошлось же принести покаяніе и просить прощеніе за это дѣяніе своего предшественника. Для успокоенія возмущенной совѣсти царя нужно было рѣшеніе такого суда, члены котораго не были бы ему подчинены, а этого нельзя было сказать о русскихъ епископахъ. Нужны были восточные патріархи. Къ нимъ были посланы новыя призывныя грамоты и на этотъ разъ патріаршій судъ состоялся.

Этотъ судъ былъ послѣднимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшимъ актомъ униженія московской свѣтской власти передъ властью духовной—своей и чужой.

Кого судилъ московскій соборъ 1667 года? Соборъ су-

дилъ не вину только Никона, а распрю его съ царемъ. На этомъ судѣ московскій государь явился стороной: онъ то обвинялъ Никона, то самъ оправдывался отъ его обвиненій.

Царь былъ чрезвычайно возбужденъ во время суда. Онъ всталъ съ своего мѣста, какъ только явился Никонъ, и, обливаясь слезами, началъ обвинять его въ самовольномъ оставленіи престола. Свое обвиненіе царь заключилъ просьбой, обращенной къ суду: допросить бывшаго патріарха, для чего онъ патріаршескій престолъ оставилъ? По разрѣшеніи нѣкоторыхъ формальныхъ вопросовъ, судъ исполнилъ желаніе обвинителя и спросилъ Никона: почему онъ оставилъ соборную церковь и паству свою и отрекся отъ патріаршества?

Никонъ отвѣчалъ, что князь Юрію Ромадановскій прислалъ ему сказать, что государь на него гнѣвенъ за то, что онъ пишется великимъ государемъ, и запрещаетъ ему впредь такъ писаться, хотя прежде самъ велѣлъ ему это. Слыша на себя гнѣвъ государевъ, онъ и оставилъ соборную церковь, сошелъ съ престола и жилъ три дня въ Воскресенскомъ подворьѣ, ожидая къ себѣ присылки отъ государя. Но государь не прислалъ звать его на патріаршество, и тогда онъ уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

При обсужденіи предварительныхъ вопросовъ, государь хотя и сидѣлъ на особомъ царскомъ мѣстѣ, но вставалъ съ него и лично служилъ суду. Суду потребовалось сыскное дѣло про дьякона Ѳеодосія, и государь самъ поднесъ это дѣло патріархамъ. Выслушавъ отвѣтъ Никона, государь снова сошелъ со своего мѣста и сталъ посрединѣ передъ столомъ. Увидавъ это, поднялись и патріархи съ своихъ мѣстъ, но царь имъ сказалъ:

«Мнѣ слѣдуетъ теперь стоять, такъ какъ меня обвиняетъ отецъ мой, Никонъ. А вы сидите, какъ судіи и преемники апостоловъ, и слушайте обвиненія на меня и мои оправданія».

Въ чемъ же царь нашелъ нужнымъ оправдываться передъ духовнымъ соборомъ? Въ томъ, что если онъ не далъ немед-

ленно, по письму Никона, обороны на окольничаго, Богдана Матвѣевича Хитрово, прибившаго палкой патріаршаго дворянина, то потому, что у него былъ у стола грузинскій царь, и въ ту пору сыскивать и оборону давать было некогда; и въ томъ, что напрасно Никонъ говоритъ о его къ нему гнѣвѣ, у него не было гнѣва на патріарха.

Личными объясненіями царя судьи, однако, не удовольствовались, они нашли нужнымъ произвести по этому предмету слѣдствіе и предложили митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ вопросъ: какія были обиды Никону патріарху отъ государя?

Царь былъ такъ возбужденъ, что не былъ въ состояніи дослушать, когда судьи исчерпаютъ вопросъ по первому его обвиненію, и обратился къ нимъ со вторымъ. Когда выяснилось, что царь желаетъ передать дѣло Никона на судъ восточныхъ патріарховъ, Никонъ рѣшилъ предупредить этотъ судъ предварительнымъ объясненіемъ патріархамъ своего дѣла. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ нимъ грамоты, которыя заключаютъ въ себѣ многія укоризны противъ царя и даже обвиненіе его въ неправославіи. Хотя эти грамоты до патріарховъ не дошли, а были перехвачены и доставлены въ Москву, но заключающіяся въ нихъ укоризны и обвиненія произвели на царя такое подавляющее впечатлѣніе, что онъ не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока патріархи не убѣдятся, что укоризны Никона несправедливы. Это и послужило основаніемъ второго обвиненія—въ клеветѣ въ письмахъ къ патріархамъ. Царь предоставилъ, однако, Никону excepti0 veritatis. Обращаясь къ патріархамъ, онъ говорилъ:

«Бывшій патріархъ Никонъ писалъ къ вамъ, патріархамъ, многія на меня безчестія и укоризны.... Допросите его, все ли онъ истину, безъ всякаго прилога, въ граматахъ своихъ писалъ...».

И въ другой разъ:

«Никонъ написалъ такія великія укоризны (о неправославіи царя и наклонности его къ латинству) ложно, забывъ страхъ Божій, и тѣмъ.... меня, государя, и весь освя-

щенный соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ русскихъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія восточныхъ патріарховъ отрекъ и къ римскому костелу и вѣрѣ причолъ и назвалъ всѣхъ еретиками. Еслибы то письмо Никона дошло до вселенскихъ патріарховъ, быть бы всѣмъ намъ, православнымъ христіанамъ, подъ клятвою. И за то его ложное и затѣйливое письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься».

Это новое обвиненіе дало другое направленіе дѣлу. Стали читать грамоту Никона къ цареградскому патріарху Діонисію и допрашивать Никона по пунктамъ, на какомъ основаніи написалъ онъ то или другое; царь представлялъ объясненія по каждому пункту. Напримѣръ, Никонъ утверждалъ, что царь прислалъ судить его, патріарха, газскаго митрополита Паисія да боярина, кн. Н. И. Одоевскаго, съ товарищами; царь объяснялъ, что онъ послалъ ихъ, но не для суда, а выговаривать Никону его неправды. Въ грамотахъ Никонъ утверждалъ, что въ церковныя степени ставятъ по повелѣнію государя; царь отвѣчалъ, что на священныя степени ставять, какъ бывало прежде, соборомъ, а не по его указу. Никонъ обвинялъ царя въ томъ, что изъ патріаршей казны онъ беретъ деньги на свои проторы, а изъ архіерейскихъ и монастырскихъ имѣній беретъ людей на службу, и деньги, и хлѣбъ не милостиво. Государь оправдывался тѣмъ, что деньги изъ патріаршей казны были взяты взаймы, а недаромъ, и многое уже заплочено, а остальное будетъ заплочено; а со властей и съ монастырей брались люди, и деньги, и хлѣбъ, какъ брались и въ прежнія времена для государевой службы, и т. д.

Въ шестомъ засѣданіи суда царь говорилъ патріархамъ:

«Приношу жалобу вмѣстѣ съ митрополитами, архіепископами и епископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими и со всѣмъ синклитомъ на Никона, бывшаго патріарха, что онъ, бранясь съ митрополитомъ газскимъ, въ письмѣ своемъ къ цареградскому патріарху назвалъ меня и весь освященный соборъ и всего моего царства людей еретиками.... Разсудите нашу жалобу и очистите меня

и освященный соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ нашего царства отъ того Никонова названія».

«Окончивъ рѣчь, государь поклонился патріархамъ, и за нимъ и весь соборъ и весь синклитъ поклонились патріархамъ до земли».

Наконецъ, этотъ судъ царя съ бывшимъ патріархомъ, длившійся 8 дней, окончился. Никонъ былъ обвиненъ по первому пункту, т. е. признанъ сложившимъ съ себя званіе патріарха безъ всякаго понужденія, а увлекаясь человѣческою страстію и чувствомъ мщенія; по второму обвиненію онъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ грамотахъ своихъ писалъ, будто христіаннѣйшій самодержецъ Алексѣй Михайловичъ есть латиномудренникъ, мучитель, обидчикъ, Іеровоамъ и Озія. Кромѣ того, онъ былъ признанъ виновнымъ еще въ восьми винахъ и, между прочимъ, въ томъ, что коварно не допускалъ быть на патріаршей каѳедрѣ иному патріарху, и государь, архіереи, и синклитъ, понимая это лукавство, не осмѣливались возвести на московскій престолъ иного патріарха, да не будутъ разомъ два патріарха. Приговоромъ собора патріархъ Никонъ былъ низведенъ въ званіе простого монаха.

Такъ кончилось столкновеніе царя Алексѣя съ патріархомъ Никономъ, но былъ ли этимъ разрѣшенъ вопросъ объ отношеніи свѣтской власти къ духовной въ Московскомъ государствѣ? Нисколько. И послѣ собора 1667 года дѣло оставалось въ томъ же неопредѣленномъ и опасномъ для свѣтской власти положеніи, въ какомъ оно было съ момента принятія православія. Новый энергическій патріархъ, новый монахъ на престолѣ, и паробощеніе свѣтской власти духовною могло повториться подъ готовой уже формой «богоизбранной и богомудрой двоицы и сугубицы». Даже между судьями Никона нашлись два епископа, крутицкій митрополитъ Павелъ, блюститель патріаршаго престола, и рязанскій митрополитъ Иларіонъ, отказавшіеся подписать окончательное опредѣленіе суда потому, что въ немъ помѣщено было

выраженіе, изъ извѣстнаго уже намъ Свитка четырехъ восточныхъ патріарховъ, о подчиненіи патріарха царю. Они увидали въ этомъ униженіе духовной власти предъ свѣтской. Недовольные формой рѣшенія, они подали записки, въ которыхъ говорилось не только о превосходствѣ патріаршей власти предъ царской, но и о превосходствѣ вообще епископской власти предъ свѣтской. Главнымъ защитникомъ свѣтской власти снова выступилъ грекъ, Паисій Лигаридъ. Онъ говорилъ много и горячо о свойствахъ царской власти и доводы свои подкрѣплялъ ссылками не только на христіанскихъ писателей, но и на языческихъ. Царь былъ огорченъ и встревоженъ этимъ протестомъ двухъ митрополитовъ. Чтобы успокоить его, они обратились къ восточнымъ патріархамъ съ просьбой исходатайствовать имъ у государя прощеніе за выказанную смѣлость и противленіе. Въ своей просьбѣ они, между прочимъ, говорили патріархамъ:

«Вы находитесь подъ властью невѣрныхъ агарянъ и если страдаете, то за ваше терпѣніе и скорби да воздастъ вамъ Господь. А мы, которыхъ вы считаете счастливыми, какъ живущихъ въ православномъ царствѣ, мы трикратно злополучны; мы терпимъ въ своихъ епархіяхъ всякаго рода притѣсненія и несправедливости отъ бояръ, и хотя большею частію стараемся скрывать и терпѣливо переносить эти неправды, но мы ужасаемся при мысли, что зло, съ теченіемъ времени, можетъ увеличиваться и возрастать, а собенно если будетъ утверждено за постоянное правило, что государство выше церкви. Мы вполнѣ довѣряемъ нашему доброму и благочестивѣйшему царю, Алексѣю Михайловичу, но мы опасаемся за будущее».

Паисій Лигаридъ снова составилъ длинное и краснорѣчивое возраженіе. Послѣ новыхъ и продолжительныхъ преній патріархи предложили:

«Пусть будетъ заключеніемъ и результатомъ всего нашего спора мысль, что царь имѣетъ преимущество въ политическихъ дѣлахъ, а патріархъ—въ церковныхъ».

Эту новую формулу Никоновской двоицы и сугубицы всѣ приняли съ удовольствіемъ, рукоплескали и взывали:

«Многія лѣта нашему побѣдоносному государю! многія лѣта и вамъ, святѣйшіе патріархи!» Послѣ этого митрополиты-протестанты подписали актъ о низложеніи Никона, но не безусловно, а съ оговоркой: «На изверженіе Никона, по священнымъ правиламъ содѣявшееся, подписалъ» (имя).

Никонъ не былъ одинокимъ. Онъ и по паденіи вызывалъ чувства восторга. Преосвященный Макарій приводитъ въ своей исторіи мнѣніе о судѣ надъ Никономъ одного изъ судей, епископа черниговскаго, Лазаря Барановскаго. Этотъ свидѣтель всего событія изумляется благодушію и кротости царя, осуждаетъ Никона за упорство, говоритъ, что смиреніе одержало бы верхъ, и заключаетъ такъ:

«Зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха. Я страдалъ и издыхалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило».

Вѣковой споръ духовной власти со свѣтской былъ впервые разрѣшенъ у насъ только Петромъ Великимъ.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ

Литература вопроса объ исторической роли духовенства

Заслуги русскаго духовенства чрезвычайно велики. Историческая наука давно обратила на нихъ вниманіе и оцѣнила по достоинству. Духовенство является первымъ и въ теченіе многихъ вѣковъ единственнымъ просвѣтителемъ русскаго народа. Духовные писатели положили начало русской литературѣ. Дѣятельность духовенства имѣла не одно только нравственное и просвѣтительное значеніе, но и политическое. Въ тяжелую годину княжескихъ междоусобій, наполняющихъ всю нашу древнюю исторію, духовенство вноситъ начала мира и любви въ княжескія отношенія и умѣряетъ воинственные порывы; въ періодъ татарскаго ига ему не разъ удается облегчать положеніе князей и утишать народныя бѣдствія; во всѣ времена оно было ходатаемъ передъ лицомъ свѣтской власти за невинно пострадавшихъ. При отсутствіи полноты и опредѣленности въ нашихъ древнихъ законахъ, при безполезной жестокости наказаній, это право печалованія является могущественнымъ средствомъ смягченія крайней суровости и неравномѣрности

нашей древней судебной и правительственной практики. Наконецъ, духовенство измѣнятъ и народные взгляды на представителей свѣтской власти. Въ языческое время княжеская власть разсматривалась, какъ учрежденіе человѣческое; съ принятіемъ христіанства она становится божескимъ установленіемъ. Эта новая точка зрѣнія возноситъ свѣтскую власть на небывалую дотолѣ высоту *).—Нѣкоторые ученые идутъ, однако, далѣе и приписываютъ духовенству не только дѣятельное участіе въ утвержденіи единовластія и самодержавія, но даже иниціативу въ насажденіи у насъ самой идеи самодержавія.

Исторія должна воздать каждому по заслугамъ его. Посмотримъ, насколько основательны эти послѣднія утвержденія.

Мысль о дѣятельномъ участіи духовенства въ образованіи политическаго единства Россіи высказана еще Соловьевымъ. Почтенный историкъ находитъ, что въ періодъ господства родовыхъ княжескихъ отношеній дѣятельность духовенства по части объединенія Россіи была незамѣтна. Это потому, что «духовенство могло противодѣйствовать усобицамъ, утишать ихъ, но не могло дѣйствовать открыто и съ успѣхомъ противъ причины усобицъ, противъ господ-

*) Эти заслуги духовенства признаны, какъ въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи Россіи и исторіи церкви, у Соловьева, Макарія, Знаменскаго и другихъ, такъ и въ спеціальныхъ трудахъ: Неизвѣстнаго автора—Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV в. въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ т. XVII, 1858; Думитрашко—Духовенство въ Россіи, въ Духовн. бесѣдѣ, 1862, № 2—5; св. Николаевскаго—Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ, въ Жур. Мин. Народ. Пр. т. 138, 1868; Иконникова—Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ рус. исторіи, 1869; Терновскаго—Участіе древне-русскихъ архіереевъ въ дѣлахъ общественныхъ, въ Трудахъ кіевск. дух. академіи т. I, 1870; Лебедева — Макарій, митрополитъ всероссійскій, въ Чтеніяхъ общества любителей духовн. просвѣщенія, сент и окт. 1877; Успенскаго—Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, 1887; Жмакина—митрополитъ Даніилъ, 1887; Дьяконова—Власть москов. государей, 1889.

ствующаго обычая: мы видимъ, продолжаетъ онъ, какъ лѣтописецъ, лицо, безспорно, духовное, принимаетъ сторону дядей противъ племянниковъ; таковы были господствующія представленія о правѣ княжескаго старшинства въ цѣломъ русскомъ народѣ, въ цѣломъ русскомъ духовенствѣ.... Другого рода явленіями характеризуется описываемое время (съ XIII вѣка): оно характеризуется борьбою между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, борьбою, которая должна была окончиться единовластіемъ; при этой борьбѣ духовенство не могло оставаться равнодушнымъ, оно должно было объявить себя въ пользу того или другого порядка вещей.... Важность событій описываемаго времени.... должна была вызвать духовенство къ сильной дѣятельности.... Самая значительная дѣятельность въ описываемое время принадлежитъ тремъ митрополитамъ изъ русскихъ: Петру, Алексѣю, Іонѣ... Митрополиты покидаютъ Кіевъ и стремятся на сѣверъ.... переселяются въ стольный городъ одного изъ сильныхъ князей, и всѣми силами стараются помочь этому князю одолѣть противниковъ, утвердить единовластіе».... *).

За знаменитымъ историкомъ послѣдовали и авторы спеціальныхъ трудовъ, придавъ его мысли гораздо большую опредѣленность и рѣшительность. У Неизвѣстнаго автора читаемъ: митрополиты Петръ, Ѳеогностъ, Алексѣй съ другомъ Сергіемъ, Фотій и Іона утвердили единодержавіе (403). Протоіерей Н. Думитрашко говоритъ, что уже при Василіи Дмитріевичѣ духовенство поддерживаетъ цѣлость государства (109).

Митрополиты Петръ, Алексѣй и Іона, говорятъ приведенные нами историки, утверждаютъ у насъ единодержавіе. Но прежде чѣмъ приписывать эту заслугу святителямъ, высоко чтимымъ всѣмъ русскимъ народомъ, позволимъ себѣ спросить, когда установилось въ Россіи единодержавіе? Съ Дмитрія Ивановича и до Ивана Васильевича III всѣ московскіе великіе князья борятся съ своими сосѣдями и, по мѣрѣ

*) Исторія IV, стр. 294, 325, ср. V стр. 80.

возможности, присоединяютъ къ Москвѣ ихъ владѣнія, но никто изъ нихъ не установилъ единодержавія *). Не установилъ его и Иванъ Грозный, назначившій въ своемъ завѣщаніи особые удѣлы младшимъ сыновьямъ. Тоже дѣлали и всѣ его предшественники: если у нихъ было нѣсколько сыновей, они каждому оставляли особый удѣлъ. Такимъ образомъ, не только въ XIV вѣкѣ у насъ не было утверждено единодержавіе, но въ XV и даже въ XVI у московскихъ великихъ князей еще не было и мысли о немъ. Установленіе единодержавія есть актъ народной воли, избравшей для всей Россіи одного государя, сперва въ лицѣ Бориса, потомъ Василія Шуйскаго и Владислава и, наконецъ, въ лицѣ Михаила Ѳедоровича Романова.

Такимъ образомъ, митрополитамъ Петру, Алексію и Іонѣ приписывается участіе въ небываломъ фактѣ, котораго они и свидѣтелями-то не могли быть. Иванъ Даниловичъ Калита былъ очень близокъ къ митрополиту Петру и, конечно, пользовался его совѣтами; но мы знаемъ, что именно онъ положилъ начало тому дробленію московскаго удѣла, послѣдніе слѣды котораго можно наблюдать еще въ XVI вѣкѣ. Преемникъ Калиты, Семенъ Ивановичъ, чрезвычайно уважавшій митрополита Алексія и завѣщавшій братьямъ своимъ слушать его, былъ такъ же далекъ отъ мысли о политическомъ единствѣ Россіи, какъ и отецъ его. Тоже надо сказать и о его братѣ. Дѣлитъ свои владѣнія и Дмитрій Ивановичъ, хотя профессоръ Знаменскій и утверждаетъ, что митрополитъ Алексій и былъ настоящимъ правителемъ государства въ его время.

Соловьевъ полагаетъ, что съ XIII вѣка «духовенство объявило себя въ пользу того строя вещей, который обѣщалъ землѣ успокоеніе отъ усобицъ, установленіе мира и порядка» (IV, 295). Почтенный авторъ имѣетъ здѣсь въ виду новый порядокъ перехода столовъ отъ отца къ сыну, впервые возникшій, по его мнѣнію, въ Москвѣ. Мы очень

*) Подробнѣе объ этомъ въ I т. Рус. юр. древностей.

затрудняемся приписать духовенству дѣятельную роль въ выработкѣ какого либо опредѣленнаго порядка преемства. Мы думаемъ, что духовенству едва ли даже было возможно принять въ этомъ дѣлѣ активное участіе. Апостолъ Павелъ говоритъ: нѣтъ власти аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть. Здѣсь выражено признаніе всякой существующей власти. На какомъ основаніи могло бы духовенство поднять руку противъ существующей власти въ пользу пріятнаго ему претендента, не пользующагося властью? Еслибы преемство столовъ уже въ московское время было опредѣлено закономъ, тогда было бы основаніе не признать счастливаго обладателя власти въ виду нарушенія имъ существующаго законнаго порядка, освященнаго церковью; но никакого законнаго порядка преемства тогда еще не было. Все основывалось на завѣщаніяхъ, скрѣпляемыхъ договорами, и на ханскихъ ярлыкахъ, имѣвшихъ еще большее значеніе, чѣмъ княжескіе завѣщанія и договоры. По смерти великаго князя всѣ претенденты на его столъ, обыкновенно, спѣшили въ Орду и тамъ получали ярлыкъ на великое княженіе. На какомъ бы основаніи могъ митрополитъ не признать князя, удостоеннаго въ Ордѣ великимъ княженіемъ? Вѣдь сами князья признавали же такой порядокъ? Также точно не могъ онъ не признать и распредѣленія столовъ, основаннаго на завѣщаніяхъ и договорахъ. И дѣйствительно, духовенство скрѣпляетъ своимъ участіемъ всевозможные завѣщанія и договоры. Оно поддерживаетъ въ этихъ случаяхъ предержащую власть и только. Въ противность мнѣнію Соловьева, оно въ XII вѣкѣ, нерѣдко, отдаетъ предпочтеніе племяннику передъ дядей, а въ XIV—дядѣ передъ племянникомъ, по той простой причинѣ, что въ первомъ случаѣ предержащею властью является племянникъ, а во второмъ—дядя. По смерти Ивана Ивановича великое княженіе добываетъ въ Ордѣ не сынъ его, а братъ, Дмитрій Константиновичъ Суздальскій. Что дѣлаетъ митрополитъ Алексій? Хотя лѣтописецъ и говоритъ, что новый князь сѣлъ «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ», но митрополитъ при-

знаетъ его и благословляетъ на княженіе *). Такимъ образомъ, съ благословенія митрополита на великое княженіе садится не сынъ умершаго князя, а его дядя, какъ въ древней Россіи, и великое княженіе изъ старшей линіи переходитъ въ младшую. Какъ возвратилось великое княженіе въ родъ старшей линіи Ярослава Всеволодовича, къ сыну умершаго Ивана Ивановича? Проф. Знаменскій говоритъ: митрополитъ Алексій помогъ Дмитрію удержать великокняжеское достоинство, несмотря на соперничество его старшаго родича, Дмитрія Суздальскаго (66). Иначе объясняетъ это Соловьевъ: бояре московскіе, говоритъ онъ, купили ему ярлыкъ на великое княженіе (III, 336). И это объясненіе надо принять. Въ памятникахъ нѣтъ указаній на то, чтобы митрополитъ Алексій помогалъ Дмитрію Ивановичу удержать за собой вел. княженіе, да и вопросъ шелъ не объ удержаніи, а о пріобрѣтеніи вновь. При молчаніи же памятниковъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права навязывать митрополиту участіе въ доставленіи Дмитрію Ивановичу великокняжескаго стола: онъ призналъ Дмитрія Константиновича Суздальскаго и, конечно, остался ему вѣренъ. Въ другомъ положеніи находились московскіе бояре, они пользовались правомъ вольной службы и имъ не было ни малѣйшей надобности признавать Дмитрія Константиновича великимъ княземъ; совершенно наоборотъ: вступленіе его на великое княженіе было имъ не выгодно. У Дмитрія Константиновича были свои бояре, которымъ онъ, конечно, и роздалъ кормленія, бывшія до того времени за москви-

*) Такъ Карамзинъ IV, 181. Это, конечно, его выводъ изъ лѣтописныхъ разсказовъ объ этомъ событіи и совершенно вѣрный. Лѣтописи говорятъ, что новый великій князь въѣхалъ «въ Володимеръ... и тогда при немъ, въ Володимери пресвященный Алексѣй митрополитъ постави въ Новѣградѣ Алексѣя архиепископомъ». Никон. Митрополитъ, слѣдовательно, не оказалъ никакого противодѣйствія новому вел. князю. А изъ того, что онъ исполняетъ функціи своей власти въ присутствіи князя, слѣдуетъ, что и новый князь совершенно доволенъ митрополитомъ. Значитъ, митрополитъ его призналъ и благословилъ.

чами. У московскихъ бояръ были сильныя побужденія противодѣйствовать Дмитрію Константиновичу, у митрополита никакихъ. Московскіе бояре и доставили Дмитрію Ивановичу великое княженіе.

Въ 1446 году вел. князь московскій, Василій Васильевичъ, былъ измѣнически схваченъ Дмитріемъ Шемякою, лишенъ свободы и ослѣпленъ. За небольшимъ исключеніемъ, всѣ служивые люди Василія Васильевича перешли на сторону Шемяки и цѣловали къ нему крестъ. Шемяка сдѣлался, такимъ образомъ, предержащею властью. Но у него были нѣкоторыя опасенія за будущее: сыновья великаго князя, Иванъ и Юрій, находились на свободѣ. Они нашли преданнаго слугу въ князѣ Иванѣ Ряполовскомъ и со многими людьми затворились въ Муромѣ. Надо было примириться съ ними и привлечь къ себѣ ихъ сторонниковъ. Митрополита въ то время не было. Въ 1433 году вел. князь Василій Васильевичъ и соборъ епископовъ избрали въ это званіе рязанскаго епископа Іону, но онъ не получилъ посвященія въ Константинополѣ и былъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ только въ 1448 году. Къ посредничеству этого то избраннаго въ митрополиты епископа и обратился Дмитрій Шемяка. Новый великій князь просилъ епископа поѣхать въ Муромъ, взять дѣтей Василія Васильевича «на свой патрахель» и привезти къ нему. За эту услугу онъ обѣщалъ Іонѣ митрополичью каѳедру, а бывшему великому князю свободу и вотчину «доволну, какъ мощно имъ быти со всѣмъ». Епископъ Іона на эти условія согласился, поѣхалъ въ Муромъ и уговорилъ князей Ряполовскихъ примириться съ Шемякою и отвезти къ нему дѣтей низложеннаго вел. князя. Такимъ образомъ, совершившійся фактъ былъ признанъ епископомъ и послѣдніе сторонники Василія Васильевича перешли на сторону Дмитрія Шемяки. Московское великое княженіе снова перешло не къ сыну, а въ линію младшаго брата великаго князя.

Но Дмитрій обманулъ и епископа и Ряполовскихъ. Дѣ-

тей Василія Темнаго онъ заключилъ въ одну тюрьму съ отцомъ, а Ряполовскихъ хотя почтилъ обѣдомъ и одарилъ, но «мало».

Эта вопіющая измѣна своему слову, невольнымъ участникомъ которой Шемяка сдѣлалъ епископа, извѣстнаго святостью своей жизни, возбудила противъ новаго великаго князя всеобщее неудовольствіе. Ряполовскіе стали строить планы съ цѣлью освобожденія великаго князя Василія; епископъ Іона осыпалъ Дмитрія упреками. «Неправду еси учинилъ, говорилъ онъ ему, а меня еси ввелъ въ соромъ и грѣхъ! Князя ти было великаго выпустить, а ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ: а мнѣ еси далъ свое правое слово, а они мене послушали, и нынче язъ во всей лжи! Выпусти его, сведи съ моея души и своея! А что можетъ онъ учинити безъ вѣка? А дѣти его малы. А еще его укрѣпи крестомъ честнымъ да и нашею братьею владыками». Воскр.

Великій князь, Дмитрій Шемяка, рѣшилъ, наконецъ, послѣдовать совѣту св. Іоны, дать свободу Василію Темному и надѣлить его особымъ удѣломъ. Это свое жалованье Шемяка облекъ въ чрезвычайно торжественную форму. Онъ отправился въ Угличъ, гдѣ бывшій вел. князь находился въ заключеніи, въ сопровожденіи всѣхъ епископовъ, и честныхъ архимандритовъ, и игумновъ. Освобожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и низложеніе великаго князя въ удѣльные сопровождалось большимъ пиромъ, въ которомъ приняли участіе «всѣ епископы земли русскіе, и бояре мнози, и дѣти боярскія».

При такой обстановкѣ исполнилъ новый великій князь совѣтъ рязанскаго епископа укрѣпить Василія Васильевича «крестомъ честнымъ и нашею братьею, владыками». Итакъ, не одинъ епископъ Іона укрѣпилъ своимъ согласіемъ переходъ великаго княженія отъ старшей линіи къ младшей, но и всѣ епископы русской земли. Что они дѣлали? Они подчинялись предержащей власти.

Въ томъ же году(1446) Василій Темный возвратилъ себѣ великое княженіе. Ночью, въ самый день Рождества Хри-

стова, воины его внезапно овладѣли Москвой. Намѣстникъ Дмитрія Шемяки едва успѣлъ убѣжать изъ церкви, гдѣ онъ слушалъ заутреню; намѣстникъ же Ивана Можайскаго попалъ въ плѣнъ. Такъ совершилось возстановленіе Василія Темнаго на великомъ княженіи. Кто это сдѣлалъ? Проф. Знаменскій говоритъ: «Во время всей этой усобицы, духовенство крѣпко стояло за великаго князя, всѣми силами содѣйствуя побѣдѣ Москвы. Св. Іона неизмѣнно дѣйствовалъ въ пользу Василія, несмотря на то, что Шемяка усердно старался привлечь его къ себѣ, много его честилъ и, завладѣвъ Москвой, ввелъ его въ полное управленіе дѣлами митрополіи» (73). Источники говорятъ совершенно другое. Мы видѣли уже, что всѣ епископы русскіе признали фактъ низложенія Василія Васильевича и перехода великаго княженія къ Дмитрію Шемякѣ. Не могли же они вслѣдъ за этимъ признаніемъ начать интриговать противъ новаго вел. князя и содѣйствовать Василію Темному овладѣть Москвой. Василій Темный возстановилъ свои права на вел. княженіе не при помощи духовенства, а при содѣйствіи военной силы, русской и татарской. Чрезвычайно любопытный и даже трогательный разсказъ объ этомъ можно прочитать въ Воскресенской лѣтописи.

Но какъ только Василій Васильевичъ снова сдѣлался пребержащею властью, все духовенство опять стало на его сторонѣ. Завладѣвъ Москвой, вел. князь направилъ свои войска противъ Дмитрія Шемяки и принудилъ его къ миру, по которому Шемяка отказался отъ вел. княженія и далъ на себя проклятыя грамоты. Несмотря на этотъ миръ, Шемяка не думалъ успокоиться, онъ не исполнилъ принятыхъ на себя договоромъ обязательствъ и началъ замышлять новыя козни противъ Василія Васильевича. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ вел. князь обратился къ суду духовенства, которое и оказало ему энергическую поддержку. Всѣ находившіеся въ Москвѣ, въ декабрѣ 1447 года, епископы, архимандриты, игумены, священно-иноки и священники собрались на соборъ, разсмотрѣли жалобу вел.

князя и написали Шемякѣ посланіе, въ которомъ исчисляютъ всѣ его неправды, убѣждаютъ исправиться и угрожаютъ отлученіемъ отъ церкви, если онъ не исполнитъ принятыхъ на себя обязательствъ. Такъ какъ Дмитрій Юрьевичъ, несмотря на увѣщанія духовенства, не исправился согласно крестному цѣлованію, то его постигло отлученіе. Кромѣ соборнаго посланія, мы имѣемъ еще нѣсколько посланій митрополита Іоны по тому же вопросу. Шемяка продолжалъ замышлять противъ великаго князя и съ этою цѣлью набирать себѣ сторонниковъ; митрополитъ нашелъ поэтому нужнымъ написать посланіе ко всѣмъ «князьямъ, панамъ и боярамъ, и намѣстникамъ, и воеводамъ, и всему купно христоименитому Господню людству». Указывая на неисполненіе Шемякою крестныхъ грамотъ, онъ убѣждаетъ всѣхъ и каждаго, во избѣжаніе кровопролитія, поступать на службу къ вел. князю, а не къ Шемякѣ. Въ посланіи къ новогородскому епископу митрополитъ доказываетъ, что отлученнаго отъ церкви Шемяку епископъ не можетъ называть «сыномъ» своимъ. Оказывая дѣятельную поддержку предержащей власти, митрополитъ не высказываетъ, однако, никакихъ новыхъ взглядовъ на власть вел. князя. Отношенія вел. князя къ удѣльнымъ остаются по прежнему договорными и «неисправленіе» Шемяки заключается въ томъ, что онъ дѣйствуетъ несогласно съ заключеннымъ договоромъ. Въ грамотахъ собора и митрополита нѣтъ ни малѣйшаго намека на единство политической власти, на единодержавіе *). Иначе оцѣниваетъ содержаніе соборнаго посланія проф. Иконниковъ. «Въ первыхъ строкахъ посланія, говоритъ онъ, духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно сравниваетъ

*) А. И. I № 40, 43, 53, 56; А. Э. I. № 372. Въ посланіи митрополита къ псковичамъ проводится таже мысль о подчиненіи князю на основаніи договора. «А на чемъ есте, сынове, рекли къ нашему сыну, а къ своему отчичу и дѣдичу, къ великому князю, и въ томъ бы есте къ нему о всемъ правили и стояли въ томъ». А. И. I № 61, 1458.

грѣхъ отца Шемяки—Юрія, стремившагося захватить великокняжескій престолъ, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе сравниться съ божествомъ; Шемяку, за ослѣпленіе вел. князя, сравниваетъ съ братоубійцами, Каиномъ и Святополкомъ. Точнѣе взглядъ духовенства опредѣляется словами: «кому дано что отъ Бога, того не можетъ отнять у него никто» (326). Гдѣ же тутъ мысль о единодержавіи? Полагаемъ, она совершенно отсутствуетъ. А тамъ, гдѣ почтенный авторъ усматриваетъ наиболѣе точное ея выраженіе, содержится признаніе какъ разъ обратнаго, т. е. многодержавія. Какъ вел. князю Богомъ дано великое княженіе, такъ удѣльному—удѣльное. И то и другое, слѣдовательно, навѣки неприкосновенно. Съ такими взглядами мы никогда не пришли бы къ единодержавію. Но духовенство иначе и смотрѣть не могло.

Мысль о томъ, что духовенство способствовало утвержденію новыхъ воззрѣній на существо княжеской власти имѣетъ свой зародышъ также въ трудѣ Соловьева. Въ IV т. его исторіи читаемъ: «Намъ не нужно повторять здѣсь сказаннаго выше о могущественномъ содѣйствіи св. Алексія московскимъ князьямъ въ утвержденіи ихъ власти надъ другими князьями» (303). Эта мысль получила свое дальнѣйшее развитіе въ двухъ трудахъ, почти единовременно увидавшихъ свѣтъ: въ сочиненіяхъ проф. Николаевскаго и проф. Иконникова. Проф. Николаевскій проводитъ мысль о томъ, что русское духовенство заботилось объ утвержденіи самодержавной власти въ русской землѣ (93 и сл.). Проф. Иконниковъ указываетъ на источникъ этихъ новыхъ воззрѣній на власть. По его мнѣнію, они пришли къ намъ изъ Византіи. «Въ Византіи, говоритъ онъ, выработывается теорія господственнаго значенія свѣтской власти въ отношеніи къ духовной, и въ такомъ видѣ она перешла въ Россію» (368). «Тѣмъ же путемъ распространились въ Россіи и новыя понятія о верховной власти: ихъ вноситъ въ русское общество византійское духовенство, у котораго вполнѣ заимствуетъ русское» (369). «Полнымъ представителемъ этой системы

былъ Іоаннъ IV, который отчетливо и сознательно формулируетъ ее въ своихъ посланіяхъ къ Курбскому» (370). Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе выражаетъ эту мысль проф. Дьяконовъ. Въ предисловіи къ своему изслѣдованію о власти московскихъ государей онъ говоритъ: «Въ настоящее время не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи». Оба послѣднихъ автора приписываютъ духовенству не только содѣйствіе къ утвержденію въ Россіи самодержавной власти, о чемъ говоритъ проф. Николаевскій, но иниціативу введенія ея, оно заноситъ къ намъ самую идею самодержавія. Но между ними есть и разница. Проф. Иконниковъ не называетъ собственнымъ именемъ тѣ новыя начала власти, которыя принесены къ намъ изъ Византіи. Онъ знакомитъ съ ними своего читателя путемъ намека: это то, о чемъ говоритъ Грозный въ перепискѣ съ Курбскимъ. Проф. Дьяконовъ выражается прямо: позаимствована самая идея самодержавія. Есть и другое различіе. У проф. Иконникова духовенство не единственная причина измѣненій во власти московскихъ государей; онъ отдаетъ должное и татарамъ и находитъ вѣрнымъ замѣчаніе Карамзина, сказавшаго: «Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ» (318). Эта двойственность въ той формѣ, въ какой почтенный авторъ говоритъ о вліяніи Византіи, не очень послѣдовательна, но, конечно, ближе къ истинѣ. Проф. же Дьяконовъ въ московскомъ самодержавіи видитъ явленіе однопричинное и ничего не знаетъ о вліяніи ордынскихъ «царей» на власть московскихъ государей.

Вышеприведенное замѣчаніе Соловьева, конечно, должно быть принято. Духовенство, выводя свѣтскую власть отъ Бога, несомнѣнно усиливало ее. Митрополиты, имѣя одну резиденцію съ великимъ княземъ московскимъ, однимъ этимъ фактомъ сожительства возвышали его власть передъ другими князьями. Эта близость къ московскому князю, натурально, заставляла ихъ поддерживать его въ борьбѣ съ удѣльными. Они освобождали этихъ послѣднихъ отъ кре-

стныхъ цѣлованій ко всѣмъ другимъ князьямъ и благословляли ихъ союзы съ московскими великими князьями; въ случаѣ же нарушенія этихъ союзовъ, они предавали ихъ анаѳемѣ. Это дѣлалъ и митрополитъ Алексій, что и имѣетъ въ виду Соловьевъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ. Но митрополитъ Алексій отправляется отъ договорныхъ началъ и караетъ отлученіемъ за неисполненіе крестныхъ цѣлованій и никакихъ новыхъ мыслей объ отношеніяхъ удѣльныхъ князей къ великимъ не высказываетъ. Эти отношенія и послѣ митрополита Алексія продолжаютъ оставаться договорными.

Совсѣмъ на другую почву становится протоіерей Николаевскій, приписывая духовенству утвержденіе въ Россіи самодержавія. Отъ духовнаго писателя, автора прекраснаго очерка о русской проповѣди въ XV и XVI вѣкѣ, мы, конечно, не можемъ требовать, чтобы, говоря о вліяніи духовенства на развитіе самодержавія, онъ отправлялся отъ точныхъ понятій о самодержавіи и былъ знатокомъ русской политической исторіи. Авторъ, дѣйствительно, не даетъ опредѣленія термина самодержавіе, который онъ встрѣчаетъ въ памятникахъ, и не идетъ въ глубь разслѣдованія фактовъ свѣтской исторіи, которыхъ ему приходится касаться. Вслѣдствіе этого весь его отдѣлъ о вліяніи духовенства на власть московскихъ государей представляется смутнымъ по постановкѣ вопроса и мало доказательнымъ по существу.

Сказавъ, что русское духовенство заботилось объ утвержденіи самодержавной власти въ Русской землѣ, почтенный авторъ продолжаетъ: О митрополитѣ Іонѣ читаемъ, что онъ (съ архіепископомъ новогородскимъ) тотчасъ по изгнаніи хана ногайскаго, «завѣщастася испросити у Бога, яко отнынѣ ордынстіи царіе не имутъ одолѣти рустѣй державѣ, и велиціи князи къ тому не имутъ ходити въ Орду на поклоненіе къ царемъ, но самодержавно да царствуютъ въ отечествіи, си въ Русстѣй землѣ, одолѣвая противныхъ, и сугубо прорекоша великой Ордѣ разореніе и русскому царству распространеніе» (93). Вотъ мѣсто, въ которомъ употреб-

ленъ терминъ самодержавіе. Но въ какомъ смыслѣ: въ смыслѣ абсолютной власти вообще, или въ какомъ другомъ? Здѣсь рѣчь идетъ не объ абсолютной власти вообще, а о національной и независимой отъ Орды и только. Если подъ самодержавіемъ авторъ разумѣетъ національную власть, онъ доказалъ свою мысль; если абсолютную—онъ ошибается. Что онъ собственно имѣетъ въ виду, этого онъ не высказываетъ, но, кажется, абсолютную.

Непосредственно за приведенной цитатой авторъ продолжаетъ: «Предшественникъ митрополита Іоны, Фотій, выбралъ княземъ малолѣтняго сына Василіева, стараясь утвердитъ власть въ одномъ домѣ; онъ больше дѣйствовалъ своими личными убѣжденіями и самъ ѣздилъ въ Галичъ, чтобы примирить удѣльныхъ князей и склонить ихъ признать власть московскаго государя».

Здѣсь сохраненіе великаго княженія въ старшей линіи Дмитрія Донского приводится въ доказательство содѣйствія духовенства къ утвержденію самодержавія. Но допустимъ, что это одно и тоже; посмотримъ только, правильно ли приведены факты.

Василій Васильевичъ не былъ выбранъ Фотіемъ въ преемники своего отца, а получилъ великое княженіе отъ отца по соглашенію съ братьями. Мы имѣемъ три духовныхъ завѣщанія Василія Дмитріевича. Первое было написано еще до пріѣзда грека Фотія изъ Византіи въ Москву. Въ немъ вел. князь говоритъ о своемъ старшемъ сынѣ, Иванѣ, какъ предполагаемомъ наслѣдникѣ въ великомъ княженіи. Слѣдовательно, мысль о переходѣ великаго княженія въ нисходящей линіи старшаго сына Дмитрія Донскаго была присуща Василію Дмитріевичу и до пріѣзда Фотія въ Москву. Но предполагаемый наслѣдникъ умеръ прежде отца; великій князь написалъ новое завѣщаніе, въ которомъ прямо уже отказываетъ великое княженіе сыну Василію. Сына своего Василія, княгиню и остальныхъ дѣтей князь поручаетъ заботамъ великаго князя Витовта, родныхъ своихъ братьевъ: Андрея, Петра и Константина, и троюродныхъ: Сергѣя и Ярослава

Владиміровичей, «по ихъ докончанью, какъ они рекли». Что это такое? Это изстари практиковавшійся у насъ порядокъ. Князь не довольствуется составленіемъ завѣщанія въ пользу своихъ сыновей, но укрѣпляетъ его договоромъ съ другими князьями, которые обязываются быть исполнителями воли завѣщателя и охранителями интересовъ его наслѣдниковъ. Это вѣковая практика. Фотій тутъ рѣшительно не причемъ. По установившемуся порядку онъ дастъ свое благословеніе и только. Онъ точно также далъ бы свое благословеніе, если бы великій князь отказалъ свое княженіе не сыну, а брату.

Василію Дмитріевичу удалось склонить въ пользу своего завѣщанія трехъ родныхъ братьевъ и двухъ троюродныхъ, но старшій его братъ, Юрій, въ этомъ соглашеніи участія не принялъ. Это значитъ, что онъ оставилъ за собой свободу предъявить права на великое княженіе и начать съ племянникомъ войну. По смерти Василія Димитріевича новый вел. князь по соглашенію съ митрополитомъ, дядями, дѣдомъ Витовтомъ и со всѣми князьями и боярами земли своей рѣшилъ вступить въ мирные переговоры съ дядею Юріемъ. Посломъ къ нему въ Галичъ былъ отправленъ митрополитъ Фотій. Несмотря на почотный пріемъ, оказанный Фотію, ему не удалось склонить Юрія къ отказу отъ своихъ притязаній. Юрій, провожая митрополита, сказалъ ему: «Пошлю о миру къ великому князю бояръ своихъ». Эти послы были присланы въ Москву и заключили миръ на томъ, что Василій Васильевичъ и Юрій передадутъ свой споръ на рѣшеніе «царя», т.-е. въ Орду. Въ Ордѣ же дѣло было рѣшено въ пользу Василія, но представителемъ и защитникомъ его интересовъ былъ не Фотій, а бояре. Роль Фотія во всемъ этомъ дѣлѣ оказывается чрезвычайно скромною. Онъ не только не выбиралъ князя на московскій престолъ, но даже не могъ помѣшать переносу вопроса о наслѣдствѣ на судъ ордынскаго царя.

Затѣмъ авторъ приводитъ мысли, выраженныя въ посланіи старца псковского Елеазарова монастыря о замѣнѣ павшаго Рима и Константинополя русскимъ царствомъ, или о

Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ. Съ этой точки зрѣнія русскій государь представляется браздодержателемъ всѣхъ престоловъ и во всей поднебесной единственнымъ христіанскимъ царемъ, а московская Успенская церковь—«одна во всей вселенной свѣтится лучше солнца вмѣсто церквей римской и константинопольской» (95).—Распространеніе такихъ мыслей должно было въ значительной мѣрѣ способствовать возвеличенію значенія Москвы и русской царской власти, но онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ установленію и утвержденію какой либо опредѣленной формы правленія.

На слѣдующей, 96 стр., читаемъ: «Голосъ русскаго духовенства въ пользу самодержавія царской власти раздавался съ большею и большею силою по мѣрѣ того, какъ сама царская власть пріобрѣтала фактическое значеніе въ государствѣ. Каждая новая побѣда... давала поводъ говорить о ней, какъ о новомъ доказательствѣ милости Божіей къ вел. князю, новомъ свидѣтельствѣ истинности и законности его помазанія на русское царство». И затѣмъ приводится выдержка изъ письма протоіерея Сильвестра, написаннаго по поводу взятія Казани: «Нынѣ царь нашъ, Иванъ Васильевичъ, говоритъ Сильвестръ, уподобися царю Константину... Казань разори... и христіанство насади... и аще убо Константина вспомянухомъ, подобаетъ и царя Давида на среду привести... Сколько подобно ему пострадалъ отъ враговъ царь Иванъ, но и онъ, подобно Давиду, поступалъ съ нами кротко», и т. д. Во всемъ письмѣ ни слова о самодержавіи. Изъ предшествующаго же мы знаемъ, что протоіерей Сильвестръ даже вовсе не былъ сторонникомъ самодержавія въ смыслѣ абсолютной власти, а является первымъ виновникомъ формальнаго ограниченія власти царя.

Ссылки такого рода свидѣтельствуютъ о несовсѣмъ ясномъ представленіи автора о существѣ самодержавія и ровно ничего не доказываютъ.

Проф. Иконниковъ беретъ на себя задачу указать на самую причину измѣненій во власти московскихъ государей;

онъ полагаетъ, что «теорія свѣтской власти утверждается у насъ на византійскихъ преданіяхъ, духовномъ авторитетѣ и источникахъ византійской письменности» (370). Нельзя сказать, чтобы приведенное положеніе отличалось большой опредѣленностью. Слѣдовало бы выяснить, о какой это теоріи свѣтской власти говоритъ почтенный авторъ. Полное выраженіе этой теоріи онъ находитъ въ посланіяхъ Ивана Грознаго къ Курбскому. Необходимо было также выяснить и теорію Грознаго; авторъ дѣлаетъ выписки изъ его посланій, но не формулируетъ самой теоріи. Трудно понять, далѣе, что разумѣетъ авторъ, говоря, что теорія Грознаго утверждается на духовномъ авторитетѣ. Какой это духовный авторитетъ? Авторитетъ духовныхъ властей? Но мы знаемъ, что именно Грозный энергически возставалъ противъ господства поповъ въ государствѣ.

Еслибы авторъ говорилъ о какой-либо опредѣленной теоріи, напримѣръ, о теоріи божественнаго происхожденія власти, мы бы къ нему совершенно присоединились. Но онъ не беретъ на себя задачи выяснить теорію Грознаго въ томъ видѣ, какъ она высказана имъ въ перепискѣ съ княземъ Андреемъ Курбскимъ, и приписываетъ все, что царь Иванъ Васильевичъ говорилъ тамъ о существѣ своей власти, вліянію византійскихъ преданій и памятниковъ византійской письменности. Вотъ съ этимъ никакъ нельзя сосласиться.

Иванъ Грозный говоритъ не о божественномъ только происхожденіи своей власти; онъ говоритъ еще и о томъ, что онъ долженъ самъ управлять своимъ государствомъ и не давать властвовать надъ собой своимъ рабамъ. Къ кому относится это выраженіе? Возражая Курбскому, царь не его только имѣлъ въ виду, а всю «избранную раду», которая ограничивала его властъ. Курбскій въ письмѣ къ царю, вызвавшемъ его отвѣтное посланіе, противополагаетъ прежнее его правленіе — пресвѣтлое — нынѣшнему, когда царь сдѣлался гонителемъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Царь понялъ, что Курбскій отдаетъ хвалу времени, когда господствовала рада, а

потому въ своемъ отвѣтѣ много разъ обращается съ порицаніемъ къ радѣ и рѣшительно высказываетъ мысль, что онъ долженъ самъ править государствомъ, а не подчиняться совѣтникамъ. Эту теорію почтенный авторъ, надо полагать, тоже выводитъ изъ Византіи, такъ какъ ея вліянію приписываетъ онъ всѣ мысли, формулированныя Грознымъ въ посланіяхъ къ Курбскому. А это нуждается въ особомъ доказательствѣ, такъ какъ есть достаточное основаніе сомнѣваться въ византійскомъ происхожденіи идеи личнаго у насъ управленія князя. Личное управленіе князя есть исконное явленіе нашей исторіи: князь изначала призывался для суда и управленія и, обыкновенно, судилъ и управлялъ самъ. Не личное управленіе, на сторонѣ котораго стоитъ Грозный, есть новость, а управленіе, ограниченное совѣтомъ и введенное къ намъ Сильвестромъ и Адашевымъ, есть новость. Откуда взяли идею такого управленія члены избранной рады, въ числѣ которыхъ были и многіе представители духовенства, этого мы не знаемъ; но, если вѣрить Ивану Грозному, они позаимствовали ее изъ Византіи. Вотъ какую выдержку приводитъ проф. Иконниковъ изъ письма Грознаго: «Какъ можетъ назваться самодержцемъ тотъ, кто не самъ управляетъ государствомъ? Пока римскою имперіею управлялъ одинъ Августъ, она была нерушима, но какъ только послѣ Константина В. наступаетъ раздѣленіе власти, Византія распадается и слабѣетъ. Злые совѣтники стараются захватить въ свои руки власть, и греческая имперія, бравшая дань прежде съ другихъ народовъ, теперь сама платитъ ее. Наступаетъ господство латинъ; а потомъ паденіе имперіи. Тамъ цари были послушны совѣтникамъ и привели государство къ погибели» (361). Дополнимъ эту выдержку небольшой выпиской подлинныхъ словъ Грознаго. Указавъ на факты постепеннаго паденія Византіи, онъ обращается съ такимъ воззваніемъ къ Курбскому: «Смотри же убо се и разумѣй, каково правленіе составляется въ разныхъ началахъ и властехъ, и понеже убо тамо (въ Византіи) быша царіе послушны епархомъ и сигклитомъ, и въ какову погибель пріидоша!

Сіе ли убо намъ совѣтуеши, еже къ таковѣ погибели прінти?» (153).

Итакъ, проводя начало личнаго управленія, Грозный вовсе не думаетъ, что онъ переноситъ къ намъ византійскіе порядки; совершенно наоборотъ, въ попыткѣ избранной рады ограничить его власть онъ видитъ подражаніе гибельнымъ примѣрамъ Византіи. Далеко, слѣдовательно, не всѣ теоріи Грознаго можно выводить «изъ византійскихъ преданій и источниковъ византійской письменности». У этого государя было слишкомъ много своеобразнаго, чего никакъ нельзя объяснить простымъ заимствованіемъ. Почтенный историкъ останавливается на посланіяхъ Грознаго и въ нихъ видитъ воплощеніе византійскихъ теорій; но вовсе не беретъ въ соображеніе правительственной практики московскаго государя, а въ данномъ вопросѣ это имѣетъ большое значеніе. Какими византійскими преданіями можно объяснить, напримѣръ, учрежденіе опричнины или вѣнчаніе на московское царство Семена Бекбулатовича не въ качествѣ второго, младшаго царя, что бывало въ Византіи, а единственнаго, и съ переходомъ настоящаго царя въ положеніе подданнаго?

На точкѣ зрѣнія заимствованія стоитъ и профес. Дьяконовъ въ своемъ сочиненіи о «Власти московскихъ государей», но въ отличіе отъ своего предшественника онъ ясно и опредѣленно называетъ то, что мы взяли изъ Византіи. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи». Почтенный авторъ не доказываетъ въ своемъ изслѣдованіи факта позаимствованія и не объясняетъ, что разумѣетъ онъ подъ самодержавной властью, самая идея которой была позаимствована. Нельзя требовать, чтобы авторъ доказывалъ положенія, которыя онъ считаетъ безспорными; но можно пожалѣть, что онъ не указалъ, кто довелъ его положеніе до состоянія безспорности. Мы, по крайней мѣрѣ, не нашли въ литературѣ, пред-

шествующей появленію въ свѣтъ его книги, обстоятельнаго рѣшенія этого вопроса въ нужномъ для автора смыслѣ. Также нельзя не пожалѣть, что авторъ не объясняетъ, въ какомъ смыслѣ употребляетъ онъ слово самодержавіе. Изъ разныхъ мѣстъ его книги можно вывести, что подъ самодержавіемъ онъ разумѣетъ неограниченную, абсолютную власть. Такимъ образомъ, власть московскихъ государей характеризуется признакомъ абсолютизма, занесеннаго изъ Византіи. Такъ ли это? Что власть московскихъ государей идетъ, постоянно возростая, это фактъ общепризнанный и не подлежащій никакому сомнѣнію; но что она можетъ быть характеризована опредѣленнымъ признакомъ абсолютизма, это положеніе далеко не такъ ясно и просто, какъ думаетъ почтенный авторъ. Затронутый въ краткой замѣткѣ г. Дьяконова вопросъ представляется чрезвычайно сложнымъ.

Но прежде чѣмъ разъяснять нашу мысль, остановимся на одномъ предварительномъ вопросѣ. Идея московскаго самодержавія, говорятъ намъ, позаимствована изъ Византіи. А что было въ Византіи?

Римскіе императоры языческой эпохи соединяли въ своихъ рукахъ абсолютную власть. По lex regia все, что было угодно и нравилось императору, имѣло силу закона: Quidquid principi placuit, legis habet vigorem. Положеніе это не было отмѣнено и въ христіанскую эпоху; но съ признаніемъ христіанства государственной религіей, оно потерпѣло на практикѣ существенное ограниченіе. Принявъ христіанство, признавъ его догматы, установленные на вселенскихъ соборахъ, сдѣлавшись защитниками и покровителями православной вѣры, императоры ограничили собственную свою волю. Они не могли предписывать свою догму, вмѣсто догмы, признанной церковью; они не могли отмѣнять догматы, признанные вселенскими соборами и ихъ предшественниками. Но христіанство даетъ намъ не одно только ученіе вѣры, оно даетъ и ученіе нравственности. Византійскіе императоры, ставъ покровителями истинной вѣры, сдѣлались въ тоже время и обязательными покровителями христіанской нрав-

ственности. Только языческіе императоры были абсолютны во всѣхъ дѣлахъ и могли установлять даже поклоненіе такимъ богамъ, какіе имъ нравились; съ принятіемъ христіанства языческій абсолютизмъ свѣтской власти сдѣлался невозможенъ въ христіанскомъ государствѣ.

Эти понятія объ ограниченной свѣтской власти греческое духовенство должно было принести и къ намъ. Признавая одну церковь и одного царя, покровителя церкви, оно должно было смотрѣть на русскую свѣтскую власть, какъ на сугубо ограниченную: митрополита русской земли нельзя было ни поставить, ни смѣнить безъ согласія византійскаго императора.

Московскіе государи были еще менѣе абсолютны, чѣмъ византійскіе императоры. Великій князь Иванъ Васильевичъ ѣздилъ въ Симоновъ монастырь просить прощенья у митрополита Геронтія за неправильный споръ о хожденіи по солнцу во время освященія Успенскаго собора и не былъ въ состояніи провести желательную ему экспропріацію части церковныхъ имуществъ. Царь Иванъ Грозный приступилъ къ исправленію Судебника дѣда своего, испросивъ предварительно благословеніе духовнаго собора, и также не былъ въ состояніи обратить часть церковныхъ имуществъ на потребности государства. Алексѣй Михайловичъ, въ своемъ столкновеніи съ Никономъ, нашелъ нужнымъ обратиться къ суду восточныхъ патріарховъ и оправдывался передъ ними въ обвиненіяхъ, которыя выставилъ противъ него Никонъ.

Мы далеки отъ мысли отрицать вліяніе Византіи на строй государственной жизни древней Россіи. Внося къ намъ идею божественнаго происхожденія власти, духовенство много способствовало возвеличенію достоинства свѣтской власти; но проводить идею языческаго абсолютизма оно не могло по самому свойству своего ученія.

Но есть и другіе пункты, съ точки зрѣнія которыхъ тоже оказывается неприложимой къ власти московскихъ государей идея абсолютизма. Московскимъ государямъ была чужда мысль, что законъ есть то, что имъ нравится, что

онъ есть дѣло ихъ произвола. Они жили въ вѣками установленномъ порядкѣ и руководились въ своихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ стариной, освященной временемъ, давнимъ обычаемъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ назначаетъ своимъ наслѣдникомъ внука, а не второго сына, потому, что это старина, идущая отъ его прародителей Сынъ его, великій князь Василій, дѣлаетъ отказъ въ пользу жены своей, «какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ... отцовъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло». Слѣдуетъ быть тому, что было прежде. Такъ же разсуждаетъ и Иванъ Грозный. Онъ желаетъ исправить изданный его дѣдомъ Судебникъ и проситъ духовенство благословить его на исправленіе Судебника «по старинѣ». Свою власть въ томъ видѣ, какъ онъ проявлялъ ее послѣ низложенія избранной рады, онъ также не считаетъ новостью, дѣломъ своего усмотрѣнія: это власть, унаслѣдованная отъ предковъ, это та самая власть, которая принадлежала великому князю Владиміру Святому, просвятившему русскую землю святымъ крещеніемъ, Владиміру Мономаху, Александру Невскому, Дмитрію Донскому, и, наконецъ, дѣду и отцу великаго князя. Московскіе порядки второй половины XVI в. не созданы Грознымъ; такова его точка зрѣнія.

Вѣками сложившіеся порядки московскіе государи не находили возможнымъ отмѣнять своею волею, хотя бы они имъ и не нравились. Таковы, напримѣръ, порядки вольной службы и мѣстничества служилыхъ людей. Много терпѣлъ отъ права свободнаго отъѣзда великій князь Василій Темный; не нравилось это право и сыну его, Ивану Васильевичу; но ни тотъ, ни другой князь не нашли возможнымъ отмѣнить это право своимъ указомъ. Московскіе государи ведутъ борьбу съ отдѣльными служилыми людьми, замышляющими отъѣздъ, обвиняютъ ихъ въ измѣнѣ и сажаютъ въ тюрьму, гдѣ и держатъ до тѣхъ поръ, пока они не добьютъ челомъ о прощеніи, но права отъѣзда въ принципѣ они не касаются и не отмѣняютъ его; оно вымираетъ, не будучи отмѣнено.

Право мѣстничества несомнѣнно ограничиваетъ власть московскихъ государей. Московскіе служилые люди обязаны служить, но ихъ нельзя назначать на какое царю угодно мѣсто. Ихъ надо или назначать согласно ихъ отеческой чести, или вовсе не назначать; отъ назначенія, несогласнаго съ ихъ отеческой честью, они имѣютъ право отказаться. И вотъ это ограниченіе царской власти существуетъ въ XIV, XV, XVI и XVII вѣкѣ. Отмѣняется оно только въ 1682 году, но какъ? Приговоромъ собора духовенства и служилыхъ людей, а не однимъ царскимъ указомъ.

Характеризовать власть московскихъ государей постояннымъ признакомъ абсолютизма на всемъ пространствѣ многовѣкового существованія московскаго государства—едвали можно. Власть московскихъ государей находится въ процессѣ постояннаго возрастанія. Съ каждымъ царствованіемъ она все болѣе и болѣе высвобождается изъ тѣхъ узъ, которыя опутывали ее въ древности. Но она и въ XVII вѣкѣ не доходитъ до сознанія своей неограниченности и не считаетъ нужнымъ сдѣлать какое-либо законодательное опредѣленіе своихъ полномочій. Единственное исключеніе представляетъ Иванъ Грозный, этотъ душевнобольной философъ на престолѣ. Но и онъ не даетъ законодательныхъ опредѣленій власти московскихъ государей, а рисуетъ лишь свой идеалъ христіанскаго царя. Въ отвѣтномъ посланіи къ Курбскому онъ излагаетъ свой взглядъ на происхожденіе и существо принадлежащей ему власти*). Взглядъ этотъ сложился подъ вліяніемъ двухъ мотивовъ: христіанскихъ идей и отечественной практики. Въ первую половину царствованія Грознаго избранная рада ограничивала его власть. Это нововведеніе удержалось въ нашей практикѣ не долго, но оставило тяжелый слѣдъ въ воспоминаніяхъ царя. Отвѣчая Курбскому, онъ имѣетъ въ виду не его только, а всю раду, и отзывается о ней съ крайнимъ озлобленіемъ. Онъ честитъ членовъ ея наименованіемъ рабовъ и собакъ, въ дѣйствіяхъ

*) Приводимъ страницы по 3-му изданію.

ихъ видитъ измѣну: они хотѣли подчинить царя своей волѣ и погубить его. Эту личную точку зрѣнія необходимо имѣть въ виду при разъясненіи взглядовъ Грознаго.

Царь исходитъ изъ той христіанской мысли, что «земля правится Божіимъ милосердіемъ, и Пречистыя Богородицы милостью, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводами» 156. Изъ этого божественнаго міроправленія возникаетъ для христіанскаго государя задача привести подданныхъ своихъ къ познанію истинаго Бога: «Тщу же ся, говоритъ царь, со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ бранеи и строптиваго житія да престанутъ, ими же царствія растлѣваются. Се ли убо горько и тьма, яко отъ злыхъ престати и благая творити?» 169.

Таковъ христіанскій идеалъ царя по взгляду Ивана Грознаго. Этотъ Богомъ поставленный царь, имѣющій цѣлью дать торжество христіанской истинѣ, самъ управляетъ своимъ государствомъ, а не подчиняется своимъ совѣтникамъ, этимъ собакамъ и измѣнникамъ, которые хотѣли его погубить. Христіанскій государь свободенъ жаловать и казнить своихъ подвластныхъ, не спрашивая мнѣнія своихъ совѣтниковъ, и такъ было всегда въ Россіи (170). Но эти казни и милости не произволъ. Русскіе государи благимъ воздаютъ благое, а злымъ—злое (189). Они казнятъ только злодѣевъ, но злодѣевъ нигдѣ не любятъ и не милуютъ. Мукъ же, гоненій и смертей многообразныхъ ни на кого не умышляютъ (157).

Рисуя идеалъ христіанскаго царя, Иванъ Грозный употребляетъ въ своемъ посланіи и терминъ самодержавіе. Конечно, онъ не анализируетъ понятія самодержавіе. Но можемъ ли мы упрекнуть его за это, если ученые конца XIX вѣка не считаютъ нужнымъ останавливаться на разъясненіи этого понятія? Несмотря на молчаніе Грознаго о понятіи самодержавія, мы все же можемъ выяснить себѣ до нѣкоторой степени его взглядъ. Признавая, что земля правится

Божіимъ милосердіемъ и что государи призваны вести народъ свой къ познанію христіанской истины, онъ, конечно, не можетъ понимать подъ самодержавіемъ абсолютную власть. Принадлежащая ему власть имѣетъ уже предустановленную цѣль, отъ которой онъ отступить не можетъ. Быть самодержавнымъ въ предѣлахъ этой цѣли по Грозному значитъ управлять самому, а не въ зависимости отъ бояръ и вельможъ. «Россійское самодержавство, говоритъ царь, изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи» (141). И въ другомъ мѣстѣ: «Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честью почтенну быти, властію же ни чѣмъ же лучше быти раба? А се ли тьма, яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? Яко же рече апостолъ Павелъ, къ галатомъ пиша: Въ нѣколько лѣтъ наслѣдникъ есть младенецъ, ничимъ же есть лучше раба, но подъ повелитьльми и приставники есть, до нарока отча. Мы же, благодатію Христовою, дойдохомъ лѣтъ нарока отча, и подъ повелительми и приставники быти намъ не пригоже» (149). Самодержавіе Грознаго, приравненное къ совершеннолѣтію, обозначаетъ самостоятельность власти, по отношенію къ совѣтникамъ, боярамъ и вельможамъ, а не право обращать въ законъ всякое свое желаніе.

Въ томъ же смыслѣ самостоятельности, но по отношенію къ чуждой власти ордынскихъ царей, слово это употреблено и составителями степенной книги въ приведенномъ уже выше мѣстѣ (стр. 396). Въ этомъ же смыслѣ независимости царской власти отъ иноземцевъ употребляется оно и въ актахъ объ избраніи Василія Шуйскаго на царскій престолъ. Въ записи, разосланной боярами во всѣ города для приведенія подданныхъ къ присягѣ новому царю, онъ называется самодержцемъ; а между тѣмъ тѣ же бояре предложили новоизбранному царю ограничительныя условія, которыя имъ и приняты. Такимъ образомъ самодержавіе и ограниченіе

существуютъ рядомъ *). Самодержавіе въ данномъ случаѣ можетъ означатъ только національную власть, неподчиняющуюся никакому иноземному господству. Еще большія ограниченія царской власти предложены были королевичу Владиславу и имъ приняты, а между чѣмъ и вновь избранный государь называетъ себя самодержцемъ и избравшіе его бояре чествуютъ его тѣмъ же титуломъ **). И здѣсь, надо думать, словомъ самодержавіе хотятъ указать на независимость новаго государя отъ его отца, польскаго короля, а не на неограниченность власти. Таково словоупотребленіе XVI и начала XVII вѣка. Понятіемъ самодержавія обозначается національная русская власть, свободная отъ всякаго подчиненія иноземной силѣ.

Терминъ самодержецъ, конечно, есть переводъ съ греческаго—αυτοκρατωρ. Русскіе князья познакомились съ нимъ въ византійскихъ памятникахъ, въ патріаршихъ грамотахъ, напримѣръ, въ которыхъ онъ примѣнялся къ византійскимъ императорамъ, и сами первоначально чествовали этимъ титуломъ государей Византіи, а потомъ уже, по ихъ примѣру, стали примѣнять его и къ себѣ. Но при этомъ наши предки, конечно, не вдавались ни въ какой анализъ того, что собственно этотъ титулъ значитъ и соединяются ли съ нимъ какія права и какія именно. Поэтому и оказалось возможнымъ соединять съ титуломъ самодержца ограниченія царской власти. Московскіе великіе князья позаимствовали у митрополитовъ титулъ великихъ князей всея Руси, не сдѣлавшись всероссійскими (см. I т. Рус. юр. древн. стр. 79), и у византійскихъ императоровъ титулъ самодержца, не сдѣлавшись абсолютными.

Но возвратимся къ Ивану Грозному. По низложеніи избранной рады была учреждена опричнина и началась эпоха жестокихъ казней. Но, проливая кровь злодѣевъ и

---

*) На это было уже указано профес. Ключевскимъ въ его Боярской думѣ.

**) Рум. собр. II № 141, 144, 254, 263, 272—4, 276, 277; 1606—1612.

измѣнниковъ, Иванъ Грозный осуществлялъ не свою только личную волю, онъ заручился согласіемъ народа. Вотъ какъ это было.

Безпорядки и разореніе, причиненные боярами и вельможами, совѣтниками царя, были такъ велики, что государь не нашолъ возможнымъ оставаться долѣе на престолѣ. «Бояре и всѣ приказные люди, такъ начинаетъ онъ исчисленіе боярскихъ измѣнъ, его государства людемъ многіе убытки дѣлали, и казны его государскія тощили, а прибытковъ его казнѣ государьской ни которой не прибавливали. Также бояре его и воеводы земли его государьскіе себѣ розъимали и другомъ своимъ раздавали, и держали за собою бояре и воеводы помѣстья и вотчины великія, и жалованья государьскія кормленыя емлючи, и собравъ себѣ великія богатства, и о государѣ и о его государствѣ нехотя радѣти, и отъ недруговъ его, отъ крымского и отъ литовского, и отъ нѣмецъ не хотя крестіянства обороняти, наипаче же крестіяномъ насиліе чинити, и сами отъ службы учали удалятися.....; и въ чемъ онъ, государь, бояръ своихъ и всѣхъ приказныхъ людей, также и служилыхъ людей, князей и дѣтей боярскихъ похочетъ которыхъ въ ихъ винахъ поналазати, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, сложась съ бояры, и съ дворяны, и съ дьяки, и со всѣми приказными людьми, почали по нихъ же государю царю и великому князю покрывати. И царь и государь и великій князь, отъ великіе жалости сердца, не хотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти, оставилъ свое государьство и поѣхалъ гдѣ вселитися, идѣже его, государя, Богъ наставить».

Итакъ, измѣны бояръ, ихъ хищенія и насилія и невозможность прекратить установившееся такимъ образомъ безпорядочное управленіе, такъ какъ и духовенство соединилось съ боярствомъ и не давало царю казнить виновныхъ, заставили его оставить свое государство и уѣхать изъ Москвы, и царь уѣхалъ со всѣмъ семействомъ 3 декабря 1564 года.

Народъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ ужасъ и смятеніе и сталъ просить митрополита «бить челомъ государю и царю и великому князю, чтобы надъ ними милость показалъ, государьства не оставлялъ, и ихъ на расхищеніе волкамъ не давалъ, наипаче же отъ рукъ сильныхъ избавлялъ. А кто будетъ государскихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, и они за тѣхъ не стоятъ, и сами тѣхъ потребятъ».

Съ этимъ народнымъ челобитьемъ духовенство поѣхало въ Александровскую слободу, гдѣ находился царь. «Челобитье же государь царь и великій князь архіепископовъ и епископовъ принялъ на томъ, что ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣны ему, государю, дѣлали и въ чемъ ему государю были не послушны, на тѣхъ опала своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати; а учинити ему на своемъ государствѣ себѣ опришнину»... Рус. ист. библ. III, 248 и сл.

Это договоръ царя съ народомъ, а не актъ неограниченной власти: царь соглашается на народное челобитье, онъ остается на престолѣ и будетъ выводить измѣну; народъ, съ своей стороны, не будетъ защищать измѣнниковъ; духовенство отказывается отъ своего права печалованія. Послѣ такого соглашенія и началась эпоха казней.

Наконецъ, укажемъ и на то, что Ивану Грозному принадлежитъ первый опытъ созванія земскихъ соборовъ, хотя и въ очень несовершенной формѣ. Сдѣланный Грознымъ опытъ вызвалъ подражаніе у государей XVII вѣка. Къ соборамъ обращались Михаилъ Ѳедоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ. При содѣйствіи соборовъ московское государство оправилось отъ тяжелыхъ послѣдствій смутнаго времени, Алексѣй Михайловичъ издалъ Уложеніе, Ѳедоръ Алексѣевичъ отмѣнилъ мѣстничество. Эта соборная практика прибавляетъ новую черту къ понятію самодержавія московскихъ государей. Къ сожалѣнію, г. Дьяконовъ не доводитъ своего труда до конца. Въ сочиненіи, посвященномъ изслѣдованію вопроса о власти московскихъ государей, авторъ не нашолъ нужнымъ говорить о власти

государей XVII вѣка. Такимъ образомъ, возникшія въ началѣ XVII вѣка попытки формальныхъ ограниченій этой власти остаются внѣ его кругозора, также не касается онъ и самостоятельныхъ обращеній московскихъ государей къ содѣйствію земскихъ соборовъ. Остается, такимъ образомъ, совершенно неразъясненнымъ вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся эти особенности московскаго самодержавія къ идеѣ самодержавія, заимствованной изъ Византіи и также не разъясненной.

Что же даетъ намъ г. Дьяконовъ въ своемъ изслѣдованіи о власти московскихъ государей? Онъ относится къ своей задачѣ съ величайшей скромностью. «Детальное выясненіе того положенія, что идея самодержавной власти заимствована изъ Византіи, еще ждетъ своего изслѣдователя», говоритъ онъ. «Не обладая спеціальной подготовкой византиниста, авторъ не беретъ на себя такой работы». Въ ожиданіи, «онъ находитъ не лишнимъ дать читателю возможность оріентироваться въ вопросѣ такой существенной важности». Съ этою цѣлью онъ даетъ сводъ результатовъ, добытыхъ уже ученою критикою. То новое, что «удалось автору прибавить къ выводамъ ученой критики, не измѣняетъ ихъ существеннаго содержанія».

Дѣйствительно, мы находимъ у него тщательное изложеніе вопросовъ, затронутыхъ предшествующей литературой о богоустановленности власти, о должномъ почитаніи властей, объ отвѣтственности князей и царей, объ обязанности ихъ охранять православіе, о царскомъ титулѣ и царской чести, о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, о первенствѣ московскихъ государей предъ государями всего міра и т. д. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? За исключеніемъ проф. Иконникова, никто изъ предшественниковъ нашего автора не ставитъ вопроса о происхожденіи идеи самодержавія, а потому, сколько бы онъ ни слагалъ вмѣстѣ выводы ихъ ученой критики, никогда не получится отвѣта на возбужденный имъ вопросъ.

Почтенный авторъ даетъ прекрасный сводъ ученій о

богоустановленности власти. Но развѣ этимъ доказывается заимствованіе идеи самодержавія? Конечно, нѣтъ: Богомъ установлена всякая власть, а не самодержавная только.

Особое вниманіе посвящаетъ авторъ проповѣди духовенства о подчиненіи властямъ; но вѣдь это не есть проповѣдь абсолютизма: духовенство проповѣдуетъ необходимость подчиненія власти православныхъ государей, государей-покровителей церкви. Проповѣдь Іосифлянъ не представляетъ исключенія. Митрополитъ Даніилъ, типическій представитель этого направленія, дѣлаетъ все угодное для свѣтской власти, но съ тѣмъ, чтобы она не прикасалась къ интересамъ церкви, не поднимала вопроса о ея недвижимостяхъ и т. д. Это—раздѣленіе власти между царемъ и духовенствомъ, а не проповѣдь безусловнаго подчиненія свѣтской власти *)

Фикція о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, давно извѣстна нашей литературѣ и давно получила совершенно правильную оцѣнку. Профес. Успенскій въ мастерски написанной статьѣ о томъ, какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, говоритъ: «Изъ московской теоріи (о Москвѣ — третьемъ Римѣ) сдѣлано было остроумное примѣненіе къ возвеличенію царскаго достоинства. Въ Степенной книгѣ появляется родословіе, берущее корни отъ Августа и доказывающее родственныя связи между домомъ Рюриковичей и Юліевъ. Затѣмъ стали искать и нашли другія основанія сблизить русскую царскую власть съ императорскою». И далѣе авторъ приводитъ сказаніе о шапкѣ Мономаха и другихъ регаліяхъ, яко бы полученныхъ изъ Греціи. Вотъ и все, что можно сказать о значеніи этой фикціи: она послужила къ возвеличенію власти и только. Г. Дьяконовъ,

---

*) Въ изслѣдованіи Жмакина о митрополитѣ Даніилѣ находимъ такое опредѣленіе основного принципа волоколамской школы: «Подчиненіе церковной власти авторитету власти государственной подъ условіемъ сохраненія всѣхъ существующихъ правъ и привилегій церкви». 130.

можетъ быть, видитъ именно въ ней средство переноса «идеи»? Это надо было бы выяснить и доказать, такъ какъ само собой это не разумѣется. Прекрасную критику этой фикціи о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, находимъ у проф. Жданова. «Нарождалось въ Москвѣ что-то новое и небывалое, говоритъ онъ о времени Ивана Васильевича и его сына, Василія. Книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому опредѣленную форму, стиль которой отвѣчалъ историческому кругозору и литературному вкусу ихъ времени. Придавать этой формѣ самостоятельное значеніе, видѣть въ этихъ сказаніяхъ о Прусѣ и третьемъ Римѣ указаніе на византійское начало, вносившееся въ русскую государственную жизнь, утверждать, что московскій князь дѣйствительно преобразовывался въ «каѳолическаго царя», значило бы придавать слишкомъ мало цѣны русскимъ историческимъ преданіямъ государственнымъ и церковнымъ. Можно ли думать, что среди русскихъ людей откроется какое-то особенное увлеченіе византійскими идеалами, какъ разъ въ то время, когда государственный строй, ихъ воплощавшій, терпѣлъ крушеніе, когда византійскому царству пришлось выслушать суровый историческій приговоръ?» *).

Идетъ рѣчь въ книгѣ г. Дьяконова и о принятіи царскаго титула Иваномъ Грознымъ. Еще за 12 лѣтъ до появленія его книги въ свѣтъ по поводу принятія царскаго титула высказался г. Лебедевъ въ своей статьѣ о Макаріи, митрополитѣ всероссійскомъ. Онъ полагаетъ, что и до принятія титула власть царя была уже неограниченной, и говоритъ: «Титулъ царя ничего не прибавилъ къ неограниченной его власти.» Это, конечно, совершенно вѣрно: титулъ не могъ произвести и не произвелъ никакого измѣненія въ существѣ власти. Да онъ далеко и не новый.

Когда же, кѣмъ и какъ заимствована идея самодержавія? Не рѣшаютъ этого вопроса предшественники г. Дьяконова,

*) Русскій былевой эпосъ, изслѣдованія и матеріалы. 1895. 114. Здѣсь же и любопытныя указанія на происхожденіе этой фикціи.

не рѣшаетъ его и онъ. Къ тому, что было намъ раньше извѣстно, онъ прибавилъ только свою вѣру въ позаимствованіе идеи изъ Византіи, не болѣе.

Мы отрицаемъ и самый вопросъ. Наша исторія ставитъ не этотъ, а совершенно другой, она ставитъ вопросъ о причинахъ постояннаго роста и усиленія у насъ царской власти. На этотъ вопросъ давно обратили вниманіе наши историки и, кажется намъ, правильно на него отвѣтили. Это явленіе многопричинное. Ростъ царской власти обусловливается: 1) ученіемъ духовенства о божественномъ происхожденіи власти; 2) проповѣдью духовенства о повиновеніи и покореніи властямъ. Это двѣ самыхъ древнихъ причины. Дѣйствіе ихъ началось съ принятія христіанства. Съ возникновенія Московскаго удѣла къ этимъ причинамъ присоединяется 3-я, переносъ метрополіи въ Москву, сдѣлавшій этотъ городъ религіознымъ центромъ Россіи. Пребываніе митрополита въ Москвѣ выгодно отличило московскаго князя отъ всѣхъ другихъ; а естественная съ этого времени близость его съ митрополитомъ и масса общихъ интересовъ должны были способствовать усиленію его власти. Въ своихъ собственныхъ интересахъ митрополитъ долженъ былъ поддерживать вел. князя московскаго. Въ 4-хъ, имѣетъ значеніе и причина, отмѣченная Карамзинымъ въ извѣстномъ выраженіи: Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ. Въ 5-хъ, политика такихъ московскихъ государей, какъ Дмитрій Донской, Иванъ Васильевичъ, его сынъ и внукъ. Благодаря ихъ генію и дальнозоркости, возникаетъ идея недѣлимости великаго княженія, княжеская казна наполняется деньгами, границы Московскаго государства расширяются и получается возможность установить обязательную службу помѣщиковъ и вотчинниковъ. Въ 6-хъ, надо признать и мысль Соловьева: для возвышенія московскихъ князей надъ другими «нужна была помощь преданій имперіи: эти-то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ». Но мысль эта мало у него разработана и, можетъ быть, не совершенно-

точно выражена. Иванъ Васильевичъ и до брака на греческой царевнѣ пользовался не меньшею властью, чѣмъ послѣ брака; пріѣздъ греческой царевны могъ, однако, произвести перемѣну во внѣшней обстановкѣ жизни московскихъ государей, а это могло способствовать возвеличенію ихъ власти въ глазахъ народа. Въ 7-хъ, прекращеніе династіи Рюриковичей и всенародное избраніе новой, положило конецъ удѣламъ и навсегда закрѣпило мысль объ единомъ государства и единомъ царѣ. Благодаря этому, власть царей новой династіи поднимается на высоту недостижимую для царей династіи Рюриковичей.

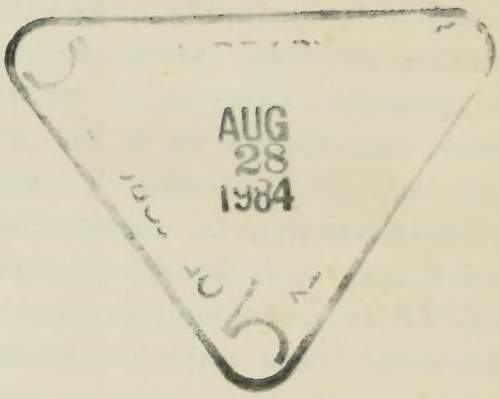
Власть московскихъ государей является результатомъ вѣковой работы нашей исторіи, а не «позаимствованіемъ» чего-то изъ Византіи.

Въ неисчерпаемой сокровищницѣ 29 томовъ исторіи Соловьева, изъ которой долго еще будутъ черпать свои знанія наши историки, находимъ и еще одну мысль, которая полюбилась даже писателямъ славянофильскаго направленія. Это мысль о томъ, что у насъ, въ отличіе отъ Запада, не было борьбы между государствомъ и церковью. Въ IV т. Соловьева читаемъ: «Митрополиты русскіе не стараются получить самостоятельное, независимое отъ свѣтской власти существованіе. Пребываніе въ Кіевѣ, среди князей слабыхъ, въ отдаленіи отъ сильнѣйшихъ, отъ главныхъ сценъ политическаго дѣйствія, всего лучше могло бы дать имъ такое существованіе; но Кіевъ не становится русскимъ Римомъ: митрополиты покидаютъ его и стремятся на сѣверъ, подъ покровъ могущества гражданскаго... значеніемъ, которое получаютъ здѣсь митрополиты, значеніемъ, которое придаютъ имъ сами князья, митрополиты вовсе не пользуются для утвержденія своего вліянія, своего господства надъ князьями... какъ то дѣлывалось на Западѣ; напротивъ, стараются какъ можно скорѣе усилить одного князя на счетъ всѣхъ другихъ».. 325.

Возникаетъ мнѣніе о коренномъ различіи въ отношеніяхъ государства и церкви у насъ и на Западѣ.

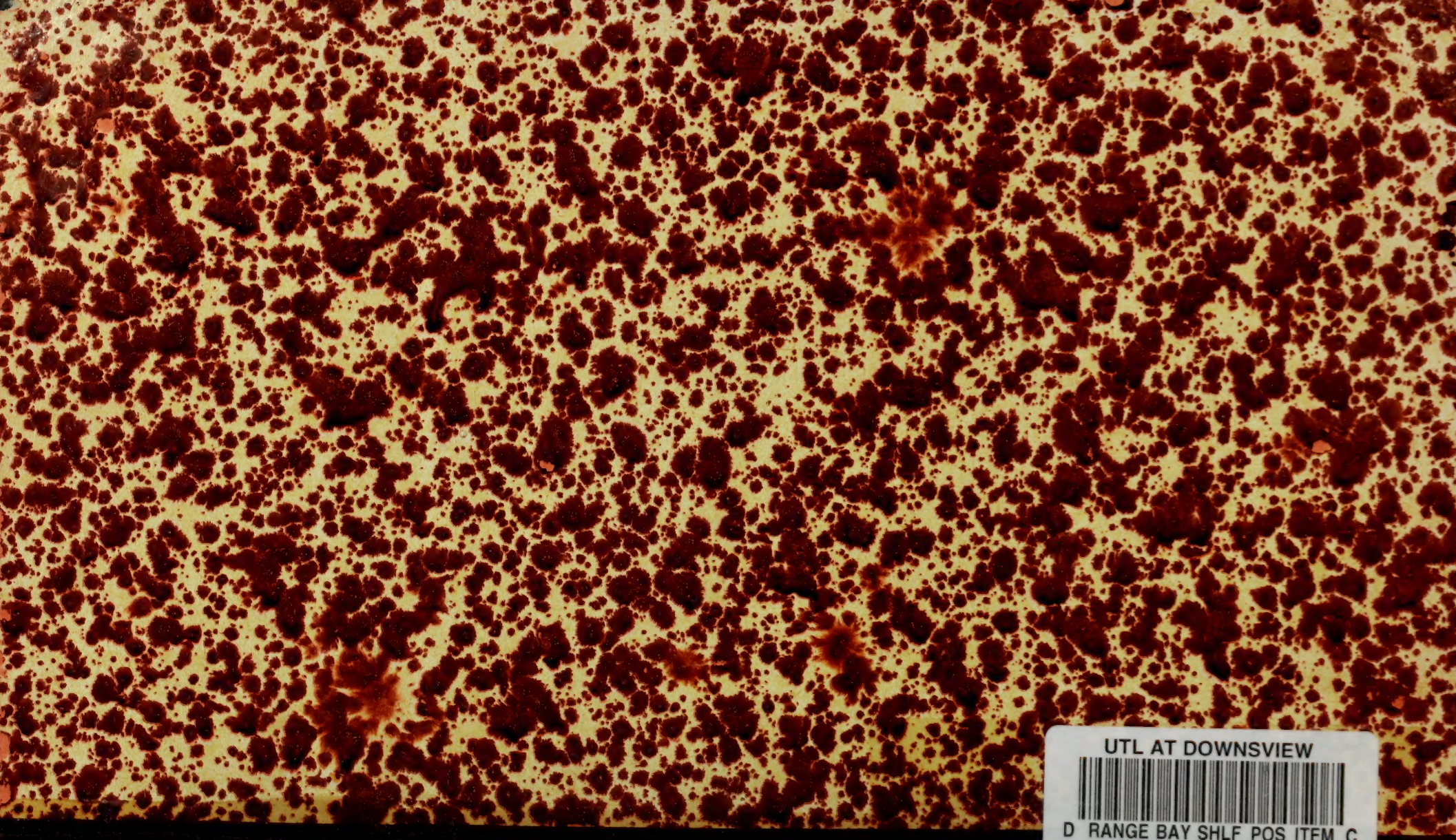
Кіевскіе митрополиты дѣйствительно переселяются на сѣверъ послѣ татарскаго погрома; но вовсе не потому, чтобы находили нужнымъ бѣжать отъ самостоятельности и власти, какія могли бы обрѣсти, оставаясь въ Кіевѣ. Кіевъ, главный городъ небольшой кіевской волости, разоренный и опустошенный татарами, не имѣетъ ни малѣйшей аналогіи съ Римомъ, центромъ древняго міра, вѣковому господству котораго привыкли подчиняться народы Европы, Азіи и Африки. Митрополиты перебрались на сѣверъ потому, что онъ представлялъ болѣе замиренное мѣсто жительства. Они искали не власти, которой можно было бы подчиниться, а власти, на которую можно было бы опереться. И такою властью оказались ханы ордынскіе, а не московскіе князья, какъ полагаетъ Соловьевъ, говоря о стремленіи митрополитовъ на сѣверъ, подъ покровъ могущества гражданскаго. Этотъ покровъ русское духовенство нашло у иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Первый русскій митрополитъ, поставленный послѣ разоренія Кіева, Кириллъ, учреждаетъ православную епископію въ столицѣ хановъ и получаетъ отъ Менгу Темира жалованную грамоту, ограждающую права духовенство на вѣчныя времена. Черное духовенство и бѣлое, а также сыновья и братья послѣдняго (живущіе въ одномъ домѣ) освобождаются отъ всякихъ даней и повинностей денежныхъ и натуральныхъ. Церковныя земли и люди объявляются неприкосновенными. На церковныхъ людей, къ которымъ причислены мастера и всякіе слуги и работники, не могутъ быть возложены никакія службы и работы свѣтскими властями. Всѣ принадлежности богослуженія объявлены неприкосновенными. За хулу противъ православной вѣры возвѣщена смертная казнь. Тоже наказаніе угрожаетъ и за всякое нарушеніе предоставленныхъ духовенству привилегій. Рум. Собр. II № 2. Съ такимъ ярлыкомъ въ рукахъ русское духовенство не только было независимо отъ мѣстной княжеской власти, но даже ограничивало ее. Нетолько татар-

скіе баскаки, но и русскіе князья не могли облагать духовенство повинностями, не могли касаться его водъ и земель, не могли проявлять свою власть надъ его слугами и работниками. Переселеніе митрополитовъ на сѣверъ совпадаетъ съ моментомъ формальнаго признанія полной независимости духовенства отъ русской свѣтской власти. Это привилегированное положеніе вспоминалось нашему духовенству еще въ XVI вѣкѣ. Когда при вел. князѣ Иванѣ Васильвичѣ былъ возбужденъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, духовный соборъ, обсуждавшій этотъ вопросъ, въ своемъ отвѣтѣ царю, между прочимъ, говоритъ: «Мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ св. церквей и отъ свящ. мѣстъ ничто же не имаху, и недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути, и судити, или поколебати... и зѣло по св. церквахъ побораху, не токмо въ своихъ странахъ, но и въ Руссійскомъ вашемъ царствіи, и ярлыки давали» (Карамзинъ, VI, пр. 622). Независимое положеніе, упроченное за духовенствомъ ханскими ярлыками XIII вѣка, служитъ ему средствомъ въ борьбѣ съ московскими вел. князьями даже въ XVI-мъ. Можетъ показаться страннымъ и даже мало вѣроятнымъ, что татары способствовали возвышенію и княжеской власти и власти духовенства. А между тѣмъ это такъ было. Такими то извилистыми путями шла наша исторія.


AUG
28
1984

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY



UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 01 14 05 012 9